

ИНЖЕНЕРЫ КОЛЬЦА

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОЙ ФАНТАСТИКИ

ИНЖЕНЕРЫ КОЛЬЦА

2015 ©

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ • ДЕТЕКТИВ

ИНЖЕНЕРЫ КОЛЬЦА

Фантастические романы

НИЖНИЙ
НОВГОРОД
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ФЛОКС»
1994

ББК 84.7 США
И 62

Иллюстрации В. ВАСИЛЬЕВОЙ

Форзацы В. АНА

На обложке использованы работы Б. ВАЛЬЕХО

Инженеры Кольца: Фантастические романы./Пер. с англ.
И 62 М. А. Кабалина, И. Е. Невструева.— Нижний Новгород,
«Флокс»; 1993.— 505 с.: ил.

ISBN 5-87198-062-7

В сборник вошли одно из самых знаменитых произведений У. Ле Гуин «Левая рука тьмы», получившее высшие премии в области фантастики — «Хьюго» и «Небьюла», — и продолжение прославленного романа «Мир-Кольцо» Ларри Найвена «Инженеры Кольца».

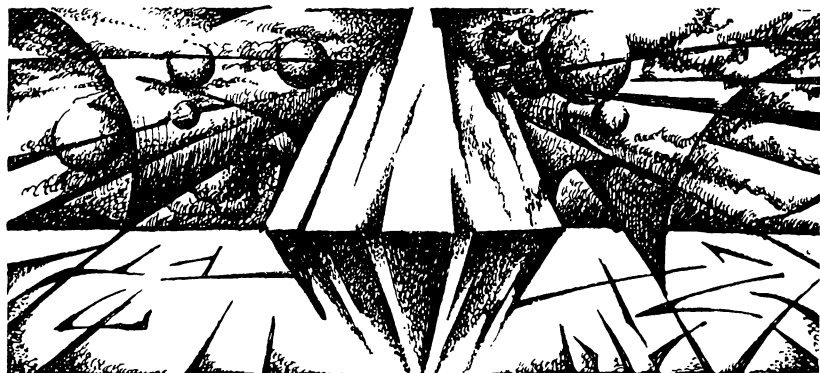
И 4703030100—004
Д40(03)-94 без объявл.

ББК 84.7 США

ISBN 5-87198-062-7

© Составление, оформление, перевод издательство «Флокс», 1994

Урсула Ле Гуин

ЛЕВАЯ РУКА ТЬМЫ

1. ПРАЗДНЕСТВО В ЭРГЕНРАНГЕ

Из архивов Хайна. Запись астрограммы 01-0101-9342 Гетен.

*К стабилю на Оллюл. Рапорт от Генли Ая,
первого мобиля на Гетене (Зиме), цикл Хайнский 93,
год Экуменический 1490-97*

Я хочу придать моему рапорту форму повествования, потому что, когда я был еще ребенком на своей родной планете, мне объяснили, что правда — всего лишь вопрос воображения. Самый неоспоримый факт может либо обратить на себя внимание, либо бесследно исчезнуть, и все это — в зависимости от формы, в которой он был изложен. Точно так же, как та единственная в своем роде органическая драгоценность наших морей сияет на одной женщине, а на другой теряет свой блеск и рассыпается в прах. Факты ничуть не более реальны и вещественны, чем жемчужины. Они так же чувствительны и уязвимы.

Это повествование — рассказ не только обо мне, и не только я буду его вести. Честно говоря, я не знаю точно, чье именно это повествование. Я предоставляю судить об этом вам самим. Дело в том, что история эта есть нечто цельное и неделимое, и если в некоторых местах вам покажется, что факты изменяются в зависимости от личности рассказчика, то выберите из них те, которые покажутся вам наиболее подходящими. Однако не забывайте при этом, что все факты — подлинны, они составляют единое целое и объединены одной историей.

Начинается она в сорок четвертый день 1491 года, который на планете Зима, в стране, именуемой Кархид, носит название «одхар-хахар тува», или на двадцать второй день третьего месяца весны года первого. Здесь, на Зиме, всегда первый год. Зато в день Нового года изменяется нумерация всех предшествующих и всех последующих лет, отсчитываемых назад и вперед от года, который начинается.

Итак, была весна первого года в столице Кархида, Эргенранге, и жизнь моя находилась в опасности, о чем я пока не знал.

Я участвовал в торжественном шествии и шел сразу же за госсиворами, прямо перед самим королем. И шел дождь.

Низко нависшие тучи над темными башнями, дождь, заливающий узкие ущелья улиц, исхлестанный бурями каменный город, через который медленно тянется одна-единственная золотая нить процессии.

В начале ее — богатые торговцы, денежные тузы и состоятельные ремесленники города Эргенранга, шеренга за шеренгой, ослепительно пышно разодетые, шествуют под проливным дождем с не-принужденностью рыб, обитающих в океане.

Их лица спокойны и жизнерадостны. Они не шагают в ногу — это не военный парад и не подражание ему.

За ними идут мелкие князья, бургомистры и представители-репрезентанты — по одному, по пять, по сорок пять либо по четыреста пятьдесят представителей от каждой области-домена Кархида, — огромная, пышная и нарядная толпа, движущаяся под звуки металлических рогов, высверленных в кости и дереве труб, под чистые звуки электрических флейт. Всевозможные знамена доменов под струями дождя сливаются в разноцветный хаос, смешиваясь с желтыми флажками, которыми обозначен ход процессии, а музыка, сопровождающая отдельные группы ее участников, сталкивается и сплетается путаницей ритмов, эхом отражается в глубоких теснинах каменных улиц.

Дальше идет группа жонглеров с блестящими золотыми шарами, которые они подбрасывают высоко в воздух, ловят и снова подбрасывают, от чего кажется, что в воздухе сияют золотые фонтаны.

Внезапно, будто и в самом деле вспыхнув, золотые шары начинают сверкать еще ярче — это из-за туч выглянуло солнце.

И тотчас же сорок человек в желтых одеяниях затрубили в госсиворы. Госсивор имеет право звучать только в присутствии короля. Звук, который издает госсивор, похож на рев. Сорок же госсиворов, звучащих одновременно, заставляют помутиться сознание, сотрясают башни Эргенранга, вытряхивают из клубящихся туч последние капли дождя. Если такова королевская музыка, то нет ничего удивительного в том, что все короли Кархида — безумцы.

Все дальше движется королевская процессия: советники и сенаторы, канцлер, послы, придворные и стража. Никто не шагает в ногу и не следит за равнением в рядах, но все движутся с большим достоинством, а среди них — король Аргавен XV, в белом суконном камзоле, белой полотняной рубашке и коротких штанах из желто-оранжевой кожи и остроконечной желтой шапке. Его единственное украшение, оно же символ королевской власти, — золотой перстень. Следом за этой группой восемь крепких прислужников несут украшенный желтыми сапфирами королевский портшез, в котором на

протяжении столетий не сидел ни один король, — это церемониальная реликвия давно минувших веков. Рядом с портшезом шагают восемь гвардейцев, вооруженных пищалями — таким же анахронизмом еще более варварского прошлого, но уже не пустыми, а заряженными пулями из мягкого металла. Следовательно, за королем следует смерть. За нею идут ученики ремесленных школ и коллегий, а также дети Королевского Очага — длинные шеренги детей и подростков в белых, красных, золотых и зеленых одеждах. Шествие замыкают несколько медленно и бесшумно движущихся темных автомобилей.

Королевский кортеж, к которому принадлежал и я, столпился на помосте из свежеструганных досок около незаконченной арки Речных ворот. Празднество происходит по случаю окончания постройки этой арки, завершающей Новую Дорогу и Речной Порт Эргенранга, крупную операцию по углублению русла реки и строительству дорог, которая продолжалась пять лет и должна была увековечить правление Аргавена XV в анналах Кархида.

Мы стоим на помосте, довольно тесно столпившись в нашем промокшем великолепии. Дождь прекратился, нас освещает солнце, великолепное, ослепительное, предательское солнце Зимы.

— Жарко. Действительно жарко, — обращаюсь я к соседу слева.

Сосед, приземистый темнокожий кархидец с густыми прямыми волосами, одетый в теплый, шитый золотом камзол из зеленой кожи, теплую белую рубаху и такие же штаны, с тяжелой серебряной цепью на шее, состоящей из звеньев шириною с ладонь, обильно потев, отвечает:

— О да!

Вокруг нас, столпившихся на трибуне, огромное количество обращенных вверх лиц жителей города, как отмель из коричневых круглых камешков, поблескивающих, будто крупинками слюды, тысячами внимательных глаз.

Сейчас король вступает на сходню из неоструганных досок, ведущую с помоста к вершине арки, несоединенные колонны которой возвышаются над толпой, берегами и рекой. Это вызывает в толпе движение и громкий шепот:

— Аргавен!

Король не откликается.

Госсиворы откликаются мощным нестройным ревом и умоляют. Тишина. Солнце освещает город, реку, человеческий муравейник на берегу и короля. Строители запустили электрический лифт, и пока король поднимается все выше, последний замыкающий арку каменный блок въезжает наверх и оказывается уложенным на свое место почти бесшумно, хотя весит около тонны, и заполняет проем между двумя камнями, образуя с ними единую дугу. Каменщик с ведром раствора и кельмой ждет на лесах, остальные рабочие

спускаются по веревочным лестницам, как туча блох. Король и каменщик опускаются на колени там, высоко на лесах, между рекой и солнцем. Король берет кельму и начинает класть раствор на края замкового камня. Он не накладывает раствор кое-как и не отдает кельму каменщику, а вполне усердно берется за дело. Раствор, который он кладет, красноватого цвета, вовсе не такой, как во всей остальной постройке, поэтому, пять или десять минут понаблюдав за усердно трудящимся королем блох, я спрашиваю соседа слева, всегда ли замковые камни при строительстве закладываются на красном растворе, потому что этот же цвет я вижу вокруг каждого замкового камня в каждой арке Старого Моста, который так живописно соединяет берега реки неподалеку.

Утирая пот с темного лба, он — я вынужден его назвать «он», поскольку уже назвал его соседом, — отвечает:

— Много лет тому назад замковый камень всегда ставился на растворе из раздробленных костей и крови. Человеческих костей и человеческой крови. Не связанная кровью арка могла бы развалиться. Теперь для этого используется кровь животных.

Он часто так говорит — искренне, но сдержанно, иронически, как бы всегда помня, что я смотрю на все и оцениваю все, как чужой; исключительное явление для представителя столь изолированной цивилизации и государственного деятеля столь высокого ранга. Это один из самых могущественных людей в этой стране. Я не уверен в точном историческом определении его должности — великий визирь, премьер-министр или канцлер. Кархидское слово обозначает буквально «ухо короля». Он — правитель домена и князь, вершитель великих деяний. Зовут его Терем Харт рем ир Эстравен.

Я было обрадовался, что король закончил свою работу в качестве каменщика, но он по паутине лесов проходит под аркой и принимается за работу с другой стороны. У замкового камня ведь два конца. В Кархиде не принято явно выражать свое нетерпение. Люди здесь ни в коей мере не флегматичны, но они упорны, настойчивы и если уж укладывают камень, то укладывают его как следует. Толпы на берегу реки Сесс наслаждаются лицезрением своего короля, работающего каменщиком, но мне скучно и жарко. Никогда еще до сих пор мне не было на Зиме жарко и никогда больше уже не будет жарко, но тогда я не был в состоянии это оценить. Я одет в расчете на климат ледниковой эпохи, а не на жару. На мне несколько слоев одежды: тканевое растительное волокно, искусственное волокно, мех, кожа — непроницаемый панцирь, защищающий от мороза, в котором я сейчас вяну, как лист петрушки. Чтобы развлечься, я рассматриваю толпу зрителей и участников торжества, толпящихся вокруг трибуны, знамена доменов и кланов, неподвижно повисшие и ярко сверкающие на солнце, и от скуки расспраши-

ваю Эстравена, где чье знамя. Он знает все, о чем я спрашиваю, хотя их здесь сотни, — некоторые из очень удаленных доменов, очагов и племен с Бурного Пограничья Перинг и из Керма.

— Я сам из Керма, — говорит он в ответ на мое восхищение его познаниями. — Вообще, мое положение требует хорошего знания доменов. Кархид — это домен. Управлять этой страной — это значит управлять ее князьями, что отнюдь не означает, что это когда-нибудь кому-нибудь удавалось. Вам, наверное, известна поговорка: «Кархид — это не народ, это одна большая семейная склока»?

Я никогда не слышал этой поговорки и подозревал, что Эстравен сам ее только что придумал. Это было бы вполне в его стиле.

В этот момент к нам через толпу протискивается другой член кворрумы, высшей палаты парламента, во главе которой стоит Эстравен, и начинает ему что-то нашептывать. Это королевский кузен, Пеммер Хардж рем ир Тайб. Говорит он шепотом, вся его поза свидетельствует о недостаточном уважении к собеседнику, он усмехается. Эстравен, исходя потом, как лед на солнце, громко отвечает шепчущему Тайбу тоном, ничего не значащая любезность которого делает его собеседника смешным. Прислушиваясь к разговору, я в то же время наблюдаю за работающим королем, но из разговора не понимаю ничего, кроме того, что Тайба и Эстравена разделяет неприязнь и даже вражда. Ко мне это не имеет никакого отношения, меня просто интересует поведение этих двух людей, которые правят своим народом в самом изначальном смысле этого слова и держат в руках судьбы двадцати миллионов других людей: В Экумене, обитаемом море, власть стала чем-то таким трудноуловимым и сложным, что только очень чуткий разум может ощущать ее деятельность. Здесь же она вполне осязаема. В Эстравене, например, власть ощущается как продолжение его характера; он не может ни позволить себе пустого жеста, ни произнести слова, которые будут пропущены мимо ушей. Он знает об этом, и это знание придает ему какую-то особую реальность, какую-то материальность, осязимость, человеческое величие. Успех порождает успех. Я не доверяю Эстравену, чьи побуждения всегда мне неясны. Он не вызывает во мне симпатии, но я ощущаю его авторитет так же несомненно, как ощущаю тепло солнца.

Едва я успеваю об этом подумать, солнце скрывается за вновь надвинувшимися тучами, и вскоре редкий, но сильный дождь начинает двигаться вверх по течению реки, обрызгивая толпы на берегу и затемняя небо. Когда король сходит с лесов, сквозь тучи пробивается последний луч солнца, и белая фигура короля вместе с великолепной аркой какое-то мгновение видны во всем своем блеске и великолепии на фоне темно-синего грозного неба. Громозлятся тучи. Леденящий ветер врывается в улицу, соединяющую порт и Дворец, река становится свинцово-серой, раскачиваются деревья на

берегу. Церемония окончена. Через полчаса начинает идти снег.

Когда королевский автомобиль отъехал по направлению ко Дворцу, толпа зашевелилась, как морские камешки, подталкиваемые приливом. Эстравен снова повернулся в мою сторону и сказал:

— Не хотите ли отужинать со мной сегодня, господин Ай?

Я принял приглашение скорее с удивлением, чем с радостью. Эстравен очень много сделал для меня на протяжении последних шести или восьми месяцев, но я не ожидал и не жаждал такой демонстрации личной симпатии, как приглашение к нему домой. Хардж рем ир Тайб все еще находился неподалеку и, несомненно, должен был это слышать; впрочем, у меня было такое ощущение, что именно в этом-то и было дело. Разочарованный этими дамскими интригами, я сошел с помоста и смешался с толпой, слегка сутулясь и не распрямляя колен при ходьбе. Я не намного выше ростом, чем средний гетенец, но в толпе эта разница сильнее заметна. «Смотрите, смотрите, это он, посланец!» Разумеется, это было неотъемлемой частью моих служебных обязанностей, но по мере того, как время шло, она становилась не легче, а тягостнее. Все чаще тосковал я по анонимности, мне хотелось быть таким, как все. Я прошел немного по Пивоваренной улице, свернул к своему дому и вдруг, когда толпа уже сильно поредела, обнаружил, что рядом со мной идет Тайб.

— Прекрасное празднество, не так ли? — сказал королевский кузен, показывая в улыбке длинные чистые желтые зубы на желтом лице, покрытом густой сеткой мелких морщин, несмотря на то, что он был еще вовсе не стар.

— Хорошее предзнаменование для нового порта, — сказал я, поддерживая начало светской беседы.

— Верно.

Еще одна ослепительная улыбка, еще одна порция зубов.

— Да, да, это действительно так. Эта церемония сохранилась с очень давних времен. Но наверняка князь Эстравен все это вам уже рассказывал.

— Князь Эстравен необыкновенно любезен.

Я старался говорить совершенно бесстрастным тоном, но все, что я говорил Тайбу, приобретало какой-то скрытый смысл.

— О да, несомненно, — сказал Тайб. — Князь Эстравен известен своей любезностью по отношению к чужеземцам. — Он улыбался, и каждый его зуб, казалось, скрывал в себе какой-то смысл — двойной, тройной, многократный; тридцать два комплекта различных смыслов.

— Из всех чужеземцев я самый чужеземный, князь. Поэтому я особенно благодарен за проявленную ко мне любезность.

— Да, несомненно, несомненно. Благодарность — такое благородное и редкое чувство, справедливо воспеваемое поэтами. Особен-

но редкое здесь, в Эргенранге, очевидно, из-за отсутствия условий для его культивации. Нам выпало жить в тяжелые и неблагодарные времена. Мир уже не таков, каким был при наших дедах, не так ли?

— Мне не так много известно об этом, князь, но подобные жалобы я слышал и в других мирах.

Тайб всматривался в меня какое-то мгновение, как бы оценивая степень моего безумия, а потом снова обнажил длинные желтые зубы.

— Ах да, конечно, конечно... Я постоянно забываю, что вы прибыли из иного мира. Но вы, разумеется, никогда об этом не забываете. Хотя, несомненно, ваша жизнь здесь, в Эргенранге, была бы значительно более содержательной, более легкой и более безопасной, если бы вы смогли об этом забыть, не так ли? Да, да. Но вот и мой автомобиль, я велел водителю подождать здесь, в боковой улочке. Охотно бы подвез вас к вашему острову¹, но я вынужден отказать себе в этом удовольствии, потому что мне необходимо сейчас явиться к королю, а бедные родственники, как говорит пословица, обязаны быть пунктуальными. Да, да! — сказал кузен короля, усаживаясь в маленький черный электрический автомобиль, еще раз, уже через плечо, показав мне в улыбке длинные желтые зубы и пряча глаза в густой сетке морщин.

Я направился на свой остров. Сейчас, когда сошел последний снег, из-под него показался палисадник, и зимние двери, находящиеся на высоте трех метров от уровня земли, останутся закрыты на протяжении нескольких месяцев, пока осенью не вернутся глубокие снега. Около боковой стены дома, среди грязи, остатков льда и торопливой мягкой и пышной весенней зелени, беседовали двое молодых людей. Они стояли, держась за руки. Находились они в первой фазе кеммера. Большие мягкие хлопья снега кружились вокруг них, а они стояли босиком в ледяной грязи, с крепко сплетенными руками, поглощенные собой. Весна на Зиме.

Я пообедал на своем острове, и, когда гонги на башне Реммы пробили четыре, я уже был во Дворце, вполне готовый поужинать. Кархидцы едят четыре раза в день: завтрак, второй завтрак, обед и ужин, и кроме того, беспрестанно что-нибудь жуют и грызут в перерывах между едой. На Зиме не водятся достаточно крупные животные, которые поставляли бы мясо или молочные продукты.

¹ Карош, или остров, — наиболее часто употребляемое название дома, в котором квартиры сдаются по найму; в них проживает большинство городского населения Кархида. На острове имеется от 20 до 200 комнат, питаются его обитатели совместно. Некоторые из островов организованы по принципу гостиницы, другие являются кооперативами, третьи объединяют в себе черты обоих этих видов. Они, несомненно, являются городской формой той основополагающей кархидской институции, которой является очаг, хотя, конечно, им недостает пространственной и генеалогической стабильности очага.

Продукты, содержащие в большом количестве белки и углеводы, — это всевозможные яйца, рыба, орехи и хайнское зерно. Низкокалорийная диета при очень суровом климате; следовательно, нужно часто пополнять запасы горючего. Я привык уже, что здесь едят постоянно, чуть ли не через каждые несколько минут. Еще до завершения этого года мне предстояло убедиться, что гетенцы довели до совершенства не только технологию набивания желудков, но и технологию длительного существования на грани голодной смерти.

Снег все еще падал. Ласковая снежная метель, гораздо более приятная, чем безжалостные ливни недавней оттепели. Я добрал до Дворца в тихом белом сумраке, всего лишь один раз сбившись с дороги. Дворец в Эргенранге, в сущности, представляет собой внутренний город, город в городе, окруженный стенами; это лабиринт дворцов, садов, башен, внутренних двориков, монастырей, воздушных галерей, подземных ходов и казематов — творение многовековой паранойи, воплощенное с большим размахом. И над всем этим возвышаются красноватые мрачные затейливые стены Королевского Дома. Этот дом всегда обитаем, но живет там один-единственный человек — сам король. Все остальные: челядь, чиновники, конторщики, князья, министры, послы, стража и кто там еще — живут в других дворцах, фортах, крепостях, бараках или домах в пределах дворцовых стен. Дом Эстравена, символ особого королевского расположения и милости, — это Угловой Красный Дом, построенный четыреста сорок лет тому назад для Хармеса, самого любимого коммеринга Эмрана III, чья необычайная красота вошла в легенды и который был похищен, изуродован и доведен до помешательства наемниками Патриотической Партии. Эмран III умер через сорок лет, ни на миг не прекращая вымещать свое горе на своей стране, — Эмран Несчастный. Трагедия эта так стара, что ее ужасные подробности стерлись в памяти кархидцев, оставив лишь определенную атмосферу подозрительности и меланхолии, таящуюся в стенах и сумрачных тенях этого дома. Сад был невелик и окружен стеной. Над небольшим прудом склоняли свои ветви деревья серем. В тусклых снопах света, падающих из окон, я видел хлопья снега и нитевидные мешочки спор этих деревьев, падающие вместе с ним в черную воду. Эстравен ожидал меня на морозе с непокрытой головой и без плаща, с интересом наблюдая тайну ночного вторжения снега и спор. Он негромко приветствовал меня и пригласил войти. Я был единственным гостем.

Меня это несколько удивило, но мы сразу же сели за стол, а за едой не принято разговаривать о делах. Впрочем, мое удивление сразу же переключил на себя стол, который был великолепен. Даже непрменные хлебные яблоки подверглись волшебным превращениям в руках повара, искусством которого я не мог нахвалиться. После ужина мы пили у камина подогретое пиво. На планете, где

самым необходимым столовым прибором является приспособление для разбивания льда, образующегося на поверхности напитков за время еды, начинаешь по достоинству ценить подогретое пиво.

Эстравен, который за едой вел учтивую беседу, сейчас, сидя напротив меня у окна, умолк. Хотя я и провел на Зиме уже почти два года, я был все еще далек от возможности смотреть на жителей Зимы их собственными глазами. Я пытался это делать, но мои усилия приобретали форму окончательного взгляда на гетенца вначале как на мужчину, а потом — как на женщину, чем втискивал его в рамки, совершенно несущественные для его природы, но такие существенные для меня. Поэтому, потягивая дымящееся, изысканное на вкус пиво, я думал о том, что манера держаться за столом у Эстравена была явно женской, — это обаяние, такт и непринужденность, проворство и обольстительность. Может быть, именно эта мягкая, податливая женственность вызывала во мне антипатию и подозрительность к нему? Ведь совершенно невозможно было воспринимать как женщину это темное, ироническое, излучающее силу существо, сидящее рядом со мной в полумраке, слегка рассеиваемом огнем; и в то же время, сколько бы раз я ни подумал о нем как о мужчине, всякий раз чувствовал в этом какую-то фальшь, — в нем, а может, в моем отношении к нему? Голос у него был мягкий, довольно звучный, но не глубокий; это не был мужской голос, но не был это и женский голос... Но что же он говорил?

— Мне очень жаль, — говорил он, — что я был вынужден так долго лишать себя удовольствия принимать вас у себя, но я рад, что между нами уже не будет существовать вопроса о покровительстве.

Это меня насторожило. Без всякого сомнения, до сегодняшнего дня он был моим покровителем при дворе. Не хотел ли он этими словами дать мне понять, что аудиенция, которую он испросил у короля для меня на завтра, завершает наши счета?

— Я не очень хорошо понимаю вас, — сказал я.

На этот раз заметно удивился он.

— Дело в том, — сказал он, помолчав, — что с этого момента я перестаю действовать в ваших интересах у короля.

Сказал он это так, будто ему было неловко за меня — не за себя. По-видимому, факт, что он пригласил меня к себе, а я это приглашение принял, имел какое-то значение, которого я не понимал. Но я нарушал лишь этикет, он же — этику. Сначала я думал только о том, что был прав с самого начала, не доверяя ему. Эстравен был не только хитроумен и могуществен, он был еще и коварен. На протяжении всего времени, что я провел в Эргенранге, именно он меня выслушивал, отвечал на мои вопросы, присылал врачей и инженеров, чтобы они подтвердили, что я и мой король происходят из иного мира, представлял меня людям, с которыми я хотел

познакомиться, и людям, с которыми мне нужно было познакомиться, до тех пор, пока постепенно я не продвинулся от роли диковинного существа с неумеренной фантазией до моей теперешней роли таинственного посланца, который должен быть принят королем. А теперь, вознеся меня на эту опасную высоту, он абсолютно невозмутимо сообщает мне, что лишает меня своей поддержки.

— Вы меня уже приучили к тому, что я могу рассчитывать...

— Это плохо.

— Не следует ли это понимать таким образом, что, организовав нашу встречу, вы ничего не сказали королю относительно моей миссии, как вы... — спохватился я вовремя и не договорил слова «обещали».

— Я не мог.

Я был взбешен, но на его лице не было заметно ни гнева, ни желания извиниться. — Могу ли я узнать, почему?

— Да, — ответил он через минуту и снова умолк. А я подумал, что некомпетентный и безоружный пришелец из другого мира не должен требовать объяснений от канцлера королевства, особенно если он, пришелец, не понимает и, похоже, никогда не поймет изначальной сущности власти и принципов ее функционирования в этом королевстве. Несомненно, это был вопрос шифрреттора — престижа, достоинства, чести и позиции, непереводаемого обозначения основополагающего принципа общественного авторитета в Кархиде и во всех остальных обществах на Гетене. А если это так, то мне его никогда не понять.

— Слышали ли вы, что сказал мне король во время сегодняшней церемонии?

— Нет.

Эстравен нагнулся над очагом, достал жбан с пивом и наполнил мою кружку. Поскольку он продолжал молчать, я добавил:

— Я не слышал, чтобы король вообще к вам обращался.

— Я тоже не слышал, — сказал он.

Наконец-то я понял, что я не получу другого знака. Махнув рукой на его бабское интриганство, я выпалил:

— Не хотите ли вы, князь, дать мне понять, что вы лишились королевского расположения?

Думаю, что мне удалось вывести его из равновесия, но он ничем этого не выдал и сказал только:

— Я ничего не хочу дать вам понять, господин Ай.

— Очень жаль.

Он посмотрел на меня как-то странно.

— Что ж, сформулируем это таким образом. Во дворце есть лица, которые, пользуясь вашим определением, пользуются королевским расположением и благосклонностью и отнюдь не благосклонно смотрят на ваше присутствие здесь и на вашу миссию.

«И теперь ты спешишь к ним присоединиться и бросаешь меня ради спасения собственной шкуры», — подумал я, но не сказал этого вслух. Эстравен был придворным и политиком, а я был глупцом, что ему доверился. Даже в раздельнополых обществах политики иногда меняют свои политические взгляды. Уж если он пригласил меня на ужин, то, по-видимому, надеялся, что я так же легко проглочу его предательство, как он его совершил. Сохранение лица, возможность с достоинством выйти из этого положения было гораздо важнее, чем искренность, поэтому я заставил себя сказать:

— Мне очень жаль, что ваша благосклонность ко мне причинила вам неприятности.

Раскаленные угли. Я почувствовал некоторое моральное удовлетворение от своего превосходства, но только на мгновение, Эстравен был слишком непредсказуем.

Он откинулся на спинку кресла, и красноватый отблеск огня упал на его колени, на сильные, красивой формы, хотя и маленькие ладони, на серебряную кружку, в то время как лицо его оставалось в тени; темное лицо, затененное густыми, низко спадающими на лоб волосами, густыми бровями и ресницами, а кроме того, еще и холодной маской учтивости. Можно ли понять выражение, написанное на мордочке кота, тюленя или выдры? Некоторые гетенцы — совсем как эти животные, думал я, — с глубокими ясными глазами, не меняющими выражения при звуках человеческой речи.

— Я сам навлек на себя неприятности, — ответил он, — действиями, ничего общего с вами, господин Ай, не имеющими. Вам, наверное, известно, что у Кархида и Оргорейна есть спорная территория в гористой части Северной Возвышенности, недалеко от Сассинот. Дед Аргавена захватил долину Синот для Кархида, но жители ее с этим не примирились. Много снега из маленькой тучи — и чем дальше, тем его больше. Я оказывал содействие кархидским фермерам, живущим в долине, в переселении за пределы старой границы, считая, что вся эта проблема разрешится, если долину оставить жителям Оргорейна, которые заселяют ее уже более тысячи лет. Несколько лет тому назад я работал в Управлении Северной Возвышенности и познакомился с некоторыми из этих фермеров. Мне не хотелось, чтобы они гибли в пограничных стычках либо были высланы в добровольные сельскохозяйственные фермы в Оргорейне. Почему бы тогда не устранить причину спора? Но это, оказывается, была непатриотическая идея. Наоборот, это было проявление трусости, бросающим тень на шифгреттор самого короля.

Его иронические замечания и подробности пограничного конфликта с Оргорейном не интересовали меня. Я вернулся к вопросу наших взаимоотношений. Доверяя или не доверяя ему, я все еще мог чем-нибудь воспользоваться.

— Мне очень жаль,— сказал я,— но это большая неудача, что дело горстки фермеров может лишить всяких шансов на успех мою миссию в глазах короля. В игру входят предметы гораздо более важные, чем несколько миль границ.

— Да, гораздо более важные. Но, может быть, Экумен, раскинувшийся на протяжении ста световых лет от границы до границы, проявит к нам некоторое терпение.

— Стабили Экумена — люди очень терпеливые. Они будут ждать еще сто или пятьсот лет, пока Кархид и весь остальной Гетен не обсудят и не взвесят вопрос о присоединении их к остальному человечеству. Я сам выражаю исключительно мою личную надежду. И личное разочарование. Я думал, что при поддержке князя...

— Я тоже так думал. Ну что ж, ледник не вырастает за одну ночь.— У него, как всегда, наготове была подходящая поговорка, но мыслями он был где-то далеко. Я представил себе, как он манипулирует мной, как пешкой, всего лишь одной из многих, в игре за власть.

— Вы прибыли в мою страну,— произнес он наконец,— в довольно странный момент. Наступают перемены, мы выбираем новое направление. Нет, скорее, мы продвигаемся слишком далеко в том направлении, в котором мы двигались. Я полагал, что ваше присутствие, ваша миссия удержат нас от ошибок, дадут нам совершенно новые возможности. Но в соответствующее время и в соответствующем месте. Все это необычайно деликатное дело, господин Ай.

Окончательно потеряв терпение, выслушивая общие места, я спросил напрямик:

— Вы хотите внушить мне, что сейчас как раз неподходящий момент, несоответствующее время. Может быть, вы советуете мне отменить эту аудиенцию?

По-кархидски моя бестактность прозвучала еще хуже, но Эстрада не улыбнулся и не поморщился.

— Боюсь, что только король обладает этой привилегией,— сказал он спокойно.

— О Боже, ну конечно. Я не то имел в виду.— Я на мгновение закрыл лицо ладонями. Я вырос в открытом, лишенном всяческих барьеров обществе Земли и никак не мог обучиться ни протоколу, ни сдержанности, так высоко ценимой кархидцами. Я знал, что значит король для своих подданных; история Земли битком набита королями, но у меня не было ни малейшего чувства непреложности их привилегий, ни чувства такта впридачу. Я поднял кружку и сделал большой глоток горячего напитка.

— Ну что ж, я скажу королю меньше, чем намеревался сказать, когда рассчитывал на вашу помощь.

— Это хорошо.

— Почему хорошо?

— Вы ведь не безумны, господин Ай. И я не безумен. Но ни один из нас не является королем. Я полагаю, что у вас было намерение с помощью разумных доводов убедить Аргавена в том, что вы прибыли сюда для того, чтобы обеспечить заключение союза между Гетеном и Экуменом. И с разумной точки зрения он об этом уже знает, потому что я ему об этом сообщил. Я изложил ему ваше дело, пытался пробудить в нем интерес к вашей личности. Но делая это, неудачно выбрав момент. Будучи сам слишком увлечен этим делом, я забыл, что он король и не смотрит на проблемы разумно, а смотрит на них как король. Все, что я ему говорил, по его мнению, означало только одно: что его владычество находится под угрозой, что его королевство — всего лишь пылинка в пространстве, а его величие — пустяк в глазах кого-то, кто правит сотнями миров.

— Но Экумен не правит, он только контролирует. Его могущество — это могущество отдельных государств и планет. Вступив в союз с Экуменом, Кархид будет в такой безопасности и будет иметь такое значение, каких не имел никогда ранее.

Некоторое время Эстравен молчал. Он сидел, глядявываясь в огонь, отражение которого поблескивало на его кружке и на широкой серебряной цепи — знаке его высокого положения. В старом доме царила тишина. Был еще только слуга, который подавал к столу, но, так как у кархидцев не существует ни рабства, ни какой-либо иной формы личной зависимости, людей не покупают, а покупают лишь их услуги, поэтому уже вся прислуга разошлась по своим домам. Такая персона, как Эстравен, должна была иметь где-то поблизости личную охрану, потому что покушения на государственных деятелей в Кархиде весьма популярны, но я никого из охранников не увидел и не услышал. Мы были одни.

Я находился наедине с чужим человеком в стенах мрачного дворца, в чужом, заваленном снегом городе, в самом сердце ледникового периода на чужой планете.

Все то, что я сказал в тот вечер, и вообще, все, что я говорил, прибыв на планету Зима, вдруг показалось мне глупым и неправдоподобным. Как я мог рассчитывать на то, что этот либо какой-нибудь другой человек поверит моим рассказам об иных мирах и иных человеческих расах, о каком-то добродушном правлении, сверхвласти с неопределенными прерогативами, существующей где-то там, в космосе? Все это было нонсенсом, бессмыслицей, абсурдом. Я прибыл в Кархид в странном транспортном средстве и определенным образом отличался от гетенцев физически — да, это требовало объяснения. Но те объяснения, которые я давал, были нелепы и бессмысленны. Сейчас я и сам им не верил.

— Я вам верю, — произнес обитатель чужой планеты, с которым я был наедине, и, казалось, так глубоко погрузился в свою чуждость, что я посмотрел на него с изумлением.

— Боюсь, что Аргавен тоже вам верит. Но не доверяет вам. Отчасти потому, что потерял доверие ко мне. Я ошибся, был неосторожен... Я тоже не имею права на ваше доверие, потому что подвергаю вас опасности. Я забыл, кто такой король, забыл, что в глазах короля Кархид и он — нечто единое и неделимое; забыл, что такое патриотизм и что именно он, король, по определению является совершенным, безупречным идеальным патриотом. Скажите мне, господин Ай, знаете ли вы по своему личному опыту, что такое патриотизм?

— Нет, — ответил я, пораженный силой проявления этой незаурядной личности, внезапно сосредоточившейся на мне. — Не думаю, разве что под патриотизмом вы понимаете любовь к родному краю. Это чувство знакомо.

— Нет, когда я говорю о патриотизме, я не подразумеваю такое чувство, как любовь. Я думаю о страхе. О страхе перед тем, что чуждо. О страхе, который выражается политикой, а не поэзией. Ненависть, соперничество, агрессия. Этот страх растет в нас, он разрастается год от года. Мы зашли по нашему пути слишком далеко. И вы, пришелец из мира, возвысившегося над понятием национальности сотни лет тому назад, пришелец, который не совсем понимает, что я имею в виду, и который указывает нам новый путь... — Он замолчал и через минуту продолжил, снова спокойный, прекрасно владеющий собой, любезный.

— Это из страха я отказываюсь поддерживать ваше дело перед королем. Но не из страха за себя, господин Ай. Я не действую из патриотических побуждений. Есть ведь на Гетене и другие народы.

Я не знал, к чему он клонит, но был совершенно уверен, что дело здесь в чем-то ином, не в том, что следовало из его слов. Из всех мрачных, темных, загадочных и скрытых душ, которые я встречал в этом угрюмом месте, его душа была самой темной. В мои намерения вовсе не входило позволить втянуть меня и запутать в каких-то лабиринтах, и я промолчал. Через минуту он осторожно продолжал:

— Если я вас правильно понял, ваш Экумен служит интересам всего человечества. Вот, например, предположим, что орготы, жители Оргорейна, имеют богатый опыт подчинения местных интересов всеобщим, а у кархидян такого опыта нет вообще. Коренные жители Оргорейна, его автохтоны, — люди преимущественно здравомыслящие, хотя и не блещут интеллектом, а в то же время король Кархида не только безумен, но к тому же еще и глуп.

Было ясно, что лояльность Эсравену не присуша.

— В таком случае, должно быть, ему нелегко служить, — сказал я, чувствуя внезапный приступ отвращения.

— Я не уверен, служил ли я когда-нибудь королю, — сказал королевский премьер-министр, — или имел ли я когда-нибудь такое намерение. Я не слуга никому. Человек должен отбрасывать свою собственную тень...

Удары гонгов на башне Реммы пробили шесть часов, — полночь, что я использовал как удобный предлог распрощаться. Когда я надевал в холле шубу, Эстравен сказал:

— Я не уверен, что такой случай представится мне в скором времени, потому что вы уедете из Эргенранга (откуда у него такое предположение?), но я верю, что наступит такой день, когда я смогу задать вам еще множество вопросов. Мне хотелось бы узнать от вас еще об очень многом, особенно о вашей «мыслеречи», вы успели о ней только упомянуть.

Его интерес казался совершенно искренним. Он был бесцеремонен, как бесцеремонны все сильные мира сего. Его обещания помочь мне тоже выглядели искренними. Я сказал: конечно, разумеется, когда только ему будет угодно, и это был конец вечера. Он проводил меня через сад, припорошенный тонким слоем снега, под сиянием огромной, тусклой медно-рыжей луны. Когда мы вышли из дома наружу, меня охватил озноб — было гораздо ниже нуля.

— Вам холодно? — с вежливым удивлением осведомился хозяин. Для него, разумеется, это была ласковая и теплая весенняя ночь.

Уставший и подавленный, я ответил ему:

— Мне холодно с того самого дня, когда я высадился на этой планете.

— Как вы ее называете, эту планету, на вашем языке?

— Гетен.

— Вы не дали ей своего названия?

— Первые исследователи назвали ее Зима.

Мы остановились под аркой узкого проема в стене, окружающей сад. Снаружи дворцовые здания выглядели, как сплошная темная заснеженная масса, то тут, то там освещенная на разной высоте золотистыми бойницами окон. Стоя под узкой аркой, я посмотрел вверх и спросил себя, был ли и этот замковый камень поставлен на костях и крови. Эстравен попрощался и вернулся обратно в дом. Он никогда не был излишне словоохотлив при встречах и прощаниях. Я ушел через тихий дворцовый двор и узкие улочки Дворца, скрипя сапогами по свежевывавшему и сияющему в свете луны снегу, и по глубоким ущельям городских улиц добрался домой. Было мне холодно, чувствовал я себя неуверенно, со всех сторон окруженный вероломством, одиночеством и страхом.

2. СТРАНА В СЕРДЦЕ МЕТЕЛИ

*Из лентохранилища северокархидских «сказаний очагов»
в архивах исторической коллегии в Эргенранге.*

Рассказчик неизвестен.

Записано во времена правления Аргавена VIII

Около двухсот лет тому назад в очаге Шат на Бурном Пограничье Перинг жили два брата, которые заключили между собой кеммер. В те времена, так же, как и сейчас, родные братья могли вступить в кеммер между собой, но только до тех пор, пока кто-нибудь из них не родит ребенка. После этого им полагалось разойтись, и поэтому им нельзя было заключать брачный союз на всю жизнь. Однако так все и случилось. Когда один из них забеременел, глава Шата приказал им разорвать брак и никогда больше не встречаться в период кеммера. Услышав это распоряжение, один из них, тот, который носил в себе дитя, впал в отчаяние, и, не желая слушать ни советов, ни утешений, раздобыл яд и покончил с собой. Тогда жители очага обратили свой гнев на второго брата и изгнали его из очага и из домена, возлагая на него позор самоубийства. А поскольку он был изгнан и его история опережала его повсюду, никто не хотел его принимать, и через три дня традиционного гостеприимства его отправляли дальше как изгнанника. Так он бродил с места на место, пока не понял, что нет для него жалости в его собственной стране и что его преступление никогда не будет ему прощено¹. Как человек молодой и жизнью не закаленный, он никак не мог примириться с тем, что нечто подобное может произойти. Когда же он убедился, что именно так и есть, он возвратился в Шат как изгнанник, стал в дверях внешнего очага и обратился к своим бывшим сородичам со следующими словами:

— Теперь я лишен лица. Никто не видит меня. Я говорю — и никто не слышит меня. Я прихожу — и никто не приветствует меня. Нет для меня места за столом, еды на столе, постели, на которой я мог бы отдохнуть. Но у меня все еще есть моя имя — Гезерен. И это имя я бросаю на ваш очаг, как проклятие, а с ним — и мой позор. Сохраните их для меня, а я, безымянный, пойду искать свою смерть.

Тогда некоторые повскакивали со своих мест с громкими криками и хотели его убить, потому что убийство бросает меньшую тень на дом, чем самоубийство, но он убежал от них и поспешил на север в сторону Льда быстрее, чем его преследователи. Они, удрученные,

Нарушение Кодекса законов, запрещающих кровосмешение, стало считаться преступлением после того, как было признано причиной самоубийства. (прим. авт.)

вернулись в Шат, а Гезерен шел дальше и через два дня дошел до Льда Перинг¹.

Следующие два дня он шел дальше на север по Льду. У него не было с собой ни еды, ни укрытия, кроме одной шубы. А на Льду нет ни растений, ни животных. Был это месяц сусми, и как раз время первых больших снегопадов. Он шел один сквозь метель. На второй день он почувствовал, что теряет силы. На вторую ночь он вынужден был лечь и отдохнуть. Утром он обнаружил, что отморозил руки и ноги, хотя и не мог снять сапоги, чтобы осмотреть ноги, потому что руки его не слушались. Он стал ползти, опираясь на локти и колени. У него не было никакой причины делать это, потому что ему было все равно, умрет ли он здесь или чуть-чуть дальше, однако что-то толкало его на север.

Через некоторое время снег перестал идти и ветер стих.

Показалось солнце. Он полз, ничего не видя перед собой, потому что меховой капюшон сполз ему на глаза. Он уже не чувствовал ни боли в руках, ни в ногах. Лицо тоже онемело. Он подумал, что вообще утратил чувствительность. Но двигаться он еще мог. Снег, покрывающий ледник, показался ему странным, он выглядел, как белая трава, растущая на льду, и она сгибалась от его прикосновения, а потом снова распрямлялась. Он перестал ползти и сел, сдвинув капюшон, чтобы осмотреться. Вокруг, сколько видно было глазу, тянулись пространства, покрытые снежной травой, белые и сверкающие. Видны были также группы белых деревьев, на которых росли белые листья. Светило солнце, не было ветра, и все было белым.

Гезерен снял рукавицы и посмотрел на свои руки. Они были белы, как снег, но обморожение исчезло, он снова мог шевелить пальцами и мог стоять на ногах. И он больше не чувствовал ни боли, ни холода, ни голода.

Тогда он увидел далеко на льду, в северном направлении, белую башню, похожую на башню замка, и человеческую фигуру, которая двигалась от того далекого места по направлению к нему. Через минуту Гезерен увидел, что этот неизвестный — наг, что у него белая кожа и белые волосы. Еще минута — и он уже приблизился на расстояние голоса. Гезерен спросил:

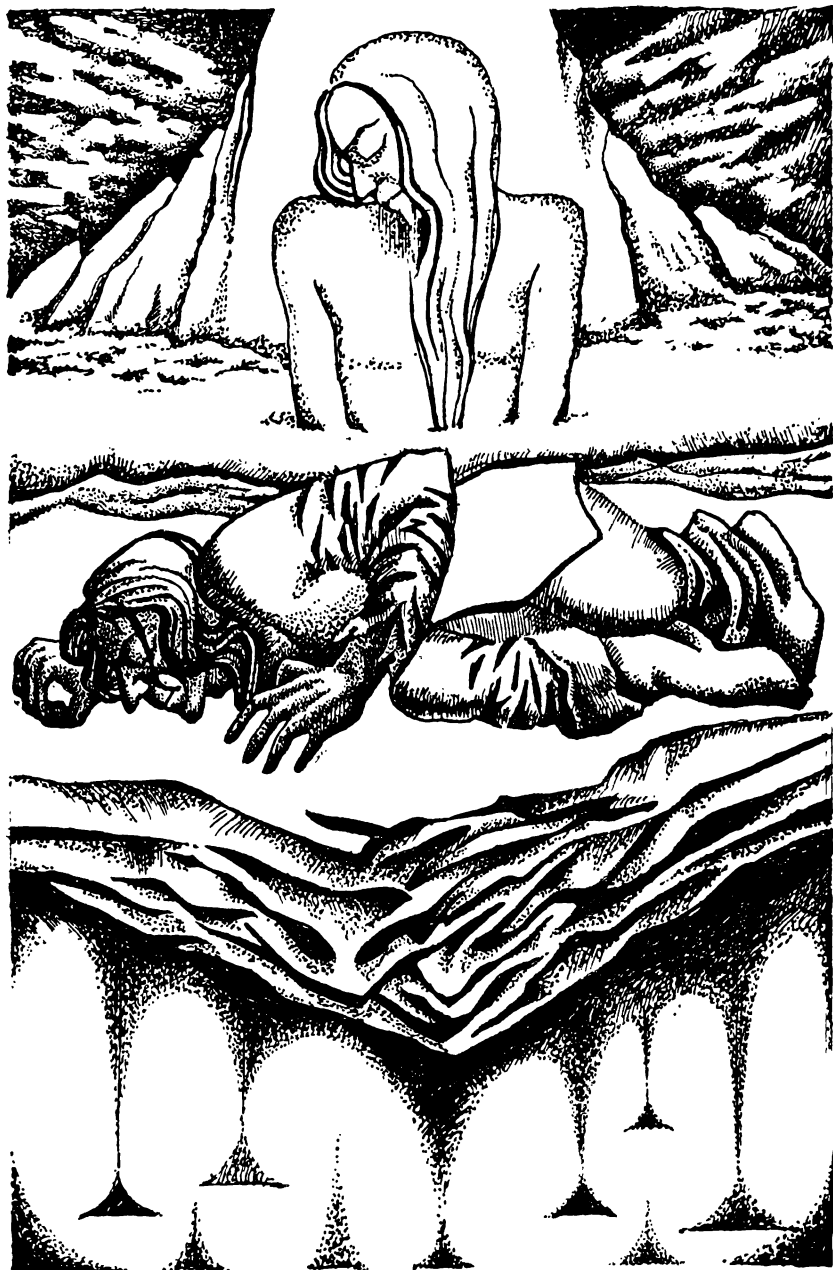
— Ты кто?

Белый человек ответил:

— Я твой брат и кеммеринг Хоуди.

Его брат, который покончил с собой, носил имя Хоуди. И Гезерен увидел, что у белого человека черты лица и тело его брата, но в его животе нет жизни, а его голос звучит, как хруст льда.

¹ Лед Перинг — ледник, покрывающий дальше всего на север раступающую часть Кархиды, и зимой, когда замерзает залив Гутен, соединяющийся со Льдом Гобрин в Оргорейне.

Гезерен спросил:

— Что это за место?

— Это страна в сердце метели, — ответил Хоуди. — Здесь живут, те, кто сами себя убили. Здесь ты и я сможем сохранить наш брачный союз.

Гезерен испугался и сказал:

— Я не хочу здесь оставаться. Если бы ты убежал со мной на юг, мы бы могли быть вместе и сохранить свой брак до конца жизни. И никто бы не узнал, что мы нарушили закон. Но ты разорвал наш брак, уничтожил его вместе со своей жизнью. А теперь ты даже не можешь выговорить мое имя.

И это было правдой. Хоуди шевелил белыми губами, но не мог произнести имени своего брата.

Он подбежал к Гезерену, вытянув руки, чтобы его задержать, и схватил его за левую руку. Гезерен вырвался и убежал. Он бежал на юг и вскоре увидел белую стену падающего снега. Когда же он переступил ее границу, он снова упал на колени и не мог уже бежать, а вынужден был ползти.

На девятый день с того момента, когда он вступил на Лед, его нашли люди из очага Орхох, которое расположено северо-восточнее очага Шат. Они не знали, кто он такой и откуда он идет, потому что нашли его, когда он полз по снегу, умирающий от голода, ослепленный, с лицом, почерневшим от солнца и обморожения, ослабевший до такой степени, что не мог уже выговорить ни единого слова. Однако он не получил никаких серьезных повреждений, только потерял левую руку, которая была так сильно обморожена, что ее пришлось отсечь. Некоторые говорили о нем, что это Гезерен из Шата, о котором они слышали рассказы, другие говорили, что это невозможно, потому что Гезерен пошел на Лед, когда начались уже первые осенние метели, и наверняка его уже нет в живых. Сам же он отрицал, что его имя Гезерен. Когда он выздоровел, он покинул Орхох и Бурное Пограничье и пошел на юг, отвечая всем, что имя Эннох.

Когда Эннох, уже будучи стариком, проживающим на равнине Рер, встретил человека из своих краев, он спросил его, что слышно в Шате. Тот ответил ему, что дела плохи. Ничто не удастся ни в доме, ни на поле, все поражено болезнью, весенний посев замерзает в земле, а собранный урожай гниет, и продолжается это уже много лет. Тогда Эннох сказал ему, что он Гезерен из Шата, и рассказал ему, как он пошел на Лед и что там с ним произошло. Свой рассказ он закончил словами.

— Скажи людям в Шате, что я беру обратно свое имя и свою тень.

Вскоре после этого Гезерен заболел и умер. Тот путешественник, с которым он беседовал, завез его слова в Шат, и говорят, что

с того времени земли очага Шат возродились и ожили снова и все шло, как должно, и в доме, и на поле.

3. БЕЗУМНЫЙ КОРОЛЬ

Встал я поздно и провел остаток предполуденного времени, просматривая собственные заметки, касающиеся правил придворного этикета, и замечания моих предшественников, исследователей Гетена, о гетенских обычаях и психологии. То, что я читал, не доходило до моего сознания, впрочем, это не имело никакого значения, потому что я и так знал это наизусть и читал только для того, чтобы заглушить внутренний голос, который неустанно повторял: «Все пропало!» Но так как он не желал умолкнуть, я ссорился с ним и спорил, утверждая, что могу справиться со своим заданием и без Эстравена, может, еще даже успешней, чем с его помощью. В конце концов, то, что мне предстояло сделать, было работой для одного человека. Первый мобиль — всегда один. В каждом мире первую весть об Экумене произносят уста одного человека, лично в этом мире находящегося и одинокого. Он может погибнуть, как Пеллелге на Четвертой Тауруса, может оказаться запертым в сумасшедшем доме, как три первых мобиля на Гао — все трое, — поочередно, один за другим, — но все равно такая практика сохраняется, поскольку она оправдана. Одиноким голос, говорящий правду, сильнее любых армий и флотилий. Если только у него будет достаточно времени, а время — это как раз то, чем Экумен располагает в избытке... «Но ты не располагаешь», — сказал мне внутренний голос. Я заставил его замолчать и пошел на аудиенцию к королю во Дворец в два часа, полный спокойствия и решимости. Потерял я то, и другое в приемной, прежде чем увидел короля.

Стражники и чиновники проводили меня в приемную длинными коридорами Королевского Дома. Секретарь пригласил меня и предложил подождать, после чего оставил меня одного в высокой, лишенной окон зале. Я торчал там, разодетый с ног до головы для визита к королю. Я продал свой четвертый рубин (исследователи сообщили, что гетенцы высоко ценят драгоценные камни, так же, как и земляне, поэтому я прибыл на Зиму с горстью рубинов, чтобы оплатить свое пребывание) и истратил треть полученной суммы на наряды для вчерашней церемонии и сегодняшней аудиенции: все новенькое, очень тяжелое и хорошо сшитое, как обычно делается одежда в Кархиде: белая шерстяная рубашка, серые короткие штаны, длинная просторная блуза из голубовато-зеленой кожи — хиеб, новая шапка, новые рукавицы, под соответствующим углом заткнутые за нетуго затянутый пояс хиеба, новые высокие сапоги. Уверенность в том, что я одет в соответствии с требованиями этикета,

укрепляла мое спокойствие и решительность. Я осматривался спокойно и уверенно.

Как все залы Королевского Дома, эта тоже была высокая, красная, старая, голая, с каким-то заплесневелым холодом в воздухе, как будто сквозняки дули не из других залов, а из других столетий. В камине трещал огонь, но толку от него было немного. Очаги в Кархиде предназначены для того, чтобы согреть дух, а не тело. Эра технологическо-производственного изобретательства длится здесь, по меньшей мере, три тысячелетия, и на протяжении этих тридцати столетий кархидцы создали великолепные экономические системы центрального отопления, работающие на паре, электричестве и других источниках энергии, но никогда не устанавливают их в своих домах. Может быть, если бы они сделали это, то утратили бы свою физиологическую сопротивляемость холоду, как арктические птицы, которых держат в обогреваемых клетках, и если их выпустить, отмораживают себе лапки. Я же был тропической птицей — и мерз. Я на один лад мерз на улице и подругому мерз в доме, но все равно я постоянно был более или менее замерзшим. Чтобы согреться, я ходил по зале. Кроме меня и огня в длинной прихожей было совсем мало предметов: табурет и стол, на котором стояла ваза с «каменными пальцами» и старинный радиоприемник в резном деревянном футляре прекрасной работы, инкрустированном костью и серебром. Он был включен, но звук был очень тихий, поэтому я повернул регулятор громкости как раз в тот момент, когда какая-то монотонная декламация была прервана Дворцовым Бюллетенем Новостей. Кархидцы вообще в принципе не любят читать и предпочитают известия и литературу воспринимать на слух, а не с помощью зрения. Книги и телевизионные приемники менее популярны, чем радио, а газеты вообще непопулярны. Я прозевал утренний бюллетень дома и сейчас прислушивался одним ухом, думая о чем-то другом, до тех пор, пока неоднократно повторенное имя Эсравена не вырвало меня из задумчивости. Что же это было? Сообщение было повторено.

«Терем Харт рем ир Эсравен, владелец Эстре в Земле Кермской, настоящим указом лишается титулов и места в Собрании, ему предписывается оставить пределы королевства и всех земель Кархида в течение трех дней. Ежели он не оставит пределы Кархида в этот срок или когда-либо в жизни попытается сюда вернуться, он должен быть убит без суда любым человеком, которому он повстречается. Ни один житель Кархида не будет разговаривать с ним и не даст ему приюта под своей крышей либо на своей земле под угрозой тюремного заключения и штрафа. Пусть все жители Кархида знают и повторяют, что преступление, за которое Хартрем ир Эсравен изгоняется из пределов страны, есть измена, поскольку в частных беседах и публичных выступлениях в Собрании и во

Дворце под видом лояльной службы Королю он провозглашал, что кархидский народ должен отказаться от своей суверенности и могущества ради того, чтобы в качестве второстепенного и подчиненного народа войти в состав так называемой Унии Народов, в отношении которой пусть все знают и повторяют, что такая Уния не существует, а является вымыслом определенных предателей и заговорщиков, стремящихся ослабить авторитет короля и государства Кархидского в интересах истинных врагов нашей страны. Одгуирни тува, восемь часов, Дворец в Эргенранге, Аргавен Хардж».

Указ был напечатан и расклеен на воротах и столбах для объявления, вышеприведенный текст является дословным переводом.

Первый импульс был очень прост. Я выключил радиоприемник, как будто хотел прервать поток отягощающих меня показаний, и поспешно направился к дверям. Там я, естественно, остановился. Вернулся к столу у камина. И не был уже я ни спокоен, ни решителен. Мне очень хотелось открыть свой чемоданчик, включить анзибл и оправить на Хайн отчаянную просьбу о помощи и совете. Но я подавил в себе и этот импульс, еще более бессмысленный, чем первый. К счастью, у меня не было времени для следующих идей. Двустворчатые двери в конце приемной отворились, и в них появился секретарь — боком, чтобы пропустить меня. Он доложил о моем приходе:

— Генри Ай (мое имя звучит Генли, но кархидцы не выговаривают «л») — и оставил меня в Красной Зале один на один с королем Аргавеном XV.

Какое же огромное, высокое и длинное помещение эта Красная Зала в Королевском Доме! Полкилометра — до каминов. Полкилометра вверх до перекрытого балками потолка, натянутого пыльными красными драпировками, а может быть, истлевшими от старости знаменами. Окна — просто щели в толстых стенах, ламп мало, они слишком тусклы и высоко подвешены. Мои новые сапоги стучат слишком громко, пока я совершаю свой не менее чем полугодовой, наверное, переход через весь зал к королю.

Аргавен стоял на небольшом возвышении перед самым большим из трех каминов, имеющих в зале. В красноватом полумраке его приземистая фигура с заметным брюшком, очень прямая и темная, была лишена всяких деталей, за исключением сверкания великолепного алмаза в золотом перстне с печатью королевства на большом пальце.

Я остановился перед возвышением и, в соответствии с придворным этикетом, как меня инструктировали, молчал и ничего не делал.

— Подойдите, господин Ай. Прошу вас садиться.

Я послушно сел в кресло, стоящее справа от главного камина. Все это уже было мной отрепетировано. Аргавен не сел. Он стоял в нескольких шагах от меня. За спиной у него гудело яркое пламя. Наконец он сказал:

— Говорите мне то, что вы намеревались мне сказать, господин Ай. Вы, кажется, посол?

Лицо, которое обратилось ко мне, красное в отблесках огня, с глубокими тенями, было плоским и жестким, как здешняя Луна, тускло-ржавый спутник Зимы. Аргавен был менее величествен и менее импозантен, чем казался издали среди своей свиты. Голос у него был высокий, и свою упрямую безумную голову он держал так, что это подчеркивало его вызывающую и даже гротескную небрежность.

— Ваше Королевское Величество, то, что я должен был вам сказать, вылетело у меня из головы, как только минуту тому назад я узнал, что господин Эстравен попал в немилость.

Аргавен улыбнулся мне долгой улыбкой, глядя мне в глаза. Потом он засмеялся визгливо, как истеричная женщина, притворяющаяся веселой.

— Черт с ним, — сказал король. — Спесивый пройдоха и предатель. Вы были у него на ужине вчера вечером, не правда ли? И он, наверное, рассказывал вам, какой он всемогущий, как он вертит королем и как у вас все легко получится, раз он со мной о вас поговорит. Не так ли, господин Ай?

Я заколебался.

— Я расскажу вам, что он говорил мне о вас, если вам это интересно. Он советовал мне, чтобы я вам отказал в аудиенции, держал вас в неуверенности и неопределенности, может быть, советовал вам обратиться в Оргорейн или на Острова. И твердил мне это полмесяца с присущей ему наглостью. А я тем временем сослал его в Оргорейн, ха-ха-ха!

Снова тот же визгливый неискренний смех. Не переставая смеяться, он хлопнул в ладони. Между портьерами в конце возвышения немедленно появился безмолвный стражник. Аргавен что-то буркнул ему, и стражник исчез. Все еще смеясь, Аргавен подошел ко мне, смерил меня взглядом. В его темных зрачках мерцали оранжевые огоньки. Он вызвал у меня гораздо больший страх, чем я ожидал.

Ввиду этой непоследовательности я не видел перед собой иного пути, чем искренность.

— Я могу лишь спросить Ваше Величество, — сказал я, — должен ли я считать, что моя персона каким-то образом связывается с преступлением Эстравена?

— Ваша персона? Нет. — Он приглядывался ко мне еще внимательней. — Я не знаю, черт побери, кто вы такой, сексуальный

курьез, искусственный монстр или пришелец из Королевства Пустоты, но не предатель, вы были лишь орудием в руках предателя. Я не наказываю орудия. Они опасны только в руках плохого ремесленника. Я дам вам один совет.— Аргавен произнес эти слова со странным нажимом и удовлетворением, и я тогда сразу подумал, что уже на протяжении двух лет никто другой не давал мне советов, даже Эстравен в тот период, когда он демонстрировал свою горячую дружбу. Да, мне отвечали на вопросы, но никто никогда не дал мне совета. Возможно, это было связано с понятием шифгреттора.

— Не позволяйте использовать себя в чьих-либо интересах,— говорил король.— Лучше держитесь подальше от всяческих фракций. Провозглашайте свою собственную ложь, совершайте свои собственные поступки. И никогда никому не верьте. Вы меня понимаете? Никому. И пусть ко всем чертям отправляется этот изолгавшийся хладнокровный предатель. Я доверял ему, повесил серебряную цепь на его проклятую шею. Мне надо было повесить его на этой цепи. Никогда я ему не доверял. Никогда. И вы не верьте никому. Пусть он подохнет от голода, разыскивая объедки в притонах Мишнори, пусть сгниет заживо, никогда...— Король Аргавен затрясся, закашлялся, начал хватать воздух ртом, хрипя, и повернулся ко мне спиной. Пнул ногой поленья в большом камине так, что сноп искр вылетел ему в лицо, искры посыпались на его волосы и черную куртку, так что он вынужден был гасить их открытой ладонью.

Не оборачиваясь ко мне, он произнес высоким, преисполненным достоинства голосом:

— Говорите же, что вы собирались мне сказать, господин Ай.

— Могу ли я задать один вопрос, Ваше Величество?

— Да.— Он раскачивался, стоя лицом к огню. Мне пришлось обращаться к его спине.

— Верите ли вы, Ваше Величество, что я являюсь тем, за кого себя выдаю?

— Эстравен присылал мне целые горы магнитофонных лент от врачей, которые вас исследовали, а также и от механиков из мастерских, где был помещен ваш экипаж. И все они утверждают, что вы — не человеческое существо, а все лгать не могут. И что из этого?

— То, Ваше Величество, что существуют и другие, такие же, как я. И что я являюсь представителем...

— Ну да, той пресловутой Унии, той власти, очень хорошо. Вы, наверное, хотели бы, чтобы я спросил вас, зачем они вас сюда прислали?

Возможно, конечно, что Аргавен не был вполне здрав рассудком и не был особенно интеллигентен, но у него был многолетний опыт уверток, выпадов, риторических тонкостей, употребляемых в разго-

воре всеми теми, для которых главной целью в жизни является достижение либо сохранение шифгреттора на самом высоком уровне. Целые сферы жизни этого мира были для меня по-прежнему загадкой, белыми пятнами, но моему пониманию была доступна атмосфера постоянного соперничества и борьбы за престиж, а также исходящие из нее неустанные словесные поединки. То, что я не вступал в такой поединок с Аргавеном, а пытался найти с ним общий язык и договориться, было необъяснимо и непонятно само по себе.

— Я никогда этого не скрывал, Ваше Величество. Экумен хочет союза с народами Гетена.

— Зачем?

— Материальная выгода. Распространение знаний. Возрастающие интенсивности и сложности сферы разумной жизни. Обогащение мировой гармонии и преумножение хвалы Господу. Любопытство. Приключение. Удовольствие.

Я не говорил на языке тех, кто правит людьми: королей, завоевателей, диктаторов, генералов. В этом языке на его вопрос не было ответа. Мрачный и не убежденный мною, Аргавен всматривался в огонь, покачиваясь с ноги на ногу.

— Как велико это королевство в пустоте, этот Экумен?

— В пределах Экумена находятся восемьдесят три обитаемых планеты, а на них — около трех тысяч народов, или антропоморфных групп...

— Три тысячи? Понимаю. И скажите мне теперь, зачем нам, одному-единственному народу против трех тысяч, нужно связываться со всеми народами монстров, обитающих в пустоте?

Он обернулся, чтобы взглянуть на меня, потому что он все еще вел поединок и задал риторический вопрос, в сущности, пошутил. Однако этот шутиливый тон был всего лишь внешней оболочкой. Король, как предостерегал меня Эстравен, был обеспокоен и напуган.

— Три тысячи народов на восьмидесяти трех планетах, Ваше Величество, но даже самая близкая из этих планет находится на расстоянии семнадцати лет путешествия на корабле, который движется почти со скоростью света. Если Ваше Величество опасается, что Гетену могут угрожать нашествия или иное беспокойство со стороны соседей, то я прошу вас не забывать о расстояниях, которые составляют условия игры. В космосе нашествия себя не окупают.

Я не вспомнил о войне, и неспроста, потому что в кархидском языке не существует такого слова.

— Обмен же зато весьма выгоден. Обмен идеями и технологиями, осуществляемый с помощью анзибла. Обмен товарами и продуктами с помощью кораблей с экипажами и автоматических беспилотных кораблей. Обмен послами, учеными и торговцами; неко-

торые из них могли бы прибыть сюда, некоторые из ваших могли бы отправиться в другие миры. Экумен — не королевство, а координатор, биржа обмена товарами и знаниями. Если бы не он, коммуникация между гуманоидными мирами была бы случайной, а торговля — весьма рискованной. Человеческая жизнь слишком коротка для путешествия между мирами, если бы не существовало централизованной сети, контроля, непрерывности и преемственности. Поэтому обитаемые миры и присоединяются к Экумену... Все мы являемся людьми, Ваше Величество. Все. Все обитаемые миры были заселены неисчислимы века тому назад пришельцами с одной планеты, Хайн. Мы отличаемся друг от друга, но все мы — дети одного и того же очага.

Ничего из того, что я говорил, не вызвало у короля интереса, и ничто его не убедило. Я продолжал еще говорить, пытаясь убедить его, что шифгреттор и его, и Кархида укрепился бы, а не ослабел благодаря союзу с Экуменом, но безуспешно. Аргавен стоял мрачный, как старая выдра в клетке, переступая с ноги на ногу и оскалив зубы в болезненной улыбке. Я замолчал.

— Все ли там такие черные, как вы?

Гетенцы в основном желто-коричневые или красно-коричневые, но я встречал многих таких же чернокожих, как я.

— Есть и более темные, — сказал я. — У нас бывают различные цвета кожи, — и открыл чемоданчик (четырежды обследованный и проверенный дворцовой стражей, прежде чем я добрался до Красной Залы); там был мой анзибл и немного иллюстрационных материалов. Фильмы, фотографии, репродукции, несколько голографических кубиков составляли небольшой Музей Человека: здесь были изображения обитателей Хайна, Чиффевара, сетианцы, люди с Роканнона, Энсбо, Цайм, Где и Шишель... Некоторые из них привлекли внимание короля.

— Что это?

— Обитатель планеты Цайм, женщина, — мне пришлось употребить слово, которым гетенцы обозначают только особь, находящуюся в кульминационной фазе кеммера, потому что для выбора я располагал еще только словом, обозначающим самку животного.

— Постоянно?

— Да.

Он выронил кубик и снова стал раскачиваться с ноги на ногу, глядя на меня или в какую-то точку над моей головой. Отблески огня, причудливо сплетаясь, скользили по его лицу.

— Все ли они такие... такие, как вы?

Это был тот барьер, который я не мог для них снизить. Они должны научиться преодолевать его в конце концов.

— Да. Из того, что нам известно, физиология пола у гетенцев является уникальной и неповторимой среди гуманоидов.

— Следовательно, все они на всех этих планетах постоянно находятся в кеммере? Общество извращенцев? Господин Тайб тоже так утверждал, но я думал, что он шутит. Ну что ж, может, это и правда. Но это отвратительно, господин Ай, и я не понимаю, с какой целью народ моей страны должен был бы стремиться или допускать какие бы то ни было контакты с такими вырожденками. Но вы, я полагаю, хотите мне сказать, что в этом вопросе у меня нет никакого выбора?

— Выбор от имени Кархиды принадлежит Вашему Величеству.

— А если я прикажу вам тоже убираться отсюда?

— Ну что ж, тогда я уеду. Может быть, попробую еще раз в следующем поколении.

Это его задело.

— Вы бессмертны? — бросил он.

— Нет, Ваше Величество. Но временные скачки имеют свое побочное действие. Если бы я сейчас отправился с Гетена к наиболее близко расположенному обитаемому миру, Оллюлу, я провел бы в пути семнадцать лет планетарного времени. Временные скачки являются функцией перемещения с субсветовой скоростью. Если бы я сейчас сел в корабль и возвратился, несколько часов, проведенных мною на корабле, соответствовали бы тридцати четырем годам на планете Гетен. Можно было бы попробовать еще раз.

Но идея временного скачка, идея, поражающая воображение любого, кто о ней впервые слышал, — от рыбака с острова Хорден до канцлера, — не произвела на него впечатления.

— Что это? — спросил он резким, пронзительным голосом.

— Анзибл, Ваше Величество.

— Радио?

— Анзибл не использует ни радиоволн, ни какого-либо иного вида энергии. Принцип, на котором основано его действие, — постоянная изохронности, — во многих отношениях подобна гравитационной постоянной. — Я снова забыл, что разговариваю не с Эстравеном, внимательнейшим образом изучившим все рапорты, касающиеся меня, и выслушивающим пытливым и интеллигентно все мои объяснения, а со скупающим королем.

— Анзибл передает сообщение в ту же самую минуту, когда оно передается, независимо от расстояния, которое это сообщение должно преодолеть. Одна точка должна находиться на планете с определенной массой, а другая точка подвижна. Это и есть окончание. Я определил ее, указав координаты планеты-прародительницы, Хайн. Космический корабль преодолевает расстояние от Гетена до Хайна за шестьдесят семь лет, но если я отстучу на этой клавиатуре сообщение на Хайн, оно будет получено там в тот же самый момент, в который я ее передам. Не хотели бы вы, Ваше Величество, передать что-нибудь стабильным на Хайн?

— Я не знаю языка пустоты,— ответил король с тупой и злобной ухмылкой.

— Я предупредил их, поэтому им будет помогать человек, знающий кархидский язык.

— Как? Каким образом?

— Как Вашему Величеству известно, я не первый пришелец на Гетен. Моему появлению предшествовала высадка целой команды разведчиков-исследователей, которые, не афишируя своего присутствия, а выдавая себя за гетенцев, около года путешествовали по Кархиду, Оргорейну и Архипелагу. Потом они улетели и представили доклад Совету Экумена около сорока лет тому назад, во времена правления деда Вашего Величества. Их доклад был чрезвычайно благоприятным. Потом я изучил собранную ими информацию и записанные ими языки и прилетел. Не хотите ли вы, Ваше Величество, увидеть, как действует этот прибор?

— Я не люблю фокусов, господин Ай.

— Это не фокусы, Ваше Величество. Ученые Вашего Величества исследовали...

— Я не ученый.

— Ваше Величество, вы — монарх. Люди, не уступающие в ранге Вашему Величеству, в мире — прародители Экумена — ожидают сообщения, вести от Вашего Величества.

Он гневно поглядел на меня. Пытаясь польстить ему и вызвать у него интерес, я нечаянно загнал его в западню престижных сообщений. Все шло не так, как надо.

— Очень хорошо. Прошу вас спросить у своей машины, что делает человека предателем.

Я медленно отстукивал на клавишах, переделанных под кархидский алфавит: «Король Кархида Аргавен спрашивает стабилей на Хайне, что делает человека предателем». Буквы засветились на маленьком экране и погасли. Аргавен засмотрелся и на минуту перестал раскачиваться на ногах.

Наступила пауза, долгая пауза. На расстоянии семидесяти двух световых лет кто-то, несомненно, лихорадочно забрасывал компьютер вопросами относительно кархидского языка, а может, и философии. Наконец на экране засветились яркие буквы, которые некоторое время горели, а потом медленно погасли. «Приветствую короля Кархида на Гетене Аргавена. Не знаю, что делает человека предателем. Это трудно установить, ибо никто не считает себя предателем. С уважением Г. Ф. Спимелл от стабилей в городе Сейр на Хайне, 93/1491/45».

Я вручил королю ленту с напечатанным текстом. Он швырнул ее на стол и снова подошел к среднему камину, чуть ли не войдя в него, пнул горящие поленья, а потом долго гасил искры, упавшие на его одежду.

— Такой же в высшей степени полезный совет я мог бы получить от любого прорицателя. Одного совета слишком мало, господин Ай. Вашей коробочки, этой машинки, тоже мало. Вашего корабля — тоже. Несколько фокусов и один фокусник... И вы хотите чтобы я вам поверил, чтобы я поверил вашим рассказам и посланиям? Но почему я должен верить и слушать? Если там, среди звезд, существует не восемьдесят, а восемьдесят тысяч миров, заселенных вырожденками, дегенератами, что же из этого? Мы не хотим иметь с ними ничего общего. Мы избрали для себя свой собственный путь и шли этим путем долгие века. Кархид стоит на пороге новой эпохи, нового периода расцвета и великолепия. Мы пойдем дальше своей дорогой. — Он заколебался, как бы утратив нить своего рассуждения, к тому же, впрочем, скорее всего, не своего. Если Эстравен сейчас уже не был Королевским Ухом, то им был кто-нибудь другой.

— И если жители Экумена действительно чего-нибудь хотели от нас, то не прислали бы вас одного. Это какая-то шутка или мошенничество. Чужаки прибыли бы сюда тысячами.

— Тысячи людей не нужны для того, чтобы открыть двери, Ваше Величество.

— Но могут оказаться нужными, чтобы не позволить их закрыть.

— Экумен будет ждать, пока Ваше Величество не откроет их сам. Она не будет ни к чему принуждать. Я послан сюда один и останусь здесь один, чтобы предотвратить возникновение любых опасений.

— Опасений? — сказал король, поворачивая ко мне улыбающееся, покрытое шрамами теней лицо. Говорил он возбужденно, неестественно высоким голосом.

— Но ведь я вас и так боюсь, господин посланец. Я боюсь тех, кто вас сюда послал. Боюсь лжецов, боюсь фокусников. А больше всего я боюсь горькой правды. И благодаря этому страху я управляю своей страной хорошо. Потому что только страх правит людьми. Ничто иное себя не оправдывает. Ничто иное не действует достаточно долго. Вы тот, за кого вы себя выдаете, и тем не менее вы — шутка, мошенничество. Среди звезд нет ничего, кроме страха, пустоты и тьмы. А вы прибыли оттуда в одиночестве, чтобы меня напугать. Но я уже и так напуган, и я — король. Страх есть король! А теперь забирайте свои фокусы и ловушки и идите восвояси. Это все. Я уже издал приказ, разрешающий вам пребывание в Кархиде.

Так я расстался с Его Королевским Величеством. Я шел, стуча каблуками, по нескончаемому красному паркету в красноватом полумраке залы для аудиенций, пока последние двойные двери не отделили меня от него.

Подвел. Подвел, полностью не оправдал надежд. Однако, когда я покидал Королевский Дом и шел через двор Дворца, меня беспокоило не мое поражение, а доля участия в нем Эстравена. Почему король изгнал его за действия в пользу Экумена (это вроде бы следовало из текста прокламации), если, исходя из слов самого короля, он делал нечто, совершенно этому противоположное? Когда он начал советовать королю, чтобы тот не поддавался моим уговорам, и почему он был изгнан, а меня оставили в покое? Который из них лгал больше и зачем, черт побери, лгал?

Эстравен лгал, решил я, спасая собственную шкуру, а король лгал, спасая собственное лицо. Объяснение получилось довольно гладким, но разве Эстравен когда-нибудь в действительности лгал мне? Я пришел к выводу, что попросту не знаю.

Я проходил как раз мимо Углового Красного Дома. Калитка в сад была открыта. Я посмотрел на белые деревья серем, склонившиеся над темной водой пруда, на дорожки из розового кирпича, пустые в ласковом сероватом освещении послеполуденного часа. Остатки снега еще лежали в тени валунов около пруда. Я подумал об Эстравене, который ждал меня здесь прошлым вечером под тихо падающим снегом, и почувствовал, что меня захлестнула волна обыкновенной жалости к человеку, которого еще только вчера я видел во всем его великолепии, вспотевшего под тяжестью парадных одежд и бременем власти, человека на вершине карьеры, могущественного и блистательного, а сейчас свергнутого, разжалованного, потерпевшего поражение. Спешащего сейчас к границе, со смертью, преследующей его и отстающей от него всего на три дня, при полной невозможности обратиться хоть к кому-нибудь за помощью. Смертная казнь чрезвычайно редко применялась в Кархиде. Жизнь на Зиме тяжела, и люди здесь предоставили смерть природе и ярости, а не праву. Я размышлял над тем, как же странствует Эстравен с этим приговором за плечами. Не в автомобиле, потому что все они принадлежат Дворцу. Возьмут ли его на палубу корабль или сухопутная лодка? Кархидцы, как правило, путешествуют пешком, потому что у них нет тягловых животных и нет летательных аппаратов, погода сильно затрудняет передвижение механических транспортных средств большую часть года. А обитатели Гетена не относятся к числу людей, которые спешат когда-нибудь вообще. Я представил себе этого гордого и независимого человека, отправившегося в изгнание, маленькую фигурку на длинной дороге, ведущей на Запад, шаг за шагом удаляющуюся от столицы. Все эти мысли теснились в моей голове, когда я проходил мимо ворот Углового Красного Дома, и в то же время я строил в уме лихорадочные умозаключения относительно мотивов действий Эстравена и короля. Мои взаимоотношения и дела с ними были закончены. Я потерпел поражение. Что дальше?

Я должен отправиться в Оргорейн. Эта страна — сосед и соперник Кархида. Но если я туда отправляюсь, у меня могут возникнуть трудности с возвращением в Кархид, а я еще не закончил здесь своих дел. Я должен помнить, что вся моя жизнь может быть и, вероятнее всего, будет посвящена выполнению моей миссии для Экумена. Не надо торопиться. Нет причин, чтобы торопиться в Оргорейн, пока я не узнаю побольше о Кархиде, особенно о крепостях. Два года я отвечал на вопросы, теперь я их буду задавать. Но не в Эргенранге. Я понял, наконец, что Эстравен меня предостерегал, и хотя я мог его предостережениям не доверять, пренебречь ими я не могу. Да, действительно, не напрямую, но достаточно ясно он давал мне понять, что мне следует держаться подальше от города и от дворца. Ни с того ни с сего мне вдруг вспомнились зубы господина Тайба... Король разрешил мне передвигаться по стране, надо воспользоваться этим разрешением. Как это нас учили в школе Экумена: «Если действие не приносит пользы, собирай информацию; если информация не приносит пользы, ложись спать». Спать мне еще не хотелось. Отправлюсь-ка я на восток и получу немного информации от предсказателей.

4. ДЕНЬ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

*Востонокархидское сказание, записанное в очаге
Горинхеринг со слов Тоборда Хархава Г. А. 93/1492*

Господин Берости рем ир Айп прибыл в крепость Тангеринг, чтобы предложить сорок бериллов и половину годового сбора со своих садов как цену за предсказание, и цена эта была принята. Тогда он задал Ткачу Одрену вопрос о дне своей смерти.

Предсказатели собрались и все вместе погрузились во тьму. Когда же они вышли из тьмы, Ткач Одрен огласил ответ: «Умрешь в день одстрет», то есть в девятнадцатый день месяца.

— В каком месяце? Через сколько лет? — крикнул Берости, но контакт уже оборвался, и он не получил ответа. Тогда он вбежал в круг, схватил Ткача Одрена за горло и крикнул, что если он не получит ответа, то свернет Ткачу Одрену шею. Его оттащили и держали, хотя он был очень силен. Он вырывался и кричал:

— Дай мне ответ!

Одрен сказал:

— Ты получил ответ, заплатил цену, иди!

Взбешенный Берости рем ир Айп вернулся в Чаруте, третий домен своего рода, нищее владение в северном Оснорине, которое он сделал еще более нищим, чтобы оплатить предсказание. Там он заперся в замке, на самом высоком этаже башни, которую он

уже не оставлял ни на сев, ни на жатву, ни на кеммер, ни на битву, и так прошел месяц, шесть, десять месяцев, а он все сидел в своей башне, как приговоренный к смерти, и ждал. В дни оннетерхад и одстрет (восемнадцатый и девятнадцатый) каждого месяца он не ел, не пил и не спал.

Его кеммерингом по любви и по браку был Гербор из клана Геганнеров. Этот Гербор в месяце греде прибыл в крепость Тангеринги и сказал Ткачу:

— Я хочу задать вопрос оракулу.

— Чем ты хочешь заплатить? — спросил Одрен, видя, что спрашивающий бедно одет, санки его старые и все, что у него есть, нуждается в починке.

— Я даю свою жизнь, — ответил Гербор.

— Нет ли у тебя чего-нибудь иного, господин? — спросил его Одрен, обращаясь к нему на этот раз как к большому правителю. — Ничего, что бы ты мог предложить?

— У меня нет ничего другого, — ответил Гербор, — и я не знаю, имеет ли моя жизнь для вас какую-нибудь ценность.

— Нет, — сказал Одрен, — она не имеет никакой ценности.

Тогда Гербор, мучимый стыдом и любовью, упал на колени и воззвал к Одрену:

— Умоляю тебя, дай мне ответ! Он нужен не для меня!

— А для кого же? — спросил Ткач.

— Для моего господина и кеммеринга Эше Берости, — ответил Гербор и залился слезами. — С тех пор, как он побывал здесь и получил ответ, который не был ответом, он не знает ни любви, ни радости, и власть не дает ему утешения. Он умрет от этого.

— Ну и умрет. От чего же еще должен умереть человек, как не от своей смерти? — сказал Ткач Одрен. Но страдания Гербора тронули его, и он, помолчав, сказал:

— Я поищу ответ, который тебе нужен, господин, не требуя никакой платы. Но помни, что все имеет свою цену. Спрашивающий всегда платит столько, сколько должен заплатить.

Тогда Гербор приложил ладонь Одрена к своим глазам в знак благодарности, и ворожба началась.

Прорицатели собрались и сошли во тьму. Гербор вошел вместе с ними и спросил:

— Как долго будет жить Эше Берости рем ир Айп? — Гербор думал, что ему будет указано количество дней или лет и он таким образом успокоит сердце своего возлюбленного. Прорицатели искали во тьме, и наконец Одрен воскликнул с такой болью и мукой в голосе, будто его жгло огнем:

— Дольше, чем Гербор из Геганнеров!

Это не был ответ, на который рассчитывал Гербор, но это был ответ, который он получил, и, будучи терпелив сердцем, вернулся

с этим ответом через снега гряде домой в Чаруте. Он прибыл в домен, добрался до замка и вбежал на последний этаж башни, где застал своего кеммеринга. Берости сидящим без движения с ничего не выражающим лицом возле гаснущего огня, с руками, лежащими на столе из красного камня и с низко опущенной головой.

— Эше, — сказал Гербор, — я был в крепости Тангеринг и получил от прорицателей ответ. Я спросил, как долго ты будешь жить, и они ответили: «Берости будет жить дольше, чем Гербор».

Берости медленно поднял голову, как будто у него заржавели шарниры в затылке, и произнес:

— Спросил ли ты их, когда я умру?

— Я спросил, как долго ты будешь жить.

— Как долго? Ты глупец! Имея право задать оракулу вопрос — и не спросить, когда я умру, в какой день какого месяца и какого года, сколько мне осталось дней жизни! А ты спросил, как долго? Ты глупец, безнадежный глупец! Дольше, чем ты, о да, дольше, чем ты!

Берости схватил большой стол из красного камня, как будто он был из жести, и опустил на голову Гербора. Гербор упал, придавленный страшной тяжестью. Берости мгновение стоял, онемев. Потом поднял стол и увидел, что размогзил Гербору череп. Тогда он поставил каменный стол на место, а сам лег рядом с убитым и обнял его рукой, как будто они были в кеммере и ничего не случилось. Так их и нашли люди из Чаруте, когда, наконец, высадили двери комнаты на башне. Берости сошел с ума, и его надо было держать взаперти, потому что он все время искал Гербора, полагая, что тот находится где-то в домене. Так он прожил месяц, пока не повесился в день одстрет, девятнадцатый день месяца терн.

5. ПРИРУЧЕНИЕ ПРЕДЧУВСТВИЯ

Мой «хозяйка», особа весьма услужливая, организовал мне путешествие на восток.

— Если кто хочет посетить крепости, должен преодолеть горы Каргав и отправиться к Старому Кархиду, в Рер, прежнюю столицу. Так получилось, что мой брат по очагу, который водит караваны сухопутных лодок через перевал Эскар, не далее как вчера говорил мне за бокалом орша, что этим летом он отправится в первую экспедицию в день генети осме, потому что эта весна выдалась исключительно теплая, дорога уже проходила до самого Энгохара и через несколько дней снежные плуги проложат дорогу через перевал. Я бы ни за что на свете не пошел через Каргав, предпочитаю Эргенранг и крышу над головой. Но я — йомешта, да восстановлены будут в веках девятьсот стражей трона его и да будет благословен-

но молоко Меше, а йомештой можно быть везде и всюду. Мы — люди новые, наш Господь Меше родился две тысячи двести два года тому назад, а Старый Путь, ханддара, на десять тысяч лет старше. Кто ищет Старый Путь, должен отправиться в Старую Страну. Вы послушайте, господин Ай, я всегда сохранию для вас комнату на этом острове, но я думаю, что вы поступаете мудро, выезжая на некоторое время из Эргенранга, потому что все знают, что тут изменник слишком уж напоказ выставлял свою дружбу с вами. Сейчас, когда Королевским Ухом стал старый Тайб, все снова пойдет хорошо. А моего брата найдете в Новом Порту, и если вы скажете, что это я присылаю вас...

И так далее. Как я уже упоминал, он был очень услужлив, и, как только обнаружил, что у меня нет шифгреттора, при каждом удобном случае он осыпал меня советами, хоть и маскировал их всякими «если бы» да «как бы». Он был администратором моего острова. Я всегда думал о нем как о хозяйке — из-за весьма внушительного зада, которым он вертел при ходьбе, а также из-за мягкого одутловатого лица и невероятного любопытства и несносного, но доброго характера. Он был очень добр ко мне и в то же время, когда я отсутствовал, показывал мою комнату за небольшое вознаграждение искателям сенсаций. Смотрите, это комната таинственного посланца! Он был настолько похож на женщину и внешне, и манерой держаться, и своим поведением, что я как-то спросил, сколько у него детей, так, как спросил бы у матери семейства. Он помрачнел. Оказалось, что он не родил ни одного ребенка, зато зачал их множество. Это было для меня еще одним небольшим потрясением, из числа тех, что случались на каждом шагу. Шок, вызванный столкновением с иной культурой, был ничем по сравнению с шоком биологическим, который я испытывал как индивидуум мужского пола среди человеческих существ, которые пять шестых времени своей жизни являются гермафродитическими евнухами.

Радиобюллетени новостей были полны известий, касающихся нового премьера, Пеммера Харджа рем ир Тайба. Многие сообщения касались проблемы долины Синот на севере страны. Тайб, очевидно, намеревался усилить претензии Кархида в этом районе: типичная акция, которая в этой стадии на любой другой планете привела бы к войне. Но на Гетене ничто не приводит к войне. Споры, убийства, феодальные склоки, набеги, вендетты, покушения, пытки и ненависть — все это находилось в репертуаре их высоких человеческих достижений, но вот войн они не вели. Им как будто не доставало способности к мобилизации усилий. С этой точки зрения они вели себя как животные. Или как женщины. Словом, не так, как мужчины. Или муравьи... Во всяком случае, до сих пор никогда этого не сделали. То, что мне было известно относительно Оргорейна, позволяло предположить, что на протяжении послед-

них пяти или шести столетий формируется общество, все более способное к мобилизации, настоящее национальное государство. Соперничество престижей, и уж, несомненно, экономическое соперничество, могло бы заставить Кархид последовать примеру своего более мощного соседа к тому, чтобы стать нацией, а не семейной склокой, как это называл Эстравен, к открытию, как это опять-таки сформулировал Эстравен, патриотизма. Если бы так случилось, у гетенцев появился бы верный шанс достичь состояния, необходимого для войны.

Я намеревался отправиться в Оргорейн, чтобы убедиться, насколько подозрения мои относительно этой страны являются обоснованными, но до этого я хотел рассчитаться с Кархидом. Поэтому я продал очередной рубин ювелиру со шрамом на лице, лавка которого была на улице Энг, и без багажа, но зато с деньгами, анзблом, еще несколькими приборами и сменой одежды отправился в первый день первого летнего месяца как пассажир, с торговым караваном.

Сухопутные лодки отправлялись рано утром из исхлестанных вихрями погрузочных доков Нового Порта. Проехав под Аркой, мы свернули на восток; двадцать больших бесшумных повозок, напоминающих баржи, поставленные на гусеницы, двигались одна за другой глубокими улицами Эргенранга в утренних сумерках. Они везли коробки с оптическими линзами и звукозаписывающими лентами, катушки медного и платинового провода, рулоны тканей из растительного волокна, возделываемого на Западной Возвышенности, мешки сушеных рыбных хлопьев, ящики шарикоподшипников и других запасных деталей к машинам, а десять лодок было загружено зерном кадик из Оргорейна. Все товары были предназначены для Бурного Пограничья Перинг, северо-восточной окраины страны. Все перевозки на Большом Континенте обеспечиваются с помощью этих электрических средств транспорта, которые всюду, где только возможно, перевозятся речными баржами. В тех месяцах, когда лежит снег, единственным средством транспорта, кроме лыж и сани, которые тащат люди, являются снежные плуги, электрические сани и не всегда надежные на замерзших реках сухопутные лодки. Во время оттепели ненадежен ни один из видов транспорта, поэтому большую часть товаров торопятся перевезти в летние месяцы. Тогда на дорогах становится тесно от множества караванов. Движение это контролируется, каждый экипаж или караван обязан поддерживать радиосвязь с постами на дорогах. Весь транспорт, хоть и в тесноте, движется со средней скоростью тридцать пять километров в час. Гетенцы могли бы производить транспортные средства, развивающие большую скорость, но их не делают. На мой вопрос «Почему?» отвечают: «А зачем?» Точно так же, как земляне, если их спросить, почему их автомобили носятся с такой скоростью, ответили бы: «А почему бы и нет?» Это уж кто что любит. Земляне считают, что

нужно постоянно двигаться вперед, действовать в интересах прогресса. Для жителей Зимы, всегда пребывающих в году первом, прогресс менее важен, чем их настоящее. Я был землянином, и при выезде из Эргенранга меня раздражал медленный и ленивый темп движения каравана. Мне хотелось выйти и бежать вперед. Меня радовало то, что мне удалось выбраться из этих длинных каменных улиц, прижатых к земле высокими черными крышами и бесчисленными башнями, из этого мрачного города, в котором страх и предательство перечеркнули все мои надежды. Поднимаясь к подножью Каргава, караван делал короткие, но частые остановки, чтобы перекусить в придорожных постоянных дворах. После полудня с вершины холма перед нами открылась вся величественная панорама гор. Мы увидели Костор, высота которого составляет семь с половиной километров от подножия до вершины. Гигантский массив его западного склона скрывал другие вершины, расположенные севернее, а ведь некоторые из них достигали десяти километров высоты. На юг от Гостора на фоне бесцветного неба вздымались ввысь одна за другой горные вершины. Я насчитал их тридцать, последний пик уже был скорее неопределенным сиянием в голубой мгле далеко на юге. Водитель перечислил их названия и рассказал о лавинах, о сухопутных лодках, сброшенных с дороги в пропасть страшными горными вихрями, об экипажах снежных плугов, неделями запертых на недоступных высотах, и тому подобные истории — все это из искреннего ко мне расположения, чтобы произвести на меня впечатление. Он рассказал мне, как едущий перед ним экипаж занесло на обледенелой дороге и он свалился в пропасть глубиной метров триста. Самым странным было то, говорил он, что падал транспорт невероятно медленно. Казалось, что он плыл в воздухе половину дня, и водитель утверждал, что даже почувствовал облегчение, когда машина беззвучно исчезла в многометровом снегу на дне пропасти. В три часа мы остановились пообедать в большом богатом постоялом дворе с огромными, гудящими жарким огнем каминами, с перекрытым мощными балками потолком, со столами, заставленными хорошей едой, но не остались там ночевать. Наш караван спешил (в кархидском смысле этого слова), спешил день и ночь, чтобы раньше всех прибыть в Перинг и снять сливки с тамошнего рынка. Сменились аккумуляторы лодки, сменились водители, и мы двинулись дальше. Одна из лодок в караване служила спальным вагоном, но только для водителей. Для пассажиров спальные места не были предусмотрены. Я провел эту ночь в холодной кабине на жестком сиденье, с одним только перерывом около полуночи, чтобы поужинать на маленьком постоялом дворе, расположенном уже высоко в горах. Кархид — страна, плохо приспособленная для любителей роскоши и комфорта. На рассвете я убедился, что за собой мы оставили все, кроме скал, льда, света и узкой

дороги под нашими гусеницами, все время ведущей вверх. Дрожа от холода, я подумал, что на свете есть вещи поважнее, чем удобства, конечно, если ты не старушка или домашний кот.

Среди этих вызывающих ужас снежно-гранитных склонов и круч уже не было постоянных дворов. Когда наступало время обеда или ужина, сухопутные лодки медленно, одна за другой, останавливались на снежном склоне, крутизна наклона которого была не меньше 30 градусов, все выходили из кабин и собирались вокруг той лодки, которая служила спальным вагоном для водителей, из нее выдавалась миска горячего супа, кубики сушеных хлебных яблок и горькое пиво в кружках. Мы стояли, притопывая ногами от холода, жадно ели и пили, повернувшись спинами к пронизывающему ветру, несущему сверкающую снежную пыль. Потом — опять по лодкам и дальше вверх. В полдень на перевале Вехот было более сорока градусов тепла на солнце и значительно ниже нуля в тени — на высоте около четырех с половиной километров. Электрические двигатели работали так тихо, что слышен был шум лавины, сползающей с мощного гранитного склона в тридцати километрах от нас. Ближе к вечеру мы преодолели самую высоко расположенную точку нашего маршрута. Я посмотрел на южный склон Костора, по которому мы ползли целый день, как муравьи, и в нескольких сотнях метров от дороги странную группу скал, напоминающую своими очертаниями замок.

— Видите крепость? — спросил меня водитель.

— А разве это постройка?

— Это крепость Аriskостор. О, Старые Люди могут все. Я когда-то ездил в караване, который поздним летом привозил им провизию из Эргенранга. Разумеется, они десять или одиннадцать месяцев в году не выходят наружу, но это им не мешает. Их там семь или восемь.

Я посмотрел на откосы монолитной скалы, такой одинокой в безграничном однообразии гор, и не мог поверить словам водителя, но свое недоверие счел за лучшее не высказывать. Если какие-нибудь человеческие существа и могли бы выжить в таком ледяном гнезде, то, несомненно, только кархидцы.

Дорога вниз шла широкими зигзагами с севера на юг над краем пропасти, потому что восточный склон Каргава гораздо круче, чем западный, и спускается в долину большими уступами. На закате мы увидели цепочку темных точек, ползущую через огромную белую тень километрах в двух по вертикали ниже нас. Это был караван, который вышел из Эргенранга днем раньше нас. К концу следующего дня мы достигли того же места и ползли по снежному склону осторожно, опасаясь даже чихнуть, чтобы не вызвать схода лавины. Оттуда нам на мгновение открылась далеко внизу и на восток от нас обширная равнина, неясные очертания которой были скрыты

тучами и тенями туч, иссечены серебряными нитями рек. — Равнина Рер.

На исходе четвертого дня, считая со дня выхода каравана из Эргенранга, мы добрались до Рера. Эти два города разделяет почти полторы тысячи километров, горная гряда высотой в несколько километров и две, а может, и три тысячи лет. Караван остановился перед Западными Воротами, где он должен был погрузиться на баржи и дальше плыть по каналу. Никакая сухопутная лодка, никакой автомобиль не могут въехать в Рер, поскольку построен он был тогда, когда кархиды еще не применяли механического транспорта, а ведь они используют его уже около двадцати столетий. В Рере нет улиц. Вместо них — крытые проходы-тоннели, которыми летом можно ходить и поверху, и понизу, кому как больше нравится. Дома, очаги и острова понаставлены без всякого порядка, образуя ошеломляюще хаотический лабиринт, который вдруг оказывается увенчан (как это часто происходит с анархией в Кархиде) чем-нибудь великолепным, например, кроваво-красными, огромными, совершенно лишенными окон башнями дворца Ун. Башни эти, возведенные семнадцать столетий тому назад, были резиденцией королей Кархида целое тысячелетие, пока Аргавен Хардж, первый в своей династии, не перешел через Каргав и не заселил огромную долину на Западной Возвышенности. Все дома в Рере очень глубоко сидят в грунте, хорошо защищены от морозов и от воды, а стены у них фантастически массивные. Зимой ветры с равнин не позволяют накапливаться снегу, но, когда начинаются метели, улицы не очищают от снега, потому что улиц нет. Тогда пользуются каменными проходами либо выкапывают временные тоннели в снежных сугробах. Тогда только крыши торчат из снега, а зимние двери укрыты под навесами либо сделаны в самих крышах, как мансарды. Самое трудное время на этой равнине, изрезанной множеством рек, — это время оттепели. Тоннели тогда превращаются в каналы для стока воды — ливневая канализация, — а пространства между домами становятся каналами и озерами, по которым жители города плавают на лодках, отталкивая льдины веслами. И всегда над лабиринтом заснеженных крыш зимой, весенним потоком и облаками летней пыли возносятся красные башни — пустое, но несокрушимое сердце города.

Я поселился в мрачном и дорогом постоялом дворе, который приютился у подножья башен. Встал я на рассвете, после отвлечительно проведенной ночи, заплатил грабителю-хозяину за постель, завтрак и туманные разъяснения относительно дороги и пешком отправился на поиски Отерхорда, древней крепости в окрестностях Рера. Заблудился я, пройдя первые же пятьдесят метров. Стараясь держать свой путь так, чтобы красные башни оставались у меня за спиной, а огромный белый массив Каргава был все время справа,

я выбрался из города и двинулся в южном направлении, а встреченный мною по дороге деревенский ребенок сказал мне, где я должен свернуть к Отерхорду. Добрался я туда в полдень. Точнее, куда-то я в полдень добрался, но не знал, куда именно. Вообще-то, это был лес, но лес, ухоженный более старательно, чем большинство лесов в этой стране заботливых лесников и лесоводов. Тропинка вела к склону холма прямо между деревьями. Через минуту я заметил справа от тропинки бревенчатую хижину, и тут же неподалеку, но дальше от тропинки слева — большой деревянный дом, и до меня долетел аппетитный запах жареной рыбы.

Я замедлил шаги, потому что не знал, как последователи ханддары относятся к туристам. Вообще-то, честно говоря, я знал о них очень мало. Ханддара — это религия без учреждений, без священников, без иерархии, без догматов. Я так до сих пор и не знаю, есть ли в ней Бог. Она неуловима и всегда кажется чем-нибудь иным. Единственным ее материальным проявлением являются крепости, в которых можно укрыться на одну ночь или на всю жизнь. Я бы не гнался за этим странно неосязаемым культом по его труднодоступным святилищам, если бы не интриговал меня вопрос, на который не нашли ответ и разведчики. Кто такие прорицатели и что они, собственно, делают?

Я находился в Кархиде уже гораздо дольше, чем разведчики, и сильно сомневался в том, что рассказы о прорицателях и их пророчествах содержат в себе долю истины. Легенды о пророчествах существуют во всех обитаемых мирах, населенных людьми. Вещают боги, вещают духи, вещают компьютеры. Многозначительность и неопределенность предсказания, а также статистическая вероятность делают возможной веру, а вера позволяет закрыть глаза на некоторые неточности. Но, несмотря на эти рассуждения, легенды стоили того, чтобы их изучить повнимательнее. Пока что мне не удалось убедить ни одного кархидца в существовании телепатии. Они не хотели верить, пока сами этого не «увидят», — совершенно так же, как и я в отношении прорицателя.

По мере дальнейшего моего продвижения по тропинке до меня дошло, что в лесу на склоне расположился целый городок, такой же хаотически застроенный, как и Рер, но тихий, спокойный, хорошо укрытый от посторонних глаз. Над всеми крышами и тропинками распростерли свои ветви хеммены — самые популярные и наиболее широко распространенные на планете хвойные деревья с толстыми светло-фиолетовыми иглами. Эти иглы устилали разветвляющиеся тропинки, ветер доносил запах пыльцы цветущих хемменов, и все дома были построены из их темной древесины. Я долго размышлял, в какие же двери мне постучаться, но в это время какой-то человек вышел навстречу мне из тени деревьев и доброжелательно обратился ко мне:

— Не ищешь ли ты убежища?

— Я пришел с вопросом к прорицателям.— Я решил, хотя бы поначалу, выдавать себя за кархидца. Как разведчику, мне это не составляло никакого труда, если это было мне необходимо. Среди многочисленных кархидских диалектов мой акцент не резал слух, а мои половые аномалии были скрыты толстыми слоями одежды. У меня не было буйной копны волос и слегка опущенных уголков глаз, как у типичных гетенцев, кроме того, я был выше и чернее, чем большинство из них, но эти отличия не выходили за рамки встречающихся отклонений. Щетина на моем лице была ликвидирована навсегда еще перед отлетом с Оллюла (нам тогда не было еще известно о «покрытых шерстью» племенах из Перунтера, волосистой покров у которых был не только на лице, но и на всем теле, как и у белокожих землян). Иногда у меня спрашивали, когда это я сломал себе нос. У меня нос плоский, тогда как у гетенцев носы тонкие и сильно выступающие, с длинными носовыми каналами, хорошо приспособленными для вдыхания холодного воздуха. Человек, который встретил меня на тропинке в Отерхорде, посмотрел на мой нос с умеренным любопытством и сказал:

— Об этом, наверное, ты хочешь поговорить с Ткачом? Он на той поляне, если не пошел с санями. А может, хочешь сначала поговорить с кем-нибудь из целибантов, давших обет безбрачия?

— Я и сам не знаю. Я очень невежествен...

Молодой человек рассмеялся и поклонился мне.

— Это для меня большая честь! — сказал он.— Я живу здесь уже три года, но не скопил еще столько невежества, чтобы было о чем упоминать.— Он очень развеселился, но держал себя вежливо и сдержанно. Призвав на подмогу все случайные и разрозненные сведения об учении ханддары, я понял, что выставил себя бахвалом, совершенно так же, как если бы пришел к нему и заявил во всеуслышание, что я исключительно красив...

— Я только хотел сказать, что ничего не знаю о прорицателях...

— Это достойно зависти! — сказал молодой послушник.— Чтобы куда-нибудь дойти, необходимо запятнать чистый снег следами ног. Могу ли я указать тебе дорогу к поляне? Меня зовут Госс.

Это было имя.

— Генри,— сказал я, отказываясь от своего «л». Вслед за Госсом я вошел в холодную тень леса. Узкая тропинка петляла, часто меняя направление, то взбираясь на склон, то спускаясь вниз. Довольно часто около тропинки или глубже, в лесу, среди могучих стволов хемменов, стояли маленькие домики того же цвета, что и лес. Здесь все было красное и коричневое, влажное, неподвижное, пахнущее смолой и угрюмое. Из одного домика до нас доносился тихий и нежный щебет кархидской флейты. Госс шел в нескольких

шагах передо мною легкой и быстрой походкой, полной какой-то девичьей прелести. Вдруг его белая рубаша как будто засветилась, и я вслед за ним вышел из полутьмы леса прямо в ослепительное солнечное сияние на широкой зеленой поляне.

В двадцати метрах от нас стояла какая-то фигура, прямая, неподвижная, четко выделяющаяся на фоне зелени. Ее красный хиб и белая рубаша были как яркая эмалевая инкрустация на зеленом фоне высокой травы. В каких-нибудь ста метрах за ней стояла другая фигура, сине-белая. Эта вторая фигура ни разу не шелохнулась и не взглянула в нашу сторону за все время нашей беседы с той первой фигурой, человеком в красном хибе. Они были полностью поглощены ханддарским таинством присутствия, которое является разновидностью транса (ханддарты, последователи ханддары, питающие пристрастие к отрицаниям, называют это состояние не-транс), ведущего к потере ощущения собственного «я» (или к обретению своего истинного «я»?) путем необычайного обострения всех чувств и сознания. Хоть техника эта представляет собой полную противоположность большинству мистических методов, она, несомненно, также является одной из мистических дисциплин, целью которой является постижение имманентной, внутренне присущей предметам и явлениям сущности, но классификация каких бы то ни было таинств ханддары лежит за пределами моих возможностей. Госс обратился к человеку в красном. Как только тот освободился от своей напряженной неподвижности, он посмотрел на нас и приблизился к нам неторопливыми шагами. Я почувствовал какой-то священный трепет. В свете яркого полуденного солнца от него исходило собственное сияние.

Он был моего роста, худой, лицо его было светлым, открытым и прекрасным. Когда наши глаза встретились, я вдруг ощутил импульс к установлению телепатического контакта, к применению мыслеречи, которой я не пользовался с самого момента высадки на Зиме и которой, в общем-то, пользоваться здесь не должен. Но импульс был сильнее, чем торможение. Я подчинился импульсу и обратился на мыслеречи к этому человеку. Ответа не последовало. Контакт не состоялся. Он внимательно присматривался ко мне. Через минуту он улыбнулся и сказал мягким, довольно высоким голосом:

— Ты посланец, не правда ли?

Запнувшись поначалу, я подтвердил это.

— Меня зовут Фейкс. Принимать тебя — большая честь для нас. Пробудешь ли ты в Отерхорде какое-то время?

— Охотно. Мне хочется узнать побольше о вашем искусстве прорицания. И если есть что-нибудь, что я мог бы рассказать вам взамен, например, о том, кто я и откуда я прибыл...

— Все, что захочешь, — сказал Фейкс, спокойно и приветливо

улыбаясь.— Это очень любезно с твоей стороны, что ты пересек бескрайний Океан Космоса, а потом еще совершил путешествие через Каргав, чтобы посетить нас.

— Я хотел посетить Отерхорд, потому что слава вашего оракула очень велика.

— Поэтому ты, наверное, хочешь увидеть, как мы это делаем. А может, у тебя есть и собственный вопрос?

Его ясный взгляд заставил меня сказать правду.

— Я и сам не знаю,— признался я.

— Нусут,— сказал он.— Неважно. Может, если ты здесь побудешь какое-то время, ты поймешь, есть ли у тебя вопрос или нет. Ты должен помнить, что прорицатели могут собираться только в определенные дни, поэтому тебе придется немного пожить у нас.

Я последовал его совету, и это были действительно очень приятные дни. Здесь всем была предоставлена полная свобода вне исполнения хозяйственных работ, таких, как работы в поле и огороде, колка дров, разные ремонтные работы, к которым привлекали таких же, как и я, гостей, там, где наши руки были наиболее необходимы. Если бы не это, можно было бы целый день провести, не произнеся ни единого слова. Я разговаривал, как правило, с молодым Госсом и Ткачом Фейксом. Его необыкновенный характер, натура кристально чистая и беспредельно глубокая, как колодец с родниковой водой, был квинтэссенцией, самой сутью этого места. Иногда по вечерам происходили встречи у огня в одной из невысоких, укрытых среди деревьев хижин. Там были разговоры, пиво, музыка — жизнерадостная и бодрая кархидская музыка, с несложной мелодией, но со сложным ритмом, всегда исполняемая ех тепроге, только что, тут же сочиненная. Однажды вечером танцевали двое жителей крепости. Они были так стары, что волосы их побелели, а тела иссохли, и косые складки потерявшей упругость кожи наполовину прикрывали их темные глаза. Танец их был медленным, точно координированным, зачаровывающим зрение и разум. Они начали танцевать в третьем часу после ужина. Музыканты присоединялись к исполнению и составляли ансамбль с одобрения слушателей — все, кроме барабанщика, который ни на секунду не переставал выбивать сложный, изменчивый ритм. Двое старцев продолжали танцевать до шести часов, до полночи, то есть в течение пяти земных часов. Я впервые сам наблюдал феномен «дот» — осознанного исполнения того, что на Земле мы называем «истерической силой». С тех пор я был вполне готов поверить в рассказы о Старых Людах ханддары.

Это была жизнь, обращенная вовнутрь, самодовольная, неподвижная, погруженная в это особого рода «невежество», так высоко ценимое последователями ханддары, и подчиненная принципам не-действия и не-вмешательства. Принцип этот, выражаемый сло-

вом «нусут», которое я вынужден перевести словом «неважно, несущественно», является сердцем их культа, и я не намерен делать вид, что я это понимаю. Но, проведя полмесяца в Отерхорде, я начал понимать Кархид немного лучше. За фасадом политики, парадов и страстей этой страны кроется древний мрак, пассивный, анархический, тихий и плодотворный мрак ханддары.

А из этой тишины и тьмы необъяснимо звучит голос оракула.

Молодой Госс, которого развлекала роль моего проводника, сказал мне, что мой вопрос к прорицателям может касаться чего угодно и быть произвольно сформулированным.

— Чем короче сформулирован вопрос, тем пространнее ответ. Неясность порождает неясность. А на некоторые вопросы, разумеется, ответа не существует.

— А что бы случилось, если бы я задал именно такой вопрос? — спросил я. Подобные оговорки, хоть и звучали мудро, тем не менее ничем новым не являлись. Однако ответ я услышал неожиданный — такого я не предвидел.

— Ткач не примет вопроса. Вопрос без ответа может уничтожить круг прорицателей.

— Уничтожить?

— Известна ли тебе история господина из Шота, который заставил прорицателей из крепости Эйсин искать ответ на вопрос: «В чем состоит смысл жизни?» Случилось это две тысячи лет тому назад. Прорицатели пребывали во тьме шесть дней и шесть ночей. В конце концов все целибанты, давшие обет безбрачия, впали в кататоническое состояние, одержимые умерли, извращенец убил господина из Шота камнем, а Ткач... Ткача звали Меше.

— Тот, который создал новую религию?

— Да, — ответил Госс и рассмеялся, как будто это было очень смешно. Но я не знал, смеется ли он над последователями йомеша, или надо мной.

Я решил задать вопрос типа «да — нет», который позволил бы, как минимум, определить степень туманности и двусмысленности ответа. Фейкс подтвердил то, что мне сказал Госс, — вопрос мой может касаться тем и проблем, о которых прорицатели не имеют ни малейшего понятия. Я могу спросить, каков будет урожай хоольма в северном полушарии планеты С., и они дали бы мне ответ, не зная до этого момента даже о существовании этой планеты. Это обстоятельство, как мне казалось, перемещало проблему в плоскость сугубо вероятностную, как, например, гадание на стеблях тысячелистника либо бросание монеты. Но Фейкс сказал, что это не так, что случай здесь не играет никакой роли и весь процесс, по сути своей, является противоположностью случайности.

— Значит, в таком случае вы читаете мысли спрашивающего?

— Нет, — ответил Фейкс с открытой и ясной улыбкой.

— Может быть, вы читаете его мысли, не отдавая себе в этом отчета?

— А что бы это дало? Если бы тот, кто спрашивает, знал ответ, то не платил бы за него.

Я выбрал вопрос, на который я, и это было абсолютно точно, не знал ответа. Только время могло точно определить, было ли предсказание правильным. Разве что, как я подозревал, это будет одно из тех достойных удивления и восхищения профессиональных предсказаний, подходящих к любому ходу событий. Вопрос отнюдь не был незначительным. Я оставил свое первоначальное намерение — спросить, когда перестанет идти дождь или что-нибудь в этом роде, когда мне стало известно, что это дело, которое я затеял, будет трудным и небезопасным для девяти предсказателей из Отерхорда. Вопросающий платил дорого — два моих рубина перекочевали в сокровищницу крепости, — но те, которые отвечали, платили еще дороже. Кроме того, с того времени, как я познакомился с Фейксом, мне трудно было уверить себя в том, будто он — профессиональный мошенник, а еще труднее было поверить в то, что он настолько наивен, что обманывает самого себя. Его ум тверд, незамутнен и отшлифован, как мои рубины. Я не осмелился бы устраивать для него ловушку. Поэтому я спросил о том, что я хотел бы знать больше всего на свете.

В день оннетерхад, то есть в восемнадцатый день месяца, девять прорицателей собрались в большом доме, который обычно стоял запертый. В нем одно-единственное высокое помещение с каменным полом, холодное, слабо освещенное двумя узкими окнами и огнем в глубоком камине, расположенном в конце залы. Они уселись в кружок на голом каменном полу, все в длинных одеяниях с капюшонами, похожие в них на грубо обтесанные неподвижные каменные глыбы, словно круг дольменов в слабом отсвете далекого огня. Госс вместе с двумя молодыми адептами, не так давно посвященными в таинства ханддары, и врач из ближайшего селения при замке внимательно наблюдали за происходящим со своих мест у огня, сохраняя молчание. Я вошел в зал и встал посреди круга. В этом не было ничего от церемонии, но ощущалось большое напряжение. Одна из фигур, почти полностью скрытая капюшоном, подняла ко мне свое лицо — странное, с грубыми чертами и дерзкими глазами. Фейкс сидел, скрестив ноги, неподвижный, но как бы заряженный, полный какой-то нарастающей силы, которая заставляла тихий его голос потрескивать, как будто от электрических разрядов.

— Спрашивай! — произнес он.

Я стал посередине круга и задал свой вопрос:

— Станет ли эта планета, Гетен, членом Экумена Известных Миров на протяжении ближайших пяти лет?

Тишина. Я был как бы подвешен в центре паутины, сотканной из тишины.

— Ответ возможен,— тихо сказал Ткач.

Напряжение несколько ослабело. Изваяния, укрытые капюшонами, зашевелились, утратив свою каменную неподвижность. Тот, который так странно посмотрел на меня раньше, что-то шептал своему соседу. Я вышел из круга и присоединился к наблюдателям у огня.

Двое прорицателей сохраняли молчание и не двигались, только один из них время от времени поднимал левую руку и ударял ею легко и быстро от десяти до двенадцати раз и снова замирал неподвижно. Ни одного из них я не видел прежде. Они были одержимы, как сказал мне Госс. Они были безумны. Госс называл их «те, которые расщепляют время»,— что могло бы означать шизофрению. Кархидские психологи, хоть и лишённые телепатических способностей и действующие как слепые хирурги, тем не менее весьма успешно применяли химические препараты, гипноз, локальный шок, местное применение сверхнизких температур и различные ментальные терапии. Я спросил, можно ли этих двух психопатов вылечить.

— Вылечить? — удивился Госс.— Разве ты лечил бы певца от его умения петь?

Остальные пятеро участников мистерии были жителями Отерхорда, адептами ханддарского искусства присутствия, которые, как объяснил мне Госс, до тех пор, пока они были прорицателями, выполняли данный ими обет безбрачия на протяжении всего периода половой активности. У одного из них именно теперь должен был начаться кеммер. Теперь я мог его распознать, так как уже научился замечать то легкое физическое заострение, высветление черт, характеризующее первую фазу кеммера.

Рядом с кеммером сидел извращенец.

— Он приехал сюда из Спреве в сопровождении врача,— пояснил Госс.— Некоторые сообщества прорицателей искусственно вызывают такие отклонения у нормальных людей, вводя им заранее мужские либо женские половые гормоны, но лучше, чтобы это был настоящий извращенец. Он охотно соглашается, потому что ему льстит связанная с этим слава.

Говоря об этом, Госс употребил местоимение, обозначающее самца животного, а не местоимение, употребляемое для обозначения человека, проявляющего в кеммере мужские черты, и как будто несколько смутился. Как правило, кархидцы говорят о сексе без смущения или какой-либо предвзятости и рассуждают о кеммере с уважением и не без удовольствия, но очень неохотно упоминали об извращениях, особенно в моем присутствии. Чрезмерное удлинение периода кеммера, сопровождающееся продолжительным на-

рушением гормонального равновесия в любую сторону — мужскую либо женскую, — кархидцы называют извращением. Это явление встречается не так уж редко — от трех до четырех процентов взрослых особей являются извращенцами, или, с нашей точки зрения, нормальными людьми. Общество не выталкивает их за свои рамки, но мирится с их существованием, относясь к ним с некоторым презрением или пренебрежением, так, как относятся к гомосексуалистам в гетеросексуальных социумах, во всяком случае, в большинстве из них. Популярным определением для них является слово «полутрупы», так как они бесплодны.

Извращенец, сидящий в кругу прорицателей, после того как обратил ко мне тот свой первый, такой долгий и странный взгляд, уже не обращал внимания ни на кого, кроме своего соседа, пребывающего в кеммере, усиливающаяся сексуальность которого будет еще сильнее стимулирована, пока под влиянием преувеличенного агрессивного мужского начала извращенец достигнет полноты выраженности своего женского начала. Извращенец что-то говорил тихим голосом, наклоняясь к кеммереру, тот отвечал изредка и как бы неохотно. Никто из присутствующих уже давно ничего не произносил. Единственным звуком, нарушающим тишину, был шепот извращенца. Фейкс упорно всматривался в одного из одержимых. Извращенец быстрым движением коснулся руки кеммерера, который отшатнулся от него — от страха или от отвращения — и взглянул на Фейкса, как будто просил о помощи. Фейкс никак не отреагировал. Кеммерер неподвижно замер на своем месте и уже не шевельнулся, когда извращенец снова прикоснулся к нему. Один из одержимых поднял голову и зашелся долгим неестественным истерическим смехом.

Фейкс поднял руку. Лица всех сидящих в кругу немедленно обратились к нему, будто нити их взглядов он в одно мгновение свил в один канат.

Когда мы вошли сюда, было далеко за полдень и шел дождь. Вскоре слабый сероватый свет, просачивающийся из окон щелей, расположенных высоко под потолком, совсем исчез. Сейчас светлые полосы света растянулись, как косые призрачные паруса, длинными узкими треугольниками от стен к полу, прямо по лицам девятерых людей: тусклые лоскуты лунного света, так как луна уже восходила над лесом. Огонь в камине давно погас, и единственным источником света были эти полосы и треугольники полутьмы, медленно перемещающиеся по кругу и высвечивающие то лицо, то руки, то неподвижную спину. Какое-то мгновение я видел в рассеянной светящейся пыли профиль Фейкса, будто высеченный из белого мрамора. Полоса лунного сияния скользнула дальше и коснулась черного холмика. Это был кеммерер. Голова его опустилась на колени, ладони были прижаты к холодным камням пола, а тело его

сотрясали судороги в том ритме, который отбивали ладони безумного одержимого в темной части круга. Все были связаны между собой, как будто представляли собой точки пересечения нитей невидимой паутины. Я также, независимо от моего желания, ощущал эту связь, эти нити взаимопонимания без слов, тянувшиеся к Фейксу, который пытался подчинить их и упорядочить, потому что именно он был средоточием, Ткачом. Полоса света распалась и перешла на восточную стену. Взаимосвязь переплетенных между собой сил, напряжения молчания нарастала.

Я пытался удержаться от навязывания контакта с сознанием прорицателей. Мне было не по себе в этом безмолвном электрическом напряжении, и я чувствовал, что меня что-то втягивает, что я становлюсь точкой, элементом какой-то картины. Но когда я применил психозащиту, стало еще хуже; я почувствовал себя отъединенным, съежившимся в своем собственном сознании под невыносимым грузом зрительных и осязательных галлюцинаций, путаницы безумных образов и мыслей, неожиданных видений и ощущений, гротескных и стремительных, всегда связанных с сексом, багрово-черным водоворотом эротической силы. Меня окружали какие-то огромные сияющие пропасти, окаймленные трепещущими губами, влагалища, раны, какие-то врата ада... Голова у меня закружилась, я падал куда-то в пылающую бездну... Я чувствовал, что если мне не удастся изолировать себя от этого хаоса, то я действительно упаду, потеряю рассудок, но изолироваться не мог. Эмпатические, сопереживающие, но не поддающиеся описанию словами силы, невероятно мощные и неукротимые, порождаемые искаженным либо насильственно подавляемым половым влечением, безумием, деформирующим само время, и вызывающий страх искусством полной концентрации и непосредственного контакта с окружающей действительностью, были мне неподвластны. Но тем не менее кто-то ими управлял: центром всего этого по-прежнему оставался Ткач Фейкс — женщина, да, женщина, окутанная светом. Свет был серебром, серебро было доспехами — женщина в доспехах и с мечом. Свет засиял невыносимо ярким блеском и огнем охватил все ее тело так, что она громко вскрикнула от боли и ужаса:

— Да, да, да!

Раздался истерический смех одного из одержимых, звук становился все выше, переходя в пульсирующий вой, который продолжался значительно дольше, чем это было физически возможно, уже вне времени. Во тьме началось какое-то движение, какой-то шорох, возня, какие-то перемещения далеких столетий, бегство видений и призраков.

— Свет, свет! — прозвучал оглушительный голос, один, а может быть, несчетное количество раз.

— Свет. Полено в огонь. Немного света!

Это был врач из Справы, который вошел в уже распавшийся круг. Он опустился на колени около одного из одержимых, того, который был более хрупкого сложения. Он-то и оказался наиболее слабым звеном цепи. Впрочем, они оба лежали, скорчившись на полу. Голова кеммерера лежала на коленях Фейкса, сам он тяжело дышал и дрожал всем телом. Ладонь Фейкса размеренно и ласково гладила кеммерера по волосам. Извращенец сидел поодаль, мрачный и отвергнутый. Мистерия была окончена. Время снова текло как обычно. Сеть могущества распалась, оставив после своего исчезновения ощущение унижения и усталости. А где же ответ на мой вопрос, загадка оракула, многозначная туманная фраза или пророчество?

Я опустился на колени около Фейкса. На мгновение я снова увидел его таким, каким видел во тьме, как женщину в светящихся серебристых доспехах, пылающую в огне и возглашающую: «Да...»

Тихий голос Фейкса прервал мое воспоминание.

— Получил ли ты ответ?

— Да, я получил ответ, Ткач.

Я действительно получил ответ. Через пять лет Гетен будет членом Экумена, да. Никаких загадок и уверток. Я уже тогда отдавал себе отчет в качестве этого ответа, не столько пророчества, сколько констатации факта. Я чувствовал глубокую уверенность в том, что ответ верен. Этот ответ обладал авторитетом безошибочного предчувствия.

У нас были корабли, движущиеся быстрее света, была у нас телепатия и был телекинез, даже телепортация, но мы не освоили и не приручили предчувствия до такой степени, чтобы оно послушно бежало в нашей упряжке. Этому искусству нам придется учиться у гетенцев.

— Я — как волосок в лампе накаливания, — сказал мне Фейкс через несколько дней после сессии. — Энергия нарастает в нас и проходит по нашему кругу, с каждым обращением возрастая и удваиваясь, пока наконец не освобождается, и тогда свет концентрируется во мне, вокруг меня, я сам тогда — свет... Самый старый житель крепости Арбин когда-то сказал, что если бы Ткача в том состоянии, в котором он находится в момент ответа, поместить в вакуум, то он излучал бы свет многие годы. Йомеша, последователи культа Меше, веруют, что именно так и произошло с Меше: он ясно увидел прошлое и будущее, и не только на мгновение, а с момента, когда Шорт задал свой вопрос, прозревал их постоянно. В это, конечно, трудно поверить. Я сомневаюсь, чтобы человек мог это выдержать. Но это неважно...

Нусут, вездесущее и многозначное словечко последователей хандары.

Мы шли рядом друг с другом, и в одно из мгновений Фейкс взглянул на меня. Его лицо, самое прекрасное лицо из всех виденных мною человеческих лиц, казалось твердым и нежным одновременно, как будто было вырезано из драгоценного камня.

— Там, во тьме,— сказал он,— нас было не девять, а десять. Был еще кто-то извне.

— Да, это правда. Моя защита не в состоянии ничего укрыть от тебя. Ты — «слушатель», Фейкс, у тебя врожденный дар эмпатии, и наверняка при этом ты являешься еще и таким же мощным естественным телепатом. Поэтому-то ты и Ткач, который может управлять напряжением импульсов группы в автопотенцируемом режиме до тех пор, пока энергия не разрушает эту структуру и ты не получаешь ответ.

Он слушал меня очень внимательно.

— Странно и непривычно видеть таинства своего искусства со стороны, твоими глазами. До сих пор я смотрел и видел его только изнутри, как посвященный в таинство, как адепт.

— Если ты позволишь и если захочешь... Я бы очень хотел пообщаться с тобой на языке мыслей.

Теперь я был окончательно уверен в том, что Фейкс — естественный телепат. Его согласие и несколько упражнений должны легко снять подсознательную преграду.

— Буду ли я потом слышать мысли других людей?

— Нет. Не более, чем до сих пор. Язык мыслей — это просто метод достижения взаимопонимания и требует добровольной передачи и приема.

— Чем же это отличается от обычного разговора? А на языке мыслей солгать нельзя?

— Сознательно — нельзя.

Фейкс на минуту задумался.

— Это искусство должно вызывать огромный интерес у королей, политиков и деловых людей.

— Деловые люди, не щадя себя, боролись против разрешения принять язык мыслей, когда впервые было установлено, что это — умение, навык, искусство, которому вполне можно научиться. И добились запрещения этого искусства на долгие десятилетия.

Фейкс улыбнулся.

— А короли?

— У нас уже давно нет королей.

— Да. Я в этом не сомневаюсь. Благодарю тебя, Генри, но мне не надо этому искусству учиться, разве что отучаться от него... И мне бы, во всяком случае, не хотелось обучаться искусству, которое совершенно изменяет мир.

— В соответствии с твоим собственным предсказанием этот мир изменится на протяжении ближайших пяти лет.

— И я изменюсь вместе с ним, но я не чувствую необходимости в том, чтобы изменять его.

Шел дождь, бесконечный, нескончаемый мелкий дождь гетенского лета. Мы прогуливались под деревьями хеммен на склоне горы, находящемся над станицей, где не было тропинок. Серый свет просачивался между темными ветвями, прозрачные капли то и дело срывались с фиолетовых игл. Воздух был холодным, но приятным, он был полон отзвуков дождя.

— Фейкс, объясни мне одну вещь. Вы, ханддарата, последователи ханддары, владеете даром, о котором всегда мечтали люди всех известных нам миров. Вы этим даром обладаете. Вы умеете предсказать будущее. И тем не менее вы живете так же, как мы все, этим даром не обладающие. Как будто это ничего не меняет...

— А как бы, по-твоему, это должно было что-то менять?

— Гм. Ну, возьмем хотя бы это соперничество между Кархидом и Оргорейном, этот нескончаемый спор о долине Синот. Кархид, насколько я понимаю, сильно уронил свой престиж за последние недели. Почему же король Аргавен не посоветуется с предсказателями и не спросит у них совета, как ему поступить, кого из членов кворремы назначить премьером или о чем-нибудь в этом роде?

— Очень нелегко задать вопрос.

— Я не понимаю, почему трудно. Он мог бы попросту спросить: «Кто лучше всех будет служить мне в качестве премьер-министра?»

— Мог бы. Но он не знает, что означает «служить ему лучше всех». Это могло бы означать, что указанный ему кандидат отдал бы долину Синот Оргорейну, или отправился бы в изгнание, или организовал бы покушение на короля. Это могло бы означать многое, чего бы он не ожидал и на что бы он никогда не согласился.

— Он мог бы сформулировать свой вопрос очень точно.

— Да, конечно. Только тогда этих вопросов оказалось бы больше. А ведь король тоже должен платить.

— Вы бы потребовали от него высокую плату?

— Да, очень высокую, — подтвердил Фейкс спокойно. — Ты знаешь, что вопрошающий платит столько, сколько он может заплатить. Действительно, короли обращались к оракулу, но очень редко.

— А если один из прорицателей сам является человеком, обладающим большой властью?

— Жители крепости не имеют ни высоких должностей, ни высокого положения в обществе. Если бы я, например, был избран в кворрему Эргенранга и если бы я туда поехал, я бы получил свой чин и свою тень, но я не мог бы уже быть прорицателем. Если бы я в период своей службы искал ответа на вопрос, я отправился бы в крепость Оргни и заплатил назначенную мне цену. Но мы, люди ханддары, не хотим знать ответов и стараемся избегать этого знания, хотя иногда это нелегко.

- Наверное, я чего-то не понимаю.
- Мы приходим в крепость главным образом для того, чтобы узнать, какие вопросы задавать не надо.
- Но ведь вы же и есть те, кто отвечают на вопросы!
- Разве ты еще не понял, Генри, с какой целью мы так заботливо развивали искусство предсказания?
- Нет.
- Чтобы доказать абсолютную бесполезность ответа на бессмысленный вопрос.

Я еще долго размышлял над этим ответом, пока мы шли рядом с ним в струях дождя под темными ветвями деревьев хеммен.

Под белым капюшоном лицо Фейкса казалось усталым и спокойным, как бы потухшим. Тем не менее он по-прежнему вызывал во мне восхищение, смешанное с ужасом. Когда он взглянул на меня своими чистыми, добрыми и искренними глазами, в этом взгляде светилась традиция тринадцати тысячелетий — образ мыслей и стиль жизни настолько древние, настолько устоявшиеся, настолько монолитные, крепко связанные между собой и логичные, что предоставляли человеку свободу, авторитет и совершенство дикого зверя, огромного и странного создания, которое присматривается к человеку и изучает его с высот своего вечного настоящего...

— То, что неизвестно нам, — сказал тогда в лесу Фейкс своим ласковым голосом, — что не может быть предсказанным и предвиденным, и есть сущность жизни. Незнание рождает мысль. Отсутствие доказательств рождает действие. Если бы было доказано, что Бога не существует, не было бы религии — ни хаддары, ни йомеша, ни богов очага — ничего. Но если бы было доказано, что Бог есть, религии не было бы тоже... Скажи мне, Генри, что мы знаем наверняка? Что является всегда надежным, легко предсказуемым, неотвратным, что является тем единственным исходом, относительно которого у нас не существует сомнений, в том, что он нас ожидает?

— Смерть.

— В сущности, есть только один-единственный вопрос, Генри, на который мы можем получить ответ, и то нам этот ответ уже известен... Единственное обстоятельство, которое делает жизнь возможной, — это постоянная и невыносимая неопределенность, незнание того, что будет дальше.

6. ОДНА ДОРОГА В ОРГОРЕЙН

Разбудил меня повар, который всегда приходил очень рано, а так как сплю я очень крепко, ему пришлось меня хорошенько встряхнуть и сказать прямо в самое ухо:

— Проснитесь, проснитесь, князь, прибыл гонец из Дома Короля!

В конце концов я понял, что он говорит мне, и, не совсем еще очнувшись от сна, торопливо вскочил и подошел к дверям спальни, где меня ожидал гонец. И так вот, нагой и неразумный, как новорожденное дитя, я вступил в свое изгнание.

Читая документ, который вручил мне гонец, я мысленно отметил, что ожидал чего-нибудь в этом роде, но еще пока не сейчас. Однако, когда мне пришлось наблюдать, как гонец приколачивает эту проклятую бумагу к дверям дома, я чувствовал себя так, как будто он вбивал эти гвозди мне в глаза. Я отвернулся от него и стоял, ошеломленный и опечаленный, отягощенный печалью, которой я даже не ожидал.

После неожиданного шока, когда тот прошел, я занялся необходимыми делами и, когда пробило девять часов, я уже покидал Дворец. Никаких причин для промедления у меня не было. Я взял все, что сумел. Продать ничего я уже не мог, не мог и снять деньги со своего счета в банке, не подвергая опасности тех людей, с помощью которых я бы мог это устроить, и чем более близкими были бы они друзьями, тем большей опасности я бы их подвергал. Я написал своему древнему кеммерингу Эше и попросил его как можно более выгодно продать некоторые ценности, чтобы обеспечить наших сыновей, и предупредил его также, чтобы он не вздумал присылать мне какие-нибудь деньги, потому что Тайб будет очень старательно контролировать границу. Я не мог подписать этого письма своим именем. Звонить кому-нибудь по телефону было равносильно тому, что я собственноручно отправил бы этого человека в тюрьму. Кроме того, я торопился еще и потому, что хотел исчезнуть прежде, чем кто-нибудь из моих друзей заглянет ко мне по неведению и в награду за дружеское ко мне отношение потеряет свою свободу и свое достоинство.

Отправился я через город на Запад. На перекрестке я остановился и подумал, почему мне не отправиться на восток, через горы и долины в Керм, пешком, как нищий, и так дойти до Эстре, где я родился, до того каменного дома на исхлестанном вихрями склоне горы. Почему бы мне не вернуться домой? Три или четыре раза я замедлял шаги и оглядывался. И каждый раз среди равнодушных лиц прохожих я замечал одно лицо, которое могло бы принадлежать шпиону, и с каждым разом я все отчетливее понимал всю степень безумия моей мысли о возвращении домой. С таким же успехом я мог бы просто покончить с собой. Наверное, мне на роду написано жить в изгнании, и единственным способом вернуться домой для меня оставалась смерть. Поэтому я отправился на запад и уже больше не оглядывался.

Трехдневная отсрочка в лучшем случае позволяла мне добраться

до Кусебена, расположенного над заливом, в ста тридцати километрах отсюда. Большинство изгнанников получает извещение о приговоре вечером, благодаря чему имеют шанс выкупить место на корабле, плывущем вниз по реке Сасс прежде, чем капитаны начнут подвергаться наказанию за помощь изгнаннику. Однако такая любовь была не в стиле Тайба. Ни один капитан не осмелился бы взять меня на палубу своего корабля сейчас; все в порту знали меня, потому что это я построил его для Аргавена. Не возьмет меня также и ни одна сухопутная лодка, а от Эргенранга до границы — шестьсот километров. У меня не было другого выхода — приходилось пешком идти до Кусебена.

Повар это тоже понимал. Я немедленно отпустил его, но перед уходом он упаковал мне в дорогу всю приготовленную пищу, которая была в доме, чтобы у меня было горючее для трехдневной гонки. Его доброта спасла мне жизнь. Кроме того, его заботливость придавала мне мужество, потому что каждый раз, когда во время своего пути я подкреплялся овощами и хлебом, я думал про себя: «Все равно есть еще люди, которые не считают меня изменником».

Я убедился в том, что носить клеймо изменника нелегко. Даже странно, до чего нелегко. Ведь так просто наградить другого человека этим клеймом, которое приклеивается так прочно, что становится неоспоримым для всех. Я и сам уже наполовину был убежден, что это правда. Я пришел в Кусебен на рассвете третьего дня. Я был взволнован и встревожен, ноги у меня болели, потому что за последние годы, проведенные в Эргенранге, я оброс жиром в комфорте, потерял походную форму. И вот там, в воротах этого городка, меня ожидал Эше. Мы были кеммерингами на протяжении семи лет, и у нас было двое детей. Как дети его лона, они носили его имя, Форет рем ир Осбот, и воспитывались в очаге его клана. Три года тому назад он ушел в крепость Оргни и теперь носил золотую цепь целибанта, дав обет безбрачия. Мы не виделись все эти три года, но когда я увидел его лицо в тени каменной арки, я снова почувствовал, как меня охватила волна нашей давней любви, как будто мы расстались с ним только вчера. И я должным образом оценил его верность, потому что он готов был разделить со мной все обрушивавшиеся на меня удары судьбы. Снова почувствовав в своем сердце эти напрасные узы, я рассердился, потому что любовь Эше всегда заставляла меня поступать вопреки моим намерениям.

Я прошел мимо него, не останавливаясь. Если уж я должен быть жестоким, то нет необходимости скрывать это и притворяться добрым.

— Терем! — воскликнул он и пошел следом. Я торопливо шел по узким улочкам Кусебена в сторону пристани. С моря дул южный ветер, шелестя листвой темных деревьев в садах, и сквозь этот теплый предгрозово-летний рассвет я бежал от него, как от убийцы.

Он догнал меня, потому что у меня слишком болели ноги, чтобы выдержать взятый поначалу темп.

— Терем, я пойду с тобой,— сказал он.

Я ничего не отвечал.

— Десять лет тому назад, в этом же самом месяце тува, мы с тобой дали друг другу клятву...

— А три года тому назад ты нарушил ее, оставив меня, что было, несомненно, мудрым решением.

— Я никогда не нарушил верности нашему браку, Терем.

— Да, это действительно так. Потому что нечего было нарушать, потому что это был фальшивый брак, второй брак. Ты знал об этом тогда. Единственная истинная клятва в верности, которую когда-либо давал, так и не была никогда произнесена, потому что ее не могло быть, а человек, которому я клялся в верности, мертв. Клятва была нарушена давным-давно. Мы ничего не должны друг другу. Позволь мне уйти.

Пока я все это говорил, мой гнев и жалость обратились от Эше к себе самому и к моей собственной жизни, которая теперь осталась у меня позади, как невыполненное обещание. Но Эше ничего об этом не знал, и слезы подступили к его глазам.

— Может быть, ты возьмешь это, Терем? — спросил он. — Я действительно ничего не должен тебе, но я тебя очень люблю. — И он протянул мне небольшой сверток.

— Нет. У меня есть деньги, Эше. Оставь меня. Я должен идти один. — Я ушел, а он остался. Но за мной теперь шла тень моего брата. Я плохо сделал, вспомнив о нем. Я все делал плохо.

Оказалось, что и на пристани не ждет меня удача. Там не стояло ни одного корабля из Оргорейна, на который я бы мог сесть и оставить таким образом землю Кархида до наступления полуночи, как обязан был сделать во исполнение приговора. На берегу было мало людей, и все они спешили домой. Единственным, к кому я обратился, был рыбак, который чинил мотор своей лодки. Но он только один-единственный раз взглянул на меня и повернулся ко мне спиной, не сказав ни слова. Меня это испугало. Этот человек знал, кто я такой. Вряд ли он знал бы это, если бы не был предупрежден. По-видимому, Тайб разослал своих солдат, чтобы не дать мне возможности покинуть Кархид до того, как истечет назначенный мне трехдневный срок. Я ощущал лишь боль и бешенство, но страха пока, до этой минуты, не чувствовал. Я не предполагал, что акт изгнания может оказаться лишь предлогом для экзекуции. Когда пробыет шесть часов, я стану легальной, вполне разрешенной охотничьей добычей для людей Тайба, и никто не сможет тогда назвать это убийством. Это считалось бы актом справедливого возмездия.

Я уселся на мешок с балластом в темном, пронизываемом ветром порту. Море глухо ударяло в сваи пристани, рыбацкие лодки

раскачивались на причальных канатах, в конце длинного помоста горел фонарь. Я смотрел, замороженный его светом, еще дальше, в укрывающую море тьму. Некоторые люди немедленно начинают сопротивляться новой опасности. Я — нет. Мой дар — эту опасность предвидеть заранее. Перед лицом непосредственной, сиюминутной опасности я глупею и плюхаюсь на мешок с песком, размышляя над тем, может ли человек добраться до Оргорейна вплавь.

В заливе Чарисун лед сошел месяц или два тому назад, наверное, какое-то время можно провести в такой воде без риска для жизни. До орготского берега — около двухсот километров. Плавать я не умею. Когда я перевел свой взгляд от моря на улицы Кусебена, я понял, что пытаюсь отыскать на них Эше, потому что втайне я надеялся, что он все-таки идет за мной следом. Острое чувство стыда вырвало меня из оцепенения. Я снова готов был действовать и размышлять.

У меня были на выбор два варианта: подкуп или насилие, если бы я пытался как-нибудь использовать рыбака, который по-прежнему возился со своей лодкой в нижнем доке. Испорченный мотор скорее всего не стоил ни того, ни другого. Еще остается кража. Однако, чтобы обеспечить сохранность лодок, несомненно, предпринимаются какие-то меры предосторожности. Нужно обойти или как-то проникнуть за ограждение, запустить мотор, вывести лодку из дока при неверном свете фонаря с пристани и плыть в Оргорейн, причем, мне до этого времени никогда не приходилось управлять моторной лодкой... Мне это предприятие показалось неумным и отчаянным. Я никогда в жизни не имел дела с моторными лодками, только ходил на веслах по озеру Ледяная Нога в Керме. Весельная лодка привязана в наружном доке между двумя катерами. Едва я успел ее увидеть, как она уже стала моей. Я побежал по освещенному помосту, прыгнул в лодку, отвязал причальный канат, вставил весла в уключины и выплыл в беспокойные воды залива, где отблески огня скользили и рассыпались на поверхности темной воды. Когда я отплыл уже довольно далеко, на минуту мне пришлось перестать грести, чтобы поправить одну из уключин, которая плохо поворачивалась, а грести мне предстояло немало. (Правда, я надеялся, что на следующий день меня подберет какая-нибудь орготская лодка — либо патрульная, либо рыбацкая.) Наклоняясь над уключиной, я почувствовал во всем теле сильную слабость. Мне показалось, что я сейчас потеряю сознание, и я бессильно опустил на скамейку. Меня охватил приступ страха, а если честно — трусости. Я не знал до сих пор, что трусость такой невыносимой тяжестью ощущается в животе. Я поднял глаза и увидел на самом конце помоста две маленькие фигурки, похожие на две черные подпрыгивающие черточки в далеком электрическом свете, за темным поблескивающим пространством воды, и начал подозревать, что охвативший меня

паралич был результатом не столько страха, сколько применения акустического оружия на большом расстоянии.

Я видел, что один из этих людей держит в руках дутыш, старинное оружие, и если бы полночь уже миновала, он бы, несомненно, его использовал и убил меня, но дутыш производит при стрельбе слишком много шума, а это могло бы потребовать разъяснений. Поэтому они воспользовались инфразвуковым оружием. Если это оружие настроить на парализующий выстрел, то его резонансное поле может оказывать свое воздействие на расстоянии не более чем тридцать метров. Я не знаю, на какое расстояние распространяется действие этого оружия, если оно будет настроено на смертельный выстрел, но, по-видимому, я еще находился в его пределах, потому что я лежал, скорчившись, как новорожденный в желудочной колике. Мне трудно было дышать, по всей вероятности, ослабленное расстоянием акустическое поле поразило меня в грудь. Поскольку мои преследователи в любую минуту могли отправиться в погоню на моторной лодке, чтобы меня прикончить, у меня не было уже ни единой лишней минуты для того, чтобы корчиться над веслами и хватать воздух ртом жадно, как рыба, выброшенная на песок. За моей спиной, перед носом лодки, лежала тьма, и в эту тьму я должен был плыть. Я греб бесчувственными руками, глядя на свои ладони, чтобы убедиться в том, что все-таки держу в руках рукоятки весел. Ладонями я этого не чувствовал. Так я выплыл в беспокойные воды залива, в холодную темноту. Здесь мне пришлось перестать грести. С каждым рывком я все больше терял чувствительность в руках. Сердце сбивалось с ритма, а легкие разучились набирать воздух. Я пытался грести, но не был уверен в том, что мои руки слушаются меня. Я пробовал втащить весла в лодку, но у меня ничего из этого не вышло. Когда прожектор патрульной лодки нашарил меня в темноте ночи, как снежинку на черной саже, я не в силах был даже отвести взгляд от его света.

Мне разжали ладони, судорожно обхватившие рукоятки весел, вытащили меня из лодки и положили, как черную выпотрошенную рыбку, на палубе патрульной лодки. Я чувствовал, что эти люди смотрят на меня, но не очень хорошо понимал, что они говорят, за исключением одного, судя по интонации, капитана лодки:

— Еще нет шести часов,— сказал он. И, видимо, отвечая кому-то: — А какое мне до этого дело? Его изгнал король, а я буду выполнять приказы короля, а не чьи-то там...

Вот так, вопреки переданным по радио распоряжениям от людей Тайба на берегу и вопреки мнению своего боцмана, который опасался неприятных последствий, командир патрульной лодки из Ку-себена перевез меня через залив Чарисун и преспокойно высадил меня в орготском порту Шелт. Поступил ли он так из соображений шифгреттора, назвал людям Тайба, которые хотели убить безоруж-

ного человека, или просто из добросердечности, не знаю. Нусут. То, что достойно восхищения, не подлежит объяснению.

Я поднялся на ноги, когда из утренней мглы появился серый берег Оргорейна, и, заставляя себя переставлять еще плохо слушающиеся ноги, сошел с палубы в портовый район Шелта, где снова упал. Очнулся я в таком учреждении, которое называлось Госпиталь Содружества, 4 Приморский Округ Чарисун, 24 Район Сеннети. В этом не было никакого сомнения, потому что это было выгравировано и вышито на изголовьях кроватей, на ночном столике и настольной лампе на нем, на металлической кружке, стоящей там же, на хиебах персонала, постельном белье и на моей ночной рубашке.

Появился врач и спросил меня:

— Зачем вы сопротивлялись доту?

— Это не был дот,— сказал я.— Это было ультразвуковое излучение.

— У вас были симптомы, характерные для человека, преодолевающего фазу релаксации дота.— Это был старый и опытный врач, не терпящий возражений, и мне пришлось согласиться, что я мог бессознательно употребить силу дота там, на лодке, чтобы преодолеть сковавший меня паралич. Потом, утром, в фазе танген, когда необходимо находиться в полном покое, я встал и ходил, что меня едва не убило. Когда все это выяснилось к его удовлетворению, он сказал, что через день-два я смогу выйти отсюда, и перешел к следующей койке. После него настала очередь инспектора.

В Оргорейне на каждого жителя приходится по инспектору.

— Фамилия?

Я не спросил у него, как его фамилия. Мне необходимо научиться жить без тени, как живут они все здесь, в Оргорейне. Не обижаться самому и не обижать других без особой на то необходимости. Но я не назвал имени своего клана. Ни одному орготу нет до этого дела.

— Терем Харт? Это не орготское имя. Район?

— Кархид.

— Такого района нет в Содружестве Оргорейна. Где ваше удостоверение личности и пропуск?

Действительно, где же мои документы?

Видимо, я бродил какое-то время по улицам Шелта, прежде чем кто-то привел меня в больницу, где я и очутился без документов, без вещей, без верхней одежды и без обуви и, конечно, без денег. Когда я об этом услышал, гнев оставил меня и я рассмеялся. На дне человеческого существования нет места гневу. Инспектор почувствовал себя задетым. Мой смех ему не понравился.

— Разве вы не понимаете, что являетесь нелегально прибывшим и лишенным средств к существованию чужестранцем? Как вы себе представляете свое возвращение в Кархид?

— В гробу.

— Запрещено давать неправильные ответы на официальные вопросы. Если вы не хотите возвращаться в свою страну, вы будете отправлены на добровольную ферму, где всегда есть место для уголовных элементов, чужестранцев и лиц без документов. В Оргорейне нет иного места для врагов существующего строя, бунтовщиков и бродяг. Лучше бы вам изъяснить свое желание вернуться в Кархид в течение ближайших трех дней, иначе...

— Я изгнан из Кархида.

Врач, обернувшийся к нам, едва услышал мое имя, отозвал инспектора в сторону и что-то долго ему шептал. У инспектора в лице появилось выражение кислое, как старое пиво. Когда он вернулся ко мне, он сказал, цедя слова и не скрывая своей неприязни:

— В таком случае, вы, очевидно, выскажете мне свое пожелание обратиться с прошением о разрешении на постоянное пребывание в Великом Содружестве Оргорейна при условии, что вы найдете и будете выполнять общественно-полезную работу как член городского либо сельского сообщества.

— Да,— сказал я. Это все перестало выглядеть забавным, как только прозвучало слово «постоянное» — слово, от которого повеяло страхом.

Через пять дней я получил разрешение на постоянное пребывание, предписывающее мне зарегистрироваться в качестве члена Городского Сообщества Мишнори (которую я сам для себя выбрал), и мне было выдано временное удостоверение личности на дорогу до этого города. Я бы умирал с голоду все эти пять дней, если бы не старый доктор, который все эти пять дней продержал меня в госпитале. Ему нравилось, что у него в отделении — премьер Кархида, пусть даже бывший, премьер тоже очень рад этому обстоятельству.

Я добрался до Мишнори, нанявшись грузчиком на сухопутную лодку каравана, перевозившего рыбу из Шелта. Короткое и сильно воняющее рыбой путешествие завершилось на большом рынке в Южной Мишнори, где я вскоре нашел работу в холодильнике при рынке. Летом всегда в таких местах есть работа на выгрузке, упаковке, хранении и рассылке скоропортящихся продуктов. Я в основном имел дело с рыбой и жил на острове рядом с рынком вместе с другими работниками холодильника. Дом этот называли Рыбий Остров, потому что от нас всех невыносимо воняло рыбой. Но мне нравилась эта работа, на которой большую часть дня я проводил в прохладном помещении склада. Мишнори летом — это настоящая парилка, паровая баня. Все двери закрыты, вода в реке чуть ли не кипит, люди истекают потом. В месяце оцкре было десять таких дней и ночей, когда температура не опускалась ниже пятнадцати

градусов, и даже был такой день, когда жара достигла двадцати шести градусов. Изгнанный после окончания работы из своего пропахшего рыбой убежища в эту «пещь огненную», я отправлялся на расположенный в нескольких километрах над рекой Кандерер, где росли деревья и откуда можно посмотреть на большую реку, хоть добраться до нее было невозможно. Там я бродил допоздна и в конце концов почти к утру возвращался к себе, на Рыбий Остров. В моем районе Мишнори постоянно были разбиты уличные фонари, чтобы жители могли укрывать свои темные делишки под еще более темным покровом ночи. Но автомобили инспекторов неустанно кружат там, освещая рефлекторами эти темные улочки и лишая бедняг последнего шанса на личную жизнь, ночи.

Новый закон о регистрации чужестранцев был введен в действие в месяце кус как очередной шаг в партизанской войне с Кархидом, он сделал недействительной мою регистрацию, лишил меня работы и заставил полмесяца провести в приемных бесчисленных инспекторов. Мои товарищи по работе давали мне в долг деньги и крали для меня рыбу, чтобы я смог заново зарегистрироваться, прежде чем подохну с голоду. Это было для меня хорошей школой жизни. Я полюбил этих непреклонных и лояльных людей, но они жили в безвыходной ловушке, а мне предстояло действовать среди людей, гораздо менее симпатичных. Я все-таки заставил себя позвонить по известному мне номеру телефона, что всячески откладывал уже три месяца.

На следующий день я стирал свою рубаху в прачечной Рыбьего Острова, вместе с несколькими своими соседями, совсем голыми или полуголыми, когда сквозь клубы пара, шум воды, душный тяжелый запах грязного белья и рыбы я услышал, как кто-то зовет меня, называя моим клановым именем. И в прачечной появился сотрапезник Йегей, выглядевший, как на приеме у посла Архипедага в Парадной Зале дворца в Эргенранге семь месяцев тому назад.

— Эстравен, выйдите оттуда! — сказал он высоким, пронзительным, гнусавым голосом, каким разговаривают в высшем свете Мишнори. — И оставьте же, наконец, в покое эту проклятую рубаху!

— У меня нет другой.

— Так выудите ее из этой ухи и ступайте со мной. Тут невыносимо жарко.

Люди смотрели на него с угрюмым любопытством, зная, что это какой-то богатый, но не подозревая, что это сотрапезник, член правительства. Мне не понравилось, что он пришел сюда, он должен был кого-нибудь за мной прислать. Очень немногие орготы обладают хоть каким-нибудь чувством такта. Мне хотелось побыстрее отправить его отсюда. Мокрая рубаха была мне ни к чему, поэтому я сказал бездомному парню, который слонялся по двору, чтобы он поносил ее до моего возвращения. Долгов у меня не было, за постой

я уплатил, документы были у меня в кармане хиеба. В одном хиебе, без рубахи, я покинул остров у рынка и отправился вслед за Йегеем вновь к сильным мира сего.

В качестве его «секретаря» я снова был внесен в списки-реестры Оргорейна, на этот раз не как член сообщества, а как человек зависимый. У них здесь недостаточно имени, они хотят обязательно иметь этикетку на человека, чтобы знать, с кем придется иметь дело еще до того, как этого человека увидят. В этом случае этикетка подходила как нельзя лучше. Я действительно был «человеком зависимым», и в очень скором времени мне предстояло проклясть ту цепь, которая привела меня сюда и заставить есть чужой хлеб, потому что в течение целого месяца не было никаких признаков того, что я нахожусь ближе к своей цели, чем пребывая на Рыбьем Острове.

Дожливым вечером последнего дня лета Йегей через своего слугу пригласил меня в свой кабинет. Я нашел его беседующим с Оубсли, сотрапезником округа Секев, с которым я познакомился, когда он стал главой Орготской Комиссии Морской Торговли в Эргенранге. Невысокий, сутулый, с небольшими треугольными глазками на широком плоском лице, он сильно отличался от Йегея, сухопарого и длинного. Выглядели они, как комическая пара из старого фарса, но были чем-то более важным и значительным. Они были двумя из Тридцати Трех, правящих Оргорейном. Нет, они были еще чем-то большим.

После того, как мы обменялись любезностями и выпили по рюмке ситийской «воды жизни», Оубсли вздохнул и сказал мне:

— А теперь, Эстравен, объясните мне, зачем вы сделали то, что вы сделали в долине Сассинот, потому что я всегда считал, будто если и существует кто-нибудь, не способный совершить ошибку в выборе наиболее подходящего момента для действия или в определении весомости шифгреттора, то этим человеком являетесь вы.

— Страх взял верх над осторожностью.

— Страх перед чем, черт побери? Чего вы боитесь, Эстравен?

— Того, что происходит сейчас. Затягивания споров исключительно престижного характера о долине Синот, уничтожения Кархида, ненависти, которая родится из унижения, использования этой ненависти правительством Кархида.

— Использования? С какой целью?

У Оубсли хороших манер не было ни на грош. Йегею, человеку тонкому и ироничному, пришлось вмешаться.

— Господин сотрапезник, прошу вас не забывать, что князь Эстравен находится у меня в гостях, а не на допросе...

— Князь Эстравен ответит на те вопросы, на которые найдет нужным ответить, и тогда, когда сочтет это необходимым, так как он всегда это делал,— сказал Оубсли, обнажая в усмешке зубы,

игла, спрятанная в шарике жира.— Он знает, что здесь он среди друзей.

— Я беру себе друзей таких, каких могу найти, господин сотрапезник, но уже не рассчитываю на то, что смогу сохранить их надолго.

— Я понимаю. Но ведь можно вместе тащить сани, даже не будучи кеммерингами, как говорят у нас в Эстеве, не так ли? Черт побери, я знаю, за что вас изгнали, мой дорогой! За то, что вы любите Кархид больше, чем его короля.

— Может, скорее, за то, что больше люблю короля, чем его кузена.

— Или за то, что вы любите Кархид сильнее, чем Оргорейн,— добавил Йегей.— Разве я не прав, князь?

— Нет, господин сотрапезник.

— Следовательно, вы считаете,— сказал Оубсли,— что Тайб хочет править Кархидом так же, как мы правим Оргорейном, то есть как следует?

— Мне так кажется. Я думаю, что Тайб, используя спор о долине Синот и обостряя его в случае необходимости, может ввести в Кархиде столько изменений, сколько не произошло в нем за последнее тысячелетие. У него перед глазами вполне подходящая модель — Сарф. К тому же он умеет пользоваться страхами Аргавена. Это проще, чем пытаться пробудить в Аргавене отвагу, как это пытался сделать я. Если Тайбу это удастся, то в его лице, господа, вы найдете достойного противника.

Оубсли кивнул.

— Я отбрасываю шифгреттор,— сказал Йегей.— К чему вы клоните, князь?

— К тому, есть ли на Большом Континенте место для двух Оргорейнов?

— Вот-вот, именно эта мысль! — сказал Оубсли.— Именно эта! Вы заронили ее в мое сердце уже давно, и с тех пор я не могу от нее избавиться. Наша тень все ширится и уже падает на Кархид. Склока между кланами, да; скандал между двумя городами, да; но война между двумя народами? Побоище с участием пятидесяти миллионов человек? Клянусь сладким молоком Меше, это видение заставляет мои сны полыхать огнем, и я просыпаюсь весь в поту. Нельзя успокаиваться, мы в опасности! И ты это знаешь, Йегей, ты сам об этом не раз говорил, хотя и по-своему.

— Я тридцать раз голосовал против того, чтобы ввязываться в спор о долине Синот. И что из этого? Фракция гегемонистов располагает двадцатью голосами, и каждая акция Тайба укрепляет контроль Сарфа над этими двадцатью. Он строит стену поперек этой долины и расставляет вдоль нее стражников с дутышами. С дутышами! Я думал, что они уже давным-давно находятся в му-

зях. И дает гегемонистам повод столько раз, сколько раз он им понадобится.

— И таким образом укрепляет Оргорейн. Но и Кархид также. Каждый ваш ответ на его провокацию, каждое унижение Кархида, причиненное вами, любое укрепление вашего престижа служит делу усиления мощи Кархида, до тех пор пока он с вами не сравняется, направляемый весь из единого центра, как Оргорейн. В Кархиде тоже не сдали дутьши в музей. С ними ходит Королевская Стража.

Йегей налил по следующей рюмке «воды жизни». Орготские вельможи пьют этот драгоценный жидкий огонь, доставляемый сюда за восемь тысяч километров, из-за покрытых туманами морей, из самого Сита, так, будто это простое пиво. Оубсли утер губы и заморгал.

— Что ж, — сказал он, — все это соответствует тому, что я думал раньше, и тому, что я думаю сейчас. И мне кажется, что у нас есть сани, которые нам нужно тащить вместе. Однако, прежде чем соваться в упряжь, я хочу задать вам один вопрос, князь. В этом вопросе капюшон сполз мне на глаза. Скажите, что это за комбинации, выкрутасы и фигли-мигли с этим посланцем с обратной стороны Луны?

Вот оно что! Значит, Генли Ай подал прошение на въезд в Оргорейн.

— Посланец? Он и есть тот, за кого себя выдает.

— То есть?

— Посланец из другого мира.

— Только, пожалуйста, без этих ваших проклятых туманных кархидских иносказаний и метафор, князь. Давайте отбросим шиффреттор. Вы ответите на мой вопрос?

— Я уже это сделал.

— Значит, он действительно существо из иного мира? — спросил Оубсли, а Йегей добавил:

— И он был на аудиенции у короля Аргавена?

Я ответил утвердительно на оба вопроса. Они на мгновение замолчали, а потом заговорили одновременно, не пытаясь скрыть своего любопытства. Йегей говорил уклончиво, намеками, но Оубсли шел напролом.

— Какая же роль была отведена ему в ваших планах? Мне кажется, вы поставили на него и проиграли. Почему?

— Потому что Тайб подставил мне ножку. Я засмотрелся на звездное небо и не заметил грязи, по которой ступал.

— Вы занялись астрономией, князь?

— Нам всем теперь придется заняться астрономией, господин Оубсли.

— Представляет ли он для нас опасность, этот посланец?

— Думаю, что нет. Он со своей стороны выдвигает предложения

связи, торговли, договоров и союза, ничего, кроме этого. Он прибыл сюда один, без оружия, имея при себе только свой аппарат для связи и корабль, который он передал нам для изучения. Мне кажется, что его не следует опасаться. Тем не менее, в своих пустых руках он принес гибель и Королевству, и Содружеству.

— Почему?

— А как же нам разговаривать с чужими, если не как с братьями? Как иначе Гетен сможет вести переговоры с унией восьмидесяти миров, если не в качестве единого мира?

— Восемьдесят миров? — повторил Йегей и нервно рассмеялся.

Оубсли посмотрел на него искоса и сказал:

— Я предпочитаю думать, что вы провели слишком много времени рядом с безумцем в его дворце и обезумели тоже. Ради Меше! Что должна означать эта болтовня о союзах с солнцами и договорах с лунами? Как он сюда попал? На комете? Или верхом на метеорите? Корабль, какой корабль может удержаться в воздухе? Или в космической пустоте? И тем не менее, вы безумны ничуть не больше, чем обычно, князь, это значит хитроумно безумны, мудро безумны. Все кархидцы помешаны. Ведите, князь! Я иду за вами! Вперед!

— Я не иду никуда, господин Оубсли. Куда мне идти? Но вот вы можете до чего-нибудь дойти. Если вы сделаете маленький шаг в сторону посланца, он может указать вам выход из долины Синот, из фальшивого положения, в котором мы оказались.

— Очень хорошо, займусь на старости лет астрономией. Куда же он меня заведет?

— Он приведет вас к истинному величию, если вы будете продвигаться разумнее, чем я. Господа, я разговаривал с посланцем, видел его корабль, который преодолел пустоту, и я знаю, что он действительно, вне всяких сомнений, прислан откуда-то из миров, лежащих за пределами нашей планеты. Что касается искренности его слов и правдивости его рассказов и описания этого иного мира, то в этом нет никакой уверенности. Составить себе мнение о нем можно только так, как мы бы составляли мнение о любом другом человеке. Если бы он был одним из нас, я назвал бы его порядочным человеком. Впрочем, я думаю, что вы наверняка сами сможете оценить его по достоинству. И мне абсолютно ясно одно: с его появлением линии, проведенные по земле между государствами, перестают быть границами и не могут ни от чего оградить. Оргорейну брошен еще более серьезный вызов, чем Кархиду. И люди, которые первыми примут этот вызов, которые первые распахнут двери нашего мира, станут нашими общими вождями. Вождями всех трех континентов, вождями всей нашей планеты. Наша граница теперь — не линия между двумя холмами, а линия, которую описывает наша планета, вращаясь вокруг своего солнца. И ставить свой шифгреттор теперь в зависимости от чего-то менее значительного было бы глупостью.

Йегей уже был мною завоеван, но Оубсли еще глубже погрузился в свои жировые складки и оттуда сверлил меня своими маленькими глазками.

— Не хватит и месяца, чтобы во все это поверить, — сказал он. — И если бы я услышал это из чьих-то других уст, князь, то счел бы это чистейшей воды мошенничеством, сетью из звездных лучей, сплетенной для нашего высокомерия. Но я прекрасно знаю, как плохо гнется ваша шея. Она слишком негибаема, чтобы для того, чтоб одурачить нас, согнуться под тяжестью притворного позора. Я не могу поверить в то, что вы говорите правду, и в то же время знаю, что ложь застряла бы у вас в глотке... Ну что ж. Захочет ли он разговаривать с нами так же откровенно, как он, должно быть, разговаривал с вами?

— Это и есть его цель — говорить и быть услышанным. Там или здесь. Если бы он захотел, чтобы его снова услышали в Кархиде, Тайб очень скоро заставил бы его замолчать. Я опасаясь за его жизнь, потому что он, по-видимому, не чувствует опасности.

— Расскажите ли вы нам все, что вы о нем знаете?

— Охотно. Но разве существует причина, по которой он бы не мог прийти сюда и рассказать все это вам лично?

— Думаю, что нет, — сказал Йегей, легонько прикусив ноготь.

— Он подал прошение на въезд в Содружество. Кархид не выразил своего несогласия. Его прошение рассматривается...

7. ВОПРОС ПОЛА

*Из полевых заметок Онг Тот Опонг, разведчицы
из первого десанта исследователей Экумена на Гетен (Зима),
цикл 93, год Экуменический 1448*

1448, день 81. Мне кажется вполне вероятным, что они являются результатом эксперимента. Мысль эта не слишком приятна. Но теперь, когда существуют доказательства, что Земная Колония была экспериментом, поселением группы хайнского человечества, вполне нормального, на планете, где уже были собственные, автохтонные протогоминиды, предшественники человека, такую вероятность нельзя исключить. Генетические манипуляции на людях, несомненно, производились колонизаторами, так как ничем иным нельзя объяснить существование хильфов на планете Сан и дегенерировавших гоминидов на Роканноне. Может ли быть иной вариант объяснения гетенской физиологии пола? Случайность, может быть, естественный отбор, почти наверняка эту вероятность можно отбросить. Их обоеполость имеет чрезвычайно низкую адаптационную ценность, а может быть, и вовсе этой ценности не имеет.

Почему для эксперимента был выбран неуютный, суровый мир? Ответа на этот вопрос нет. Тинибоссоль считает, что колония была основана в очень длительном межледниковом периоде. Тогда условия могли быть вполне благоприятными — первые 40 или 50 тысяч лет. К тому времени, когда оледенение началось опять, хайниты уже полностью оставили эту планету, и колонисты были брошены на произвол судьбы и могли рассчитывать только на собственные силы. Эксперимент был остановлен.

Я пытаюсь теоретизировать здесь по поводу происхождения гетенской физиологии пола, но что же нам, собственно, об этом известно? Рапорты Отие Нима из района Оргорейна помогли мне освободиться от некоторых ранее сложившихся ошибочных концепций. Но прежде всего я изложу все, что мне известно, а потом уже выскажу свои предположения. В таком порядке.

Половой цикл длится от 26 до 28 дней (обычно речь идет о 26 днях, соответствующих 26 дням лунного месяца). На протяжении 21 или 22 дней особь находится в фазе «сомер» и является сексуально инертной, пребывающей в этом отношении как бы в спячке. Где-то на 18-й день цикла гипофиз инициирует гормональные изменения, и на 22-й или 23-й день цикла особь вступает в фазу кеммера, или, что у земных животных называется периодом гона, течки. В первой фазе кеммера (карх. сечер) особь является гермафродитом. Пол и потенция в изоляции от других индивидуумов не выявляется. Гетенец, находящийся в первой фазе кеммера, пребывая в одиночестве либо среди особей, не находящихся в кеммере, остается неспособным к половым отношениям. Однако половое влечение в этой фазе настолько сильно, что оно доминирует над личностью, подчиняя себе все иные инстинкты. Когда индивидуум находит себе партнера, тоже находящегося в кеммере, продуцирование гормонов еще более ускоряется (посредством соприкосновения, запаха?), до тех пор, пока у одного из партнеров не определится мужская либо женская гормональная доминанта — преобладание тех или иных гормонов. В соответствии с этим гениталии либо набухают и увеличиваются, либо сокращаются, ухаживание становится все более интенсивным, и партнер под влиянием этих изменений берет на себя противоположную сексуальную роль (без исключений? Если и существуют исключения, когда кеммер-партнеры оказываются одного и того же пола, то они настолько редки, что ими можно пренебречь). Эта фаза кеммера (карх. торхармен) — процесс окончательного определения пола и потенции каждого из партнеров — длится от двух до двадцати часов. Если один из партнеров уже находится в расцвете кеммера, то у второго партнера эта фаза длится очень недолго; если партнеры вступают в кеммер одновременно, эта фаза длится дольше. Нормальный индивидуум не проявляет предрасположенности к определенной сексуальной роли в кеммере;

ему неизвестно, будет он мужчиной или женщиной, и выбор роли от него не зависит. (Отие Ним отмечал в своих донесениях, что в Оргорейне достаточно широко распространено применение гормональных препаратов для формирования предпочитаемого пола; в кархидской деревне мне этого наблюдать не приходилось). С того момента, когда пол партнеров определился, он не изменится уже на протяжении всего кеммера. Кульминационная фаза кеммера (карх. токеммер) длится от двух до пяти дней, в этот период половое влечение и половая потенция достигают максимума. Фаза эта заканчивается достаточно внезапно, и, если оплодотворения не произошло, особь возвращается в фазу сомер в течение нескольких часов (прим.: Отие Ним считает, что эта «четвертая фаза» соответствует менструации) и цикл начинается сначала, повторяясь в такой же последовательности. Если же индивидуум, выступающий в данном кеммере в роли женщины, был оплодотворен, гормональная деятельность сохраняется, безусловно, и далее и на протяжении периода беременности (8,4 месяца) и лактации (6—8 месяцев) такой индивидуум остается женщиной. Его мужские половые органы остаются сокращенными и втянутыми (как в сомере), грудные железы увеличиваются, таз расширяется. После окончания периода лактации женщина возвращается в фазу сомер и снова становится идеальным гермафродитом. Физиологического привыкания не происходит, поэтому мать нескольких детей в то же время может являться отцом еще нескольких потомков.

Наблюдения социологические — крайне недостаточны по продолжительности, так как я слишком часто меняла свое местопребывания, чтобы осуществить достаточно репрезентативные наблюдения.

Кеммер не всегда происходит попарно. Подбор партнера и формирование пары, по-видимому, является наиболее распространенным обычаем, но в «домах кеммера», существующих в больших и малых городах, могут формироваться группы индивидуумов, предающихся разврату, в котором участвуют мужские и женские особи, входящие в эту группу. Полной противоположностью этого вида отношений является обычай давать клятву верности своему кеммерингу, партнеру по кеммеру (карх. оскиоммер), что, в сущности, равносильно моногамному браку. Юридического статуса такой брак не имеет, но в общественном и этическом отношении является весьма древним и по-прежнему живым и действенным общественным установлением. Несомненно, что вся структура кархидских кланов-очагов и оменов построена на этом институте моногамного брака. Я не уверена, существуют ли какие-то общие принципы в отношении разводов: здесь, в Оsnоринере, разводы существуют, но, как правило, повторные браки после развода либо после смерти одного из партнеров не заключаются. Давать обет верности кеммерингу можно только раз в жизни.

На всем Гетене родство, происхождение устанавливают по материнской линии, или, как это определяется, «телесному родителю» (карх. амха).

Кровосмешение здесь допускается, правда, с различными ограничениями, но зато при прямом родстве пары, вступившей в брак; однако состоящим в прямом родстве (аналогично братьям и сестрам) запрещается давать друг другу клятву верности, т. е. вступать в брак, продолжать супружеские отношения и поддерживать связь после рождения ребенка одним из них. Однако кровосмешение между поколениями (родителями и детьми) категорически запрещено в Кархиде и Оргорейне, но, кажется, допускается в племенах Перунтера, антарктического континента, хотя, возможно, это просто злостная клевета.

Что же мне теперь известно наверняка? Похоже, это все.

Есть одна черта, один аспект аномальной ситуации, который может иметь адаптационную ценность. Поскольку копуляция возможна только в детородном возрасте, в периоде размножения, вероятность зачатия достаточно велика, как это существует у всех млекопитающих, которые имеют в продолжении полового цикла период течки. В суровых климатических условиях, при высокой смертности новорожденных это может иметь позитивную ценность для сохранения расы. В настоящее время в цивилизованных районах Гетена ни детская смертность, ни естественный прирост населения не являются высокими. Тинибоссоль определяет количество населения на всех трех континентах примерно в 100 миллионов, и считает, что этот уровень сохраняется на протяжении тысячелетия. Большую роль в сохранении стабильности уровня заселенности, по-видимому, играет ритуальная и этически обоснованная обстиненция, половое воздержание, а также применение гормональных контрацептивных средств.

Существуют аспекты бисексуальности, о которых мы едва ли имеем представление и которые, возможно, мы никогда не сможем осознать полностью. Феномен кеммера, естественно, всех нас, исследователей, очень занимает. Нас он занимает, а гетенцами он управляет, полностью властвует над ними. Их общественная структура, организация производства, сельского хозяйства, торговли, размеры их жилищ, темы и сюжеты их устной литературы — все приспособлено и связано с циклом сомер-кеммер. У каждого работающего есть отпуск раз в месяц. Никто, независимо от его общественного положения, не обязан работать в те дни, когда он находится в кеммере. Никого, — ни бедного, ни пришлого — не прогонят от дверей «дома кеммера». Все подчиняется циклической радости и любовному страданию, мукам любви. Нам это легко понять. Гораздо труднее понять и осознать то обстоятельство, что четыре пятых всей своей жизни эти люди полностью лишены сексуальной мотива-

ции. Здесь нашлось место сексу, и даже много места, но это как бы отдельное, отстраненное от всей остальной жизни явление. Гетенское общество в своем ежедневном, будничном, непрерывном существовании асексуально.

Примечание: каждый может избрать любую роль. Звучит это очень просто, но психологический эффект этого выбора непредсказуем. Тот факт, что каждый в возрасте от семнадцати до тридцати пяти лет может быть (как это сформулировал Ним) «обречен на материнство», определяет отсутствие абсолютной «привязанности» физической и психологической, которая характерна для женщин обычных бисексуальных социумов. Тяготы и привилегии делятся поровну; каждый рискует в одинаковой мере и совершает свой выбор так же, как и другой партнер, поэтому никто здесь не может быть так свободен, как обычно свободен мужчина в других, бисексуальных мирах.

Примечание: у ребенка не существует психосексуального отношения к родителям. Миф об Эдипе не функционирует на Гетене.

Примечание: здесь не может существовать сексуальных взаимоотношений без согласия партнера, нет насилия по отношению к партнеру, невозможно изнасилование. Как у большинства млекопитающих, за исключением человека, коитус (половое сношение) может произойти только при обоюдном желании, в противном случае он просто невозможен. Обольщение, несомненно, может иметь место, но оно должно быть чрезвычайно точно рассчитано по времени.

Примечание: не существует деления людей на сильную и слабую половины, на защитников и нуждающихся в защите, главенствующих и подчиняющихся, властителей и прислуживающих, активных и пассивных, вся присущая человеческому мышлению склонность к дуализму здесь, на Зиме, может оказаться ослабленной либо подвергнется существенным изменениям.

В заключительных рекомендациях должны быть отмечены следующие положения: при контакте с жителем Гетена не только не рекомендуется, но и категорически не следует делать того, что индивидуум, принадлежащий к раздельнополому, бисексуальному обществу, впитывает буквально с молоком матери, то есть не воспринимать и не относиться к собеседнику, как к мужчине или к женщине, и не занимать по отношению к нему под влиянием собственных ожиданий позиции, диктуемой приятными либо возможными вариантами поведения особей одного и того же пола либо двух противоположных полов. Все наши эталоны общественно-сексуального поведения здесь неприемлемы. Им эта игра неизвестна. Они не ощущают себя ни мужчинами, ни женщинами, что едва ли не превышает возможности нашего воображения. Вы помните, какой первый вопрос мы задаем при рождении ребенка?

И в то же время нельзя думать о гетенце, употребляя местоимение «оно». Они отнюдь не бесполое евнухи. Они потенциальны и совокупны. Не существует кархидского «человеческого» (применяемого в отношении к людям) местоимения для определения особи, находящейся в сомере. Я употребляю местоимение «он» по тем же самым причинам, по которым употребляется местоимение рода «он», когда говорим о трансцендентальном боге, оно менее определено, конкретно, менее специфично, чем местоимение женского или среднего рода. Но уже только потому, что мысленно я применяю именно это местоимение, я постоянно забываю, что кархидец, с которым я разговариваю, не мужчина, а мужчино-женщина.

Первого мобиля, если он будет сюда прислан, следует предостеречь, что если он не слишком уверен в себе или очень стар, его гордость и достоинство представителя определенного пола будет уязвлена. Мужчина, как правило, жаждет оценки своей мужественности, женщина стремится к тому, чтобы ее женственность была достаточно оценена, независимо от того, насколько косвенно или слишком утонченно были бы выражены проявления этой высокой оценки. На Зиме этого не будет. Здесь наиболее высоко ценится и уважается то, в какой степени ты являешься человеком. И это — совершенно поразительное ощущение.

Но я возвращаюсь к своей теории. Рассматривая побудительные мотивы этого эксперимента, если, конечно, это действительно был эксперимент, и, возможно, пытаюсь снять с хайнских предков обвинение в варварстве, я сделала некоторые предположения относительно его возможно предполагаемой цели.

Цикл сомер-кеммера в наших глазах является чем-то унижительным, возвратом к дочеловеческому, животному существованию, подчинением человеческих существ механическому императиву сугубо физиологического процесса течки. Возможно, экспериментаторы хотели выяснить, останутся ли человеческие существа, лишённые постоянной половой потенции, существами разумными, способными к созданию культуры.

С другой стороны, ограничение действия полового влечения непродолжительными отрезками времени и его гермафродитическое «уравновешивание» должны в значительной степени ограничивать его использование и элиминировать, практически полностью исключать связанную с ним фрустрацию. Фрустрация сексуальная должна существовать (даже несмотря на то, что общество пытается ее предотвратить всеми доступными средствами, до тех пор, пока социальная группа достаточно сильна, чтобы дать возможность более чем одному своему индивидууму из ее числа пребывать в данный момент в кеммере, то сексуальное удовлетворение почти гарантировано), но уж, во всяком случае, не возрастает, потому что прекра-

щается вместе с кеммером. Ну что же, таким образом они избавлены от множества бесплодных усилий и безумия, но что же тогда остается в сомере? Что должно быть подвергнуто сублимации? Чего достигает общество евнухов? Нет, конечно, в сомере они не евнухи, скорее, их можно сравнить с людьми, находящимися в периоде, предшествующем поре созревания, не кастраты, а люди, ожидающие физического побуждения.

Другое предположение относительно цели гипотетического эксперимента — устранение, элиминация войн. Может быть, древние хайниты полагали, что постоянно существующая половая потенция и организованная общественная агрессия, которые не выявляются ни у одного вида млекопитающих, кроме человека, являются причиной и следствием? Или, может быть, как Тумасс Сонг Ангот, считали войну проявлением исключительно мужского начала, которое замещает собой огромное насилие? И поэтому они в своем эксперименте элиминировали это мужское начало, которое насилует, и женское начало, которое подвергается насилию? Бог их знает... Факт очевиден — гетенцы, хотя и весьма склонны к соперничеству (что подтверждает существование достаточно сложных общественных каналов, обеспечивающих реализацию борьбы за престиж и т. п.), в то же время не слишком агрессивны, во всяком случае, у них до сих пор еще не происходило, как мне кажется, ничего такого, что можно было бы назвать войной. Они лишают себя жизни без всякого сопротивления, в одиночку и по двое, реже — десятками, но никогда — сотнями и тысячами. Почему?

Может оказаться, конечно, что это не имеет ничего общего с их гермафродитической психологией. В конце концов, их не так уж много. Кроме того, их климат. Погода на Зиме так безжалостна, так близка к пределам, за которыми не существует возможностей для человеческого существования, даже при всех их способностях приспосабливаться к холоду, что, возможно, они расходуют весь свой боевой пыл в борьбе с холодом. Народы, населяющие окраины обитаемого космоса, расы, существующие на самой грани допустимых пределов существования, редко бывают воинственными. И наконец, доминирующим фактором в жизни гетенцев является не секс, не что-либо иное, связанное с человеческой сущностью. Этот фактор — их окружение, их холодный мир. У человека здесь есть более жестокий враг, нежели он сам.

Так как я женщина из мирного и миролюбивого мира Чиффевар, я не являюсь специалистом в вопросах обуздания агрессивности и в вопросах, относящихся к войнам вообще. Пусть эти вопросы рассматривает кто-нибудь другой. Но, откровенно говоря, я не верю, чтобы кто-нибудь, переживший зиму на Зиме и стоявший лицом к лицу со Льдом, придавал такое уж большое значение военным победам и воинской славе.

8. ДРУГАЯ ДОРОГА В ОРГОРЕЙН

Я провел это лето скорее как разведчик-испытатель, чем как мобиль. Я путешествовал по Кархиду от деревеньки к деревеньке, от домена к домену, присматриваясь и прислушиваясь. Этого никогда не может позволить себе мобиль в начальном периоде, когда он представляет собой для людей новость и диковинку, когда он постоянно должен быть доступен для обозрения и готов к выступлениям. Я сообщил своим хозяевам в очагах и в деревеньках, кто я такой. Большинство из них уже что-то слышало обо мне по радио и имело обо мне хоть какое-то понятие. Обычно они проявляли любопытство, одни в большей, другие в меньшей степени. У некоторых я вызывал страх или ксенофобическое отвращение. Враг в Кархиде — не чужой, пришлый захватчик. Незнакомец, пришелец — это гость очага. А враг — это сосед.

В месяце кус я находился на восточном побережье в качестве гостя клана Горинхеринг, в огромном доме-крепости, стоящем на холме, который возносился над вечными туманами океана Годомин. Там жило около пятисот человек. Четыре тысячи лет тому назад я застал бы их предков, живущих на том же самом месте и в таком же самом доме. За эти четыре тысячи лет было открыто электричество, изобретено радио, началось использование механических ткацких станков, автомобилей и сельскохозяйственных машин. Техническая эра наступила постепенно, без технической либо какой-нибудь иной революции. Зима на протяжении тридцати столетий не достигла того, чего Земля достигла когда-то на протяжении тридцати десятилетий, но зато не заплатила за это той цены, которую заплатила Земля.

Зима — очень жестокий мир. Наказание за преступление неотвратимо и наступает очень быстро — смерть от холода или смерть от голода. Никакого залога, никакой отсрочки. Человек может положиться на свое счастье, общество — нет, потому что такие культурные измерения, как случайные мутации, могут увеличить вероятность риска. В произвольно взятой точке их истории поверхностный наблюдатель мог бы сказать, что всякий технологический прогресс и распространение культуры здесь заторможены. Но этого никогда не было. Давайте сравним тропический ливень и ледник. Каждый из них по-своему достигает той цели, к которой стремится.

Я много разговаривал со стариками из Горинхеринга и много разговаривал с детьми. Мне впервые представился случай познакомиться поближе с гетенскими детьми, потому что в Эргенранге все дети обычно находились в частных либо общественных очагах и школах. От четверти до трети всей взрослой части популяции городов заняты в сферах воспитания и обучения детей. Здесь же клан занимался сам своей молодежью. Ответственность была воз-

ложена на всех и ни на кого конкретно. Поэтому дети шумной толпой носились по затянутым туманом холмам и пляжам. Когда же мне удавалось кого-нибудь из них удержать на одном месте достаточно долго, чтобы иметь возможность с ним поговорить, оказывалось, что это существа робкие, гордые и одновременно очень доверчивые.

Родительские инстинкты на Гетене проявляются очень по-разному, так же, как и всюду. Здесь не существует никаких правил. Я никогда не видел, чтобы взрослый кархидец ударил ребенка. Только один раз я видел, чтоб кто-то говорил с ребенком сердито. Их нежность по отношению к детям показалась мне глубокой, рациональной и почти совершенно лишенной собственнического инстинкта. И только этим последним обстоятельством нежность эта отличалась от того, что у нас зовется «материнским» инстинктом. Я подозреваю, что различие инстинкта материнского и инстинкта отцовского необоснованно и что инстинкт родительский, выражающийся постоянной готовностью к охране и помощи, не является чертой, непосредственно связанной с полом.

В начале месяца хаканна мы в Горинхеринге из шороха и треска радиопомех выловили Дворцовый Бюллетень, который сообщил нам, что король Аргавен ожидает наследника. Нет, не еще одного сына от кеммеринга, каковых имел уже семеро, а сына собственного лона. Король забеременел.

Мне это показалось забавным, и жителям Горинхеринга — тоже. Но по другой причине. Они говорили, что король слишком стар, чтобы рожать детей, и очень веселились, высказывая разнообразные, но совершенно неприличные соображения. Старшее поколение получило повод для веселья на много дней. Они смеялись над королем, но, несмотря на это, очень мало им интересовались. «Кархид — это домены», — сказал когда-то Эстравен, и так же, как многое другое из того, что он мне говорил, слова эти вставали передо мною по мере того, как мне приходилось сталкиваться с чем-то новым. Эта мнимая нация, объединенная уже множеством минувших столетий, представляла собой конгломерат доменов, городов, деревушек, «псевдофеодальных хозяйственных племенных единиц», пестроту энергичных, компетентных и склочных индивидуальностей, весьма незначительно и поверхностно подчиненных воздействию власти. Я подумал, что вряд ли что-нибудь в состоянии объединить Кархид как народ. Широкое распространение средств массовой информации, которое, как это обычно считается, практически неотвратимо ведет к формированию национализма, этой цели своей так и не достигло. Экумен не может обращаться к этим людям как к обществу, как к определенной, обладающей способностью к мобилизации целости. Скорее она должна обращаться к их очень сильному, хотя и не вполне развитому чувству гуманизма, чувству человеческой

общности. Мысль об этом очень меня взволновала. Конечно, я был неправ, но все же мне удалось узнать о гетенцах нечто такое, что в дальнейшем оказалось мне весьма полезным.

Поскольку я не собирался целый год провести в Старом Кархиде, мне следовало возвращаться на Западную Равнину, пока перевалы Каргава были еще проходимы. Даже здесь, на побережье, уже давно дважды выпадал небольшой снег, в последнем месяце лета. Довольно неохотно я двинулся опять на запад и прибыл в Эргенранг в начале месяца гор, первого осеннего месяца. Аргавен жил теперь уединенно в своей летней резиденции, находящейся в Варревере, и на время своего отсутствия назначил регентом Пеммера Харджа рем ир Тайба. Уже через несколько часов по возвращении я начал замечать свои ошибки в анализе кархидской действительности. Тайб в полной мере использовал все возможности за период своего недолгого правления. Я почувствовал вокруг себя атмосферу отчужденности и даже — надвигающейся опасности.

Аргавен был ненормален. Болезненная неполноценность его рассудка влияла на настроение его столицы, король питался и поддерживал свои силы страхом. Все доброе, что было сделано за времена его правления, было делом рук его министров и кворремы. Правда, все-таки много зла он не причинил. Судорожная борьба с терзающими его кошмарами и призраками не приносила королевству особого вреда. Совсем иное дело его кузен Тайб, безумие которого имело свою логику. Тайб знал, когда и как следует действовать. Он только не знал, когда следует остановиться.

Тайб часто выступал по радио. Эстравен, когда был у власти, никогда этого не делал. Это было не в кархидском стиле. Осуществление, реализация власти здесь отнюдь не было публичным представлением, оно было тайным и косвенным. Тайб же тем временем самозабвенно токовал, как глухарь на заре. Слушая его голос по радио, я вспоминал длиннотубую ухмылку и лицо, скрытое маской густой сети мелких морщин. Речи его были длинными и высокопарными, в них было полно восхвалений Кархида, оскорблений в адрес Оргорейна, обвинений «нелояльных фракций», рассуждений о «нерушимости границ королевства», лекций по вопросам истории, этики и экономики, и все это в невероятно напыщенном стиле, со множеством громких фраз, в которых истерически звучали оскорбления и восхваления. Он разглагольствовал о чести страны и любви к Отчизне, но очень мало говорил о шифгретторе, личном достоинстве или престиже. Неужели Кархид так сильно уронил свой престиж в инциденте с долиной Синот, что теперь об этом было лучше не вспоминать? Видимо, нет, потому что он часто касался вопроса о долине Синот. Я решил, что он намеренно избегает касаться темы шифгреттора, потому что стремится разжечь стихийные эмоции низших слоев. Он пытался всколыхнуть нечто, из чего

бы возникла идея шифгреттора, из чего бы она усовершенствовалась и сублимировалась. Он хотел вызвать у своих слушателей страх и гнев. Он совершенно не упоминал в своих речах о гордости, о любви, хотя и беспрестанно употреблял эти слова. В его устах они означали всего лишь самонадеянность и ненависть. Он распространялся на тему истины, потому что, как он выразился, «пытался обнаружить ее под маской цивилизации».

Это вневременная, вездесущая, внешне верная метафора — о маске, лаке, краске, внешнем лоске или о чем там еще, что скрывает благороднейшую действительность. Она в состоянии одним-единственным усилием своим, единым махом скрыть десяток фальсификаций и подлогов. Одним из наиболее опасных искажений истины является мысль о том, что цивилизация — искусственное творение, а, следовательно, противоречащее природе, ненатуральное, что ее противоположностью является примитивизм... Разумеется, не существует ни маски, ни лака, а есть процесс роста. Примитивизм же и цивилизация — разные стадии одного и того же процесса. Если цивилизация имеет противоположность, то эта противоположность — война. Из этих двух явлений можно выбрать или одно, или другое — и никогда оба одновременно. Слушая его нудные, злобно агрессивные тирады, я чувствовал, что с помощью запугивания и убеждения Тайб пытается заставить свой народ изменить выбор, который этот народ уже сделал, прежде чем началась история, — выбор между войной и цивилизацией.

Возможно, что для этого наступило время. Пусть их прогресс — ментальный и технологический — был медленным, пусть они не очень высоко ценили саму идею «прогресса», последние пять, десять или пятнадцать столетий им, наконец, удалось несколько опередить Природу. Они уже не были так безжалостно предоставлены милости или немилости своего жесткого климата, неурожай не становился уже причиной голодной смерти населения целой провинции, а чрезвычайно суровая зима уже не вызывала полной изоляции городов. Опираясь на эту материальную стабилизацию, Оргорейн постепенно построил достаточно объединенное и исправно функционирующее централизованное государство. Теперь Кархиду предстояло мобилизовать все свои внутренние силы и сделать то же самое. А средством для этого было отнюдь не развитие национального достоинства и самосознания, не расширение торговли, не улучшение дорог, хозяйства, системы обучения, нет, этого ничего не было нужно, — ведь это все цивилизация, маска, которую Тайб с презрением отбрасывал. Ему нужно было более надежное, более безотказное, быстро и продолжительно действующее средство для превращения людей в нацию — война. Его замыслы в этом отношении не могли быть слишком определенны, но они были вполне логичны. Единственным альтернативным средством быстрой и все-

объемлющей мобилизации людей является новая религия, но так как под рукой новой религии не было, оставалась только война.

Я послал регенту ноту, в которой цитировал вопрос, заданный мною прорицателям из Отерхорда, и полученный ответ. Тайб не ответил. Тогда я отправился в орготское посольство и попросил выдать мне разрешение на въезд в Оргорейн.

Персонал канцелярий Экумена на Хайне гораздо меньше, малочисленнее, чем здесь, на Гетене, персонал посольства одного маленького государства в другом таком же маленьком государстве, и все они вооружены десятками метров лент с информацией, бланками анкет и формуляров. Они были очень неторопливы и точны, никакой халатности, небрежной наглости и неожиданной уверенности, так характерных для кархидских чиновников. Я терпеливо ждал, пока они заполнят свои бесконечные формуляры.

Это ожидание становилось все более раздражающим. Количество гвардейцев и городских полицейских на улицах Эргенранга увеличивалось с каждым днем. Они были вооружены, а их форменная одежда делала их всех одинаковыми, унифицировала. Настроение в городе было невеселое, хотя дела шли хорошо, достаток возрастал, и погода была хорошая. Все держались от меня подальше. Мой «хозяйка» уже не показывал любопытствующим мою комнату, зато жаловался, что его постоянно посещают «эти из Дворца», и относился ко мне уже не как к достойному и уважаемому чуду, а как к личности, подозрительной в политическом отношении. Тайб произнес очередную речь о пограничном инциденте в долине Синот: «Доблестные кархидские землепашцы, истинные патриоты» атаковали к югу от Сассинота орготскую деревню, сожгли ее, убили девятерых ее жителей, а потом волокли их трупы до самой реки Эй, куда их и швырнули. «Такой конец,— сказал регент,— ожидает всех врагов нашего народа!» Я слушал эту передачу в обеденном зале моего острова. Кое у кого из слушателей лица были мрачные, у других — скучающие, у третьих — довольные, но во всех этих разных лицах было нечто общее: мелкий тик или какая-то судорога, которой не было раньше, выражение беспокойства.

В этот вечер я принимал у себя гостя, первого гостя после моего возвращения в Эргенранг. Гость был худ и робок, даже застенчив. У него была гладкая кожа, и он носил золотую цепь прорицателя, одного из «чистых».

— Я друг человека, который был и твоим другом,— сказал он с той непосредственностью, которая иногда свойственна застенчивым людям.— Я пришел просить тебя об услуге от его имени.

— Фейкс?

— Нет. Эстравен.

По-видимому, доброжелательное выражение моего лица изменилось, потому что после короткой паузы гость добавил:

— Эстравен-изменник. Помнишь такого?

Вместо застенчивости теперь появился гнев, и теперь пришелец начал игру в шифгреттор. Если бы я захотел эту игру поддержать, то мой следующий ход предписывал мне сказать нечто вроде: «Я не совсем уверен, расскажи мне что-нибудь о нем». Но у меня не было настроения играть в эти игры, к тому же я успел познакомиться со взрывоопасным темпераментом кархидцев. Поэтому я оставил без внимания его гнев и сказал:

— Помню, конечно.

— Но без дружеского чувства.— Его темные глаза с опущенными уголками пристально всматривались в меня.

— Скорее, с чувством благодарности и разочарования. Он прислал тебя ко мне?

— Нет.

Я ждал продолжения. Пусть он скажет нечто большее.

— Извини,— сказал он,— Я выдвигал необоснованные предположения. Признаю факты.

Я удержал маленького обиженного человека уже в дверях.

— Прошу тебя, я ведь не знаю, ни кто ты такой, ни чего ты хочешь. Я еще не согласился, но ведь это не значит, что я тебе отказал. Ты должен согласиться со мной в том, что я имею право на осторожность. Эстравен был изгнан за то, что поддерживал мою миссию...

— Не кажется ли тебе поэтому, что ты его должник?

— Да, в определенном смысле. Однако моя миссия здесь важнее всех личных обязательств и лояльности.

— Ну, если так,— сказал мой гость без тени сомнения,— значит, миссия твоя аморальна.

Эти слова заставили меня задуматься. Он сказал это как адвокат Экумена, и я не нашелся, что ему ответить.

— Не думаю,— отозвался я наконец.— Плох миссионер, а не миссия. Но скажи мне, пожалуйста, прошу тебя, что ты хотел чтобы я сделал?

— У меня есть немного денег от выплат и долгов, которые мне удалось спасти из остатков имущества моего друга. Когда я услышал, что ты собираешься в Оргорейн, я решил попросить тебя, чтобы ты передал ему эти деньги, если найдешь его там. Как тебе известно, это было бы преступлением. Кроме того, это может оказаться ненужным. Он может быть в Мишнори либо какой-нибудь из их проклятых ферм. Может быть, его уже нет в живых. У меня нет возможности что-либо узнать о нем. У меня нет знакомых в Оргорейне, а здесь я не смею расспрашивать. Я подумал о тебе, потому что ты стоишь над политикой и у тебя не связаны руки. Но мне не пришло в голову, что у тебя, естественно, существует своя собственная политика. Прошу простить мне мою глупость.

— Хорошо, я возьму для него деньги. Но если его нет в живых или мне не удастся его найти, кому мне тогда их вернуть?

Он смотрел на меня. По лицу его скользнула судорога, из горла вырвалось сдавленное рыдание. Большинство кархидцев плачет легко, стыдясь слез не более, чем смеха. Он сказал:

— Благодарю тебя. Меня зовут Форет. Я из крепости Оргни.

— Ты принадлежишь к клану Эстравена?

— Нет. Я Форет рем ир Осбот. Я был его кеммерингом.

У Эстравена не было кеммеринга во времена нашего с ним знакомства, но мне не удалось пробудить в себе подозрения к этому человеку. Он мог, конечно, быть слепым орудием в чьих-то руках, но мне не удалось пробудить в себе подозрения к этому человеку. Он мог, конечно, быть слепым орудием в чьих-то руках, но сам он был, несомненно, искренен. Благодаря ему я узнал, что игру в шифгреттор можно вести на уровне этики и что выигрывает тот, кто лучше играет. Я получил мат в два хода.

Он передал мне деньги, которые он, оказывается, принес с собой. Это была солидная сумма в королевских кархидских банкнотах, которые были совершенно безлики и никак не указывали на свою принадлежность кому бы то ни было, вследствие чего я мог бы их попросту присвоить.

— Если ты его найдешь...— начал он.

— Что передать ему?

— Нет, я только хотел бы знать...

— Если я его найду, постараюсь передать тебе известие об этом.

— Благодарю тебя,— сказал он и протянул ко мне обе руки в дружеском жесте, которым кархидцы отнюдь не разбрасываются.— Я желаю тебе успеха в твоей миссии. Он, Эстравен, верил, что ты прибыл сюда с добрыми намерениями. Я знаю, что он очень в это верил.

Для этого человека не существовало мира вне Эстравена, он света белого за ним не видел, как говорится. Он был одним из тех, кто обречен на одну-единственную в жизни любовь.

— Может быть, передать ему от тебя еще что-нибудь на словах? — спросил я у него снова.

— Передай ему, что дети здоровы,— сказал он и, поколебавшись, тихо прошептал: — Нусут,— и вышел.

Через два дня я отправился в путь из Эргенранга, пешком, на этот раз — на северо-запад. Разрешение пересечь границу Оргорейна пришло быстрее, чем предупреждали меня чиновники из посольства, и даже быстрее, чем они сами предполагали. Когда я пришел за своими бумагами, они отнесли ко мне с язвительным почтением, недовольные тем, что протокол и предписания ради меня были нарушены. Поскольку в Кархиде не существовало никаких правил относительно выезда из страны, я отправился в путь немедленно.

За это лето я узнал, насколько приятно путешествовать по Кархиду пешком. Дороги и постоянные дворы приспособлены к пешему передвижению в такой же мере, как и для передвижения механическим транспортом, а там, где не окажется постоянного двора, можно надежно положиться на кодекс гостеприимства. Жители городов, деревушек, усадеб или хозяева доменов согласно законам гостеприимства предоставят путнику кров и пропитание в течение трех дней, а практически — гораздо дольше. Главное, что примут тебя без всяких претензий и недовольства, и так радушно, как будто ты долгожданный гость.

Я путешествовал по великолепной, расположенной в долине между реками Сесс и Эй стране не торопясь, временами подрабатывая на жизнь работой на полях обширных латифундий, потому что настала пора сбора урожая и каждая пара рук, каждое орудие труда и каждая машина трудились, чтобы собрать урожай до наступления холодов. Все вокруг было золотым и безмятежно спокойным во время этого недельного путешествия, и каждую ночь, перед тем как лечь спать, я выходил из темного дома крестьянина-землепашца или из ярко освещенной каменной залы, в зависимости от того, где я остановился, и, стоя на терне, всматривался в звезды, сияющие как далекие города, затерянные в пронизанной осенними ветрами холодной темноте.

Честно говоря, мне не хотелось расставаться с этим краем, так равнодушно принявшим посла со звезд, но таким доброжелательным и радужным к чужестранцам. Мне очень не хотелось начинать все сначала, повторять свое послание на новом языке новым слушателям, и, вполне возможно, опять напрасно. Я двигался скорее на север, чем на запад, влекомый любопытством, мне хотелось увидеть район долины Синот, этого яблока раздора между Кархидом и Оргорейном. Погода по-прежнему стояла ясная, но начало заметно холодать, и я повернул на запад, направляясь к Сассинот, потому что вдруг вспомнил, что там вдоль границы построено ограждение и у меня могут возникнуть сложности при попытке оставить территорию Кархида. Здесь границей была сама Эй, узкая, но очень бурная река, берущая свое начало от ледника, как все реки Большого Континента. Мне пришлось вернуться на несколько километров в южном направлении в поисках переправы, и я набрел на мост, который соединял две деревушки — Пассерер с кархидской стороны и Сьювенсин в Оргорейне, лениво поглядывающих друг на друга с противоположных берегов бурной реки Эй.

Кархидский стражник спросил только, буду ли я возвращаться еще сегодня вечером, и махнул мне рукой, мол, проходи... На орготской стороне был вызван инспектор для проведения контроля моего паспорта и прочих документов, на что он потратил не менее часа, да еще и кархидского. Он задержал мой паспорт, объявив мне,

что за ним я должен обратиться завтра утром, и выдал мне вместо моего паспорта талон на питание и ночлег в Пограничном Доме Путешествующих Содружества Сьювенсин. Следующий час я провел в конторе управляющего этим домом, который листал мои бумаги и проверял подлинность моего талона, для чего он звонил по телефону инспектору Пограничного Пункта Содружества, из которого я только что явился.

Я не в состоянии точно определить и выразить смысл орготского слова, которое я здесь перевожу словом «содружество». Суть его выражает слово, обозначающее совместный прием пищи, трапезу. Его применение охватывает все общественные и государственные образования в Оргорейне, начиная от государства как некоего единства, включая тридцать три округа, до меньших административных единиц — городов, коммунальных хозяйств, рудников, фабрик и всего остального. В качестве прилагательного употребляется со всеми вышеперечисленными существительными. В форме существительного «содружество» обычно употребляется, когда речь идет о правящей структуре Великого Содружества Оргорейна, обладающей законодательной и исполнительной властью, и образуемой тридцатью тремя сотрапезниками-руководителями округов, но может означать также и всю совокупность граждан, народ страны. В этом странном отсутствии различия между общим и частным, специфическим употреблением слова, употреблении его для обозначения как части, так и всего целого, в этом отсутствии точности кроется его наиболее точный смысл.

Мои бумаги, а вместе с ними и мое присутствие были наконец одобрены, и в четвертом часу я получил мой первый за этот день после очень раннего завтрака полдник, точнее, обед, состоящий из вареного кадика и холодных ломтей хлебного яблока. При всем скоплении разнообразных чиновников Сьювенсин был маленьким захолустным местечком, глубоко увязшим в провинциальной апатии. Дом Путешествующих Содружества Оргорейна оказался меньше собственного названия. Обеденная зала, в которой не было камина, меблирована была лишь столом и пятью стульями. Еду туда приносили из деревни. В длинном помещении была спальня — шесть кроватей, много пыли и немного сырости. Вся спальня была предоставлена мне. Поскольку было похоже на то, что все жители Сьювенсина отправляются в постель сразу после ужина, я последовал их примеру. Заснул я в пронзительной деревенской тишине, которая звенит в ушах. Спал я не больше часа, и проснулся от душащего меня кошмара, в котором были взрывы, вторжения, убийства и пожары. Это был особенно мучительный сон из тех, в которых ты бежишь во тьме по незнакомой улице через толпу людей без лиц, а позади, за твоей спиной, пламя охватывает дома и слышен детский крик.

Я остановился на убранным поле около черной изгороди. Под ногами сухо потрескивала стерня. Сквозь тучи виднелся мутно-красный месяц и несколько звезд. Дул пронзительный зимний ветер. Неподалеку темнел большой овин или амбар, а где-то вдали, позади него, в темное небо извергались и разбрасывались ветром снопы искр.

Я был бос, на мне не было ни штанов, ни хиеба, ни плаща, в одной рубаше, но за спиной у меня был мой вещевой мешок, которым я в своих странствиях пользовался как подушкой. В нем была не только запасная одежда, но и мои рубины, деньги, документы, бумаги и анзибл. По-видимому, я оберегал его даже в своих снах. Я вынул из мешка сапоги, брюки, подбитый мехом зимний хиеб и надел все это на себя в морозной темной тишине, а за моей спиной пылал Сьювенсин. Я скоро отыскал дорогу, а на ней — других людей. Это были такие же, как и я, беглецы, но, в отличие от меня, они знали, куда идти. Я пошел следом за ними, так как у меня не было никакого плана действий. Мною владело только одно желание — оказаться как можно дальше от Сьювенсина, на который, как я догадывался, напали соседи из Пассерер, селения, расположенного на другом конце моста.

Те, видимо, напали, подожгли и ушли — боя не было. Внезапно перед нами в темноте вспыхнули рефлекторы автомобиля. Сбившись стадом на обочине, мы следили за вереницей тяжелых машин, которые на полной скорости пронеслись с запада по направлению к Сьювенсину, миновали нас, ослепляя светом фар и оглушая грохотом моторов. Их было двенадцать. И опять наступили тьма и тишина.

Вскоре мы добрались до земледельческого общественного хозяйства, где нас остановили и допросили. Я пытался держаться той группы беженцев, с которой пришел сюда, но мне это не удалось. Это не удалось никому, у кого не оказывалось при себе документов, удостоверяющих личность. Они так же, как и я, беспаспортный чужестранец, были отделены от остальных и помещены на ночь в большом каменном полуподвале без окон и только с одной дверью, запертой снаружи, видимо, в каком-то складе. Время от времени двери открывались, и местный полицейский, вооруженный гетенским акустическим «ружьём», вталкивал в полуподвал очередного скитальца. Когда дверь снова захлопывалась, темнота становилась абсолютной — нигде не светило ни щелочки. Перед глазами, лишенными возможности что-нибудь рассмотреть, кружились звезды и огненные пятна на черном фоне. В холодном воздухе было трудно дышать от густой пыли и запаха зерна. Ни у кого не было с собой даже фонарика. Всех так же, как и меня, клонило ко сну. Двое из них были буквально в чем мать родила, и по дороге соседи дали им одеяла. У них абсолютно ничего с собой не было. Они успели

схватить только свои документы. В Оргорейне лучше остаться голым, чем оказаться без своих бумаг.

Мы сидели порознь в этой пустоте, в огромной пыльной тьме. Иногда кто-то шепотом обращался к соседу. Ни малейших проявлений солидарности товарищей по несчастью, никаких жалоб.

Слева я услышал шепот:

— Я видел его на улице, прямо около моих дверей. Ему оторвало голову.

— Они применяют ружья с металлическими пулями. Это оружие для штурма.

— Тиена говорил, что они не из Пассерер, а из Оворда и приехали на грузовике.

— Но ведь между Овордом и Сьювенсином не существует никаких споров...

Они не понимали и не жаловались. Не протестовали против того, что их заперли в подвале свои же соотечественники, против того, что враги стреляли и жгли их дома. Они не искали объяснений тому, что с ними случилось. Изредка доносящиеся тихие голоса в темноте, мелодичные звуки орготского языка, рядом с которым кархидский звучал как бряканье камешков в пустой жестяной банке, постепенно затихли совсем. Люди заснули. Еще несколько минут где-то в отдаленной темноте хныкал ребенок, встревоженный звуками и эхом собственного плача.

Потом заскрипели двери, и был ясный день, солнечный свет как ножом полоснул по глазам, резкий и ослепительный. Спотыкаясь, я поднялся вместе со всеми и машинально двинулся за ними, когда услышал вдруг свое имя. Я не узнал его вначале, потому что орготы выговаривают «л» мягко, как «ль». Кто-то выкликал меня с того момента, когда открылись двери.

— Прощу вас, идемте со мной, господин Ай,— сказала мне сконфуженная особа в красном одеянии, и вот я уже не был беженцем. Я был отделен от тех безымянных, с которыми вместе скитался в темноте и с которыми был связан неизвестностью всю эту долгую ночь, проведенную в темнице. Теперь у меня было имя, меня знали, мое существование получило официальное подтверждение. Какое облегчение! Я охотно отправился следом за моим проводником. В канцелярии Местного Управления Земледельческих Хозяйств Содружества царил оживление и суматоха, тем не менее, у чиновников нашлось время, чтобы найти меня и извиниться за неприятности, постигшие меня прошлой ночью.

— Как жаль, что вы решили прибыть в пределы Содружества именно через Сьювенсин! — сокрушался толстый инспектор. — Как жаль, что вы не воспользовались обычной трассой!

Они не знали, кто я и почему меня так принимают, неведение их было очевидно, но это не имело никакого значения. Генли Ай,

посланец, должен был быть принят как важное лицо. И он был так принят. После полудня я уже находился в пути и направлялся в Мишнори в автомобиле, предоставленном в мое распоряжение Управлением Земледельческих Хозяйств Содружества Восточного Хоумсвашом, Восьмой Округ. У меня был новый паспорт и пропуск-приглашение во все Дома Путешествующих по пути моего следования, а кроме того, телеграфное приглашение в резиденцию первого комиссара Содружества по делам пограничных пунктов и портов, господина Ута Шустгиса.

Радиоприемник в маленьком автомобиле включался одновременно с двигателем и работал все время, пока работал двигатель. Поэтому всю вторую половину дня, когда я проезжал мимо обширных заботливо возделанных равнин восточного Оргорейна, без всяких изгородей (потому что здесь нет скота) и разделенных только ручьями, — все время я слушал радио. Оно рассказывало мне о погоде, о сборе урожая, о гололеде и тумане на дорогах, предупреждало меня, чтобы я ехал осторожнее, излагало мне всевозможные сообщения и новости из всех тридцати трех округов, производственные достижения различных фабрик, отчеты о движении грузов и перевалке их в речных и морских портах, спело мне несколько песнопений культа йомеш и снова сообщало о погоде. Все это излагалось чрезвычайно спокойно по сравнению с тирадами, которые я слышал по радио в Эргенранге. О нападении на Сьювенсин — ни слова. Видимо, орготское правительство предпочитало успокаивать, а не подстрекать. Короткие официальные сообщения, повторяющиеся довольно часто, утверждали, что порядок и спокойствие на всем протяжении восточной границы обеспечены и будут обеспечиваться впредь. Мне это нравилось. Вызывало доверие, не провоцируя противника, и содержало в себе ту спокойную твердость, которая так восхищала меня в гетерцах, порядок будет сохранен... Сейчас я был рад тому, что вырвался из Кархида, страны, раздираемой смутами, которую безумный король, притом еще и беременный, и его охваченный манией величия кузен-регент толкали к войне. Я был доволен, что еду спокойно, со скоростью тридцать с небольшим километров в час обширной, ровно распаханной равниной, раскинувшейся под однообразно серым небом, в столицу, правители которой верили в существование порядка.

Дорога была обильно оснащена дорожными знаками, не то что в Кархиде, где то и дело приходится расспрашивать о пути либо положиться на свою судьбу. Кругом пестрели надписи, предупреждающие о необходимости остановиться в контрольных пунктах такого-то округа либо региона Содружества. На этих внутренних таможенных пунктах проверяют документы и регистрируется проезд. Мои документы всюду принимались с почтением, и после недолгой проверки меня учтиво пропустили и не менее учтиво инфор-

мировали о расстоянии до ближайшего дома путешествующих на случай, если бы я проголодался или захотел бы отдохнуть. При такой скорости путешествие с Северной Возвышенности до Мишнори было настоящей экспедицией, и я провел в дороге две ночи. Еда в домах для путешествующих была однообразной, но обильной, а ночлег — вполне приличным, хотя всегда в общих спальнях. В определенной мере это неудобство компенсировала сдержанность соседей по ночлегу. У меня не завязалось ни одного нового знакомства и не произошло ни одной настоящей беседы ни на одной из стоянок, несмотря на то, что я все-таки несколько раз пытался это сделать.

Жители Оргорейна не проявляли враждебности, скорее, обнаруживал отсутствие интереса. Они были безразличны, бесцветны и подавлены. Мне они понравились. У меня уже было за спиной два года красок, темперамента и страстей Кархида. Смена обстановки была как нельзя кстати.

Я ехал вдоль левого берега довольно большой реки Кундерер и на третий день после пересечения границ Оргорейна утром доехал до Мишнори, самого большого города на этой планете.

В слабом солнечном свете, в недолгом промежутке между двумя осенними ливнями, город выглядел странно — одни только каменные стены с немногочисленными узкими окнами, расположенными слишком высоко; широкие улицы, подавляющие пешеходов; фонари на непривычно высоких столбах; крыши домов, крутые, молитвенно сложенные ладони; навесы над крылечками домов, выступающие из стен домов на высоте нескольких метров, как нелепые и бессмысленные огромные книжные полки, непропорциональный, гротескный город в свете осеннего солнца. Но все это и не было предназначено для солнца. Оно было построено для зимы. Зимой, когда улицы покрывал многометровый слой плотно утоптанного снега, высокие крутые крыши были увешаны гирляндами сосулек, под навесами крылечек стояли сани, а узкие щели окон светились желтым сквозь мокрый снег, то и дело затеняющий крылом уютный свет, логика и красота этого города становились более явными.

Мишнори был чище, больше и светлее, чем Эргенранг, более просторным и более привлекательным. В нем преобладали большие дома из желтовато-белого камня. Это были простых очертаний пропорциональные здания, выстроенные по единому образцу. Внизу размещались ведомства и учреждения правительства Содружества, а также наиболее значительные святыни культа йомеш, которому покровительствовало правительство. Здесь не было шума и толчеи, не было ощущения, что ты постоянно пребываешь в тени чего-то высокого и мрачного, как в Эргенранге. Здесь все было прямолинейное, прекрасно распланированное и упорядоченное. Я чувствовал себя так, будто вырвался из мрака средневековья, и мне жаль было двух лет, так бесплодно потерянных в Кархиде. Вот эта страна

действительно была похожа на государство, дозревшее до вступления в Экуменческий Век, век объединения всех существующих человеческих рас.

Я немного поездил по городу, потом возвратил автомобиль соответствующему региональному бюро и пешком отправился в резиденцию первого комиссара Содружества по вопросам пограничных пунктов и портов. Собственно, у меня не было полной уверенности в том, что это действительно приглашение, а не распоряжение или вежливое приказание. Нусут. Я прибыл в Оргорейн, чтобы говорить об Экумене, и могу начать говорить о нем здесь с таким же успехом, как в любом ином месте.

Мои представления о флегматичности и сдержанности орготов были опровергнуты комиссаром Шусгисом, который подбежал ко мне с радостными восклицаниями, схватил обе мои руки с такой сердечностью, которая в Кархиде обычно придерживается на случай проявления глубоко личных эмоций, потряс мои руки с такой энергией, как будто запускал двигатель, и громко прокричал приветствие послу Экумена Известных Миров на Гетене.

Я был изумлен, потому что ни один из двенадцати, а может, четырнадцати инспекторов, изучавших мои документы, не подал виду, что ему известно мое имя или понятны термины «Экумен», «посланец», хотя все жители Кархида, с которыми мне довелось встречаться, хотя бы в общих чертах об этом знали.

— Я не посол, господин Шусгис, — поправил я его. — Я посланец.

— Ну, значит, будущий посол! Да-да, клянусь Меше! — Шусгис, бодрый и жизнерадостный, оглядел меня с ног до головы и снова рассмеялся. — А вы совсем не такой, каким я ожидал вас увидеть, господин Ай. Совершенно иной. Высокий, как фонарь, говорили мне, тонкий, как санный полоз, черный, как сажа, и с раскосыми глазами. Я ожидал увидеть какого-то снежного тролля, чудовище! А оказалось совсем не то. Вы просто немного темнее, чем большинство из нас.

— Землистая кожа, — сказал я.

— И вы были в Сьювенсине в ночь нападения? Клянусь сосцами Меше, в каком же ужасном мире мы живем! После того, что вам пришлось преодолеть такие немыслимые расстояния, чтобы добраться сюда к нам, вы могли погибнуть на мосту через Эй! Но вот, наконец, приветствовать в Оргорейне!

Не обращая внимания на мои попытки возразить ему, Шусгис гостеприимно и немедленно устроил меня у себя в доме. Будучи высокопоставленным лицом и богатым человеком, он мог позволить себе такой стиль жизни, который практически не встречается в Кархиде даже среди очень знатных и богатых людей. Домом Шусгиса был целый остров, который обслуживало более сотни чело-

век: домашней прислуги, чиновников, технических советников и тому подобных лиц, но без всяких родственников. Система многочисленных семейств кланов, очагов и доменов, след существования которой еще можно было заметить в структуре Содружества, здесь оказалась «национализированной» несколько сотен лет тому назад. Ни один ребенок старше одиннадцати лет не остается жить с родителем или родителями, все дети воспитываются в очагах Содружества. Не существует частного права наследования одному конкретному наследнику. Завещания законом не предусмотрены, а если и существуют, то лишь нелегально; умирая, человек оставляет все свое имущество государству. Все имеют одинаковые стартовые условия, но, по-видимому, в дальнейшем равными не остаются. Шусгис был богат и щедр. Мои апартаменты обставлены с роскошью, о существовании которой на Зиме я и не подозревал, например, здесь был душ. А еще здесь были электрический обогреватель и камин с большим запасом дров.

— Мне говорили, — смеясь, сказал Шусгис, — чтобы я держал посланца в тепле, потому что он родом из жаркого, как печка, мира, и плохо переносит наши холода. Обращайся с ним так, как будто он в состоянии беременности, дай ему меховое одеяло укрываться ночью и поставь ему в комнату оба нагревателя. Подогрей ему воду для умывания и плотно закрой окна! Довольны ли вы? Будет ли вам здесь удобно? Прошу вас, скажите, чего вам недостает?

Удобно! В Кархиде никто никогда ни при каких обстоятельствах не спросил, удобно ли мне.

— Господин Шусгис, — сказал я совершенно искренне. — Я чувствую здесь себя как дома.

Но он не успокоился, пока не прислали мне еще одно меховое одеяло и еще дополнительное количество дров для камина.

— Я знаю, как это бывает, — сказал он. — Когда я был в положении, я постоянно мерз, ноги у меня были как лед. Я всю ту зиму просидел у огня. Разумеется, это было давно, но я очень хорошо это помню!

Гетенцы, как правило, рожают детей в относительно молодом возрасте. Большинство из них после достижения двадцати четырех лет пользуются контрацептивными средствами, а в своей женской фазе способность к деторождению, как правило, утрачивают после сорока лет. Шусгису было за пятьдесят, отсюда это «разумеется, это было давно». Честно говоря, мне трудно было представить его в роли юной матери. Это был жесткий, хитроумный и жизнерадостный политический деятель, который умело использовал свою любезность и свое радушие для достижения своих целей, а целью его был он сам. Тип человеческого характера, общий для всего человечества. Мне встретился такой тип характера и на Земле, и на Хайне, и на Оллюле. Ничуть не удивлюсь, если встречу его в аду.

— Вы прекрасно информированы о том, как я выгляжу, и о том, что мне нравится, господин Шусгис. Это весьма лестно для меня. Я не предполагал, что информация обо мне так существенно опережает меня.

— Нет,— сказал он, прекрасно понимая, что я имею в виду.— Они наверняка предпочли бы держать вас в снегах в Эргенранге, не правда ли? Но они все-таки отпустили вас, отпустили, и тогда мы здесь поняли, что вы отнюдь не просто еще один кархидский безумный пророк. Мы поняли, что вы — настоящий.

— Боюсь, что я не совсем вас понимаю.

— Аргавен и его приспешники боялись вас, господин Ай, вероятно боялись и потому были чрезвычайно довольны, увидя вашу спину, когда вы их покинули, разумеется. Они боялись, что их постигнет страшное наказание, если они причинят вам какой-то вред или заставят вас замолчать. Нашествие из Космоса! Поэтому они боялись вас пальцем тронуть. И пытались сохранить в тайне вашу миссию, потому что боялись вас и того, что вы несете нашей планете.

Это, конечно, было преувеличением. Неверно, что в Кархиде пытались скрыть мое там пребывание. Обо мне рассказывалось в кархидских сообщениях по радио, во всяком случае, до тех пор, пока Эстравен был у власти. Но и у меня сложилось такое ощущение, что по неизвестным мне причинам сведения обо мне в Оргорейне были чрезвычайно скудны. Шусгис подтвердил мои предположения.

— Значит, вы не боитесь того, что я несу вашей планете?

— Нет, ничуть.

— Иногда я сам этого боюсь.

Он считал за наиболее подходящее рассмеяться в ответ. Я же не стал смягчать сказанного. Я ведь не коммивояжер, который сбывает плоды прогресса дикарям. Для того, чтобы моя миссия вообще могла состояться, мы должны отнестись друг к другу как равные, с определенной степенью взаимопонимания и искренности.

— Господин Ай, очень многие хотят встретиться с вами. Среди них есть и крупные рыбы, и плотва. Среди них такие люди, с которыми вам нужно обязательно поговорить, потому что они довольно влиятельны. Я испросил для себя честь предложить вам свое гостеприимство, поскольку у меня большой дом и обо мне известно, что я занимаю нейтральную позицию. Я не гегемонист и не свободноторговец, а попросту обыкновенный комиссар, исполняющий свои обязанности. Это ни в коем случае не навлечет на вас сплетен, которые могут возникнуть из того, что вы остановились в том, а не в ином доме.— Он снова рассмеялся.— Но это означает, что вам придется очень много есть. Надеюсь, что вы не имеете ничего против?

— Я в вашем распоряжении, господин Шусгис.

— Значит, сегодня у нас будет маленький ужин с Ванакон Слоусом.

— Сотрапезником из Куверы, Третьего Округа, не так ли?

Я, разумеется, прежде чем приехать сюда, выполнил необходимую в таких случаях домашнюю работу. Комиссар тем временем распространялся о том, как любезно с моей стороны было узнать и запомнить некоторые сведения, касающиеся его страны.

Да, здешние манеры, несомненно, отличались от кархидских. Там бы это его изумление уменьшило его шифгреттор или оскорбило бы мой. Я не знаю точно, как бы это было, но там практически любое действие или высказывание оскорбляло чей-нибудь шифгреттор.

Мне нужна была одежда, приличествующая такому случаю. Свой парадный наряд из Эргенранга я потерял во время нападения на Сьювенсин, поэтому я поехал в центр города на государственном такси и приобрел наряд орготского щеголя. Хиеб и рубашка были очень похожи на кархидские, но вместо коротких штанов здесь круглый год носят брюки, страшно неуклюжие на вид, с вытянутыми на коленях штанинами. Преобладающие цвета — пронзительно-голубой и ярко-красный, а качество ткани и крой одежды оставляли желать лучшего. Типичная массовая продукция. Эта одежда подсказала мне, чего же, собственно, недостает этому огромному и привлекательному городу — ему недоставало элегантности. Элегантность — не такая уж высокая цена за просвещение, и я охотно согласился бы ее заплатить.

Я вернулся в дом Шусгиса и наслаждался горячим душем, бьющим одновременно со всех сторон покалывающими, как иголки, тонкими струйками. Я вспоминал о холодных жестяных ваннах, в которых я стучал зубами от холода прошлым летом в восточном Кархиде, и вспоминал обледевшие тазы с холодной водой в моей комнате в Эргенранге. Разве это имеет что-нибудь общее с такими удобствами? Да здравствует комфорт!

Я напаял на себя свои обновки цвета пурпура и индиго, после чего вместе с Шусгисом его личным автомобилем был доставлен на вечерний прием.

В Оргорейне гораздо больше, чем в Кархиде, всевозможных слуг и прочего обслуживающего персонала. Это объясняется тем, что все орготы работают на государство, поэтому государство обязано обеспечить работой всех своих граждан, и оно выполнит это условие. Во всяком случае, таково общепринятое объяснение, хотя оно, как большинство объяснений экономических проблем, при ближайшем рассмотрении теряет свою суть.

Ярко освещенный, высокий и белый салон сотрапезника Слоуса позволил свободно разместиться двадцати, а может, тридцати гостям.

Трое из них были сотрапезниками, остальные принадлежали к орготской знати. Они представляли собой нечто значительно большее, чем просто группу орготов, желающих посмотреть на «чужака». Здесь я не был просто диковиной, курьезом, каким был целый год в Кархиде, не был ни вырожденком, ни загадочным чудовищем. Я был, как мне казалось, ключом.

Какие же двери предстояло мне открыть? Некоторые из этих высокопоставленных должностных лиц и государственных деятелей знали это. Я же этого не знал.

Мне не было суждено узнать об этом и во время ужина. На всей Зиме, даже в заселенном варварскими племенами Перунтере, беседа о делах за столом, во время еды, считается проявлением крайней вульгарности. А так как ужин был подан почти сразу же, без промедления, я решил повременить с вопросами и занялся едой — наваристым рыбным супом — и моим хозяином и собеседником. Слоус был молод и очень любезен, глаза у него были очень светлые, а голос — сдержанный и выразительный. Он производил впечатление человека, глубоко преданного какой-то идее. Это располагало к нему, но заставляло задуматься, чему именно он предан. По другую сторону от меня сидел другой сотрапезник, Оубсли, с плоским невыразительным лицом. Он был толст, жизнерадостен и любознателен. Уже после третьей ложки супа он спросил меня, правда ли, черт побери, что я прибыл к ним из какого-то иного мира, и как там — все говорят, что там теплее, чем на Гетене, — и как же там тепло?

— Ну, например, на такой же географической широте, как та, на которой мы сейчас находимся на Гетене, на Земле никогда не бывает снега.

— Никогда не бывает снега... Никогда не бывает снега? — Он расхохотался с непосредственностью и искренностью ребенка, услышавшего заведомую ложь и смехом своим демонстрирующего, что он понял правила игры и охотно их принимает.

— Ваша зона обитания напоминает нашу субарктическую зону. Кроме того, мы находимся в гораздо более позднем послеледниковом периоде, чем вы, следующем за ледниковым, но еще не полностью из него вышли. В принципе, Земля и Гетен похожи, впрочем, как и все обитаемые миры. Человек может существовать только в достаточно узких границах условий, Гетен как раз и определяет одну из этих границ...

— Значит, есть миры еще более жаркие, чем ваш?

— Большинство из них теплее нашего, некоторые просто жаркие, почти горячие. Планета Где, например, представляет собой в основном каменисто-песчаную пустыню. Она изначально была достаточно горячей, а хищническая бездумная эксплуатация пятьдесят или шестьдесят тысяч лет тому назад нарушила естественное

равновесие. Леса пошли на топливо. Люди там все еще живут, но эта жизнь похожа, если я правильно понимаю тексты культа йомеш, на то место и с теми условиями, куда после смерти отправляются вору.

Это замечание вызвало улыбку у Оубсли, спокойную, одобрительную улыбку, которая неожиданно заставила меня изменить отношение к этому человеку.

— Последователи некоторых религиозных сект утверждают, что те промежуточные миры, в которых люди оказываются после смерти, вполне материальны, фактически и физически находятся на других планетах реально существующего мира, реальной Вселенной. Знакомы ли вы с такой точкой зрения, господин Ай?

— Нет, не знаком. Меня описывали уже по-разному, но еще не было случая, чтобы кто-нибудь принял меня за духа.— В это мгновение взгляд мой скользнул вправо, и, говоря о привидении, я его увидел. Привидение было темное, в темном одеянии, неподвижное и незаметное. И сидело оно недалеко от меня, как вампир на пиру.

Внимание Оубсли отвлек его сосед с другой стороны, большинство присутствующих слушало Слоуса, сидящего во главе стола. Я тихо сказал:

— Не ожидал увидеть вас здесь, князь.

— Только неожиданное делает жизнь возможной,— ответил он.

— Мне поручено вам кое-что передать.

Он вопросительно посмотрел на меня.

— Это деньги, некоторая часть — ваши собственные деньги. Передает их вам Форет рем ир Осбот. Они находятся в доме господина Шусгиса. Я постараюсь передать их вам.

— Вы очень добры, господин Ай.

Он был тихий, какой-то потускневший, как будто даже меньше ростом — изгнанник, который ищет для себя пристанища в чужой стране.

Он не проявлял особого желания продолжать беседу со мной, а я был этому рад. Однако на протяжении всего этого долгого, утомительного, насыщенного разговора ужина, несмотря на то, что мое внимание было полностью поглощено могущественными и деловыми собеседниками, орготскими представителями сильных мира сего, которые хотели подружиться со мной или использовать меня в своих целях, я время от времени болезненно ощущал его присутствие, его молчание, его темное, едва видимое лицо. И хотя я тут же отбросил эту мысль, как необоснованную, пришло мне в голову, что не по собственной воле прибыл я в Мишнори, чтобы есть здесь жареную черную рыбу в обществе сотрапезников, и что не они заставили меня прибыть сюда. А что все это сделал он.

9. ЭСТРАВЕН-ИЗМЕННИК

*Востоочнокархидское сказание, записанное в Горинхеринге
со слов Тоборда Чархаэвы мобилем Г. Аем.*

*Сказание широко известно в различных вариантах,
а использующая его мотивы мистерия Хаббен постоянно
присутствует в репертуаре бродячих театров к востоку от Каргава*

Давным-давно, еще до правления короля Аргавена I, который объединил Кархид в единое королевство, между доменами Сток и Эстре в кермской земле существовала родовая распря. Нападения и засады устраивались членами обоих родов на протяжении трех поколений, а распря не было конца, потому что спор шел о земле. Хорошей земли в Керме мало, каждый домен гордится протяженностью своих границ, а власти в Керме — люди гордые и вспыльчивые, и тени их черны.

Случилось так, что наследник рода Эстре, дитя лона госпоина Эстре, совсем еще юный, охотился на пестри на озере Ледяная Нога в месяце иррем. Он был на лыжах, заехал случайно на тонкий лед и провалился в озеро. Хотя ему и удалось выбраться из воды, используя лыжу как опору, на более надежный лед, положение его улучшилось ненамного, потому что он промок насквозь, сухой нитки на нем не осталось, а воздух был курем¹, и приближалась ночь. Не надеясь на то, что ему удастся преодолеть несколько десятков километров до Эстре, да еще и в гору, он направился к деревне Эбос, расположенной на северном берегу озера. Когда стемнело, с ледника спустился туман и затянул все озеро, так что он перестал различать перед собой дорогу. Он шел медленно, опасаясь опять попасть на тонкий лед, но все же спешил, потому что мороз пробирал его до костей и он знал, что скоро замерзнет совсем. Наконец сквозь темноту ночи и туман он заметил свет. Тогда он отбросил лыжи, потому что берег озера был каменист и во многих местах не был прикрыт снегом, и, едва держась на ногах, из последних сил побрел на свет. Он забрел далеко от Эбос. Это была одинокая маленькая хижина в лесу из деревьев торе, единственных деревьев, которые растут в Керме, и они окружали хижину со всех сторон, не поднимаясь выше ее крыши. Юноша постучал в двери кулаком и громко позвал на помощь. Кто-то открыл ему дверь, впустил в дом и провел к очагу.

В домике только один-единственный человек. Он снял с Эстравена замерзшую и ставшую твердой, как жесть, одежду, укутал его, нагого, в меха и теплом своего собственного тела изгонял холод из рук, ног и лица Эстравена, а потом напоил его подогретым пивом.

¹ Курем — сырая погода при —20 —30 градусах Цельсия.

Наконец юноша пришел в себя и стал вглядываться в того, кто за ним ухаживал.

Это был незнакомец, такой же молодой, как и он сам. Они посмотрели друг на друга. Оба они были красивы, у них были благородные черты лица и сильные тела, стройные и смуглые. Эстравен заметил, что в лице другого пылает огонь кеммера.

— Я Арек из Эстре,— сказал он.

— А я Терем из Стока,— ответил другой.

Тогда Эстравен рассмеялся, потому что он был все еще слаб, и сказал:

— Ты вернул меня к жизни для того, чтобы убить, Стоквен?

— Нет,— ответил другой. Он протянул свою руку и коснулся ладони Эстравена, как будто хотел убедиться в том, что тот уже отогрелся и оттаял. От этого прикосновения Эстравен почувствовал, что в нем пробуждается огонь, несмотря на то, что еще день или два оставалось ему до начала кеммера. Так они сидели некоторое время неподвижно, соприкасаясь ладонями.

— Посмотри, ведь они одинаковые,— сказал Стоквен и в подтверждение своих слов положил свою ладонь на ладонь Эстравена.

Ладони были одинаковой длины и формы, и так подходили друг к другу, как будто были ладонями одного человека.

— Я никогда тебя до сих пор не встречал,— сказал Стоквен.— Ведь мы с тобой — смертельные враги, враги на жизнь и на смерть.

Он встал, подошел к камину, подбросил в огонь поленьев и, вернувшись обратно, снова сел около Эстравена.

— Мы с тобой — смертельные враги, враги на жизнь и на смерть,— сказал Эстравен.— Я бы охотно дал тебе обет кеммера.

— А я — тебе,— ответил другой. И тогда они дали друг другу клятву верности кеммерингов, которая в Керме как в те времена, так и сейчас не может быть ни нарушена, ни отменена. Эту ночь, следующий день и еще одну ночь они провели в лесной хижине над замерзшим озером. А наутро второго дня там появился отряд людей из Стока. Один из них знал в лицо молодого Эстравена. Без единого слова он вытащил нож и на глазах Стоквена ударил ножом Эстравена в грудь и в горло. Молодой человек упал, обливаясь кровью, на остывший очаг, уже мертвым.

— Он был наследником Эстре,— сказал убийца.

— Положите его на свои сани и отвезите в Эстре,— приказал Стоквен. Сам же он вернулся домой, в Сток. Его люди отъехали с телом Эстравена, но оставили его далеко в лесу торе на съедение диким зверям и вернулись к ночи в Сток.

Терем пришел к своему родителю, господину Харишу рем ир Стоквену, и, вызвав туда же своих людей, спросил их:

— Сделали ли вы так, как я вам приказал?

Они отвечали:

— Да.

— Вы лжете,— сказал Терем,— потому что вы никогда бы не вернулись живыми из Эстре. Эти люди нарушили приказ и лгали, чтобы скрыть неповиновение. Я требую их изгнания.

Господин Хариш согласился с требованием сына, и люди эти были изгнаны из очага и объявлены вне закона.

Вскоре после этого Терем покинул свой домен, объяснив, что хочет некоторое время пробыть в крепости Росерер, и не было его около года.

Тем временем в домене Эстре искали Арека и в горах, и на равнинах, после чего он был оплакан как умерший. Его оплакивали все лето и всю осень, потому что он был единственным наследником от княжеского лона. А в конце месяца терн, когда свирепая зима завладела краем, в Эстре прибыл путешественник на лыжах и вручил стражнику у ворот нечто, завернутое в мех, и сказал:

— Это Терем, сын сына властелина Эстре.— После этого он понесся вниз по склону на лыжах, как камешек, отскакивающий от поверхности воды, и исчез прежде, чем кто-нибудь догадался его задержать.

В меховом свертке лежал плачущий новорожденный ребенок. Дитя представлено было пред ясные очи господина Сорве и были переданы ему слова, сказанные незнакомцем. И старый господин, погруженный в глубокую печаль, увидел в младенце сходство со своим погибшим сыном Ареком. Он приказал, чтобы дитя воспитывали, как сына внутреннего очага, и чтобы его называли Терем, хотя клан Эстре не давал своим детям этого имени.

Ребенок вырос и стал крепким и сильным юношей, по натуре серьезным и молчаливым, в нем все находили сходство с погибшим Ареком. Когда он вырос, господин Сорве в порыве старческого своеволия назначил его наследником Эстре. Это вызвало зависть у сыновей кеммерингов Сорве, находящихся в расцвете лет, сильных и здоровых молодых людей, которые уже долго ждали этой чести. Они устроили засаду на молодого Терема, когда тот в одиночку отправился охотиться на пестри в месяце иррем, но он был вооружен и не позволил застать себя врасплох. Двоих братьев из очага он застрелил в густом тумане, который затянул озеро после оттепели, а с третьим дрался на ножах и убил его наконец, хотя сам был ранен в шею и в грудь. Он стоял над телом убитого брата в тумане над озером и смотрел, как быстро наступает ночь. Он сильно ослабел от потери крови и решил отправиться в деревню Эбос за помощью. Однако в сгущающейся тьме он заблудился и дошел до леса торе на восточном берегу озера. Там он увидел заброшенную хижину, вошел в нее, будучи слишком слаб, чтобы развести огонь, упал на холодные камни очага и лежал там, истекая кровью. Кто-то возник из темноты — какой-то человек. Он остановился в дверях, замер

на мгновение, глядя на человека, лежащего в крови на камнях очага. Потом он поспешно вошел внутрь, приготовил постель из мехов, которые достал из старого сундука, развел огонь, обмыл и перевязал раны Терема. Когда же он увидел, что молодой человек смотрит на него, сказал:

— Я Терем из Стока.

— А я Терем из Эстре.

Наступило молчание. Через некоторое время молодой человек сказал, усмехаясь:

— Ты перевязал мои раны, чтобы убить меня, Стоквен?

— Нет,— ответил старший.

Тогда Эстравен спросил:

— Как же это получилось, что ты, господин из Стока, оказался один здесь, на спорной земле?

— Я часто прихожу сюда,— ответил Стоквен.

Потом он сосчитал пульс у юноши и на мгновение приложил свою ладонь к ладони Эстравена. Они были так похожи, будто были ладонями одного человека.

— Мы враги на смерть и на жизнь,— сказал Стоквен.

Эстравен ответил:

— Мы — враги на смерть и на жизнь, но я никогда раньше тебя не видел.

Стоквен отвернулся:

— Я тебя видел однажды, давно...— сказал он.— Мне бы очень хотелось, чтобы между нашими домами воцарился мир.

— Я клянусь тебе, что так и будет,— сказал Эстравен.

Они дали друг другу клятву и больше уже не разговаривали. Раненый уснул. Утром Стоквена в хижине уже не было, но пришли люди из деревни Эбос и отнесли Эстравена домой, в Эстре. Там никто уже не осмелился противоречить воле старого князя, поскольку ее истинность была подкреплена кровью трех людей на льду озера, и после смерти Сорве Терем стал князем Эстре. В первый же год он прекратил старую распрю, отдав половину спорных земель домену Сток. За это деяние и за то, что он убил трех братьев по очагу, его называли Эстравен-изменник. Но имя его, Терем, до-прежнему дают детям в этом домене.

10. БЕСЕДЫ В МИШНОРИ

На следующее утро, когда я заканчивал завтрак в своих апартаментах в доме Шусгиса, раздался деликатный зуммер телефона. Я включил его и услышал произнесенное по-кархидски:

— Это Терем Харт. Могу ли я прийти?

— Пожалуйста.

Я был доволен, что это дело удастся завершить без проволочек. Не подлежало сомнению, что между мной и Эстравеном не может быть и речи о каких-либо более теплых отношениях. Несмотря на то, что, по меньшей мере, пусть номинально, но попал он в немилость и был изгнан из-за меня, я все же не мог взять за это ответственность на себя и обоснованно почувствовать себя виновным. В Эргенранге Эстравен не считал необходимым объяснить мне ни мотивы своих действий, ни сами действия, и у меня не было повода доверять ему. Я бы предпочел, чтобы он ничем не был бы связан с теми орготами, которые меня как бы усыновили. Его присутствие вносило осложнения и неловкость.

Его ввел в комнату один из многочисленных слуг. Я пригласил его садиться в одно из больших мягких кресел и предложил ему утренний напиток. Он отказался. В его поведении я не заметил ни следа смущения, он давно отбросил застенчивость, если когда-то она у него была, но был сдержан и соблюдал дистанцию.

— Первый настоящий снег, — сказал он и, увидев мой взгляд, машинально скользнувший по тяжелому занавесу, закрывающему окно, добавил: — Вы сегодня еще не выходили из дому?

Я выглянул в окно и увидел снег, кружащийся в воздухе и укрывающий мягким белым покрывалом улицы и крыши домов. За ночь уже несколько сантиметров. Был одархад гор, семнадцатый день первого месяца осени.

— Рано, — сказал я, замороженный на мгновение этим зрелищем.

— Это предвещает суровую зиму.

Я оставил портьеры незадернутыми. Неяркий рассеянный свет из окна упал на его темное лицо. Он постарел. Видимо, ему пришлось пережить немало тяжелых минут со времени нашей последней встречи в Эргенранге, у его камина в Красном Угловом Доме.

Я чувствовал легкие угрызения совести, но не предпринял ничего, чтобы их успокоить. Мне хотелось отбить у него охоту к дальнейшим визитам, а для этого, к сожалению, нужно было его унижить.

Он посмотрел мне прямо в глаза. Конечно, он был ниже меня ростом, коротконогий и коренастый, ниже ростом, чем большинство женщин моей расы. И тем не менее, когда он смотрел на меня, у меня не возникало ощущения, что он смотрел на меня снизу вверх. Я не ответил взглядом на его взгляд, с абстрактным интересом разглядывая стоящий на столе радиоприемник.

— Не следует верить всему, что здесь говорят по радио, — сказал он приятным голосом. — Пока что мне кажется, что здесь, в Мишнори, вам понадобятся информация и совет.

— У меня складывается впечатление, что здесь есть много желающих предоставить мне и то, и другое.

— Много — это хорошо, не так ли? Десять человек внушают больше доверия, чем один. Прошу прощения, я забыл, что не должен пользоваться кархидским. — И продолжал по-орготски: — Изгнанники никогда не должны пользоваться своим родным языком, в их устах он слишком горько звучит. Кроме того, я полагаю, что этот язык больше приличествует изменнику, потому что он стекает с губ, как сироп. Господин Ай, я имею право выразить вам свою благодарность. Вы оказали услугу не только мне, но и моему давнему другу и кеммерингу Эше Форету. Поэтому от себя лично и от его имени я воспользуюсь этим правом. Моя благодарность будет иметь форму совета. — Он умолк. Я молчал тоже. Мне никогда не доводилось слышать от него таких слов, исполненных изысканной и горькой учтивости, и я не имел понятия, что бы это могло означать.

— Здесь, в Мишнори, вы являетесь некоей величиной, — продолжал он, — которой вы отнюдь не были в Эргенранге. Там говорили, что вы есть, здесь будут утверждать, что вас нет. Вы являетесь орудием в руках некоей фракции. Вам необходимо внимательно следить за тем, каким именно образом позволите вы себя использовать. Я советую вам установить, кто принадлежит к враждебной фракции, и ни в коем случае не позволить им себя использовать, потому что они не сделают этого с добрыми намерениями.

Он умолк. Мне очень хотелось потребовать, чтобы он уточнил свои слова, но он уже сказал:

— До свидания, господин Ай, — повернулся и вышел из комнаты. Я был ошеломлен. Этот человек походил на удар электрическим током: непонятно было, что же произошло и что делать дальше.

Разумеется, он совершенно испортил мне настроение и ощущение безмятежного самодовольства, в котором я пребывал за завтраком. Я снова подошел к узкой щели окна и выглянул наружу.

Я выглянул из окна и увидел хлопья снега, кружащиеся в воздухе. Снег теперь падал как будто реже. Он проносился белыми облаками, и его хлопья кружились, как осыпающиеся лепестки цветущих вишен в садах моей родины, когда весенний ветер несет над зелеными холмами Борланда, на Земле, на прекрасной теплой Земле, где деревья весной окутываются облаками цветов. Меня мгновенно охватило чувство угнетенности и отчаянная тоска по дому. Два года я провел на этой проклятой планете; и вот уже начинается третья зима, не дождавшись, чтобы закончилась осень. Впереди — долгие месяцы непрестанного холода, льда, ветра, дождя, снега с дождем и дождя со снегом, холода внутри, холода снаружи, холода, пронизывающего до костей и до мозга костей. И всегда, постоянно и неизменно один, чужой, предоставленный самому себе. И никого рядом, ни единого человека, которому можно бы доверять. Бедный, бедный Генли. Может, расплакаться? Я увидел, как там, внизу, Эстравен вышел из дома на улицу — темная

фигура, укороченная перспективой и тем углом зрения, под которым она была мне видна, неясный силуэт в однообразной, размывающей сероватой белизне снега. Он огляделся, подтянул пояс своего хиеба (он был без плаща) и двинулся по улице шагом, полным привлекательности и ловкости, и с такой энергией, что в это мгновение он казался единственным по-настоящему живым существом в Мишнори.

Я отошел от окна и вернулся в теплую комнату. Почему-то сейчас этот уют, комфорт и даже роскошь моего жилища показались мне затхлыми и располагающими к праздности — все эти обогреватели, мягкие кресла, кровать, устланная меховыми одеялами, ковры и драпировки.

Я закутался в зимний, подбитый мехом плащ и вышел прогуляться — в мрачном настроении, в такой же мрачный мир.

Сегодня мне предстояло обедать вместе с сотрапезниками Оубсли, Йегеем и другими особами, с которыми я познакомился предыдущим вечером. Кроме того, мне предстояло познакомиться еще с несколькими новыми людьми. Ранний обед обычно проходит у буфета, стоя, возможно, для того, чтобы у человека не возникало ощущения, что он целый день провел за столом. Тем не менее, в этот раз стол был празднично накрыт, закуски были ошеломляюще разнообразными — восемнадцать или двадцать холодных и горячих блюд, главным образом из яиц субе и хлебных яблок. При закусках, до того момента, когда вступает в силу табу, касающееся разговоров на серьезные темы, Оубсли, накладывая себе на тарелку гору яичницы, сказал мне:

— Вот тот тип, которого зовут Мерсен, — шпион из Эргенранга, а тот, Гаум, явный агент Сарфа. — Сказал он это очень легким тоном, после чего рассмеялся, будто сказал что-то остроумное, и передвинулся к блюду с маринованной рыбой.

Я понятия не имел, что такое Сарф.

Когда начали усаживаться за стол, вошел какой-то молодой человек и шепнул что-то хозяину приема Йегею, который сразу же обратился к нам.

— Новости из Кархида, — сказал он. — Король Аргавен сегодня утром разрешился от бремени, но ребенок через час умер.

Сначала воцарилась тишина, но она сразу же сменилась шумом голосов, и красивый молодой человек по имени Гаум поднял руку со словами:

— Пусть же все короли Кархида живут так долго!

Некоторые выпили с ним вместе, большинство же присутствующих не выпило.

— Во имя Меше, смеяться над смертью ребенка! — произнес толстый старец, одетый в пурпур, тяжело усаживаясь рядом со мной с выражением осуждения на лице.

Началась жаркая дискуссия по поводу того, кого именно из своих сыновей от кеммерингов Аргавен может назначить наследником престола, потому что ему уже далеко за сорок и вряд ли он может теперь рассчитывать на потомка от собственного лона, и как долго он полагает оставить Тайба в должности регента. Одни считали, что регентство будет отменено немедленно, другие выражали в этом сомнение.

— А что вы думаете об этом, господин Ай? — спросил человек по имени Мерсен, которого Оубсли определил как кархидского агента и, следовательно, одного из людей Тайба. — Вы ведь только что прибыли из Эргенранга. Что же там говорят в связи с распространяющимися слухами, что Аргавен фактически отрекся от престола без оглашения этого факта и передал сани кузену?

— А, до меня эти слухи дошли.

— Как вы считаете, они имеют какие-то основания?

— Понятия не имею, — ответил я, и в это мгновение в беседу вступил хозяин с замечанием о погоде, потому что гости уже приступили к еде.

Когда же прислуга убрала со стола тарелки, гору остатков жаркого и маринады с буфета, все уселось за длинным столом и в маленьких рюмках была подана жгучая жидкость, называемая, как и во многих других местах обитаемого мира водой жизни — «аква вита», после чего мне начали задавать вопросы.

Впервые с того времени, когда меня изучали врачи и ученые в Эргенранге, я опять очутился перед группой людей, которые хотели, чтобы я ответил на их вопросы. Не так уж много кархидцев, даже среди тех рыбаков и земледельцев, в обществе которых я провел первые месяцы пребывания на Гетене, торопилось удовлетворить свое, нередко прямо-таки жгучее любопытство, путем обычного задавания вопросов. Они были замкнуты, сдержаны и не любили ни вопросов, ни ответов. Я вспомнил крепость Отерхорд и то, что Ткач Фейкс сказал мне по поводу ответа... Даже эксперты ограничивали свои вопросы сугубо физиологическими проблемами, такими, как деятельность желез внутренней секреции или кровеносной системы, наиболее существенно отличающихся от гетенской нормы. Им никогда не пришло в голову спросить, например, как непрерывающаяся, перманентная сексуальность моей расы влияет на наши социальные взаимоотношения и институты, каким образом мы справляемся с «перманентным кеммером». Да, они слушали, когда я им рассказывал. Психологи выслушивали меня, когда я им рассказывал о мыслеречи. Но никто из них не решился задать обобщающие вопросы, ответы на которые могли бы позволить им создать более полный и цельный образ общества Земли или Экумена, может быть, за исключением Эстравена.

Здесь люди не были до такой степени скованы соображениями

престижа и чести, а вопросы не были обидными ни для спрашивающих, ни для того, кому эти вопросы были заданы. Однако я вскоре сообразил, что некоторые вопросы были заданы с целью уличить меня во лжи и доказать, что я — обыкновенный мошенник. Это на мгновение сбilo меня с толку. В Кархиде мне, разумеется, приходилось сталкиваться с маловерием, но редко — со злой волей и недоброжелательством. Тайбу и на самом деле удалось устроить искусную и довольно замысловатую демонстрацию под лозунгом «притворяюсь, что верю в эту комедию» в день парада в Эргенранге, но, как мне теперь стало понятно, это было лишь частью его игры, целью которой была дискредитация Эстравена, и, как мне кажется, в глубине души Тайб мне верил. Ведь он видел мой корабль, который доставил меня на поверхность планеты, маленький космический посадочный бот; имел, как и все, возможность ознакомиться с рапортами инженеров о результатах исследования моего корабля и астрографа. В Оргорейне же никто корабля не видел. Я мог бы показать им анзибл, но он не представлял собой достаточно убедительного «творения иной цивилизации», поскольку был так непонятен, что в равной степени мог служить аргументом в пользу теории мошенничества. Издавна существующий закон о культурном эмбарго категорически запрещал ввоз на этом этапе контакта устройств, принцип которых был бы понятен аборигенам и которые могли быть скопированы или воспроизведены. Поэтому я не должен был иметь при себе ничего, кроме корабля и анзибла, коробочки с голограммами, неоспоримого, несомненного отличия в строении моего организма и совершенно не поддающегося доказательству отличия моего разума. Снимки-голограммы, которые я пустил по рукам, гости рассматривали с таким равнодушным выражением лица, как будто это были чужие семейные фотографии. Вопросам же не было конца. Оубсли спросил, что собой представляет Экумен — мир, лига миров, какое-то место или правительство?

— Хм, понемногу каждое из этих понятий и ни одно из них конкретно. Экумен — земное слово, во всеобщем языке ее называют совместное Хозяйство, кархидский синоним, наиболее близкий, — очаг. Что же касается орготского синонима, то не берусь подобрать соответствующее слово, — я еще слишком слабо знаю ваш язык. Сообщество, содружество — не совсем точно, хотя, несомненно, существует определенное подобие, сходство между правительством Содружества и Экуменом. Но Экумен в принципе не является правительством. Это результат попытки соединить мистику с политикой, и как таковая, попытка эта должна была быть обречена на неудачу. Но эта неудача принесла человечеству больше пользы, чем удачи его предшествующих попыток. Это — общество, и оно имеет, по крайней мере, хотя бы потенциально, собственную культуру. Оно представляет собой некую форму образования; с определенной

точки зрения, это одна большая школа, правда, и в самом деле чрезвычайно большая. Его основа — стремление к обмену информацией и сотрудничеству, поэтому с иной точки зрения, это лига или уния, объединение миров, обладающее определенными чертами конвенциональной, договорной и централизованной организации. И вот именно этот последний аспект сущности Экумена я представляю. Экумен как политический организм действует посредством координации, а не приказов, не принуждает никого делегировать себе какие-то права, к решениям приходит путем компромиссов и договоренностей. Как организм экономический Экумен чрезвычайно активен, осуществлял контроль и надзор за обменом между обитаемыми мирами и поддерживал торговое равновесие между восемьюдесятью мирами. Точнее, восемьдесятю четырьмя, если Гетен присоединится к Экумену.

— Что вы имеете в виду, говоря, что Экумен не принуждает делегировать себе права? — спросил Слоус.

— Дело в том, что никаких прав не существует. Государства, являющиеся членами этого сообщества, имеют свои собственные права, а когда заходит речь о каком-либо конфликте между ними, Экумен является посредником, пытаясь осуществить правовое либо этическое изменение путем согласования позиций конфликтующих сторон либо выбора одной из них. Конечно, если Экумен как экспериментальный сверхорганизм себя не оправдает, то ему придется навязывать мир с помощью силы, создать какую-то полицию и так далее. Пока что, во всяком случае, такой необходимости не возникало. Миров, находящиеся в центре обитаемого космоса, все еще приходят в себя после эпохи разрушительных войн, которая длилась несколько столетий, восстанавливают утраченное искусство и науку, знания и навыки, заново учатся общаться с себе подобными...— Ну как мне было объяснить им, что собой представляла Эра Вражды и ее последствия, если в их языке не существует слова «война»?

— Это необыкновенно захватывающе, господин Ай, — сказал хозяин, сотрапезник Йёгей, маленький, удивительно изящный, быстроглазый, — но я не представляю, чего же они могут хотеть от нас. Я имею в виду такой аспект: чем таким уж ценным мы располагаем; что, необходимое им, может дать восемьдесят четвертый мир? К тому же, если быть откровенным, не такой уж и высокоразвитый, ведь у нас нет звездных кораблей, как у всех других.

— А их ни у кого и не было, пока не прибыли люди с Хайна и сетианцы. А некоторым мирам вообще запрещено их строить на протяжении нескольких столетий, пока Экумен не определит основных принципов того, что, насколько мне известно, у вас называется свободной торговлей.— Здесь все рассмеялись, потому что такое же точно название у них в Оргорейне носила партия или фракция

Йегея. — Свободная торговля — это именно то, что я пытаюсь здесь начать. И торговлю не только товарами, но и знаниями, технологией, мыслью, философией, искусством, медициной, наукой, теорией... Я сомневаюсь в том, что Гетен когда-либо будет поддерживать оживленные физические контакты с другими мирами. От наиболее близко расположенного мира Экумена, Оллюла, планеты в системе той звезды, которую вы называете Асионс, до Гетена — семнадцать световых лет. До самого дальнего мира — двести пятьдесят световых лет, и звезда его отсюда даже не видна. С помощью анзибла вы могли бы разговаривать с этим миром так же свободно, как вы разговариваете с соседним городом по радио; но я сомневаюсь, что вам когда-нибудь удастся встретиться с его обитателями... Этот вид торговли, о котором я говорил, может оказаться чрезвычайно выгодным, но он главным образом состоит в обретении взаимопонимания, а не в транспортировке товаров. Моя задача здесь, в сущности, состоит в том, чтобы установить, действительно ли вы хотите достичь взаимопонимания с остальным человечеством или же нет.

— «Хотите», — повторил Слоус, напряженно наклонившись вперед. — Означает ли это только стремление Оргорейна, или же всего Гетена в целом?

Я на мгновение заколебался, поскольку это был не тот вопрос, которого я ожидал.

— Здесь и сейчас это означает Оргорейн. Но договор не может исключать никого из других государств на Гетене. Если Островные Народы, или Сит, или же Кархид захотят присоединиться к Экумену, то путь для них открыт. В каждом случае это вопрос индивидуального решения. Как правило, потом на планетах высокоразвитых, таких, как Гетен, различные регионы, расы или разные народы приходят к созданию общего представительства, которое координирует процессы, происходящие на самой планете, и взаимоотношения с иными обитаемыми мирами, что в нашей терминологии определяется как «локальная стабилизация». С применением такого образа действий, тогда их последовательности экономится масса времени и денег, поскольку расходы делятся поровну. Если бы вы решили, например, построить собственный звездолет...

— Клянусь молоком Меше! — воскликнул толстяк Хумери, сидящий рядом со мной. — Вы хотите, чтобы мы устремились в пустоту? Тьфу! — в подтверждение своей насмешки и отвращения он издал звук, похожий на высокую ноту, взятую аккордом.

— А где находится вам корабль, господин Ай? — спросил Гаум. Произнес он это тихо, вполголоса, с усмешкой, как будто говорил что-то необычайно каверзное и хотел, чтобы это было замечено окружающими. Он представлял собой необычайно красивый экземпляр человеческого существа, безразлично, мужского ли, женского пола соответственно любым критериям, так что я не мог на него не

глазеть, когда отвечал на его вопрос, одновременно размышляя, что же такое Сарф.

— Ну что же, в этом нет никакой тайны. В кархидских радиопередачах об этом довольно много говорили. Ракета, в которой я совершил посадку на острове Хорден, в настоящее время находится в Королевских Металлургических Мастерских в Школе Ремесел, во всяком случае, большая ее часть, потому что, кажется, разные эксперты взяли себе по кусочку.

— Ракета? — удивился Хумери, потому что я употребил орготское слово, обозначающее фейерверк.

— Это сжато и точно характеризует вид тяги посадочного корабля, на котором я спустился на поверхность Гетена.

Хумери снова издал тот же странный звук. Гаум только улыбнулся и заметил:

— Следовательно, вы не можете вернуться на... ну, туда, откуда прибыли?

— Ну почему же, могу, конечно. С помощью анзибла я могу связаться с Оллюлом и попросить, чтобы за мной прислали корабль. Он прибыл бы сюда через семнадцать лет. Кроме того, я могу связаться с кораблем, на котором я прилетел в вашу планетарную систему. Он находится сейчас на околосолнечной орбите и мог бы прибыть сюда через несколько дней.— Сенсация была не только зримой, но и слышимой. Гаум не сумел скрыть своего изумления. Что-то тут не соответствовало ситуации. Это был один весьма существенный факт, который я не счел нужным обнародовать в Кархиде, и даже Эстравену я об этом не сказал. В том случае, если орготам известно обо мне только то, что сочли нужным сообщить им кархидцы, как это мне пытались здесь представить, то в таком случае это должно было оказаться лишь одной из множества неожиданностей. Но это оказалось единственной неожиданностью, хотя и большой.

— Где же сейчас этот корабль? — спросил Йегей.

— Вращается вокруг вашего солнца, где-то между Гетеном и Кахарном, планетой вашей системы.

— А как вы с него добрались сюда?

— На фейерверке,— вставил старый Хумери.

— Именно так. Мы не сажаем звездолеты на заселенной планете до тех пор, пока не установим там контакты либо не заключим союз. Поэтому я прибыл сюда на небольшом корабле и посадил его на острове Хорден.

— А вы можете связаться с тем... с тем большим кораблем с помощью обычного радиопередатчика, господин Ай? — это уже Оубсли.

— Да, конечно.— Я не стал упоминать пока что о маленьком трансляционном спутнике, который я оставил на орбите. Мне не хо-

телось, чтобы у них сложилось впечатление, будто все их небо напичкано моими железками.— Понадобился бы довольно мощный передатчик, но ведь их у вас достаточно.

— Следовательно, мы бы могли связаться с вашим кораблем по радио?

— Да, если бы вам был известен необходимый для этого сигнал. Люди на корабле находятся в стазисе, иначе говоря, в состоянии низкотемпературного анабиоза, чтобы не растрачивать свою жизнь в ожидании, пока я здесь выполню свою задачу. Соответствующий сигнал на соответствующей длине радиоволны приведет в действие аппаратуру, которая выведет людей из стазиса. Тогда они свяжутся со мной по радио или с помощью анзибла, используя Оллюл как ретрансляционную станцию.

— А сколько их там? — спросил кто-то с беспокойством.

— Одиннадцать.

Этот ответ вызвал вздох облегчения и легкий смех. Напряжение несколько ослабло.

— А что произойдет, если вы никогда не пошлете своего сигнала? — спросил Оубсли.

— Они будут разбужены с помощью автоматики примерно через четыре года.

— А тогда они придут сюда за вами?

— Только по моему вызову. Они бы связались с помощью анзибла со стабиями на Оллюле и на Хайне. Те наверняка решили бы сделать еще одну попытку и направили бы сюда нового посланца. Часто второму посланцу бывает легче, чем первому. Ему меньше приходится объяснять, и люди охотнее ему верят...

Оубсли широко улыбнулся. Большинство гостей по-прежнему оставались в задумчивости и были весьма сдержанны в проявлении своих чувств. Гаум слегка склонил голову в мою сторону, как бы поздравляя меня с такой быстротой, с какой мне удавалось отвечать на вопросы; вполне конспиративный жест. Слоус напряженно всматривался во что-то, представшее перед его внутренним взором. С трудом оторвавшись от этого созерцания, он обратился ко мне:

— Господин Ай, а почему вы никогда за два года своего пребывания в Кархиде не упоминали о том втором корабле?

— Откуда же нам знать, что о нем не упоминалось? — вмешался Гаум, улыбаясь.

— Нам прекрасно известно, что не упоминалось, — возразил Йегей, также с улыбкой.

— Я ничего не говорил о нем, — сказал я. — А почему? Сознание того, что там, в небе, находится космический корабль, может возбуждать беспокойство. Думаю, что многие из вас могут это подтвердить. В Кархиде мне ни разу не удалось достичь такого взаимопонимания с моими собеседниками и доверия, чтобы я решил-

ся затронуть в беседе эту тему. У вас было больше времени на размышления, вы готовы слушать меня открыто, в достаточно многочисленном обществе, и вы не так скованы страхом. Поэтому я решился сказать вам о корабле, мне кажется, что для этого наступил подходящий момент; и Оргорейн оказался подходящим для этого местом.

— Вы совершенно правы, господин Ай,— сказал Слоус порывисто.— В этом же месяце вы пошлете за своим кораблем, и мы будем приветствовать его прибытие в Оргорейн как зримый знак и символ новой эпохи. И тогда откроются глаза у тех, кто не хочет видеть теперь!

Так продолжалось до тех пор, пока нам не подали ужин. Мы съели и выпили все, что положено, и разошлись по домам. Не знаю, как другие, но я в общем был удовлетворен. Конечно, были и настоящие проявления, и некоторая неопределенность. Слоус хотел сделать из меня религию. Гаум хотел выставить меня мошенником. Мерсен, похоже, хотел доказать, что он вовсе не кархидский шпион, а вот я и есть этот самый кархидский шпион. Но вот Оубсли, Йегей и еще несколько человек действительно оказались на высоте. Они хотели связаться со стабильными на Оллюле и договориться о посадке звездолета на Гетене в Оргорейне, чтобы убедить или заставить Содружество Оргорейна вступить в союз с Экуменом. Они надеялись и верили, что таким образом Оргорейн одержит большую, с длительными последствиями победу их престижа над Кархидом и что те сотрапезники, которые окажутся отцами-основателями этой победы, будут обладать соответствующим престижем и влиянием в своем правительстве. Их фракция Торговли, составляющая меньшинство в Содружестве Тридцати Трех, выступала против продолжения спора о долине Синот, представляя тем самым консервативную, неагрессивную и ненационалистическую политическую тенденцию. Они уже довольно давно были отстранены от власти и рассчитывали на то, что если они в определенной мере пойдут на риск, то смогут обрести эту власть, продвигаясь по тому пути, который указал им я. Далее этого их взор не проникал. Но в том факте, что для них моя миссия являлась средством, а не целью, ничего дурного не было. Очувтившись однажды на этом пути, они, возможно, сориентируются и поймут, куда можно пойти этим путем. Во всяком случае, несмотря на свою близорукость, они хотя бы смотрели на ситуацию вполне реально.

Оубсли, стремясь убедить остальных, сказал:

— Кархид либо будет бояться той силы, которую обеспечит нам этот союз, причем не следует забывать, что Кархид всегда опасается всего нового, и тогда он останется в стороне, либо правительство в Эргенранге наберется смелости и присоединится к этому союзу следом за нами. В любом из этих вариантов его шиффреттор постра-

дает, и в любом из этих случаев санями будем править мы. И если у нас хватит мудрости использовать это преимущество сейчас, то оно станет постоянным и надежным! — И он обратился теперь уже ко мне. — Но Экумен должен захотеть помочь нам, господин Ай. У нас должно быть нечто большее, чем одно только ваше присутствие, — присутствие одного-единственного человека, да и то уже известного в Эргенранге.

— Я понимаю вас, господин репрезентант. Вам нужно хорошее, зримое и вещественное доказательство, и я бы хотел вам такое доказательство представить. Но я не могу вызвать сюда корабль, пока не буду окончательно убежден в его полной безопасности и наличии доброй воли с вашей стороны. Для этого мне необходимы широкое оповещение о согласии на это вашего правительства и его гарантии, что, насколько я понимаю, предполагает согласие всего совета репрезентантов.

— Это понятно, — сказал Оубсли мрачно.

Когда мы возвращались домой вместе с Шусгисом, участие которого в беседах на этом приеме ограничилось добродушными улыбками, я спросил:

— Господин Шусгис, что собой представляет этот Сарф?

— Один из отделов внутренней администрации. Этот отдел занимается фальшивыми документами, нелегальными переездами и сменой работы, подделками и тому подобным мусором. «Мусор» и есть буквальное значение слова «сарф» в уличном жаргоне. Это неофициальное название.

— Следовательно, инспектора являются агентами Сарфа?

— Некоторые из них.

— И полиция до определенного уровня, до определенной степени тоже подчиняется ему? — Я очень осторожно сформулировал вопрос, и услышал такой же осторожный ответ.

— Во всяком случае, я так думаю. Сам я занимаюсь иностранными делами и недостаточно хорошо осведомлен о структуре внутренней администрации.

— О, несомненно, она очень сложна. Вот, например, чем занимается Водный Отдел? — Со всей доступной мне ловкостью я ушел от дальнейшего разговора о Сарфе. То, о чем не сказал Шусгис по этому поводу, могло бы абсолютно ничего не значить для кого-нибудь с Хайна или для счастливого чиффеварца, но я-то родился на Земле. Наличие в родословной предков с криминальным прошлым имеет свои преимущества. От деда-поджигателя можно унаследовать хорошее чутье к запаху дыма.

То, что на Гетене оказались правительства, так сильно напоминающие далекие исторические времена на моей родной Земле, было забавно и восхитительно. Монархия и подлинная, широко разветвленная бюрократия. Эта вторая форма управления была в не мень-

шей степени восхитительна, но значительно менее забавна. Странно, что в более развитом обществе звучала гораздо более мрачная тональность.

Следовательно, Гаум, пытавшийся выставить меня лжецом, был агентом тайной полиции Оргорейна. Интересно, догадался ли он, что Оубсли известно, кто он такой? Наверняка догадался. Был ли он, в таком случае, провокатором? Действовал ли он официально на стороне фракции Оубсли или против нее? Какая из фракций, существующих в составе Совета Тридцати Трех, контролировала либо контролировалась Сарфом? Мне необходимо сориентироваться в этих взаимоотношениях, но это может оказаться нелегким делом. Моя линия поведения, которая до сих пор казалась мне совершенно очевидной и обнадеживающей, становилась теперь такой же извилистой и запутанной, изобилующей тайнами и загадками, как и в Эргенранге. Все шло хорошо, подумал я, пока вчера вечером около меня не появился, как тень, Эстравен.

— Какое положение здесь, в Мишнори, занимает князь Эстравен? — спросил я у Шусгиса, который, похоже, задремал, откинувшись на мягкую спинку сиденья бесшумно движущегося автомобиля.

— Эстравен? Здесь он носит имя Харт. Мы в Оргорейне не употребляем титулов, отбросили их с наступлением Новой Эры. Кажется, он занимает должность одного из подчиненных сотрапезника Йегея.

— Он живет в его доме?

— Кажется, да.

Я хотел сказать, что это довольно странно, так как вчера вечером он был на приеме у Слоуса, но сегодня у Йегея его не было. Правда, тут же мне стало ясно, что в свете нашей с ним вчерашней утренней беседы это уже не казалось таким уж странным. Но даже мысль, что он умышленно держится подальше от меня, вызвала беспокойство.

— Его обнаружили, — продолжал Шусгис, поудобнее устраивая свои широкие бедра на мягком сиденье, — на Юге, то ли на фабрике по изготовлению клея, рыбных консервов, то ли еще в каком-то таком же благоухающем месте, и вытащили его, можно сказать, из сточной канавы. Это сделали люди из фракции Свободной торговли. Конечно, в свое время он сделал для них много полезного, будучи премьер-министром и членом кворремы, теперь же в благодарность за это ему оказывают некоторое покровительство. И как мне кажется, делают это исключительно для того, чтобы досадить Мерсену. Ха-ха-ха! Мерсен — шпион Тайба и думает, что об этом никто не знает, но, естественно, всем это известно, а он совершенно не способен спокойно относиться к присутствию Харта, потому что не знает, то ли Харт предатель, то ли он двойной агент, работающий

на обе стороны, и не может допустить ущерба и уронить свой шифрреттор, что неотвратимо произойдет, если он попытается об этом разузнать. Ха-ха-ха!

— А как вы считаете, господин Шусгис?

— Изменник, господин Ай, чистейшей воды изменник. Продал права своей страны на долину реки Синот, чтобы не допустить к власти Тайба, но поскользнулся, нога подвернулась. Клянусь сосцами Меше, здесь бы его ожидало наказание значительно более тяжелое, чем изгнание из страны. Кто играет против своих, проигрывает все. Но эти господа, забываящиеся только о себе и не имеющие понятия об истинном патриотизме, не в состоянии этого понять. Впрочем, я думаю, что Харту абсолютно все равно, где он находится, лишь бы удалось сделать не так уж мало, как видите.

— Да, конечно.

— Вы ему тоже не доверяете, не так ли?

— Разумеется.

— Рад это слышать, господин Ай. Не понимаю, зачем Йегей и Оубсли вообще имеют дело с этим типом. Это же явный предатель, действующий исключительно в интересах собственной выгоды, который будет цепляться за ваши сани, господин Ай, только до тех пор, пока будет в его интересах. Так мне представляется эта ситуация. И я не уверен, позволил бы я ему цепляться за мои сани, если бы он пришел ко мне с такой просьбой! — Шусгис засопел, энергично кивнул несколько раз в знак согласия с собственным мнением и улыбнулся мне заговорщической улыбкой безупречно правого человека. Автомобиль бесшумно скользил по широким, прекрасно освещенным улицам. Утренний снег уже растаял, остались только его грязноватые пирамидки вдоль сточных канав. Теперь шел мелкий холодный дождь.

Большие здания центра Мишнори — административные здания, школы, культовые строения культа Йомеш — за пеленой дождя, в струящемся свете высоких фонарей таяли и расплывались. Углы их были нечеткими, фронтоны расплывчаты и стерты. Что-то меняющееся, непостоянное, нематериальное крылось за солидной массивностью этого города, построенного из каменных монолитов, этого общества, монолитного общества, одним и тем же словом определяющего и часть, и целое. А Шусгис, мой радушный хозяин, человек тяжелого и массивного сложения, тоже терял четкость контуров и становился как будто тоже менее реальным.

С того самого момента, когда я четыре дня тому назад отправился в автомобиле через бескрайние золотые поля Оргорейна, начав свое путешествие к самому сердцу страны, к столице ее Мишнори, мне стало чего-то не хватать. Вот только чего? Я чувствовал себя изолированным. С некоторого времени я уже не ощущал постоянно гнетущего меня холода. Комнаты здесь вполне прилично отапли-

вались. С некоторого времени пища не доставляла мне удовольствия. Орготская кухня вообще — никакая, и в этом нет ничего страшного. Но почему же все люди, которых я здесь встретил, — безразлично, как именно они по отношению ко мне настроены — враждебно или доброжелательно, — тоже казались мне никакими? Среди них были яркие личности: Оубсли, Слоус, прекрасный и отвратительный Гаум, — и тем не менее всем им чего-то не доставало, какого-то измерения существования. Они были неубедительны, будто не вполне материальны.

Они мне представляются такими, подумал я, будто они не отбрасывают тени.

Такого рода отвлеченные, абстрактные рассуждения являются существенной частью моей работы. Не обладая некоторыми особыми способностями, я не имел шансов стать мобилем. Позже я прошел подготовку в этом направлении у Хайне, где это умение высокопарно именуется «мышление дальнего действия». Здесь имеется в виду нечто, что можно было бы определить как интуитивный анализ определенной морально-этической ситуации, и его результатом является не набор рациональных символов, а метафора. Я, правда, никогда не отличался особыми успехами в овладении искусством «мышления дальнего действия», а в этот день я в особенности не доверял своим предчувствиям, потому что очень устал. Как только я снова оказался в своих апартаментах, я принялся искать облегчение под тугими струями горячего душа. Но даже там меня не оставляло неясное беспокойство, будто горячая вода тоже была не совсем реальной, и на ее благотворное действие тоже нельзя было надеяться.

11. МОНОЛОГИ В МИШНОРИ

Мишнори. Стрет сусми. Я отнюдь не оптимист, хотя все события дают основания для надежды. Оубсли торгуется и препирается с сотрапезниками. Йегей применяет лесть, Оубсли обращает в свою веру, и сила их сторонников растет. Они весьма ловкие политики и уверенно руководят своей фракцией. Только семеро из Тридцати Трех являются надежными сторонниками фракций Свободной торговли. Что же касается остальных, то Оубсли рассчитывает на поддержку десяти, а это уже дало бы ему минимальное преимущество.

Один из них, кажется, действительно проявляет искренний интерес к посланцу. Сотрапезник Айтипен из округа Эйниен, который интересовался представительством пришельцев, когда по инициативе Сарфа осуществлял цензуру радиопередач из Эргенранга. Похоже, что эта деятельность вызывает у него угрызения совести. Он предложил Оубсли, чтобы Тридцать Три огласили приглашение

звездному кораблю не только от имени своих земляков-орготов, но и от имени Кархида, убедив Аргавена присоединить голос Кархида к этому приглашению. Благородный проект, который не будет принят. Они не пригласят Кархид к сотрудничеству ни в каком начинании.

Люди Сарфа, несомненно, имеющиеся среди Тридцати Трех, противодействуют присутствию посланца и его миссии. Что же касается тех, кто не определил к нему своего отношения, — подозреваю, что они боятся посланца, так же как боятся его Аргавен и большинство его придворных. С единственной разницей: Аргавен считает его безумцем, таким же, как и он сам, эти же считают его лжецом, таким же, как они сами. Они боятся быть уличенными в большом мошенничестве. Мошенничество уже один раз было отвергнуто Кархидом, а может, и сфабриковано Кархидом. Если они выступают с приглашением и огласят его во всеуслышание, то где же окажется их шифгреттор, если звездный корабль не приземлится? Нет, все же Генли Ай требует от нас невероятного легковерия. По-видимому, для него оно не является таким уж невероятным. Оубсли и Йегей полагают, что большинство из Тридцати Трех даст себя убедить и поверит ему. Я не знаю, почему я не такой оптимист, как они; может, в глубине души мне не хочется, чтобы Оргорейн оказался более просвещенным, чем Кархид, чтобы он рискнул, преуспел и прославился, затмив собой Кархид. Если это патриотическая ревность, то она приходит слишком поздно, потому что как только мне стало ясно, что Тайб всеми силами пытается приблизить мою отставку, я сделал все, что было в моих силах, чтобы посланец оказался в Оргорейне, и, уже будучи изгнанником, я сделал все, чтобы они прониклись к нему доверием.

Благодаря тем деньгам, которые он привез мне от Эше, я снова живу один, уже как «личность», а не как «зависимое лицо». Уже не посещаю банкеты и не показываюсь в обществе ни с Оубсли, ни с другими приверженцами посланца, и не видел его уже более половины месяца, со второго дня его пребывания в Мишнори.

Он вручил деньги от Эше; дал их так, как обещанную плату наемному убийце. Нечасто кому-нибудь удавалось так рассердить меня, и своим ответом я намеренно его унизил. Он чувствовал, что я зол, но я не вполне уверен, понял ли он последнее. Похоже было на то, что он принял мой совет, не обратив внимания на форму, в которой я ему этот совет подал. Я понял это, когда гнев мой немного поостыл и я принялся думать. Возможно ли, что все время, проведенное в Эргенранге, он пытался получить от меня совет и не знал, как мне дать это понять? Если это так, то он должен был ложно понять половину и не понять вообще всего остального из того, что я говорил ему тогда у моего очага во Дворце, в тот вечер после церемонии закладки замкового камня. Его шифгреттор, очевидно,

основывается на чем-то совсем ином, нежели наш, и совсем по-другому должен поддерживаться. Когда мне казалось, что я в высшей степени откровенен и груб, он мог подумать, что я говорю особенно туманно и замысловато.

Его непонимание — результат его неведения. Его дерзость — тоже результат его неведения. Ему ничего не известно о нас, а нам — о нем. Он бесконечно чужой, а я — глупец, поскольку допустил, чтобы моя тень заслонила свет надежды, который он нам принес. Мне следует сдержать свое светское тщеславие и суетность. Буду теперь держаться от него подальше, как он, несомненно, и сам этого желает. И он, конечно, прав.

Согласно орготским законам, гласящим, что каждая «личность» обязана трудиться на благо общества, я работаю с восьми утра до полудня на фабрике пластмассовых изделий. Работа легкая: я присматриваю за машиной, которая складывает, а потом сваривает пластмассовые детали, так что получаются маленькие прозрачные коробочки. Я не знаю, для чего эти коробочки используются. После полудня, чувствуя, что тупею окончательно, я начинаю упражнения, которым обучился в крепости Ротерер. Я с удовлетворением отметил, что не утратил умения пробуждать в себе силу дот или погружаться в не-транс, но от самого не-транса мало пользы, а вот что касается умения сохранять неподвижность и не потреблять пищи, то создается впечатление, будто я никогда в жизни им не обучался. Приходится всему учиться с самого начала, как ребенку. Я постился один день, а мой желудок кричит: «Неделю! Месяц!»

Ночью уже стоит мороз. Сегодня сильный ветер принес снег с дождем. Я весь вечер вспоминал Эстре, и шум ветра был так похож на отзвук тамошнего ветра. Я написал сегодня длинное письмо сыну. Когда я писал это письмо, ко мне все время возвращалось ощущение присутствия Арека, такое сильное, как будто мне достаточно обернуться, чтобы его увидеть. Зачем я пишу эти заметки? Для сына? Что они ему дадут? Может, просто пишу, чтобы писать на родном языке?

Хархахад сусми. По радио по-прежнему ни единого упоминания о посланце. Ни слова. Я подумал, замечает ли Генли Ай, что в Оргорейне, несмотря на такой явный и разветвленный аппарат власти, ничего не делается открыто и явно, ничто не произносится вслух. Эта машина хорошо маскирует свои махинации. А Тайб хочет научить Кархид лгать. Он учится у Оргорейна, это хорошая школа. Но я думаю, что нам будет трудно этому научиться, потому что у нас имеется слишком долгий опыт увливания от правды — говорить не погрязая во лжи, но и не приближаясь к истине.

Вчера произошел серьезный прорыв орготов за Эй. Сожгли несколько амбаров в Текембере. Именно то, что нужно Сарфу и что необходимо Тайбу. Но к чему это все ведет?

Слоус, у которого слова посланца наложились на его йомешский мистицизм, интерпретирует явление Экумена в наш мир как пришествие Царства Меше и упускает из виду нашу цель. «Мы должны прекратить это соперничество с Кархидом, прежде чем придет Новый Человек. Мы должны очистить наши сердца, чтобы принять его. Мы должны забыть о шифгретторе, запретить всяческие акты мести и объединиться без ненависти, как братья из одного очага».

Но как же это сделать, прежде чем они придут? Как разорвать этот круг?

Гурни сусми. Слоус возглавлял комитет, который выступает за запрещение постановок и представлений в здешних общественных домах кеммера непристойных пьес; наверное, они похожи на кархидские хухут. Слоус борется с ними, поскольку считает эти пьесы вульгарными, тривиальными и кощунственными.

Бороться с чем-либо означает это самое явление поддерживать.

Здесь говорят, что «все дороги ведут в Мишнори». И действительно, если стать спиной к Мишнори и начать от него удаляться, все равно останешься на дороге к Мишнори. Борясь с вульгарностью, мы неотвратимо в нее же и погружаемся. Нужно отправиться в другую сторону, нужно найти иную цель, тогда можно будет найти другую дорогу.

Йегей сегодня в Палате Тридцати Трех: «Я всегда и неизменно против блокады экспорта зерна в Кархид и духа соперничества, который является ее причиной». Справедливо. Но, продвигаясь в эту сторону, никогда не удастся сойти с дороги в Мишнори. Нужна какая-то альтернатива. Оргорейн и Кархид должны сойти с той дороги, по которой они движутся, все равно, в каком направлении; им нужно пойти в каком-то другом направлении и разорвать замкнутый круг. Я считаю, что Йегей должен говорить в первую очередь о посланце, и ни о чем другом.

Быть атеистом — значит поддерживать веру в Бога. Рассуждение о его существовании либо несуществовании в плоскости доказательств на самом деле ведет к тому же результату. Поэтому слово «доказательство» очень редко употребляется приверженцами хандары, которые решили не относиться к Богу как к некоему факту, подлежащему доказательству (либо вере), и так им удалось разомкнуть круг, вырваться из него.

Постичь, понять, на какие вопросы не существует ответов, и не отвечать на них — вот самая необходимая способность, самое необходимое искусство в нелегкие времена раздоров и тьмы.

Торменбод сусми. Мое беспокойство все растет. Центральное Радиоуправление до сих пор не передало ни слова о посланце. Ни единого сведения о нем из того, что мы передавали о нем в Эргенранге, здесь не было передано по радио, а слухи, появляющиеся в результате нелегального прослушивания зарубежных радио-

передач, рассказы торговцев и путешественников не распространились еще достаточно далеко. Сарф контролирует распространение информации гораздо лучше, чем я предполагал, и в большей степени, чем я считал возможным. Выводы отсюда следуют самые неутешительные. В Кархиде король и кворрема имеют возможность контролировать то, что люди делают, значительно меньшую возможность контролировать, что они слушают, и совсем не могут влиять на то, что они говорят. Здесь же правительство может контролировать не только действия, но и мысли. Нет сомнения в том, что ни один человек не должен обладать такой властью над другим человеком.

Шусгис и другие открыто появляются всюду с Генли Аем. Понимает ли он, что эта демонстративность прекрасно скрывает тот факт, что его прячут? Никто не знает о том, что он здесь. Я спрашивал своих товарищей по работе, рабочих фабрики, но они ничего не знают о посланце, думаю, что я говорю о каком-то сумасшедшем сектанте-йомеште, никакой информации, никакой заинтересованности — абсолютно ничего, что могло бы продвинуть дело либо хотя бы обеспечить ему безопасность.

Жаль, что он так похож на нас. В Эргенранге люди часто показывали на него друг другу на улице, потому что им была известна часть правды. Они слышали о нем, знали, что он находится в городе. Здесь его присутствие хранится в тайне, на него никто не обращает внимания на улицах города. Все видят и воспринимают его так же, как и я, когда увидел его впервые: очень высокий, крепкого сложения темнокожий юноша, только-только вступивший в кеммер. Но в прошлом году я изучал докладные записки врачей, которые исследовали его. Он отличается от нас принципиально. Это отнюдь не поверхностные отличия. Его нужно хорошо узнать, чтобы понять, насколько он чужой.

Почему же, в таком случае, они скрывают его? Почему ни один из сотрапезников не поставит вопрос ребром и не расскажет о нем в каком-нибудь своем публичном выступлении или по радио? Почему даже Оубсли молчит? От страха?

Мой король боялся посланца; эти здесь боятся друг друга.

Мне кажется, что я, чужеземец, единственный человек, которому Оубсли доверяет. Он находит некоторое удовольствие в общении со мной. И чувство это взаимно. Он даже несколько раз отбросил шифрреттор и спросил у меня совета вполне искренне. Когда же я убеждаю его в необходимости публичного выступления, чтобы возбудить интерес к этому делу, дабы защитить себя от интриг противостоящей фракции, он меня не слушает.

— Если все Содружество обратит свои взоры к посланцу, — говорю я, — Сарф не осмелится его тронуть. И вас тоже.

Оубсли вздыхает.

— Да, да, конечно. Но мы не можем этого сделать. Радио, печатные ведомости и текущая информация, научные журналы — все это находится в руках Сарфа. Что же мне остается? Произносить речи на перекрестках, как какому-то фанатичному проповеднику?

— Можно просто разговаривать с людьми, распространять слухи. Мне пришлось делать нечто подобное в прошлом году в Эргенранге. Пусть люди задают вопросы, на которые вы имеете вполне убедительный ответ — самого посланца.

— Жаль, что он не посадил здесь этот свой проклятый корабль, чтобы у нас было что показать людям! Но в этой ситуации...

— Он не посадит корабль, пока не будет совершенно уверен, что вы действуете с добрыми намерениями, без всякого злого умысла.

— А разве это не так? — воскликнул Оубсли, раздуваясь, как большая рыба хоб. — Разве я не посвящал этому делу каждой минуты прошедшего месяца? Добрые намерения! Он ждет от нас, чтобы мы верили во все, что он нам рассказывает, а после этого сам нам не верит!

— А должен?

Оубсли сопит и не отвечает мне.

Он, несомненно, самый порядочный из всех известных мне орготских официальных лиц.

Одгетени сусми. Чтобы стать высокопоставленным чиновником Сарфа, мне кажется, необходимо выказать, проявить определенную, достаточно сложную разновидность глупости. Примером этого является Гаум. Он видит во мне кархидского агента, пытающегося свергнуть Оргорейн в пучину чудовищного унижения его престижа посредством впутывания его властей в мошенничество с пресловутым посланцем Экумена, и считает, что я подготавливал это мошенничество, еще будучи премьером Кархиды. Бог мне свидетель, что я обременен гораздо более важными делами, чем игра в шифреттор со всяким отребьем. Но это такая простая истина, что он не в состоянии ее понять. Сейчас, когда можно предположить, будто Йегей лишил меня своего расположения и удалил от себя, Гаум решил, что теперь меня вполне можно купить, и приготовился совершить сделку в своем стиле. Не знаю, сам ли он следил за мной или поручил эту слежку кому-нибудь и установил, что кеммер у меня начнется либо в день поста, либо в торменбод, и вчера вечером предстал передо мной в полном расцвете кеммера, несомненно, вызванного преждевременно с помощью гормонов, с недвусмысленным намерением соблазнить меня. Совершенно случайная встреча на улице Пинефен.

— О, Харт! Я не видел вас почти полмесяца, где это вы скрывались в последнее время? Может, выпьем по кружечке пива?

Он выбрал пивную по соседству с общественным домом кеммера Содружества и заказал не пиво, а «воду жизни» — по-видимому, решил не тратить времени даром. После первой же рюмки он положил свою ладонь на мою и, приблизив ко мне свое лицо, зашептал:

— Наша встреча не случайна. Я ожидал этой встречи, потому что хочу эту ночь провести с тобой, — и назвал меня по имени. Я не отрезал ему язык только потому, что с тех пор, как я покинул Эстре, не ношу при себе ножа. Я сказал, что дал обет — во время изгнания воздерживаться от интимных отношений. Он что-то щелкал и нашептывал, держа меня за руку. Он очень быстро достиг полного расцвета кеммера в женской фазе. В кеммере Гаум необыкновенно красив, поэтому он очень рассчитывал на силу воздействия своей красоты, будучи уверен, как мне кажется, что я, как ханддарата, последователь ханддары, не пользуюсь антикеммерными средствами и пытался бы вопреки всему сохранить сдержанность и остаться холодным без их помощи. Он упустил из виду, что презрение действует лучше всяких снадобий. Я освободил свою руку от его прикосновения, которое, конечно, на меня действовало, и посоветовал ему попытаться счастья в общественном доме кеммера, который так близко отсюда. Он взглянул на меня с ненавистью, вызывающей жалость, потому что вне зависимости от своих предательских комбинаций он все же находился в настоящем кеммере.

Действительно ли он рассчитывал заполучить меня так дешево? Он должен был не упускать из виду, что я действительно нахожусь в трудной ситуации, что вполне может быть поводом для беспокойства.

К черту всех этих комбинаторов! Среди них нет ни одного действительно порядочного человека.

Одсорни сусми. Сегодня после полудня Генли Ай выступал в Палате Тридцати Трех. Общественность допущена не была, и не было сообщений по радио об этом, но позже Оубсли пригласил меня к себе и дал мне прослушать ленту с записью этого заседания. Посланец говорил хорошо, с обязательной искренностью и убедительностью. В нем есть наивность, которая казалась мне чем-то чужим и дурацким, глупым, но бывают такие минуты, когда эта его кажущаяся наивность приоткрывала дисциплину мышления и широту горизонтов, которые вызывают у меня изумление. Через него к нам обращается мудрая и великодушная цивилизация, черпающая из мудрости древних, глубоких и невообразимо различных достижений человеческого разума. Но сам он молод, нетерпелив и неопытен. Он стоит выше нас, видит дальше, чем мы, но сам он всего лишь человек.

Он говорит теперь лучше, чем в Эргенранге, проще и тоньше, обучился своему ремеслу, как и все мы.

Его выступления часто прерывались членами фракции гегемонистов, требующих, чтобы председательствующий прервал безумца и удалил его из зала, чтобы снова вернуться к повестке дня. Репрезентант Йеменби оказался самым крикливым, и похоже, вопил совершенно искренне. «Вы хотите подсунуть нам это гичи-мичи?» — ревел он, обращаясь к Оубсли. Преднамеренная обструкция, составляющая совершенно непонятную и неразборчивую часть записи, направлялась, как утверждает Оубсли, Кабаросайлом. Привожу по памяти:

А л ь ш е л ь (председательствующий): Господин посланец, мы считаем информацию и выводы господ Оубсли, Слоуса, Айтепена, Йегея и других чрезвычайно интересными и дающими пищу для размышления... Однако нам бы хотелось иметь что-нибудь более конкретное... (Смех.) Поскольку король Кархида держит ваш... ну, то транспортное средство, на котором вы прибыли, надежно спрятанным и мы не можем его увидеть, то было бы возможным, как это кто-то сейчас предложил, чтобы вы вызвали сюда свой... звездный корабль. Правильно ли я его назвал?

А й: Звездный корабль — это очень хорошее название, господин председательствующий.

А л ь ш е л ь: В самом деле? А как вы его называете?

А й: Техническое его название — управляемый межзвездный NAFAL-20 сетианского типа.

Г о л о с и з з а л а: А вы уверены, что это не сани святого Петете? (Смех в зале.)

А л ь ш е л ь: Я призываю вас к спокойствию. Так. Если бы вы могли вызвать сюда корабль и посадили бы его здесь, на твердой земле, на надежной почве, чтобы, так сказать, обрести какой-то осязаемый...

Г о л о с и з з а л а: Осязаемое ухо от селедки!

А й: Я бы очень хотел вызвать сюда тот корабль, господин Альшель, как доказательство и гарантию нашей обоюдной доброй воли. Я ожидаю лишь предварительного оповещения общественности об этом событии.

К а б а р о с а й л: Неужели же вам непонятно, господа репрезентанты, что за всем этим кроется? Это не просто обычная дурацкая шутка. Это по своим намерениям публичное издевательство над нашей легковерностью, нашей наивностью, нашей глупостью, подготовленное с невероятной наглостью тем, кто перед нами здесь сегодня стоит. Вы знаете, что он прибыл из Кархида. Вы знаете, что он — кархидский агент. Вы видите, что это один из тех сексуальных выроdkов, которых в Кархиде под влиянием Темного Кухля не только не лечат, а даже иногда создают искусственно для участия в оргиях их колдунов. И несмотря на это, когда этот человек говорит, что он прибыл из космического пространства, некоторые из вас

закрывают глаза, отключают разум и верят. Никогда бы не подумал, что такое вообще возможно... И т. д., и т. д.

Судя по записи, Ай сносил оскорбления и насмешки спокойно. Оубсли говорит, что он хорошо держался. Я прогуливался около Палаты Тридцати Трех, чтобы увидеть, как они будут выходить после заседания. Ай хмур и задумчив. И не без причины.

Мое бессилие совершенно невыносимо. Я сам запустил, привел в движение этот механизм, а теперь никак не могу влиять на его ход. Я мечусь по улицам, надвинув на лицо капюшон, чтобы украдкой взглянуть на посланца. Ради этой бесполезной жизни, существования в тени я отверг власть, богатство и друзей. Ты очень глуп, Терем.

Почему я всегда должен ставить перед собой недостижимую цель?

Одепс сусми. Передающе-принимающее устройство, которое Генли Ай передал Тридцати Трем под ответственность Оубсли, никого ни в чем не убедит. Несомненно, это устройство действует именно так, как он говорит, но если королевский счетовод Шорст сказал о нем всего лишь: «Не понимаю принципа действия», то ни один орготский математик и ни один орготский инженер ничего не докажет. И тем самым ничто не будет ни подтверждено, ни опровергнуто. Великолепный вывод. Если бы этот мир был одной огромной крепостью ханддары! Но мы, к сожалению, должны идти вперед, оставляя на девственно чистом снегу свой след, доказывая и ниспровергая, спрашивая и отвечая.

В который уже раз я объясняю Оубсли, что Ай должен передать сигнал на свой звездный корабль, разбудить экипаж и убедить их поговорить с сотрапезниками по радио, так, чтобы эту беседу можно было слушать в зале заседаний Тридцати Трех. На этот раз у Оубсли была сформулирована причина, по которой этого делать не следовало.

— Послушайте меня, дорогой Эстравен, радио полностью находится в руках Сарфа, вам теперь это известно. Даже я не имею понятия, кто из моих сотрудников является человеком Сарфа. Несомненно, большинство из них, потому что мне известно наверняка, что они обслуживают транслирующую станцию на всех уровнях, включая техников и механиков, занимающихся консервацией механизмов. Они наверняка не пропустили бы в эфир такой передачи, или, если бы все-таки мы ее услышали, она была бы фальсифицирована. Вы можете представить себе эту сцену в зале заседаний? Мы — «космисты», сторонники союза с обитаемыми мирами Космоса, — жертвы нашего собственного мошенничества, затаив дыхание, слушаем шум работающей аппаратуры — и это все, никакого ответа, никакого послания?

— А разве у вас нет денег, чтобы заплатить каким-нибудь

лояльным техникам или подкупить кого-то из их людей? — спросил я, но все было напрасно. Он боится за свой собственный престиж. Его поведение по отношению ко мне уже изменилось. Если он отменит прием в честь посланца, значит, дело худо.

Одархад сусми. Он отменил прием.

Сегодня утром я отправился на встречу с посланцем в чисто орготском стиле. Не открыто, в доме Шусгиса, где вся прислуга кишмя кишит агентами Сарфа, не говоря уже о самом Шусгисе, а на улице, будто случайно, в стиле Гаума — скрытно и украдкой.

— Господин Ай, не могли бы мы с вами немного поговорить?

Он оглянулся удивленно, а узнав меня, испугался.

— Что это даст, господин Харт? — сказал он, помолчав. — Вы же знаете, что я не могу доверять вашим советам... еще со времен Эргенранга...

В его словах была искренность, если уж не способность к предвидению. Хотя все же и способность к предвидению тоже: он знал, что я хочу дать ему совет, а не просить его о чем-нибудь; он не хотел меня унижать.

— Здесь Мишнори, а не Эргенранг, — ответил я, — но опасность, которая вам угрожает, та же самая. Если вам не удастся убедить Оубсли или Йегея, чтобы они дали вам возможность связаться по радио с вашим кораблем, чтобы его экипаж, находясь вне опасности, мог придать достоверность вашему выступлению, то я думаю, что вам нужно связаться с ними с помощью вашего аппарата, анзибла, и вызвать сюда корабль как можно скорее. Риск, связанный с этим действием, будет гораздо меньше, чем тот риск, которому вы подвергаетесь сейчас, действуя в одиночку.

— Заседание репрезентантов, посвященное моему вопросу, прошло удачно. Откуда вам известно о моих «выступлениях», господин Харт?

— Знать о таких вещах — для меня дело профессиональной чести.

— Но это уже не ваши дела, князь. Теперь это дело репрезентантов Оргорейна.

— Я говорю вам, что ваша жизнь в опасности, господин Ай, — сказал я. Он ничего не ответил, поэтому я ушел.

Я должен был поговорить с ним гораздо раньше, много дней тому назад. Теперь слишком поздно. Страх опять встает на дороге его миссии и моих надежд. Нет, не страх перед чуждым, приходящим из других миров. Эти орготы слишком глупы и малодушны, чтобы бояться того, что истинно и невообразимо чуждо. Они даже не в состоянии этого заметить. Они смотрят на существо из иного мира и что же они видят? Видят шпиона Кархида, извращенца, агента, — одним словом, принимают его за жалкий винтик политической машины, такой же, как они сами.

Если он не вызовет свой корабль немедленно, будет поздно. Может быть, уже сейчас поздно.

И во всем виноват я сам. Я совершенно не оправдал надежд.

12. О ВРЕМЕНИ И ТЬМЕ

*из «Поучений Верховного жреца Тухульме»,
книги Канона Йомеш, написанной около 900 лет
тому назад в Северном Оргорейне*

Меше есть Средоточение Времени. Та минута его времени, в которой ему открылась суть вещей, наступила тогда, когда он уже успел прожить лет тридцать, и после того он прожил еще тридцать лет. Следовательно, Откровение пришлось как раз на середину Его жизни. И все века после Откровения были так же бесконечны, как бесчисленны будут века после Откровения, которое пришлось на Середину Времени. И в той Середине нет ни времени, которое пришло, ни времени, которое еще будет. Его не было и не будет. Он есть. И он — все.

Не существует ничего невидимого.

Один бедный человек пришел из Шеней к Меше, жалуясь, что нет у него ни хлеба для детей своего лона, ни зерна, которое он мог бы посеять, потому что от дождей сгнило в земле посеянное зерно и теперь все люди из его очага умирают с голоду. И Меше сказал ему: «Ищи на каменистых бесплодных полях Турреш. Там ты найдешь сокровище — серебро и драгоценные камни. Я вижу короля, который закапывает там свои сокровища десять тысяч лет тому назад, когда на него напал соседний король».

И бедный человек начал копать в земле Турреш в том месте, которое указал ему Меше, и нашел клад из старинных драгоценностей и при виде их громко закричал от радости. Но стоящий рядом с ним Меше заплакал и сказал: «Я вижу человека, который убивает своего брата по очагу из-за одного из этих отшлифованных камней. Происходит это через десять тысяч лет, а кости убитого найдут успокоение в той же самой могиле, где лежит сокровище. Человек из Шеней, я знаю и то, где находится твоя могила, вижу тебя лежащим в ней».

Жизнь каждого человека находится в Середине Времени, потому что Меше видел всех и все — в Оке Его. Мы все — зеницы Ока Его. Наши дела — Видение Его, а существование наше — Знание Его.

В сердце леса Орнен, длина которого сто переходов и ширина его столько же переходов, росло старое раскидистое дерево хеммен, у которого было сто стволов, и на каждом стволе было сто ветвей,

и на каждой ветви было сто листьев. И дерево это в своей закоренелой сущности сказало: «Все мои листья — на виду, кроме одного-единственного, скрытого в тени всех остальных. И этот единственный лист — моя великая тайна. Кто увидит его в тени остальных моих листьев и кто сочтет их?»

Меше в своих странствиях проходил через лес Орнен и сорвал тот один-единственный лист.

Каждая капля осеннего дождя падает только один раз, и дождь шел, идет и будет идти каждую осень и во все времена. Меше видит каждую каплю его, которая упала, падает и будет падать.

В Оке Меше — все звезды, и вся тьма, что меж звездами, и весь свет их.

Отвечая на вопрос человека из Шорта, в минуту озарения Меше увидел все небо как единое солнце. Выше земли и ниже земли вся сфера неба была сияющей, как поверхность солнца, и тьмы не было. Потому что увидел Он не что было, и не то, что будет, а то, что есть. Звезды, которые убегали, унося свой свет, были в Оке Его, и с ними весь свет их¹.

Тьму видит только око смертных, которые думают, что они видят, но не видят оно. Для взора Меше не существует тьмы.

Поэтому те, которые взывают ко тьме², — глупцы, и Меше извергнет их из уст своих, потому что то, чего нет, они называют Источником и Целью.

Нет ни Источника, ни Цели, потому что все сущее — в Середине Времени. Так же, как все звезды могут отразиться в одной капле ночного дождя, так все звезды отражают одну каплю дождя. Нет ни тьмы, ни смерти, потому что все сущее — в свете Минуты, а их конец и их начало едины.

Единое средоточие, единое откровение, единый закон, единый свет. Взгляните же теперь в Око Меше!

13. НА ФЕРМЕ

Обеспокоенный внезапным появлением Эстравена, его прекрасной осведомленностью о состоянии моих дел и жгучей страстностью

¹ Это мистическое описание одной из теорий, объясняющих гипотезу расширяющейся Вселенной, впервые предложенную математической школой из Сита около четырех тысяч лет тому назад и в общем принятую космогонистами более поздних времен, несмотря на то, что метеорологические условия на Гетене не позволяют получить достаточное количество данных объективных наблюдений для подтверждения этой теории. Скорость расширения (постоянная Хаббла, здесь — постоянная Реререка) может быть рассчитана здесь на основании наблюдаемого количества света на ночном небе. Здесь речь идет о том, что если бы Вселенная не расширялась, ночное небо было бы абсолютно темным.

² Ханддарата, приверженцы культа ханддары.

его предостережений, я остановил такси и поехал прямо к острову, где жил Оубсли. Я хотел спросить сотрапезника, откуда Эстравену так много известно и почему вдруг ни с того, ни с сего он выскочил с требованием, чтобы я сделал именно то, от чего Оубсли вчера так усиленно меня отговаривал. Сотрапезника дома не было, привратник не знал, ни где он, ни когда вернется. Я отправился к Йегею, но результат был тот же. Шел снег. Это был, пожалуй, самый сильный снегопад за эту осень, водитель такси не хотел ехать дальше, только до дома Шусгиса, потому что у него не было цепей на колесах. В этот вечер мне так и не удалось дозвониться ни до Оубсли, ни до Йегея, ни до Слоуса.

За обедом Шусгис объяснил мне, в чем дело. Проходили религиозные торжества в честь святых Хранителей Трона, и все высокопоставленные чиновники Содружества должны были на них присутствовать. Кроме того, он очень убедительно объяснил мне поведение Эстравена, как человека, некогда могущественного, который теперь цепляется за каждую возможность влиять на людей или на события, с каждым разом все менее рационально, с каждым разом все более отчаянно, по мере того как ощущает все отчетливее, что погружается в бессильную анонимность. Я согласился, что это могло бы объяснить беспокойство и почти лихорадочную возбужденность Эстравена. Однако его беспокойство передалось и мне. На протяжении всего этого долгого и обильного обеда меня мучила какая-то неопределенная тревога. Шусгис все говорил и говорил, обращаясь то ко мне, то к своим многочисленным подчиненным, советникам и прихлебателям, которые каждый вечер собирались за его столом. Я никогда еще не видел его таким оживленным и беззаботным. После обеда было уже слишком поздно отправляться в город еще раз, тем более что все сотрапезники, как сказал мне Шусгис, еще будут заняты в торжествах до полуночи. В этой ситуации я решил отказаться от ужина и пораньше отправиться спать. Где-то между полуночью и рассветом меня разбудили какие-то незнакомые люди, сообщившие мне, что я арестован, и под конвоем перевезли меня в тюрьму Кундершаден.

Тюрьма эта находилась в одном из многочисленных очень старых зданий, еще сохранившихся в Мишнори. Я не раз видел это здание, когда гулял по городу, — длинное, мрачное, ошетинившееся башнями и вызывающее неприятные мысли огромное здание выделялось среди однообразных строений Содружества. Оно и внешне похоже на то, чем на самом деле является, и называется соответственно. Это тюрьма. Не фасад, скрывающий за собой что-то иное, не маска, не псевдоним. Нечто очень реальное — сущность, вполне соответствующая названию.

Стражники, могучие и тоже вполне реальные, провели меня коридорами в маленькую комнатку, очень грязную и очень ярко

освещенную. Через несколько минут в комнату вошла другая группа стражников, эскортирующая окруженного аурой власти человека с сухим лицом. Он велел выйти всем стражникам, кроме двоих. Я спросил его, будет ли мне позволено передать сообщение репрезентанту Оубсли.

— Сотрапезник знает о вашем аресте.

— Знает? — растерянно спросил я.

— Мое начальство, разумеется, действует согласно приказу Тридцати Трех. Сейчас вас допросят.

Стражники подхватили меня под руки. Я сопротивлялся, яростно крича:

— Я отвечу на все ваши вопросы, не надо меня для этого запугивать!

Человек с сухим лицом, не обращая на меня внимания, вызвал третьего стражника. Втроем они раздели меня, привязывая к раскладному столу, и ввели мне что-то, думаю, нечто вроде известной и у нас «сыворотки правды».

Не знаю, как долго продолжался опрос и чего он касался, потому что все это время я находился под действием введенного мне наркотика и ничего не помню. Когда я пришел в себя, то не имел понятия, сколько дней я провел в Кундершаден, судя по моему физическому состоянию, четыре или пять дней, не знаю. Какое-то время после этого я не знал, какой у нас день месяца и даже какой месяц сейчас. И, честно говоря, до меня очень медленно доходило, где я вообще нахожусь.

А был я в грузовике, очень похожем на тот грузовик, в котором я тогда ехал через Каргав, в долину Рер, только теперь не в шоферской кабине, а в кузове. Вместе со мной в нем находилось от двадцати до тридцати человек, трудно точно определить, сколько именно, потому что окон там не было и свет просачивался через щель в задних дверях, затянутых четырьмя слоями стальной сетки. К тому моменту, когда я пришел в себя, мы, по-видимому, уже какое-то время ехали, потому что у каждого уже было свое более или менее определенное место, а отвратительная вонь смешавшихся запахов кала, блевотины и пота достигла неизменяющегося постоянного уровня. Здесь никто никого не знал. Никто не знал, куда нас везут. Никто не разговаривал. Вот уже второй раз я оказался запертым в темноте с ни на что не жалующимися и ни на что не надеющимися жителями Оргорейна. Теперь я наконец понял тот знак, то предупреждение, которое я получил в первую ночь, проведенную в этой стране. Я оставил без внимания, проигнорировал тот темный подвал и искал дух Оргорейна над землей, в свете дня. И нет ничего странного в том, что все казалось мне нереальным.

У меня было ощущение, что наш грузовик движется на восток, и мне не удавалось от него отделаться даже тогда, когда стало

совершенно ясно, что мы едем на запад, вглубь территории Оргорей-на. Наше подсознание, помогающее ориентироваться в пространстве, реагируя на магнитные поля, совершенно не справляется с этой задачей на чужих планетах. Если же интеллект не может или не хочет корректировать эти ошибки и погрешности, следствием их является глубокая дезориентация и ощущение, что буквально все рассыпается.

Ночью умер один из находящихся в грузовике людей. Очевидно, его били палкой или пинали ногой в живот, потому что он умер от кровотечения изо рта и из заднего прохода. Никто ничем ему не помог, да и вряд ли можно было помочь ему чем-либо. Втиснутый между нами пластиковый контейнер с водой уже на протяжении многих часов был пуст. Умиравший лежал справа от меня. Я положил его голову к себе на колени, чтобы ему было легче дышать. Так он и умер. Мы все в этом грузовике были обнажены, но с этого времени на мне была его кровь — сухой, жесткий, бурый покров, одеяние, не согревающее меня, не дающее тепла.

Ночью стало невыносимо холодно, и нам пришлось сбиться в тесную кучу, сгрудиться, как стаду, чтобы согреться. Покойник, уже не будучи в состоянии поделиться с нами теплом своего тела, был вытолкнут и отъединен от группы. Все же остальные, тесно сгрудившись, всю ночь тряслись и дрожали в едином ритме. Внутри стальной коробки была абсолютная темнота. Мы, по-видимому, находились на какой-то сельской дороге, и не было слышно никаких других машин за нами. Даже прижавшись лицом к сетке, не удавалось разглядеть хоть что-нибудь — снаружи были только темнота и снег. Снег падающий, снег свежесыпавший, снег старый, снег, на который пролился дождь, смерзшийся снег... В орготском и кархидском языках каждая из этих разновидностей снега имеет свое название. В кархидском (который я знаю лучше, чем орготский), по моим подсчетам, существует шестьдесят два слова для обозначения разновидности снега падающего и отдельный набор слов — для характеристики разновидностей льда. Существует более двадцати слов, дающих одновременно определение для сочетания нескольких факторов — температуры, силы ветра и вида осадков. Этой ночью я сидел и пытался мысленно составить список этих словопределений. Как только я вспоминал новое определение, я повторял весь перечень, помещая новое слово в перечень согласно алфавиту.

На рассвете грузовик остановился. Люди стали через щель в дверях кричать, что у нас появился покойник и что его надо от нас забрать. Каждый раз начинал кричать кто-нибудь другой. Мы все вместе колотили кулаками в стены и двери кузова, производя такой адский шум в стальной коробке, что сами с трудом его выносили. Никто не приходил. Грузовик простоял без движения несколько

часов. Наконец снаружи раздался какие-то голоса, грузовик закачался, колеса забуксовали на льду, и мы двинулись дальше. Сквозь щель в дверях можно было заметить, что снаружи — позднее солнечное утро, скоро полдень и едем мы по дороге, выходящей между лесистыми холмами.

Так мы ехали еще трое суток, всего четверо суток, если считать от моего пробуждения. Наш грузовик не останавливался на контрольных пунктах и, по-моему, ни разу не проезжал через хоть чем-то примечательную местность. Путешествие наше было неритмичным, не шло по какому-то точному расписанию. Были остановки для смены водителей и подзарядки аккумуляторов. Были какие-то другие, более длительные остановки, причины которых, находясь внутри грузовика, определить было невозможно. На протяжении двух дней мы стояли от полудня до сумерек, как будто все, кто не был заперт в кузове, внезапно оставили наш грузовик, а потом мы снова отправились в путь, уже ночью. Один раз в день, около полудня, через окошечко в дверях нам выдавали большую посудину с водой.

Если считать и покойника, нас было двадцать шесть человек, как раз дважды по тринадцать. Гетенцы часто считают по тринадцать, по двадцать шесть и пятьдесят два, несомненно, это связано с двадцатишестидневным лунным циклом, который соответствует их неизменяющемуся месяцу и равен длительности их полового цикла. Труп был отодвинут к стальным дверям, которые образовывали заднюю стенку нашей коробки, где мы были заперты. Там было холоднее всего. Остальные узники сидели, лежали или сидели на корточках, каждый на своем соответственном месте, крохотной собственной территории, в своем домене до наступления ночи, когда холод становился настолько нестерпимым, что все постепенно сбивались в единое целое, занимающее уже одно общее место, где было тепло внутри и холодно снаружи.

Но была и доброта. Я и еще несколько человек, таких, как старик с раздражающим легким кашлем, были сочтены наименее приспособленными к холоду и каждую ночь оказывались в середине группы, этого состоящего из двадцати пяти частей целого, где было теплее всего. Мы даже не боролись за это теплое место, мы просто оказывались в нем каждую ночь. Страшная это вещь — доброта, которую люди не в силах окончательно утратить, страшная, потому что, когда мы, нагие, оказываемся во тьме и холоде, это все, что нам остается. Мы, такие богатые и всесильные, в конце концов остаемся при такой мелкой монете и не в состоянии дать что-нибудь.

Независимо от того, что днем нам было тесно, а ночью мы сами искали еще большей тесноты, чтобы согреться, все мы, люди их грузовика, были крайне далеки друг от друга. Одни были одурманы наркотиками, другие, возможно, были недоразвиты, и все были

унижены и запуганы. И что странно, ни один из этих двадцати пяти не обратился ко всем остальным для того, чтобы обругать их. Доброта, да, и терпение, — но в молчании, всегда в молчании. Стиснутые в вонючей тьме нашей общей обреченности, мы постоянно валились друг на друга бессильными телами, дышали друг другу в лицо, объединяли тепло наших тел в один очаг, но все равно оставались чужими друг другу. Я даже не узнал имени ни одного из этих людей.

В какой-то из дней, кажется, третий, когда грузовик простоял много часов и я уже начал думать, не бросили ли нас просто так где-нибудь в безлюдном месте, чтобы мы передохли здесь сами по себе, один из них начал со мной разговаривать. Он рассказал мне длинную историю о мельнице где-то на юге Оргорейна, где он работал, и о своем конфликте с надзирателем. Он все говорил и говорил тихим бесцветным голосом и время от времени касался своей ладонью моей ладони, будто хотел убедиться в том, что я его слушаю.

Солнце двигалось к западу, и, когда наш грузовик развернулся к нему задней стенкой, оставшись на обочине, полоса яркого света пересекала темноту внутри кузова и вдруг стало совсем светло, даже в самом дальнем конце нашей коробки. И я увидел тогда девушку, грязную, красивую, глупую и измученную девушку, которая смотрела на меня снизу вверх и робко улыбалась мне в поисках утешения. Это юное существо было в кеммере, и ее влекло ко мне. И это был единственный раз, когда кто-то из них наконец чего-то от меня хотел, а я не мог этого дать. Я встал и подошел к щели в дверях, будто хотел глотнуть воздуха и выглянуть, а потом долго не возвращался на свое место.

В эту ночь наш грузовик долго взбирался на довольно крутые склоны, спускался и снова полз вверх. Время от времени он останавливался по неизвестным причинам. Во время каждой такой остановки за стенами нашей стальной коробки ощущалась ледяная, ничем не нарушаемая тишина, тишина бесконечной пустоты и высоты. Тот человек в кеммере по-прежнему держался поближе ко мне и искал со мной физического контакта. Я долго стоял, прижавшись лицом к стальной сетке и вдыхая чистый холодный воздух, от которого в горле и легких резало, как бритвой. Я перестал ощущать невыносимый холод в ладонях, которыми опирался на стальную плиту дверей. Через некоторое время я понял, что могу их отморозить. От моего дыхания образовался ледяной мостик между губами и сеткой. Пришлось сломать его, чтобы я смог обернуться. Когда я снова присоединился к группе, я начал дрожать от холода так, как никогда прежде мне не приходилось дрожать. Тело мое дергали и сотрясали конвульсии. Грузовик тронулся. Рев мотора и перемещение в пространстве создавали иллюзию тепла, нарушая

абсолютную тишину, но я так и не мог заснуть от холода. Я подозревал, что мы находимся на довольно большой высоте большую часть этой ночи, но убедиться в этом было очень трудно, потому что частота дыхания, пульс и энергетический уровень никак не могли служить ориентирами в нашем положении.

Как я узнал позже, в ту ночь мы преодолевали хребет Сембенсен и должны были оказаться на высоте около шести тысяч метров.

Я не чувствовал голода. Последний прием пищи, который я помнил, был долгий и обильный обед в доме Шусгиса. Меня, наверное, кормили в Кундершадер, но этого я уже не помнил. Прием пищи, очевидно, не являлся обязательной принадлежностью распорядка дня в этой стальной коробке, и я редко вспоминал о еде. Зато жажда была неотъемлемым элементом существования. Раз в день открывалось оконце, специально для этой цели сделанное в задних дверях. Кто-нибудь из нас выставлял в окошко пластиковую посудину, которая вскоре возвращалась уже наполненная водой, вместе с коротким порывом ледяного ветра. Не было никакой возможности разделить эту воду между нами. Посудина просто переходила из рук в руки, и каждый делал три-четыре больших глотка, прежде чем за посудиною протягивалась следующая пара рук. Ни один человек и ни одна группа людей не попыталась взять на себя распределительные функции — по распределению или охране воды. Никто не заботился о том, чтобы сохранить ее для кашляющего старика, у которого явно была высокая температура, жар. Я предложил однажды такой выход, и стоящие рядом со мной согласно кивнули головами, но ничего из этого не вышло. Все пили более или менее поровну, никто не пытался выпить намного больше, чем полагалось, но, тем не менее, вода быстро кончалась. Один раз последние трое, сидевшие под передней стенкой, не получили ни капли воды. Посудина дошла до них уже пустой. На следующий день двое из них потребовали первенства в очереди, и они это право получили. Третий лежал скорчившись в переднем углу, и никто не позаботился о том, чтобы он тоже получил свою порцию. Почему не пытался сделать этого я? Не знаю. Это был наш четвертый день в грузовике. Если бы это мне не досталось воды, не знаю, хватило бы у меня сил для того, чтобы защитить свое право на воду. Я вполне представлял себе, как он хочет пить, и как мучается от жажды, и как тяжело было тому больному, что умер, и страдания всех других узников, в той же мере, как я чувствовал собственные страдания. Но я ничего не мог сделать для того, чтобы облегчить чьи-то мучения, и поэтому я покорно принимал их, так же, как и все они.

Я знаю, что люди могут вести себя совершенно по-разному в одних и тех же условиях. Здесь же передо мною были орготы, приучаемые с детства к дисциплине совместного труда, послушанию,

подчинению общей цели, указанной вышестоящими. У них было слабо выражено чувство независимости и способность к принятию решений. Они не умели злиться. Все они образовывали некую совокупность, и я с ними — тоже. Каждый это чувствовал, и это было спасением и настоящим, истинным утешением ночью, это единство группы скорчившихся людей, в которой каждый черпал жизнь из близости других людей. Но у них не было никого, кто бы мог представлять интересы этого единства, оно было пассивным и безгласным. У этого стада не было вожака.

Людям с более закаленной волей было бы гораздо легче: они больше не общались между собой, воду бы делили справедливо, о больных лучше бы заботились, и вообще у людей было бы другое настроение. Не знаю. Знаю только, как было в нашем грузовике.

На пятый день утром, если я не ошибаюсь, считая с того дня, как я пришел в себя, грузовик остановился. Мы услышали за стенками кузова голоса и какие-то окрики. Вскоре стальные двери с грохотом распахнулись настежь.

Один за другим мы добрались до этого открытого бока стальной коробки, некоторые — на четвереньках, и прыгивали, либо сползали на землю. Но лишь двадцать четыре из нас. Два трупа, старый и новый, того, кто два дня не получал воды, пришлось из кузова вытаскивать.

Там, снаружи, было холодно, очень холодно. В лучах солнца снег сиял такой ослепительной белизной, что было трудно заставить себя выйти из нашего зловонного убежища, и некоторые плакали. Мы стояли, сбившись, как стадо, около большого грузовика, нагие и вонючие, наша маленькая совокупность, наша ночная общность в ярком и беспощадном дневном свете. Наше стадо было разогнано, нам велели построиться в шеренгу и отвели нас к зданию, расположенному поодаль, в нескольких сотнях метров от того места, где остановился грузовик. Металлические стены и покрытая толстым слоем снега крыша, снежная равнина вокруг, гряда гор, над которой поднималось солнце, и неоглядное пространство неба над нами, — все, казалось, дрожало и переливалось от избытка света.

Нас выстроили в очередь для мытья около большого корыта в бараке. Все начинали с питья воды из этого корыта. Потом нас отвели в главное здание, где нам выдали нижние рубахи, старые, уже ношенные верхние войлочные рубахи, короткие штаны и войлочные башмаки. Стражник проверял наши имена по списку, когда мы по одному проходили мимо него в столовую. Там мы вместе с сотней других таких же серых людей уселись за длинные, привинченные к полу столы и получили завтрак: разваренное зерно и пиво. После этого всех заключенных разделили на бригады по двенадцать человек. Мою бригаду отвели на лесопилку в нескольких сотнях метров от главного здания, но в пределах ограды. За оградой, не очень

далеко от нее, начинался лес, который простирался на север так далеко, на сколько можно было охватить взглядом. Под присмотром стражника мы носили доски с лесопилки и складывали их в большом сарае, где тес хранился зимой.

Нелегко было ходить, наклоняться и поднимать тяжести после тех нескольких дней, проведенных в грузовике. Нам, правда, не разрешалось стоять без дела, но зато и не подгоняли нас чересчур ретиво. Примерно в середине дня нам выдали по кружке борща, несброженного отвара из зерна, а когда начало темнеть, нас отвели в бараки, где мы получили какую-то кашницу с овощами и пиво. На ночь нас заперли в спальне, где всю ночь горел свет. Мы спали на двухэтажных нарах, стоящих вдоль стен спальни. Опытные старые заключенные, те, что оказались здесь раньше нас, старались занять верхние нары, потому что наверху теплее. У двери каждый получал спальный мешок. Они были колючие, жесткие, тяжелые, пропахшие чужим потом, но хорошо защищали от холода. Для меня они были слишком коротки. Средний гетенец легко мог поместиться в этом мешке с головой, но я этого сделать не мог. Более того, я даже не мог вытянуть в нем ноги, распрямить их.

Место, в котором мы оказались, называлось Третья добровольная ферма Агентства по Переселению Содружества Пулефен. Пулефен, тридцатый округ, находится на северо-западной окраине, пригодной для жительства зоны Оргорейна, между горным хребтом Сембенсен, рекой Эсагель и морским побережьем. Это малозаселенная местность, где нет больших городов. Ближе всего находится городишко Туруф, на северо-западе, но я никогда его не видел, не бывал там. Наша ферма размещалась у края большого необитаемого лесного массива, называющегося Тарренпет. Так далеко на севере не растут такие большие деревья, как хеммен, серем или черный рат, поэтому в этом лесу росли деревья только одного вида, которые называются торе. Стволы у них кривые, скрюченные, высотой от трех до четырех метров, листья серого цвета. Количество существующих на Гетене видов флоры и фауны невелико, зато количество особей в каждом виде огромно. Этот лес располагался на площади около тысячи квадратных километров, и на всем этом пространстве росли практически одни деревья торе. Даже природа здесь являет собой образец хозяйской ухоженности, и, хотя этот лес снабжал деревом людей на протяжении нескольких столетий, в нем не было опустошенных участков, пейзажа, главным украшением которого являются пни, разрушенных эрозией горных склонов. Казалось, что каждое дерево взято на учет, и ни одна щепотка опилок не пропадет без пользы. На территории фермы было маленькое предприятие по переработке древесных отходов, и если погода не позволяла выходить на работу в лес, мы работали на лесопилке или на этом предприятии, прессуя из щепок, коры и опилок всякие изделия

в специальных формах, а из высушенных игл, хвои деревьев торе, получали смолу для производства пластмасс.

Работа эта была самой обыкновенной работой, а не каторжным трудом. Если бы при этом кормили чуть-чуть больше и одевали чуть-чуть лучше, работа была бы даже приятной, но все же почти постоянно ощущаемые нами голод и холод исключали возможность получить от работы какое-то удовольствие. Стражники редко бывали грубы, никогда не проявляли жестокости. Они были скорее флегматичны, были неряшливы, малоподвижны, какие-то отяжелевшие; на мой взгляд, даже какие-то обабившиеся, не в смысле деликатности и нежности и так далее, а совсем наоборот, в смысле какой-то коровьей сонливости и полного отсутствия мысли в лице. Точно так же и среди своих товарищей по заключению впервые на Гетене я почувствовал себя мужчиной среди женщин или среди евнухов. Для узников была характерна та же сонная вялость и заурядность. Они все были похожи друг на друга, эмоций в них было очень мало, разговаривали они о самых обычных, будничных вещах. Поначалу я думал, что отсутствие интереса к жизни и хоть какой-то индивидуальности является результатом отсутствия достаточного количества пищи, тепла и свободы, но вскоре обнаружил, что причиной такого состояния является нечто более конкретное. Это был результат применения определенного химического препарата, который давали всем заключенным, чтобы не допустить наступления кеммера.

Мне было известно о существовании препаратов, снижающих либо почти полностью исключаящих возможность наступления фазы сексуальной потенции биологического цикла у гетенцев. Эти средства применялись в тех случаях, когда комфорт существования, медицинские показания или этические соображения склоняли к половому воздержанию. С помощью этих средств можно было исключить один или несколько периодов кеммера без отрицательных последствий. Добровольное применение этих средств повсеместно одобрялось и даже приветствовалось, но мне не приходило в голову, что их можно применять принудительно.

Причины для этого, однако, имелись. Заключенный, находящийся в фазе кеммера, представлял бы собой разлагающий элемент в своей бригаде. А если освобождать его от работы, то что же тогда с ним делать? В особенности если бы ни один другой заключенный не проходил в это время кеммер, что было бы вполне вероятно при наличии всего ста пятидесяти заключенных. Находиться же в кеммере без партнера для гетенца чрезвычайно тягостно, поэтому лучше уж избавить его от мучений, не терять напрасно времени, предназначенного для работы и полностью исключить кеммер. Поэтому он и был исключен.

Узники, прошедшие в заключении много лет, вполне приспособи-

лись к этой ситуации психологически и в определенной мере, как мне кажется, и физически, к этой тюремной кастрации. Они были полностью лишены пола, как каплуны или мерины. Они были полностью лишены стыдливости и вожделения, как ангелы. Но ведь это противоестественно для человеческого существа — не знать ни стыда, ни вожделения.

Функционирование полового влечения у гетенцев настолько ограничено жесткими требованиями природы и так точно определено, что обществу нет необходимости вмешиваться в эти вопросы. Здесь меньше принципов, меньше сублимации и подавления полового влечения, чем в любом известном мне гетеросексуальном обществе. Воздержание здесь исключительно добровольное, половая распушенность тоже вполне приемлема. Невроз страха и фрустрация на сексуальной почве встречаются чрезвычайно редко. Здесь я впервые столкнулся с ситуацией, когда цель и намерения общества вступают в противоречие с половым влечением своих граждан. Поскольку это элиминация, устранение, а не подавление, она не вызывает фрустрации, но зато надолго обеспечивает нечто гораздо более опасное — пассивность.

На Зиме нет общественных насекомых, таких, как на Земле, например, — пчел, муравьев. Гетенцы не имеют поэтому опыта существования с этими древними сообществами, в которых существуют бесчисленные города маленьких бесполох тружеников, у которых есть только один инстинкт — инстинкт подчинения группе, целому. Если бы на Гетене были муравьи, гетенцы могли бы попытаться следовать их примеру уже давным-давно. Добровольные фермы являются относительно недавним изобретением, да еще и применение этого изобретения пока ограничивалось только одним государством на планете. Но это — грозный сигнал о том, в каком направлении может пойти развитие общества, которое так покорно подчиняется регулированию полового влечения.

На ферме Пулефең, как я уже упоминал, мы недоедали, если принять во внимание характер исполняемой нами работы, а наша одежда, особенно башмаки, была абсолютно не приспособлена к условиям здешней зимы. Стражникам, большинство которых были условно освобожденными заключенными, приходилось не намного лучше, чем заключенным. Целью и назначением этого места было наказание людей, а не их уничтожение, и я думаю, что пребывание здесь могло бы быть вполне сносным, если бы не применение наркотиков и допросы.

Часть узников подвергалась этим мероприятиям группами по двенадцать человек. Они декламировали хором что-то вроде покаяния в грехах и катехизиса, получали противокеммеровый укол и возвращались на работу. Других узников, политических, каждые пять дней подвергали допросу с применением наркотиков.

Я не имел представления, какими наркотическими средствами они пользовались. Я не знаю, для чего проводились эти допросы. Я не знаю, о чем меня на этих допросах спрашивали. Я приходил в сознание в бараке через несколько часов после допроса, лежа на нарах. В спальном помещении находилось еще несколько узников, тоже прошедших допрос: Одни приходили в себя, как я, другие находились еще под действием наркотика, без сознания и без движения. Когда же мы все уже могли держаться на ногах, стражники отводили нас на работу. Но после третьего или четвертого такого допроса я не мог подняться вообще. Меня оставили в покое, и на следующий день я был в состоянии выйти на работу вместе со своей бригадой, хотя чувствовал себя еще не очень хорошо. После следующего допроса я лежал два дня. По-видимому, или «сыворотка правды», или противокеммеровые гормоны токсически действовали на мою нервную систему не-гетенца, и это отрицательное их действие накапливалось и усиливалось. Я помню, как пытался подготовить то, что мне необходимо сказать инспектору при следующем допросе-исследовании. Я собирался начать с обещания, что буду говорить правду в ответ на любые вопросы, только не надо вводить мне наркотики. А потом бы я сказал: «Неужели вы не понимаете, насколько бесполезными являются ответы на неверно поставленные вопросы?» И тогда инспектор превратился бы в Фейкса с золотой цепью прорицателя на шее, и у нас произошел бы с ним долгий разговор, необыкновенно приятный, а наркотик бы выпускал постепенно, капля за каплей, в контейнер из спрессованных древесных отходов нашего производства. Естественно, когда я вошел в комнатушку, где нас обычно допрашивали, помощник инспектора оттянул мне ворот и сделал укол прежде, чем я успел открыть рот, и все, что я помню из этого малоприятного общения,— это сказанные усталым голосом инспектора, молодого, с грязными ногтями, слова: «Ты должен отвечать на мои вопросы по-орготски, тебе не разрешается говорить ни на каком другом языке. Ты должен говорить по-орготски».

Лазарета на ферме не было. Это диктовал принцип «работай или умирай», но в реальности существовали некоторые отступления от основного принципа, небольшие щели между работой и смертью, оставляемые стражниками для узников. Как я уже упоминал, они не были жестокими. Не были они и милосердными. Были нерадивы и все им было безразлично до тех пор, пока они не чувствовали, что им самим угрожают неприятности. Они позволили мне и еще одному заключенному остаться в спальне. Просто, когда оказалось, что мы не в состоянии держаться на ногах, нас оставили в наших мешках, будто по недосмотру. Я чувствовал себя отвратительно после последнего обследования, тот, второй оставленный в спальне человек, много старше, у которого было что-то с почками,— просто

умирал. Так как он не мог умереть сразу, ему было 'дано' на это немного времени и место на нарах.

Я помню его отчетливее, чем все остальное, связанное с фермой Пулефен. Внешне он был типичным гетенцем с Большого Континента: коренастый, с короткими ногами и руками, солидный слой жирка, придающий его телу даже во время болезни гладкую округлость. У него были маленькие руки и ноги, довольно широкие бедра и широко развитая грудная клетка, а груди развиты не больше, чем у мужчин моей расы. Кожа у него была цвета темной меди, а черные волосы мягкие, как мех. Лицо у него было широкое, с мелкими, но выразительными чертами, скуловые кости четко обозначены. Такой тип сложения встречается в изолированных группах людей, населяющих субарктическую зону. Звали его Азра, и был он плотником. Мы с ним разговорились.

Азра, как я думал, ничего не имел против того, чтобы умереть, но боялся самого умирания и искал чего-нибудь, что заняло бы его мысли.

Не так уж много общего было у нас с ним, кроме одинаково близкой смерти, но о ней нам не хотелось разговаривать, поэтому большую часть времени мы не слишком хорошо понимали друг друга. Правда, его это не смущало. Я, более молодой и более скептически настроенный, искал понимания и разъяснения. Но разъяснения не находилось. Поэтому мы разговаривали.

Ночью спальный барак был освещен, в нем было тесно и шумно. Днем же свет выключался, и большая зала была полутемной, пустой и тихой. Мы лежали не очень далеко друг от друга и разговаривали вполголоса. Азра больше всего любил рассказывать длинные и запутанные истории о своих молодых годах, проведенных в хозяйстве Содружества, расположенном в долине Кундерер, на той прекрасной обширной равнине, через которую я проезжал, направляясь от границы к Мишнори. Он говорил с сильным акцентом и сыпал именами людей, названиями местностей, обычаев и инструментов, каких-то орудий труда, значения которых я не понимал и редко когда мог уловить что-то большее, чем общий смысл его воспоминаний. Когда он чувствовал себя немного лучше, обычно это бывало где-то около полудня, я просил его рассказать какой-нибудь миф или сказание, притчу. Большинство гетенцев прямо-таки напичканы ими. Их литература, хотя и существует в письменной форме, представляет собой живую устную традицию, и в этом смысле она общедоступна. Азра знал орготский канон: коротенькие притчи о Меше, истории о Парсайде и фрагменты больших эпосов, а также отрывки саги о морских купцах. Он рассказывал это, уснащая свой рассказ местными изречениями и пословицами, которые он помнил с детства, мягким протяжным говором, а когда устал, просил, чтобы я рассказал ему что-нибудь.

— А что рассказывают в Кархиде? — спрашивал он, растирая себе ноги, которые у него сильно болели, и обращая ко мне свое лицо с несмелой и терпеливой улыбкой.

Как-то я сказал ему:

— Я знаю историю о людях, живущих в ином мире.

— А что это за мир?

— Он похож на этот, где мы сейчас находимся, только он вращается не вокруг Солнца, а вокруг той звезды, которую вы называете Селени. Это тоже желтая звезда, такая же, как Солнце, и на той планете, под тем солнцем, живут другие люди.

— Об этом говорится в учении Санову, об этих иных мирах. Когда я был еще совсем маленьким, к нам в очаг приходил старый сумасшедший проповедник учения Сановы. Он рассказал нам об этом. Куда отправляются после смерти лжецы, куда попадают самоубийцы и куда отправляются воры. Мы тоже туда отправляемся, ты и я, в один из этих миров?

— Нет, тот мир, о котором я тебе рассказываю, не мир духов. Это реальный мир. И живут в нем самые настоящие живые люди, такие же, как и здесь, на Гетене. Но они очень много лет тому назад научились летать.

Азра широко улыбнулся.

— Но они летали не так, как летают птицы. Они летали в машинах, похожих на автомобили. — На орготском языке это было очень трудно объяснить, потому что в нем нет слова «летать». Самое близкое по значению слово означает «парить» или «планировать». — Они научились строить машины, которые скользили по воздуху, как сани по снегу. И делали такие машины, которые скользили по воздуху все быстрее, пока не вылетали, как камень из пращи, выше туч, выше воздуха — до совсем иных миров, которые кружатся вокруг иных солнц. А когда они добирались до другого края света, то оказывалось, что там тоже живут люди...

— Которые тоже умели скользить по воздуху?

— Иногда да, иногда нет... Когда эти люди прибыли в мой мир, мы умели уже путешествовать по воздуху. Но они научили нас путешествовать в другие миры. Таких машин у нас еще не было.

Азра был удивлен введением рассказчика в ход повествования. У меня была лихорадка, меня мучили язвы, которые от применяемых здесь препаратов появились у меня на груди и на плечах, и я не заметил, как уклонился с того направления, по которому собирался вести свое повествование.

— Рассказывай дальше, — сказал он, пытаясь как-то разобраться в моем рассказе. — Что еще делали там люди, кроме скольжения по воздуху?

— Более или менее то же самое, что и люди здесь. С одной только разницей, что они постоянно находятся в кеммере.

Он засмеялся. Разумеется, в этих условиях ничего нельзя было скрыть, поэтому среди моих товарищей по заключению и стражников я был известен как «извращенец». Но там, где нет ни вождения, ни стыдливости, никто, даже самый последний выродок и чужак, не бывает отвергнут группой, и мне кажется, что Азра не связывал этого понятия со мной и моими особенностями. Он усматривал в них только вариации на старую известную тему, поэтому засмеялся и сказал:

— Постоянно-находятся в кеммере... Так это место, где они находятся,— это место вознаграждения или место покаяния?

— Не знаю, Азра. А этот мир?

— Ни то, ни другое, дитя мое. Здесь просто мир таков, каков он есть на самом деле. Человек рождается... и есть так, как есть.

— Но я родился не здесь. Я сюда прибыл. Я выбрал этот мир.

Тишина и мрак окружали нас. Издалека, из-за стен барака, до нас донеслось только негромкое, ритмично прерывающееся повизгивание — звук ручной пилы, и ничего больше.

— Ну что ж... Ну что ж...— пробормотал Азра, вздохнул и снова стал растирать ноги, тихонько постанывая. По-моему, он не отдавал себе отчета в том, что стонет.— У нас нет выбора,— сказал он и умолк.

Через день или два он впал в коматозное состояние и вскоре умер. Я так и не узнал, за что он был сослан на добровольную ферму, за какое преступление, провинность или ошибку в бумагах. Я знал только, что он провел в Пулефене меньше года.

Через день после смерти Азры меня вызвали на очередной допрос. В этот раз после него меня пришлось нести в барак на носилках, и больше я ничего не помню.

14. БЕГСТВО

Когда Субсли и Йегей выехали из города, а привратник Слоуса не пустил меня за порог дома, я понял, что наступило время обратиться за помощью к моим врагам, потому что друзья уже ничего для меня не сделают. Я отправился к комиссару Шусгису и стал его шантажировать. Не имея достаточно денег, чтобы подкупить его, мне пришлось пожертвовать своей репутацией. Среди людей вероломных и коварных определение «изменник» уже само по себе является капиталом. Я сказал ему, что прибыл в Оргорейн из Кархида как агент дворцовой фракции, намеревающийся совершить покушение на Тайба, и что сам он, Шусгис, был избран для осуществления моего контакта с Сарфом. Если бы он отказал мне в необходимой информации, я должен был бы сказать моим знакомым в Эргенранге, что я — двойной агент, работающий на фракцию

Свободной Торговли, и это сообщение, несомненно, вскоре дошло бы до Мишнори и до Сарфа. Этот дурак мне поверил и немедленно сообщил все, что я хотел знать, и спросил даже, согласен ли я.

Мне не угрожала непосредственная опасность, исходящая от моих друзей Оубсли, Йегея и других. Они купили себе безопасность, принеся в жертву посланца, и считали, что я не буду навлекать неприятности на них и на себя. До тех пор, пока я не обратился к Шусгису, никто в Сарфе, за исключением Гаума, не считал, что на меня стоит обращать внимание, но с этой минуты они начали наступать мне на пятки. Мне надлежало как можно быстрее устроить все свои дела и исчезнуть. Не имея возможности никому в Кархиде непосредственно сообщить необходимые данные, потому что письма перлюстрируются, а телефон и радио прослушиваются, я впервые пошел в Королевское Посольство. В состав его входил Сардон рем ир Ченевич, которого я хорошо знал еще по королевскому двору. Он согласился немедленно передать Аргавену известие о том, что случилось с посланцем и где он должен оказаться в заключении. Я мог доверять Ченевичу, человеку интеллигентному и порядочному, и быть уверен в том, что он передаст это сообщение тайным путем, хотя и не представлял, как он его использует и как поступит Аргавен. Я хотел, чтобы Аргавен ориентировался в ситуации, если бы вдруг из-за туч появился звездный корабль с товарищами Генли. Я тогда еще надеялся, что он успел связаться с кораблем до того, как Сарф его арестовал.

Теперь я был в опасности, а если кто-нибудь заметил меня, когда я входил в кархидское посольство, опасность становилась сиюминутной. Прямо из посольства я пошел в караванный порт, находящийся в Южном Участке, и уже к полудню этого дня, одстрет сусми, я выехал из Мишнори так же, как и приехал сюда, грузчиком в караване. У меня было мое старое разрешение, слегка подправленное, чтобы соответствовать новой работе. Подделка документов в Оргорейне — вещь довольно рискованная, потому что здесь их проверяют по пятьдесят два раза на день, но тем не менее вполне обычная. Мои старые знакомые с Рыбьего Острова показали мне, как это делается. Меня беспокоила необходимость фигурировать под чужим именем, но ничто другое не могло меня спасти и перенести на другой конец Оргорейна, на побережье Западного Моря.

Мысленно я уже был там, когда караван с грохотом проезжал мост через Кундерер. Дело шло к зиме, и мне нужно было прибыть к цели путешествия прежде, чем дороги будут закрыты для быстрого движения и пока эта цель там еще находилась. Я видел такую добровольную ферму с Комсвашом, когда был в округе Синт, и беседовал с бывшими заключенными. То, что я там увидел и услышал, не давало мне спать спокойно. Посланец, настолько чувствительный к холоду, что носил теплый плащ даже не в очень холодные дни,

не имел шансов пережить зиму в Пулефене. Поэтому, подхлестываемый необходимостью, я рвался вперед, а караван двигался медленно, от города к городу, сворачивая то на юг, то на север, выгружая часть товаров и загружая другие товары. Так прошло полмесяца, прежде чем мы добрались до города Этвен, расположенного в устье реки Эсагель.

В Этвене мне повезло. Я разговаривал с людьми в доме путешественников и услышал о торговле мехами в верховьях реки, о том, как трапперы-охотники, получив лицензию на отстрел, отправляются на саянах или на сухопутных лодках реки через лес Тарренпет почти до самого Льда. Их разговоры о силках и ловушках подсказали мне план бегства. В крае Керм, так же как и на плоскогорье Гобрин, живут белые пестри, которые любят места, где чувствуется дыхание ледника. В молодости я охотился на пестри в кермских лесах торе, почему бы мне и теперь не попробовать поохотиться в лесах торе около Пулефена?

На этом далеком северо-западе Оргорейна, в огромном безлюдном и диком краю на запад от Сембенсьена, люди могут передвигаться довольно свободно, потому что тут не так уж много инспекторов, которые могли бы контролировать их перемещения. Небольшая частица былой свободы еще сохранилась здесь, несмотря на Новую Эпоху. Этвен — серый городишко, порт, построенный на серых скалах залива Эсагель, по улицам гуляет мокрый ветер с моря, а люди, живущие здесь, — это суровые и простодушные моряки парусных судов. Я всегда добром вспоминаю Этвен, где судьба моя переменилась.

Я закупил здесь лыжи, ловушки, ракеты и запасы еды на дорогу, получил лицензию траппера-охотника и неисчислимое количество всяческих разрешений, удостоверений и справок в Управлении Содружества и пешком отправился в горы Эсагель вместе с отрядом охотников, проводником которого был старик по имени Маврива. Река еще не замерзла, и движение колесного транспорта на дорогах продолжалась, потому что здесь, на этих прибрежных склонах, даже в последний месяц года чаще идет снег, чем дождь. Большинство охотников ожидало прихода зимы, чтобы в месяце тен отправиться вверх по реке на ледовой лодке, но Маврива хотел поскорее уйти как можно дальше на север, чтобы охотиться на пестри, когда они начнут спускаться в леса, совершая свою ежегодную миграцию. Маврива хорошо знал эти места, северный Сембенсьен, Пылающие Холмы, и за время этого похода в верховьях реки я научился у него многому, что потом мне очень пригодилось.

В Туруфе я отделился от группы, симулируя недомогание. Они потащились дальше на север, а я в одиночку отправился на северо-восток, к высоким отрогам Сембенсьена. Несколько дней я потратил на то, чтобы как следует изучить эту местность, а потом спрятал

большую часть своего груза в хорошо укрытой маленькой долине километрах в двадцати от Туруфа и вернулся в городок. Вошел я в город снова с юга и остановился в доме путешественников. Будто готовясь к охоте, я снова купил лыжи, ракеты, провиант, меховой спальный мешок и зимнюю одежду, печурку, палатку и легкие сани для перевозки всего этого добра. После этого мне не оставалось больше ничего, кроме как ждать, когда дождь сменится снегом, а грязь — льдом. Это должно было произойти уже скоро, потому что дорога от Мишнори до Туруфа заняла у меня около месяца. В день архад терн пришла зима и выпал долгожданный снег...

Сразу после полудня я перешел через электрическую изгородь фермы Пулефен. Снег быстро заносил все следы. Я оставил санки в ущелье, где протекала речка, довольно далеко от фермы на восток, в лесу, и уже с одним только рюкзаком на снежных ракетах вернулся на дорогу, по которой открыто, не прячась, дошел до главных ворот фермы. Там я показал свои документы и бумаги, которые снова переделал, пока ждал зимы в Туруфе. Теперь на них был «голубой штампель» и они были выданы на имя Тенера Бента, освобожденного заключенного. К ним прилагался приказ отправляться на Третью Добровольную ферму Содружества Пулефен с целью прохождения там двухгодичной охранной службы. Любому быстроглазому и наблюдательному инспектору эти мятые истрепанные документы показались бы подозрительными, но здесь этих быстрых и наблюдательных глаз не было и в помине.

Ничего нет проще — угодить в тюрьму. Вот насчет того, чтобы из нее выбраться... Но я чувствовал себя довольно уверенно.

Начальник стражи отчитал меня за опоздание — я прибыл на день позже указанного в моих бумагах срока — и отослал меня в барак. Время было послеобеденное, поэтому, к счастью, было слишком поздно, чтобы выдать мне обмундирование и сапоги, а мою очень удобную одежду конфисковать. Не выдали мне и пистолета, но я добыл себе оружие, когда крутился около кухни, чтобы выпросить у повара что-нибудь поесть. Повар вешал свой пистолет на гвоздик за печкой. Я украл его. Это было оружие, не предназначенное для убийства, возможно, что у всех стражников были такие же пистолеты. На фермах не убивают людей. Убивает их голод и отчаяние.

Стражников на ферме было от тридцати до сорока человек, заключенных — около ста пятидесяти, и никому из них не было слишком хорошо. Большинство из них спали как убитые, хотя было около четырех часов дня. Ко мне был приставлен молодой стражник, который должен был провести меня по ферме и показать мне спящих заключенных. Я увидел их в ярком свете большой спальни, и надежда едва не оставила меня — надежда воспользоваться этой же первой ночью, пока я не успел вызвать каких-нибудь подозрений.

Все лежали, укрытые в своих спальниках, каждый, как дитя в родительском лоне, невидимые и неразличимые, все одинаковые. Все, кроме одного, слишком высокого, чтобы укрыться в спальнике с головой. Темное, как у мумии, лицо, полузакрытые запавшие глаза, копна длинных спутанных волос.

Колесо фортуны, которое так удачно повернулось для меня в Этвен, теперь весь мир заставляло покорно вращаться под моей рукой. У меня была только одна способность, один талант в жизни знать, чувствовать, предугадывать момент, когда это неподатливое колесо нужно слегка подтолкнуть, когда необходимо начинать действовать, что я снова могу управлять судьбой, и своей, и мира, как санями на крутом и опасном склоне. Поскольку я по-прежнему путался у всех под ногами и обо всем расспрашивал, прикидывался любопытным дурачком, меня назначили дежурить в позднюю смену. В полночь все, кроме меня и моего напарника по дежурству, уже спали. Я по-прежнему притворялся, что не могу усидеть на месте и все бродил между рядами нар. Я наметил план действий и подготавливал свое тело и свой разум к вхождению в дот, потому что моей собственной силы, не поддержанной и не укрепленной силами тьмы, было недостаточно. Незадолго до рассвета я опять вошел в спальню и с помощью пистолета, украденного у повара, направил в мозг Генли Ая самый краткий парализующий импульс, а потом вскинул его себе на плечи прямо в спальном мешке и отнес в дежурку.

— Что случилось? — спросил меня сонный второй дежурный. — Да брось ты его!

— Он же умер!

— Как, еще один? Клянусь потрохами Меше, ведь сейчас еще только начало зимы! — Он наклонился, чтобы рассмотреть лицо посланца, голова которого болталась у меня за спиной. — А, это тот извращенец! Я никогда не верил в то, что рассказывают о кархидцах, пока не увидел этого типа. Омерзительный выродец! Он уже неделю стонал и вздыхал там на нарах, но я не думал, что он помрет. Ну, выкинь его из барака, пусть полежит до утра там, не торчи здесь, как носильщик с мешком дерьма...

В коридоре я остановился около конторы инспекции. Никто меня не останавливал. Я вошел и осмотрелся, довольно быстро обнаружив распределительный щит систем, подающих сигнал тревоги. Они не были обозначены на щите, но стражники повыцарапывали нужные буквы около рубильников, чтобы не перепутать их в ситуациях, требующих быстроты действий. Предположив, что «О» означает ограждение, я повернул этот выключатель, чтобы прекратить подачу тока к самой наружной защитной системе фермы. После этого я двинулся дальше, волоча тело Ая за плечи. Проходя мимо дежурного у дверей, я притворился, что с большим трудом тащу покойника, хотя

меня переполняла сила дот и я не хотел, чтобы кто-нибудь обратил внимание, с какой легкостью я нес человека, который гораздо тяжелее меня самого.

— Мертвый заключенный! — доложил я. — Мне приказано убрать его из спальни. Куда мне его девать?

— Не знаю. Вытащи его наружу и положи под навес, чтобы его не засыпало снегом. Если его занесет снегом, то он выплывет только весной в оттепель и будет смердеть. Идет педиция. — Он имел в виду обильный мокрый снег, который у нас называется соу, и это было для меня очень хорошей новостью.

— Хорошо, хорошо, — сказал я и выволок свою ношу из барака. Там я сразу свернул за угол, чтобы никто не мог увидеть. Я опять взвалил спальник с Генли Аем себе на плечо, прошел на северо-восток несколько сотен метров, взобрался на обесточенную ограду, опустил свой груз на землю по ту сторону ограды, прыгнул туда же сам, еще раз взвалил его себе на плечо и направился в сторону реки со всей доступной мне быстротой. Я еще не успел далеко уйти от ограды, когда раздались свистки и зажглись прожектора. Шел густой снег, вполне достаточный, чтобы меня не было видно, но не настолько густой, чтобы за несколько минут совершенно скрыть мои следы. Тем не менее я добрался до реки, а они все еще не могли напасть на мой след. Я шел дальше на север по довольно ровной поверхности земли под деревьями или шел прямо руслом реки там, где по земле нельзя было пройти. Речка, маленький и быстрый приток Эсагель, еще не замерзла. Я находился сейчас в высшей фазе дота, и посланец, которого я нес на плече, хотя и представлял собой довольно неудобную ношу, тем не менее совсем не казался мне тяжелым. Пройдя вверх по течению речушки, я наконец добрался до того оврага, где я спрятал санки, привязал посланца к санкам, уложил вокруг него весь остальной груз, отчасти — и на него тоже, так, чтобы он был хорошо укрыт, а сверху все это сооружение укрыл непромокаемой пленкой. Потом я переоделся и съел что-то из своих запасов, потому что я уже чувствовал тот сильный голод, который всегда появляется в случае, если дот длится достаточно долго. После этого я двинулся на север по Лесному Тракту. Вскоре меня нагнали двое лыжников.

Я был одет и снаряжен, как траппер, поэтому я сказал им, что хочу догнать отряд Мавривы, который отправился на север в последних днях месяца гренде. Они знали Мавриву и, взглянув на мою лицензию траппера, поверили мне. Им не приходило в голову, что беглецы могут отправиться на север, потому что на север от Пулефена нет ничего, только Лес и Лед. А может, они вовсе не собирались ловить беглецов. Почему, собственно, им бы могло это понадобиться? Они обогнали нас, и через час я наткнулся на них опять, уже когда они возвращались на ферму. Один из них был тот самый

стражник, с которым я вместе дежурил этой ночью. Он совершенно не запомнил моего лица, будто вообще меня никогда не видел, хотя я маячил перед ним половину ночи.

Убедившись в том, что они удалились, я свернул с дороги и на протяжении всего оставшегося дня описывал длинную дугу, возвращаясь через лес и подножье гор к востоку от Пулефена, и наконец добрался туда теперь уже с востока, со стороны леса, к моему тайнику около Туруфа, где я оставил вторую часть своего снаряжения. Было нелегко тащить груз, весом превышающий мой собственный вес, по этой сильно пересеченной местности, но снежный покров становился все более твердым, а я был в доте. Я вынужден был сохранять это состояние, потому что когда человек выходит из состояния транса, ему довольно долго приходится приходить в себя и восстанавливать утраченную силу. До сих пор мне не приходилось пребывать в доте дольше часа, но я знал, что некоторые Старые Люди могут находиться в полном трансе целые сутки, день и ночь, и даже дольше. Необходимость оказалась хорошим дополнением к моему тренингу. Находясь в доте, человек не обращает особого внимания на всякие обстоятельства, и если я и беспокоился, то только о посланце, который должен был уже давным-давно проснуться после той незначительной дозы акустического удара, которой я его угостил. Он ни разу с тех пор не пошевелился, а у меня не было возможности им заняться. Неужели же его физиология настолько отличается от нашей, что то, что у нас ограничивалось непродолжительным параличом, для него было смертельно? Когда человек чувствует, что колесо фортуны вращается от прикосновения его руки, ему нужно очень осторожно выражать свои мысли, следить за тем, что он говорит. А я дважды назвал его покойником и нес его так, как несут труп. Я подумал, что, возможно, почти целый день сегодня я возил по горам труп и что удача и его жизнь — все пошло прахом. От этой мысли меня бросило в холодный пот, и я разразился проклятиями, а сила дот, казалось, начала уходить из меня как вода из треснувшего сосуда. Но я все шел и шел, и силы не оставили меня, пока я не дошел до тайника у подножья гор. Я разбил палатку и все, что только было в моих силах, сделал для Ая. Я открыл коробочку с концентрированной пищей и сам съел большую ее часть, а немножко в виде бульона влил в него, потому что он выглядел как человек, близкий к голодной смерти. На груди и на плечах у него были язвы, воспалившиеся от прикосновения грязного спального мешка. Когда я продезинфицировал эти язвы и уложил его в теплый и легкий новый спальник, укрыв его так хорошо, как только это было возможно сделать зимой, да еще и на открытом пространстве, больше ничего уже я не был в состоянии для него сделать. Наступила ночь, и меня окутала тьма, гораздо более темная, чем ночь, расплата за сознательное использование

и трату всей энергии организма. И этой тьме я должен был доверить и себя, и его.

Мы спали. Шел снег. Он шел всю ночь, весь день и всю следующую ночь моего сна танген, который обычно сменяет дот. Это не была настоящая метель, но это уже был первый большой снег этой зимы. Когда я наконец пришел в себя и встал, чтобы осмотреться, наша палатка оказалась наполовину засыпана снегом. Под яркими лучами солнца ослепительную белизну снежного покрывала пересекали кое-где голубые тени. Очень далеко и высоко на востоке чистое небо затягивал единственный плюмаж серого цвета — дым Уденуршреке, самого близкого из Огненных Холмов. Вокруг маленькой палатки лежал снег — сугробы, холмики и холмы сверкающего белизной чистейшего снега.

Силы еще не совсем вернулись ко мне, я был еще слабым и сонным, но, как только я смог подняться, я начал давать Аю бульон, понемногу, но часто — и к вечеру этого дня к нему вернулась жизнь, хотя еще не вернулось сознание. Он сел и закричал, как кричат от ужаса насмерть перепуганные люди. Когда я опустился около него на колени, он хотел убежать, и, по-видимому, это усилие было для него слишком велико и непосильно, потому что он тут же потерял сознание. Этой ночью он все время что-то говорил на непонятном языке. Странно было в этой темной тишине безлюдья слышать, как он бормочет слова, которые он узнал совсем в другом мире, невероятно далеко отсюда. Следующий день оказался тяжелым, потому что, как только я попытался им заняться, он принимал меня за стражника из Пулефена, который собирается ввести ему какой-то наркотик. Он начинал говорить на смеси орготского и кархидского языков и умолял не делать этого, а потом отталкивал меня с истерической силой. Это все повторялось и повторялось, а так как я был еще в танген, периоде психического и физического изнеможения, я боялся, что вообще не смогу ему помочь. Я подумал тогда, что ему не только давали наркотики, но и превратили его либо в безумца, либо в идиота. И я сожалел, что он не умер, когда я вез его на санках, что поначалу удача благоприятствовала мне, что меня не арестовали при выезде из Мишнори и не сослали на какую-нибудь ферму, где я работал бы на собственную смерть.

Я проснулся и встретился с ним глазами.

— Эстравен? — спросил он тихо и удивленно.

Это вдохновило меня. Я мог теперь его успокоить и заняться его физическим состоянием. В эту ночь мы оба спали нормально.

На следующий день он чувствовал себя гораздо лучше и сел, чтобы поесть. Язы его начинали заживать. Я спросил его, отчего они появились.

— Не знаю. Думаю, что от наркотиков. Мне ведь делали какие-то уколы...

— Для того, чтобы предотвратить наступление кеммера? — Такую версию я слышал от людей, бежавших или освобожденных из добровольных ферм.

— Да. И еще какие-то другие, может быть, заставляющие говорить правду. Я очень плохо переносил их, всегда болел после этих уколов, а они продолжали мне их делать. Чего они от меня хотели, что я мог им такое рассказать, чего не рассказал бы без этих препаратов?

— Может быть, это были не столько допросы, сколько порабощение, искусственное создание привыкания и физиологической зависимости?

— Как это «порабощение»?

— Обретение покорности путем принудительного введения какого-нибудь препарата, производного оргревы. Методика эта известна и в Кархиде. А может, проводили на вас какие-то эксперименты. Я слышал, что на фермах на заключенных проводятся испытания влияющих на психику препаратов и методик. Тогда я в это не хотел верить. Теперь верю.

— Есть ли такие фермы в Кархиде?

— В Кархиде? Нет.

Он в раздражении потер ладонью лоб.

— Я думаю, что в Мишнори мне бы тоже сказали, что ничего подобного в Оргорейне нет.

— Скорее, наоборот. С гордостью продемонстрировали бы ленты и снимки, сделанные на добровольных фермах, где асоциальные элементы проходят ресоциализацию, а находящиеся под угрозой вымирания племенные меньшинства находят убежище. Кроме того, они могли бы вас провести по Добровольной Земледельческой ферме Первого Округа, недалеко от Мишнори, заведению, как всем известно, образцовому. Если вы думаете, что такие фермы существуют в Кархиде, то вы нас переоцениваете, господин Ай. Мы люди простые.

Он лежал молча довольно долго, засмотревшись на раскаленную докрасна печурку, которую я включил на полную мощность, пока в палатке не стало невыносимо жарко. Потом перевел взгляд на меня.

— Да, вы мне говорили сегодня утром об этом, я знаю, но я был еще не совсем в сознании. Где мы сейчас находимся и как мы сюда попали?

Я рассказал ему об этом еще раз.

— Вы так просто вынесли меня?

— Господин Ай, каждый из находящихся там узников или даже все вместе могли бы спокойно выйти оттуда любой ночью. Если бы только они не были так истощены, обессилены, деморализованы и одурманены. И еще — если бы у них была зимняя одежда и им

было куда бежать... В этом-то вся трудность. Куда им идти? В город? Без документов там им нечего делать, нечего там искать. В лес? Без крыши над головой им и там искать нечего. А летом они наверняка усиливают охрану. Зимой же сама зима — лучший стражник.

Он слушал меня, затаив дыхание.

— Вы не смогли бы перенести меня на расстояние и в сто метров. А что уж говорить о том, чтобы пробежать со мной на плечах несколько километров, да еще в темноте...

— Я находился в доте.

— По собственному желанию? — спросил он.

— Да.

— Вы ведь приверженец ханддары?

— Я был воспитан в учении ханддары и провел два года в крепости Ротерер. В Керме большинство людей из внутренних очагов исповедуют ханддару.

— Я слышал, что после окончания дота истощение всех резервов организма требует довольно длительного периода как бы коллапса, оцепенения...

— Да, это танген, черный сон. Он продолжается значительно дольше, чем период дот, и когда человек вступит в период регенерации, восстановления, этот процесс прерывать нельзя. Я спал день и две ночи, однако все еще нахожусь в периоде танген и не дошел бы даже до вон того сугроба. С этим связано и чувство голода. Я сейчас съел большую часть того количества еды, которого в обычных условиях хватило бы мне на неделю.

— Ну хорошо, — сказал он торопливо и резко. — Вижу, верю, в конце концов у меня нет другого выхода, кроме как верить вам. Вот вы здесь, и я тоже здесь. Но я все равно не понимаю. Не понимаю, зачем вы все это сделали?

Вот тут я почувствовал, что мои нервы не выдерживают, и я принялся внимательнейшим образом всматриваться в ледовый нож, который лежал у меня под рукой, чтобы только не взглянуть на него и не ответить ему, пока не овладею собой и своим гневом. К счастью, в моем сердце было не очень много огня и я объяснил себе, что он человек из другого мира, а в нашей жизни и обычаях несведущий, обманутый и напуганный. Так я вернул себе утраченное равновесие и ответил ему:

— Я считаю, что отчасти и я несу ответственность за то, что вы оказались в Оргорейне, а затем — и в Пулефене. Я стараюсь исправить последствия своих ошибок.

— Но вы не могли иметь ничего общего с моим появлением в Оргорейне.

— Господин Ай, мы видели одни и те же события, но смотрели разными глазами, а я ошибочно полагал, что мы видим их одина-

ково. Позволю себе вернуться к прошедшей весне этого года. Приблизительно за полмесяца до начала торжеств в Эргенранге — празднества по поводу закладки замкового камня — я начал убеждать короля Аргавена, чтобы он подождал, чтобы он не принимал решения по вашему вопросу и вопросу вашей миссии. Аудиенция уже была назначена, и казалось, что самое правильное — отправиться на нее, не ожидая, однако, от этой аудиенции никаких результатов. Я думал, что вам это все понятно, и в этом была моя ошибка. Некоторые вещи я считал сами собою разумеющимися, и я не хотел задеть или обидеть вас, давая вам советы. Я думал, что вы понимаете опасность, возникшую с внезапным возвышением Харджа рем ир Тайба в кворреме. Если бы Тайб решил, что вы представляете для него какую бы то ни было опасность, он обвинил бы вас в проведении фракционной политики, и Аргавен, подталкиваемый страхом, скорее всего приказал бы вас уничтожить. Я хотел, чтобы вы на какое-то время ушли в тень и в безопасности переждали период правления Тайба. Случилось так, что я был устранен в то же самое время. Все шло к тому, но я не думал, что это случится в тот самый вечер, когда вы были у меня в доме. У Аргавена премьеры долго не удерживаются на своем посту. После вручения мне указа об изгнании я не мог связаться с вами, потому что это бросило бы на вас тень моего позора и увеличило бы опасность, в которой вы находились. Я прибыл сюда, в Оргорейн, и пытался внушить вам, чтобы вы сделали здесь то же самое. Через тех людей из числа Тридцати Трех, которые вызывали у меня наименьшее недоверие, я добился, чтобы вам был разрешен въезд в Оргорейн. Без их поддержки это было бы невозможно. Они видели в вас, не без моей помощи, путь к власти, выход из нарастающего конфликта с Кархидом и возвышение к свободной торговле, может быть, шанс преодолеть могущество Сарфа. Но они перестраховщики, они боятся действовать. Вместо того, чтобы объявить о вашем присутствии, кричать о нем на всех перекрестках, довести его до всех и каждого, они прятали вас, упуская свой шанс, а потом выдали вас Сарфу, чтобы спасти собственную шкуру. Я слишком рассчитывал на них, и в этом моя вина.

— Но зачем это все — все эти интриги, тайны, игра, где ставкой является власть, заговоры, — к чему это все должно было вести? И чего хотели добиться вы?

— Того же самого, чего хотели добиться и вы, господин Ай. Союза моего мира с вашими мирами. А вы что подумали?

Мы смотрели друг на друга поверх раскаленной печурки, как две деревянные куклы.

— Даже если бы Оргорейн заключил первым этот союз?

— Даже если бы это был Оргорейн, Кархид очень скоро последовал бы его примеру. Неужели вы думаете, что я беспокоился бы

о собственном шифрретторе, если в игру входят интересы всего человечества? Важно не то, какая именно страна очнется первой. Важно, чтобы мы проснулись.

— Но почему, черт побери, я должен верить в то, что вы мне рассказываете? — взорвался он. Из-за того, что он был еще слишком слаб, его гневные слова прозвучали скорее как жалоба. — Если все это правда, то вы могли бы мне объяснить все это еще весной и лишить нас сомнительного удовольствия посещения Пулефена. Ваши усилия помочь мне...

— Не увенчались успехом. И не по моей вине вы оказались обречены на мучения, унижения и опасности. Я знаю об этом. Но если бы я начал открытую борьбу с Тайбом из-за вашего дела, то вы бы сейчас находились не здесь, а в могиле, в Эргенранге. А так все-таки есть несколько человек в Кархиде и несколько человек в Оргорейне, которые верят вам, потому что я убедил их в этом. Они еще смогут вам пригодиться. Самой большой моей ошибкой было то, что я не объяснил вам всего этого, Но я просто не привык к этому. Я не привык ни принимать, ни давать советы.

— Я не хотел быть несправедливым...

— Но вы все-таки были несправедливы. И это странно. Я был единственным человеком на всей планете, поверившим вам безоговорочно. И я же оказался единственным человеком, которому вы отказали в доверии.

Он закрыл лицо руками и через минуту сказал:

— Я очень сожалею об этом. — Это было и извинение, и подтверждение согласия с тем, что я сказал.

— Дело в том, — сказал я, — что вы не хотите или не можете поверить в то, что я верю вам. — Я встал, чтобы расправить одеревеневшие ноги, и обнаружил, что я еще весь дрожу от гнева и усталости. — Научите меня вашей мыслеречи, — попросил я, стараясь говорить спокойно и без обиды, — этому языку, который не лжет. Научите меня этому языку, а потом спросите, для чего я сделал то, что сделал.

— Я очень бы хотел этого, господин Эстравен.

15. КО ЛЬДУ

Я проснулся. Мне все еще казалось странным и невероятным — просыпаться внутри темноватого конуса тепла и слушать, как мой рассудок подсказывает мне, что это — палатка, что я жив и что я уже не нахожусь на ферме Пулефен. Тут я проснулся окончательно, уже без ощущения необычайности происходящего, а только с чувством благодарности и спокойствия. Сев, я зевнул и попытался пальцами распутать взлохмаченные и спутанные волосы. Посмотрел на

Эстравена, лежащего рядом на своем спальнике на расстоянии вытянутой руки. На нем были только брюки, ему было слишком жарко в теплом воздухе палатки. Его лицо, так хорошо умеющее скрывать мысли, было открыто сейчас и свету, и моему взгляду. Выглядел он глупо, как любой спящий человек: округлое, с довольно резкими чертами лицо было спокойно, не напряженно и отсутствующе, капельки пота над густыми бровями усеяли лоб и верхнюю губу. Я вспомнил, как он стоял на помосте в Эргенранге, истекал потом под яркими лучами солнца, в парадном придворном наряде. Сейчас же я видел его полуобнаженным и беззащитным, в совсем другом свете, и я впервые увидел его таким, каков он есть.

Он проснулся поздно и с трудом. Наконец он, пошатываясь, встал, зевнул, натянул рубашку и высунулся из палатки, чтобы определить, что там за погода, а потом спросил меня, не хочу ли я выпить кружку орша. Когда же он увидел, что я сполз со своего ложа и заварил в котелке орш из той воды, которая со вчерашнего вечера оставалась в котелке в виде льда, он принял из моих рук кружку горячего напитка, чопорно поблагодарил меня и сел, чтобы выпить его.

— Куда мы пойдем дальше? — спросил я.

— Это зависит от того, куда вы хотите попасть, господин Ай, и какое путешествие будет вам под силу.

— А какая самая короткая дорога из Оргорейна?

— На запад, к побережью. Меньше пятидесяти километров.

— И что тогда?

— Гавани там замерзают или уже замерзли. Так или иначе ни один корабль не отправится зимой далеко. Хорошо бы где-нибудь укрыться и переждать до весны, когда торговые корабли отправятся к Ситу и Перунтеру. Ни один корабль не поплывет в Кархид, если будет по-прежнему в силе торговое эмбарго. Может, нам удастся отработать свой проезд на корабле. К сожалению, деньги у меня кончились.

— Есть ли какая-нибудь другая возможность?

— Да. В Кархид. По суше.

— А сколько это? Полторы тысячи километров?

— Да. Дорога неблизкая. Но мы не можем идти по дорогам. Нас остановит первый же встретившийся нам инспектор. Единственная дорога для нас — на север через горы, потом на восток через Гобрин и дальше до границы — над заливом Гутен.

— Через Гобрин, через ледник?

Он кивнул головой.

— Разве зимой это возможно?

— Я думаю, что да. Если, конечно, повезет. Как это бывает во всех путешествиях, совершаемых зимой. В каком-то смысле переход через Гобрин зимой даже более безопасен. Над большими лед-

никами, как вы знаете, обычно сохраняется хорошая погода, потому что лед отражает солнечные лучи и бури соскальзывают по его краям. Отсюда и легенды о стране в сердце метели. Это может нам помочь. Только это, и ничто кроме этого.

— Так вы серьезно думаете о такой возможности...

— Иначе похищать вас с фермы Пулефен не имело бы смысла.

Он по-прежнему был чопорен, уязвлен и мрачен. Наш вчерашний разговор произвел сильное впечатление на нас обоих.

— Следовательно, как я понял, вы считаете переход через Лед менее опасным и рискованным, чем ожидание весны для того, чтобы переправиться в Кархид морским путем?

— Одиночество, — лаконично пояснил он, кивнув.

Я некоторое время размышлял.

— Надеюсь, что вы хорошо уяснили себе мои слабые стороны. Я не так хорошо переношу холод, как вы, мне до этого далеко. Не умею хорошо ходить на лыжах и вообще нахожусь не в очень хорошей форме, хотя и в гораздо лучшей, чем еще несколько дней тому назад.

Он снова кивнул.

— Я думаю, что это может нам удастся, — сказал он с той абсолютной простотой, которую я так долго принимал за иронию.

— Хорошо.

Он посмотрел на меня и выпил свой чай. Наверное, это можно назвать чаем — орш из поджаренного зерна перм представляет собой кисло-сладкий напиток коричневого цвета, богатый витаминами А и С, оказывающий приятное легкое возбуждающее действие, по своему химическому строению родственный лобелину. В тех областях Зимы, где нет пива, есть орш, а там, где нет ни пива, ни орша, там нет и людей.

— Это будет очень трудно, — сказал он, оставляя кружку. — Очень трудно. Мы должны рассчитывать на удачу.

— Я предпочитаю погибнуть на Леду, чем в том дерьме, из которого вы меня вытащили.

Он отрезал кусок сушеного хлебного яблока, отдал половину мне и сидел, задумчиво жуя свой кусок.

— У нас должно быть больше провизии, — сказал он.

— А что будет, когда мы дойдем до Кархида? Что будет с вами? Ведь вам запрещено туда возвращаться.

Он посмотрел на меня своими темными глазами, так напоминающими мне глаза выдры.

— Думаю, что мне придется остаться по эту сторону.

— А если здесь узнают, что вы помогли бежать их узнику?

— Им совершенно не обязательно знать об этом, — сказал он, едва заметно улыбаясь. — Прежде всего нам нужно перейти через Лед.

И тут я не выдержал.

— Господин Эстравен, сможете ли вы когда-нибудь простить мне то, что я сказал вчера?..

— Нусут.

Он встал, дожевывая, надел хиеб, плащ, сапоги и, совсем как выдра, выскользнул из палатки. Уже будучи снаружи, он просунул голову внутрь палатки.

— Я могу вернуться поздно, а может, даже на следующее утро. Вы справитесь здесь сами?

— Да.

— Это хорошо.

И он исчез. Мне не доводилось еще встречать людей, так быстро и адекватно реагирующих на изменение ситуации, как Эстравен. Силы постепенно возвращались ко мне, и я готов был идти. У него завершился период танген, и с мгновения, когда это стало ясно, он уже действовал. Он никогда не горячился и не спешил, но всегда был готов к действию. Вне всякого сомнения, эта его способность являлась тайной причиной его необыкновенно удачной политической карьеры, от которой он отказался ради меня. Это объясняло и его веру в меня, и преданность моей миссии. Когда я появился на Гетене, он был готов к этому. Один он на всей планете.

А сам он считал себя человеком медлительным, плохо проявляющим себя в критических ситуациях.

Как-то он мне сказал, что, будучи человеком, соображающим медленно, он вынужден руководствоваться общим ощущением своего «везения», своего «счастья», и это чутье редко его обманывает. Говорил он об этом серьезно, и это вполне могло быть правдой. Предсказатели из крепости — не единственные люди на Зиме, умеющие предвидеть будущее. Они действительно приручили и вымуштровали, выдрессировали предчувствие, но не смогли тем самым повысить степень его вероятности. В этом отношении йомешта, последователи культа Меше, в такой же степени правы, как и последователи хандары: вполне возможно, что этот дар состоит не только и не столько в предсказании, сколько в способности увидеть, пусть даже на мгновение, все одновременно, увидеть совокупность всего сущего.

В отсутствие Эстравена я повернул регулятор мощности печурки до предела и впервые, уж не знаю, с каких пор, мне было наконец тепло. Я предполагал, что уже наступил терн, первый зимний месяц, с которого начинается очередной первый год начала летоисчисления, но в Пулефене я потерял счет дням и не знал, какой сейчас день.

Печурка была одним из тех великолепных и в высшей степени экономичных устройств, усовершенствованных гетенцами до невероятных пределов за многие тысячелетия непрерывающейся

борьбы с холодом. Разве что применение ядерной батареи могло бы дать лучшие результаты. Бионическая батарея обеспечивала непрерывное действие в течение четырнадцати месяцев, излучение было достаточно интенсивным, печурка использовалась для приготовления пищи, обогрева помещения и еще в качестве лампы. Без печурки мы не смогли бы пройти больше чем несколько десятков километров. Печурка должна была стоить Эстравену немалых денег, тех самых, которые я с таким выражением превосходства и покровительственного снисхождения вручил ему в Мишнори. Палатка из синтетической ткани, устойчивой к здешним климатическим условиям и хотя бы отчасти разрешающей проблему конденсации влаги, которая является прямо-таки наказанием при использовании палаток зимой; спальники, подбитые мехом пестри, теплая одежда, лыжи, санки, провизия — и все это самого лучшего качества, легкое, прочное — и дорогое. Если он отправился за дополнительным запасом провизии, то на что он собирался ее покупать?

Он не возвращался до самого вечера следующего дня. Я несколько раз выбирался из палатки потренироваться в ходьбе на снеговых ракетах. Я восстанавливал силы и упражнялся в хождении по горам на заснеженных склонах долины, в которой была укрыта наша палатка. Худо-бедно на лыжах я ходил, но эти снеговые ракеты явно были не моей специальностью. За пределы долины я выходить не решался, потому что боялся заблудиться. Это была дикая безлюдная местность, изрезанная ручьями и оврагами, внезапно на востоке вздымающаяся к увенчанным тучами вершинам гор. У меня было вполне достаточно времени, чтобы поразмышлять о том, что я буду делать здесь, в этой глуши, если вдруг Эстравен не вернется.

Он съехал, как заправский горнолыжник, по склону во все более сгущающемся сумраке, и остановился рядом со мной, грязный, уставший и тяжело нагруженный. На спине у него был огромный черный мешок, набитый доверху какими-то свертками и пакетами. Прямо тебе Санта-Клаус, пробирающийся через дымовую трубу на Земле, с мешком подарков для детишек на Рождество. В свертках и пакетах оказались сушеные хлебные яблоки, ростки кадика, бруски красного, твердого и глинистого на вкус сахара, который на Гетене получают из местной разновидности тростника.

— Как же вы все это добыли?

— Украд, — ответил бывший премьер-министр Кархида, грея замерзшие руки над печуркой, которую я не успел еще переключить на более низкую температуру; даже он замерз. — В Туруфе. Чуть было не сорвалось. — Это было все, что мне полагалось об этом знать. Он не гордился своим поступком и не был в состоянии смеяться над ним. Кража на Зиме считается очень тяжелым преступлением, хуже вора на Зиме может быть только самоубийца.

— Это будем использовать в первую очередь, — сказал он, пока я ставил котелок со снегом на печурку.

— Это ведь тяжелое. — Большинство припасов, добытых им раньше, состояло из так называемого «суперрациона», обогащенного питательными веществами, обезвоженной и спрессованной в кубики смеси, представляющей собой высококалорийную и занимающую мало места пищу, которая по-орготски называлась гичи-мичи, и мы тоже называли ее так, хотя разговаривали между собой, разумеется, по-кархидски. Этого продукта было у нас на шестьдесят дней при минимальной стандартной порции — полкилограмма ежедневно на человека. Когда мы оба умылись и поели, Эстравен, до позднего вечера просидел, производя при свете печурки расчеты, точно определяя, сколько чего у нас есть, как и когда наилучшим образом это следует использовать. Весов у нас, естественно, не было, поэтому расчет был довольно приблизительный. Но, используя в качестве единицы измерения стандартную пачку гичи-мичи. Эстравен, опять же хорошо зная, как и большинство генетцев, питательную ценность и калорийность всех продуктов, знал потребности собственного организма в различных условиях и мог достаточно точно оценить мои потребности. Знания такого рода на Зиме могут решить вопрос жизни и смерти.

Как только он закончил планировать наше пропитание, он забрался в спальник и мгновенно уснул. Ночью я слышал, как он бормочет сквозь сон цифры: дни, расстояния, вес поклажи...

Нам предстояло преодолеть около тысячи двухсот километров. Первые полторы сотни — на север или на северо-восток через леса, пересекая наиболее далеко выдвинувшиеся к северу отроги горного хребта Сембенсьен до огромного ледового массива, покрывающего обе части Большого Континента на север от 45 градусов северной широты, а местами спускающегося даже до 35 градусов. Одно из таких ледяных щупалец дотягивается до Огненных Холмов, последних вершин Сембенсьена, и это место являлось нашей первой и ближайшей целью. Там, среди горных отрогов, рассуждал Эстравен, мы сможем взобраться на ледяную кровлю, либо спустившись на нее со склона, либо карабкаясь по одному из языков ледника. Дальше нам предстояло идти уже по самому Льду, около девятисот километров на восток. Поблизости от залива Гутен, где Лед снова отступает на север, нам предстояло спуститься с него и пройти последние сто или сто пятьдесят километров на юго-восток через болота Шенши, которые к этому времени уже должны будут быть покрыты снегом и оказаться у кархидской границы. Трасса эта от самого начала до конца проходила далеко от всяких населенных пунктов или мест, пригодных для человеческого проживания. Там нам не угрожали встречи с инспекторами, и это, несомненно, было самым главным. У меня вообще не было документов, Эстравен же убедился, что его

документы не выдержат еще одной подделки. Так или иначе, хотя я и мог бы сойти за гетенца в случае, когда бы никто не ожидал никакого другого варианта, но у меня не было никаких шансов спрятаться от того бдительного ока, которое меня искало. С этой точки зрения путь, предлагаемый Эстравеном, был очень удобен.

С любой другой точки зрения этот путь представлял собой совершенно безумное предприятие.

Я не стал делиться этим своим мнением с Эстравеном, потому что абсолютно серьезно говорил о том, что если бы мне был представлен выбор, какого рода смертью я предпочел бы умереть, я предпочел бы умереть во время своего бегства из Пулефена. Эстравен, однако, рассматривал и иные возможности. На следующий день, который мы провели, чрезвычайно тщательно упаковывая наше имущество и устроявая его на санях, он сказал мне:

— Если бы вы вызвали сюда свой звездный корабль, как долго пришлось бы ждать его прибытия?

— От восьми дней до половины месяца, в зависимости от того, где именно он бы находился на своей околосолнечной орбите по отношению к Гетену. Он ведь мог бы находиться и по ту сторону солнца.

— Не раньше?

— Нет. Субсветовую скорость нельзя использовать в пределах Солнечной Системы. Корабль мог бы передвигаться исключительно с помощью реактивного привода, что потребует около восьми дней. А зачем?

Он затянул веревку и завязал ее, прежде чем ответить.

— Я подумал, может, стоит обратиться за помощью к вашему миру, если уж мой мир не выражает особого желания помочь. В Туруфе есть радиостанция.

— Мощная?

— Не очень. Ближе всего мощный передатчик есть или может быть в Кухумее, около шестисот километров на юг отсюда.

— Кухумей, кажется, довольно большой город?

— Четверть миллиона жителей.

— Хорошо бы как-нибудь было бы добраться до передатчика, а потом, скрываясь, как минимум, восемь дней, за которые весь Сарф был бы поставлен на ноги... Нет, не вижу никакого шанса.

Он кивнул.

Я вынес из палатки последний мешочек ростков кадика, устроил его в соответствующем месте на санках и сказал:

— Если бы я вызвал корабль в ту ночь в Мишнори, когда вы советовали мне это сделать, в ту ночь, когда меня арестовали... Но мой анзибл был у Оубсли, он и сейчас, наверное, у него.

— Может ли он им воспользоваться?

— Нет, даже случайно, непреднамеренно не сможет. Даже если

бы играл им и что-нибудь случайно включил. Настройка его очень сложна. Если бы я тогда им воспользовался!

— Да, если бы вы знали тогда, что игра закончена,— сказал он и улыбнулся. Этот человек был не из тех, кто жалеет о прошлом.

— Вы-то знали, как мне кажется. Только я вам не верил.

Когда сани были нагружены, на оставшуюся часть дня он устроил отдых для сбережения энергии. Лежал в палатке и что-то писал в маленьком блокноте своим мелким, быстрым, бегущим по вертикали кархидским письмом — то, что здесь было предведено в качестве предыдущей главы. На протяжении всего предыдущего месяца он не мог вести свой дневник, и это его раздражало; в этом вопросе он был очень пунктуальным. Ведение дневника, как мне кажется, было его долгом по отношению к семье — узы, невидимо соединяющие его с очагом Эстре. Обо всем этом я узнал гораздо позже, тогда же, в палатке, я не знал, что он там пишет, и сидел, либо смазывая лыжи, либо просто ничего не делал. Как-то я начал насвистывать какую-то мелодию и оборвал, не закончив фразы. У нас была только одна палатка, и если уж нам суждено было постоянно находиться в ней вместе, не доводя друг друга до безумия, несомненно, следовало соблюдать некоторую сдержанность в проявлении эмоций... Эстравен взглянул на меня, когда я засвистел, но без всякого раздражения, скорее задумчиво.

— Жаль, что я не знал о существовании вашего корабля в прошлом году... А почему вас прислали в этот мир одного?

— Первый посланец всегда прибывает в одиночку. Один чужак — это диковина, двое чужаков — это вторжение.

— Жизнь первого посланца не очень высоко ценится?

— Нет, как раз наоборот. Экумен высоко ценит каждую жизнь и поэтому предпочитает подвергнуть опасности одного человека, чем двух или двадцати человек. К тому же, посылать людей на такие огромные расстояния — очень дорогое и трудоемкое дело. А кроме того, я сам попросился на эту работу.

— В преодолении опасностей — честь и слава,— сказал он, очевидно, цитируя пословицу, потому что потом добавил спокойно: — Мы будем просто нашпигованы и честью, и славой, когда доберемся до Кархида...

И, слушая его, я верил, что мы действительно дойдем до Кархида, преодолев тысячу двести километров гор, ущелий, пропастей, ледника, вулканов, замерзшей грязи и воды, и все это пустынное, безлюдное, затерянное среди метелей, в сердце зимы, в самой середине ледникового периода. А он сидел и делал заметки в записной книжонке с той же упрямой и терпеливой скрупулезностью, которую я заметил у безумного короля, вмуровывающего на лесах замковый камень арки, и повторил: «Когда мы доберемся до Кархида...»

Его «когда» отнюдь не было некоей неопределенной надеждой. Он рассчитывал добраться до Кархида в четвертый день четвертого месяца зимы, архад аннер. Отправиться же в путь мы должны были завтра, в тринадцатый день первого месяца зимы, торменбод терн. Наши запасы еды, насколько можно было рассчитать, можно было растянуть на три гетенских месяца, то есть семьдесят восемь дней. Поэтому нам было необходимо проходить по восемнадцать километров в день, ежедневно в течение семидесяти дней и дойти до Кархида в день архид аннер. Это было определено. Нам больше ничего не оставалось, кроме как выспаться хорошенько.

Мы отправились в путь на рассвете, не на лыжах, а на снеговых ракетах. Ветра не было, шел негустой снег. Мы шли по бесса, мягкому; еще не слежавшемуся снегу, который лыжники на Земле называют пухом. Санки наши были тяжело нагружены, Эстравен определял их общий вес более ста пятидесяти килограммов. Нелегко было их тащить по этому рыхлому, пушистому снегу, хотя они были очень удобны, как хорошо спроектированная маленькая лодочка. Полозья были просто чудо, они были покрыты полимерной пленкой, уменьшающей трение почти до нуля, но это, естественно, не могло ничем помочь, когда санки зарывались в снежный пух целиком. При таком снеговом покрытии и постоянной необходимости то взбираться вверх, то съезжать вниз мы определили, что самое удобное, когда один из нас идет в упряжке и тащит сани, а второй в это же время подталкивает их сзади. Снег, мелкий и редкий, шел целый день. Мы дважды останавливались, чтобы наскоро перекусить. Вокруг нас, во всей этой холмистой пустыне, царила мертвая тишина. Мы шли, и вдруг наступил вечер. Мы остановились на ночлег в долине, очень похожей на ту, из которой мы сегодня утром отправились в путь, в белой котловине между двумя белыми холмами. Я так устал, что едва держался на ногах, и все-таки никак не мог поверить в то, что день уже прошел. Судя по показаниям счетчика расстояния, установленного на санках, мы прошли сегодня больше двадцати двух километров.

Если мы так неплохо прошли по рыхлому снегу, с полным грузом, по сильно пересеченной местности, где все долины, как нарочно, располагались поперек нашей трассы, то, наверное, будем еще лучше идти по Льду, где снежный покров плотный, поверхность ледника довольно ровная, а сани все больше теряют в весе. Моя вера в Эстравена до их пор была скорее вызвана доводами рассудка, чем искренним доверием. Теперь же я поверил ему безоговорочно.

— Вы уже когда-нибудь путешествовали так? — спросил я его.

— С санками? Да, часто.

— И на большие расстояния?

— Однажды, несколько лет тому назад, я прошел триста километров по льду в Керме.

Нижняя часть Керма, наиболее далеко на юг выдвинутый гористый полуостров кархидского субконтинента, так же, как и весь север, покрыта вечным льдом. Люди, населяющие Большой Континент Гетена, живут как бы в пространстве, ограниченном с двух сторон белыми стенами. Установлено, что дальнейшее уменьшение освещенности солнцем на восемь процентов привело бы к тому, что эти стены бы сомкнулись. И тогда не было бы ни земли, ни людей. Был бы только лед.

— А зачем?

— Любопытство, жажда приключений.— Мгновение поколебавшись, он скупно улыбнулся.— Увеличение степени сложности и напряженности поля разумной жизни,— добавил он, цитируя одну из моих экуменических максим.

— Понимаю. Вы сознательно тренировали эволюционную тенденцию, присущую бытию и выявляющуюся среди иных тенденций с помощью эксперимента.

Мы оба были довольны собой, сидя в теплой палатке, попивая горячий чай и ожидая, когда сварится похлебка из ростков кадика.

— Совершенно верно,— сказал он.— Нас было шестеро. Все были очень молоды. Брат и я из Эстре, еще четверо наших друзей из Юага Сток. Наше путешествие не имело никакой определенной цели. Мы хотели увидеть Туремандер, гору, которая возвышается над тем Льдом. Немногим людям доводилось видеть ее со стороны суши.

Еда была уже готова. Это было нечто совершенно иное, чем густое месиво из отрубей на ферме Пулефен. По вкусу это напоминало жареные каштаны на Земле и так приятно обжигало рот. Мне было тепло, и чувствовал я себя великолепно.

— Самые вкусные блюда на Гетене я всегда ел в вашем обществе, господин Эстравен,— сказал я.

— Но не на банкете в Мишнори.

— Да, увы, это так... Вы, наверное, ненавидите Оргорейн?

— Здесь мало кто понимает хоть что-нибудь в приготовлении пищи. Ненавижу ли я Оргорейн? Нет, почему же. Как можно любить или ненавидеть страну? Тайб, правда, ни о чем другом не говорит, но я этого не понимаю. Я знаю людей, знаю города, деревушки, холмы, реки и скалы. Я знаю, как осенью солнце садится за одним знакомым полем в горах, но какой смысл заключен в разделении всего этого границей и наделении этого кусочка земли именем, для того, чтобы перестать любить эту землю от той линии, той черты, за которой имя, данное этой земле, уже перестает быть ее именем? Что есть любовь к своей стране? Означает ли это ненависть ко всем остальным странам? В таком случае, в ней нет ничего хорошего. Может, это просто самолюбие? В таком случае, ничего плохого в этом нет, но тогда не следует превращать ее ни в добродетель,

ни в профессию. Я люблю холмы долины Эстре так же, как люблю жизнь, но такая любовь не знает границы, за которой начинается ненависть. А кроме того, я надеюсь, что я — несведущий. Несведущий в том смысле, как его понимает ханддара. Игнорировать, не ведать, не признавать абстракции, опираться на реальность.

В этом подходе, отношении к бытию было нечто женское: отрицание абстрактного, отвлеченной идеи, подчинение данности, нечто такое, что вызывало у меня неприязнь.

Однако он тут же добросовестно добавил:

— Человек, не питающий отвращения к плохой власти,— глупец. А если бы на свете существовало нечто такое, как хорошая власть, служить ей было бы большой радостью.

Здесь мы уже понимали друг друга.

— Мне кое-что известно об этой радости,— сказал я.

— Я так и думал.

Я ополоснул наши миски горячей водой и вылил эту воду через входной шлюз. Там, снаружи, было темно, хоть глаз выколи. Шел мелкий и редкий снег, становящийся видимым только в овальном снопе неяркого света, падающем из шлюза. Укрывшись в сухом тепле палатки, мы развернули свои спальники. Эстравен сказал мне что-то вроде: «Будьте добры, передайте мне миски, господин Ай», или еще что-то в этом роде, в ответ на что я спросил:

— Интересно, мы так и будем обращаться друг к другу «господин» во время всего нашего путешествия через Лед Гобрин?

Он посмотрел на меня и рассмеялся.

— Не знаю, как мне следует к вам обращаться.

— Меня зовут Генли Ай.

— Я знаю, но вы обращаетесь ко мне, употребляя имя моего клана.

— Потому что я тоже не знаю, как мне следует к вам обращаться.

— Харт.

— А я — Ай. К кому обычно обращаются по имени?

— К братьям по очагу или к друзьям.— Он говорил это — и уже был мыслями где-то далеко от меня, вне пределов моего присутствия,— находясь в полуметре от меня в палатке в два с половиной метра, и ничего с этим нельзя было поделать. Разве что-нибудь может быть более дерзким, чем искренность? Обескураженный, я поспешил нырнуть в свой спальник.

— Спокойной ночи, Ай! — сказал мне человек с другой планеты.

— Спокойной ночи, Харт! — ответил другой человек с другой планеты.

Друг. Кто же может считаться другом в мире, где любой друг по прошествии лунного месяца может превратиться в возлюбленную? Я, ограниченный и определенный своей неизменной принад-

лежностью к мужскому полу, не могу быть другом ни Терема Харта, ни какого-нибудь другого человека его расы. Ни мужчины, ни женщины, ни то и другое вместе, циклически изменяющиеся вместе с луной и меняющиеся от одного прикосновения руки, подкидыши в колыбели человечества, они не были плотью от плоти моей и кровью от крови моей, и не могло между нами быть ни дружбы, ни любви.

Мы заснули. Один раз я проснулся и услышал, как мягко и тяжело падает снег на нашу палатку.

Уже на рассвете Эстравен готовил завтрак. День обещал быть погожим. Мы уже упаковали свои пожитки и были готовы двинуться в путь, когда солнце позолотило верхушки низкорослых зарослей, обрамляющих края давшей нам приют котловины. Эстравен шел в упряжке, а я подталкивал и направлял санки сзади. На снегу начала уже намерзать твердая корочка наста, и на склонах, не поросших лесом, мы неслись, как будто участвовали в гонках собачьих упряжек. В этот день мы шли краем того леса, который граничил с фермой Пулефен, а на следующий день уже вошли в лес. Это был лес, в котором росли низкорослые, скрюченные, увешанные сосульками деревья торе. Мы не решились воспользоваться главной дорогой, ведущей на север, но временами мы могли продвигаться по лесным дорогам, ведущим в том же направлении, а так как в почти идеально содержащемся и ухоженном лесу не было ни подлесков, ни поваленных бурями деревьев, идти нам было легко. С того времени, как мы вошли в лес Тарренпет, нам меньше попадалось по дороге оврагов и крутых склонов. Вечером счетчик на санях показал тридцать километров, а мы устали меньше, чем вчера.

Единственное достоинство зимы на Зиме — долгие дни. Ось планеты всего на несколько градусов отклонена от плоскости эклиптики. Этого слишком мало, чтобы вызвать ощутимую разницу в погоде полугодий в низких географических широтах. Времена года здесь распространяются не на полушарие, а на всю планету и являются результатом того, что орбита Гетена имеет форму эллипса. На дальнем и свободном отрезке орбиты, в районе афелия, уменьшение количества попадающего на поверхность Гетена солнечного света нарушает и без того чрезвычайно сложные и от этого уязвимые климатические системы. Охлаждается то, что и так уже холодно, и холодное влажное, серое лето сменяется белой и бурной, вьюжной зимой. Более сухая, чем остальное время года, зима могла бы быть вполне приятной, если бы не морозы. Солнце, когда его не закрывают облака и тучи, находится высоко над горизонтом, нет того медленного исчезновения света, как в приполярных зонах на Земле, где холод и мрак обычно идут в паре. На Гетене зимы светлые — резкие, свирепые, но светлые.

Переход через лес Тарренпет занял у нас три дня. В последний

из этих дней Эстравен остановился и начал ставить палатку раньше обычного, чтобы успеть расставить силки на пестри. Пестри являются самыми крупными сухопутными животными на Зиме, они относятся к отряду яйцекладущих травоядных, величиной с лисицу, у них великолепный густой серый или белый мех. Эстравена сейчас интересовало их мясо, потому что мясо их пригодно в пищу. Сейчас как раз наступило время, когда пестри совершают свою ежегодную миграцию на юг. Они пугливы и так увертливы, что нам удалось увидеть их всего лишь два или три раза за все наше путешествие, но каждая полянка в лесу была испещрена бесчисленными их следами, и все эти следы вели на юг. Через пару часов ловушки Эстравена были полны. Он выпотрошил и разделил на четыре куса тушки шести животных, часть мяса повесил на холоде, чтобы оно замерзло, а остальное предназначил на ужин. Гетенцы не являются заядлыми охотниками, потому что не очень-то много на Гетене существует объектов для охоты. Раз нет крупных травоядных, то нет и крупных хищников, разве что в густо населенных всякой живностью морях. Гетенцы ловят рыбу и возделывают землю. Никогда до сих пор мне не приходилось видеть гетенца с окровавленными руками.

Эстравен с сожалением посмотрел на шесть белых шкур.

— Этого хватило бы на неделю проживания и на харчи трапперу. Жаль, что пропадут зря. — Он протянул мне одну из шкур, чтобы я ее пощупал. Мех был такой густой и нежный, что, дотрагиваясь до него, человек не был вполне уверен, что он действительно его уже коснулся. Наши спальники, плащи, капюшоны были подбиты таким же мехом, прекрасно защищающим от холода и очень красивым.

— Жаль их — на суп, — сказал я.

Эстравен бросил на меня короткий взгляд своих темных глаз.

— Нам нужен белок, — констатировал он и швырнул шкурки в снег, где за ночь руссы, маленькие хищные зверьки, нечто среднее между ужом и крысой, сожрут эти шкурки вместе с костями и внутренностями, а потом еще съедят и снег, пропитанный кровью.

Он был прав, как всегда, он был прав. Каждая пестри — это съедобное мясо, от полукилограмма до килограмма чистого веса. В этот вечер я съел свою половину котелка супа, а мог бы без труда съесть и вторую половину. На следующее утро, когда мы отправились в путь, я уже был вдвое более мощным двигателем для санок, чем накануне.

Мы начали подниматься в горы. Благодатный снег и кроксет, то есть безветренная погода при умеренных минусовых температурах, которые сопровождали нас в дороге через лес Тарренпет и помогали нам поскорее выбраться за пределы возможной погоны, теперь уступили место отвратительной температуре выше нуля и дождю.

Я начал понимать, почему гетенцы недовольны, когда зимой температура повышается, и радуются, если она падает. В городе дождь — неприятность, в путешествии дождь — несчастье. Всю первую половину дня мы втаскивали санки по склону Сембенсьена, под ногами у нас было месиво, ледяная каша из мокрого снега. После полудня на более отвесных склонах снега уже почти не осталось. Зато остались непрекращающиеся потоки дождя, километры грязи и щебня. Мы сняли с санок полозья, поставили колеса и шли дальше. Санки в качестве повозки могли довести до отчаяния, они ежеминутно застревали между камнями либо переворачивались. Сумерки наступили раньше, чем нам удалось найти подходящее для стоянки, укрытое от дождя и ветра место под скалой или какую-нибудь пещеру. Несмотря на все наши ухищрения, все было мокрым. Эстравен уже как-то говорил о том, что такая палатка, как наша, обеспечит нам удобное укрытие при любой погоде, при одном условии — что она будет сухой внутри.

— С того момента, когда промокнут спальники, организмом спящего будет расходоваться слишком много тепла, и поэтому тогда человек за ночь не высыпается и не отдыхает как следует. При наших скромных дневных рационах мы не можем себе этого позволить. Поскольку мы не можем рассчитывать на то, что нам удастся высушить их на солнце, нам ни в коем случае нельзя допустить, чтобы они промокли.

Я внимательно слушал его и пытался так же педантично, как он, следить за тем, чтобы внутрь палатки не попадали вода и снег. В палатке была только та влага, от которой невозможно избавиться, — пар от приготовления пищи и влага, испаряемая нашими телами. Но в этот вечер промокло все; прежде чем нам удалось поставить палатку. Мы потоптались у печурки в клубах пара, и вскоре у нас был готов густой суп из мяса пестри, горячий и питательный, почти компенсирующий всякую иную пищу. Счетчик на санках, игнорируя наши мучительные усилия, когда мы карабкались вверх по склону на протяжении целого дня, показал, что мы прошли сегодня только тринадцать километров.

— Первый день, когда мы не выполнили нашей ежедневной нормы, — сказал я.

Эстравен кивнул в ответ и ловким движением расколол берцовую кость пестри, чтобы достать из нее костный мозг. Он сбросил мокрую верхнюю одежду и сидел сейчас только в рубашке и брюках, босиком, расстегнув ворот рубашки. Мне же по-прежнему было холодно, слишком холодно, чтобы я мог снять плащ, хвост и сапоги. а он сидел, раскалывая мозговые кости, — аккуратный, опрятный, непреклонный, неподдающийся никаким обстоятельствам. С его плотных, как мех, волос, вода стекала, как с птичьих перьев. Капли воды, как с края крыши, падали ему на плечи, а он будто и не заме-

чал этого. И вообще он не выглядел удрученным или подавленным. Он был у себя дома.

Первая за последние несколько недель трапеза с настоящим мясом вызвала у меня легкие спазмы желудка, которые в эту ночь усилились. Я лежал в сырой темноте, прислушиваясь к мерному шуму дождя, и никак не мог заснуть.

За завтраком он сказал:

— Вы плохо спали сегодня.

— Откуда вы знаете? — спросил я, потому что он всю ночь спал глубоким сном, почти не шевелясь, даже когда я выходил из палатки.

Он посмотрел на меня опять тем же своим странным взглядом.

— Что с вами? — спросил он.

— Расстройство желудка.

Он поморщился.

— Это от мяса, — сказал он огорченно.

— Скорее всего.

— Это я виноват. Я должен был...

— Ничего подобного.

— Вы сможете идти?

— Да.

Дождь все шел и шел. Западный ветер с моря поддерживал довольно высокую температуру воздуха даже здесь, на высоте тысячи — тысячи двухсот метров. В серой мгле за пеленой дождя не было видно ничего уже на расстоянии четырехсот метров. Я даже не поднимал головы, чтобы посмотреть на горы, окружающие нас, — все равно вокруг был только дождь. Мы шли по компасу, направляясь на север, насколько позволяли расположение и крутизна горных склонов.

Здесь когда-то проходил ледник, то надвигаясь, то отступая на протяжении сотен тысяч лет. В гранитных склонах остались прорытые им длинные прямые борозды, в сечении имеющие форму латинской буквы «v». Иногда нам удавалось тянуть санки вдоль этих желобов, как по колейам.

Мне было легче, когда я тащил сани: в упряжке можно было согнуться, наклониться, а прилагаемое мною усилие меня согревало. Когда в полдень мы остановились, чтобы подкрепиться, я сидел совершенно больной, не мог есть, меня знобило. Мы отправились дальше. Дорога опять шла в гору. Дождь все шел, шел и шел. Где-то после полудня Эстравен нашел место для стоянки под нависшей огромной черной скалой. За то время, пока я освобождался от упряжки, он уже успел поставить палатку. Велел мне забраться в нее и лечь.

— Со мной все в порядке, — запротестовал я.

— Неправда, — сказал он. — Прощу вас войти внутрь.

Я повиновался, но мне не понравился его тон. Когда он вошел в палатку с нашими вечерними рационами, я сел, чтобы заняться приготовлением пищи, потому что была как раз моя очередь. Тем же повелительным тоном он сказал мне, чтобы я не вставал.

— Вы не должны мне так приказывать,— сказал я.

— Прошу прощения,— сказал он неубедительным тоном, стоя ко мне спиной.

— Я не болен, вы это понимаете?

— Нет, не понимаю. Если вы не хотите говорить правду, мне придется руководствоваться вашим видом. Вы еще не полностью восстановили свои силы после фермы, а дорога была тяжелая. Я не знаю, где находится предел ваших физических возможностей и выносливости.

— Я сообщу вам, когда до него дойду.

Меня задело, что он относится ко мне свысока. Он был на голову ниже меня, и сложение его было скорее женским, чем мужским, жировых отложений на нем было больше, чем мышц. Когда мы тащили сани вместе, мне приходилось сокращать, укорачивать шаг и притормаживать, чтобы приспособиться к его шагу, прямо тебе жеребец в одной упряжке с мулом.

— Значит, вы уже не больны?

— Нет. Я просто устал. И вы тоже.

— Да, это правда,— сказал он.— Я беспокоюсь о вас. Нам предстоит еще долгая дорога.

Да нет, он не выражал своего превосходства. Он думал, что я болен, а больные должны слушаться и подчиняться. Он был со мной искренним и от меня ожидал того же — такой же искренности, на которую, быть может, я вовсе не был способен. У него не было никакого представления о «мужественности», которое усложняло бы его чувства гордости и собственного достоинства.

С другой стороны, если он сумел отступить от своих привычных требований, касающихся шифгреттора, как это он сделал в отношениях со мной, то, может быть, и я мог бы поступиться хотя бы отчасти своим инстинктом соперничества, возникающим из чувства мужского достоинства, в котором он понимал так же мало, как и я в его шифгретторе...

— Сколько мы прошли сегодня?

— Девять километров...

На следующий день мы прошли одиннадцать километров, потом — восемнадцать, а еще через день мы вышли из дождя, туч и зоны, в которой можно было еще встретить людей. Это был девятый день нашего путешествия. Мы находились на высоте примерно двух тысяч метров над уровнем моря, на высоком плоскогорье, сохраняющем множество признаков горообразующей и вулканической деятельности. Мы находились среди Огненных Холмов горной

цепи хребта Сембенсьена. Плоскогорье это постепенно превращалось в долину, лежащую между двумя длинными хребтами. Когда мы подошли к устью долины, холодный северный ветер растрепал и разогнал остатки дождевых туч, открыв вершины, вздымающиеся справа и слева, — базальт и снег, мозаика черни и пронзительной белизны, представшая перед нами в ослепительных лучах внезапно появившегося солнца на ослепительно ясном небе. Перед нами, обнажившиеся от того же могучего прорыва ветра, расстилались внизу извилистые долины, покрытые льдом и валунами. Долины эти пересекала огромная стена — стена льда, и скользя взглядом все выше и выше, к самому верхнему краю стены, мы увидели Лед во всей его красе и величии, — ледник Гобрин, ослепительно белый, сияющий такой белизной, которой не могли выдержать глаза, и бесконечно простирающийся куда-то на север.

Тут и там из долин, засыпанных и заваленных осыпями, из ущелий, провалов и пропастей по краю этого гигантского ледяного поля вздымались черные вершины. Одна такая огромная пирамида возвышалась, поднимаясь из белой равнины до высоты вершин скальных ворот, в которых мы сейчас стояли, и из ее склона поднимался многометровый плюмаж черного дыма. А дальше виднелись еще и еще такие же вершины, черные, обожженные, как бы закопченные конуса на белом снегу. Разверстые огненные пасти дышали из льда дымом.

Эстравен стоял рядом со мной в упряжке, глядя на эту великолепную и неопишемую пустыню.

— Я счастлив, что дожил до такого часа, когда могу увидеть все это собственными глазами, — сказал он.

Я чувствовал то же, что и он. Хорошо, когда в конце путешествия есть цель, к которой ты стремишься, но ведь главное в конце концов — само путешествие.

Здесь, на северных склонах, дождя не было. Поля снега тянулись от перевалов к долинам морен. Мы убрали колеса, сняли чехлы с полозьев, встали на лыжи и пустились вниз, вперед, на север, в безмолвную пустыню Льда и огня, в бесконечность, на которой огромными черными буквами было написано на белом фоне через весь континент слово СМЕРТЬ. Санки ехали вниз сами собой, и мы смеялись от радости.

16. МЕЖДУ ДРАММЕРОМ И ДРЕММЕНГОУЛОМ

Одирни терн. Ай спрашивает меня из своего спальника:

— Что вы там пишете, Харт?

— Отчет.

Он смеется.

— Я должен вести дневник для передачи в архивы Экумена, но я не могу этого делать без помощи аппарата для записи речи.

Я объясняю ему, что мои пометки предназначены для клана Эстре, который, если сочтет необходимым, включит эти заметки в архив домена. Это разъяснение обратило мои мысли к моему очагу, и моему сыну; я пытаюсь отвлечься от них и спрашиваю:

— Ваш родитель... то есть ваши родители... еще живы?

— Нет,— отвечает Ай.— Их уже семьдесят лет как нет в живых.

Меня удивило это, потому что я бы не дал на вид своему спутнику больше тридцати лет, может, даже меньше тридцати.

— Разве у вас человеческий век иной продолжительности, нежели у нас?

— Нет. А, я понимаю. Это все временные скачки. Двадцать лет от Земли до Хайн-Давенанта, оттуда — пятьдесят лет — до Оллюла, от Оллюла до Гетена — семнадцать. Я жил вне Земли только семь лет, но родился там, на Земле, сто двадцать лет тому назад.

Когда-то давно, в Эргенранге, он объяснял мне, как время сокращается на кораблях, движущихся между звездами почти со скоростью света, но я как-то не связывал этого своего знания с продолжительностью человеческой жизни или с жизнью тех людей, которые остаются на родной планете. В то время, когда он жил несколько часов в одном из этих невообразимых кораблей, летящих от планеты к планете, все, кого он оставил дома, страдали и умирали, и дети их превращались в стариков...

— Я думал, что это я — изгнанник... — сказал я, помолчав.

— Вы ради меня, я ради вас,— сказал он и снова засмеялся — слабый; но вселяющий надежду голос в этой угнетающей тишине. Последние три дня, прошедшие после того, как мы спустились с перевала, были заполнены тяжелой и напрасной работой, но Ай уже не угнетен, как прежде, и не так оптимистичен. Он стал гораздо терпимее относиться ко мне. Возможно, это следствие освобождения организма от наркотиков, а может, мы просто научились идти в одной упряжке.

Целый день занял у нас спуск с базальтового острия, на которое мы вчера карабкались целый день. Снизу эта скала показалась нам подходящей дорогой на Лед, но чем выше мы поднимались, тем скала становилась все более гладкой и скользкой, и, наконец, крутизна стала такой, что мы не могли продвигаться дальше даже без санок. А сегодня мы снова у подножья этой скалы, на морене, в долине валунов. Здесь нет растительности, только скалы, осыпи, валуны, глина и грязь. Выступ-язык ледника сполз, сдвинулся с этого склона пятьдесят или сто лет тому назад, обнажив голые кости планеты, содрав с них плоть земли и трав. Там и тут из фу-

марол¹ выползает желтый туман и тяжело стелется над самой землей. В воздухе — резкий запах серы. Одиннадцать градусов, ветра нет. Я надеюсь, что сильных снегопадов, пока мы не пройдем этот тяжелый участок, не будет. Нам нужно добраться до выступа ледника, того, который мы увидели с хребта. Он лежит где-то в нескольких километрах от нас к западу. Выглядел этот выступ как широкая ледяная река, стекающая с плоскогорья между двумя вулканическими конусам, увенчанными султанами дыма и пара. Если нам удастся взобраться на этот выступ ледника со склона ближайшего к нам вулкана, он послужит нам дорогой на ледовое плоскогорье. Слева от нас на востоке виден меньший выступ-язык, спускающийся к замерзшему озеру, но он очень извилистый, и даже отсюда на нем видны огромные трещины, которые нам не преодолеть со всем нашим снаряжением и грузом. Мы решили, что будем пытаться одолеть язык ледника, расположенный между двумя вулканами, несмотря на то, что, отправляясь к нему на запад, мы потратили два дня, как минимум — один, чтобы дойти до этого выступа, а второй — чтобы наверстать это отступление от главного направления.

Оппорте терн. Идет несерем, мелкий редкий снег при умеренном ветре, легкая метель. Идти невозможно. Мы оба спали целый день. Мы тащим санки уже почти полмесяца. Этот сон нам очень пригодится.

Отторменбод терн. Несерем. Хватит спать. Ай научил меня играть в земную игру под названием «го», в которую играют на поле, расчерченном на квадраты, с помощью маленьких камешков. Велоколепная, сложная игра. Как он заметил, чего-чего, а камешков для этой игры здесь более чем достаточно.

Он переносит холод вполне хорошо. Если бы для этого было достаточно смелости, отваги, то он чувствовал бы себя, как червяк, живущий в снегу. Выглядит он довольно странно: закутанный в хиб и плащ с надвинутым на чуть ли не до половины лица капюшоном, когда всего лишь несколько градусов мороза; но когда мы тащим санки и вдруг выглядывает солнце или ветер вдруг утихнет, он сразу же сбрасывает плащ и потеет так же, как если бы он был одним из нас, жителей Гетена. Нам приходится искать компромисс в вопросе обогрева палатки. Он хочет, чтобы было жарко, а я хочу, чтобы было холодно, а комфорт для одного может означать воспаление легких для другого. Мы выбираем нечто среднее, и он дрожит от холода, пока не заберется в спальник, а я, лежа в спальнике, истекаю потом. Однако, если принять во внимание, какие расстояния мы преодолели, прежде чем оказались в этой

¹ Трещины на склонах вулкана, стенках и дне его кратера, а также на корке засыпавших потоков лавы, из которых выделяются газы и водяной пар.

палатке вместе, то и это можно считать большим достижением.

Гетени танерн. Погода после метели, ветер утих, температура около десяти градусов на протяжении всего дня. Мы находимся в нижней части западного склона ближайшего к нам вулкана. На моей карте Оргорейна указано его название — Дременгоул. Его приятель-напарник по другую сторону левой реки называется Драммер (барабанщик). Карта никуда не годится. На западе виднеется большая гора, которая на карте не обозначена вообще, все пропорции и соотношения искажены. Похоже, орготы не очень часто заглядывают сюда, на свои Огненные Холмы. Честно говоря, зачем сюда заглядывать, разве что полюбоваться необыкновенными, великолепными, хотя и мрачными пейзажами. Сегодня прошли семнадцать километров. Тяжелая работа — все время голая скала. Ай уже спит. Я подвернул сегодня ногу, дергаясь, как дурак, когда нога моя застряла между двумя валунами, и всю вторую половину дня хромал. Надеюсь, что за ночь это пройдет. Завтра мы должны ступить на ледник.

Наши запасы провизии уменьшаются как-то удивительно быстро. Но это потому, что мы в первую очередь ели те продукты, которые занимали больше всего места. У нас было около пятидесяти килограммов не подвергнутой какой-то первичной обработке провизии, половину этого количества составляли те продукты, которые я украл в Туруфе. Тридцать килограммов из этого количества было израсходовано за пятнадцать дней путешествия. Я начал включать в рацион гичи-мичи по полкилограмма ежедневно, оставив два мешка ростков кадика, немного сахара и коробку сушеных рыбных хлопьев на потом, чтобы немного разнообразить нашу еду. Я доволен, что мы уже израсходовали эти тяжелые продукты из Туруфа. Теперь легче тащить санки.

Сордни танерн. Несколько градусов ниже нуля, идет дождь со снегом. Ветер сильно дует вдоль ледовой реки, как сквозняк в тоннеле. Мы поставили палатку метрах в четырехстах от края, на длинном и ровном участке фирна¹. Дорога со склона Дременгоула была крутой и коварной, пришлось идти по голым скалам и осыпям. Край ледника так иссечен трещинами и засыпан щебнем и камнями, вмерзшими в лед, что мы попытались здесь тоже тащить санки на колесах. Едва мы успели пройти сто метров, как колесо заклинило между камнями и погнулась ось. Теперь у нас остались только полозья. И сегодня мы прошли только шесть километров, да и то не в том направлении, что нам нужно. Мне кажется, что язык ледника длинной дугой идет на запад и вниз, на плоскогорье Гобрин.

¹ Зернистый лед, встречающийся в горных областях выше снеговой границы и в полярных странах, образующийся в результате преобразования снежного покрова под давлением вышележащих слоев, а также поверхностного таяния.

Здесь, между вулканами, ширина его — около шести километров, дорога по середине его не должна быть слишком сложной, хотя он изрезан трещинами гораздо сильнее, чем я предполагал, а поверхность его подтаяла.

Драммер — вулкан действующий. Изморось, замерзающая на губах, имеет отчетливый привкус дыма и серы. На западе весь день в воздухе висит мгла, которая видна даже сквозь завесу дождя, под низко нависшими дождевыми тучами. Время от времени все вокруг: тучи, замерзающий дождь, лед и воздух — все становится мутно-красным, а потом постепенно принимает свой обычный вид и серый цвет. Ледник ощутимо дрожит под ногами.

Эскивче рем ир Гер выдвинул предположение, что вулканическая деятельность в северо-восточном Оргорейне и на Архипелаге усиливается на протяжении последних десяти или, может быть, двадцати тысячелетий, что предвещает конец Льда или, во всяком случае, сильное его отступление на север и наступление межледникового периода. Непрерывно выделяемая вулканами в атмосферу двуокись углерода, CO_2 , со временем начнет действовать как изоляционная прослойка, задерживающая длинноволновое тепловое излучение, отражаемое поверхностью планеты, но беспрепятственно пропускающая солнечное излучение. Средняя температура вследствие этого должна была бы повыситься примерно на восемнадцать градусов, достигая двадцати градусов тепла. Я рад, что меня при этом уже не будет. Ай утверждает, что подобные теории выдвигались и земными учеными для объяснения неполного отступления у них последнего из оледенений. Но всяческие теории такого рода вообще не в состоянии что-либо доказать или что-либо опровергнуть. Никто не знает с абсолютной точностью и не может быть абсолютно уверен в том, что ему известны причины, почему лед приходит и почему он отступает. Снег нашего неведения остается девственно чист.

Над Драммером сейчас во тьме пылает зарево, заставляющее низкие тучи отсвечивать тусклым багрянцем.

Эпс танерн. Счетчик показал, что мы прошли сегодня двадцать пять километров, но если считать продвижение по прямой, то мы вряд ли отошли более чем на двенадцать километров от места нашего последнего ночлега. Мы все еще находимся на ледовом перевале между двумя вулканами. Драммер, как и полагается действующему вулкану, демонстрирует свою активность. Огненные змеи сползают с его черных склонов, они хорошо видны, когда ветер ненадолго рассеивает клубящиеся тучи пепла, дыма и белого пара. Воздух наполнен непрерывным свистящим воем, таким оглушительным и непрерывным, что он становится как бы неслышимым, когда останавливаешься, чтобы к нему прислушаться, и тем не менее он заполняет каждую клетку твоего существа. Ледник дрожит и сотря-

сается, трескается и лопается, содрогается под нашими ногами. Все снежные мосты, которые метель могла перебросить через расщелины, оказались сброшенными, стряхнутыми вибрацией и толчками льда и земли, скрытой подо льдом. Мы ходим туда и обратно вдоль нескончаемой расщелины, которая угрожает поглотить целиком наши сани, потом отыскиваем конец следующей расщелины и вынуждены постоянно двигаться, как челнок, с востока на запад и обратно, пытаясь при этом все-таки продвигаться на север. Дре-менгоул из солидарности с родовыми муками Драммера тоже стонет и испускает вонючий дым.

Ай серьезно обморозил себе лицо сегодня перед полуднем. Нос, уши и подбородок у него были мертвенно-серыми, когда я случайно взглянул на него. С помощью массажа я восстановил кровообращение в обмороженных участках лица, и я надеюсь, что никаких нежелательных последствий не будет, но нам обоим следует быть осторожнее. Ветер, несущийся нам навстречу со Льда, надо признаться себе в этом, смертоносен, и он дует нам прямо в лицо, когда мы тащим санки.

Мне будет спокойнее, когда мы сойдем наконец с этого иссе-ченного трещинами и собранного в складки языка льда между двумя рычащими чудовищами. Горы должны быть видны, а не слышны.

Архад танерн. Слегка идет суув, температура между —7 и —10, прошли сегодня около восемнадцати километров, из них семь — не напрасно. Ледяная стена на север стала значительно ближе. Теперь стало видно, что наша ледовая река имеет много-километровую ширину, а то, что мы принимали за «руку», всего лишь один «палец» и мы сейчас находимся на тыльной поверхности «ладони». Если оглянуться назад, стоя на месте нашего лагеря, видно, что ледовая река разделена, разорвана, искривлена черными дымящимися вершинами, преграждающими ей путь. Если же смотреть вперед, то видно, как эта река расширяется, поднимается вверх и слегка извивается, огромная по сравнению с черными скалистыми хребтами, и наконец сливается со стеной из льда высоко над завесой туч, снега и дыма. Вместе со снегом падает на землю пепел и шлак, куски которого впаяны в лед или просто покрывают его. Неплохое покрытие для пешего марш-броска, но не очень подходящее для саней, полозья которых нуждаются в новом защитном слое. Несколько раз вулканические бомбы падали совсем близко от нас. Они громко шипели и выталкивали вокруг себя во льду углубление, мелкие куски шлака барабанили по пластиковому чехлу, покрывающему груз на санках. Мы ползем бесконечно медленно на север через грязь: хаос происходящего на наших глазах сотворения мира. Да святится во веки веков вечно длящееся Созидание!

Нетерхад танерн. С самого утра — никаких осадков, пасмурно

и ветрено, около восьми градусов мороза. Огромный разветвляющийся язык ледника, по которому мы движемся, вползает в долину с запада, а мы находимся на ее восточном конце. Драммер и Дременгоул уже находятся у нас за спиной, хотя острый гребень Дременгоула по-прежнему виден на востоке почти на уровне глаз. Мы доплелись до места, где нам нужно решить, идти ли по длинной, сворачивающей на запад дуге, которую описывает ледовая река, и вместе с ней постепенно подняться на плоскогорье ледника, или взбираться на ледяной обрыв, находящийся в полутора километрах к северу от сегодняшней стоянки и не тащить санки эти тридцать или сорок километров, решившись рискнуть.

Ай предпочитает рискнуть.

Есть в нем какая-то хрупкость. Он весь какой-то беззащитный, обнаженный, чувствительный, так же как и его половой орган, который он всегда вынужден носить снаружи. Но в то же время он сильный, невероятно сильный. Я не знаю, смог бы он тащить наши сани дольше меня, но зато он может тащить их сильнее и быстрее, в два раза сильнее, чем это могу сделать я. Он может приподнять санки спереди или сзади, когда нужно преодолеть какое-то препятствие. Я бы не смог поднять и удержать на весу такую тяжесть, разве что находился бы в доте. К этой его хрупкости и силе ему дан и соответствующий дух, легко впадающий в отчаяние и всегда готовый к сопротивлению: внезапная, бурная, нетерпеливая храбрость. Медленная, тяжелая, неэффективная работа, которую мы сейчас выполняем, обессиливает его тело и его волю, и если бы он был человеком моей расы, я был бы вынужден счесть его трусом, но он совсем не трус. У него всегда наготове такая смелость, такое удалство, каких я никогда в жизни до сих пор не встречал. Он всегда готов, более того, он стремится к тому, чтобы рискнуть жизнью в быстрой, немедленной и беспощадной попытке либо победить, либо погибнуть.

«Огонь и страх — это хорошие слуги, но плохие хозяева». Для него страх — действительно слуга. Я бы позволил своему страху, чтобы он вел меня более долгой дорогой. Смелость и разум — на его стороне. Что могут дать поиски безопасной дороги в таком путешествии, как наше? Есть неразумные дороги, которыми я не пойду, но безопасных дорог не существует.

Стрет тенерн. Нам не везет. Не удалось втащить санки наверх, хотя мы потратили на это целый день. Ветер несет снег соув, смешанный с пеплом. Весь день было темно, потому что ветер с запада нес в нашу сторону дым Драммера. Здесь, наверху, вибрация льда осуществляется менее сильно, но когда мы пытались подняться по ледяной стене, мощный толчок сдвинул санки с того места, где мы их закрепили, и я тоже сполз метра на два, но Ай держал хорошо, и его сила предотвратила наше падение вниз с высоты около шести

метров, а может, и больше. Если один из нас сломает руку или ногу, совершая эти подвиги, то это будет, скорее всего, означать конец нам обоим. Именно в этом и состоит риск, и довольно неприятный, если хорошенько вдуматься. Нижнюю часть ледниковой долины застилает белый пар, там, внизу, лава соприкасается со льдом. Путь назад отрезан. Завтра попытаемся подняться в другом месте, западнее.

Берни танерн. Нам не везет по-прежнему. Приходится идти дальше на запад. Целый день темно, как в сумерках. Легкие у нас болят не от холода (температура не падает ниже минус пятнадцати даже ночью при этом западном ветре), но от вдыхания вместе с воздухом пепла и вулканических испарений. К концу этого второго дня бесплодных усилий взобраться на ледяные обрывы и осыпи с тем, чтобы после каждой попытки снова оказаться лицом к лицу с неуступчивой стеной, перед жесткой необходимостью предпринимать дальнейшие попытки и, конечно, снова неудачные. Ай был измучен и взбешен. Выглядел он так, как будто сейчас расплачется, но, разумеется, не плакал. Кажется, он считает, будто плач — это что-то плохое или постыдное. Даже, когда он был еще очень болен и слаб, в первые дни после побега, он скрывал от меня свои слезы. Причины этому могли быть самые различные: расовые, личные, общественные, социальные, сексуальные, — откуда мне знать, почему ему нельзя плакать? А ведь его имя — это крик боли. Когда я первый раз нашел его в Эргенранге (мне сейчас кажется, что это было очень давно), я уже что-то слышал о «чужом» и спросил его имя и в ответ услышал крик боли, вырывающийся из человеческого горла среди ночи. Сейчас он спит. Его плечи время от времени судорожно вздрагивают, это результат мышечного перенапряжения. Мир, окружающий нас — лед и скалы, пепел и снег, огонь и тьма, — дрожит, сотрясается и ворчит. Минуту тому назад я выглянул наружу и увидел отсвет вулканического пламени, который тускло-красным цветом, распускающимся на низко нависшем над тьмой броске тяжелых темных туч.

Орни танерн. Опять неудача. Двадцать второй день нашего путешествия — и, начиная с десятого дня, мы не продвинулись на восток ни на шаг; более того, мы напрасно сделали тридцать или даже больше километров на запад. С восемнадцатого дня мы вообще не продвинулись никуда и с таким же успехом вообще могли бы не трогаться с места. Если нам когда-нибудь удастся попасть на Лед, хватит ли нам пищи, чтобы пересечь его? От этой мысли трудно избавиться. Темнота и вулканический дым очень ограничивают видимость, что сильно усложняет выбор пути. Ай готов штурмовать ледяную стену в любом месте, где есть хотя бы малейший намек на скальный уступ, полку, выступ. Он нетерпелив, его раздражает моя осторожность. Мы должны управлять своими чувствами

и настроениями, держать себя в руках. Через день или два у меня начнется кеммер, и психологическое напряжение возрастет в еще большей степени. А пока мы расшибаем себе лбы, когда бьемся головами о ледяную стену, задыхаясь от холодного воздуха полам с пеплом. Если бы я писал новый канон Йомеш, я бы посы­лал сюда после смерти воров. Воров, которые по ночам крадут в Туруфе мешки с провизией. Воров, которые крадут у людей душу и имя, обрекая их на позор и изгнание. Мысли эти тяготят меня. Надо вычеркнуть этот фрагмент, но это потом, сейчас я слишком устал, чтобы к этому возвращаться.

Хархахад танерн. Мы на Льду. Двадцать третий день нашего путешествия. Мы находимся на Льду Гобрин. Как только мы сегодня утром отправились в путь, мы почти сразу же в нескольких сотнях метров от места нашей стоянки увидели дорогу, ведущую прямо на Лед,— широкую, извилистую, вымощенную шлаком, пеплом и камнями из ледниковых осыпей, настоящее шоссе через крутой откос. Мы пошли по ней, как по бульвару над Сесс. Вот мы и на Льду. И снова мы идем на восток, домой.

Я тоже, как и Ай, рад нашему достижению. Если трезво смотреть на вещи, тут ничем не лучше, чем было до сих пор. Мы находимся на самом краю ледового плоскогорья. Трещины, некоторые из которых так огромны, что в них могла бы провалиться сразу целая деревня — не по одному дому, а вся целиком,— тянутся в сторону суши на юг и на север так далеко, насколько видно глазу. Большинство из этих трещин пересекает нашу дорогу, поэтому и мы вынуждены идти, следуя им, на север, вместо того, чтобы идти на восток. Характер поверхности нам тоже не благоприятствует. Мы протаскиваем санки между большими валунами и обломками льда, вытолкнутыми на поверхность огромным давлением гигантского ледового щита на Огненные Холмы. Обломки камней имеют самую причудливую и странную форму, они напоминают развалины башен, торсы безногих гигантов, катапульти. Лед, обычно имеющий толщину около полутора километров, здесь утолщается, вспучивается; громоздится все выше и выше, пытаясь подмять под себя горы и задушить, заткнуть огненные пасти. В некотором отдалении к северу из льда вырастает еще одна вершина — острый, аккуратный, изящный и нагой конус молодого вулкана, который моложе ледовой плиты на тысячу лет, а плита эта, давя и сокрушая все своей тяжестью, громоздилась, вползая на могучие хребты и вершины, на почти двухкилометровую высоту невидимых подо льдом круч.

В этот день, оглянувшись, мы видели дым Драммера, висящий у нас за спиной, как серо-коричневое продолжение Льда. У самой поверхности ледника постоянно сохраняющий свое направление ветер дует с северо-востока, очищая воздух от сажи и смрада, издаваемого внутренностями планеты, которыми мы дышали много

дней, прижимая дым за нашими спинами, как темное покрывало, скрывающее от взгляда ледник, нижнюю часть гор, каменные долины и все остальное, всю остальную землю. Нет ничего, кроме Льда, говорит Лед. Но этот молодой вулкан, расположенный севернее, похоже, имеет на этот счет свое мнение.

Снег не идет, тонкая пелена высоко расположенных туч, — 21 градус мороза на рассвете, уже на плоскогорье. Под ногами — смесь фирна, старого льда, молодого льда. Молодой новый лед — предательская поверхность, гладкое голубое стекло слегка присыпано белым пухом. Мы оба падали на нем бесчисленное число раз. Один раз я на животе проехал метров пять по такому катку. Ай от смеха чуть не выпал из упряжки. Потом он долго извинялся и объяснил, что до сих пор считал себя единственным человеком на всем Гетене, который не может устоять на льду на ногах и кувыркается на нем, как брошенный камень.

Сегодня пройдено тринадцать миль, но если мы будем пытаться сохранить этот темп среди этих трещин и нагромождений льда и камней, то измотаемся так, что с нами будут происходить случаи похуже, чем катание по льду на животе. Луна во второй четверти, висит низко над горизонтом, красная, как засохшая кровь, вокруг нее — большое коричневатое переливающееся гало, светящийся круг.

Гуйрни танерн. Слабый снег, усиливающийся ветер и понижающаяся температура. Сегодня снова тринадцать миль, что в сумме дает 384 километра от той точки, где был разбит первый лагерь. В среднем мы до сих пор проходили по 16 километров в день, почти 17,5, если не считать двух дней, когда мы пережидали снежную бурю. От 100 до 150 километров из них не приблизило нас к цели ни на километр. Мы сейчас не ближе к Кархиду, чем в начале пути. Но я думаю, что наши шансы до него добраться все-таки сейчас больше, чем в начале. С тех пор, как мы выбрались из вулканического мрака, мы уже не живем единственно трудом и заботами. Наши беседы в палатке после ужина возобновились. Поскольку я сейчас нахожусь в кеммере, мне легче было бы игнорировать присутствие Ая, но сделать это в двухместной палатке не так уж просто. Сложность состоит в том, что он тоже, правда, по-своему, довольно странным образом, находится в кеммере, всегда и постоянно — в кеммере. Наверное, это довольно странно — влечение и вождление, растворенные во времени, распределенные на все дни года и лишённые возможности выбора пола, но какие есть, такие есть, а тут еще и я. Сегодня вечером пронзительное физическое ощущение его присутствия было особенно невыносимым, а я слишком устал, чтобы быть в состоянии войти в не-транс либо нейтрализовать его какой-либо иной техникой и приемами ханддары. В конце концов он спросил меня, не обидел ли он меня чем-нибудь. Смутив-

шись, я объяснил ему причину моего молчания. Я опасался, что он будет смеяться надо мной. В конце концов, он в такой же мере курьез, прихоть природы, монстр, отклонение от сексуальной нормы, как и я. Здесь, на Льду каждый из нас является чем-то уникальным в своем роде, исключением из правила, единичным случаем. Я точно так же здесь изолирован от себе подобных, от своего общества с его принципами, как и он — от своего. Здесь нет миллионов других гетенцев, которые бы своим существованием объяснили и обосновывали и мое существование. Мы здесь равны, наконец-то равны — оба одинокие и чужие друг другу. Конечно же, он не смеялся. Наоборот, он говорил со мной с таким пониманием и такой нежностью, которых я у него не подозревал. Через некоторое время он тоже начал говорить об изолированности и одиночестве.

— Ваша раса поразительно одинока в своем мире. Нет, кроме вас, ни одного вида млекопитающих. Нет и больше ни одного другого вида обоеполых существ, истинных гермафродитов по своему анатомическому и физиологическому устройству или менее крупного животного, достаточно высокоразвитого. Эта уникальность, несомненно, должна каким-то образом влиять на ваш образ мышления. Я имею в виду не только научное мышление, хотя вы обладаете необычайным даром построения гипотез. Это поразительно, что вам удалось построить концепцию эволюции, тогда как между вами и всем остальным животным миром лежит непреодолимая пропасть. То же относится и к философскому, и к эмоциональному аспекту вашего существования — такое одиночество и обособленность в таком неприязненном и негостеприимном мире. Это не может не оказывать влияния на ваше мировоззрение.

— Йомешта, последователи культа Йомеш, сказали бы, что уникальность человеческого существа объясняется его божественным происхождением.

— Клянусь богами Земли, это действительно так. Иные культы в иных мирах пришли к тому же выводу. Как правило, это культы динамичных, агрессивных, разрушающих экологию культур. Оргорейн определенным образом, в какой-то мере тоже соответствует этому определению. Во всяком случае, они производят впечатление, что они все-таки решились изменить положение вещей, даже посредством применения силы. А что говорят хандарата?

— Ну что ж, в хандаре... как вам известно, в ней нет теории, нет догмата... Может быть, для них пропасть между людьми и животными менее реальна и существенна, потому что они в большей степени сосредотачиваются на подобии, тождестве, сходстве, связях, узлах; на совокупности, составляющими частями которой являются все живые существа.

Целый день у меня в голове звучали слова из «Песни Тормера», и я повторил вслух:

Свет есть девая рука тьмы,
А тьма — правая рука света.
Двое — это одно, жизнь и смерть сплетены воедино,
Как двое в кеммере,
как встретившиеся ладони,
как дорога и цель.

Голос у меня дрогнул, когда я произносил эти строки, потому что мне вспомнилось, что брат мой в последнем своем предсмертном письме привел эти же слова.

Ай задумался и через минуту сказал:

— Вы изолированы и нераздельны. Может быть, вы одержимы идеей единства, целостности в такой же степени, как мы одержимы идеей дуализма, двойственности.

— Мы тоже дуалисты. Ведь двойственность является совершенно необходимым условием, до тех пор, пока существуют понятия «я» и «тот, другой, не я».

— Я и вы,— сказал он.— Да, это нечто гораздо более существенное, чем дол...

— Вы можете мне объяснить, чем отличается тот, другой пол вашей расы от вас?

Он растерянно взглянул на меня, и я должен признаться, что мой вопрос застал врасплох меня самого — кеммер иногда извлекает такие штуки из человека. Мы оба были смущены и растеряны.

— Мне это не приходило в голову,— сказал он.— Ведь вы никогда не видели женщины.— Он употребил здесь слово из своего земного языка, которое я уже знал.

— Я видел их на ваших фотографиях. Они выглядели, как гетенец в положении, как беременный гетенец, только груди у них большие. Сильно ли они отличаются от вашего пола мышлением и поведением? Может, они представляют собой что-то вроде отдельной разновидности?

— Нет. Да. Нет, конечно, нет, не так, разумеется. Но существует очень важное отличие. Наверное, самая главная вещь, самый значимый фактор в жизни человека — рождается ли он мужчиной или женщиной. В подавляющем большинстве обществ именно это определяет надежды, занятия, взгляды, этику, манеры — практически все. Способ выражения мыслей, словарь, манера одеваться. Даже там, где женщины наравне с мужчинами принимают участие в общественной жизни, все равно только они рожают детей и выполняют большинство работ, связанных с их воспитанием...

— Следовательно, равенство не является основным принципом? Уступают ли женщины в умственном развитии мужчинам?

— Не знаю. Среди них редко встречаются математики, композиторы, изобретатели или абстрактные мыслители. Но это не значит, что они глупее мужчин. Физически они более слабые, но более выносливые, чем мужчины. Психологически...

Он долго всматривался в светящуюся печурку, наконец, покачал головой.

— Харт,— сказал он,— я не могу рассказать вам, каковы женщины. Мне не приходилось много размышлять об этом в плоскости абстрактных, отвлеченных категорий, и вы знаете, сейчас уже, я, кажется, совсем забыл, какие они. Я ведь здесь уже почти два года... Вам это непонятно. В определенном смысле женщины для меня существа гораздо более чуждые, чем вы. С вами меня объединяет хотя бы принадлежность к одному и тому же полу.— Он отвел взгляд и рассмеялся смущенно и виновато. Мною тоже овладевали противоречивые чувства, и мы не продолжили этой темы.

Ирни танерн. Сегодня пройдено двадцать семь километров на северо-восток на лыжах. После часа ходьбы мы выбрались из зоны нагромождения камней и трещин. Сегодня шли в упряжке оба, я — впереди с шестом, но уже не было необходимости проверять надежность поверхности, по которой мы шли. Слой фирна толщиной в несколько десятков сантиметров на довольно ровной поверхности льда. Ни санки, ни мы уже не проваливались, а поверх фирна — более десяти сантиметров плотного свежавывавшего снега, подарок последнего снегопада, тоже с хорошей поверхностью. Санки шли очень легко, даже трудно было поверить, что на каждого из нас приходится больше пятидесяти килограммов груза. После полудня мы тянули санки поочередно, и это было очень легко на этой великолепной поверхности. Жаль, что тот самый трудный участок пути, вверх по склону и по камням, попался нам как раз тогда, когда груз наш был наиболее тяжелым. Теперь мы идем с гораздо более легким грузом. Я беспокоюсь о провианте. Питаемся мы, как выражается Ай, эфиром. На протяжении целого дня мы шли легко и быстро по ровной ледяной поверхности, мертвенно-белой под серо-голубым небом, на фоне которого были видны несколько вершин-нунатаков теперь уже далеко позади за нами, а еще дальше — темная полоса, дымное дыхание Драммера. И больше ничего — только тусклое солнце и лед.

17. ОРГОТСКИЙ МИФ О СОТВОРЕНИИ МИРА

Происхождение мифа очень древнее, существует несколько различных вариантов. Этот, наиболее древний, обнаружен в тексте, относящемся к периоду, предшествующему возникновению культа Йомеш, найденном в пещере святыни Айзенпет в стране Гобрин,

В начале не было ничего, был только лед и солнце. За много-много лет солнце своими лучами протаяло во льду огромную трещину. У этой трещины не было дна, а на ее стенах были огромные человеческие фигуры из льда. С тех фигур на стенах ледовой про-

пасти стекали вниз капли воды. И одна из фигур произнесла: «Я истекаю кровью». Вторая сказала: «Я плачу». А третья сказала: «Я потею».

Ледяные фигуры вышли из пропасти и остановились на ледовой равнине. Та, которая сказала: «Я истекаю кровью», потянулась рукой к солнцу, вытащила из его внутренностей горсть дерьма и сделала из этого дерьма горы и долины земли. Та фигура, которая сказала: «Я плачу»,дохнула на лед и, растопив его, сделала моря и реки. Та, которая сказала: «Я потею», смешала землю с водой и сделала из этой грязи деревья, растения, злаки, зверей и людей. Растения росли на земле и в море, звери бегали по суше и плавали в море, но люди не проснулись. Их было тридцать девять. Они спали на льду и не шевелились.

Тогда три ледяные фигуры уселись на землю, подтянув колени к подбородку, и позволили солнцу растопить себя. А когда они таяли, из них текло молоко, которое попадало в рот спящим людям, и тогда люди проснулись. Вот поэтому человеческие дети пьют молоко, потому что без него люди бы не проснулись для жизни.

Первым проснулся Эдондурат. Он был так высок, что, встав во весь рост, пробил в небе головой дыру, и из нее посыпался снег. Он увидел, что другие люди начали шевелиться, испугался и убил одного за другим ударами своего кулака. Так он убил тридцать шесть человек. Но один из них, предпоследний, успел убежать. Звали его Хахарат. Он убежал далеко, через ледяную равнину и через страны земли. Эдондурат бежал за ним, наконец догнал его и свалил за землю ударом кулака. Хахарат умер. Тогда Эдондурат вернулся к месту своего рождения на Льду Гобрин, где лежали тела остальных людей, кроме самого последнего, который убежал, когда Эдондурат гнался за Хахаратом.

Эдондурат построил дом из замерзших тел своих братьев и, сидя в этом доме, ждал возвращения последнего человека. Каждый день один из убитых спрашивал: «Горит ли он? Горит ли он?» А все остальные трупы отвечали ему своими замерзшими языками: «Нет, нет!» Тогда Эдондурат во сне вошел в кеммер, и метался, и говорил во сне громким голосом, а когда он проснулся, все трупы говорили: «Он горит! Он горит!» Последний, оставшийся в живых младший брат услышал их и вошел в дом, сложенный из мертвых тел, и там совокупился с Эдондуратом. И от этих двоих родились все люди, они вышли из его лона. Имя второго, младшего брата, отца всех людей, неизвестно.

Каждый из их детей обладал частицей тьмы, которая ходила за ним всюду на протяжении дня. Эдондурат спросил: «Почему за моими сыновьями ходит тьма?» Его кеммеринг ответил ему: «Потому что они родились в доме из мертвых тел». Поэтому теперь смерть ходит за ними, следуя за каждым их шагом. Они находятся в се-

редине времени. В начале его было солнце и лед и не было тьмы. В конце, когда нас уже не будет, солнце поглотит само себя, и тьма поглотит свет, и не будет ничего, только лед и тьма.

18. НА ЛЬДУ

Временами, когда мне случается засыпать в темной и тихой комнате, меня посещают прекрасные и дорогие моему сердцу видения. Над моим лицом снова наклоняется стенка палатки, невидимая, зато слышимая наклонная плоскость тихого отзвука — это шестест гонимого ветром снега. Темно. Световое излучение нагретого воздуха исходит из невидимого центра, как из сердца тепла. Легкая сырость и ограничивающая движения теснота спальника, шорох снега, едва слышное дыхание спящего Эстравена — и темнота. Больше ничего. Мы вдвоем здесь, внутри палатки, в нашем хрупком убежище, в середине всего. А снаружи, как всегда, распростерся необъятный мрак, холод и одиночество смерти.

Засыпая в эти счастливые мгновения, я с необыкновенной ясностью понимаю, где была самая главная минута моей жизни — в том времени, в моем прошлом, в ушедшем, но не пропавшем — та вечно продолжающаяся минута, сердце тепла.

Я отноюсь не утверждаю, что был счастлив в те недели, когда мы волокли санки через ледник в самом центре зимы. Я был голоден, измучен, часто раздражен, и чем дольше это продолжалось, тем было хуже. Тогда я не чувствовал себя счастливым. Понятие счастья для меня всегда было связано с разумом, и только с помощью разума можно добиться, достичь счастья. Я же обрел нечто, чего нельзя заслужить добросовестным и неустанным трудом, нечто, чего нельзя удержать и сохранить; нечто, что не всегда удается узнать, когда мы с ним встречаемся. Я имею в виду радость.

Я всегда просыпался первым, обычно перед самым рассветом. Мой обмен веществ по всем параметрам несколько превышал гетенскую норму, так же, как мой рост и вес несколько превосходили средние гетенские показатели. Эстравен скрупулезно учел разницу при расчете пищевых рационов с точностью добросовестного исследователя или дотошностью хорошей домашней хозяйки, в зависимости от того, с какой точки зрения на это смотреть, и с самого начала путешествия я получал на несколько дециграммов еды ежедневно больше, чем он. Мои протесты на несправедливость такого распределения были опровергнуты очевидной и неоспоримой справедливостью этого неравенства. Независимо от принципа разделения порции все равно были маленькими. Я был голоден, постоянно голоден. И с каждым днем — все голоднее. Голод заставлял меня просыпаться так рано.

Если было еще темно, я включал освещение нашей печурки и ставил на нее котелок с принесенным с вечера снегом, чтобы получить воду для завтрака. Эстравен тем временем, как обычно, отчаянно боролся со сном, бесшумно и ожесточенно, будто боролся с ангелом. Одержав победу, он садился, глядя на меня отсутствующим взглядом, тряс головой и просыпался окончательно. Пока мы одевались, обувались и сворачивали спальники, завтрак обычно уже успевал свариться: кружка вскипевшего орша и один кубик гичи-мичи, который в горячей воде разбухал до размеров небольшой булки. Пережевывали мы эту еду с благоговением, подбирая каждую оброненную крошку. Печурка тем временем остывала. Мы укладывали ее вместе с котелком и кружками, надевали свои плащи с капюшонами и рукавицы, после чего выбирались из палатки наружу. И каждый раз было трудно поверить в то, что может быть так холодно. Каждое утро я вынужден был убеждаться в этом снова и снова. Если один раз уже приходилось выходить по нужде, то выйти во второй раз было еще труднее.

Иногда шел снег, иногда низко стоящее солнце осыпало золотом и голубизной бесконечность снежной пустыни, чаще всего все было просто серым..

На ночь мы уносили термометр в палатку, и, когда его утром выносили наружу, было интересно наблюдать, как указатель вращается в правую сторону (показания на гетенских циферблатах следует читать в направлении, обратном направлению движения стрелки), в одно мгновение отмечая снижение температуры на десять, двадцать, тридцать градусов, пока не останавливалась где-нибудь между минус двадцатью и минут пятьюдесятью градусами.

Один из нас складывал палатку, другой в это время укладывал на сани печурку, спальники и все остальное. Сверху мы укладывали палатку, после чего можно было надевать лыжи и впрягаться в санки. В нашем снаряжении практически не было никаких металлических деталей, но в упряжи были пряжки из алюминиевого сплава, слишком маленькие, чтобы их можно было застегнуть, не снимая рукавиц, а голые пальцы эти пряжки обжигали, будто они были раскалены докрасна. Мне нужно было быть очень осторожным и беречь пальцы, когда температура падала до минус тридцати, особенно если дул сильный ветер, потому что можно было удивительно быстро их отморозить. Ноги у меня, к счастью, никогда не мерзли, а это очень существенное обстоятельство для зимнего путешествия, когда час, проведенный на морозе, может обездвижить человека на неделю, а то и сделать калекой на всю жизнь. Эстравен вынужден был покупать мне снеговые башмаки без примерки, естественно, почти наугад, и купил их на размер больше, чем я ношу, поэтому я заполнял свободное пространство дополнительной парой носков. Мы пристегивали лыжи, быстро впрягались в сани, рывком сдвигали

их с места, если полозья за ночь примерзали к снегу, и отправлялись в путь.

После обильных снегопадов утром нам приходилось тратить время, чтобы откопать палатку и санки из-под снега. Это было не слишком трудно, хотя груды отброшенного свежевывавшего снега выглядели вполне внушительно. Все-таки они были единственными возвышенностями в радиусе сотен километров, единственным, что возвышалось надо льдом.

Мы шли на восток по компасу. Здесь направление ветра было нормальным — с севера на юг, от центра ледника, и день за днем он все время дул слева. Капюшон не был достаточно надежной защитой от такого ветра, и мне приходилось надевать снежную маску для защиты носа и левой щеки. Несмотря на эту предосторожность, один раз у меня все-таки замерз левый глаз, и я уже думал, что потерял его совсем, навсегда. Даже когда Эстравен открыл мне глаз, оттаяв своим дыханием и языком, я какое-то время этим левым глазом ничего не видел; вполне возможно, что там замерзло что-нибудь еще, а не просто смерзлись ресницы. В солнечные дни мы надевали гетенские защитные очки с узкими щелями, и ни один из нас не был поражен снежной слепотой. Кстати, и случая для этого нам не представилось. Как объяснял Эстравен, над центральной частью ледника, где тысячи квадратных километров снежной белизны отражают солнечные лучи, обычно образуется зона высокого атмосферного давления. Мы же, однако, в этой центральной зоне не находились, а были, скорее, на ее окраине, между нею и зоной внезапных, несущих осадки бурь, которые Лед систематически посылает на прилегающие страны к вящему их ограждению. Ветер с севера нес сухую солнечную погоду, но северо-восточный или северо-западный ветер приносил снег или вздымал уже выпавший сухой снег слепящими и жалящими клубами песка, как во время песчаной бури в пустыне. Иногда ветер почти стихал, и только у самой земли извивались его белые снежные змеи. И тогда небо становилось белым, воздух становился белым, солнце исчезало, исчезали тени, и сам Лед исчезал под нашими ногами.

Около полудня мы останавливались и, если ветер был очень сильный, вырезали из снега несколько блоков-кирпичей, чтобы поставить из них защитную стенку. Потом мы разогревали воду, чтобы размочить кубики гичи-мичи, выпивали горячую воду, иногда слегка подслащенную, снова надевали упряжь и шли дальше.

Мы редко разговаривали во время пути или во время нашего полуденного завтрака, потому что губы у нас потрескались, а вторых, стоило только открыть рот, холод проникал внутрь, вызывая боль в зубах, в гортани и легких. Рот следовало держать закрытым и дышать только носом, во всяком случае тогда, когда температура падала до двадцати-тридцати градусов ниже нуля. Если

же она падала еще ниже, весь процесс дыхания усложнялся еще сильнее из-за того, что выдыхаемый воздух быстро замерзал, ноздри могли смерзнуться совершенно, и тогда, чтобы не задохнуться, человек делал вдох ртом — и его легкие оказывались набитыми бритвами и иголками.

При определенных погодных условиях — температуре и влажности воздуха, силе ветра — наше дыхание, вернее, выдыхаемый воздух, мгновенно замерзая, издавал легкий треск, как далекий фейерверк, и рассыпался облачком ледяных кристалликов. Каждый выдох был маленькой снежной бурей.

Мы шли, пока у нас хватало сил или пока не начинало темнеть. Тогда мы разбивали палатку, закрепляли колышками санки, если ночью ожидалась снежная буря, и укладывались спать. Обычно мы шли одиннадцать-двенадцать часов в день, проходя от десяти с лишним до двадцати с лишним километров.

Нельзя сказать, чтобы это был хороший темп, но условия перехода нам отнюдь не благоприятствовали. Снежный покров редко был подходящим как для лыж, так и для полозьев саней. Когда снег был легким и пушистым, рыхлым, каким обычно бывает свежесвыпавший снег, тогда санки двигались скорее в снегу, чем по снегу. Когда поверхность снега слегка твердела, мы на лыжах шли беспрепятственно, а санки проваливались, из-за чего нас беспрестанно дергало назад. Когда же снежный покров был плотным, его зачастую покрывали снежные и высокие заструги, иногда достигающие высоты полутора метров. Тогда нам приходилось перетаскивать санки через каждый острый, как нож, либо причудливо вырезанный край этих наносов, спускать санки вниз и втаскивать их на очередной заструг, потому что все они, как мне казалось, громоздились поперек нашей дороги. Ледяное плоскогорье Гобрин представлялось мне раньше как одна плоская поверхность, как замерзшее озеро, однако на протяжении многих сотен километров оно было похоже скорее на внезапно замерзшее бурное море.

Каждый вечер надо было разбивать лагерь, тщательно все укрывать и укрывать от снега, долго очищать и вытряхивать одежду от снега и так далее и тому подобное. Работа эта была довольно скучной и однообразной. Временами она казалась мне вообще бесполезной и не стоящей тех усилий, которые на нее приходилось затрачивать. К этому времени мы были уже такими уставшими, было уже так поздно и так холодно, что проще было бы просто лечь спать в спальниках под укрытием саней и не морочить себе голову установкой палатки. Я хорошо помню, как очевидна казалась мне иногда вечером эта истина и какую острую неприязнь вызывало у меня педантичное и тираническое упорство моего товарища, делающего все это, и делающего все это пунктуально и добросовестно. В такие минуты я ненавидел его ненавистью, порождаемой

смертью, которой было переполнено мое сердце. Я ненавидел эти суровые, настойчивые и изобретательные распоряжения, которыми он донимал меня во имя жизни.

Когда все было сделано, мы могли войти в палатку, и тогда почти сразу же тепло печурки создавало привычную уютную атмосферу. Нас окружало со всех сторон нечто непередаваемо прекрасное: тепло. Холод и смерть оставались снаружи.

Ненависть и неприязнь тоже оставались снаружи. Мы ели, и мы пили. После еды мы разговаривали. Если мороз был уж очень силен, даже великолепная изоляция палатки оказывалась недостаточной, и тогда мы придвигали свои спальники как можно ближе к печурке. Внутренняя стенка палатки покрывалась тонким серебристым налетом инея. Когда приходилось открывать шлюз, в палатку врывалось ледяное дыхание зимы, которое мгновенно наполняло всю палатку клубящимся туманом, состоящим из мельчайших кристалликов льда. Когда снаружи бесновалась вьюга, длинные иглы морозного воздуха проникали через вентиляционные отверстия, несмотря на все их хитроумное устройство, которое должно было предотвращать попадание внутрь холодного воздуха, и воздух в палатке наполнялся невидимой снежной пылью. В такие ночи за стенками палатки стоял невероятный шум и вой беснующегося ветра и нам приходилось кричать друг другу прямо в ухо, чтобы услышать слова собеседника. Иногда ночи были тихими — тихими той тишиной, которая могла царить во вселенной до того, как начали создаваться звезды, или же той тишиной, которая воцарится в мире, когда перестанет существовать все сущее.

Через какой-нибудь час после нашего ужина Эстравен переключал печурку на более низкую температуру, если это, конечно, было возможно, и гасил свет. Выполняя эти действия он бормотал короткую и прекрасную молитву, те немногие ритуальные слова, которые я выучил из учения ханддары: «Да святится во веки веков тьма и вечно длящееся Сотворение!» Он произносил эти слова, и наступала тьма. Мы засыпали. А утром все начиналось сначала.

И так продолжалось пятьдесят дней.

Все это время Эстравен вел свой дневник, хотя во время перехода через Лед он редко записывал что-нибудь еще, кроме состояния погоды и количества пройденных в тот день километров.

Среди этих заметок иногда встречаются замечания, касающиеся его мыслей или наших бесед, но нет ни слова о более глубоких и серьезных дискуссиях, которым мы посвящали время между ужином и сном в первый месяц нашего путешествия через Лед, когда у нас еще хватало сил для бесед, а также в те дни, когда мы не могли двигаться дальше из-за снежной бури. Я сказал ему, что употребление внеречевого контакта на планетах, не входящих в дружественный союз с Экуменом, вообще-то, не запрещено, но и не при-

нято, поэтому я попросил его, чтобы он сохранил в тайне то, чему он научился, хотя бы до того момента, когда мне удастся обсудить этот вопрос со своими товарищами с корабля. Он согласился и сдержал слово. Никогда — ни в разговоре, ни в дневниковых записках — он не упоминал о наших молчаливых беседах.

Мыслеречь, очевидно, была тем единственным, что я должен был дать Эстравену из всего богатства моей цивилизации, из моей такой чудной для него действительности, которой он так глубоко заинтересовался. Я мог говорить и описывать бесконечно, но это было все, что я мог дать. Может быть, мыслеречь и была той самой единственной действительно важной вещью, которую мы могли предложить Зиме. Не могу сказать, что я нарушил закон культурного эмбарго из чувства благодарности. Это не было связано с понятием долга. Такие долги, как правило, неоплатны. Просто мы с Эстравеном дошли в своих взаимоотношениях до такого уровня, когда поровну делится все, что есть, и все, что стоит делить.

Я предвижу, что половая связь, коитус между двуполовыми гетенцами и однополыми существами, представляющими собой хайнскую норму, окажется возможной, хотя и, несомненно, бесплодной, не дающей потомства. Предположение требует доказательств. Нам с Эстравеном не было суждено что-нибудь доказать, кроме разве одного весьма деликатного вопроса. Наши сексуальные инстинкты были ближе всего к проявлению во вторую нашу ночь на Льду. Мы весь тот день преодолевали иссеченную трещинами территорию к востоку от Огненных Холмов, где нам часто приходилось возвращаться назад. В тот вечер мы были измучены, но надежда не оставляла нас, и мы были уверены, что скоро выйдем на более ровную дорогу. Однако после ужина Эстравен почему-то помрачнел и замолчал.

— Харт, — обратился я к нему после такого явного проявления холода и неприязни, — если я опять сказал что-то не то, прошу вас, скажите мне откровенно, в чем дело.

Он молчал.

— Я, наверное, опять допустил какую-то бестактность в отношении шифгреттора. Я прошу прощения, никак не могу научиться правильному образу действий в этом отношении. Собственно, до сих пор мне так и не удалось достаточно хорошо понять значение этого слова.

— Шифгреттор? Оно происходит от очень древнего слова, означающего тень.

Мы оба замолчали на мгновение, а потом он ласково взглянул мне прямо в глаза. Его лицо в этом красноватом освещении было нежным, незащищенным и отрешенным, как лицо женщины, молча смотрящей из глубины своей задумчивости.

И тогда я увидел снова, на этот раз уже без тени сомнения,

что всегда боялся увидеть и притворился, что не замечаю в нем этого: что он был женщиной в такой же мере, как и мужчиной. Какая бы то ни было необходимость уяснения источников этого страха рассеялась, исчезла вместе с самим страхом. Мне оставалось принять его таким, каким он был. До этого времени я отталкивал его, отказывал ему в праве быть собой. Он был совершенно прав, когда говорил мне, что единственный человек на Гетене, который мне верил, был тем единственным человеком, которому не верил я. Поэтому что он был единственным, кто полностью и безоговорочно принял меня, как человеческое существо, полюбил меня, именно меня, как личность, и предоставил мне свою полную личную лояльность. И поэтому он требовал от меня такого же признания и одобрения, а я не хотел ему их предоставить. Я боялся этого. Я не хотел дарить своих доверия и приязни мужчине, который был женщиной, женщине, которая была мужчиной.

Он объяснил мне чопорно и недвусмысленно, что находится сейчас в кеммере и поэтому старается меня избегать, насколько это возможно в нашей ситуации.

— Мне нельзя к вам прикасаться, — сказал он с видимым усилием, не глядя на меня.

— Я понимаю, — сказал я. — Полностью с вами согласен.

Я чувствовал, и он, мне кажется, тоже, что это из сексуальной напряженности между нами, теперь уже нами понятной и названной, родилась внезапная и сильная уверенность в возможности существования между нами дружбы, той дружбы, которая была так необходима нам обоим в нашей изгнаннической судьбе и которая была так надежно проверена в те дни и ночи нашего страшного и опасного путешествия, что ее можно было бы назвать теперь — или позже — любовью. Но родилась она не из сходства и подобия между нами, а из различия, неодинаковости, и вот она-то и была тем мостом, единственным мостом над всем, что разделяло нас. Поиски взаимопонимания на сексуальной почве, в области секса, означали бы для нас опять-таки встречу существ из разных миров. Мы соприкоснулись тем единственным образом, которым могли соприкоснуться, и этим ограничились. Не знаю, правы ли мы были.

Мы еще немного разговаривали в тот вечер, и я помню, как трудно мне было внятно и вразумительно ответить на его вопрос, что собой представляют земные женщины. Мы оба были довольно скованы и осторожны по отношению друг к другу в течение нескольких последующих дней. Большая любовь между двумя людьми всегда ведь связана с возможностью причинять друг другу боль. А до этого вечера мне никогда не пришло бы в голову, что я могу причинить Эстравену боль.

Сейчас, когда барьеры, наконец, были сломаны, те ограничения в наших контактах и взаимопонимании, с моей точки зрения, стали

для меня совершенно невыносимыми. Вскоре, через два или три дня, вечером, когда мы заканчивали свой ужин из подслащенного зерна кадика в ознаменование окончания тридцатикилометрового сегодняшнего перехода, я сказал:

— Прошлой весной, за ужином, в Красном Угловом Доме, вы мне сказали, что хотите узнать немного больше об умении общаться без помощи слов.

— Да, это правда.

— Если вы хотите, я попробую научить вас пользоваться мыслеречью.

Он рассмеялся.

— Я вижу, что вы хотите поймать меня на лжи.

— Если вы и лгали мне когда-то, то было это очень давно и совсем в другой стране.

Он был человеком воспитанным и глубоко порядочным, но очень редко — в силу этого — непосредственным, но сейчас он почувствовал себя приятно польщенным.

— В другой стране я могу по-другому лгать, — сказал он. — Но я полагаю, что вам нельзя обучать этому умению... туземцев, пока их планета не присоединится к Экумену.

— Это не запрещено. Просто не существует такого обычая. А я это сделаю, если вы хотите. И если у меня получится, потому что ментор из меня неважный.

— У вас есть специальные люди, обучающие этому?

— Да. Не на Старой Земле, где часто проявляются эти природные способности и где, как говорят, матери так обращаются к своим еще не рожденным детям. Правда, я не знаю, что дети им отвечают. Но большинству из нас этому умению приходится обучаться так же, как обучаются чужому языку. Или так, как будто это наш родной язык, только очень поздно найденный.

Я думаю, что ему были ясны мои побуждения и мотивы, в силу которых я предлагал ему освоить искусство мыслеречи. Ему очень хотелось это умение освоить. Мы попробовали. Я напряг память и постарался как можно точнее вспомнить те приемы, с помощью которых меня обучали мыслеречи в двенадцать лет. Я сказал ему, чтобы он очистил свой разум и погрузил его во тьму. Несомненно, он сделал это гораздо быстрее и точнее, чем когда бы то ни было это удавалось мне, ведь он был последователем ханддары. Тогда я обратился к нему с помощью мыслеречи так внятно, как только умел. Безрезультатно. Мы попробовали еще раз. Поскольку нельзя передавать, если нет приема, пока телепатические способности не пробудятся пусть бы только одним приемом, мне необходимо было до него «докричаться», заставить его услышать меня. Я пытался сделать это на протяжении получаса, пока мое сознание окончательно не охрипло.

Он был подавлен неудачей.

— Я думал, что это будет легко,— признался он. Нас обоих эти попытки утомили, и в тот вечер от дальнейших попыток мы отказались.

Последующие наши попытки оказались не намного более удачными. Я пробовал обращаться к Эстравену, когда тот спал, вспоминая, как мой ментор говорил о случаях «сонной коммуникации» у народов, находящихся в той фазе развития, когда телепатическое общение еще неизвестно, но из этого ничего не вышло.

— Может, моя раса вообще лишена этой способности,— сказал он.— У нас было более чем достаточно слухов и знаков, чтобы хотя бы создать слово для обозначения этого явления, но мне неизвестно ни об одном подтвержденном случае телепатии.

— То же самое было и у нас на протяжении тысячелетий. Было ничтожное количество натуральных, наделенных врожденным даром людей, не понимающих значения своего дара и лишенных возможности общаться с его помощью с такими же, как они. У всех остальных — в лучшем случае дремлющие, непроявленные способности. Я уже говорил, что если не считать врожденного таланта, эта способность, хотя и возникает на физиологической основе, все же имеет психологический характер, является продуктом культуры, побочным продуктом мыслительной деятельности человеческого разума. Маленькие дети, умственно недоразвитые люди и члены примитивных человеческих сообществ не в состоянии пользоваться мыслеречью. Для разума необходима деятельность прежде всего в условиях определенной сложности. Нельзя построить молекулы аминокислот из атомов водорода, прежде нужно получить из этих атомов молекулы более сложного строения, — та же самая ситуация, что и с мыслеречью. Абстрактное мышление, дифференцированное общественное воздействие, сложные культурные приспособления, восприимчивость этическая и эстетическая — все это должно достичь определенного уровня развития, прежде чем телепатический контакт станет возможным, прежде чем станет возможным использование скрытого потенциала.

— По-видимому, мы, гетенцы, еще не достигли этого уровня.

— Вы превзошли его уже довольно существенно, но необходим еще и счастливый случай, необходимое совпадение, сочетание условий, как при возникновении аминокислот... Или, если воспользоваться сравнением из сферы развития культур, — экстремальные сравнения, но с их помощью можно сравнить нагляднее, — экстремальных методов в науке. В Экумене есть народы, обладающие высокой культурой, сложной общественной организацией, философией, этикой; высоким уровнем и значительными достижениями во всех сферах человеческой разумной деятельности, которые, тем не менее, так и не овладели умением точно взвесить камень. Ко-

нечно, теперь они могут этому научиться, однако они не смогли сделать этого полмиллиона лет тому назад... Есть народы, у которых не существует высшей математики, ничего, кроме элементарной прикладной арифметики. Каждый из этих народов вполне в состоянии понять дифференциальное исчисление, но ни один из этих народов его не открыл, и никому не было известно прежде. Кстати говоря, моя собственная раса, земляне, еще три тысячи лет тому назад не умела пользоваться нулем в математических расчетах.— В этом месте Эстравен удивленно заморгал.— Что же касается Гетена, то меня интересует, смогут ли остальные представители человечества открыть в себе способность заглядывать в будущее, если вы захотите нас научить этому, и является ли это умение тоже частью эволюции разума.

— Как вы считаете, это позитивное умение?

— Искусство точного предсказания будущего? Ну конечно!

— Может быть, для того, чтобы в нем совершенствоваться, вам придется признать его бесполезным.

— Я совершенно потрясен и восхищен вашей ханддарой, но мне часто приходила в голову мысль: не парадокс ли это, возведенный в ранг образа жизни...

Мы возобновили попытку освоения мыслеречи. Мне никогда еще не приходилось столько раз обращаться к кому-нибудь, в такой же степени нечувствительному к телепатическому сигналу. Ощущение было не из приятных. Я начинал чувствовать себя как молящийся атеист. Через некоторое время Эстравен зевнул.

— Я глух, глух как пень,— сказал он.— Лучше давайте спать.

Я согласился с ним. Он выключил свет, бормоча свою коротенькую хвалу тьме. Мы забрались в свои спальники, и через несколько минут Эстравен уже начал погружаться в сон, как ныряльщик — в теплую воду. Я ощущал этот его сон как свой собственный, чувствовал эту связь между нами и еще раз обратился в полусне: «Терем!»

Он стремительно вскочил, и его голос зазвучал в темноте прямо над моей головой:

— Арек! Это ты?

«Нет, это Генли Ай. Я обращаюсь к тебе».

Он замер. Тишина, Он, манипулируя у печурки, включил свет и стал всматриваться в меня пристально и испуганно.

— Мне снился сон. Мне показалось, что я дома...

— Вы просто услышали мое обращение к вам. Это была мыслеречь.

— Ты позвал меня... Это был мой брат! Я слышал его голос. Он умер. Вы меня называли... Ты меня назвал Терем?.. Я... Это страшнее, чем я думал.— Он затряс головой, как будто хотел стряхнуть с ресниц кошмарный сон, и спрятал лицо в ладонях.

— Харт, ради бога, простите меня!

— Нет, нет, обращай ко мне по имени. Если ты можешь окликать меня внутри моей головы голосом человека, которого уже нет на свете, прошу тебя, называй меня по имени! Разве он бы назвал меня «Харт»? Теперь я понимаю, почему на мыслеречи нельзя солгать! Это страшно... Нет, прекрасно! Прощу тебя, обратись ко мне еще раз!

— Подожди.

— Нет. Говори!

Подчиняясь его настойчивому и испуганному взгляду, я сказал с помощью мыслеречи: «Терем, друг мой, между нами не должно быть места страху!»

Он по-прежнему пристально смотрел на меня, поэтому я решил, что он опять не слышит меня. Но он слышал.

— К сожалению, он есть,— сказал он.

Но через мгновение, взяв себя в руки, он спокойно добавил:

— Ты говорил на моем языке.

— Ведь ты не знаешь моего языка.

— Ты предупреждал, что это будут слова, я помню... Но я представлял себе это, как... понимание.

— Эмпатия — это совсем другое, хотя между ними есть связь. Благодаря эмпатии нам удалось сегодня осуществить контакт. Но при настоящей мыслеречи в мозгу возбуждаются речевые центры и...

— Нет, нет. Ты объяснишь мне это потом, позже... зачем ты окликнул меня голосом моего брата?— спросил он напряженным голосом.

— Я не могу ответить на этот вопрос, потому что не знаю ответа. Расскажи мне о нем.

— Нусут... Мой полный брат, Арек Харт рем ир Эстравен, был на год старше меня. Он должен был стать господином Эстре. Мы... ради него я оставил дом. Его нет в живых уже четырнадцать лет.

Мы оба молчали. Я не знал и не мог спросить у него, что кроется за его словами. Хотя он сказал немного, но стоило ему это слишком многого.

Через минуту я предложил ему:

— Позови меня, Терем. Назови меня по имени.— Я знаю, что он в состоянии это сделать, потому что у нас уже был установлен контакт, или, говоря языком специалистов, частоты колебаний вошли в резонанс, а он, естественно, не мог сознательно применить блокирование. Если бы я был Слухачом, я мог бы сейчас услышать его мысли.

— Нет,— сказал он.— Никогда. Еще не сейчас...

Но никакой шок или испуг не были в состоянии сдержать долго его ищущий и жаждущий нового разум. Когда он снова вы-

ключил свет, я услышал своим внутренним слухом, как он неуверенно произносит: «Генри...» Даже на мыслеречи он не мог выговорить букву «л».

Я ответил ему немедленно. В темноте послышался его неартикулированный испуганный возглас, в котором все же был слышен легкий оттенок удовлетворения.

— Больше не могу, — сказал он, теперь уже вслух, и через минуту мы уже спали.

Ему это умение давалось нелегко. Не потому, что ему не доставало способностей или что он не умел приобретать новые навыки, а потому, что это вызывало у него сильное беспокойство и он не был в состоянии воспринимать окружающее таким, каково оно есть на самом деле.

Он быстро научился блокировать свои мысли, защищать их от прочтения, но я не знаю, был ли он уверен, что может на них положиться. Может, и мы были такими же, когда первые менторы были из мира Роканнона, чтобы обучить нас мыслеречи — «Высшему Искусству». Возможно, что гетенец, будучи существом на редкость цельным, воспринимает телепатический контакт как нарушение этой цельности, как тяжело переносимое вмешательство в его неделимый внутренний мир. А может, это было обусловлено характером самого Эстравена, в котором искренность и сдержанность были одинаково сильны, а каждое его слово появлялось из глубокой внутренней тишины. Он слышал мой голос как голос человека, которого уже не было в живых, как голос своего брата. Не знаю, что еще, кроме любви и смерти, стояло между ним и его братом, но знаю только, что каждый раз, когда я обращался к нему с помощью мыслеречи, что-то в нем вздрагивало, будто я касался открытой раны. Поэтому взаимопонимание, которое возникло между нами, было настоящим контактом, связью, но какой-то темной и убогой, не освещающей (как я ожидал), но, наоборот, обнаруживающей всю бездну тьмы.

А тем временем мы день за днем ползли на восток по ледовой равнине. Намеченный нами промежуточный финиш по времени нашего путешествия, тридцать пятый день, одорни анерн, застал нас далеко от середины дистанции. Согласно показаниям счетчика на санках, мы прошли около шестисот километров, но наверняка не более трех четвертей из всего пройденного пути приблизило нас к нашей цели, и только с большим приближением могли мы определить, сколько нам осталось еще пройти.

— Санки теперь гораздо легче, — сказал он. — К концу пути они будут еще легче, а если потребует, уменьшим порции. Мы питаемся очень хорошо.

Я думал, что это сказано иронически, но ошибся.

Сороковой день и два последующих дня мы были лишены воз-

возможности продолжать путь из-за метели. На протяжении этих вынужденно долгих часов почти полного бездействия в палатке Эстравен спал почти беспрерывно и ничего не ел, только пил орш или подслащенную воду. Он настаивал, чтобы я ел обязательно, хотя бы по половине порции. Он утверждал, что у меня нет достаточного опыта голодания.

Я почувствовал себя задетым.

— А у тебя, князя и премьер-министра, этот опыт есть?

— Генри, мы тренируем способность обходиться без еды, пока не становимся настоящими экспертами, специалистами в этом вопросе. Меня, когда я был еще ребенком, учили голодать в Эстре, дома, а потом я обучался этому в крепости Ротерер, у ханддарата. Действительно, в Эргенранге я несколько утратил навыки, приобретенные в юности, но я снова начал их восстанавливать в Мишнори. Прошу тебя, друг мой, послушайся моего совета, я знаю, что делаю.

Я послушался его совета, и он, конечно, знал, что делает. Последующие четыре дня мы шли при сильном морозе, а потом разразилась снежная буря, несущаяся прямо нам навстречу с востока. Она неслась навстречу нам с ураганной силой, и сразу же, после первых порывов ветра, воздух стал густым и вязким от снега, так что я не видел Эстравена на расстоянии двух метров. Я повернулся спиной к нему, к санкам, к ослепляющему и душащему снегу, чтобы вдохнуть воздух, а когда через мгновение повернулся обратно, его уже не было. Санок не было тоже. Не было ничего. Я сделал несколько шагов в том направлении, где минуту назад был Эстравен, и шарил вокруг руками. Я кричал и не слышал собственного голоса. Я оглох и остался один-одинешенек во вселенной, заполненной серыми, безжалостно секущими бичами, свитыми из снега и тьмы. Я отчаялся и побрел куда-то вслепую, ничего не видя перед собой и вызывая горячечно на мыслеречи: «Терем!..»

Стоя на коленях тут же, у меня под рукой, он сказал:

— Иди сюда, помоги мне поставить палатку.

Я помогал ему, ни словом не обмолвившись о той минуте паники, так внезапно охватившей меня. Да и зачем?

Буря эта длилась два дня. Итак, пять дней, израсходованных без всякой пользы, и будет таких дней гораздо больше. Ниммер и аннер — месяцы сильных бурь.

— Начинаем отрезать все тоньше и тоньше, а? — сказал я как-то вечером, отмеряя порцию гичи-мичи и бросая ее в кипящую воду.

Он посмотрел на меня. На его широком лице с резко очерченными чертами были заметны признаки истощения. Глаза запали, под скулами залегли глубокие тени, губы обветрились, запеклись и потрескались. Одному Богу известно, как выглядел я сам, если даже он был в таком состоянии. Но он улыбался.

— Если нам повезет, то мы дойдем. А нет — так нет.

Он так говорил с самого начала. При всех моих эмоциях, при том ощущении, что мы предпринимаем последнюю, почти безнадежную, отчаянную попытку, мне не хватило реализма, чтобы поверить ему. Даже сейчас я думал про себя: «Не могут же такие нечеловеческие усилия пропасть даром...»

Но Лду не было никакого дела до наших усилий. Да и какое же было ему до них дело? Пропорция была сохранена.

— Ну, как там дела с твоим везением, Терем?— спросил я.

Он даже не улыбнулся в ответ. И не ответил мне. Только через какое-то время он сказал:

— Я думал о всех тех, кто там, внизу. — «Внизу» — для нас это было там, на юге, в мире, находящемся ниже ледяной кровли, — там, где земля, люди, дороги и города, — все то, что с каждым днем становилось для нас все менее реальным. — Знаешь, я передал королю сообщение о тебе в тот день, когда выехал из Мишнори. Я передал ему то, о чем узнал от Шусгиса, — что ты будешь сослан на ферму Пулефен. У меня тогда еще не сложился четкий план действий, и я руководствовался импульсом. За все прошедшее время я успел проанализировать этот импульс подробно, во всех деталях. Может произойти что-то в таком роде: король увидит в этом шанс в своей игре в шифгреттор. Тайб, конечно, будет всячески его отговаривать, но к этому времени королю Тайб надоеет уже хуже горькой редьки, и он его советы пропустит мимо ушей. Он начнет спрашивать, задавать вопросы. Например, задаст такой вопрос: «Где находится посланец, гость Кархида?» Мишнори будет молчать и лгать. Он умер осенью от лихорадки хорм, выражаем свое соболезнование. В таком случае, почему наше посольство информирует нас, что посланец находится на ферме Пулефен? Его там нет, можете проверить. Нет, ну что вы, мы верим вам на слово... слову Содружества Оргорейна... А тем временем, через несколько недель после обмена этими дипломатическими нотами, посланец появляется в северном Кархиде, сбжав с фермы Пулефен. Замешательство в Мишнори, возмущение в Эргенранге. Содружество Оргорейна теряет лицо, пойманное на лжи. Ты становишься сокровищем, Генри, потерянным братом из очага короля Аргавена. На какое-то время, разумеется. И ты должен немедленно, при первом же удобном случае, вызвать свой корабль. Направь своих людей в Кархид и заверши устройство всех своих дел там как можно скорее, пока Аргавен не успеет разглядеть в тебе потенциального врага, прежде чем Тайб или какой-нибудь другой член совета напугает его еще раз, пользуясь его безумием. Если он заключит с тобой договор, он его выполнит, потому что, нарушая договор, он подрывает собственный шифгреттор. Короли из династии Хардж выполняют взятые на себя обязательства и данные обещания. Но тебе надо действовать быстро и как можно скорее посадить здесь свой корабль.

— Я сделаю так, как только получу хоть самое туманное и неопределенное приглашение.

— Нет. Извини, что я даю тебе советы, но тебе нельзя ожидать приглашения. Я полагаю, что ты будешь принят доброжелательно. И твой корабль — тоже. Кархид за последние полгода пережил сильное унижение. Ты даешь Аргавену шанс отыгаться. Я думаю, что он этим шансом воспользуется.

— Очень хорошо, но ты тем временем...

— Я — Эстравен-изменник. И не имею с тобой ничего общего.

— Первоначально.

— Ну первоначально, — согласился он.

— Сможешь ли ты где-нибудь укрыться, если поначалу тебе будет угрожать какая-нибудь опасность?

— Да, конечно.

Ужин был готов, и это мероприятие заняло все наше внимание. Прием пищи стал таким серьезным и всепоглощающим занятием, что мы никогда не разговаривали во время еды; табу это действовало в своей полной и наверняка первобытной форме — ни слова, пока не будет съедена последняя крошка.

— Ну что ж, я надеюсь, что предвидел все правильно, — сказал он, когда мы поели. — И... что ты простишь меня.

— Прошу то, что ты мне дал совет? — спросил я, потому что начал наконец понимать некоторые вещи, кое-что. — Ну, конечно, Терем, как ты можешь в этом сомневаться! Ты ведь знаешь, что у меня нет шифрреттора, от которого мне пришлось бы отказаться. — Это рассмешило его на мгновение, но он тут же снова помрачнел.

— Почему, — спросил он через минуту, — почему ты прибыл сюда в одиночку, почему тебя послали сюда одного? Теперь все будет зависеть от того, прилетит ли твой корабль или нет. Почему и тебе, и нам все так трудно дается?

— Таков обычай в Экумене, и он вполне обоснован. Хотя, честно говоря, я начинаю сомневаться в том, что когда-нибудь действительно достаточно хорошо понимал эту обоснованность. Я полагал, что из-за вас, имея в виду вашу реакцию на появление чужака, я должен появиться на вашей планете один, так явно один, совершенно безоружный, не представляющий никакой опасности, не способный повлиять на равновесие сил. Не инвазия, не вторжение, просто посланец, вестник. Но в этом есть и нечто большее. В одиночку я не в состоянии изменить ваш мир, но могу сам измениться под его воздействием. Будучи один, я должен не только говорить, но и слушать. Контакт, который в конце концов будет достигнут, если мне это удастся, не будет исключительно политическим, безличным. Он будет индивидуальный, личностный, будет чем-то меньшим, но и в то же время чем-то большим, нежели политический конфликт. Не «мы» и «оно», не «я» и «это», а «я» и «ты». Узы не политические

и прагматические, но мистические, духовные. В определенном смысле Экумен является не политическим организмом, а мистическим. И он считает, что начало взаимоотношений, их характер необыкновенно важны. Начало — и средства. Доктрина Экумена полностью противоположна принципу «цель оправдывает средства». Потому что он и действует медленно, не спеша и методы его тонки и деликатны, но они так же странны и рискованны, точно так же, как действует эволюция, с которой она в определенном смысле берет пример, — эволюция служит ей образцом... Поэтому я был послан один. В ваших интересах? В моих? Не знаю. Да, конечно, это усложнило мою задачу. Но с таким же успехом я мог бы спросить тебя: почему вам никогда не приходило в голову построить летательный аппарат? Один-единственный самолет, провезенный контрабандой, избавил бы нас с тобой от очень многих трудностей!

— Какому же здравомыслящему человеку могло прийти в голову, что можно летать? — сердито спросил Эстравен. Это был вполне разумный ответ, прозвучавший на планете, где нет существ летающих, где нет существ крылатых и даже ангелы Святой Иерархии Йомеш не летают, а просто опускаются бескрыло на землю, как хлопья снега или как уносимые ветром семена в этом мире, где нет цветов.

В середине месяца ниммер, после периода сильных ветров и больших морозов, установилась хорошая погода, которая держалась много дней подряд. Если и были бури, то далеко от нас, на юге, там, внизу, а здесь, в сердце зимы, было пасмурно и почти безветренно. Вначале пелена туч была тонкой и воздух был наполнен ровным, рассеянным солнечным светом, отраженным тучами и снегом, — сверху и снизу. За одну ночь погода испортилась. Всякий свет исчез, не осталось ничего. Мы вышли из палатки в пустоту, в ничто. Санки и палатка были, Эстравен стоял рядом со мной, но ни он, ни я не отбрасывали тени. Тусклый рассеянный свет наполнял пространство. Когда мы ступали по скрипящему снегу, следов не было видно из-за отсутствия тени. Мы шли, как призраки, не оставляя следов. Санки, палатка, он, я — и ничего больше. Абсолютно ничего. Не было солнца, неба, горизонта, мира. Была только светло-серая пустота, в которой мы были как бы взвешены. Иллюзия была настолько полной, что мне с трудом удавалось удерживать равновесие. Специальный орган в моем внутреннем ухе, предназначенный для определения положения тела в пространстве, приученный к тому, что информация эта подтверждается зрительными ощущениями, перестал это подтверждение получать. Я будто ослеп. Это было невыносимо, когда мы укладывались, но идти в этих условиях, когда перед тобой пустота, — ничего, на что можно было бы смотреть, ничего на чем мог бы остановиться взгляд... Вначале это просто раздражало, потом стало невыносимым. Мы шли на лыжах по

хорошему фирну, без застругов, очень плотному, во всяком случае, первые два километра. Мы должны были идти в хорошем темпе. Однако мы двигались все медленней и медленней, отыскивая дорогу на ощупь, хотя ничто не скрывало ее от нас, и нужно было усилием воли заставлять себя идти в нормальном темпе. Любая, даже самая незначительная неровность поверхности, вызывала шок, как появление на лестнице, по которой поднимаешься в темноте, ступеньки, которой не ожидаешь, или при спуске — отсутствие такой ожидаемой ступеньки. Мы совершенно не были готовы к появлению этих неровностей, потому что отсутствовала тень, позволяющая их обнаруживать. С открытыми глазами мы двигались, как слепые. Так продолжалось день за днем, и мы начали сокращать дневные переходы, потому что уже в середине дня мы обливались потом и дрожали от напряжения и усталости. Я начал тосковать по идущему снегу, по метели, по чему угодно, но каждое утро мы выходили из палатки в белесую пустоту, в то, что Эстравен называл «бестень».

В день одорни ниммер, шестьдесят первый день нашего путешествия, где-то около полудня, эта лишенная всякой определенности слепая пустота вокруг нас заколыхалась и поплыла. Я решил, что это очередной обман зрения, и не стал обращать внимания на неопределенные и неясные движения воздуха, пока вдруг не увидел слабое свечение маленького, бледного солнца над головой. А ниже, прямо перед нами, я увидел гигантскую черную массу, грозящуюся перед нами в пустоту. Черные щупальца извивались и тянулись вверх. Я остановился как вкопанный, решительно развернув Эстравена на его лыжах, потому что мы были оба впряжены в санки.

— Что это?— спросил я.

Эстравен пригляделся к черному чудовищу, прячущемуся во мгле, и через минуту сказал:

— Турни... Это, должно быть, Турни Эшергот,— и двинулся дальше. Мы находились в нескольких километрах от того, что, как показалось мне, возвышается прямо перед нами. Постепенно белая порода, это «бестень», сменилась густым низко стелющимся туманом, потом туман постепенно рассеялся, и перед заходом солнца мы увидели это во всем великолепии: нунатаки, огромные, растрескавшиеся и выветрившиеся вершины скал, торчащие из льда, и эта их видимая часть была не больше, чем находящаяся над водой вершина айсберга, надводная его часть,— утонувшие во льду горы, спящие уже много лет.

Эти скалы указывали на то, что мы продвинулись на север несколько дальше, чем предполагала самая короткая трасса, если верить нашей самодельной карте, единственной, которая была в нашем распоряжении. На следующий день мы впервые свернули, начали двигаться на юго-восток.

19. ВОЗВРАЩЕНИЕ

В пасмурный и ветреный день мы двигались вперед, пытаясь вдохновиться созерцанием Турни Эшерхот, первого, что из увиденного нами за последние семь недель не было ни льдом, ни снегом, ни небом. На карте эти скалы были помещены не очень далеко от болот Шенши на юге и залива Гутен на востоке. Но карта была не слишком точна, а мы были все более измучены.

Мы должны были находиться ближе к южной оконечности ледника Гобрин, чем это следовало из карты, потому что уже на второй день после поворота на юго-восток появился старый лед и трещины. Лед не был здесь так собран в складки, смят и изборозжен трещинами, как в районе Огненных Холмов, зато он был размокшим, подтаявшим. Нам попадались обширные углубления, которые летом, очевидно, превращались в озера; предательские, коварные участки льда, которые проваливались под тяжестью человека с громким шумом, похожим на вздох, на глубину нескольких десятков сантиметров; целые пространства льда, изрезанные бороздами и изъязвленные ямами. Кроме того, все чаще встречались большие трещины, старые каньоны во Льду, и широкие, как горные ущелья, и узкие, но очень глубокие. В день одирни ниммер (в соответствии с записями в дневнике Эстравена, потому что я не вел никаких записей) светило солнце и дул сильный ветер. Перетаскивая санки по снежным мостам через более узкие трещины, можно было заглянуть в глубину голубых провалов и пропастей, в которые куски льда, сталкиваемые полозьями саней, падали с довольно громким, но в то же время мелодичным звуком, будто тонкие хрустальные осколки задевали за серебряные струны. Я помню бодрящую, почти нереальную, граничащую с головокружением радость этого утреннего движения в солнечном сиянии над пропастями. Однако вскоре небо начало белеть, воздух — густеть, тени — исчезать. Голубизна уходила с неба и снега. Мы не были готовы к опасности, возникающей с установлением белой погоды на такой поверхности. Так как лед был неровным, Эстравен тащил, а я толкал санки. Взгляд мой упирался в санки, и я шел, думая только о том, как мне их наилучшим образом толкать, как вдруг санки съехали вперед, чуть было не вырвавшись из моих рук. Я инстинктивно вцепился в них и закричал Эстравену: «Эй!», чтобы он так не гнал, думая, что он ускорил шаг на ровной дороге. Но санки остановились, сильно наклонившись вперед, а Эстравен исчез.

Я чуть не выпустил из рук поручень, чтобы броситься на поиски Эстравена. По чистой случайности я не сделал этого. Вцепившись в поручень, я ошеломленно оглядывался и вдруг увидел край трещины, обнаружившейся, когда обломился и упал следующий фрагмент снежного моста. Эстравен упал ногами вперед, и только моя

тяжесть удерживала санки от того, чтобы не свалиться следом за этим обломком. Одной третью полозьев санки еще стояли на твердом льду. Тяжесть Эстравена, висящего на ремнях упряжки, медленно наклоняла санки все сильнее вперед.

Всей тяжестью своего тела я навалился на задний поручень санок и тащил, раскачивая и втискивая в лед полозья, пытаюсь оттащить их от края трещины. Давалось мне это с трудом, но, изо всех сил дергая за поручень, я сдвинул неподатливые, сопротивляющиеся санки, которые вдруг неожиданно отъехали от края пропасти. Эстравен ухватился руками за край трещины и теперь помогал мне. Я тащил за упряжь, а он карабкался по льду, пока наконец не выбрался из пропасти на ровную поверхность и не упал ничком.

Я опустился рядом с ним на колени и начал расстегивать упряжь, обеспокоенный тем, как он безжизненно лежал. Только редкие спазматические вдохи свидетельствовали о том, что он еще жив. Губы его посинели, лицо было почти сплошь покрыто синяками и царапинами.

Через минуту он неуверенно приподнялся, сел и свистящим шепотом сказал:

— Голубое... Все голубое... Башни в бездне...

— О чем ты?

— Там, в трещине... Все голубое... и светится...

— Что с тобой?

Он начал снова застегивать на себе упряжь.

— Теперь ты иди первым... на веревке... с палкой,— с трудом выговорил он.— Выбирай дорогу.

Целыми часами один из нас тащил санки, а другой вел, ступая осторожно, как кот на яичной скорлупе, проверяя надежность поверхности палкой перед тем, как шагнуть. При белой погоде щели и трещины не видны до тех пор, пока в них не заглянешь. Это всегда несколько поздновато, поскольку на краях трещин обычно нависали предательских снежные карнизы, почти всегда ненадежные. Каждый шаг был неожиданностью, ступенькой либо вверх, либо вниз. Никаких теней. Однообразная белая беззвучная сфера. Мы двигались, как бы находясь внутри огромного шара из обледенелого стекла. Внутри этого шара не было ничего, и за пределами его, снаружи, тоже ничего не было. Но в самом стекле были трещины. Проверка — и шаг. Проверка — и шаг. Поиски невидимой трещины, через которую можно вывалиться из этого молочно-белого, матового шара и падать, падать, падать... Постепенно мои мышцы сводило судорогой от непрерывного напряжения, и сделать хотя бы еще один следующий шаг вдруг стало мне не под силу — это требовало нечеловеческого усилия.

— Что с тобой, Генри?

Я остановился посреди этой пустоты. Слезы выступили у меня на глазах и тут же замерзли, так что веки смерзлись тоже.

— Я боюсь упасть, — сказал я.

— Ты ведь на веревке, — сказал он, но, заметив, что поблизости нет ни одной трещины, понял, что я имею в виду, и сказал: — Разбиваем лагерь.

— Еще не время, мы должны идти дальше.

Эстравен уже распаковывал палатку.

Позже, когда мы уже поели, он сказал:

— Это было как раз самое подходящее время, чтобы остановиться. Наверное, нам не следует идти в эту сторону. Ледник здесь начинает постепенно понижаться и всюду будет подтаявший и потрескавшийся. Если бы была хорошая видимость — другое дело, но при бестенье здесь идти нельзя.

— А как же мы тогда дойдем до болот Шенши?

— Если мы пойдем на восток, вместо того, чтобы идти на юг, может быть, нам удастся даже дойти до залива Гутен по надежному, твердому льду. Когда-то, когда я плыл на корабле по заливу, я видел с него Лед, а это было летом, в самой середине лета. Там Лед доходил до Красных Взгорий и ледовыми реками сходил в залив. Если бы мы спустились по одному из этих языков ледника, мы могли бы отправиться на юг по замерзшему морю и войти в Кархид со стороны побережья, а не через границу, что было бы для нас предпочтительней. Это удлинило бы нашу дорогу, на каких-нибудь тридцать, максимум — семьдесят километров. Что ты на это скажешь, Генри?

— Я скажу, что не в состоянии сделать и десяти шагов, пока не прекратится эта проклятая белая погода.

— Но если мы выйдем туда, где уже не будет трещин...

— Ну, если мы выйдем туда, где уже не будет трещин, тогда пожалуйста. А если солнце когда-нибудь еще выглянет, то ты тогда можешь садиться на санки, и я доведу тебя до Кархида за так, бесплатно. — Это был образец шуток, которые сопровождали нас на этом этапе пути. Шутки были неизменно слабоваты, но иногда они вызывали улыбку у моего товарища. — А со мной все в порядке, — добавил я. — Это просто был приступ хронического страха.

— Страх — очень полезная вещь. Как темнота. Как тень. — Улыбка Эстравена выглядела как страшная щель в шелушащейся, потрескавшейся коричневой маске, в которой поблескивали два черных камешка под низко спускающимися на лицо черными, густыми, как мех, волосами. — Странно, что дневного света нам недостаточно. Для того, чтобы идти, нам нужна тень...

— Дай мне на минутку твой блокнот.

Он как раз заканчивал свои ежедневные заметки о дневном переходе, какие-то сложные расчеты километров и пищевых рацио-

нов. Он придвинул ко мне маленькую тетрадку и карандаш. На белой обложке внутренней стороны обложки я нарисовал круг, разделил его буквой s и заштриховал одну из частей, «инь», после чего отдал блокнот Эстравену. — Знаком ли тебе этот символ?

Он долго присматривался к изображению со странным выражением лица.

— Нет, — сказал он наконец.

— Он встречается на Земле, на Хайне и на Чиффеваре. На Земле у того народа, который первым придумал эти символы, у китайцев, они называются «инь» и «ян». Как это ты говорил? «Свет есть левая рука тьмы...» Как там дальше? Свет и тьма. Страх и мужество. Тепло и холод. Женское и мужское. Это ты, Терем. В этом твоя сущность — двойственное в целостном и едином. Тень на снегу.

На следующий день мы шли так долго на северо-восток, пока в белой пустоте под ногами окончательно не исчезли трещины. На это у нас пошел целый дневной переход. Мы сократили на треть наши дневные порции, чтобы нам хватило еды на удлинившийся маршрут. Я считал, что в этом нет никакого смысла, потому что разница между «мало» и «ничего» казалась мне несущественной. Эстравен же продолжал погоню за своим везением, следуя чему-то, что производило впечатление предчувствия или интуиции, но могло оказаться производным опыта и логики. Мы шли на восток четыре дня, сделав четыре самых длинных перехода, от двадцати пяти до тридцати километров в день. И тогда безветренная морозная погода треснула и рассыпалась, превратившись в клубящиеся облака мелких снежинок, которые мельтешили перед нами, за спиной, с боков и в глазах. В тускнеющем свете дня начиналась снежная буря. Мы не могли двинуться в путь и провели в палатке три дня, а метель все эти три дня нечленораздельно выла за тонкими стенками палатки голосом, полным ненависти к нам, во всю мощь своих легких, которым не нужно было набирать воздуха.

«Эта вьюга доведет меня до того, что я тоже начну на нее рычать», — передал я Эстравену на мыслеречи, на что он с характерной для него суровостью ответил мне: «Не стоит. Она не будет слушать».

Спали мы, сколько были в состоянии спать, ели очень мало, залечивали свои царапины, обморожения и потертости, разговаривали с помощью мыслеречи и снова спали. Трехдневный вой сменился невнятным бормотанием, потом всхлипами и, наконец, тишиной. Наступил день. Через открытый шлюз палатки засветлело небо. Это зрелище придало нам бодрости, но мы были слишком измучены, чтобы наше улучшившееся настроение могло проявиться

большей живостью и энергией наших движений. Мы свернули лагерь, и это заняло у нас почти два часа, потому что мы возились с этим, как двое немощных старцев, и наконец двинулись в путь. Дорога, несомненно, шла вниз под небольшим уклоном, снежное покрытие было для лыж идеальным, светило солнце. Термометр показывал — 23 градуса. У нас было такое ощущение, что с каждым шагом к нам возвращаются силы, идти было легко. И мы шли легко и быстро. В этот день мы шли до появления на небе первых звезд.

На ужин Эстравен выдал нам полные порции. При таких порциях нам хватило бы еды только на семь дней.

— Колесо все вращается, — сказал он спокойно. — Чтобы хорошо идти, нам надо хорошо есть.

— Ешьте, пейте и веселитесь! — сказал я. Сытость меня опьянила. Я засмеялся так, будто сказал что-то очень смешное. — Все сразу, все вместе — еда-питье-веселье. Не бывает веселья без еды, странно, правда? — Мне это показалось таким же откровением, как нарисованный мною круг «инь-ян», но ненадолго. Что-то в выражении лица Эстравена привлекло мое внимание. Потом внезапно мне захотелось расплакаться, но я сдержался. Эстравен был физически слабее меня, и расплакаться было бы просто непорядочно с моей стороны — это могло бы и его спровоцировать к слезам. А он уже спал. Заснул сидя, с миской на коленях. Это уже было вообще ни на что не похоже — такой непорядок. Но идея в целом была неплохая: спать!

На следующее утро мы проснулись довольно поздно, съели удвоенную порцию на завтрак, впряглись и потащили наши более легкие санки на край света.

За краем света, которым оказалась крутая красно-белая осыпь, в неярком полуденном свете лежало замерзшее море. Это был залив Гутен, скованный льдом от одного берега до другого и от Кархида до самого северного полюса.

Спуск вниз, к морю, через острые края, сбросы и борозды ледника, втиснувшегося меж Красными Взморьями, заняли у нас всю вторую половину этого дня и весь следующий день. В этот второй день мы оставили санки и погрузили все, что у нас осталось, в рюкзаки. Палатка заняла полностью один рюкзак, все остальное уместилось во втором. Еда была разделена поровну, всего получилось около десяти килограммов на человека. Я добавил к своей ноше печурку, и все еще не набралось и пятнадцати килограммов. Все-таки приятно было освободиться от вечно застревающих в камнях и расщелинах санок, которые непрерывно приходилось тащить, толкать и выдергивать, о чем я и сказал Эстравену. Он оглянулся на санки, такие маленькие и ненужные среди бескрайней осыпи из обломков льда и красных камней.

— Они нам хорошо послужили, — сказал он. Его доброжела-

тельное отношение в равной мере распространилось и на вещи — надежные, терпеливые, выносливые вещи, которыми мы пользовались, к которым привыкли и которые облегчали нашу жизнь. Ему было жаль эти брошенные санки.

Вечером этого дня, семьдесят пятого дня нашего путешествия, после проведенных на ледовом плоскогорье пятидесяти одного дня, в день хархахад аннер, мы спустились со Льда Гобрин на морской лед залива Гутен. И снова мы шли долго, до самых сумерек. Воздух был очень холодным, но чистым и спокойным, а достаточно ровная поверхность льда и отсутствие санок способствовали быстрому бегу наших лыж. Когда мы разбили лагерь в этот вечер, странно было перед сном думать о том, что теперь под нами находится не полуторакилометровая толща льда, а тонкий слой его, толщиной всего в несколько десятков сантиметров, под которым уже не скалы, а соленая морская вода. Но мы не тратили время на размышления. Мы поужинали и уснули.

Утром снова был погожий день, правда, очень холодный, — 40 градусов на рассвете. На юге виднелся берег, тут и там вздувшийся языками ледника, протянувшийся почти по прямой линии на юг. Вначале мы шли, придерживаясь направления береговой линии. И вначале нам помогал идти попутный северный ветер, пока мы не добрались до устья долины между высокими оранжевыми холмами. Из этого ущелья дул такой сильный ветер, что первый же его порыв свалил нас с ног. Мы сбежали от него, уйдя восточнее, на гладкий морской лед, пока не добрались до места, где мы уже могли удержаться на ногах, потому что сила порывов ветра здесь ослабела.

— Ледник Гобрин изверг нас из уст своих, — сказал я.

На следующий день стало заметно, что береговая линия сворачивает на восток. Справа от нас был Оргорейн, но вот эта голубая дуга прямо перед нами — это уже был Кархид.

В этот день мы использовали последние крошки орша и остатки ростков кадика. У нас осталось по килограмму гичи-мичи и по несколько ложек сахара.

С сожалением констатирую, что не в состоянии достаточно точно описать эти последние дни нашего путешествия, потому что их я не запомнил. Голод может обострить перцепцию, восприятие окружающего мира, только не в сочетании с крайней степенью истощения. Я полагаю, что все мои чувства — и зрение, и слух, и осязание, и все остальное — были в значительной степени подавлены и заторможены. Я помню, что у меня были голодные судороги, но не припоминаю, чтобы мне это причиняло какие-то страдания. Если я что-нибудь и чувствовал, то это было смутное ощущение освобождения, преодоления какого-то порога, ощущение радости. И еще ощущение чудовищной сонливости. Мы дошли до суши на двенадца-

тый день, посте аннер, и по замерзшему берегу взобрались на каменистую заснеженную пустошь побережья залива Путен.

Мы были в Кархиде. Мы достигли нашей цели. Немногого не достало, чтобы наши движения оказались бессмысленными, потому что рюкзаки наши были совершенно пусты. В ознаменование нашего прибытия мы выпили горячей воды. На следующее утро мы проснулись и отправились искать какую-нибудь дорогу, какое-нибудь жилье. Район этот безлюдный, и у нас не было его карты. Если там и были какие-нибудь дороги, то сейчас они были скрыты под полутора-, двухметровым слоем снега, и мы, не зная их расположения, могли миновать их. Не было никаких признаков возделываемой земли. В этот день мы шли наугад куда-то в юго-западном направлении. Вечером следующего дня, когда мы увидели на склоне далекого холма огонек, свет которого пробивался сквозь мрак и редкий снег, ни один из нас долго не мог ничего сказать.

Наконец мой товарищ прохрипел:

— Это свет?

Было уже совсем темно, когда на плохо слушающихся ногах мы вошли в кархидскую деревушку, представляющую собой однуединственную улицу между темными домами с высокими крышами, с утоптаным снегом, поверхность которого находилась на уровне зимних дверей. Мы стояли перед постоянным двором, из узких окон которого светящимися конусами, снопами падал желтый свет, который мы и заметили с далекого холма. Мы открыли дверь и вошли.

Был одсордин аннер, восемьдесят первый день нашего путешествия. Мы опаздывали на одиннадцать дней, по сравнению с планом, который наметил Эстравен. Запас продовольствия он оценил точно: в лучшем случае его должно было хватить на семьдесят восемь дней. Мы прошли тысячу триста километров согласно счетчику на санках, да еще то, что мы прошли без санок. Много времени было потрачено зря на бесплодное кружение, и если бы нам действительно надо было пройти тысячу триста километров, то мы никогда не достигли бы своей цели; если бы у нас была точная карта, мы убедились бы, что расстояние от фермы Пулефен до этой деревушки составляет неполные тысяча сто километров. Все эти километры и дни в безлюдной и безмолвной пустоте, где только скалы, лед, небо и тишина; и восемьдесят один день — ничего, кроме нас двоих.

Мы вошли в большое, жаркое, ярко освещенное помещение, наполненное едой и запахами еды, людьми и голосами людей. Я схватил Эстравена за плечо. К нам обернулись чужие лица, чужие глаза. Я уже успел забыть, что на свете существуют люди, которые не похожи на Эстравена. Я был потрясен.

На самом деле помещение это было довольно маленьким, толпа незнакомых людей состояла из семи или восьми человек, которые

вначале, несомненно, были потрясены не меньше, чем я. Никто и никогда не приходил в Куркураст в середине зимы, ночью, да еще с севера. Они смотрели на нас, вытаращив глаза. Все голоса разом смолкли.

— Просим гостеприимства в домене,— проговорил Эстравен едва слышным шепотом.

Шум, говор, замешательство, суета, приветствия.

— Мы пришли через Лед Гобрин.

Снова шум, голоса, вопросы. Нас окружили люди.

— Может быть, вы займетесь моим товарищем?

Мне показалось, что это произнес я, но эти слова сказал Эстравен. Кто-то усадил меня почти что силой. Нам принесли еду. О нас заботятся, нас приняли как друзей, нас приглашают в дом.

Неотесанные, сварливые, пылкие души, крестьяне из нищего края. Их доброта и щедрость прозвучали благородным заключительным аккордом в этом убийственном путешествии. Они дарили обеими руками, не скупясь и не считаясь. И Эстравен принимал то, что дарили, как хозяин среди хозяев или как нищий среди нищих.— как человек среди людей.

Для этих рыбаков, живущих на окраине окраин, на последнем пригодном для жизни клочке едва пригодного для жизни континента, человеческая порядочность необходима для жизни в такой же мере, как и еда. Они должны быть порядочны и честны по отношению к самим себе, потому что здесь не хватит жизненных сил еще и для нечестности, жульничества, непорядочности. Эстравен это хорошо знал, и когда на второй или третий день нам начали задавать вопросы, тактичные, деликатные, не в лоб, с полным уважением к шифгреттору, почему мы решили провести эту зиму, путешествуя по Льду Гобрин, он немедленно ответил:

— Я не должен выбирать молчание, но предпочитаю выбрать его, а не ложь.

— Всем известно, что благородные люди иногда оказываются вне закона, но тень их от этого не делается меньше,— сказал хозяин постоянного двора, второе по значимости лицо в деревушке после начальника, поскольку зимой его постоянный двор для всего домена представляет нечто вроде клуба или салона.

— Один человек может быть объявлен вне закона в Кархиде, а другой — в Оргорейне,— сказал Эстравен.

— Это правда. И с одним это сделает его собственный клан, а с другим так поступит король в Эргенранге.

— Король не укорачивает ничьей тени, хотя и может попытаться сделать это,— заметил Эстравен, и хозяину постоянного двора это высказывание понравилось. Если бы Эстравена изгнал его собственный клан, он был бы фигурой подозрительной, не внушающей доверия, а неудовольствие короля не имело никакого значения. Что

же касается меня, то я был явно чужестранцем, следовательно, тем самым изгнанником из Оргорейна, что говорило только в мою пользу.

До самого конца нашего пребывания в Куркурасте мы так и не открыли нашим гостеприимным хозяевам своих имен. Эстравену очень не хотелось пользоваться фальшивыми именами, а назвать наши настоящие было небезопасно. Даже самое обычное обращение к Эстравену было преступлением, не говоря уже о том, чтобы принимать его под своей крышей, кормить и одевать, как сделали эти люди. Даже в этой далекой деревушке на побережье залива Гутен было радио, и они не могли бы в свое оправдание сослаться на то, что им неизвестно о существовании указа об изгнании государственного преступника, разжалованного премьер-министра Кархида Эстравена. Только истинное незнание касательно личности гостя могло служить им оправданием. Эстравен успел позаботиться об их безопасности прежде, чем мне пришла в голову мысль об этом. На третий день вечером он пришел ко мне в комнату, чтобы обсудить наши дальнейшие действия.

Кархидская деревушка немного похожа на замок, средневековый замок на моей Земле, потому что в ней нет отдельных частных домов. Однако в высоких и просторных старых домах очагов торгового дома, совместного домена (в Куркурасте не было господина) и внешнего очага, наружного дома, каждый из пятисот жителей деревушки мог найти для себя спокойное место и даже уединение в одной из комнат, расположенных вдоль длинных коридоров за стенами почти метровой толщины. Нам были предоставлены две отдельные комнаты на верхнем этаже очага. Я сидел в своей комнате у огня, маленького, яркого, остро пахнущего огня, в котором пылал торф из болот Шанши, в комнату вошел Эстравен.

— Нам нужно уходить отсюда, Генри,— сказал он.

Я как сейчас вижу его, стоящего посреди полутемной комнаты и освещаемого только светом пламени, пылающего в камине. Он был босиком и без рубашки, и на нем были только широкие меховые штаны, которые он получил от начальника деревушки. В своих домах, где уютно и, как им кажется, тепло, кархидцы обычно ходят полуодетыми или же вовсе нагими. За время нашего путешествия Эстравен утратил всю свою гладкую, приземистую полноту, типичную для строения их тела. Он исхудал и весь был покрыт шрамами и рубцами, а лицо его было так обожжено морозом, будто обуглено. Он был темным, жестким и в то же время каким-то почти нереальным в этом колеблющемся беспокойном освещении.

— Куда?— спросил я.

— Думаю, что на юг и на запад. К границе. Сейчас самое главное — найти мощную передающую радиостанцию. Потом мне надо будет найти укрытие или на какое-то время вернуться в Орго-

рейн, чтобы не навлечь наказания на тех людей, которые нам здесь помогли.

— Как ты собираешься попасть в Оргорейн?

— Так же, как и раньше, просто перейду границу. Орготы ничего не имеют против меня.

— А где можно найти передатчик?

— Не ближе, чем в Сассинот.

Я поморщился. Он улынулся.

— А нет ли где-нибудь поближе?

— Это всего двести тридцать километров. Мы прошли гораздо больше и в гораздо более плохих условиях. А здесь всюду есть дороги. Люди нам помогут, подвезут на санях с мотором.

Я согласился, но был угнетен возникшей необходимостью в еще одном этапе нашего зимнего путешествия, да еще на этот раз не к месту убежища, а опять к этой проклятой границе, где Эстравен снова вернется в положение изгнанника, оставив меня одного. Я размышлял над этим какое-то время и наконец сказал:

— Я поставлю одно условие, которое Кархиду придется выполнить прежде, чем он станет одним из членов Экумена. Аргавен должен отменить твоё изгнание.

Он молча глядел в огонь.

— Я говорю совершенно серьезно. Начинать надо с самого главного.

— Спасибо тебе, Генри.— Его голос, когда он говорил очень тихо, так, как сейчас, звучал совсем как голос женщины, глухой и хриплый. Он смотрел на меня ласково, без улыбки.— Я уже давно оставил надежду когда-нибудь увидеть свой дом. Я несу бремя изгнания уже больше двадцати лет. И надо сказать, что то изгнание мало отличается от этого. С этим я справлюсь и сам, а ты займись делами своими и своим Экуменом. С этого момента все будет зависеть только от тебя. Но сейчас еще рано об этом говорить. Сначала отправь сообщение на свой корабль. Когда ты это сделаешь, я начну думать о том, что делать дальше.

Мы провели в Куркурасте еще два дня, отъедаясь и отдыхая в ожидании снежного катка, который должен был прийти с юга и подвезти нас на обратной дороге. Наши хозяева уговорили Эстравена рассказать им о нашем путешествии через Лед. Он рассказывал эту историю так, как может это сделать только тот, кто был воспитан в традициях устной литературы. В его устах история эта превратилась в сагу, насыщенную традиционными оборотами и даже эпизодами, но сага эта была точная, яркая и живая, начиная от серного огня и тьмы, встретивших нас между Драммером и Дременуолом, и вплоть до неодолимых порывов ветра, вырывающихся из горных долин и беснующихся в заливе Гутен, с комическими интерлюдиями, например, о том, как он свалился в трещину, и мистическими

фрагментами, когда он рассказывал об отголосках, отзвуках и тишине Льда, о белой погоде, в которой исчезают тени, о ночной тьме и молчании гор. Я слушал его так же заворуженно, как и все остальные слушатели, не сводя с него глаз.

Мы выехали из Куркураста, втиснутые в кабину снежного катка, как седьми в бочке. Снежный каток — одна из тех болших машин, которые утрамбовывают снег на кархидских дорогах и обеспечивают возможность пользоваться этими дорогами зимой, потому что очистка дорог от снега с помощью снежных плугов стоила бы половину всех денег королевской казны и потребовала бы очень много времени. А зимой все передвижения и так осуществляются на полозьях. Снежный каток полз со скоростью трех километров в час и довез нас до следующей деревушки, расположенной к югу до Куркураста, когда уже совсем стемнело. Там, как всегда на Гетене, мы были радушно приняты, накормлены и устроены на ночлег. На следующий день мы продолжили свой путь пешком. Теперь мы находились на материковой части прибрежных взгорий, преграждающих дорогу северного сета со стороны залива Гутен. Местность здесь уже была заселена значительно сильнее, и мы шли уже не от одного своего лагеря до следующего, а от очага к очагу. Дважды нас подвозили на механических санях, и один раз — на расстояние почти пятидесяти километров. Снег на дорогах, несмотря на частые снегопады, был хорошо укатан, и дороги были в достаточной мере снабжены всевозможными указателями. В рюкзаках наших всегда была провизия, которой снабжали нас гостеприимные хозяева, и всегда в конце дневного перехода нас ожидали кров и тепло.

И тем не менее те восемь или десять дней неустомительного пути, лыжного перехода через такую гостеприимную местность, оказались самой тяжелой и самой мрачной частью нашего путешествия — хуже, чем подъем на ледник, хуже, чем дни голода. Сага близилась к концу. Она была неразрывно связана со Льдом. Сейчас мы были измучены, шли не в ту сторону, и никакой радости у нас уже не было.

— Иногда следует идти в сторону, противоположную той, в которую вращается колесо фортуны, — сказал Эстравен. Он был спокоен и уверен как обычно, но в его походке, голосе, во всем его облике энергию сменила выносливость, какая-то упрямая решимость. Он стал очень молчалив и больше не выказывал желания общаться с помощью мыслеречи.

Мы добрались до Сассинот, города, насчитывающего несколько тысяч жителей и раскинувшегося на холмах у реки Эй: белые крыши, серые стены, холмы пестрят черными пятнами леса и скал, и поля и река белые. За рекой — спорная долина Синот, тоже белая...

Мы пришли сюда уже почти совсем налегке. Большую часть нашего снаряжения мы раздали нашим доброжелательным хозяе-

вам, у нас осталась только печурка, лыжи да одежда, что на нас была. Так, освобожденные от ноши, мы шли, расспрашивая встречных о дороге не к городу, а к ближайшему крестьянскому хозяйству. Это был скромный хутор; не относящийся к домену; отдельное хозяйство, находящееся в подчинении Управления Долины Синот. Эстравен, в молодости служивший секретарем в этом управлении, дружил с его владельцем, по сути, выкупив его хозяйство для своего друга, когда помогал людям переселяться на восточный берег Эй в надежде на скорое разрешение спора о долине. Двери нам открыл сам хозяин, коренастый спокойный человек примерно того же возраста, что и Эстравен. Звали его Тессичер.

Эстравен в этих местах низко надвигал на свое лицо капюшон, потому что опасался, что здесь его могут узнать. Наверное, это было излишним. Понадобились бы очень внимательные и быстрые глаза, чтобы узнать Харта рем ир Эстравена в этом худом, обветренном бродяге. Тессичер постоянно бросал на него украдкой взгляд, потому что ему с трудом верилось, что перед ним тот человек, чье имя он сейчас услышал.

Тессичер принял нас с положенным гостеприимством, хотя возможности его были явно ограничены. Но было заметно, что особого счастья от этой встречи он не испытывает и что ему очень бы хотелось от нас избавиться, и поскорее. Это было вполне понятно: предоставляя нам убежище, он рисковал, так как за это ему грозила конфискация всего имущества. Так как этим своим имуществом он был обязан Эстравену и мог бы быть таким же нищим, как мы, если бы Эстравен его этим имуществом не обеспечил, ожидая от него взамен этой услуги, решимости рискнуть, все казалось мне вполне обоснованным. Мой друг просил его о помощи не во имя благодарности, а во имя дружбы, надеясь не на обязательства Тессичера, а на его чувства. И действительно, когда прошел его испуг, Тессичер оттаял и с кархидской импульсивностью перешел в настроение доверительное, откровенное и ностальгическое, предавшись вместе с Эстравеном у огня камина воспоминаниям о прошедших временах и старых знакомых. Когда Эстравен спросил его, не знает ли он какого-нибудь подходящего для убежища места, заброшенной или одиноко расположенной фермы, где изгнанник мог бы переждать месяц или два, пока не будет отменен указ о его изгнании, Тессичер немедленно сказал:

— Я прошу вас остаться у меня.

Глаза Эстравена заблестели при этих словах, но он не согласился принять такую жертву. Тессичер, поразмыслив, тоже пришел к выводу, что скрываться так близко от Сассинот было бы опасно, обещал подыскать ему какое-нибудь надежное убежище. Это будет нетрудно сделать, если Эстравен назовется вымышленным именем и пойдет работать поваром или грузчиком, что, возможно, будет

не слишком приятно, зато наверняка лучшим выходом, чем возвращение в Оргорейн.

— Что же, черт побери, вы делали там, в Оргорейне? На что вы там жили?

— На средства содружества Оргорейна, — ответил мой друг, едва заметно улыбаясь своей улыбкой, похожей на улыбку выдры. — Они там обеспечивают работой каждую личность. С этим проблем у них нет. Но я предпочел бы остаться в Кархиде... если вы считаете, что это удастся устроить...

У нас была печурка, единственная ценная вещь, которая у нас еще осталась. Она верно служила нам до самого конца путешествия. На следующее утро, после того как мы добрались до хутора Тессичера, я взял печурку и отправился на лыжах в город. Эстравен, естественно, со мной не пошел, но объяснил мне, что я должен сделать, и мне все удалось сделать, как он мне сказал. Я продал печурку в Торговом Центре, взял ту довольно солидную сумму денег, которую получил за печурку, отправился в Школу Ремесел на холме, где размещалась радиостанция, и заплатил за десять минут «частной трансляции, обращенной к частному лицу». Все радиостанции имеют время, выделенное именно для таких коротковолновых передач. Поскольку этими передачами обычно пользуются торговцы для общения со своими заморскими представителями или контрагентами на архипелаге, в Сите или в Перунтере, стоимость этих передач довольно высока, но доступна. Во всяком случае, она меньше, чем цена бывшей в употреблении переносной печурки. Мои десять минут пришлось на начало третьего часа, далеко за полдень. Мне не хотелось целый день ходить туда и обратно от Тессичера до Сассинот, поэтому я остался в городе и заказал себе обильный, вкусный и недорогой обед в столовой. Несомненно, кархидская кухня была на голову выше орготской. Во время еды я вспомнил комментарий Эстравена по этому поводу, когда я спросил его, ненавидит ли он Оргорейн. Я даже вспомнил интонацию его голоса, когда предыдущим вечером он спокойно говорил о том, что предпочел бы остаться в Кархиде. Не в первый раз я задавал себе вопрос, что же такое, собственно, есть патриотизм, в чем на самом деле состоит любовь к стране, откуда берутся та верность, та тоска, которые зазвенели в голосе моего товарища, и как такая истинная любовь вырождается и превращается в бездумный и неистовый фанатизм. С чего это начинается?

После обеда я прогуливался по Сассинот. Городская сутолока, магазины, торговые дома, оживленные улицы, несмотря на мороз и ветер со снегом, производили впечатление чего-то театрального, ошеломляющего и нереального. Я еще не полностью излечился от ледового одиночества. Чувствовал я себя неуверенно, и мне все время недоставало Эстравена рядом со мной.

Уже в сумерках я отправился по крутой, покрытой плотно утоптаным снегом улице к Школе Ремесел, где меня впустили в помещение радиостанции и показали, как пользоваться передатчиком. В отведенное мне время я послал сигнал пробуждения на трансляционный спутник, находящийся на стационарной орбите в каких-то четырехстах пятидесяти километрах над южным Кархидом. Я поместил его там для обеспечения безопасности именно в такой ситуации, если бы я потерял анзибл и не мог бы обратиться в Оллюю о передаче моего сигнала на корабль, а сам бы не располагал ни временем, ни техническими средствами для непосредственной связи с кораблем, находящимся на околосолнечной орбите. Мощность передатчика в Сассинот была вполне достаточной, но спутник не мог подтвердить получение сообщения, он просто передавал сигнал на корабль. У меня не было другого выхода, я мог только передать сигнал — и все. Я не мог узнать, получено ли мое сообщение и передано ли оно на корабль. Не был я уверен и в том, правильно ли сделал, отправляя это сообщение вообще. Но я научился относиться к таким сомнениям спокойно.

Начиналась метель, и так как я не знал дороги настолько хорошо, чтобы продолжать путь в темноте среди метели, мне пришлось переночевать в городе. У меня еще оставалось немного денег, поэтому я начал расспрашивать, где находится ближайший постоялый двор, и меня оставили ночевать в школе. Я поужинал вместе с шумными и веселыми студентами, и меня уложили спать в интернате. Я заснул с приятным ощущением безопасности, с глубокой благодарностью к безотказному и не имеющему себе равных кархидскому гостеприимству. Я приземлился, несомненно, в самом удачном месте на Гетене, в самой подходящей стране, и теперь вернулся в нее снова. С этой мыслью я и заснул. Проснулся я рано и, не завтракая после ночи, полной тревожных сновидений, отправился на ферму Тессичера.

Восходящее солнце, маленький и холодный диск на безоблачном небе, успело подняться совсем невысоко. От каждого сугроба, от каждой неровности на снегу на запад протянулись длинные синие тени. Дорога вся была покрыта замысловатым узором теней и света. На снежных полях не было видно никаких признаков жизни, но далеко впереди меня на дороге виднелась маленькая фигурка лыжника, направляющаяся в мою сторону легким и быстрым шагом. Задолго до того, как я смог разглядеть лицо лыжника, я уже знал, что это Эстравен.

— Что происходит, Терем?

— Я должен добраться до границы, — прохрипел он, не останавливаясь. Он уже тяжело дышал. Я развернулся на 180 градусов, и мы уже вместе понеслись на запад. Я едва поспевал за ним. Там, где дорога сворачивала к Сассинот, он, съехав с нее, продолжал

двигаться напрямик, через поля. Мы пересекли замерзшую Эй на расстоянии мили к северу от города. Берега Эй были круты, и, взбываясь на противоположный берег, нам пришлось остановиться, чтобы передохнуть. Мы оба находились не в лучшей спортивной форме, пригодной для таких состязаний.

— Что случилось? Тессичер?

— Да. Я услышал, как он по коротковолновому передатчику передает донесение обо мне. На рассвете.— Грудь Эстравена спазматически поднималась и опускалась, совсем как тогда, на Льду, когда он лежал у края голубой пропасти.— Тайб наверняка назначил награду за мою голову.

— Неблагодарный предатель! — воскликнул я. Но я имел в виду не Тайба, а Тессичера, предавшего старого друга.

— Да, это так, — согласился Эстравен.— Но я слишком много от него потребовал, слишком непосильное бремя взвалил на его слабую душу. Послушай, Генри. Возвращайся в Сассинот.

— Я провожу тебя хотя бы до границы.

— Мы можем наткнуться на орготских стражников.

— Я останусь по эту сторону. Ну пожалуйста, прошу тебя!..

Он улыбнулся. Все еще тяжело дыша, встал и пошел дальше.

Я шел за ним следом. Мы шли через маленькие заснеженные рощицы, пригорки и поля долины, являющейся предметом спора двух государств. Мы шли, не таясь и не прячась, открыто и беззащитно. Выцветшее белесое небо, рассеянный неяркий свет, и в нем — мы, два пятнышка тени, скользящие в нем, бегущие куда-то, пытающиеся убежать... Неровности почвы скрывали от нас границу, пока мы не приблизились к ней на расстояние двухсот метров, и тогда мы вдруг увидели ее как на ладони. Обозначена она была изгородью. Столбики изгороди всего лишь на несколько десятков сантиметров возвышались над снегом, их верхушки были выкрашены красной краской. С орготской стороны не были видны только следы лыж и к югу от нас — несколько маленьких фигурок.

— С нашей стороны есть стражники. Нужно подождать до темноты, Терем.

— Инспекторы Тайба, — со злостью прошипел он и свернул в сторону.

Мы обогнули небольшой холм, с которого только что съехали, и укрылись в ближайшем подходящем месте. Там мы провели весь день, в маленькой долине, заросшей деревьями хеммен с красноватыми ветвями, согнувшимися под тяжестью снега. Мы обсудили несколько вариантов дальнейших действий: пройти на север или на юг вдоль границы, чтобы выбраться за пределы этой особенно опасной зоны; пойти через холмы, расположенные на восток от Сассинот и даже вернуться на север в безлюдные, почти незаселенные районы. Но каждый из этих вариантов пришлось отвергнуть.

Пребывание Эстравена в Кархиде уже было обнаружено, и нам нельзя было передвигаться по Кархиду открыто, как это было до сих пор. Кроме того, мы не могли отправляться в сколько-нибудь продолжительные путешествия скрытно, потому что у нас не было ни палатки, ни продуктов, ни сил. Оставался только бросок через границу по прямой. Другого выхода не было.

Мы ютились в темном углублении под темными деревьями, тесно прижавшись друг к другу, чтобы хоть немного согреться. Около полудня Эстравен задремал, но я не мог заснуть, потому что был слишком голоден и очень замерз. Я лежал рядом со своим другом, находясь в каком-то оцепенении, пытаюсь вспомнить слова, которые когда-то услышал от него: «Двое — это одно, жизнь и смерть сплетены...» Здесь было почти как в нашей палатке тогда, на Льду, только здесь не было ни палатки, ни еды, ни тепла. Не осталось ничего, кроме того, что мы были вместе, да и это должно было скоро кончиться.

Около полудня небо затянуло тучами, и температура начала быстро падать. Даже в нашем укрытом от ветра убежище стало слишком холодно, чтобы можно было сидеть без движения. Мы пытались двигаться, но у меня все равно после захода солнца начались такие же судороги, как тогда, в грузовике, когда нас везли в Пулефен. Казалось, что ночь никогда не наступит. Когда наконец синие сумерки сгустились, мы оставили свое укрытие и, прячась за деревьями и кустами, перебрались на другую сторону холма. Отсюда хорошо была видна линия границы — цепочка темных точек на светлом снегу. Никаких огоньков, никаких звуков, никакого движения. Далеко на юго-западе слабо светился золотистый отблеск огней маленького городка — одного из поселений Содружества Оргорейна, до которого Эстравен может дойти со своими ничего не стоящими бумагами, где будет хотя бы обеспечен ночлегом в тюрьме Содружества или в ближайшей ферме Содружества Оргорейна. Только здесь, в самую последнюю минуту, не раньше, до меня дошло, что именно мой эгоизм и молчание Эстравена скрывали от меня, куда он направляется и на что себя обрекает.

— Терем,— сказал я,— подожди...

Но он уже был на середине склона, великолепный лыжник, которому уже незачем было оглядываться на меня. Он несся стремительно, описывая длинную дугу и пересекая протянувшиеся по снегу тени. Он уходил от меня прямо под дула пограничной стражи. Кажется, оттуда что-то кричали, какие-то предупреждения или приказы, чтобы он остановился, что-то блеснуло, но я не вполне в этом уверен. Во всяком случае, он не останавливался, а несся к границе, и они его убили, застрелили прежде, чем он до нее добрался. Они не пользовались инфразвуковыми парализаторами, нет, они стреляли из дутышей, древних ружей, стреляющих зарядом рубленого

металла. Они стреляли, чтобы убить. Когда я очутился около него, он умирал, отброшенный в сторону от своих лыж, с развороченной грудной клеткой. Я обхватил ладонями его голову, что-то говорил ему, но он уже не слышал меня. Единственным ответом на мои слова, полные любви к нему, было восклицание на языке без слов, на мыслеречи, вырвавшееся из хаоса распадающегося сознания: «Арек!..» И больше ничего. Я стоял на снегу на коленях, поддерживая его голову, пока он умирал. Это мне позволили сделать. Потом мне велели встать и увели меня в одну сторону, а его унесли в другую. Я шел в тюрьму, а он — во тьму.

20. НАПРАСНАЯ НАДЕЖДА

Где-то в своих заметках, которые он делал во время нашего перехода через Лед Гобрин, Эстравен удивлялся, почему это его товарищ стыдится своих слез. Я мог бы ему еще тогда объяснить, что здесь речь в первую очередь идет не о стыде, а о страхе. Сейчас, вечером, когда умер мой друг, я шел долиной Синот в холодную страну, лежащую за границей страха. Там я убедился, что можно плакать сколько угодно, все равно это не помогает.

Меня доставили в Сассинот и отправили в тюрьму, поскольку я находился в обществе изгнанника, и потому еще, наверное, что они не знали, что со мной делать. С самого начала, даже еще до того, как пришли официальные распоряжения, ко мне относились хорошо. Местом моего заключения в Кархиде служила меблированная комната в Башне Электоров в Сассинот. В ней был камин и радио, и я получал обильное питание пять раз в день. Особого комфорта здесь, конечно, не было. Кровать была жесткой, одеяла — тонкими, пол — голым, воздух — холодным, словом, обычная комната в Кархиде. Зато ко мне прислали врача, в чьем голосе и прикосновении было благотворное утешение, которое было бы невозможно найти во всем Оргорейне. Мне кажется, что после его визита двери в мою комнату остались открытыми. Я понимаю, что мне очень хотелось их закрыть, потому что из коридора тянуло пронзительным холодом, но у меня не хватало ни сил, ни решимости встать с постели и закрыть двери своей тюрьмы.

Врач, очень серьезный молодой человек, в обращении со мной которого чувствовалась почти материнская заботливость, сказал мне спокойно и уверенно:

— Вы слишком мало ели и слишком много работали на протяжении последних пяти или шести месяцев. Вы истощены, и силы ваши на исходе, исчерпаны почти полностью. Больше черпать не из чего. Вам нужно лежать и отдыхать, как рекам, замерзающим на зиму. Спокойно лежите и ждите.

Но стоило мне заснуть, как я опять оказывался в грузовике, такой же, как все, съжившийся от холода; все вонючие, дрожащие, нагие, сбившиеся в кучу, чтобы согреться,— все, кроме одного. Тот один лежит в одиночестве у запертых дверей, неподвижный, холодный, и рот его наполнен свернувшейся кровью. Он предал нас. Он ушел один, бросив нас, бросив меня. Я просыпался в бешенстве, дрожа от бессильной ярости, которую сменяли бессильные слезы.

По-видимому, я был серьезно болен, потому что помню некоторые проявления очень высокой температуры и врача, который провел у моей постели ночь, и, может быть, даже не одну. Я не помню этих ночей, но я смутно припоминаю, как я говорил ему, слыша жалобную, плачущую интонацию в собственном голосе:

— Ведь он мог остановиться! Он же видел стражников... И несся прямо под выстрелы...

Молодой врач долго молчал, прежде чем спросил:

— Вы хотите сказать, что это было самоубийство?

— Возможно.

— Ужасно говорить такое о своем друге. Я не верю, чтобы Харт рем ир Эстравен мог так поступить.

Я забыл, с каким презрением эти люди относятся к самоубийцам. Это для них отнюдь не является делом выбора, как для нас. В их представлении это именно отказ от выбора, акт предательства по отношению к самому себе. Для кархидца, если бы он прочел нашу Библию, преступление Иуды состояло бы вовсе не в предательстве Христа, но в действии, которое ведет к такому отчаянию, которое отнимает надежду на прощение, преобразование, жизнь, в действии, которое, ведет к самоубийству.

— А вы не называете его Эстравеном-изменником?

— Я никогда так его не называл. Очень многие люди не поверили этому обвинению; господин Ай.

Но я не нашел в этом никакого утешения и воскликнул с болью:

— Так зачем же его застрелили? Почему его нет в живых?

Он ничего не ответил мне, потому что ответа на этот вопрос не было.

Меня ни разу официально не допрашивали. Спрашивали меня, каким образом мне удалось выбраться с фермы Пулефен и каким образом я оказался в Кархиде, спрашивали, кто является адресатом-получателем зашифрованного послания, которое я передал с помощью радиостанции, и каково было содержание сообщения. Я ответил на эти вопросы, и эта информация была передана прямо в Эргенранг, самому королю. Сведения о корабле, как мне кажется, хранились в тайне, но информация о моем бегстве из орготского заключения, о зимнем переходе через Лед, о моем пребывании в Сассинот передавались и комментировались совершенно открыто.

В этих сообщениях по кархидскому радио не упоминалось, однако, ни об участии в этом предприятии Эстравена, ни о его смерти. Но об этом и так все знали. Сохранение тайны в Кархиде является в большей мере вопросом такта, сдержанности, согласованного и всеми хорошо понимаемого молчания; отсутствием вопросов, а не отсутствием ответов. В бюллетенях новостей говорилось только о посланце, господине Ае, но все знали, что это Харт рем ир Эстравен выкрал посланца из рук орготов и прошел с ним через Лед в Кархид, чтобы изобличить орготов во лжи, поскольку Содружество сообщило о моей внезапной кончине, случившейся в Мишнори, от лихорадки хорм прошлой осенью... Эстравен довольно точно предсказал эффект, произведенный моим возвращением, единственной неточностью было то, что он недооценил эти результаты. Из-за пришельца из иного мира, который лежал больной в постели, ничего не предпринимал и ни о чем не беспокоился в своей комнате-камере в Сассинот, в течение десяти дней пали два правительства.

В Оргорейне падение правительства, как правило, означает, что одна группа сотрапезников сменила другую на ключевых постах. Одни тени укоротились, другие удлинлись, как говорят в Кархиде. Фракция Сарфа, которая отправила меня в Пулефен, несмотря на то, что была поймана на лжи, и не в первый раз, удержалась у власти и на этот раз, но только до тех пор, пока король Аргавен не сообщил публично о скором прибытии звездного корабля. В этот же день все важнейшие посты перешли в руки Оубсли и его фракции Свободной Торговли. Все-таки я им пригодился.

В Кархиде падение правительства обычно означает отставку премьера и перетасовку в кворреме, хотя покушения на монарха, восстания и отречения от престола тоже случаются довольно часто. Тайб не прилагал никаких усилий, чтобы удержаться у власти. Моя цена в игре на международный шифгреттор плюс реабилитация (опосредованная) Эстравена предоставили мне такое подавляющее преимущество над ним, что он отрекся еще раньше, чем власти в Эр-генранге узнали, что я вызвал свой корабль. Тайб использовал донос Тессичера, дождался сообщения о смерти Эстравена и подписал отречение. Это было одновременно и его поражением, и метью.

Как только Аргавен получил полностью всю информацию, он прислал мне приглашение, чтобы я как можно скорее прибыл в Эр-генранг, а к письму приложил немалую сумму на расходы. Город Сассинот с достойной этого жеста щедростью отправил со мной своего молодого врача, потому что я чувствовал себя еще не очень хорошо. Путешествие это совершили мы на автосанях. Я запомнил только его фрагменты. Было оно неторопливым, без всяких приключений, с долгими остановками в ожидании того, чтобы снежный каток утрамбовал дорогу, с долгими ночлегами на постоянных дворах.

Могло это путешествие занять самое большее два или три дня, но мне оно показалось онень долгим, и я почти ничего не помню из него, до того момента, пока мы не въехали через Северные ворота в глубокие, полные снега и тени улицы Эргенранга. И я почувствовал тогда, что мое сердце как будто немного успокоилось, а рассудок прояснился.

До сих пор я чувствовал себя совершенно разбитым, и сознание мое было как бы раздвоенным, расщепленным. Сейчас же, хотя меня очень утомило даже это легкое и необременительное путешествие, я вдруг ощутил в себе какую-то силу. Была это, скорее всего, сила привычки, потому что наконец-то я оказался в знакомой обстановке, привычном окружении, в городе, в котором я прожил около года, где работал. Мне были знакомы здесь улицы, башни, мрачные дворцовые дворы-фасады и подъезды Дворца. Я теперь знал, что мне предстоит здесь сделать.

И поэтому впервые после гибели моего друга я совершенно четко осознал, что после его смерти я должен довершить то дело, за которое он отдал жизнь. Я должен за него заложить замковый камень в арку.

В воротах Дворца меня ожидало распоряжение о предоставлении мне места в одном из домов для гостей, находящихся в пределах стен Дворца.

Домом этим была та самая круглая Башня, что в дворцовых понятиях означало очень высокий шифгреттор, не столько королевскую благосклонность и расположение, сколько признание уже существующего статуса. Здесь обычно размещали послов дружественных государств. Но по дороге нам пришлось пройти мимо Красного Углового Дома, и я увидел через узкие сводчатые ворота дерево серем с опавшими листьями над серым льдом пруда и дом, по-прежнему пустой.

В дверях Круглой башни меня приветствовал некто в белом хиебе и пурпурной рубашке, с серебряной цепью на шее. Это был Фейкс, хорошо мне знакомый прорицатель из крепости Отерхорд. Когда я увидел его доброе и прекрасное лицо, первое знакомое лицо, увиденное мною за много дней, чувство облегчения несколько смягчило мое настроение вынужденной покорности. Когда Фейкс сжал мои руки в своих ладонях редко встречающимся у кархидцев приветственным жестом, принятым только у очень близких друзей, я уже был в состоянии так же искренне ответить на его сердечность.

Ранней осенью он был избран членом кворремы от своего округа, Южного Рера. Избрание в члены совета кого-нибудь из хандарской крепости не является чем-то исключительным, зато совершенно невероятным является то, что Ткач согласился принять этот пост, и я совершенно уверен, что Фейкс тоже отказался бы, если

бы не его глубокая озабоченность и обеспокоенность, которые вызывало у него правления Тайба и тот путь, на который он толкал государство. Только поэтому он снял золотую цепь Ткача и надел серебряную цепь члена совета, и не понадобилось так уж много времени, чтобы стали заметны результаты его благотворного влияния, потому что с месяца терн он стал членом рекворремы, или Узкого Круга, являющегося противовесом для правительства премьер-министра, назначаемого самим королем. Вполне возможно, что его ожидало назначение на пост, который меньше года тому назад оставил Эстравен. Политические карьеры в Кархиде неожиданны и рискованны.

В Круглой Башне, маленьком, холодном и весьма претенциозном здании, мне предоставилась возможность поговорить с Фейксом прежде, чем я встретился с кем-либо другим, раньше, чем мне пришлось давать какие-нибудь показания или выступать с какими-то соображениями перед общественностью. Не отводя от меня своего ясного взгляда, он спросил:

— Значит, к нам прибывает корабль, больший, чем тот, в котором ты упал на остров Хорден три года тому назад. Это правда?

— Да. То есть я отправил сообщение, сигнал, который должен подготвить корабль к спуску на планету.

— Когда это должно произойти?

До меня только сейчас дошло, что я не знаю даже, какой сегодня день месяца, и только теперь я понял, в каком тяжелом состоянии я находился последнее время.

Я отсчитал необходимое количество дней от дня, предшествовавшего дню смерти Эстравена. Когда же выяснилось, что в случае минимального удаления корабля он уже должен находиться на околопланетарной орбите и ожидать моего следующего сигнала, я пережил очередное потрясение.

— Мне нужно связаться с кораблем. Они там ждут моих инструкций. Где, сообразно желанию короля, ему следует сесть? Это должна быть незаселенная территория, достаточно большая. Мне обязательно нужно получить возможность воспользоваться передатчиком...

Все было организовано четко, без всяких помех и сложностей. Бесконечные извивы и разочарования моих прежних контактов с правительством в Эргенранге растаяли, как битый лед во время весеннего половодья. Колесо совершило полный оборот. Аудиенция короля была назначена на завтра.

Эстравен посвятил шесть месяцев тому, чтобы добиться для меня первой аудиенции, и всю оставшуюся жизнь, чтобы добиться второй.

На этот раз я был слишком измучен, чтобы волноваться, и меня одолевали более важные заботы, чем то, как я буду выглядеть на

аудиенции. Я прошел весь этот длинный красный зал, увешанный пыльными знаменами, и остановился перед возвышением с тремя большими каминами, в которых трещал и сыпал искрами огонь. Король, сгорбившись, сидел на резном табурете за столом около среднего камина.

— Садитесь, господин Ай.

Я сел по другую сторону камина и увидел его лицо, освещенное огнем. Он казался старым и больным. Он выглядел, как женщина, которая потеряла ребенка, как мужчина, потерявший сына.

— Ну что ж, господин Ай, ваш корабль скоро приземлится.

— Он сядет в Эсен Фен, согласно пожеланию Вашего Величества. Он должен опуститься на поверхность планеты сегодня вечером, в начале третьего часа.

— Что будет, если они не попадут в назначенное место? Это вызовет сильный пожар?

— Они будут все время идти по радиопеленгу. Все это уже согласовано. Ошибки исключаются.

— И сколько же их там, на корабле? Одиннадцать? Это правда?

— Да. Слишком мало, чтобы их следовало опасаться, Ваше Величество.

Ладони Аргавена дрогнули в незаконченном жесте.

— Я вас уже не боюсь, господин Ай.

— Меня это очень радует, Ваше Величество.

— Вы оказали мне большую услугу.

— Но я не служу Вашему Величеству.

— Знаю, — сказал он равнодушно и стал всматриваться в огонь.

— Мой анзибл, скорее всего, находится в Мишнори, в руках Сарфа, но на корабле есть еще один. С этого времени, если Ваше Величество изъявит согласие, я буду исполнять обязанности полномочного посланника Экумена, наделенного правами обсудить и подписать договор о сотрудничестве с Кархидом. Мои полномочия в любую минуту может подтвердить Хайн и стабиль с помощью анзибла.

— Очень хорошо.

Я замолчал, потому что он не уделял мне всего своего внимания. Он толкнул носком сапога тлеющее в камине полено. Из камина вылетел сноп красноватых искр.

— Зачем, черт побери, он меня обманывал? — спросил он высоким пронзительным голосом и первый раз за все время беседы взглянул мне прямо в глаза.

— Кто, Ваше Величество? — спросил я, не отводя взгляда.

— Эстравен.

— Он хотел, чтобы, Ваше Величество, вы не обманывали сами себя. Он убрал меня подальше, с глаз долой, когда Ваше Величество начали покровительствовать фракции, которая относилась ко мне

недоброжелательно. Он привел меня обратно в тот самый момент, когда мое прибытие, даже само по себе, могло убедить Ваше Величество принять миссию Экумена и проистекающую из этого славу.

— Почему он никогда не упоминал о том, другом, большом корабле?

— Потому что он о нем не знал. Я рассказал ему о корабле только в Оргорейне.

— Неплохое вы себе там нашли общество, чтобы об этом говорить. Вы оба, да, да! Он хотел уговорить Оргорейн, чтобы Оргорейн принял вашу миссию. Он сотрудничал с их фракцией Свободной Торговли. И вы мне будете говорить, что это не предательство!

— Нет. Он ведь понимал, что если одно государство заключит союз с Экуменом, другие государства вскоре последуют его примеру. А это будет именно так. Сит, Архипелаг и Перунтер сделают то же самое, пока ваши взаимоотношения не позволят вам иметь общее представительство. Эстравен очень любил свою страну, Ваше Величество, но не служил ей. Точно так же, как он не служил и Вашему Величеству. Он служил тому же хозяину, которому служу и я.

— Экумену?— спросил Аргавен с изумлением.

— Нет. Человечеству.

Произнося эти слова, я не был абсолютно уверен в их истинности. Возможно, это часть истины, один из ее аспектов. Истина... С таким же успехом можно было бы сказать, что его действия были продиктованы чувством сугубо личной приязни, благожелательности, верности, чувством ответственности и дружбы по отношению к одному-единственному человеку, ко мне. Но и это не было бы полной правдой.

Король не отвечал. Его мрачное, насупленное, одутловатое, измороженное морщинами лицо снова было обращено к огню.

— Зачем вы вызвали свой корабль прежде, чем сообщили мне о своем возвращении в Кархид?

— Чтобы поставить Ваше Величество перед свершившимся фактом. Сообщение, отправленное Вашему Величеству, попало бы также и в руки господину Тайбу, который бы мог опять выдать меня Оргорейну. Или убить меня, так же, как он сделал это с моим другом.

Король молчал.

— Моя собственная жизнь не имеет такой уж высокой цены, но у меня есть обязательства, так же, как и тогда, обязательства перед Гетеном и перед Экуменом. У меня есть задание, которое я должен выполнить. Я начал с передачи сообщения на корабль, чтобы обеспечить себе какой-то шанс выполнить свое задание. Так мне советовал Эстравен, и он был прав.

— Ну что ж, он не ошибся. Так или иначе, они высаживаются здесь, у нас, и мы будем первыми... Все ли они такие же, как вы? Одни извращенцы, постоянно пребывающие в кеммере? Довольно

странно — так хлопотать и так добиваться чести принимать у себя такой зверинец... Прошу сообщить господину Горчерн, церемониймейстеру, как их следует принимать. Прошу проследить, чтобы не было каких-нибудь обид, недосмотров, упущений. Они будут размещены на территории Дворца, где вы сочтете это наиболее соответствующим. Я хочу принять их с надлежащими почестями. Вы оказали мне двойную услугу, господин Ай. Вы уличили во лжи этих политиканов из Содружества, да еще и оставили их в дураках.

— А потом все-таки я сделал их своими союзниками, Ваше Величество.

— Я знаю, — сказал он пронзительным тонким голосом. — Но Кархид будет первым, Кархид все-таки будет первым!

Я кивнул.

Помолчав с минуту, он спросил:

— Как же все это было, когда вы шли через Лед?

— Нелегко, Ваше Величество.

— Эстравен должен был быть хорошим товарищем в таком безумном предприятии. Он был тверд, как железо. И никогда не терял голову. Мне жаль, что его нет в живых.

Я не нашелся, что ответить.

— Я приму ваших... соотечественников на аудиенции завтра после полудня, в два часа. Есть ли еще какие-нибудь вопросы, нуждающиеся в обсуждении?

— Вернет ли Ваше Величество доброе имя Эстравену и отменит ли указ о его изгнании?

— Не сейчас. С этим можно не торопиться. Что еще?

— Кроме этого — больше ничего.

— Тогда вы свободны.

Даже я его предал. Сказал, что не приведу корабль, пока его узаконенное указом изгнание не будет отменено, а доброе имя восстановлено. Но я не мог настаивать на этом и потерять все то, за что он заплатил своей жизнью. Это не смогло бы вернуть его из того изгнания, которому он подверг себя сам.

Остальная часть этого дня прошла у меня в согласовании с церемониймейстером Горчерном деталей встречи и размещения экипажа корабля. В два часа мы отправились на моторных санях в Эсен Фен, расположенный почти в пятидесяти километрах на северо-восток от Эргенранга. Место приземления было выбрано на окраине незаселенного региона, огромного торфяного поля, слишком болотистого, чтобы там можно было жить и возделывать землю. Сейчас же, в середине месяца иррем, оно представляло собой огромную довольно ровную поверхность, покрытую снегом, толщина слоя которого составляла несколько десятков сантиметров. Радиопеленг передавали уже с самого утра, и с корабля было получено сообщение о его приеме.

На своих экранах экипаж корабля мог наблюдать линию терминатора, отмечающую границу дня и ночи, проходящую через Большой Континент от залива Гутен до Чарисунне, а вершины Каргава, еще освещенные заходящим солнцем, должны были в его лучах сверкать, как гирлянда звезд, потому что уже начинало смеркаться, когда в небе появилась звезда, которая стремительно неслась к земле.

Корабль опустился, и слышен был нечеловеческий, сотрясающий землю гул. Белые клубы пара с ревом поднялись с земли, когда стабилизаторы корабля погрузились в большое озеро жидкой грязи, образовавшееся под напором огня, вырывающегося из дюз. Глубже, под этой грязью, была вечная мерзлота, твердая, как гранит, на которую корабль встал совершенно вертикально, быстро остывая над замерзающим прямо на глазах озером. Корабль был похож на стоящую вертикально и слегка балансирующую на хвосте огромную тонкую рыбу, поблескивающую тусклым серебром в сумерках Зимы.

Стоящий рядом со мной Фейкс произнес наконец, потрясенный грохотом и величием этого приземления, слова:

— Я счастлив, что дожид до минуты, когда мог все это увидеть.

Эстравен сказал то же самое, когда смотрел на Лед, за которым его ждала смерть. Он, как никто другой, имел бы право сказать эти слова сегодня. Пытаясь уйти от мучительной тоски, я пошел по льду к кораблю. Он весь покрылся инеем, потому что между слоями обшивки уже циркулировала охлаждающая жидкость. Когда я подошел, входной люк открылся, и выдвинувшийся трап изыснной дугой соединил корабль и лед. Первой из него вышла Ланг Хео Хью, разумеется, совершенно не изменившаяся, точно такая же, какой я видел ее три года назад в моей жизни и две недели тому назад — в ее жизни. Она взглянула на меня, на Фейкса, на остальных, идущих следом за нами, и остановилась у основания трапа.

— Мы пришли к вам с миром! — торжественно произнесла она по-кархидски. Для нее все мы были людьми с чужой планеты. Я слегка отступил, чтобы Фейкс мог поприветствовать ее первым.

Он указал ей на меня. Она подошла ко мне и взяла мою правую руку так, как это делают, здороваясь, на Земле, и взглянула мне в глаза.

— Ох! Генли! — сказала она. — Я тебя не узнала! — Странно было слышать женский голос после такого большого перерыва. По моему знаку все члены экипажа вышли из корабля, потому что проявление хотя бы малейшего недоверия сейчас было бы унижительным для встречающих гостей — процессии кархидцев, оно бы ощутило задело их шифгреттор. Все члены экипажа вышли из корабля и очень торжественно приветствовали кархидцев. Но мне они все —

и мужчины, и женщины казались сейчас какими-то странными, несмотря на то, что я ведь всех их хорошо знал. Странно звучали их голоса, то слишком низкие, то слишком высокие. Они были похожи на каких-то больших животных двух разных видов, на больших обезьян с человеческими, разумными глазами, и все они находились в периоде течки, в кеммере... Они брали меня за руку, прикасались ко мне, обнимали меня. Мне удалось овладеть собой, и я расказал, пока мы на санях добирались до Эргенранга, своим коллегам Хео Хью и Тульеру то, что им следовало как можно скорее узнать о ситуации, в которой мы оказались. Однако по приезде в Эргенранг мне пришлось немедленно отправиться в свою комнату.

Ко мне пришел врач из Сассинот. Его тихий голос и его лицо, серьезное, молодое, не мужское, не женское, человеческое лицо, было для меня облегчением, чем-то знакомым и закономерным... Но после того, как он уже назначил и вел мне какое-то легкое успокаивающее средство и велел ложиться в постель, он сказал:

— Я видел сегодня ваших товарищей. Как это замечательно — к нам прибыли люди со звезд. И это произошло при моей жизни!

Еще один пример оптимизма и мужества — наиболее заслуживающих восхищения черт характера кархидцев, в частности, и человеческого духа вообще, и, хотя я не мог в полной мере разделить его энтузиазма, но уж подавлять его было и вовсе недостойно. Поэтому я сказал неискренне, но совершенно объективно:

— Для них это тоже представляется замечательным — встреча с новым миром, с новым человечеством.

Почти в самом конце весны, в месяце тува, когда закончились наводнения оттепелями и снова можно было путешествовать по стране, я взял отпуск в моем маленьком посольстве в Эргенранге и отправился на восток. Мои сотрудники теперь рассеяны по всей планете. Поскольку нам было предоставлено право пользоваться летательными аппаратами, Хео Хью и еще три человека полетели в Сит и на Архипелаг, в два государства, расположенные в морском полушарии, которыми я совершенно не занимался до прилета корабля. Остальные находились в Оргорейне, а двое — с большим, надо сказать, неудовольствием, в Перунтере, где оттепель, как говорят, начинается в месяце нава, а через неделю все замерзает опять. Тульер и Кеста прекрасно справлялись со своими обязанностями в Эргенранге и вполне могли обойтись без меня некоторое время. Никаких срочных дел не было. Да и корабль, который мог бы отправиться с ближайшей из планет, ставших теперь партнерами Зимы, никак не мог бы прибыть сюда раньше, чем через семнадцать лет планетарного времени. Гетен — окраинный мир, лежащий на границе освоенного космоса. Дальше за ним, в направлении Южного Плеча Ориона, не обнаружено ни одной обитаемой планеты. А от Зимы до главных миров Экумена, миров-очагов

нашей расы, очень далеко: пятьдесят лет до Хайн-Давенанта, и целая жизнь — до Земли. Торопиться мне было некуда. Я снова перешел через Каргав, на этот раз — через перевал, расположенный пониже, чем тот, через который я ехал тогда, по дороге, вьющейся над берегом Южного моря. Я посетил ту самую первую деревушку, в которой я остановился три года тому назад, когда рыбаки привезли меня с острова Хорден. Жители этого очага приняли меня сейчас так же, как и тогда, без всякого удивления. Я провел неделю в большом портовом городе Татер, расположенном около устья реки Энч, а потом ранним утром отправился пешком в Керм.

Я шел на юго-восток по суровому краю серых скал и зеленых холмов, больших рек и одиноких крестьянских усадеб, пока не дошел до озера Ледяная Нога. Глядя с берега озера на расположенные в южном направлении холмы, я снова увидел знакомое свечение, слабое сияние высветленного неба, отблеск далекого ледника. Там был Лед.

Эстре было очень странным поселением. Его очаг и прилегающие к нему постройки были возведены из серого камня, выломанного из крутого склона, на котором все эти постройки высились. Они были мрачны и наполнены шумом ветра.

Я постучался, и двери распахнулись.

— Прошу гостеприимства у домена, — сказал я. — Я был другом Терема из Эстре.

Тот, кто открыл мне двери, худой и серьезный молодой человек лет девятнадцати или двадцати, молча выслушал меня и молча провел меня в очаг. Он провел меня поочередно в ванную, гардеробную и большую кухню. Когда же он убедился, что путешественник вымыт, одет и накормлен, оставил меня одного в спальне, которая глубокими щелями окон смотрела на серое озеро и на серые леса деревьев в торе, раскинувшиеся между Эстре и Стоком. Это был мрачный дом на фоне такого же мрачного пейзажа. В большом камине трещал огонь, как всегда согревающий скорее душу, чем тело, потому что каменные полы и каменные стены, да еще ветер, несущийся со стороны гор и Льда, поглощали большую часть тепла. Но мне не было так холодно, как раньше, в первые два года, проведенные на Зиме. Я уже привык жить в этой холодной стране.

Примерно через час встретивший меня юноша (он двигался быстро и ловко и был больше похож на девушку, чем на парня, но ни одна девушка в мире не смогла бы так долго хранить мрачное молчание), пришел сообщить мне, что господин Эстре готов принять меня, если я хочу его видеть. Я пошел следом за юношей по лестницам и длинным коридорам, где как раз происходила игра в прятки. Дети носились мимо нас и вокруг нас, малыши пищали от восторга, те, что постарше, скользили как тени, от одной двери к другой, давась от смеха и закрывая ладонью рот, чтобы приглу-

шить смех. Один пухлый малыш, пяти- или шестилетний, налетел на мои ноги и, ища защиты, ухватился за руку моего спутника.

— Сорве! — пискнул он, крепко вцепившись в его руку и тараща на меня темные глаза. — Сорве! Я спрячусь в пивоварне! — и понесся, как круглый камешек, выпущенный из рогатки. Молодой Сорве, ни на мгновение не утративший своей серьезности, повел меня дальше, пока мы не дошли до внутреннего очага, где нас ждал князь Эстре.

Эсванс Харт рем ир Эстравен был стар. Ему было за семьдесят. Скованный артритом, он сидел в кресле на колесах около самого огня, неестественно прямой и неподвижный. У него было широкое лицо, очень старое, время избороздило его лицо морщинами, как скалу иссекают ветер и дождь. Лицо его было спокойным, очень спокойным.

— Вы Генри Ай, посланец.

— Да, это я.

Он смотрел на меня, а я смотрел на него. Терем был его сыном, он был ребенком лона этого старого человека. И Терем был младшим сыном, старшим был Арек, тот, голос которого он слышал, когда я обратился к нему на мыслеречи. Теперь их обоих не было в живых. Я не смог уловить сходства между лицом моего друга и лицом этого старика, спокойным и твердым лицом. Я не мог найти в этом лице ничего, кроме подтверждения той жестокой правды, что Терема нет в живых.

Я пришел в Эстре с тайной надеждой обрести здесь утешение. Здесь не было и не могло быть утешения. Да и почему же паломничество к месту, где прошло детство моего друга, должно было что-нибудь изменить, заполнить пустоту и утолить печаль? Ничего уже нельзя было изменить. Но мое прибытие имело еще одну цель, иную цель, и вот этой-то цели я мог достичь.

— Я был рядом с вашим сыном на протяжении нескольких месяцев до его гибели. Я был с ним рядом, когда он умирал. И я принес его дневники. И если есть что-нибудь, что я мог бы рассказать вам о тех днях...

Выражение лица старика как будто совсем не изменилось. Этого спокойствия уже ничто не могло нарушить. Но юноша стремительно вышел из тени, где он до сих пор молча стоял, и оказался в полосе света между окном и камином, света странного и нерадостного, и сказал жестко и сурово:

— В Эргенранге его по-прежнему называют изменником.

Старый господин посмотрел на юношу, потом на меня.

— Это Сорве Харт, — сказал он, — наследник Эстре, сын моих сыновей.

Кровосмешение не запрещено законом на Гетене, я хорошо знал об этом. Непривычность и странность этого для меня, земля-

нина, и удивление, когда я увидел отблеск непреклонного духа моего друга в глазах этого мрачного, упрямого провинциального юноши, на миг лишили меня дара речи. И я ответил дрогнувшим голосом:

— Король реабилитирует его. Терем не был изменником. Разве имеет значение то, как называют его глупцы?

Старый господин медленно склонил голову.

— Да. Это важно,— сказал он.

— А это правда, что вы перешли через Лед Гобрин вместе, вы и он? — спросил Сорве.

— Да, это правда.

— Я бы очень хотел услышать рассказ об этом, господин посланник,— сказал старый Эстравен очень спокойно.

Но мальчик, сын Терема, спросил меня, захлебываясь словами:

— Вы расскажете нам, как он умер?.. И вы расскажете нам об иных мирах, там, среди звезд?.. И о других людях, о другой жизни?

ГЕТЕНСКИЙ КАЛЕНДАРЬ И СУТКИ

ГОД. Период обращения Гетена вокруг Солнца составляет 8401 земной час, что составляет 0,96 земного года.

Период обращения Гетена вокруг собственной оси составляет 23,8 земных суток. В году на Гетене — 364 дня.

В Кархиде и Оргорейне отсчет времени ведется не от какого-то определенного года в прошлом; исходным годом является год текущий. В день Нового Года (гетени терн) прошедший год становится годом «первым прошедшим», и ко всем существующим в прошлом датам прибавляется один год. Все грядущие года приобретают свой порядковый номер подобным образом, — наступающий год именуется «первым пришедшим» до тех пор, пока он, в свою очередь, станет годом первым. Неудобство такой системы исчисления для ведения разного рода исторических и хронологических записей очевидно, поэтому ее пытаются несколько скорректировать различными способами. Йомешта ведут летоисчисления 144-летними циклами от года рождения Меше, 2202 года тому назад (в 1492 экуменическом году), и каждые двенадцать лет устраивают торжества. Эта система носит исключительно религиозный характер и не применяется официально даже правительством Оргорейна, которое всячески поддерживает культ йомеш.

МЕСЯЦ. Период обращения гетенской луны составляет 26 гетенских дней. Период ее обращения вокруг собственной оси был сокращен, и теперь гетенская луна обращается к планете всегда одной и той же стороной. Год состоит из 14 месяцев, а солнечный и лунный календари совпадают настолько, что их согласование производится один раз в 200 лет. Дни месяца постоянны и неизменны, так же как и длительность фаз луны. Кархидские названия месяцев:

Зима

1 — терн

2 — танерн

3 — ниммер

4 — аннер

Весна

5 — иррем

6 — мот

7 — тува

Лето

8 — осме

9 — окре

10 — кус

11 — хаканна

Осень

12 — гор

13 — сусми

14 — грнде

26-дневный месяц делится на два полумесяца до 13 дней.

ДЕНЬ. В дне — десять часов (см. ниже); дни месяца, так как они не изменяются, обозначены названиями (так же, как наши дни недели), а не цифрами. (Многие названия дней связаны с фазами луны, например, гетени — тьма, архад — новолуние и т. д.). Приставка од употребляется в названиях второго полумесяца и придает названию обратное значение, так, например, название одгетени можно было бы перевести как не-тьма. Названия дней месяца на кархидском языке:

1 — гетени

2 — сордни

3 — эпс

4 — архад

5 — нетерхад

6 — стрет

7 — берни

8 — орни

9 — хархахад

10 — гуирни

11 — ирни

12 — посте

13 — торменбод

14 — одгетени

15 — одсордни

16 — одепс

17 — одархад

18 — однетерхад (оннетерхад)

19 — одстрет

20 — одберни

21 — одорни

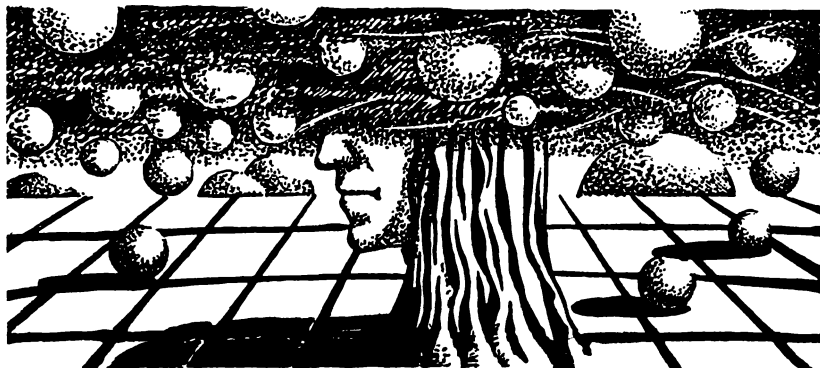
- 22 — одхархахад
- 23 — одгуирни
- 24 — одирни
- 25 — орросте (одпосте)
- 26 — отторменбод

ЧАС. Десятичное исчисление, применяемое для деления суток во всех гетенских культурах, можно перевести в двадцатичетырех-часовую земную систему следующим образом:

Первый час	12.00—14.30
Второй час	14.30—17.00
Третий час	17.00—19.00
Четвертый час	19.00—21.30
Пятый час	21.30— 0.00
Шестой час	0.00— 2.30
Седьмой час	2.30— 5.00
Восьмой час	5.00— 7.00
Девятый час	7.00— 9.30
Десятый час	9.30—12.00

П р и м е ч а н и е: это всего лишь указание для ориентировки в том, что именуется у гетенцев «часом». Невозможность точного пересчета в земные часы связана с тем, что гетенский день содержит в себе 23,8 земного часа, но для достижения избранной мною цели это никакого значения не имеет.

Ларри Найвен

ИНЖЕНЕРЫ КОЛЬЦА

ПОСВЯЩЕНИЕ

Роману «Мир — Кольцо» уже десять лет, и все это время я не переставал получать письма о нем. Люди комментировали исходные посыпки и математику, экологию и философский смысл, как если бы Кольцо было предполагаемым проектом, и они платили за работу.

Вашингтонец Д. К. прислал мне полный корректорский разбор первого издания книги «Мир—Кольцо» с заголовком «Доклады Найвена-Макартура. Том I». Это было огромным подспорьем мне. (Если у вас первое издание книги «Мир—Кольцо» в бумажной обложке — это как раз оно, с ошибками. Но заплаченных за него денег оно стоит).

Класс из Высшей Флоридской школы понял необходимость системы сливных труб.

Профессор из Кембриджа прислал расчет минимальной прочности скрита на растяжение.

Фримен Дайсон (Фримен Дайсон!) не имел никаких возражений против Кольца (!), но не понял, почему инженеры не построили множество мелких вместо одного большого. Надеюсь, ответ, данный в этой книге, удовлетворит его.

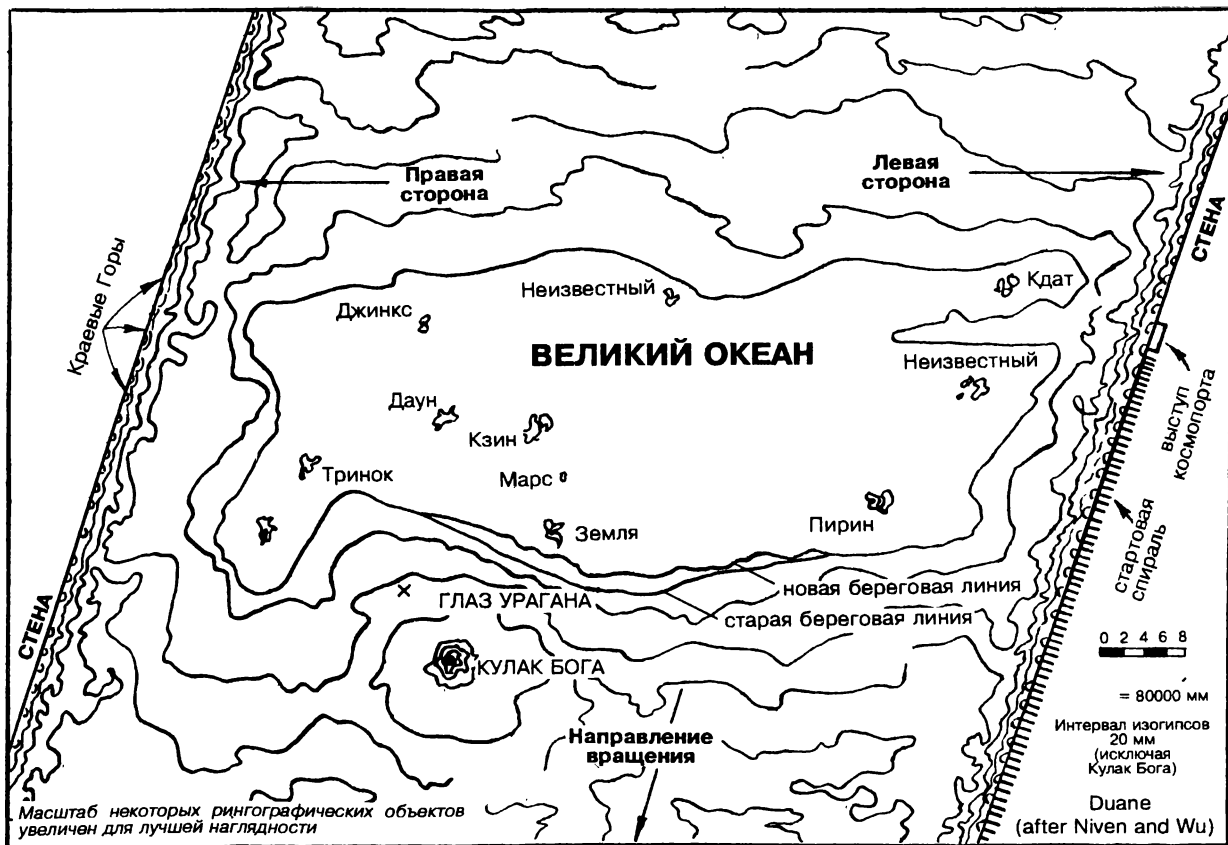
Разумеется, на Кольце не было никаких петрохимических реакций. Френк Гесперик указал, что любая цивилизация нашего уровня должна базироваться на алкоголе. Люди Машин должны уметь использовать растения и для других целей, включая производство пластмасс.

Во время выступления в Бостоне кто-то из аудитории указал, что математически Кольцо можно рассматривать как висячий мост без крайних точек. Это легко придумать, но трудно построить.

Со всех сторон приходили письма о необходимости системы маневровых двигателей. (Во время Всемирного Конвента НФ 1971 года студенты Массачусетского технологического института скандировали в холлах отеля: «КОЛЬЦО НЕСТАБИЛЬНО!») Однако потребовались независимые работы Ктейна и Дэна Олдерсона, чтобы количественно определить эту нестабильность. Ктейн также разработал данные по движению Кольца.

Дэн Олдерсон был настолько любезен, что рассчитал для меня параметры метеоритной защиты Кольца... И это была ЕДИНСТВЕННАЯ информация, о которой я действительно просил.

Вам, проделавшим эту работу и написавшим мне письма, я говорю, что данная книга никогда не родилась бы без вашей невольной помощи. У меня не было ни малейшего намерения писать продолжение романа «Мир—Кольцо», поэтому я посвящаю эту книгу вам.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

ПОД ЭЛЕКТРОДОМ

Луис Ву находился под электродом, когда два человека вторглись в его жилище.

Он сидел в позе лотоса на ярко-желтом травяном ковре со счастливой и мечтательной улыбкой на лице. Жилище его было невелико и состояло из одной большой комнаты, так что Луис мог видеть обе двери, однако, погрузившись в наслаждение, знакомое только электродникам, он не заметил появления пришельцев. Просто внезапно они оказались здесь: два бледных юноши, каждый ростом более семи футов, разглядывающие Луиса с презрительными улыбками. Один из них фыркнул и сунул в карман что-то похожее на оружие. Когда оба они двинулись вперед, Луис встал.

Их обманула не только счастливая улыбка, блуждавшая по его лицу, но и дроуд размером с кулак, торчавший подобно черной пластиковой язве из макушки Луиса. Видимо, они уже имели дело с толковыми наркоманами и знали, чего от них можно ждать. Такие люди не думали ни о чем, кроме импульсов тока, раздражающих центр наслаждения из мозга. К тому же Луис был невысок — на полтора фута ниже каждого из пришельцев.

Когда они оказались рядом, Луис откинулся в сторону и ударил ногой — раз, два, три. Один из гостей рухнул на пол, скорчившись и не дыша, второй успел отпрянуть.

Луис занялся им. Юношу буквально парализовало абстрактное счастье, с которым Луис шел убивать его. Слишком поздно опомнившись, он потянулся за станнером, который сунул в карман, но Луис выбил его из ослабевшей руки. Он уклонился от массивного кулака и пнул парня по коленным чашечкам (бледный гигант перестал двигаться), в пах и сердце (гигант согнулся пополам, издав свистящий звук), а затем в горло (звук тут же оборвался).

К этому времени второй парень уже поднялся на четвереньки, с трудом втягивая воздух в легкие, и Луис дважды рубанул его по шее.

Теперь оба пришельца лежали на ярко-желтой траве.

Луис проверил замки на двери. Все это время счастливая улыбка не покидала его лица, оставшись на нем и после того, как он обнаружил, что дверь заблокирована. Он проверил дверь на балкон: закрыта и заблокирована.

Как же тогда они вошли?

Ошеломленный, он сел, где стоял, в позе лотоса, и не двигался более часа.

Наконец таймер щелкнул и отключил дроуд.

Токовая наркомания была самым молодым из грехов человечества. На определенном этапе истории большинство человеческих культур считали эту привычку своим главным бичом. Она вербовала поклонников на рынке рабочей силы и оставляла их умирать от истощения.

Однако время шло, сменялись поколения, и те же самые культуры начинали смотреть на токовую наркоманию как на благословение. Старейшие пороки — алкоголизм, лекарственная наркомания и азартные игры — не были настолько привлекательны. Люди, которые могли бы пристраститься к лекарствам, теперь получали счастье от электрода. Они настойчиво стремились к смерти и, как правило, не заводили детей.

К тому же это почти ничего не стоило. Торговцы наслаждением и хотели бы поднять цену на операцию, но как? Потребитель не был электродником, пока электрод не внедрили в центр наслаждения его мозга, а после этого они не могли держать его под контролем, поскольку токовые импульсы он получал из сети.

И удовольствие это было чистым, без обертонов и похмелья.

Так что ко временам Луиса Ву те, кто мог поработить себя электродом или любым другим способом саморазрушения, сами исключали себя из человеческого общества на протяжении уже восьмисот лет.

Сегодня существовали даже устройства, которые могли раздражать центр наслаждений и на расстоянии. Хотя и запрещенные на большинстве миров, и дорогие для производства, тоспы все-таки использовались. Обычно они не разрушали жизнь, и многие люди пользовались ими.

Таймер щелкнул и отключил дроуд.

Луису показалось, что он упал внутрь самого себя. Он провел рукой по гладкому черепу к началу длинного черного шнура и выдернул дроуд из гнезда под волосами. Некоторое время подержал в руке, изучая, затем, как всегда, сунул в выдвижной ящик и закрыл

его. Стол, выглядевший массивной деревянной конструкцией, был на самом деле бумажной толщины металлическим корпусом с огромным количеством мест для потайных отделений.

Обычно возникало желание вновь настроить таймер, и в ранние годы своего пристрастия он обычно так и делал, постепенно превращаясь в скелетообразную тряпичную куклу, все более и более сухую. В конце концов он собрал то, что еще оставалось от его прежней решительности, и сделал таймер, которому требовалось двадцать минут передышки для повторного включения. При данных обстоятельствах это давало ему пятнадцать часов для тока и двенадцать для сна и того, что он называл техобслуживанием.

Трупы по-прежнему лежали по полу, и Луис понятия не имел, что с ними делать. Даже если бы он вызвал полицию немедленно, это привлекло бы к нему нежелательное внимание, но что он мог сказать им теперь, когда прошло уже полтора часа? Что его избили до потери сознания?

Такое состояние было ему знакомо: в черной депрессии, обычно следовавшей за временем, проведенным под током, он просто не мог принимать решений. Привычно, как робот, он занимался своим техобслуживанием; даже обед его был запрограммирован заранее.

Луис выпил полный стакан воды, затем отправился на кухню и в ванную. Десять минут занимался упражнениями, борясь с депрессией и истощением, избегая смотреть при этом на коченеющие трупы. Обед был готов, когда он закончил. Ел он не чувствуя вкуса, вспоминая, что когда-то и ел, и занимался, и вообще делал любое движение с дроудом, торчащим из черепа, посылая в центр наслаждения десятикратно больший по сравнению с нормальным ток. Одно время он жил с женщиной, которая тоже была электродником. Они занимались любовью под электродом, играли в военные игры, устраивали состязания в остроумии... пока она не потеряла интерес ко всему, кроме дроуда. К тому времени к Луису вернулась его природженная осторожность, и он покинул Землю.

Сейчас он думал, что нужно было покинуть этот мир раньше, чем у него появились два трупа. Что, если за ним наблюдают?

Пришельцы не походили на агентов ARM. Высокие, с мягкими мускулами, бледные от солнца скорее оранжевого, чем желтого цвета, они явно были уроженцами планеты с низкой гравитацией, вероятно, каньонцами. Они действовали не как люди ARM, но тем не менее смогли обойти его сигнализацию. Эти двое могли оказаться наемниками ARM, а около жилища их могли ждать друзья.

Луис Ву разблокировал балконную дверь и вышел наружу.

Каньон был не совсем обычной планетой.

Размерами он немного превосходил Марс, и всего несколько

столетий назад его атмосфера была достаточно густой, чтобы поддерживать существование растений, использующих фотосинтез. В воздухе имелся кислород, но слишком мало для людей и кзинов. Примитивные местные лишайники были морозоустойчивы, а животных здесь никогда не было.

Однако в кометном поясе системы имелись магнитные монополя, а на самой планете — радиоактивные элементы. Империя кзинов завладела планетой и заселила ее с помощью куполов и компрессоров. Они назвали ее Вархид (Боеголовка) за близость к непобедимым мирам перино.

Тысячелетия спустя расширяющаяся Империя кзинов достигла пространства, занятого людьми.

Войны между людьми и кзинами кончились задолго до рождения Луиса Ву — люди выиграли их все. Кзины всегда начинали атаку до того, как действительно были готовы к ней.

Цивилизация на Каньоне явилась следствием Третьей войны, когда человеческий мир Вундерленд попробовал применить свое секретное оружие.

Этот Вундерлендский Миротворец был использован лишь однажды. Собственно, это была гигантская версия обычного горнорудного инструмента — дезинтегратора, который испускал луч, уничтожавший заряды электронов. Там, куда попадал этот луч, материя внезапно обретала положительный потенциал, распадаясь при этом на отдельные атомы.

Вундерленд построил и доставил в систему Вархида огромный дезинтегратор, испускавший параллельно обычному лучу, подавлявший заряды протонов.

Оба луча коснулись поверхности Каньона в трехстах милях друг от друга. Горные породы, заводы и жилища кзинов мгновенно превратились в пыль, и между двумя этими точками вспыхнула чудовищная молния. Лучи вгрызлись в планету на двенадцать миль в глубину, залив магмой район, размерами и формой похожий на Байя Калифорния на Земле и вытянутый почти точно с востока на запад. Индустриальный комплекс кзинов исчез, несколько куполов, защищенных статическим полем, погребла под собой магма, хлынувшая из огромной раны.

В результате образовалось море, окруженное отвесными скалами и в свою очередь окружающее длинный узкий остров.

Возможно, на других человеческих мирах и сомневались, что Вундерлендский Миротворец закончил эту войну — Патриарха кзинов было нелегко испугать — но у самих вундерлендцев таких сомнений не возникало.

После Третьей войны Вархид был аннексирован и стал Каньоном. Разумеется, жизненные формы Каньона пострадали от гигантских пылей, осевшей на его поверхности, и от потери воды, собран-

шейся в пределах собственно каньона и образовавшей море. Зато внутри каньона сложились комфортабельные условия и возникла процветающая карманная цивилизация.

Жилище Луиса Ву размещалось на двенадцатом этаже на северной стороне Каньона. Когда он вышел на балкон, ночь уже покрыла тенью дно, но южная сторона была еще ярко освещена. С края Каньона свисали висячие сады местных лишайников, старые подъемники казались серебряными нитями, вставленными в камень. Трансферные кабины сделали их устаревшим средством передвижения, но туристы еще пользовались ими, ради открывавшегося с них зрелища.

Балкон выходил на пояс парков, тянувшийся вниз, к центру острова. Растительность напоминала охотничьи уголья кзинов, где розовый и оранжевый цвета смешались с привозными земными формами.

Внизу было множество туристов — людей и кзинов. Мужские особи кзинов походили на толстых оранжевых котов, разгуливающих на задних лапах... Однако их уши полыхали, как розовые китайские зонтики, хвосты были голыми и розовыми, ноги и руки — прямыми и большими. Они достигали восьми футов роста и все же старательно избегали задевать туристов-людей, заботливо втягивая когти на черных кончиках пальцев, если человек проходил слишком близко. Рефлекс? Возможно.

Когда-то Луис удивлялся, что заставляет их посещать мир, принадлежавший им прежде. У некоторых могли быть здесь предки, живущие в остановленном времени куполов, похороненных под этим лавовым островом. Однажды они откапают их...

Он почти ничего не сделал на Каньоне, потому что электрод отнимал почти все время. Например, люди и кзины ради спортивного интереса поднимались на эти отвесные скалы. И только теперь у него появился шанс сделать это. То был один из трех маршрутов наружу. Вторым были лифты, третьим — кабина трансфера в Лишайниковых Садах. Кстати, он никогда не видел их.

Затем переход по суше в скафандре, достаточно компактном, чтобы уложить его в большой портфель.

На поверхности Каньона имелись карьеры и плохо охраняемые заповедники для уцелевших видов лишайников, однако большая часть планеты была бесплодным лунным ландшафтом. Осторожный человек мог незаметно посадить космический корабль и спрятать в таком месте, где его могло обнаружить только глубокое зондирование. И осторожный человек сделал это. Уже девятнадцать лет корабль Луиса Ву ждал его, укрытый в пещере на северном склоне горы, сложенной низкокачественными рудами. Вход в пещеру скрывался в вечной тени безвоздушной поверхности Каньона.

Итак, трансферные кабины, лифты или скалолазание. Один из

этих путей позволит Луису Ву достичь поверхности, в этом он не сомневался. Впрочем, ARM могла держать под наблюдением все три пути.

А может, у него просто мания преследования? Как могла земная полиция найти его? Он изменил свое лицо, волосы, образ жизни. Отказался от того, что любил больше всего. Он пользовался кроватью вместо спальной пластины, не ел сыра, словно его делали из отравленного молока, его жилище было обставлено типовой мебелью, а одежда, которую он признавал, была из дорогих натуральных тканей безо всяких оптических эффектов.

Он покинул Землю как истощенный электродник с сонными глазами, однако с тех пор посадил себя на разумную диету, замучил упражнениями и недельными курсами военных искусств (не вполне легальных, и местная полиция зарегистрировала бы его в случае поимки, но не как Луиса Ву!), так что сегодня был вполне здоров, а мускулы его стали такими, каких никогда не было у более молодого Луиса Ву. Как могла ARM опознать его?

И КАК ОНИ ВОШЛИ? Обычный взломщик не мог обмануть сигнализацию Луиса Ву.

Трупы лежали на траве, и скоро запах потребует очистки воздуха. Сейчас Луис испытывал стыд за то, что убил их. Но они вторглись на его территорию, а он находился под электродом. В таком состоянии даже боль становилась приправой к наслаждению, а наслаждение становилось чрезвычайно сильным. Они знали, кто он. Это было и предупреждением, и прямым оскорблением Луиса Ву.

Кзины и люди, туристы и местные жители, сновавшие по улицам, выглядели довольно невинно, да, вероятно, и были такими. Если ARM следит за ним сейчас, это ведется через бинокли, из окна одного из этих зданий. Никто из туристов не смотрел вверх... но тут взгляд Луиса Ву остановился на одном кзине, и он зажмурился.

Восемь футов высотой, три фута шириной, густо-оранжевый мех с серыми пятнами — внешне он походил на дюжины кзинов, окружавших его. Однако взгляд Луиса отметил, КАК рос мех. Он рос пучками, неоднородно, оставляя белым более половины тела чужака, как если бы кожу под ним покрывали шрамы. Вокруг глаз виднелись черные отметины, и глаза эти разглядывали вовсе не окружающие пейзажи — они изучали лица проходящих мимо людей.

Луис с трудом заставил себя отвести от него взгляд, повернулся и вошел внутрь, стараясь не спешить. Он закрыл балконную дверь и настроил сигнализацию, а затем вынул свой дроуд из тайника в столе. Руки его дрожали.

Кзин этот был Говорящим с Животными, которого он видел

впервые за последние двадцать лет. Тот самый Говорящий, который вместе с Луисом Ву, кукольником Пирсона и весьма странной девушкой исследовали очень небольшую часть огромного сооружения, называемого Кольцом; который заслужил от Патриарха кзинов полное имя за сокровище, доставленное оттуда. Назвать его по-старому значило заслужить смерть, но как же было его новое имя? Начиналось оно с чего-то вроде немецкого *sh* или со звука, похожего на предупредительный кашель льва... А, вот оно — Чмии. Но что он может здесь делать? С настоящим именем, Землей и большей частью беременным гаремом Чмии не собирался когда-либо снова покидать Кзин. Мысль встретить его туристом на аннексированном людьми мире была просто смешна.

Может, он знает, что его старый знакомец Луис Ву находится в Каньоне?

Нужно уходить. Подняться вверх по стене Каньона к своему кораблю.

Луис Ву принялся настраивать таймер своего дроуда; руки его дрожали... Все равно настройку придется менять, ведь он покидает Каньон с его двадцатисемичасовым днем. Он знал цель своего путешествия.

Это был другой мир в человеческом космосе, поверхность которого представляла большей частью бесплодный лунный ландшафт.

Он незаметно посадит корабль на Западном Конце Джинкса... а пока можно настроить дроуд и провести несколько часов под электродом, чтобы собраться с силами. Это только пойдет ему на пользу. Пожалуй, двух часов хватит.

Почти через два часа, прежде чем явился новый посетитель, поглощенный наслаждением, даримым электродом, Луис несколько не встревожился, скорее, он принял его появление с облегчением. Это был кукольник.

Существо прочно стояло на одной задней ноге и двух широко расставленных передних. Между его плечами возвышался горб — вместилище его мозга, — покрытый густой золотистой гривой, завитой в локоны и сверкающей драгоценностями. Две длинные, гибкие шеи поднимались по обе стороны от горба, заканчиваясь плоскими головами. Их широкогубые рты служили кукольникам руками. Один рот сжимал станнер, сделанный людьми, положив длинный разветвляющийся язык на спуск.

Луис Ву не видел кукольника Пирсона уже двадцать два года и считал, что так и должно быть.

И вот он появился ниоткуда. Впрочем, на сей раз Луис заметил мерцание в центре своего желтого травяного ковра. Тревоги его были напрасны: АРМ во всем этом участии не принимала. Проблема каньонских взломщиков была решена.

— Трансферные диски! — радостно воскликнул Луис и бросил-

ся на чужака. Это должно быть просто, ведь кукольники всегда были трусами...

Но тут станнер полыхнул оранжевым светом, и Луис Ву распластался на ковре, не в силах шевельнуть ни одним мускулом. Однако сердце его работало, а перед глазами плыли черные пятна.

Кукольник осторожно обошел двух мертвецов, внимательно осмотрел их, затем потянулся своими головами к Луису. Два комплекта плоских зубов ухватили его за запястья. Кукольник затащил человека обратно на ковер и уложил на нем.

В следующую секунду комната исчезла.

Луис Ву не испытывал никаких неприятных ощущений. Бесстрастно (удовольствие, даримое электродом, позволяло мыслить абстрактно, что обычно недоступно смертным) он принялся рассматривать картину окружающего мира.

Систему трансферных дисков он встречал на родном мире кукольников Пирсона.

Это была открытая телепортационная система, гораздо более совершенная, чем закрытые трансферные кабины, использовавшиеся на человеческих мирах.

По-видимому, кукольник установил трансферный диск в жилище Луиса; он же послал двух жителей Каньона привести его, а когда это не сработало, явился сам. Кукольники должны быть злы на него.

Это было вдвойне успокоительно, поскольку ARM здесь и не пахло, а кукольники имели миллионлетние традиции, поддерживающие их философию просвещенной трусости. Вряд ли им нужна его жизнь, они могут добиться своего более просто, с меньшим риском. Их можно будет просто запугать.

Он все еще лежал на полосе желтой травы и плетеном мате, а перед ним виднелась огромная оранжевая подушка... хотя, нет, это был кзин, лежавший с открытыми глазами, спящий, парализованный или мертвый, и, конечно, это был Говорящий. Луис был рад видеть его.

Они находились на космическом корабле с корпусом Дженерал Продактс. За прозрачными стенами космически яркий солнечный свет освещал знакомые остроконечные лунные скалы. Полоса зелено-фиолетовых лишайников подсказала Луису, что он все еще на Каньоне.

Но он вовсе не тревожился.

Кукольник отпустил его запястья. На его гриве сверкали украшения, что-то вроде черных опалов. Одна плоская, лишенная мозга голова наклонилась и выдернула дроуд из гнезда на черепе Луиса. Кукольник шагнул на прямоугольную пластину и исчез вместе с дроудом.

НАСИЛЬНО ЗАВЕРБОВАННАЯ КОМАНДА

Глаза кзина некоторое время следили за Луисом, затем парализованный кзин для пробы откашлялся и громыхнул:

— Лу-у-и Ву-у.

— У-у,— сказал Луис. Он думал о самоубийстве, но пока это было невозможно. Сейчас он едва мог двигать глазами.

— Луис, ур-р, вы электродник?

— А-гу,— сказал Луис, чтобы выиграть время, и это сработало: кзин отказался от дальнейших попыток. Луис, которого всерьез беспокоило только исчезновение дроуда, огляделся по сторонам, изучая место, в котором оказался.

Шестиугольная стеклянная пластина под ним показывала положение приемника трансферного диска. Черный круг за ней — вероятно, передатчик. С другой стороны пол был прозрачен, так же как корпус слева и на корме.

Почти во всю длину корабля тянулся под полом гиперпривод. Он был не человеческого производства и внешне выглядел полурасплавленным, как большинство конструкций кукольников. Другими словами, корабль мог развивать скорость больше скорости света. Похоже было, что он предназначен для долгого путешествия.

Через заднюю стену Луис мог заглянуть в грузовой трюм, почти полностью заполненный косым конусом высотой в тридцать футов и вдвое более длинным. Венчала его башенка с бойницами для оружия или каких-то инструментов. Под башенкой находился иллюминатор кругового обзора, а еще ниже — люк, который мог откидываться, образуя трап.

Это была посадочная шлюпка, исследовательская машина. Сделанная человеком, подумал Луис, и вполне привычная. В ней не было ничего полурасплавленного. За посадочной шлюпкой он заметил серебристую стену, вероятно, бака с топливом.

Однако двери, ведущей из помещения, в котором они находились, он не заметил.

С некоторым усилием Луис повернул голову в другую сторону. Теперь он смотрел вперед, на навигационную палубу корабля. Большая секция стены была непрозрачно-зеленой, но из-за нее выходил изогнутый ряд экранов, циферблатов с крошечными цифрами, круглых ручек, предназначенных для челюстей кукольника. Пилотское кресло представляло собой мягкую скамью с аварийными сетками и выемками для бедер и плеч кукольника Пирсона. С этой стороны двери тоже не было.

С правого борта... ну что ж, по крайней мере, их камера была довольно большой. Он заметил душ, пару спальных платформ и

участок, покрытый густым мехом,— должно быть, водяную постель кзина, а между ними неуклюжее устройство, в котором Луис узнал пищевой регенератор и автодок, сделанный на Вундерленде. За кроватями находилась еще одна зеленая стена, и никаких признаков воздушного шлюза. Они находились в ящике без отверстий.

Корабль был построен кукольниками: корпус Джeneral Продактс № 3, цилиндрический в центральной части и закругленный на концах. Торговая империя кукольников продавала миллионы таких кораблей. Они рекламировались как неуязвимые для любой опасности жизни, гравитации и видимого излучения. Ко времени рождения Луиса Ву кукольники покинули известный космос, направляясь к Магеллановым Облакам. Сейчас, два столетия спустя, корпуса Джeneral Продактс можно было встретить повсеместно.

Двадцать три года назад построенный кукольниками космический корабль «Лгун» врезался в поверхность Кольца на скорости в семьсот семьдесят миль в секунду. Статическое поле защитило Луиса и других пассажиров, а корпус не был даже поцарапан.

— Вы кзин-воин,— сказал Луис толстыми, онемевшими губами.— Можете вы пробить дорогу через корпус Джeneral Продактс?

— Нет,— сказал Говорящий. (Не Говорящий, а Чмии!)

— Чмии, что вы делаете на Каньоне?

— Я получил послание. Луис Ву находится на Вархиде и живет под электродом. Для доказательства были приложены голограммы. Знаете, как выглядите под электродом? Как морское растение, ветви которого извиваются в зависимости от капризов тока.

Луис вдруг обнаружил, что с его носа каплют слезы.

— Ненис! А почему вы пришли?

— Я хотел сказать, что вы занялись никудышным делом.

— Кто отправил это послание?

— Не знаю. Должно быть, кукольник. Ему нужны мы оба. Луис, неужели ваш мозг настолько разрушен, что вы не заметили, что этот кукольник...

— Не Несс,— закончил Луис.— Вы правы. Но вы заметили, как он содержит свою гриву? Это украшение волос должно отнимать не менее часа в день. Если бы я увидел такое на планете кукольников, то решил бы, что его положение довольно высоко.

— Да?

— Ни один нормальный кукольник не рискнет своей жизнью ради межзвездного путешествия. Кукольники взяли с собой весь свой мир, не говоря уже о четырех сельскохозяйственных планетах. Они решились на сотни тысяч лет полета на субсветовой скорости потому, что не доверяют космическим кораблям. Кем бы ни был этот кукольник, он безумен, впрочем, как и все кукольники, когда-либо виденные людьми. Я не знаю, чего можно ждать от него. Кстати, он вернулся.

Кукольник стоял на навигационной палубе, на шестиугольном трансферном диске, разглядывая их через стену. Потом заговорил низким контральто:

— Вы меня слышите?

Чмии пригнулся, оттолкнулся всеми четырьмя конечностями и прыгнул, с глухим стуком ударившись в стену. Любой кукольник должен был отпрянуть, но этот не среагировал, а только сказал:

— Наша экспедиция почти в сборе. Не хватает еще одного члена экипажа.

Луис обнаружил, что может перевернуться, и сделал это. Потом сказал:

— Сначала кое-что расскажите. Вы держите нас в ящике, так что можно ничего не скрывать. Кто вы?

— Называйте меня любым именем, которое вам нравится.

— КТО вы? Что вам надо от нас?

Кукольник заколебался.

— В моем мире меня звали Хиндмост¹, и я был супругом того, кого вы звали Нессом. А сейчас я никто. Вы нужны мне как экипаж для повторной экспедиции на Кольцо, чтобы восстановить мой статус.

1 — Мы не будем служить вам, — сказал Чмии.

— С Нессом все в порядке? — спросил Луис.

— Спасибо за ваш интерес. Несс здоров телом и духом. Шок, который он перенес на Кольце, был именно тем, что требовалось для восстановления его здравомыслия. Он сейчас дома, заботится о двух наших детях. Туземцы Кольца отсекали одну из его голов. Если бы Луис и Тила не сообразили наложить жгут на шею чужака, Несс умер бы от потери крови.

— Полагаю, вы пересадили ему новую голову?

— Конечно.

— Вы не были бы здесь, не будучи безумцем, — вставил Чмии. — Почему триллионы кукольников выбрали для управления собой существо с поврежденным разумом?

— Я не считаю себя безумцем. — Задняя нога кукольника беспокойно согнулась. (Его лица, если они вообще выражали какие-то чувства, казались лицами широкогубых идиотов). — И пожалуйста, не будем больше об этом. Я хорошо послужил своему виду, как четверо Хиндмостов служили до меня, пока консервативная фракция, обретя силу, сменила нас. Но они не годятся, и я докажу это. Мы отправимся на Кольцо и найдем сокровище, превосходящее их понимание.

— Похищение кзина, — буркнул Чмии, — было, пожалуй, ошибкой. — Он показал свои длинные когти.

¹ В романе «Мир-Кольцо» — Лучшее Всех Спрятанный.

Кукольник смотрел на них сквозь стену.

— Вы бы не пошли добровольно. И Луис тоже. У вас было ваше положение и имя, у Луиса — дроуд. Наш четвертый спутник был пленником. Мои агенты сообщили, что она освобождена и находится на пути сюда.

Луис горько рассмеялся. Без дроуда весь мир казался ему горьким.

— У вас совершенно нет воображения. Это просто повторение первой экспедиции. Я, Чмии, кукольник и женщина. Кстати, кто она? Вторая Тила Браун?

— Нет! Тила Браун испугала Несса — думаю, не без причины. Я вырвал Халрлоприллалар из пасти ARM. У нас будет проводником житель Кольца. Что касается характера нашей экспедиции, почему я должен отказываться от выигрышной стратегии? Вы же вырвались с Кольца.

— Все, кроме Тилы.

— Тила осталась по собственной воле.

— Нам заплатили за наши усилия, — заметил кзин. — Мы привезли домой космический корабль, способный преодолеть световой год за минуту с четвертью. Этот корабль дал мне имя и положение. Что вы можете предложить нам сейчас?

— Многое. Вы можете двигаться, Чмии?

Кзин встал. Казалось, он вполне оправился от воздействия станнера. У Луиса еще кружилась голова и немели конечности.

— Вы вполне здоровы? Нет ли головокружения, боли или тошноты?

— Откуда такая забота, пожиратель корней? Вы держали меня в автодоке. Я потерял координацию и голоден — ничего больше.

— Очень хорошо. Чмии, вы получили свою плату. Закрепитель — это лекарство, которое к двумстам двадцати трем годам сохранило Луиса Ву молодым и сильным. Мой народ изобрел его аналог для кзинов. Вы сможете привезти его формулу Патриарху Кзинов, когда наша миссия закончится.

Чмии, казалось, смутился.

— Я останусь молодым? Эта мерзость уже во мне?

— Да.

— Мы могли бы придумать такую ведь сами, но не захотели.

— Мне вы нужны молодым и сильным. Чмии, в нашей экспедиции нет ничего опасного! Я собираюсь садиться не на само Кольцо, а только на выступ космопорта! Вы разделите любые знания, которые мы добудем... так же, как и вы, Луис. Что же до вашего немедленного вознаграждения...

То, что возникло вдруг на трансферном диске, было дроудом Луиса Ву. Корпус его был вскрыт и вновь запечатан. Сердце Луиса подскочило.

— Не пользуйтесь им больше,— сказал Чмии, и это прозвучало как приказ.

— Хорошо. Хиндмост, как давно вы следите за мной?

— Пятнадцать лет назад я обнаружил вас в этом Каньоне. Мои агенты уже работали на Земле, пытаясь освободить Халрлоприллалар, но добились немного. Я установил трансферный диск в вашем жилище и ждал подходящего момента, а сейчас я отправляюсь вербовать нашего проводника.— Кукольник коснулся ртами каких-то ручек, шагнул вперед и исчез.

— Не пользуйтесь дроудом,— сказал Чмии.

— Что бы вы ни говорили...— Луис повернулся к нему спиной. Он знал, что однажды потребность в электроде заставит его настолько обезуметь, что он бросится на кзина. Но, по крайней мере, один плюс у этого есть... Он буквально вцепился в эту мысль.

Он ничего не мог сделать для Халрлоприллалар.

Ей было уже несколько тысяч лет, когда она присоединилась к Луису, Нессу и Говорящему с Животными, ищущим способ покинуть Кольцо. Туземцы, жившие под ее летающим полицейским участком, считали ее живущей в небесах богиней. Весь экипаж включился в эту игру — с помощью Халрлоприллалар они изображали богов,— одновременно направляясь к потерпевшему аварию «Лгуну». Кроме того, они с Луисом стали любовниками.

Местные жители Кольца — все три вида, которые встретились путешественникам,— были родственны людям, но не совсем люди. Например, Халрлоприллалар была почти лысой, с вывернутыми наружу губами. Порой казалось, что эта очень старая женщина не искала ничего, кроме разнообразия любовных занятий. Луис задумывался, не происходит ли подобное и с ним. Он видел недостатки Прилл, но... Ненис! У него самого их предостаточно.

Кроме того, он был в долгу перед Халрлоприллалар. Они нуждались в ее помощи, и Несс использовал особый способ воздействия на нее. Он приучил ее к таспу, и Луис позволил ему сделать это.

Вместе с Луисом она вернулась в пространство человека, вместе с ним вошла в здание Объединенных Наций в Берлине и больше оттуда не вышла. Если Хиндмост сумеет вырвать ее на свободу и вернет домой, это будет больше, чем смог бы сделать для нее Луис.

— Думаю, что кукольник лжет,— сказал Чмии.— Мания величия. Почему кукольники позволяют такому ненадежному разуму управлять ими?

— Они не хотят делать это сами — слишком велик риск. Неудобно превращаться в мишень, которой делает тебя этот пост. Потому-то кукольники и выбирают самого яркого из ничтожного числа своих больных манией величия... Или же взгляните на это

с другой стороны: образ действий Хиндмоста научил остальных кукольников держать головы пониже, и не пытаться получить большую власть — это слишком опасно. Так или иначе, а это действует.

— Вы думаете, он сказал правду?

— Не знаю. Но зачем ему лгать? Он купил нас.

— Он купил вас, — сказал кзин. — Купил вас электродом. Вам не стыдно?

Луису было стыдно, и он старался не дать стыду искалечить свой мозг, погрузить его в черное отчаяние. Способа выбраться из этого ящика не было: его стены, пол и потолок были частью корпуса Дженерал Продактс.

— Если вы еще думаете, как вырваться отсюда, — сказал он кзину, — то лучше подумайте вот о чем. Вы получили молодость, в этом — он не лгал — нет никакого смысла. Что произойдет, когда вы помолодеете?

— Огромный аппетит. Большой запас жизненных сил. Стремление сражаться — так что будьте внимательны, Луис.

С возрастом Чмии стал несколько грузноват. Черные метки вокруг его глаз почти полностью посерели, кроме того, серость проступала и в других местах. Крепкие мускулы перекатывались под кожей, когда он двигался, и ни один благоразумный молодой кзин не рискнул бы сразиться с ним. Однако самым главным были шрамы. Мех и большая часть кожи были сожжены более чем на половине тела Чмии во время прошлого посещения Кольца. Сейчас, спустя двадцать три года, мех отрос снова, но покрывал тело пучками и кустиками, выросшими на тканях шрамов.

— Закрепитель лечит шрамы, — сказал Луис. — Ваш мех снова станет гладким, а белых пятен не останется.

— Что ж, значит, я стану красавчиком. — Хвост хлестнул воздух. — Я должен убить этого пожирателя листьев. Шрамы — это те же воспоминания, и мы никогда не убираем их.

— Как бы вы тогда доказали, что вы Чмии?

Хвост замер, Чмии смотрел на него.

— Меня он купил электродом. — У Луиса имелись возражения против этого замечания, но здесь могли быть микрофоны, вряд ли кукольник игнорировал возможность мятежа. — А вас — гаремом, землей, привилегиями и именем, которое принадлежит Чмии, стареющему герою. Патриарх не поверит вашей истории, если вы не привезете кзинам закрепитель и обещание Хиндмоста помогать.

— Помолчите.

Это уже было слишком для Луиса Ву. Он потянулся за дроудом, и в ту же секунду кзин прыгнул, ухватив черный пластиковый футляр черно-оранжевой лапой.

— Как вам угодно, — сказал Луис и улегся на спину. Все равно он слишком мало спал сегодня...

— Как вы стали электродником?

— Я,— начал было Луис, но потом спросил: — Помните нашу последнюю встречу?

— Да. Несколько человек были приглашены на Кзин. И вы заслужили эту честь.

— Может, и заслужил. Вы помните, как показывали мне Дом Прошлого Патриарха?

— Да. Вы пытались убедить меня, что мы можем улучшить наши межвидовые отношения. Все, что от нас требовалось, это позволить группе человеческих репортеров пройти по музею с голокамерами.

Луис улыбнулся, вспоминая.

— Так оно и было.

— А я сомневался.

Дом Прошлого Патриарха был и величествен, и грандиозен: огромное, вытянутое здание, сделанное из толстых блоков вулканических пород, сплавленных по краям. По углам его, на четырех высоких башнях, находились лазерные пушки. Дом был огромен, и Луису с Чмии потребовалось два дня, чтобы обойти его.

Прошлое Патриарха было изучено довольно далеко вглубь. Луис видел древние бедренные кости стондата с рукоятками — дубины, использовавшиеся примитивными кзинами; видел оружие, которое можно было назвать ручными пушками; чтобы поднять их, потребовалось бы несколько человек. Он видел панцирь из серебряных пластин толщиной с дверь сейфа и двуручный топор, которым можно было бы срубить зрелое мамонтово дерево. Он как раз говорил о том, чтобы позволить журналистам людей совершить экскурсию по дворцу, когда они наткнулись на Харви Моссбуэра.

Семья Харви Моссбуэра была убита и съедена во время Четвертой войны между кзинами и людьми. Спустя много лет после заключения перемирия после продолжительной подготовки Моссбуэр в одиночку сел на Кзин и атаковал. Он убил четверых кзинов-мужчин и бросил бомбу в гарем Патриарха, прежде чем охранники сумели его прикончить. Чмии объяснил, что причиной было желание получить его шкуру неповрежденной.

— Вы называете это неповрежденной?

— Но ведь он сражался. И как сражался! У нас есть записи. Мы знаем, как чтить храброго и сильного врага, Луис.

Кожу чучела покрывало такое количество шрамов, что с первого взгляда определить вид было невозможно, однако стояло оно на высоком пьедестале с металлической табличкой, а вокруг было пустое пространство.

— Хотел бы я, чтобы вы поняли, как здорово было узнать, что Харви Моссбуэр был человеком,— сказал он сейчас, спустя двадцать лет — похищенный и лишенный своего друда электродник.

— Это хорошее воспоминание, но мы говорили о токовой наркомании,— напомнил ему Чмии.

— Счастливые люди не становятся токовыми наркоманами. Когда мне вживили электрод, я чувствовал себя хорошо. В тот день я чувствовал себя героем. Вы знаете, где была в это время Халрлоприллалар?

— Где же?

— Ею завладело правительство, ARM. Они о многом хотели спросить ее, и я ничего не мог сделать. А ведь она находилась под моей защитой — это я привез ее на Землю...

— Хорошо, что женщины кзинов не такие чувствительные. Вы делали все, о чем она вас просила, а ей хотелось увидеть пространство людей.

— Да, со мной, в качестве провожатого. Однако этого не произошло. Чмии, мы забрали Счастливый Случай и Халрлоприллалар домой и передали их коалиции кзинов и людей. Это был последний раз, когда мы видели друг друга. Мы даже не могли ни с кем поговорить об этом.

— Гиперпривод квантум П стал Тайной Патриарха.

— У нас он стал Высшей Тайной Объединенных Наций. Сомневаюсь, что об этом сообщили правительствам других человеческих миров. А мне дали понять, что лучше бы мне молчать о нем. И, конечно, Кольцо стало частью тайны, ведь как мы могли попасть туда без Счастливого Случая?

— Что меня удивляет,— продолжал Луис,— так это как Хиндмост собирается достичь Кольца. Двести световых лет от Земли — а от Каньона еще больше — по три дня на световой год, если он воспользуется этим кораблем. Как по-вашему, у него есть другой Счастливый Случай, спрятанный в укромном месте?

— Вы пытаетесь отвлечь меня,— ответил Чмии.— Почему вы вживили себе электрод? — Он пригнулся, когти его показались из кончиков пальцев. Возможно, это был рефлекс, не контролируемый сознанием. Возможно.

— Я покинул Кзин и отправился домой,— сказал Луис.— ARM не позволила мне увидеться с Прилл. Если бы я сумел собрать членов экспедиции на Кольцо вместе, она стала бы нашим проводником, но — ненис! — я не мог даже говорить об этом ни с кем, кроме правительства... и вас. А вас это не интересовало.

— Как я мог уйти? У меня была земля, имя и будущие дети. Самки кзинов очень зависимы, им нужна забота и внимание.

— А как они обходятся сейчас?

— Мой старший сын управляет моими владениями. Если меня не будет слишком долго, он будет драться со мной, чтобы сохранить их для себя. Если... Луис! Почему вы стали электродником?

— Какой-то шут хлестнул меня таспом!

— Урр?

— Я ходил по музею в Рио, когда кто-то из-за колонны сыграл со мной эту шутку!

— Но ведь Несс брал тасп на Кольцо, чтобы контролировать экипаж. Он пользовался им против нас обоих.

— Верно. Это очень похоже на кукольника — делать нас хорошими, контролируя нас! Хиндмост сейчас использует тот же метод. Смотрите, он вернул мой дроуд, а вам дал вечную молодость. И каков же результат? Мы будем делать все, что он скажет нам.

— Несс применял ко мне тасп, но я не стал электродником.

— Значит, это действует не на каждого. Но я запомнил... Я чувствовал себя как вошь, думал о Прилл... и о том, что дает успокоение. Прежде я делал так: взлетал в одиночку на корабле и летел к границе известного космоса, пока вновь не становился человеком и самим собой. Но это значило бы бежать от Прилл. А потом этот шут сыграл со мной свою шутку. Встряска была не очень сильной, но он напомнил мне о таспе, которым пользовался Несс. Я держался почти год, а потом пошел и вживил электрод в свою голову.

— Я выдерну его из вашего мозга.

— Это приведет к нежелательным побочным эффектам.

— А как вы оказались на Вархиде?

— Может, у меня просто паранойя, но судите сами. Халрлоприллалар вошла в здание ARM и никогда больше не вышла из него. С другой стороны, Луис Ву превратился в электродника и может выдать Высшую Тайну кому угодно. Я подумал, что лучше исчезнуть, а на Каньон легко посадить корабль, не привлекая ничьего внимания.

— Полагаю, Хиндмост тоже это обнаружил.

— Чмии, отдай мне дроуд, позвольте поспать или убейте меня. Я чертовски устал.

— В таком случае, спите.

Глава 3

ПРИЗРАК СРЕДИ ЭКИПАЖА

Приятно было просыпаться, паря между спальными пластинами и одновременно вспоминая.

Чмии разрывал кусок сырого красного мяса. На Вундерленде часто делали пищевые регенераторы, пригодные для различных видов. Кзин перестал есть ровно настолько, чтобы сказать:

— Каждая деталь оборудования на борту создана людьми или могла бы быть создана ими. Даже такой корпус можно купить на любом человеческом мире.

Подобно ребенку в лоне матери Луис парил в свободном падении, закрыв глаза и согнув колени. Однако забыть, где он находится, было невозможно.

— По-моему,— заметил он,— посадочная шлюпка сделана на Джинксе. Возможно, по заказу, но на Джинксе. А как с вашей кроватью? Настоящая?

— Искусственная ткань. Похоже на шкуру кзина и, несомненно, продается подпольно для людей со странным чувством юмора. Я бы охотно поохотился на ее изготовителей.

Луис потянулся и щелкнул выключателем. Спальное поле свернулось, мягко опустив его на пол.

Снаружи была ночь: вверху горели яркие белые звезды, а пейзаж вокруг был бесформенной бархатной чернотой. Даже сумей они раздобыть скафандры, Каньон мог оказаться на другой стороне планеты. Или же совсем рядом, за черным гребнем, вырисовывающимся на фоне звездного неба. Но кто мог это знать?

У регенератора имелись две клавиатуры, одна с инструкциями на интерволде, вторая — на Языке Героев. И два туалета по обе его стороны. Луис предпочел бы менее красноречивое устройство. Чтобы проверить способности этой кухни, он заказал завтрак.

— Луис, вас совершенно не интересует ситуация? — фыркнул кзин.

— Посмотрите себе под ноги.

Кзин нагнулся.

— Уррр... да. Этот гиперпривод сделали кукольники. На этом корабле Хиндмост сбежал из Флота Миров.

— Еще вы забыли трансферные диски. Кукольники не используют их нигде, кроме своего собственного мира, а сейчас Хиндмост послал агентов-людей забрать меня с помощью именно трансферных дисков.

— Должно быть, украл и их, и корабль. Луис, я не верю, что кукольники поддерживают Хиндмоста. Мы должны попытаться добраться до их флота.

— Чмии, здесь наверняка есть микрофоны.

— Значит, я должен таиться от этого пожирателя листьев?

— Хорошо, выслушайте меня.— Уныние, которое он испытывал, прорывалось в форме горького сарказма. А почему бы и нет? Ведь его дроуд у Чмии.— Ради своих прихотей кукольник похитил человека и кзина. Разумеется, нормальные кукольники будут потрясены этим. Как вы думаете, они позволят нам вернуться домой и рассказать все Патриарху? Если это произойдет, он непременно захочет построить целый флот Счастливых Случаев, который настигнет кукольников за четыре часа плюс время на уравнивание скоростей...

— Луис, довольно!

— Ненис, если вы хотите начать войну, дело ваше! По словам Несса, в Первой войне людей и кзинов кукольники поддержали нас. Теперь ваш ход.

— Оставим эту тему.

— Хорошо. Но вот о чем я подумал...— Тут Луис вспомнил, что разговор может записываться, и заговорил соответственно.— Мы с вами и Хиндмост — единственные существа в известном космосе, которые знают, что собираются делать кукольники, и любой из нас может проговориться.

— Я понял вашу точку зрения — если мы исчезнем на Кольце, вряд ли Хиндмост наденет траур. Но Хиндмост может и не знать, что Несс был неосторожен.

Он узнает это, прослушав этот кусок, подумал Луис. Моя ошибка. Нужно всегда помнить о пожирателе листьев. И он яростно атаковал свой завтрак.

Выбор его был и прост и сложен: половинка грейпфрута, шоколадное суфле, вареная грудь моа и кофе Голубая Гора Ямайки, покрытый сбитыми сливками. Большая часть была хороша, и только сбитые сливки как-то не убеждали. Впрочем, что мы можем знать о моа? Генетики двадцать четвертого века восстановили моа¹ или то, что, по их утверждению, было им, и кухонный регенератор создавал имитацию этого. И внешне, и по вкусу это было жирное мясо птицы.

И все же это было ничто по сравнению с нахождением под электродом.

Вообще, он рассматривал только в сравнении с электродом и верил, что это нормальное состояние для человечества. Захват себя в плен безумным чужаком для каких-то непонятных целей отнюдь не сделал его существования значительно хуже. Ужасным это черное утро делало только то, что Луис Ву собирался отказаться от дроуда.

Закончив завтрак, он бросил грязную посуду в туалет. Потом спросил:

— А что вы можете предложить?

— Обещания, основанные на моем честном слове.

Хвост Чмии хлестнул воздух.

— Когда-то вы были полезным компаньоном. А во что вы превратитесь, если я отдам вам дроуд? В жвачное животное. Нет, я оставлю его у себя.

Тогда Луис начал свои упражнения.

При половинной гравитации было легко отжиматься на руках — по сотне на каждой. Потолок был слишком низок для некоторых

¹ Моа — вымершие бескилевые птицы высотой до 3 м. Обитали в лесах Н. Зеландии. Последние моа истреблены в середине 19-го века.

его упражнений, поэтому он сделал две сотни прыжков ножницами, касаясь вытянутыми пальцами рук вытянутых ног...

Чмии с любопытством следил за ним. Наконец сказал:

— Интересно, почему Хиндмост лишился поддержки?

Луис не ответил. Лежа горизонтально, держа большие пальцы ног под днищем спальной пластины, а под икры положив большое плоское блюдо, он начал очень медленно садиться и так же медленно ложиться.

— И что он надеется найти в краевом космопорте? Что нашли там мы с вами? Кольца торможения слишком велики, чтобы их передвигать. Может, он хочет забрать что-то с корабля Кольца?

Луис набрал код, заказав пару ножек моа. Стерев с них жир, он принялся жонглировать ими, как огромными индейскими дубинками. Пот крупными каплями выступал на его лице и теле, затем нехотя катился вниз.

Хвост Чмии вновь хлестнул пол. Его большие розовые уши прижались к голове, не давая никакого преимущества врагу. Чмии был зол.

Одна из непроницаемых стен стала прозрачной, показав кукольника. Грива его выглядела совершенно иначе, из нее исчезли сверкающие точки опала. И он был один. Мгновение он изучал ситуацию, потом сказал:

— Луис, воспользуйтесь дроудом.

— Я не могу этого сделать,— Луис отбросил свои гири.— Где Прилл?

— Чмии,— сказал кукольник,— дайте Луису дроуд.

— Где Халрлоприллалар?

Огромная, покрытая мехом рука схватила Луиса за горло. Луис пнул назад, вкладывая в удар вес всего тела, и кзин хрюкнул. С удивительной мягкостью он вставил дроуд в его гнездо.

— Хорошо,— сказал Луис. Кзин отпустил его, и он сел на пол. Он уже знал ответ, как знал его, конечно, и кзин. Только сейчас Луис начал понимать, как сильно он хотел встречи с Прилл... увидеть ее свободной от ARM... просто увидеть ее.

— Халрлоприллалар мертва. Мои агенты обманули меня,— сказал кукольник.— Они знали, что жительница Кольца умерла восемнадцать стандартных лет назад. Я могу найти их, где бы они ни прятались, но это может занять еще восемнадцать лет. Или восемнадцать веков! Человеческий космос слишком велик. Пусть пользуются украденными деньгами.

Луис кивнул, улыбаясь, а Чмии спросил:

— От чего она умерла?

— Не перенесла закрепителя. Объединенные Нации не поверили, что она не совсем человек. Она резко постарела, а спустя год и пять месяцев после возвращения на Землю — умерла.

Она уже умерла, подумал Луис, когда я был на Кзине... Однако тут крылась какая-то загадка.

— У нее было собственное средство для долговечности. Лучшее, чем закрепитель. Мы привезли с собой целую бутылку.

— Его украли. Больше мне ничего не известно.

Украли? Но ведь Прилл никогда не ходила по улицам Земли, чтобы встретить обычных воров. Ученые Объединенных Наций должны были открыть бутылку для анализа вещества, но им требовалось не больше микрограмма... Вряд ли он когда-либо узнает правду. И после всего этого они продолжали держать ее у себя, держать ее знания, пока она не умерла.

Это было явное убийство. Но не только.

— Нам больше нечего ждать. — Кукольник занял место на своей мягкой скамье. — Вы будете путешествовать в статическом поле, чтобы сэкономить запасы. У меня есть дополнительный бак для топлива, и я заполню его перед уходом в гиперпространство, так что прибудем мы с полной заправкой. Чмии, как нам назвать наш корабль?

— Значит, вы предлагаете изучение наугад? — требовательно спросил кзин.

— Только краевой космопорт, ничего больше. Так как мы назовем наш корабль?

— Я называю его «Горячая Игла Следствия».

Луис улыбнулся, подумав, знаком ли кукольнику этот термин. Их корабль назывался теперь как одно из орудий пыток кзинов.

Кукольник взялся своими ртами за две рукояти и свел их вместе.

Глава 4

СМЕЩЕНИЕ ЦЕНТРА

Луис внезапно почувствовал, что вес его удвоился. Черный пейзаж Каньона исчез, и сама планета стала невидимой на фоне звездного неба, в котором одна из звезд — точно позади — сверкала ярче других. Кукольник тоже изменился. Он двигался так, словно устал, а его грива казалась застывшей.

Ток не убивает мозг, и Луис отчетливо представлял, что они с Чмии провели два года в статическом поле, пока кукольник вел «Иглу» через гиперпространство; что известный космос — эта сфера изученных звездных систем радиусом каких-то сорок световых лет — остался далеко позади; что «Горячая Игла Следствия» построена для пилотирования ее кукольником с пассажирами в статическом поле, и лишь от его милости зависело, выпустить их отту-

да или нет; что он в последний раз видел человека, а Халрлоприлалар умерла из-за его невнимательности, и скоро, когда дроуд будет вынут из его головы, он почувствует ужасающее одиночество. Впрочем, все это не имело значения, пока слабый ток раздражал его мозг.

Двигатель корабля не имел выхлопа, видимо, «Горячая Игла Следствия» двигалась с помощью реакционно-инертного толкателя.

Создатели «Лгуна» разместили двигатели корабля на большом дельтавидном крыле, но когда они летели над Кольцом, что-то вроде огромного лазера выстрелило в них, и двигатели сгорели. Хиндмост не повторил этой ошибки, подумал Луис. Движитель «Иглы» размещался внутри непроницаемого корпуса.

— Скоро ли мы совершим посадку? — спросил Чмии.

— Мы будем готовы к этому через пять дней. Я не смог взять лучшие двигательные системы Флота Миров, а с машинами человеческой постройки мы можем тормозить только на двадцати же. Кстати, вас устраивает сила тяжести в кабине?

— Чуть низковато. Одно земное же?

— Одно же Кольца. 0,992 земного.

— Оставьте все, как есть. Хиндмост, вы не дали нам никаких инструментов, а я хотел бы изучить Кольцо.

Кукольник задумался.

— У вашей посадочной шлюпки есть телескоп, но его нельзя направить прямо вниз. Подождите немного. — Хиндмост повернулся к бортовым инструментам. Одна его голова повернулась назад и заговорила на шипяще-плююще-фыркающем Языке Героев.

— Говорите на интерволде, — сказал Чмии. — Пусть Луис хотя бы слушает.

— Хорошо. Сейчас я дам вам проекцию с телескопа «Иглы».

Изображение появилось под ногами Луиса Ву: прямоугольник без четких границ, в котором солнце Кольца и звезды вокруг него стали вдруг гораздо больше. Луис прикрыл солнце рукой и пригляделся. Кольцо было на месте: светло-голубая нить, образующая полукруг.

Возьмите пятидесятифутовую светло-голубую рождественскую ленту шириной в один дюйм, сверните ее в круг, установите одним краем на пол и поставьте в середине свечу. А теперь увеличьте масштаб.

Кольцо было лентой невероятно прочного материала, в миллион миль шириной и шестьдесят миллионов длиной, образующей круг радиусом в девяносто пять миллионов миль с солнцем в центре. Это кольцо вращалось со скоростью семсот семьдесят миль в секунду, достаточно быстро, чтобы создавать силу тяжести, почти равную

земной. Неизвестные инженеры Кольца покрыли его внутреннюю поверхность почвой, океанами и атмосферой. Вдоль каждого края они поставили стены высотой в тысячу миль, чтобы удержать воздух. Вероятно, он все-таки уходил через край, но не слишком быстро. Внутри кольца размещались двадцать черных прямоугольников, расположенных примерно так, как орбита Меркурия в Солнечной системе, и создающих на Кольце чередование суток продолжительностью 30 часов.

Площадь Кольца составляла шестьсот миллиардов квадратных миль — в три миллиона раз больше площади Земли.

Луис, Говорящий с Животными, Несс и Тила Браун путешествовали по Кольцу почти год: двести тысяч миль поперек него, а затем, обратно, к точке, где потерпел крушение «Лгун». Пятая часть ширины. Вряд ли это сделало их экспертами. Да и вообще, могло ли любое мыслящее существо надеяться стать когда-либо экспертом по Кольцу?

Впрочем, они осмотрели один из краевых космопортов, расположенных на внешней стороне стены. Если Хиндмост говорил правду, большего и не требовалось. Сестра на краевом космопорте, забрать то, что Хиндмост рассчитывал найти, и обратно. И быстро! Потому что...

Потому что на прямоугольном изображении, которое Хиндмост показал им, все было видно с болезненной ясностью: светло-голубая арка Кольца сместилась, и солнце ушло из ее центра.

— Это мы не знали, — сказал Чмии. — Мы провели на нем целый год, но ничего не знали. Как это могло случиться?

— Кольцо не было смещено, когда вы находились на нем, — сказал кукольник. — Ведь это было двадцать три года назад.

Луис кивнул. Разговор отвлекал его. Только наслаждение, даримое электродом, спасало его от страха за судьбу жителей Кольца. Хиндмост продолжал:

— Кольцо нестабильно в плоскости своей орбиты. Вы знали об этом?

— Нет! Я не узнал ничего нового с тех пор, как вернулся на Землю, — сказал Луис. — Я никогда не занимался его изучением.

Оба чужака смотрели на него, и Луису было неприятно такое пристальное их внимание. Ну хорошо.

— Достаточно просто показать, что Кольцо нестабильно. Стабильно вдоль оси, но нестабильно в плане. На нем должно иметься что-то, держащее солнце строго в центре.

— Но сейчас-то оно из центра ушло!

— Значит, это что-то перестало работать.

Чмии царапнул когтями по полу.

— Но тогда они должны умереть! Миллиарды, десятки миллиардов... может, даже триллионы? — Он повернулся к Луису. — Мне надоела ваша глупая улыбка. Может, вы лучше будете говорить без дроуда?

— Я могу говорить и так.

— Тогда говорите. Почему Кольцо нестабильно? Дело не в его орбите?

— Нет, конечно, нет. Она достаточно жесткая, благодаря огромной скорости вращения. Если подтолкнуть Кольцо от центра, оно будет смещаться и дальше от него. Но уравнения этого довольно сложны. Я просчитывал на компьютере и получил цифры, в которые не совсем верю.

— Однажды, — сказал Хиндмост, — у нас возникла идея построить свое собственное Кольцо. Однако его нестабильность слишком велика. Даже сильная вспышка на солнце окажет на систему влияние достаточное, чтобы нарушить равновесие. Через пять лет солнце сожжет все.

— То же самое получил и я, — вставил Луис. — Должно быть, именно это и произошло здесь.

Чмии вновь царапнул когтями по полу.

— Но ведь инженеры Кольца наверняка разместили на нем реактивные двигатели!

— Возможно. Мы знаем, что у них был двигатель Баззарда, они пользовались им на своих кораблях. Действительно, нескольких двигателей Баззарда, размещенных на краевой стене, должно быть достаточно для удержания солнца в центре Кольца. Эти двигатели употребляют водород из солнечного ветра, поэтому никогда не останутся без топлива.

— Но мы ничего не видели. Только представьте, насколько большими должны быть эти двигатели!

— Луис хихикнул.

— Что можно назвать огромным применительно к Кольцу? Мы пропустили их, вот и все. — Луису не нравилось, как Чмии стоит над ним с выпущенными когтями.

— Вы так легко относитесь ко всему этому? На Кольце может быть столько жителей, что они заселят в тысячу раз больше планет, чем есть их во всем известном космосе. И они гораздо ближе к вам, чем ко мне.

— Вы безжалостный, немилосердный хищник, — ответил Луис. — Скажу вам так: это будет беспокоить меня после того, как Хиндмост отключит мой дроуд. Но это меня не убьет, потому что к тому времени я буду мало нуждаться в нем. Можете вы предложить что-то, чем мы можем помочь им? Хоть какую-то идею?

Кзин повернулся к нему спиной.

— Хиндмост, сколько времени у них осталось?

— Я попробую рассчитать это.

Солнце было уже довольно далеко от центра Кольца. Луис полагал, что примерно в семидесяти миллионах миль от ближней части и ста двадцати от дальней. Ближняя сторона должна была получать в три раза больше солнечного света, чем дальняя, а вся система делала оборот за семь с половиной тридцатичасовых дней. Растения, которые не смогут к этому приспособиться, погибнут. Точно так же, как животные и люди.

Хиндмост кончил работать на телескопе и сейчас занялся с компьютером, отгородившись от них непроницаемой зеленой стеной. Луис задумался, что еще находится в скрытой от них части корабля. Наконец, кукольник рысью выбежал из-за стены.

— Через один год и пять месяцев, начиная с сегодня, Кольцо коснется солнца. Полагаю, это уничтожит его. Учитывая скорость вращения, все обломки улетят в межзвездное пространство.

— А черные прямоугольники? — буркнул Луис.

— Что? А, да, черные прямоугольники столкнутся с солнцем первыми. И все-таки у нас есть почти год. Немало времени, — живо продолжал Хиндмост. — Нам вовсе не нужно садиться на поверхность Кольца. Ваша экспедиция изучила космопорт с расстояния в десять тысяч миль, не попав при этом под огонь метеоритной защиты. Я верю, что космопорт покинут и мы можем сесть безопасно.

— А что вы надеетесь найти? — спросил Чмии.

— Я удивлен, что вы этого не помните, — Хиндмост повернулся к пульту управления. — Луис, у вас было достаточно времени.

— Подождите...

Но электрод в его мозгу уже прекратил работу.

Глава 5

УДАЛЕНИЕ СИМПТОМОВ

Луис смотрел сквозь стену, как кукольник трудится над его дроу-дом, и думал о смерти — своей и чужаков, которые преграждали импульсам тока путь в его мозг.

Плоские головы ощупывали, передвигали и обнюхивали маленький черный корпус, словно пробуя вызывающую сомнения пищу, длинные языки и чувствительные губы трудились внутри. За несколько минут кукольник настроил таймер на тридцатичасовой день и уменьшил ток наполовину.

Затем последовал период наслаждения, невообразимого для человеческого разума, и ничто не беспокоило его, но... Луис затруднился бы определить свои чувства. Когда ток отключали слишком быстро, как в этот вечер, депрессия окутывала его подобно густому шафрановому смогу.

Через некоторое время Чмии подошел к Луису, вынул дроуд из его головы и положил на трансферный диск, соединенный с навигационной палубой. Для настройки. Новой настройки.

Луис заскулил и прыгнул. Цепляясь за мех, он забрался на спину кзина и попытался оторвать ему ухо. Кзин закрутился волчком, и Луис вдруг почувствовал, что огромная лапа схватила его и швырнула через комнату. Ударившись о стену, полуголушенный, с кровью, текущей из расцарапанной руки, Луис развернулся для новой атаки.

Первое, что он увидел, был Чмии, прыгнувший на трансферный диск, как только Хиндмост взялся за рычаги. Скорчившись на диске, он выглядел довольно глупо.

— Ничто, имеющее такую массу, не может быть перенесено этим диском,— сказал Хиндмост.— Я не идиот, чтобы позволить кзину оказаться на моей собственной навигационной палубе.

Чмии фыркнул.

— Много ли нужно разума, чтобы срывать листья? — Он катнул дроуд Луису и поплелся к своей водяной постели.

Это был просто отвлекающий маневр. Чмии выдернул дроуд из головы Луиса, как только тот отключился, исключительно для того, чтобы привести Луиса в ярость и отвлечь внимание кукольника.

— В следующий раз я переделаю ваш дроуд до того, как вы вставите его. Это сделает вас счастливым?

— Ненис, вы прекрасно знаете, что делает меня счастливым! — Луис крепко держал свой дроуд. Разумеется, он был мертв... мертв, пока таймер вновь не пробудит его к жизни.

— Вы живете почти столько, сколько мы,— продолжал Хиндмост.— Вы станете богаты наяву, а не в мечтах! На кораблях Кольца используется метод дешевой широкомасштабной трансмутации. тот же, каким пользовались при строительстве самого Кольца!

Луис пораженно уставился на него.

— Я бы хотел знать массу и вес этой машины,— продолжал кукольник,— ведь корабли Кольца огромны. Однако нам нет необходимости забирать ее с собой. Достаточно голограммы, сделанной с помощью глубинного радара, и голограммы механизмов в действии, чтобы убедить моих подчиненных. После этого можно будет послать корабль с корпусом Джeneral Продактс № 4, чтобы перевезти ее.

Чужак не ждал, что человек, погруженный в токовое уединение.

ответит ему, и так оно и было, но Луис исподлбья смотрел на Чмии, чтобы увидеть его реакцию.

Кзин был великолепен. На мгновение он замер, затем сказал:

— Как получилось, что вы утратили власть?

— Это долгая история.

— Прошел всего один день, так что время у нас есть.

— Ну хорошо, все равно заняться больше нечем. Да будет вам известно, что издавна у нас существуют партии Консерваторов и Эксперименталистов. Обычно правила Консерваторы, но когда наш мир начал страдать от излишков тепла — следствия чрезмерного роста индустриальной мощи, — Эксперименталисты переместили планету в кометный пояс. Кроме того, они преобразовали, а затем засеяли два сельскохозяйственных мира, а потом передвинули поближе еще две планеты — бывшие спутники далеких ледяных гигантов...

Чмии получил время, чтобы справиться со своим волнением и подумать о том, что говорить дальше. Видимо не зря занимал он когда-то пост Говорящего с Животными — младшего после людей.

— ...мы сделали все необходимое, а затем были смещены. Это основное правило. Эксперименталисты пришли к власти, когда наши зонды изучали Империю Кзинов. Думаю, Несс рассказал вам, что мы там делали.

— Вы помогли людям. — Чмии был демонстративно спокоен. Признаться, Луис ждал, что он бросится на стену. — Четыре войны с людьми уничтожили четыре поколения наших лучших бойцов, так что вид пришлось восстанавливать более понятливым.

— Мы надеялись, что вы сможете дружески общаться с иными видами... Кроме того, моя партия основала торговую империю в этом районе. И все же, несмотря на наши успехи, мы потеряли власть. А затем стало известно, что ядро нашей галактики взорвалось, и ударная волна дойдет до нас через двадцать тысяч лет. Наша партия вновь встала у руля, чтобы возглавить исход Флота Миров.

— Весьма удачно для вас. И все-таки вас сместили.

— Да.

— Почему?

Кукольник помолчал, потом сказал:

— Некоторые из моих решений были непопулярны в народе. Я вмешался в судьбы людей и кзинов. Каким-то образом вам стало известно, что мы вмешались в законы размножения на Земле, пытаясь вывести людей-счастливчиков, а тут еще политика в Первой войне с людьми для получения благоразумных кзинов. Мой предшественник основал Джeneral Продактс, межзвездную торговую империю, но уверяли, что он сделал это благодаря безумию, поскольку только безумец может рискнуть своей жизнью в космосе. Когда я объявил о нашей экспедиции для изучения Кольца, меня тоже

назвали безумцем, рискующим связываться с такой развитой технологией. Но нельзя же прятаться при одной мысли об опасности!

— Поэтому они сместили вас.

— Возможно, это был только предлог.— Хиндмост непрерывно кружил по помещению: цок-цок-цок.— Вы знаете, что я согласился взять Несса супругом, если он вернется с Кольца,— он требовал этой уступки. Он вернулся, и мы стали супругами. Несс был безумен, и Хиндмост часто бывал безумен... Меня и сместили.

— Кто из вас мужчина? — спросил вдруг Луис.

— Удивляюсь, почему вы не спросили об этом Несса. Впрочем, он не сказал бы вам, Несс очень застенчив в некоторых вопросах. Дело в том, Луис, что у нас два вида мужчин. Мой вид вводит в плоть женщины свою сперму, а вид, к которому принадлежит Несс, вводит туда же свои яйца.

— Значит, у вас три набора генов? — спросил Чмии.

— Нет, только два. Самки не вносят в это ничего; предоставленные самим себе, они выводят только новых самок. Строго говоря, они не относятся к нашему виду, хотя симбиоз этот возник в далеком прошлом.

Луис содрогнулся. Кукольники размножались, как оса-копатель: ее потомки поедали плоть своего носителя. Несс отказывался говорить о сексе и правильно делал — это выглядело отвратительно.

— Я был прав,— заявил Хиндмост.— Прав относительно посылки миссии к Кольцу, и мы докажем это. Через пять дней (но не больше, чем через десять) мы доберемся до космопорта, и еще пять дней потребуется, чтобы достигнуть места, откуда можно лететь на гиперприводе. Нам вовсе не нужно садиться на Кольцо. Халрлоприллалар рассказала Нессу, что корабли Кольца заправляются свинцом для экономии места, а во время полета превращают его в воздух, воду и топливо. Правительство Консерваторов не имело дела с такой отраслью технологии, и им придется восстановить меня.

Депрессия после снятия напряжения не располагала к смеху, однако все это было очень забавно и становилось еще забавнее, поскольку с самого начала виноват был сам Луис.

На следующее утро чужаки уменьшили ток в дроуде еще наполовину и оставили его таким. Впрочем, особой разницы в этом не было: ведь под электродом Луис по-прежнему получал наслаждение. Раньше, страдая от депрессии после отключения тока, он знал, что его ждет, когда ток пойдет снова, но теперь депрессия стала хуже, и это становилось опасно. В любой момент чужаки могли снова уменьшить ток... и даже если они этого не сделают, ему все равно придется отказаться от дроуда.

Луис не знал, о чем говорили чужаки в течение этих четырех дней. Все это время он пытался сосредоточиться на получаемом удовольствии. Как в тумане, видел он, что они вызывают из памяти компьютера голограммы. Это были лица туземцев Кольца: невысоких, полностью покрытых золотистой шерстью; огромной провололочной скульптуры в небесном замке (обрубок носа, лысая голова, рот как ножевой шрам); Халрлоприллалар (вероятно, из той же самой расы); Искателя, бродяги, взявшего Тилу под свое покровительство (почти человек, но мускулистый, как джинксиане, и без бороды). Еще были города, разрушенные временем и летающими зданиями, которые упали, когда иссякла энергия. Были также голограммы приближения «Лгуна» к черным прямоугольникам и города, словно накрытого облаком дыма.

Тем временем звезда превратилась из точки в пятнышко, окруженное ярким ободом, сияние которого смягчала защита внутреннего корпуса «Иглы». Голубой ореол вокруг звезды становился все больше.

В своих мечтах Луис вернулся на Кольцо. В огромной летающей тюрьме он висел вниз головой на своем сгоревшем скутере, в девяности футов над твердым полом, усыпанным костями прежних узников. В ушах его звучал голос Несса, обещая спасение, которое никогда не придет.

Приходя в себя, он искал спасения в повседневных делах, а вечером четвертого дня долго смотрел на свой обед, затем выкинул его и заказал хлеб с сыром. Четыре дня потребовалось Луису, чтобы понять, что он недосытаем для ARM и снова может есть сыр!

Что еще есть хорошего кроме электрода, спрашивал себя Луис. Сыр, спальные пластины, любовь (сейчас недоступная). Свобода, безопасность, чувство собственного достоинства. Выигрыш как противоположность поражения. Ненис, я почти забыл, как думать об этом, все, что имел, растерял. Свобода, безопасность, чувство собственного достоинства... Ничего. Немного терпения, и я сделаю первый шаг.

Кольцо росло.

Спустя два дня оно было уже ясно очерченным голубым кольцом, узким, непрочным на вид, со звездой, смещенной из центра. Стали видны некоторые крупные детали: внутреннее кольцо черных прямоугольников, теневых квадратов; краевая стена в тысячу миль высотой, все более закрывающая внутреннюю поверхность Кольца. К вечеру пятого дня «Горячая Игла Следствия» погасила большую часть скорости, и стена была уже огромной, закрывающей звезды.

Луис не был под электродом. Сегодня он заставил себя отказаться от него, а потом Хиндмост сообщил, что ему придется обойтись без тока, пока они не сядут. Луис только пожал плечами. Потом, сейчас...

— Солнце сияет ослепительно, — сказал Хиндмост.

Луис взглянул на него. Экран затемнял солнце, и он увидел только солнечную корону — круг пламени, окружающего черный диск.

— Дайте нам изображение, — попросил он.

Затемненная и увеличенная в прямоугольном окне звезда выглядела огромным диском. Она была явно меньше и холоднее Солнца. На ней не было солнечных пятен, если не считать ослепительно яркого пятна в центре.

— Наше положение не очень хорошее, — сказал Хиндмост. — Эта вспышка прямо у нас над головами.

— Возможно, звезда стала нестабильной недавно, — сказал Чмии. — Это может объяснять, почему Кольцо сместилось.

— Возможно. «Лгун» отметил вспышку во время вашего прибытия, но затем в течение года звезда была спокойна. — Головы Хиндмоста нависли над приборной доской. — Странно. Магнитные поля...

Черный диск скользнул за край стены.

— Магнитные поля этой звезды весьма необычны, — закончил Хиндмост.

— Давайте вернемся и посмотрим еще раз, — предложил Луис.

— Нашей экспедиции не нужны случайные данные.

— Никакого любопытства?

— Да.

С десяти тысяч миль черная стена выглядела прямой линией. Темнота и скорость смазывали все детали. Хиндмост переключил экран телескопа на инфракрасное излучение, но это мало помогло. Или все-таки какие-то результаты появились? Вдоль подножия стены стали видны какие-то тени, треугольники от тридцати до соток миль высотой с пониженной температурой, как если бы что-то на внутренней поверхности тысячемильной стены отражало солнечный свет. Кроме того, появились темные, более холодные линии вдоль основания.

— Мы будем садиться или просто зависнем? — вежливо спросил Чмии.

— Зависнем, чтобы оценить ситуацию.

— Сокровище выше. Вы можете вернуться без него, если захотите.

Хиндмост вел себя беспокойно, ноги его крепко обхватывали пилотскую скамью, мышцы на спине подергались. Чмии же, напротив, расслабился и казался вполне довольным собой.

— У Несса пилотом был кзин, — сказал он. — Случались моменты, когда Несс был вне себя от страха. У вас такого нет. Может,

пусть «Иглу» посадят автоматы, а вы скроетесь в статическом поле?

— А если возникнет опасность? Нет, я не согласен.

— Тогда посадите нас сами. Действуйте, Хиндмост.

«Игла» повернулась носом вниз и ускорилаь.

Потребовалось два часа, чтобы достичь скорости в семьсот семьдесят миль в секунду. К этому времени под ними пронеслись сотни тысяч миль темной линии. Хиндмост начал постепенно подводить корабль ближе — медленно, так медленно, что Луис задумался, не решил ли он отступить. Он терпеливо следил за развитием событий. Сейчас он не был под электродом и сам сделал этот выбор, важнее которого не было ничего.

Но откуда бралось терпение Чмии? Может, он почувствовал возвращение молодости? Человек, проживший свой первый век, чувствует себя так, словно все время принадлежит ему. Может ли кзин испытывать такое? Или же... Чмии искусный дипломат, возможно, он просто скрывает свои чувства.

«Игла» держалась на своих маневровых двигателях. Тяготение в 0,992 же искривляло ее движение, вписывая его в изгиб Кольца. Предоставленный самому себе корабль тут же улетел бы в межзвездное пространство. Луис наблюдал, как головы кукольника мечутся, проверяя показания приборов и экранов, расположенных перед ним. Для Луиса эти данные ничего не значили.

Темная линия превратилась в ряд колец, расположенных на расстоянии друг от друга и имеющих диаметр в сотни миль. Во время первой экспедиции старые записи показали им, как корабли подходили на пятьдесят миль к краевой стене и ждали, пока кольца разгонят их до скорости вращения Кольца, а затем перебросят на другую сторону в космопорт.

Черные стены слева и справа сходились в одной точке. Хиндмост накренил «Иглу», двигаясь вдоль линейного ускорителя. Сотни тысяч миль колец... но что делать, у обитателей Кольца не было генератора гравитации. Их корабли и экипажи не вынесли бы резкого ускорения.

— Эти кольца бездействуют. Я не нашел никаких датчиков для прибывающих кораблей.— Кукольник повернулся к ним, чтобы сказать это, но тут же отвернулся снова.

Они прибыли в краевой космопорт.

В диаметре он имел семьдесят миль. Повсюду стояли высокие краны, округлые здания и низкие, широкие горизонтальные тележки. И здесь находились корабли: четыре плосконосых цилиндра, три из которых были повреждены и имели пробоины.

— Надеюсь, вы включите огни,— сказал Чмии.

— Я пока не хочу, чтобы нас обнаружили.

— Вы не заметили какие-то признаки жизни? Может, вы собираетесь садиться без огней?

— Нет и нет,— ответил Хиндмост, и на носу «Иглы» вспыхнул прожектор огромной силы: несомненно, это было дополнительное оружие.

Корабли были огромны, и открытые шлюзы казались на них лишь черными пятнышками. Тысячи окон сверкали на цилиндрических корпусах, совсем как леденцы, которыми посыпали торт. Один корабль выглядел неповрежденным, остальные были в различной степени разобраны, их внутренности открыты вакууму и любопытным чужим глазам.

— Никто не атакует, никто не предупреждает нас,— сказал кукольник.— Температура зданий и машин сто семьдесят четыре абсолютных градуса. Это место давно покинуто.

Пара массивных тороидов цвета меди окружала центральную часть неповрежденного корабля. Должно быть, они составляли треть от общей массы корабля или даже больше. Луис указал на них.

— Возможно, это генератор таранного поля. Когда-то я изучал теорию космических полетов. Двигатель Баззарда генерирует электромагнитное поле, собирающее межзвездный водород и вводящее его в зону сжатия для синтеза. Запасы топлива у такого корабля бесконечны. Но если вы двигаетесь слишком медленно для таранного поля, нужен запас топлива и ракетный двигатель. Смотрите.— Внутри двух разграбленных кораблей видны были топливные емкости.

На всех трех разрушенных кораблях массивные тороиды отсутствовали, и это удивило Луиса. Впрочем, двигатель Баззарда обычно использовал магнитные монополя, а их можно было использовать и для других целей.

Хиндмоста обеспокоило еще кое-что.

— Емкости, заполненные свинцом? Но почему не просто свинцовая полоса вокруг корабля, где она может служить экраном до того, как будет использована в качестве топлива?

Луис молчал. Свинца не было.

— А может,— предположил Чмии,— они вели сражения и расплавленный свинец стек с корпуса, оставив корабль без топлива? Садитесь, Хиндмост, и поищем ответы на неповрежденном корабле.

«Игла» зависла над одним местом.

— Еще не поздно уйти,— продолжал Чмии.— Выведите нас за край и выключите реактивные двигатели. Нас унесет в открытый космос, мы запустим гиперпривод и вернемся к безопасной жизни.

«Игла» опустилась на поле. Хиндмост произнес:

— Займите место на трансферном диске.

Чмии так и сделал и исчез, что-то мурлыкая. Луис последовал за ним и оказался где-то в другом месте.

ВОТ МОЙ ПЛАН...

Помещение выглядело знакомо. То есть он никогда не видел именно такого, но оно походило на навигационную палубу любого небольшого межпланетного корабля. Всегда имелась внутренняя сила тяжести, корабельный компьютер, управление двигателями, массдетектор. Три кресла, стоявшие перед пультом, были снабжены аварийными сетками, ручками на подлокотниках, мочеотводящими трубками и отверстиями для подачи пищи и напитков. Одно кресло было гораздо больше других. Луис решил, что сможет управлять посадочной шлюпкой с завязанными глазами.

Над полукругом экранов и циферблатов широкой полосой тянулся круговой иллюминатор, сквозь который Луис видел, как секция корпуса «Иглы» отошла наружу и вверх. Ангар открылся.

Перед тем как занять свое место, Чмии осмотрел самые большие рукоятки и переключатели.

— У нас есть оружие,— сообщил он.

Экран вспыхнул, и на нем появилась голова кукольника, произносящая:

— Спускайтесь по лестнице за своим вакуумным снаряжением.

Ступени посадочной шлюпки были широкими и невысокими, рассчитанными на поступь кзинов. Внизу места оказалось гораздо больше, и там размещались водяная постель, спальные пластины и кухня, такая же, как у них в камере. Имелся и автодок, достаточно большой для кзина, с тщательно отделанным пультом управления. Луис когда-то занимался хирургией, и, видимо, Хиндмост знал об этом.

Чмии нашел вакуумное снаряжение за одной из ряда закрытых дверей и влез в нечто, похожее на набор прозрачных шаров. От нетерпения он был сильно раздражен.

— Луис! Одевайтесь скорее!

Луис натянул цельный эластичный комбинезон, обтягивающий тело, прикрепил шлем, похожий на круглый аквариум, и ранец на спину. Это было стандартное снаряжение; костюм удалял пот, позволяя телу использовать собственную систему охлаждения.

Воздушный шлюз оказался достаточно велик для троих, и это было хорошо: Луис с легкостью мог вспомнить моменты, когда нельзя было ждать снаружи, пока шлюз окажется готов к приему очередного входящего. Даже если Хиндмост не ожидал никаких опасностей, он все равно подготовился к ним. Когда воздух сменился вакуумом, грудь Луиса раздулась, и он затянул пояс — широкую эластичную ленту вокруг талии, — который должен был помочь ему выдыхать.

Чмии, широко шагая, выбрался из посадочной шлопки, а затем и из «Иглы». Луис прихватил набор инструментов и, слегка оттолкнувшись, последовал за ним.

Внезапное ощущение свободы было довольно опасно, и Луис напомнил себе, что линия связи его костюма включает и Хиндмоста. Ему хотелось поговорить о многом и поскорее, но так, чтобы не услышал кукольник.

Пропорции вокруг были значительно искажены, полуразобранный корабль выглядел слишком большим, горизонт казался слишком близким и резким. Бесконечная черная стена делила яркое, полупознакомое небо пополам. Если смотреть сквозь пустоту, формы далеких предметов оставались резкими и яркими даже на расстоянии в сотни тысяч миль.

Ближайший корабль Кольца был неповрежден, и казалось, что до него не было полумили, хотя скорее всего это было не так. В последнем путешествии Луис постоянно недооценивал размеры и расстояния, и двадцать три года, прошедшие с тех пор, не излечили его.

Достигнув огромного корабля, он нашел эскалатор, встроенный в одну из посадочных опор. Разумеется, древняя техника не действовала, и Луис побрел вверх.

Чмии пытался открыть большой воздушный шлюз. Из набора инструментов, который принес Луис, он выудил плоскогубцы, снял крышку и принялся ковыряться внутри.

— Лучше пока не резать двери.— сказал он.— Там есть энергия.

Наконец внешняя дверь закрылась, а внутренняя открылась в пустоту и темноту. Чмии включил свой фонарь-лазер.

Луис чувствовал себя неуверенно. Этот корабль, должно быть, нес достаточно людей, чтобы заселить небольшой город, в нем было легко заблудиться.

— Нам нужны смотровые шахты.— сказал он.— Я бы хотел загерметизировать корабль. С этим большим шлемом вам не пролезть через проходы, предназначенные для человека.

Они пошли по коридору, поворачивающему по мере изгиба корпуса. Двери, выходившие в него, были чуть выше роста Луиса. Он открыл наугад несколько и увидел маленькие жилые каюты с кроватями и откидными стульями для гуманоидов его размера или даже меньше.

— Выглядит так, словно эти корабли построил народ Халрлоп-риллалар,— заметил Луис.

— Мы знаем это,— откликнулся Чмии.— Ее народ построил Кольцо.

— А вот этого они не делали,— сказал Луис.— Не знаю даже, действительно ли они построили корабли или взяли их где-то еще.

— Луис? — прозвучал в их шлемах голос Хиндмоста. — Халр-лоприллалар говорила вам, что ее народ построил Кольцо. Вы думаете, она лгала?

— Да.

— Почему?

Луис едва не сказал, что она лгала о многом.

— Мы знаем, что они построили города. Все эти летающие здания нужны, чтобы показать их богатство и могущество. Помните небесный замок — летающее здание с комнатой карт? Несс привез с собой записи.

— Я изучил их, — сказал кукольник.

— А поднимающийся трон и проволочную скульптуру, изображающую чью-то голову — размером с дом? Если вы сумели построить Кольцо, неужели вам потребуется еще небесный замок? Я не верю в это. И никогда не верил.

— Чмии?

— Полагаю, следует принять точку зрения Луиса.

Они повернули направо в радиальный коридор. Здесь было больше спальных комнат. Луис внимательно осмотрел одну. Очень интересен был вакуумный костюм, стоявший у стены подобно трофею охотника: цельный, весь пересеченный молниями, мгновенно одевающийся в случае установления вакуума.

Кзин с нетерпением смотрел, как Луис застегнул молнии и отступил на шаг, чтобы взглянуть на результат.

Сочленения были шарообразны, так что колени, плечи и локти напоминали мускусные дыни, а рукава походили на горсть грецких орехов, нанизанных на веревочку. Лицо выступало вперед, под лицевой пластиной находились резервные запасы воздуха и батареи.

— Хорошо? — проворчал кзин.

— Нет. Нужны еще доказательства. Пойдемте.

— Доказательства чего?

— Кажется, я знаю, кто построил Кольцо и почему его обитатели так похожи на людей. Но почему они построили то, что не могли защитить? Это не имеет смысла.

— Если хотите, можно обсудить это...

— Нет, не сейчас. Идемте.

У оси корабля они нашли то, что искали. Полдюжины радиальных коридоров сходились в одном месте, и шахта с лестницей вела вниз и вверх. Четыре секции стены покрывали таблички с рисунками, которые оказались крошечными, детальными пиктограммами.

— Очень удобно, — сказал Луис. — Как будто они рассчитывали именно на нас.

— Языки меняются, — заметил кзин. — Эти люди передвигались с релятивистскими скоростями, и экипажи их кораблей разделяли целые века. Им требовалась такая подсказка. После войны с людьми

мы сохранили свою империю с помощью подобных мер. Луис, я не вижу секции вооружения.

— В космопорте нечего охранять.— Палец Луиса блуждал по рисункам.— Камбуз, госпиталь, жилые помещения... мы как раз находимся среди них. Три центра управления — пожалуй, многовато.

— Один для двигателя Баззарда и межзвездных перелетов, другой для ядерного привода, маневрирования в населенных системах и контроля за оружием, если оно есть. И третий для системы жизнеобеспечения, к нему ведет ветерок, дующий в коридоре.

— При использовании трансмутации им достаточно одного общего двигателя,— вставил Хиндмост.

— Не обязательно,— сказал Луис.— О, вот они, наши трубы, ведущие к генератору таранного поля, ядерному приводу, запасам топлива. Но сначала нам нужен центр жизнеобеспечения. Два пролета вверх и вот сюда.

Центр управления оказался невелик: мягкая скамья перед тремя стенами, усеянными циферблатами и переключателями. Кнопка в дверном косяке заставляла стены светиться желто-белым светом, а циферблаты ярко гореть. Разумеется, по ним ничего нельзя было понять. Пиктограммы делили приборы на группы, управляющие внутренней средой, вращением корабля, водой, канализацией, продуктами, воздухом.

Луис принялся щелкать переключателями. Те, что чаще использовались, должны быть крупнее и легче передвигаться. Остановился он, услышав свистящий звук.

Указатель у его подбородка показал рост давления.

В воздухе было 40 процентов кислорода, влажность низкая, но не нулевая. Никаких вредных веществ не обнаружено.

Чмии расстегнул свой костюм и стряхнул его. Луис отсоединил шлем, снял ранец и торопливо освободился от своего одеяния. Воздух был сухим и чуть затхлым.

— Думаю,— сказал Чмии,— нужно начать с шахты, ведущей к запасам топлива. Я пойду первым.

— Хорошо.— Отметив в своем голосе напряженность и нетерпение, Луис постарался расслабиться. К счастью, Хиндмост ничего не заметил.

Выйти из двери, повернуть направо в радиальный коридор, дойти до оси корабля и — вниз по шахте. Вот тут-то огромная, покрытая мехом рука схватила Луиса за плечо и впихнула в коридор.

— Нам нужно поговорить,— громыхнул кзин.

— Ну и время вы выбрали! Если он может слышать нас сейчас, разговора не получится.

— Хиндмост не может слышать нас. Луис, мы должны захватить «Горячую Иглу Следствия». Что вы думаете об этом?

— Что это невозможно. Вы уже однажды пытались, но что вы собирались делать дальше? Мы не можем управлять «Иглой», вы же видели ее пульт.

— Я могу заставить Хиндмоста делать это.

Луис покачал головой.

— Даже если вы сможете следить за ним непрерывно два года, система жизнеобеспечения выйдет из строя, пытаясь сохранить вам обоим жизнь так долго. Он наверняка предвидел это.

— Вы предлагаете сдаться?

Луис вздохнул.

— Ну хорошо, рассмотрим все детально. Мы можем предложить Хиндмосту взятку, пригрозить ему или даже убить, если вы думаете, что мы сможем управлять «Иглой».

— Да.

— Магическое устройство, превращающее материалы друг в друга, мы ему предложить не можем, потому что его здесь нет.

— Я боялся, что вы проболтаетесь об этом.

— Ни в коем случае. Как только он поймет, что мы не нужны, нам конец. А у нас нет ничего другого для предложения. — Луис помолчал и продолжал. — Мы не можем попасть на навигационную палубу. Где-то на борту «Иглы» могут находиться трансферные диски, соединенные с ней, но где они и как заставить Хиндмоста включить их? Не можем мы и атаковать его. Снаряды не берут корпус Джeneral Продактс. Корпус имеет защиты от излучения, и, вероятно, такой же экран находится между нашей камерой и навигационной палубой. Кукольник не мог упустить это из виду. Не можем мы пробиться к нему и с помощью лазера, потому что стены превратятся в зеркала и отразят луч обратно, то есть на нас самих. Что остается? Акустический удар? Он просто отключит микрофоны. Может, я что-то забыл?

— Антиматерию. Вы не напомнили мне, что у нас ее нет.

— Итак, мы не можем угрожать ему, не можем повредить ему и никоим образом не можем достичь навигационной палубы.

Кзин задумчиво чесал когтями шею.

— Кстати, — сказал Луис, — возможно, «Игла» вообще не вернется в известный космос.

— Не понимаю, что вы имеете в виду.

— Мы знаем слишком много, и мы очень плохая реклама для кукольника. Не исключено, что Хиндмост вовсе не собирается доставлять нас домой. Вспомните, куда нужно ему самому? Место, которого он хочет достичь, это Флот Миров, к настоящему моменту находящийся в двадцати или тридцати световых годах отсюда и противоположном направлении. Даже если мы сможем управлять

«Иглой», система жизнеобеспечения, вероятно, не позволит нам достичь известного космоса.

— Тогда, может, украсть корабль Кольца? Вот этот?

Луис покачал головой.

— Мы можем осмотреть дом, но даже если он в хорошем состоянии, вряд ли сумеем улететь на нем. По словам Прилл, экипажи этих кораблей доходили до тысячи человек... К тому же они никогда не забирались так далеко, хотя инженеры Кольца, вероятно, делали это.

Кзин стоял удивительно неподвижно, словно боялся выпустить наружу энергию, заключенную в нем. Луис только сейчас начал понимать, насколько зол Чмии.

— Значит, вы советуете сдаться? Мы даже не можем отомстить?

Находясь под электродом, Луис продумывал все это от начала до конца, снова и снова и сейчас пытался вспомнить оптимизм, который при этом испытывал. Однако ничего не выходило.

— Будем тянуть время. Сначала осмотрим космопорт, а когда ничего не найдем, изучим само Кольцо. Мы снаряжены именно для этого. Мы не позволим Хиндмосту улететь, пока не найдем ответа на наш вопрос, каким бы он ни был.

— Это из-за вас мы оказались в таком положении.

— Я знаю. И это делает его особенно забавным.

— В таком случае смейтесь.

— Отдайте мой дроуд, и я буду смеяться.

— Ваши глупые рассуждения сделали нас невольниками безумного поедателя корней. Вы всегда претендуете на большее знание, чем у вас есть?

Луис сел, прижавшись спиной к полыхавшей желтым стене.

— Тогда это выглядело таким разумным... Ненис, это и было разумно! Вот смотрите: кукольники изучали Кольцо задолго до того, как мы вышли на сцену. Они знали его скорость вращения, его размеры и массу, которая превосходит массу Юпитера. И то, что, кроме Кольца, в системе ничего нет: каждая планета, каждый спутник и астероид убраны. Вполне очевидным казалось, что инженеры Кольца взяли планету типа Юпитера и превратили ее в строительный материал, а затем использовали, оставшийся планетарный мусор, получив в результате Кольцо. Кстати, его масса должна приближаться к массе Солнечной системы.

— Это только предположения.

— Не забывайте, тогда я убедил вас обоих.— Луис упрямо продолжал: — Газовые гиганты состоят главным образом из водорода, значит, инженеры Кольца могли превращать водород в материал, из которого сделано основание Кольца, чем бы он ни был, и превращать со скоростью, превосходящей скорость реакций в сверхновой. Послушайте, Чмии, я ВИДЕЛ КОЛЬЦО и готов был поверить во что угодно.

— Так же, как Несс.— Кзин фыркнул, забыв, что и он тогда поверил.— А Несс спросил о превращении у Халрлоприллалар. Она же, видя доверчивость кукольника, рассказала ему историю о кораблях Кольцах, несущих свинец для превращения его в топливо. Свинец! А почему не железо? Железо занимает больший объем, но его структурная прочность выше.

Луис рассмеялся.

— Она об этом не подумала.

— Вы говорили ей, что трансмутация — это ваша гипотеза?

— Да вы что? Она бы умерла со смеху! И было слишком поздно говорить об этом Нессу. К тому времени он лежал в автодоке без одной головы.

— Уррр.

Луис потерял свои ноющие плечи.

— Я говорил им, что проделал кое-какие расчеты, когда вернулся. Знаете, сколько энергии нужно, чтобы разогнать Кольцо до семисот семидесяти миль в секунду?

— Почему вы спрашиваете?

— Энергии нужно в тысячи раз больше, чем излучает за год звезда подобного типа. Откуда инженеры Кольца берут всю эту энергию? Все, что они сделали,— это разобрали на части дюжину Юпитеров или одну сверхпланету с такой же массой. И не забывайте, это в основном водород. Они использовали часть водорода в реакции синтеза, получив энергию для начала проекта и собрав остатки ее в магнитных ловушках. После того как они создали Кольцо, у них осталось топливо для ядерных ракет, раскрутивших его до нужной скорости.

— Задним умом все мы крепки.— Чмии прохаживался взад и вперед по коридору на задних лапах, совсем как человек, погруженный в раздумья.— В итоге мы захвачены безумным чужаком, ищущим магическую машину, которой никогда не было. Что же мы будем делать в оставшийся нам год?

Трудно было сохранять оптимизм без электрода.

— Посмотрим. Трансмутация или нет, но на Кольце должно быть что-то ценное. Возможно, мы найдем это. Возможно, корабль Объединенных Наций уже здесь. А может, мы найдем тысячелетний экипаж корабля Кольца. Или вдруг Хиндмосту станет одиноко и он позволит нам присоединиться к нему на навигационной палубе.

Кзин продолжал расхаживать, его хвост рассекал воздух.

— Можно ли вам верить? Хиндмост контролирует поступление тока в ваш мозг.

— Я откажусь от этой привычки.

Кзин фыркнул.

— Гнойные яйца финагла! Чмии, мне уже два с четвертью века.

Я был всем. Я был шеф-поваром, помогал строить орбитальный город на Дауном, жил как колонист на Доме. Сейчас я электродник, но ничто не продолжается вечно. Нельзя заниматься каким-то делом двести лет. Супружеская жизнь, карьера, хобби — это хорошо лет на двадцать, и, может, вы пройдете через какую-то фазу не один раз. Я немного занимался экспериментальной медициной и прочел множество документов тринокской культуры, которая победила...

— Токовую наркоманию. Но это трудно, Луис.

— Ха, конечно, это трудно.— Луис испытывал депрессию, похожую на черную студнеобразную стену, высящуюся внутри него и пригибающую его вниз.— Все они черное, или белое. Либо электрод действует, либо нет, никакого разнообразия. Я устал от этого еще до того, как Хиндмост занялся моим друудом.

— Но вы не отказались от друуда.

— Я хочу, чтобы Хиндмост думал, что мне это не по силам.

— И чтобы я думал, что вы это можете.

— Да.

— А что вы думаете о Хиндмосте? Я никогда не слышал о кукольнике, который вел бы себя так странно.

— Я знаю. Интересно, все ли безумные торговцы были того же пола, что Несс? Или у них господствуют... ну... скажем, сперматозоиды?

— Уррр...

— Вид безумия, приведший кукольника на Землю, поскольку он не может иметь дело с другими кукольниками, это не то же самое, что безумие, создавшее Иосифа Сталина. Чего вы от меня добиваетесь, Чмии? Я не знаю, как он себя поведет. Если рассуждать логически, он воспользуется торговой методикой Дженерал Продактс. Это единственный известный ему способ ведения с нами дел.

Законсервированный воздух был прохладен и имел металлический привкус. На этом корабле слишком много металла, подумал Луис. Странно, что народ Халрлоприллалар не пользовался более передовыми материалами. Создание двигателя Баззарда — задача не для примитивов.

Воздух имел странный запах, а желто-белое свечение стен то усиливалось, то ослабевало. Пожалуй, лучше вернуться к вакуумным костюмам, и поскорее.

— У нас есть посадочная шлюпка, ее можно использовать как космический корабль,— сказал Чмии.

— Что вы называете космическим кораблем? Шлюпка может летать только между планетами. Максимум на ней можно облететь вокруг Кольца. Сомневаюсь, что мы сможем достичь на ней другой звезды.

— Я думал о таране «Иглы». Если нельзя убежать, мы можем хотя бы отомстить.

— Интересно посмотреть, как вы будете таранить корпус Джерал Продактс.

— Не надо смеяться, Луис, — заметил кзин. — Что я буду делать на Кольце без жен, без земли, без имени и с годом оставшейся жизни?

— Мы будем покупать время и ждать удобного случая для бегства. — Луис встал. — А пока продолжаем поиски магической трансмутационной машины. По крайней мере, делаем вид, что продолжаем.

Глава 7

РЕШАЮЩИЙ МОМЕНТ

Луис проснулся голодным, заказал сырное суфле, ирландский кофе и апельсины и съел все это.

Чмий спал, свернувшись клубком. Сейчас он выглядел как-то иначе, чем прежде. Опрятнее? Да, пожалуй, опрятнее, потому что шрамы под мехом исчезли и отрастал новый мех.

Его запас жизненных сил впечатлял. Они осмотрели каждый из четырех кораблей, а затем направились к длинному узкому зданию, расположенному на самом краю, и бывшему, вероятно, центром управления системы ускорения космических кораблей. К этому времени Луис устал настолько, что двигался как в тумане, кзин же ни разу не останавливался передохнуть.

Откуда-то изнутри окрашенного в зеленый цвет личного сектора появился Хиндмост. Грива его была расчесана, распушена и украшена кристаллами, меняющими свой цвет при движении. Луис был заинтригован. Кукольник не причесывался, пока летел на «Игле» в одиночку. Неужели он хотел элегантною произвести впечатление на своих узников?

— Луис, вам нужен дроуд? — спросил Хиндмост.

Луису он был нужен, однако...

— Пока нет.

— Вы спали одиннадцать часов.

— Возможно, я приспособился ко времени Кольца. Вы что-нибудь сделали?

— Я получил лазерные спектрограммы корпусов кораблей. В основном это сплавы железа. Затем я провел сканирование глубинным радаром: по две проекции для каждого из четырех кораблей. Пока вы спали, я передвинул «Иглу». У Кольца есть еще два космопорта, расположенные через сто двадцать градусов вдоль

его окружности. На них я обнаружил еще одиннадцать кораблей и изучил состав их корпусов. Детали с такого расстояния изучить было невозможно.

Проснулся Чмии, потянулся и присоединился к Луису, стоявшему у прозрачной стены.

— А наши поиски лишь поставили новые вопросы,— сказал он.— Один корабль оставлен целым, а три разобраны. Почему?

— Возможно, Халрлоприллалар могла бы объяснить нам,— сказал Хиндмост.— Однако вернемся к основному вопросу. Где находится устройство для трансмутации?

— Здесь у нас нет никаких инструментов. Пустите нас в посадочную шлюпку, и мы воспользуемся экранами навигационной палубы.

Восемь экранов горели вокруг изогнутого подковой пульта управления посадочной шлюпки. Чмии и Луис изучали схемы устройства кораблей с двигателями Баззарда, созданные компьютером по результатам глубинного сканирования.

— Это напоминает мне,— сказал Луис,— одну компанию, проводившую работы по добыче. У них было три корабля, и они гоняли их, пока что-то не выходило из строя: начиналась утечка воздуха или что-то подобное. Четвертый корабль прибыл позднее... Ммм... но почему четвертый экипаж не ободрал свой собственный корабль?

— Это мелочи. Нам нужен только трансмутатор. Где он?

— Мы не смогли опознать его,— вставил Чмии.

Луис внимательно изучал данные глубинного сканирования кораблей.

— Будем действовать методически. Что НЕ является трансмутационной системой? — Пользуясь световой указкой, он провел несколько линий на изображении неповрежденного корабля.— Эта пара тороидов, окружающих корпус, должна быть генератором таранного поля. Баки с топливом здесь. Смотровые шахты здесь, здесь и здесь...— По мере того как он показывал, Хиндмост убирал секции корабля с экрана.— Ядерный привод занимает всю эту секцию. Здесь двигатели для посадочных опор. Уберите их тоже. Дюзы здесь, здесь и здесь, трубы, по которым проводится плазма от небольшого ядерного реактора, здесь. Батареи. А эта штука, направленная на середину корпуса... как же ее называла Прилл?

— Чилтанг броне,— подсказал Чмии.— Она временно размягчает материал Кольца, делая его проницаемым. Они пользовались ею вместо воздушных шлюзов.

— Верно.— Луис продолжал с энтузиазмом и скрытым весель-

ем.— Так... вряд ли они держали магический трансмутатор в жилых помещениях, но все-таки... Спальные комнаты здесь, центры контроля здесь, здесь и здесь, кухня...

— Может, это.

— Нет, мы думали об этом. Это всего лишь автоматическая химлаборатория.

— Продолжайте.

— Сад здесь. Сточные воды перерабатываются в пищу. Воздушные шлюзы...

Когда Луис закончил, корабль исчез с экрана. Хиндмост старательно вернул его на место.

— Что вы пропустили? Даже если трансмутатор разобрали, должно остаться место, где он находился.

Это становилось забавно.

— Слушайте, если они действительно держали свое топливо снаружи — свинец, намотанный на корпус, — тогда зачем им внутри бак с водородом? Может, трансмутатор находился здесь? Ему требовалась мощная изоляция... или охлаждение жидким водородом.

— Но тогда как они убрали его оттуда? — спросил Чмии, прежде чем это сделал Хиндмост.

— Может, с помощью чилтанг броне с другого корабля. Все ли топливные баки пусты? — Он взглянул на изображения других кораблей. — Да... Ну хорошо, мы будем искать трансмутаторы Кольца, а когда найдем, они могут оказаться неисправны. Вспомните о чуме.

— Рассказ Халрлоприллалар о бактерии, которая поедает сверхпроводники, есть в наших записях, — сказал Хиндмост.

— Что поделать, она действительно немного могла нам рассказать, — заметил Луис. — Ее корабль проделал долгий путь, а когда вернулся обратно, оказалось, что цивилизации Кольца больше нет. Все, где использовались сверхпроводники, остановилось. — Интересно, сколько было правды в рассказе Прилл об упадке городов. Но как бы там ни было, что-то ведь уничтожило ведущую цивилизацию Кольца? Кстати, сверхпроводники — это тоже довольно необычно. Мы перестали использовать их где бы то ни было.

— Тогда мы можем починить трансмутаторы, — сказал Хиндмост.

— Что?

— На борту посадочной шлюпки вы найдете сверхпроводящие провод и ткань. Это не те сверхпроводники, которыми пользовались на Кольце, поэтому бактерии их не тронут. Я думал, нам понадобятся товары для торговли.

Луис сохранил на лице бесстрастное выражение, однако заявление Хиндмоста поразило его. Откуда мог кукольник так много

знать о мутантной чуме, убившей машины Кольца? Луис вдруг перестал сомневаться в существовании этих бактерий.

Чмии ничего не заметил.

— Мы бы хотели знать, что эти паразиты использовали для транспортировки. Если стенная транспортная система разрушена, тогда наши трансмутаторы могут находиться прямо по другую сторону стены, брошенные, поскольку перестали работать.

Луис кивнул.

— Если это не так, площадь поисков резко увеличивается. Думаю, нужно поискать Ремонтный Центр.

— Что?

— Где-то должен находиться центр по проверке и техническому обслуживанию. Кольцо не может вечно крутиться само по себе. А ведь есть еще метеоритная защита, устаревание разрушений, нанесенных прорвавшимися метеоритами, да и экология сметана на скорую руку... В общем, за всем этим нужен присмотр. Конечно, Ремонтный Центр может находиться где угодно, но он должен быть большим. У нас не должно возникнуть трудностей с его обнаружением. Вероятно, мы найдем его покинутым, потому что если бы кто-то подумал о резервах, он не позволил бы Кольцу сместиться от центра.

— Вам могут помочь воспоминания, — сказал Хиндмост.

— Мы не слишком хорошо проявили себя, явившись сюда в первый раз. Однако не забывайте, что мы пришли изучать, но какое-то лазерное оружие выстрелило в нас снизу, и остаток времени мы провели, пытаясь остаться в живых. Мы преодолели пятую часть ширины Кольца и не узнали почти ничего. Нам нужно искать Ремонтный Центр — вот где хранятся все чудеса!

— Я не ждал такого стремления от токового наркомана.

— Мы будем вести себя осмотрительно, — сказал Луис и напомнил себе: осмотрительно для людей, а не для кукольников. Чмии прав: машины могли бросить, как только они оказались по ту сторону стены и бактерии взялись за них.

— Незачем перебираться на шлюпке через стену, — сказал Чмии. — Я не верю в чужую машину тысячелетнего возраста. Нужно возвращаться.

— А как нам избежать метеоритной защиты? — спросил Хиндмост.

— Нужно попытаться найти ее. Луис, вы еще верите, что в нас стрелял автомат?

— Я думал об этом тогда. Ненис, все произошло так быстро!

Они двигались к Солнцу, все слегка раздраженные и испуганные реальностью Кольца (конечно, кроме Тилы). Мгновенная фиолетово-белая вспышка, а затем «Лгун» оказался посреди облака разреженного газа. Тила выглянула наружу. «Крыла нет», — сказала она.

— В нас не стреляли до тех пор, пока мы находились на курсе, пересекающем поверхность Кольца. Это мог сделать только автомат. Я уже объяснял, почему думаю, что в Ремонтном Центре никого нет.

— Итак, никто не стрелял в нас сознательно. Очень хорошо. Луис. Автоматы не открывают огонь по краевой транспортной системе, не так ли?

— Чмии, мы не знаем, кто построил краевую транспортную систему, может, это сделали не инженеры Кольца, может, ее добавили позже, скажем, соотечественники Прилл.

— Так оно и есть,— вставил Хиндмост.

Человек и кзин уставились на изображение кукольника на экране.

— Я говорил вам, что провел некоторое время у телескопа? Так вот, я обнаружил, что краевая транспортная система закончена только частично. Она тянется вдоль сорока процентов этой стены и не включает участок, где мы находимся сейчас. С левой стороны эта система охватывает всего пятнадцать процентов стены. Инженеры Кольца не могли оставить такую незначительную подсистему недостроенной, не так ли? Сами они вполне могли использовать для осмотра конструкции те же самые космические корабли.

— Народ Прилл пришел позднее,— сказал Луис.— Возможно, значительно позднее. Может быть, краевая транспортная система получилась слишком дорогой, а может, они так никогда и не закончили свое завоевание Кольца... Но тогда зачем они строили космические корабли? Наверное, мы никогда не узнаем этого. На чем это мы остановились?

— На метеоритной защите,— подсказал Чмии.

— Ага. Вы были правы. Если бы метеоритная защита стреляла по краевой стене, никто и ничего не смог бы на ней построить.— Луис замолчал. Конечно, в его предположениях могли быть пробы, но альтернативной являлось преодоление стены с помощью древней Чилтанг броне неизвестной надежности.— О'кей, мы перелетим через стену.

— Вы предлагаете огромный риск,— сказал кукольник.— Я подготовился насколько мог хорошо, но был вынужден пользоваться человеческой технологией. А если посадочная шлюпка выйдет из строя? Вы окажетесь на мели, а Кольцо обречено. К тому же мне не хочется рисковать ничем из моих запасов.

— Я помню это,— ответил Луис.

— Сначала мы должны изучить все, касающееся космопорта. На этой краевой стене есть еще одиннадцать кораблей, а на противоположной их может оказаться еще больше...

Могли пройти недели, прежде чем Хиндмост убедится, что на кораблях нет никакой трансмутационной системы. Ну ладно...

— Нужно лететь немедленно, — сказал Чмии. — Тайна уже почти в наших руках!

— У нас есть топливо и продукты. Мы можем позволить себе подождать.

Чмии вытянул руку и ударил по пульту. Должно быть, он заранее продумал все это в деталях и внимательно изучил посадочную шлюпку, пока Луис отсыпался после первой вылазки. Маленький конический корабль поднялся на фут от пола, повернулся на девяносто градусов, и пламя ядерного двигателя осветило ангар.

— Глупо, — укоризненно сказал Хиндмост. — Я могу выключить ваш двигатель.

Посадочная шлюпка скользнула к люку и на четырех же вылетела наружу. Когда Хиндмост кончил говорить, остановка двигателя должна была уже убить их. Луис мысленно проклинал себя, что не предвидел такого. Половина кзинов никогда не вырастает — они гибнут в сражениях...

Сам же он, слишком погруженный в себя и свою бестоковую депрессию, упустил возможность выбора.

— Хиндмост, — холодно спросил он, — вы решили сами провести изучение?

Головы кукольника нерешительно покачивались над пультом управления.

— Нет? Тогда мы сделаем это по-своему. — Луис повернулся к Чмии и сказал: — Садитесь на краевую стенку. — В следующее мгновение до него дошло, что поза кзина неестественна, глаза пусты, а когти выпущены. Гнев? Может, он действительно решил попытаться таранить «Горячую Иглу Следствия»?

Кзин провыл что-то на языке Героев.

Кукольник ответил ему на том же языке, затем повторил на интерволде:

— Две ядерные ракеты, одна смонтирована на корме, другая внизу. Никаких толкателей. Никогда не включайте ядерный двигатель на земле, разве что для защиты. Можно подниматься на отражателях, отталкивающихся от материала Кольца. Это похоже на полет с отрицательным генератором гравитации, но отражатели проще по конструкции их легче ремонтировать и обслуживать. Не включайте их сейчас, иначе краевая стена отразит излучение и оно швырнет вас в космос.

Это объясняло явную панику Чмии: у него возникли трудности с управлением посадочной шлюпкой. Впрочем, космопорт был далеко внизу, а лишаящее присутствия духа раскачивание почти прекратилось. Они двигались с постоянным ускорением в четыре же... которое вдруг исчезло.

— Уф-ф! — выдохнул Луис, когда посадочная шлюпка перешла в свободное падение.

— Нам нельзя уходить далеко от краевой стены. Луис, осмотрите шкафчики, проверьте наше снаряжение.

— Надеюсь, вы предупредите меня, прежде чем сделать это снова?

— Да.

Луис высвободился из аварийной сетки и поплыл вниз по лестнице.

Там находилось жилое помещение, окруженное шкафчиками, и воздушный шлюз. Луис принялся открывать дверцы. В самом большом шкафу находилось не менее квадратной мили тонкой шелковистой черной ткани и сотни миль черной нити на катушках по двадцать миль. Другой шкаф содержал модифицированные летательные пояса с отражателями, крепившиеся на плечах, и небольшим толкателем. Их было два маленьких и один большой. Один, разумеется, для Халрлоприллалар. Луис нашел также фонари-лазеры, ручные акустические станнеры и тяжелый двуручный дезинтегратор. В том же самом отделении оказались ящики размером с кулак Чмии с зажимами, микрофонными решетками и ушными вкладышами (два маленьких и один большой). Видимо, это были переводчики с компактными компьютерами внутри. Если бы они работали через бортовой компьютер, размеры их были бы меньше.

Имелись также большие прямоугольные антигравитационные пластины — для буксировки груза по воздуху? Катушки с молекулярным волокном Синклера, похожим на очень тонкую, но исключительно прочную нить. Маленькие слитки золота — для торговли? Защитные очки с приспособлением для усиления освещенности и противоударные доспехи.

— Он подумал обо всем, — пробормотал Луис:

— Благодарю, — сказал Хиндмост с экрана, которого Луис не заметил. — У меня было много лет для подготовки.

Луису уже здорово надоело находить Хиндмоста везде, куда бы он ни пошел. Кстати, это забавно: с навигационной палубы доносились вопли дерущихся котов. Видимо, Хиндмост вел два разговора одновременно, инструктируя Чмии по управлению кораблем.

Наконец голос Чмии проревел сверху:

— Луис, займите ваше место!

Луис скользнул вверх по лестничной клетке. Он едва успел сесть в кресло, как Чмии запустил ядерные двигатели. Движение посадочной шлюпки замедлилось, и она зависла над краем стены.

Вершина краевой стены была достаточно широка для посадочной шлюпки, но не более того. Интересно, как отнесется к этому метеоритная защита Кольца?

Они находились внутри арки Кольца, направляясь к внутреннему краю теневых квадратов, когда фиолетовая вспышка осветила

космический корабль. Корпус «Лгуна» мгновенно окружил себя коконом не-времени. Когда время снова пошло, корпус и его обитатели не получили никаких повреждений, однако дельтавидное крыло «Лгуна» со всеми двигателями, ядерными реакторами и комплектом чувствительных датчиков превратилось в изолированный пар. А сам корпус падал на Кольцо.

Позднее они предположили, что фиолетовый лазер является не более чем частью автоматической метеоритной защиты, размещавшейся на теневых квадратах. Однако это были только догадки. Они так ничего и не узнали об оружии Кольца.

Краевая транспортная система была поздним дополнением, поэтому инженеры Кольца не принимали ее в расчет, когда создали свою метеоритную защиту. К тому же Луис видел старые записи, показывающие эту систему в действии: она работала, и метеоритная защита не стреляла по кольцам линейного ускорителя или кораблям, которые они принимали. И все же, когда Чмии начал посадку на краевую стену, Луис крепко вцепился в подлокотники кресла, ожидая фиолетовой молнии.

Однако ничего не произошло.

Глава 8

КОЛЬЦО

С высоты тысячи миль над Землей, скажем, с космической станции, находящейся на двухчасовой орбите, Земля видна как огромная сфера. Царства этого мира вращаются вниз, одни детали исчезают за горизонтом, другие появляются из-за него. По ночам огни городов указывают на континенты.

Однако с высоты тысячи миль над Кольцом оно выглядит плоским, и все его царства видны одновременно.

Краевую стену сделали из того же материала, что основание Кольца. Луису уже приходилось ходить по нему в местах, где эрозия уничтожила закрывающие его слои. Это был сероватый, полупрозрачный и чудовищно скользкий материал. Здесь же, на вершине стены, его поверхность была более шероховатой, но вакуумный костюм и ранец делали Луиса и Чмии неустойчивыми, и требовалось соблюдать осторожность.

У подножия тысячемильного стекловатого обрыва чередовались пятна облаков и моря: скопления воды от десяти тысяч до нескольких миллионов квадратных миль площадью, более или менее равномерно размещенные среди суши и соединенные сетью рек. По мере того как Луис поднимал взгляд, моря становились все меньше и меньше, подергивались легкой дымкой, и вот их уже невозможно

разглядеть. Моря, плодородные земли, пустыни и облака — все смешивалось, образуя голубой клинок, рассекающий черноту космоса.

Слева и справа было то же самое: Арка поднималась, сужаясь и изгибаясь, меняя цвет от светло- до темно-голубого там, где узкая лента исчезала за солнцем.

Эта часть Кольца находилась сейчас на максимальном удалении от солнца, но звезда типа Солнца все еще могла выжечь вам глаза. Слепленный, Луис заморгал и затряс головой. Эти расстояния могли захватить ваш разум и держать его, заставляя смотреть в бесконечность часы или дни. Вы могли потерять душу на этих расстояниях. Кем же был человек, стоящий перед лицом такого грандиозного творения?

Это был Луис Ву. Подобного ему не имелось на всем Кольце, и это поддерживало его дух. Нужно забыть о бесконечности и сосредоточиться на деталях.

Вон там, в тридцати пяти градусах выше по Кольцу, пятно слабой голубизны.

Луис усилил увеличение своих очков. Они были вделаны влицевую пластину, но чтобы ими пользоваться, приходилось держать голову совершенно неподвижно. Пятно было океаном, эллипсом, протянувшимся почти через все Кольцо, с группами островов, видными сквозь облачный покров.

Посмотрев на другую ветвь Арки, он нашел второй Великий Океан, выглядевший дразнящей четырехлучевой звездой, усеянной похожими группами крошечных островов — крошечных на таком расстоянии, с которого и Земля была бы с трудом видна невооруженным глазом.

Пространство вновь стало захватывать его, и он посмотрел вниз, чтобы изучить ближние окрестности.

Почти прямо под ним, в двух сотнях миль в направлении вращения, полуконическая гора пьяно прижималась к краевой стене. Гора казалась странно правильной и состоящей из полукруглых слоев: обнаженная вершина, далеко внизу полоса белизны, вероятно, снег или лед, затем зелень, тянущаяся до самых предгорий.

Гора была совершенно изолирована. В направлении вращения краевая стена плоским вертикальным обрывом тянулась до границ досягаемости очков. Если выпуклость на пределе досягаемости и была другой горой, она находилась чрезвычайно далеко. На таком расстоянии уже можно было видеть, как Кольцо начинает изгибаться вверх.

Другая подобная выпуклость имела в направлении, обратном вращению. Луис нахмурился. Предмет для будущего изучения.

Впереди и чуть в направлении вращения виднелось пятно ослепительной белизны, более яркое, чем суша, и даже, чем море.

Темно-голубой край ночи отступал в этом месте. Соль, подумал Луис. Однако, пятно было большим, на нем разместилась бы пара дюжин морей Кольца, размерами от озера Гурон до Средиземного. Яркие точки вспыхивали и гасли на нем подобно ряби...

Ну конечно!

— Пять солнечников.

Чмии посмотрел туда.

— То, что сожгло меня, было больше.

Солнечники Славера были такими же старыми, как Империя Славера, погибшая более миллиарда лет назад. Судя по всему, ее граждане сажали солнечники вокруг своих поместий для защиты. Эти растения до сих пор встречались на некоторых мирах известного космоса, и уничтожение их было сложным делом. Лазерное оружие на них не действовало, поскольку серебряные цветы отражали луч обратно.

Как солнечники попали на Кольцо, оставалось загадкой. В первое их посещение Кольца Говорящий с Животными летел над его поверхностью, когда просвет в облаках открыл его растениям, росшим внизу. Сейчас шрамы уже почти исчезли...

Луис усилил увеличение очков. Плавно изгибающаяся линия отделяла голубовато-зеленовато-коричневый мир, напоминающий Землю, от пятна солнечников. Граница эта изгибалась внутрь, наполовину захватывая одно из более крупных морей.

— Луис? Видите короткую черную линию прямо за солнечниками и немного против вращения?

— Вижу.— Черная черта на бесконечном дневном пейзаже, возможно, в ста тысячах миль от места, где они сейчас стояли. Что же это такое? Огромная смоляная яма? Нет, петрохимических реакций на Кольце никогда не было. Тень? Но что могло отбрасывать тень в бесконечном дне Кольца?

— Чмии, я думаю, это летающий город.

— Пожалуй... В крайнем случае это должен быть центр цивилизации. Мы можем проконсультироваться там.

В нескольких старых городах они находили летающие здания, так почему не может быть летающего города?

— Нужно сделать вот что,— сказал Луис.— Приземлиться на некотором расстоянии от города и расспросить о нем туземцев. Мне не хотелось бы разрушать его. Если они могут поддерживать его в действующем состоянии, значит, они могут быть жесткими. Скажем, мы сядем у края пятна солнечников...

— Почему там?

— Солнечники наверняка нарушили экологию, и туземцам может потребоваться помощь. Тем лучше они нас примут. Хиндмост, что вы об этом думаете?

Тишина.

— Хиндмост? Вызываю Хиндмоста... Чмии, я думаю, он не слышит нас. Краевая стена блокирует его сигналы.

— Мы недолго пробудем без присмотра,— сказал Чмии.— Я видел несколько зондов в грузовом трюме, за посадочной шлюпкой. Кукольник использует их как трансляторы. Есть что-нибудь, о чем нам следует поговорить во время этой временной свободы?

— Я думал, что мы все решили прошлой ночью.

— Не совсем. Наши мотивы не во всем совпадают, Луис. Помоему, вы стремитесь сохранить свою жизнь, кроме того, вам нужен свободный доступ к дроуду. Что касается меня, то, кроме жизни и свободы, мне нужно удовлетворение. Хиндмост похитил кзина, и его нужно заставить пожалеть об этом.

— Мне это знакомо, ведь он похитил и меня тоже.

— Что может знать о поруганной чести токовый наркоман? Не советую становиться у меня на пути, Луис.

— Я просто хотел напомнить,— сказал Луис,— что это я вывел вас с Кольца. Без меня вы никогда не доставили бы Счастливый Случай домой и не получили своего имени.

— Тогда вы не были токовым наркоманом.

— Я и сейчас им не являюсь. И не называйте меня лжецом.

— Я не...

— Тихо! — Краем глаза Луис уловил движение на фоне звезд. Мгновение спустя в его ушах зазвучал голос Хиндмоста.

— Прошу прощения за эту паузу. Что вы решили делать?

— Изучать,— коротко ответил Чмии и повернулся к посадочной шлюпке.

— Сообщите мне детали. Я бы не хотел рисковать одним из своих зондов только для поддержания связи. Главное их назначение — дозаправка «Иглы».

— Можете вернуть зонд в безопасное место,— сказал Чмии.— Вернувшись, мы представим полный отчет.

Зонд — бугорчатый цилиндр двадцати футов длиной — опустился на краевую стену. Хиндмост произнес:

— Ваши слова легкомысленны. Риску подвергается мой посадочный корабль. Вы собираетесь изучить основание краевой стены?

Этому дрожащему контральто, этому милому женскому голосу каждый торговец-кукольник учился у своего предшественника. Вероятно, с женщинами они говорили по-другому. Мужчин же этот голос заставлял нажимать кнопку, и это обижало Луиса.

— На посадочной шлюпке есть камеры, не так ли? Вы можете просто смотреть.

— Ваш дроуд у меня. Объясните ваши слова.

Ни Луис, ни Чмии не потрудились ответить.

— Очень хорошо. Я закрываю трансферный диск, связывающий посадочную шлюпку с «Иглой». Зонд будет работать как транслятор.

Что касается вашего дроуда, Луис, вы получите его, когда научитесь повиноваться.

Вот оно — решение проблемы, подумал Луис.

— Приятно знать, что мы можем избежать ошибок, — сказал Чмии. — Есть ли какие-то ограничения у трансферных дисков?

— Только энергетические. Система трансферных дисков может действовать лишь при ограниченном различии кинетических энергий. «Игла» и посадочная шлюпка не должны двигаться относительно друг друга во время перехода. Кроме того, советую находиться слева от «Иглы».

— Это совпадает с нашими планами.

— Но если вы бросите посадочную шлюпку, способы оставления Кольца будут полностью под моим контролем. Вы слышите, Луис, Чмии? Кольцо столкнется с теневыми квадратами чуть больше, чем через земной год.

Чмии поднял посадочную шлюпку на подчиненных кукольниках отражателях. Вспышка кормового ядерного двигателя бросила корабль вперед и за край стены.

Полет на отражателях от материала, слагающего основание Кольца, не походил на использование антигравитации. Отталкиваемая обеими краевыми стенами и самим Кольцом, посадочная шлюпка падала по изогнутой кривой. Чмии остановил спуск в сорока милях от поверхности.

Луис вывел изображение в телескопе на экран. Парящая на одних отражателях, почти за пределами атмосферы, посадочная шлюпка была очень устойчива и спокойна: отличная позиция для телескопа.

Каменистая почва покрывала предгорья у основания краевой стены. Луис медленно вел телескопом вдоль этой границы, поставив большое увеличение. Бесплодная коричневая почва рядом со стеклянистой серостью, на этом фоне любое пятно должно быть аномалией.

— Что вы надеетесь найти? — спросил Чмии.

Луис не стал напоминать о наблюдающем кукольнике, который считал, что они ищут брошенное трансмутационное устройство.

— Экипаж космического корабля должен был выйти из космического порта примерно здесь. Но я не вижу ничего крупного, похожего на брошенную технику. Нас ведь не интересуют мелкие вещи, не так ли? Не имея возможности унести с собой, они наверняка оставили почти все, что имели.

Он остановил телескоп.

— Что вы скажете об этом?

Это имело тридцать миль высоты и примыкало к основанию

краевой стены: полуконус выветренной породы, как будто приглаженный ветрами, дувшими сто миллионов лет. Широкие полосы льда сверкали на нижних частях его склонов. Лед был толстым, и хорошо проявлялись структуры течения ледников.

— Имитация топографии землеподобных миров, — сказал Чмии. — Из того, что мне известно о таких мирах, эта гора не имеет своих аналогов.

— Точно. Горы образуют хребты и не бывают такими правильными. Но знаете, есть и более странные моменты. Все на Кольце имеет четкие контуры. Помните, как мы осматривали обратную сторону? Выпуклости морского дна, провалы гор и овраги горных хребтов, выступающие жилы речных русел? Даже речные дельты врезаны в основание. Кольцо недостаточно толстое, чтобы позволить пейзажу формироваться самостоятельно.

— Здесь нет тектонических процессов для такого формирования.

— Значит, мы должны были увидеть эту гору с той стороны, из космопорта. А я ничего не видел. Может, вы?

— Я подлечу поближе.

Это оказалось непростым делом. Чем ближе посадочная шлюпка подходила к краевой стене, тем большая тяга ядерного двигателя требовалась, чтобы удержать ее на месте или поднять корабль, если отражатели будут выключены.

Они приблизились миль на пятьдесят, и этого оказалось достаточно, чтобы обнаружить город. Огромные серые глыбы торчали среди движущихся льдов, и в некоторых из них виднелись мириады черных дверей или окон. У центральных — имелись балконы и навесы над ними, а сотни небольших подвесных мостов разбегались вверх, вниз и в стороны. Лестницы были грубо высечены из камня и расходились странными ветвящимися линиями, достигая в высоту полумили или даже больше. Все пути вели к предгорьям, к линии деревьев.

Единственная плоская площадка в центре города — камень пополам с вечной мерзлотой — являлась общественной площадью; толпы, заполнявшие ее, казались бледно-золотыми крапинками, с трудом видимыми невооруженным глазом. Что это было: золотистая одежда или золотистый мех? На большом камне в дальнем конце площади было вырезано лицо волосатого веселого бабуина.

— Не пытайтесь подойти ближе, — сказал Луис. — Мы перепугаем их, если сядем на ядерных ракетах, а другой возможности у нас нет.

На глаз, население вертикального города составляло тысяч десять. Глубинный радар показал, что его обитатели не зарывались глубоко в камень. Вообще эти валуны, пронизанные пещерами, весьма походили на блоки вечной мерзлоты.

— Хорошо бы поговорить с ними о странностях этой горы.

— Да, очень хотелось бы,— откликнулся Луис.— Но взгляните на спектрограф и глубинный радар. Они не используют ни металлов, ни пластиков, только кристаллические вещества. Страшно представить, что эти мосты могут обрушиться. Думаю, это примитивные существа.

— Согласен. Слишком много нужно трудов, чтобы добраться до них. Куда теперь? К летающему городу?

— Да, через пятно солнечников.

Теневой квадрат наползал на солнечный диск.

Чмии вновь запустил кормовой двигатель и довел их скорость до десяти тысяч миль в час, после чего полетел по инерции. Не слишком быстро, чтобы пропустить какие-то детали, но достаточно, чтобы полет занял не более десяти часов. Луис разглядывал скользящий внизу ландшафт.

В принципе, Кольцо создали бесконечным садом. В конце концов это был не, случайно развивавшийся мир, а искусственно сделанная вещь.

Увиденное ими в первое посещение Кольца нельзя было назвать типичным. Большую часть времени они провели между двумя крупными метеоритными отметинами: Глазом Циклона, извергавшим воздух через пробоину в основании Кольца, и поднятыми вверх землями вокруг горы под названием Кулак Бога. Разумеется, экология была нарушена; старательно спланированная инженерами схема ветров разлетелась на куски.

Но здесь? Луис внимательно смотрел по сторонам, но не видел никаких метеоритных пробоин, хотя вокруг виднелись пятна пустынь размером с Сахару или даже больше. На вершинах горных хребтов он заметил жемчужное сияние обнаженного основания Кольца. Ветры сорвали с них покрывающие породы.

Неужели погода ухудшалась с такой скоростью? А может, инженерам Кольца нравились пустыни? Луиса вдруг осенило, что Ремонтный Центр должен быть покинут очень давно. Народ Халр-лоприллалар, сменивший строителей Кольца, никогда не находил его, а потом, если предположения Луиса были верны, они и сами исчезли.

— Мне нужно три часа сна,— сказал Чмии.— Можете вы взять на себя управление, если что-то произойдет?

Луис пожал плечами.

— Конечно, но что может произойти? Мы слишком низко, чтобы бояться метеоритной защиты. Даже если она расположена на красной стене, то не будет стрелять по заселенной территории.

— Хорошо. Разбудите меня через час.— И Чмии заснул.

Ради развлечения Луис обратился к носовому и кормовому телескопам. Ночь уже закрыла район солнечных, и Луис устремил взгляд вдоль Арки к ближайшему Великому Океану.

Там, за океаном, по направлению вращения и почти на центральной линии Кольца, посреди пятна цвета марсианской пустыни, гораздо большего по площади, чем весь Марс, возвышалась похожая на вулкан гора Кулак Бога. Слева от нее вытягивался залив Великого Океана, сам больший, чем многие миры.

В прошлый раз они достигли берега этого залива и повернули обратно.

По голубому эллипсу были разбросаны группы островов. Был и отдельный остров, дискообразной формы, цвета пустыни; еще один диск пересекала полоса пролива. Странно. Однако другие острова в огромном море... Совершенно неожиданно Луис обнаружил карту Земли: Америка, Гренландия, Евразия-Африка, Австралия, Антарктида, все размещенные вокруг ярко-белого Северного полюса в точности так, как он видел это в небесном замке много лет назад.

Неужели они имели карты всех реальных миров? Прилл этого не знала. Видимо, эти карты создали задолго до того, как ее народ вышел на сцену.

Где-то там он оставил Тилу и Искателя; они все еще должны быть в тех местах. Учитывая размеры Кольца и местную технологию, они не могли далеко уйти за двадцать три года.

Луис не хотел бы снова встретиться с Тилой.

Когда прошло три часа, Луис вытянул руку и мягко коснулся плеча Чмии.

В ту же секунду взметнулась огромная рука, и Луис отшатнулся, но недостаточно быстро.

Чмии, мигая, смотрел на него.

— Луис, никогда больше не будите меня так. Вам нужен автодок?

Луис чувствовал, как кровь из двух глубоких ран на плече просачивается сквозь рубашку.

— Минуточку. Смотрите.— И он указал на карту Земли.— Крошечные острова, отделенные от других групп.

Чмии посмотрел.

— Кзин,— сказал он.

— Что?

— Карта Кзина. Вон там. Луис, я думаю, вы ошибались, когда решили, что это миниатюрные карты. Они были в натуральную величину, один к одному.

В полумиллионе миль от карты Земли находилась другая группа островов. Как и в случае с картой Земли, океаны искажала полярная проекция, но континентов это не коснулось.

— Действительно, Кзин, — сказал Луис. — Почему я этого не заметил? Этот диск с проливом поперек — Джинкс, а маленькая красно-оранжевая капелька должна быть Марсом. — Луис боролся с головокружением, его рубашка стала мокрой от крови. — Мы можем обсудить это позже. Помогите мне спуститься к автодоку.

Глава 9

ПАСТУХИ

В автодоке он поспал и спустя четыре часа — оставшаяся напряженность в плече напоминала, что нельзя трогать спящего кзина, — занял свое место.

Снаружи еще была ночь. На экране виднелся Великий Океан.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Чмии.

— Снова здоров благодаря современной медицине.

— Вас не слишком испугали раны, а ведь они причиняли сильную боль.

— О, я думаю, Луис Ву пятидесяти лет впал бы в истерику, но я-то знал, что у нас есть автодок. Кстати, почему?

— Вы впервые доказали мне, что не уступите в храбрости кзину. Что касается вашего вопроса, то я решил, что как токовому наркоману вам нужны сильные стимуляторы.

— Хорошо, сделаем вид, что это храбрость. Вы уже в чем-то разобрались?

— Пожалуй. — Кзин указал на экран. — Земля. Кзин. Джинкс — эти два апики уходят за атмосферу, как Восточный и Западный полюса Джинкса. Это карта Марса. А это Кдат, планета рабов...

— Уже нет.

— Кдатлино были нашими рабами, так же как перины, и это, по-моему, их мир. А вот это должны зать вы: планета триноков?

— Да. Но, кажется, они заселили еще одну. Нужно спросить Хиндмоста, нет ли у него карты.

— Можете не сомневаться — есть.

— Так что же это такое? Это не похоже на реестр миров земного типа, а есть еще полдюжины групп островов, которые я вообще не могу опознать.

Чмии фыркнул.

— Это очевидно для среднего интеллекта, Луис. Это реестр потенциальных врагов, разумных или почти разумных существ, которые однажды могут стать угрозой Кольцу. Перины, кзины, марсиане, люди, триноки.

— Но как попал сюда Джинкс? Чмии, не могли же они решить, что бандерснатчи явятся к ним на военных кораблях? Они размером

с динозавра и без рук. Кстати, разумные туземцы есть и на Дауне. Где он здесь?

— Вот.

— Ага... Вообще-то грогов вряд ли можно счесть опасными, они проводят жизнь, сидя на одном камне.

— Инженеры Кольца обнаружили все эти виды и оставили Карты, как послания своим потомкам. Вы согласны со мной? Кстати, мир кукольников они не нашли?

— О?

— Еще мы знаем, что они садились на Джинкс: во время первой экспедиции мы нашли скелет бандерснатча.

— Верно. Они могли посещать все эти миры.

Освещение изменилось, и Луис заметил тень ночи, отступающую против направления вращения.

— Нужно садиться, — сказал он.

— Где вы предлагаете это сделать?

Площадь впереди, занятая солнечниками, горела ярче солнца.

— Поверните влево и держитесь линии терминатора, пока не увидите настоящую почву. Нам нужно сесть до рассвета.

Чмии повел корабль по широкой дуге. Луис указал на экран.

— Видите, где граница поворачивает к нам, а солнечники разрослись по обе стороны моря? Я думаю, преодоление водной преграды представляет для них трудность. Садитесь на дальнем берегу.

Посадочная шлюпка вошла в атмосферу, и пламя охватило ее корпус, закрыв поле зрения белой гразурью. Чмии гасил скорость постепенно, опускаясь все ниже и ниже. Море проносилось под ними. Подобно всем морям Кольца, оно было создано расчетливо, с сильно изрезанной береговой линией, образующей заливы и бухты с постепенным увеличением глубины до определенной отметки. В нем имелись заросли морских водорослей и многочисленные острова и пляжи, покрытые чистым белым песком. В направлении, противоположном вращению, расстилалась травянистая равнина.

Солнечники, казалось, вытянули две руки, охватывая море. Через площадь, занятую ими, протекала река с s-образными излучинами, впадающая в море, и слева они упирались в болотистый берег. Луис буквально почувствовал их движение, медленное, как движение ледников.

Солнечники заметили посадочную шлюпку.

Лавина света обрушилась на корабль, и стекла мгновенно потемнели, лишив Чмии и Луиса обзора.

— Бояться нечего, — сказал Чмии. — На этой высоте ни на что не налетим.

— Эти глупые растения, вероятно, приняли нас за птицу. Можете вы что-то видеть?

— Только по приборам.

— Отпускайте до пяти миль и оставьте их позади.

Стекла очистились спустя несколько минут. Позади них горизонт пылал: солнечники еще не оставили своих попыток. Впереди... ого!

— Деревня.

Чмии переключился на ближний вид: деревня оказалась замкнутым двойным кольцом хижин.

— Сядем в центре?

— Нет, на краю. Хотел бы я знать, что они считают урожаем.

— Я ничего не сожгу.

В миле над деревней Чмии затормозил шлопку с помощью ядерного двигателя, а затем посадил ее в высокую траву, покрывавшую равнину. В последний момент Луис заметил в траве движение — три существа, похожие на зеленых карликовых слонов, подняли короткие плоские хоботы, предупреждая проблемные и бросились наутек.

— Эти туземцы, должно быть, пастухи, — сказал Луис. — Мы устроили стампеду¹. — Все новые зеленые животные присоединялись к бегущим. — Что ж, хороший полет, капитан.

Приборы показывали атмосферу, подобную земной. Нисколько не удивленные, Луис и Чмии надели противоударные доспехи: выглядевшие как кожаные и такие же эластичные, они становились твердыми, как сталь, под ударами копья, стрелы или пули. Исследователи взяли еще акустические станнеры, переводчики и защитные очки с увеличением. Трап опустил их вниз, в траву, доходившую до пояса.

Хижины стояли друг возле друга и соединялись изгородями; солнце висело прямо над головой — ну, разумеется. Только что рассветло, и туземцы должны были вот-вот зашевелиться. На внешних стенах хижин не было ни одного окна — за исключением центральной, в два раза выше остальных, которая, кроме того, имела балкон. Возможно, их уже заметили.

Когда Луис и Чмии подошли ближе, туземцы зашевелились.

Целой толпой они перепрыгнули изгородь, что-то крича фальцетом. Были они невысоки, краснокожи и походили на людей, но бегали, как дьяволы, а с собой несли сети и копья. Луис заметил, что Чмии выхватил станнер, и тоже достал свой, однако краснокожие гуманоиды промчались мимо, не снижая скорости.

— Должны ли мы оскорбиться? — спросил Чмии.

— Они просто хотят остановить стампеду. Вряд ли можно винить их за отсутствие чувства меры. Идемте, может, кто-то остался дома.

¹ Паническое бегство животных.

Так оно и оказалось: пара дюжин краснокожих детей следили за их приближением из-за изгороди. Даже младенцы были тощими, как щенки борзой. Луис остановился у изгороди и улыбнулся им, но они не обратили на него внимания. Большинство из них столпились вокруг Чмии.

Земля внутри круга хижин была вытоптана, линия камней ограничивала выжженное пятно деревенского костра. Из одного строения вышел одноногий краснокожий мужчина на костыле и направился к ним. Одет он был в килт из выделанной шкуры, украшенной декоративной шнуровкой, его большие уши оттопыривались, а одно было разорвано, и довольно давно. Зубы его казались подпиленными... Впрочем, Луис тут же засомневался в этом. Дети вокруг улыбались и смеялись, и их зубы тоже казались подпиленными, даже у младенцев. Нет, видимо, они такими и росли.

Старик остановился у изгороди, улыбнулся и задал вопрос. — Я еще не говорю на вашем языке, — сказал Луис.

Старик кивнул и сделал жест поднятой вверх рукой: приглашение?

Один из старших детей, набравшись смелости, прыгнул. Он (или она, поскольку на детях не было килтов) приземлился на плечо Чмии и удобно расположился на нем. Чмии стоял неподвижно.

— Что мне теперь делать? — спросил он.

— Она не вооружена. Не говорите ей, насколько вы опасны. — Луис перебрался через изгородь, и старик немного отступил. Чмии осторожно последовал примеру Луиса, с девочкой, по-прежнему сидящей на его плече и цепляющейся за густой мех вокруг шеи.

Луис, Чмии и одноногий краснокожий старик, окруженный детьми, устроились у костровища и принялись обучать переводящие устройства местному языку. Для Луиса это было привычным, но, странное дело, — это казалось привычным и для старика, даже голоса из переводчиков его не удивили.

Звали его Шивит хуки-Фурлари или как-то вроде этого, говорил он высоким и свистящим голосом, а первый осмысленный вопрос звучал так:

— Что вы едите?

— Я ем растения, морских животных и мясо, приготовленное на огне. Чмии ест мясо без обработки огнем, — сказал Луис, и, похоже, этого оказалось достаточно.

— Мы тоже едим мясо без обработки огнем. Чмии, вы необычный посетитель. — Шивит заколебался. — Я должен сказать, что мы не занимаемся РИШАТРА, поэтому не сердитесь на нас. — Вместо слова РИШАТРА переводчик сделал паузу.

— А что такое РИШАТРА? — спросил Чмии.

Старик удивился.

— Мы думали, это слово одинаково везде. — Он принялся объ-

яснять. Чмии сидел странно неподвижно, пока они копались в этом вопросе, добиваясь толкования непонятных слов.

РИШАТРА означало занятия сексом вне своего вида.

Все знали это слово, и многие виды занимались этим. Для одних это могло означать обычный контроль над рождаемостью, для других — первый шаг к торговому соглашению, а для третьих это было табу. Эти люди не нуждались в табу, они просто не занимались этим.

— Вы, должно быть, пришли издалека, если не знаете этого, — сказал старик.

Луис рассказал, что он пришел со звезд, находящихся далеко от Арки. Нет, ни он, ни Чмии не занимаются РИШАТРА, хотя у них имеется великое множество различных видов. (Он вспомнил девушку с Вундерленда, ростом на фут выше и на пятнадцать фунтов легче его — пушинку в опытных руках). Еще Луис рассказал о различных мирах и разумной жизни, но обошел вопрос о войнах и оружии.

Племена людей пасли многие виды животных. Им нравилось разнообразие, но не нравился голод, а сохранять стада различных животных в одно и то же время было довольно сложно. Племена людей поддерживали отношения друг с другом, устраивая торговые праздники. Иногда они обменивались стадами, и это напоминало обмен образами жизни: половина фалана уходила на взаимные инструкции и наставления. (Фалан составлял десять оборотов Кольца, семьдесят пять дней по тридцать часов каждый).

Не встревожило ли пастухов, что в их деревню пришли чужаки? Шивит ответил, что нет. Двое чужаков не представляли угрозы.

Когда они вернутся? В полдень, ответил Шивит. Они торопились, ведь началось стампедо. Иначе они, конечно, остановились бы поговорить.

— Вы едите мясо сразу после того, как добудете? — спросил Луис.

Шивит улыбнулся.

— Нет. Полдня после этого еще нормально, а вот день и ночь уже слишком много.

— Вы...

Чмии внезапно встал, посадил девочку на землю и выключил свой переводчик.

— Луис, мне нужно размяться и побыть в одиночестве. Это тюремное заключение угрожает моему рассудку! Вам нужна моя помощь?

— Нет. Эй, минутку!

Чмии был уже за изгородью. Он повернулся.

— Не снимайте одежду: на расстоянии не объяснишь, что ты разумное существо. И не убивайте зеленых слонов.

Чмии махнул рукой и скользнул в траву.

— Ваш друг быстр,— сказал Шивит.

— Я тоже пойду. Мне пришла в голову одна мысль.

Во время первого визита на Кольцо все их внимание поглощали проблемы выживания и возвращения. Только позднее, в безопасном и знакомом окружении Решта, проснулась совесть Луиса Ву. Тогда он вспомнил разрушенный город.

Теневые квадраты образовывали концентрический круг внутри Кольца. Их было двадцать, удерживаемых вместе невидимой тонкой нитью, оставшейся туго натянутой потому, что теневые квадраты вращались со скоростью большей, чем орбитальная.

«Лгун», падающий после того, как лишился своих двигателей, наткнулся на эту нить и разорвал ее, после чего она подобно облаку дыма опустилась на обитаемый город.

Затем Луис придумал, как использовать ее для буксировки неподвижного «Лгуна». Они нашли конец нити, закрепили на своем временном средстве передвижения — летающей тюрьме Халрло-приллалар — и потащили за собой. Луис не знал точно, что произошло в городе, но мог предположить. Нить была очень тонкой и достаточно прочной, чтобы резать даже металлы; по мере того как стягивались ее петли, здания разрезались на части.

На этот раз туземцы не должны пострадать от появления Луиса Ву. Будучи токовым наркоманом, лишенным дроуда, он не нуждался в сознании вины еще и за это. Однако первым его поступком здесь явилось стампеде. Сейчас он собирался исправить это.

Это оказалось тяжелой физической работой.

Беспокоясь за кзина, он поднялся в рубку. Даже человек — скажем, плоскостник пятисот лет, удачливый мужчина среднего возраста — придет в замешательство, внезапно ощутив себя восемнадцатилетним, почувствовав, что его ровное движение к смерти приостановлено, что в крови его бурлят могучие и незнакомые соки и сама личность поставлена под вопрос: волосы стали гуще и изменили цвет, шрамы исчезли...

Итак, где сейчас Чмии?

Трава была довольно странной. Вблизи от лагеря она доходила человеку до пояса, а в направлении вращения виднелась обширная площадь, где все было срезано почти до земли. Луис заметил стадо,двигающееся вдоль края. Ведомое маленькими краснокожими гуманоидами, оно оставляло за собой полосу почти чистой почвы.

Нужно признать, маленькие зеленые слоны эффективно подчищали растительность, так что краснокожим приходилось менять положение лагеря достаточно часто.

Луис заметил движение в траве поблизости. Он терпеливо смотрел в том направлении, и наконец там мелькнуло оранжевое пятно. Луис не сумел разглядеть добычи Чмии, однако подумал: хорошо, что рядом нет гуманоидов. Затем занялся своим делом.

Вернувшиеся пастухи застали дома празднество.

Они пришли группой, переговариваясь между собой, и по дороге остановились, разглядывая посадочную шлюпку, впрочем, не подходя к ней близко. Часть из них окружала одного из зеленых слонов — будущий ленч? Было ли случайностью, что, когда они вступили в круг хижин, впереди шли копыеносцы?

Войдя, они удивленно замерли перед Луисом, Чмии с очередной девочкой на плече и полутонной разделанного мяса, лежащего на чистой коже.

Шивит представил чужаков, коротко и довольно точно охарактеризовав их предложения. Луис приготовился к тому, что его назовут лжецом, но этого не произошло. Он встретился с вождем — женщиной высотой четыре фута и несколько дюймов по имени Джинджерофер, которая поклонилась и улыбнулась, смущенно скаля зубы. Луис ответил ей таким же поклоном.

— Шивит сказал нам, что вы любите разное мясо, — сказал Луис и жестом указал на то, что принес с корабельной кухни. Трое туземцев тут же развернули зеленого слона и стали подталкивать его древками своих копий. Племя собралось на ленч. Из хижин, которые Луис считал пустыми, к ним присоединились еще люди: дюжина очень старых мужчин и женщин. Луис думал, что Шивит стар, но в сравнении с этими людьми с морщинистой кожей, артритическими суставами и старыми шрамами он вовсе не выглядел стариком. Луис задумался, почему они прятались, и предположил, что, пока он вместе с Чмии разговаривал с Шивитом и детьми, их постоянно держали под прицелом.

За несколько минут туземцы очистили мясо до костей. Они не разговаривали, и, казалось, у них нет понятия старшинства. Фактически они ели, как кзины. Чмии принял сделанное жестом предложение присоединиться к ним и съел большую часть моа, которую туземцы игнорировали, предпочитая красное мясо.

Луис принес все это за несколько ходок на одной из крупных отражательных пластин, и сейчас его мышцы болели от растяжения. Он смотрел на пирующих туземцев и чувствовал себя хорошо.

Затем большая часть туземцев ушла, направившись к стаду, а Шивит, Джинджерофер и несколько стариков остались. Чмии спросил Луиса:

— Эта моа искусственное создание или птица? Патриарх может пожелать таких птиц для своих охотничьих парков.

— Это настоящая птица, — сказал Луис. — Джинджерофер, надеюсь, это возместит вам ущерб от стампеды.

— Мы благодарны вам, — ответила она. На ее губах и подбородке засохла кровь. — Забудьте о стампед. Жизнь — это большее, чем утоление голода. Нам нравится встречать других людей. Ваши миры действительно много меньше нашего? И круглые?

— Круглые, как мяч. Если мой мир поместить далеко от Арки, вы увидели бы только белую точку.

— И вы вернетесь на эти маленькие миры, чтобы рассказать о нас?

Вспомнив, что переводчик наверняка подсоединен к записывающему устройству на борту «Иглы», Луис ответил:

— Да, однажды.

— У вас должны быть вопросы.

— Конечно. Солнечники уничтожают ваши пастбища?— И он указал в их сторону.

— Яркость в направлении вращения? Мы ничего не знаем об этом.

— Она вас не удивляет? Вы никогда не посылали к ней разведчиков?

Она нахмурилась.

— Мы пришли с той стороны. Мои отцы и матери говорили мне, что, сколько они себя помнят, мы двигались в направлении против вращения. Они помнили, как обходили большое море, но не приближались к нему, потому что животные не едят растения, растущие на берегу. Тогда яркость была тоже, но сейчас она стала сильнее. Что касается разведчиков, то группа молодых ходила в ту сторону. Они встретили гигантов, и те убили их животных. Тогда они быстро вернулись, и сейчас у них нет мяса.

— Похоже, солнечники двигаются быстрее вас.

— Мы можем двигаться быстрее, чем делаем это сейчас.

— А что вам известно о летающем городе?

Джинджерофер видит его всю свою жизнь, он служит ориентиром, подобно самой Арке. Иногда, когда выдается облачная ночь, можно видеть желтое сияние города, но это все, что она знает. Город слишком далеко от них, даже для слухов.

— Но мы слышали рассказы о далеких краях, если они чего-то стоят. Мы слышали о людях со сливных гор, которые живут между холодной белой полосой и предгорьями, где воздух слишком плотный. Они летают между сливными горами. Когда могли поймать, они пользовались небесными санями, но новых небесных саней давно нет, и потому уже сотни лет они используют шары. Могут ваши видящие предметы заглянуть так далеко?

Луис надел на нее свои очки и показал, как ими пользоваться.

— Почему вы называете эти горы сливными? Это то же слово, которым вы пользуетесь, говоря о льющейся воде?

— Да. Я не знаю, почему мы называем их так. Ваши окуляры показывают просто более крупные горы...— Она повернулась в направлении вращения, очки почти закрывали ее маленькое лицо.— Я вижу берег и сияние вокруг него.

— А что еще вы слышали от путешественников?

— Встречаясь с ними, мы говорим в основном об опасностях. В направлении против вращения встречаются глупые поедатели мяса, которые убивают людей. Они немного походят на нас, но ниже ростом, кожа их черная, и охотятся они по ночам. А есть...— Она нахмурилась.— Мы не знаем, правда ли это. Есть глупые существа, которые заставляют всех заниматься с ними РИШАТРА. Они не могут жить без этого.

— Но вы же не занимаетесь РИШАТРА, значит, они не могут быть опасны для вас.

— И все же это так.

— А как насчет болезней? Паразитов?

Никто из туземцев не понял, о чем они говорят. Блохи, глисты, москиты, корь, гангрена — ничего подобного на Кольце не встречалось. Разумеется: можно было и не спрашивать. Инженеры Кольца просто не принесли сюда ничего такого. И, тем не менее, Луис удивился и задумался, не занес ли на Кольцо болезнь, когда был здесь в первый раз. Пожалуй, нет, решил он, автодок должен был об этом позаботиться.

Эти туземцы весьма походили на цивилизованных людей. Они старились, но не болели.

Глава 10

ГАМБИТ БОГА

Задолго до полуночи Луис совершенно вымотался.

Джинджерофер предложила им воспользоваться хижинкой, но Чмии и Луис предпочли спать в посадочной шлюпке. Чмии принялся настраивать защиту, а Луис лег между спальными пластинами. Проснулся он глубокой ночью.

Прежде чем лечь, Чмии включил усилитель изображения, и сейчас пейзаж выглядел, как в дождливый день. Освещенные угольники Арки походили на осветительные панели потолка и были слишком яркие, чтобы смотреть на них долго. Однако большая часть ближайшего Великого Океана находилась в тени.

Великие Океаны влекли его. Они были излишне великолепны, а если Луис не заблуждался относительно инженеров Кольца, великолепие не являлось их стилем. Они строили просто и эффективно, планировали надолго и уничтожили войны.

Однако Кольцо само по себе было великолепно и беззащитно. Почему вместо него они не построили множество маленьких Колец? И почему Великие Океаны? Они тоже не подходили сюда.

Возможно, он ошибался с самого начала. И все же...

Что это там двигалось в траве?

Луис включил инфракрасный сканнер.

Светившиеся от своего тепла, они были крупнее собак и походили на помесь человека и шакала: страшные, сверхъестественные существа в этом неестественном свете. Луису потребовалось мгновение, чтобы найти акустический станнер, и еще одно, чтобы направить его на незваных гостей. Четверо их двигалось на четвереньках сквозь траву.

Остановились они недалеко от хижин, несколько минут провели там, а затем двинулись обратно, согнувшись вполювину. Луис отключил инфракрасный сканнер.

В усиленном свете Арки все было ясно видно: они уносили остатки пиршества. Стервятники. Мясо, вероятно, было еще неподходящим для них.

Краем глаза Луис заметил желтые глаза — проснулся Чмии.

— Кольцу, по крайней мере, сто тысяч лет,— сказал Луис.

— С чего вы взяли?

— Инженеры Кольца не привозили сюда шакалов. Требовалось время, чтобы одна из ветвей гуманоидов заняла эту экологическую нишу.

— Ста тысяч лет должно быть мало,— сказал Чмии.

— Возможно. Хотел бы я знать, что еще не привезли сюда инженеры. Например, москитов.

— У вас шутливое настроение. Они не должны были привозить никаких кровопийц.

— Да, ни акул, ни ягуаров.— Луис рассмеялся— Или сунсов. Что еще? Ядовитых змей? Млекопитающие не могут жить, как змеи. Сомневаюсь, что у какого-то млекопитающего есть ядовитые железы во рту.

— Луис, требуются миллионы лет, чтобы гуманоиды развились в такое количество видов. Нужно решить — развивались ли они на Кольце вообще!

— Развивались, если я не полный идиот. Что касается времени, которое потребовалось, это вопрос математики. Если предположить, что они начали развитие сто тысяч лет назад из основного...— Неоконченная фраза повисла в воздухе.

Отошедшие уже далеко и двигавшиеся с хорошей скоростью — принимая во внимание их ношу — шакалы-гуманоиды внезапно остановились, развернулись, а затем нырнули в траву и исчезли. Инфракрасный датчик показал четыре светящихся пятна, уходящих все дальше.

— Гости с направления вращения,— тихо сказал Чмии.

Новоприбывшие были большими, размером с Чмии, и не пытались прятаться. Сорок бородатых гигантов маршировали сквозь ночь так, словно она принадлежала им. Вооруженные и защищенные, они двигались, построившись клином, с лучниками на передней

линии треугольника, меченосцами внутри него и одним человеком в доспехах сзади. Всех остальных защищали пластины толстой кожи на руках и торсах, но этот один, самый большой из гигантов, носил металл: сверкающую оболочку, которая выпячивалась на локтях, плечах, коленях и бедрах. Выступающая вперед маска была открыта, показывая светлую бороду и широкий нос.

— Я был прав. Прав во всем. Но почему Кольцо? Почему они построили Кольцо? Как, во имя финагла, они собирались его защищать?

Чмии закончил разворачивать парализатор.

— Луис, о чем вы говорите?

— О броне. Взгляните на броню. Разве вы не были в Смитсо-нианском Институте? К тому же вы видели вакуумные скафандры на космических кораблях Кольца.

— Уррр... да. Но у нас есть более насущная проблема.

— Не стреляйте пока, я хочу посмотреть... Да, я был прав. Они идут мимо деревни.

— По-вашему, эти маленькие краснокожие — наши союзники? Это просто случайность, что мы встретили их первыми.

— Да, я сказал это. В порядке гипотезы.

Микрофон ловил высокий пронзительный крик, сменившийся мычанием. Пришельцы одновременно достали стрелы, наложили их на луки. Два маленьких краснокожих часовых на впечатляющей скорости запрыгали к хижинам. На них никто не обратил внимания.

— Огонь, — тихо сказал Луис.

Полетели стрелы, и строй гигантов смешался. Два или три зеленых слона замычали и попытались подняться на ноги, но тут же снова опустились на землю. В боку у одного из них торчали две стрелы.

— Они пришли из-за этого стада, — сказал Чмии.

— Верно. Но мы же не хотим, чтобы его уничтожили, не так ли? Сделаем так: вы останетесь здесь, у парализатора, а я выйду наружу для переговоров.

— Я не подчиняюсь вашим приказам, Луис.

— У вас есть другие предложения?

— Нет. Захватите хотя бы одного гиганта для допроса.

Этот один лежал на спине и был даже не бородат, а скорее космат, лишь глаза и нос виднелись среди массы золотистых волос, рассыпавшихся по лицу, голове и плечам. Джиджерофер присела на корточки и своими маленькими руками заставила его открыть рот. Челюсти у воина были массивные, а зубы — плосковершинные и крупные. Все зубы.

— Смотрите, — сказала Джиджерофер. — Травоядный. Они хотели перебить стадо, поедающее их траву.

Луис покачал головой.

— Я не представлял, что конкуренция настолько жестока.
— Мы тоже не знали. Но они пришли с направления вращения, где наши стада съели почти всю траву. Спасибо за то, что убили их, Луис. Нужно устроить большой пир.

Желудок Луиса судорожно сжался.

— Они только спят. И они разумны подобно вам и мне.

Она удивленно посмотрела на него.

— Они думали о том, как уничтожить нас.

— Однако мы подстрелили их и просим сохранить им жизнь.

— Но как? Что они сделают с нами, если мы позволим им проснуться?

Действительно, проблема. Луис задумался.

— Если я придумаю как, сохраните ли вы им жизнь? Не забывайте, это было наше усыпляющее оружие.— Намек, что Чмии может снова воспользоваться им.

— Мы посоветуемся,— сказала Джинджерофер.

Луис ждал, размышляя. Нечего и думать погрузить сорок травоядных гигантов в посадочную шлюпку. Разумеется, их нужно разоружить... Луис внезапно усмехнулся, заметив меч в большой, с широкими пальцами руке гиганта. Длинное, изогнутое лезвие вполне могло служить косой.

Вернулась Джинджерофер.

— Они останутся в живых, если мы никогда больше не увидим их племени. Можете вы обещать это?

— Вы умная женщина. У них вполне могут быть родственники с обычаями кровной мести. Да, я могу обещать, что вы никогда больше не увидите этого племени.

— Луис?— произнес Чмии ему на ухо.— Для этого вам придется их уничтожить!

— Нет. Это отнимет у нас некоторое время, но, ненис, взгляните на них! Это же крестьяне, они не могут сражаться с нами. В худшем случае я заставлю их построить большой плот, и мы отбуксируем его посадочной шлюпкой. Солнечники еще не пересекли русло реки; мы отпустим их далеко отсюда, где есть трава.

— Это задержка на недели! И ради чего?

— Ради информации.— Луис повернулся к Джинджерофер.— Мне нужен тот, что был в броне, и все их оружие. Оставьте им только ножи. Возьмите себе, что захотите, но большая часть должна быть погружена на посадочную шлюпку.

Она с сомнением оглядела бронированного гиганта.

— Сможем ли мы перенести его?

— Я возьму отражательную пластину. После того, как мы уйдем, свяжите остальных и пусть развязывают друг друга. Объясните им ситуацию и отправьте в направлении вращения, когда станет светло. Если они вернутся обратно и нападут на вас без оружия, они

ваши. Но они не вернуться. Без оружия и по траве высотой в дюйм они пересекут эту равнину чертовски быстро.

Она задумалась.

— Это выглядит достаточно безопасно. Мы сделаем так.

— Мы достигнем их лагеря, где бы он ни находился задолго до их прибытия. И будем ждать, Джинджерофер.

— Им не причинят вреда. Обещаю от имени людей, — холодно сказала она.

Бронированный гигант проснулся вскоре после рассвета.

Открыв глаза, он заморгал и уставился на смутно видневшуюся стену оранжевого меха, желтые глаза и длинные когти. Продолжая лежать неподвижно, он повел глазами, увидел оружие тридцати соотечественников, наваленное вокруг него, воздушный шлюз с открытыми дверями и быстро убегающий назад горизонт, почувствовал ветер от скорости посадочной шлюпки и попытался перевернуться.

Луис усмехнулся. Управляя кораблем, он одновременно наблюдал за пленником через сканнер, установленный на потолке помещения. Броня гиганта была приварена к палубе на коленях, пятках, талии и плечах. Слабый нагрев мог бы освободить его, но перевернуться он не мог.

Гигант принялся выкрикивать требования и угрозы. Он не умолял, но Луис не обращал на него внимания. Когда программа компьютерного переводчика начала улавливать во всем этом смысл, он включил запись. В этот момент его больше интересовал лагерь гигантов, появившийся в пределах видимости.

Он находился в пятидесяти милях от хижин краснокожих плетоядных. Луис снизился. Трава в этом месте успела отрасти, но гиганты оставили за собой широкую чистую полосу, уходящую к морю и сиянию солнечников за ним. Трава в пределах полосы была выкошена гигантами, разбросанными по всему вельду. Луис то и дело видел вспышки света, отраженного от кос-мечей.

Вблизи самого лагеря не было никого. В самом его центре стояли фургоны, но не было никаких признаков тягловых животных, вероятно, гиганты сами впрягались в них. Или, может, они имели двигатели, оставшиеся после события, которое Халрлоприллалар называла упадком городов.

Единственное, чего Луис не смог разглядеть, это центральное здание. На своем окне он увидел только черный прямоугольник из-за перегрузжения слишком ярким светом. Луис усмехнулся. У гигантов был враг.

Экран осветился, и соблазнительный голос произнес:

— Луис?

— Слушаю.

— Я возвращаю ваш дроуд, — сказал кукольник.

Луис оглянулся. Маленький черный предмет возник на трансферном диске. Луис быстро повернулся к экрану, как человек, вспомнивший, что его враг по-прежнему находится перед ним.

— Есть кое-что,— сказал он,— что я хотел бы предложить вам исследовать. Это горы вдоль основания краевой стены. Туземцы...

— Для рискованных предприятий, связанных с исследованиями, я выбрал вас и Чмии.

— Вы понимаете, что я хочу уменьшить этот риск?

— Конечно.

— Тогда выслушайте меня. Я думаю, мы должны изучить сливные горы. Это лишь часть того, что нам нужно знать о краевой стене. Все, что вам нужно...

— Луис, почему вы называли их сливными горами?

— Так их называют туземцы, но почему — я не знаю, да и они тоже. Наводит на размышления, не так ли? К тому же их не видно сзади. Интересно, почему? Большая часть Кольца похожа на слепок планеты с морями и горами, сформированными на ней. Но у сливных гор есть объем.

— Действительно, интересно, но вам придется искать ответ самим. Меня зовут Хиндмост, как могут звать любого лидера,— сказал кукольник,— потому что он руководит своим народом из безопасного места, потому что безопасность — это его долг, потому что его смерть или болезнь будут несчастьем для всех. Луис, вы же сталкивались с моим видом раньше!

— Ненис, я прошу вас рискнуть всего лишь зондом, а не вашей ценной шкурой! Все, что мне нужно,— это движущаяся голограмма, сделанная вдоль краевой стены. Запустите зонд в краевые транспортные кольца и затормозите до солнечной орбитальной скорости. Тем самым вы используете систему так, как она должна использоваться. Метеоритная защита не стреляет по краевой стене...

— Луис, вы пытаетесь строить предположения относительно оружия, запрограммированного, по вашим же подсчетам, сотни тысяч лет назад. А если что-то блокирует краевую транспортную систему? Что, если система наведения лазера вышла из строя?

— В конце концов, что вы теряете?

— Половину своих способностей к дозаправке,— ответил кукольник.— Я настроил трансферный диск, размещенный в зонде, на работу в качестве фильтра, пропускающего только дейтерий. Приемник находится в топливном баке. Для дозаправки мне достаточно погрузить зонд в море Кольца. Но если я потеряю свои зонды, как я покину Кольцо? И почему я должен брать на себя этот риск?

Луис старался держать себя в руках.

— Этот объем, Хиндмост! Что находится внутри сливных гор? Должны быть сотни тысяч этих полуконусов от тридцати до соток миль высотой и с плоскими обратными сторонами! Одна из

них или весь их ряд может оказаться центром контроля и техобслуживания. Конечно, это сомнительно, но мне хотелось бы знать точно, прежде чем приближаться к ним. Кроме того, должны быть еще двигатели, разгоняющие Кольцо, и лучшее место для них — краевая стена. Где же они и почему не работают?

— А вы уверены, что это ракетные двигатели? Есть и другие решения. Контроль могут осуществлять и генераторы гравитации.

— Я не верю в это. Инженеры Кольца не стали бы разгонять его, имея генераторы гравитации. Все было бы гораздо проще.

— Ну тогда контроль магнитных эффектов на солнце и в основании Кольца.

— Ммм... возможно. Ненис, я не уверен и хочу, чтобы вы узнали это!

— Вы смеете торговаться со мной?— Кукольник скорее удивился, чем разозлился.— От меня зависит — останетесь ли вы на Кольце, когда оно столкнется с теневыми квадратами, и попробуете ли снова вкус тока...

Переводчик наконец заговорил.

— Хватит болтать,— потребовал Луис, и разговор закончился.

— Послушным?— сказал переводчик.— Если я ем растения, то должен быть послушным? Сними с меня мою броню, и я буду сражаться с тобой голым, ты, волосатый оранжевый шар. Мое место в нашем вигваме очень украсит новый ковер.

— А как быть с этим?— спросил Чмии и показал блестящие черные когти.

— Дай мне один крошечный кинжал против твоих восьми. Или ничего не давай, я буду драться безо всего!

Луис хихикнул и включил интерком.

— Чмии, вы когда-нибудь видели бой быков? Этот тип должен быть Патриархом стада, вождем гигантов!

— Кто или что это было?— спросил гигант.

— Это Луис,— ответил Чмии, понизив голос.— Он очень опасен для вас, так что будь уважителен. Луис — это... страшно.

Луис удивился. Что это значит? Вариант Гамбита Бога, с Голосом Луиса Ву — властелина звезды? Это может сработать, если уж Чмии, этот свирепый кзин, так явно боится невидимого голоса... Луис заговорил:

— Вождь Поедающих Растения, скажи мне, почему вы атаковали моих поклонников.

— Их животные едят наш корм,— ответил гигант.

— Есть ли этот корм где-то в другом месте, чтобы вы больше не вызвали моего гнева?

Среди самцов стада рогатого скота каждый или возвышается, или подчиняется, середины нет. Глаза гиганта забегали в поисках пути для бегства, но его не было.

— У нас нет выбора,— сказал он.— В направлении вращения растут огненные растения, слева — Люди Машин, справа — высокий хребет обнаженного скрита, на котором ничего не растет, и к тому же он очень скользкий для подъема. А против вращения есть трава, и ничто не мешало нам, кроме маленьких дикарей, пока не пришли вы. В чем ваша сила, Луис? Живы ли мои люди?

— Я оставил твоих людей живыми. В пятидесяти милях, обнаженных и голодных. Через... через два дня они будут с тобой. Но я могу убить вас всех одним движением своего пальца.

Глаза гиганта изучали потолок.

— Если вы убьете огненные растения, мы станем вашими поклонниками,— умоляюще произнес он.

Луис задумался. Внезапно это перестало быть забавным.

Он слышал, как гигант умоляет Чмии рассказать ему о Луисе, слышал и то, как Чмии вдохновенно лжет. Они уже играли в такие игры прежде. Гамбит Бога сохранил им жизнь во время долгого возвращения к «Лгуну»; репутация Говорящего с Животными как бога войны и жертвоприношения туземцев уберегли от голодной смерти. Луис и не знал, что Говорящий Чмии наслаждается этим.

Да, конечно, Чмии развлекался вовсю, но гигант умолял о помощи, а что мог Луис сделать с солнечниками? Кроме того, гиганты оскорбили его — не так ли?— а боги обычно не склонны прощать. Луис открыл рот, закрыл его снова, подумал еще и сказал:

— Ради твоей жизни и жизней твоих людей скажи мне правду. Можете ли вы съесть огненные растения, если они не сожгут вас первыми?

— Да, Луис,— ответил гигант.— Когда мы очень голодны, то кормимся вдоль границы ночи. Но к рассвету нужно уходить подальше! Эти растения могут найти нас на расстоянии нескольких миль, и они сжигают все, что движется! Все они одновременно поворачиваются, направляя на нас ослепительный взгляд солнца, и мы горим!

— Но вы можете есть их, когда солнца нет?

— Да.

— Как дуют ветры в этом районе?

— Ветры?.. На много миль вокруг они дуют только во владения огненных растений.

— Потому что эти растения нагревают воздух?

— Разве я бог, чтобы знать это?

В конце концов, солнечники получали¹ только определенное количество солнечного света. Они нагревали воздух вокруг и над собой, но солнечные лучи никогда не достигали их корней, и на холодную почву выпадала роса. Таким образом, растения получали влагу, а поднимающийся горячий воздух создавал постоянный ветер, дующий к пятну солнечников.

И растения сжигали все, что движется, превращая травоядных животных и птиц в удобрение.

Пожалуй, он сможет сделать это.

— Вам придется проделать большую часть работы самим,— сказал Луис.— Это ваше племя, и вы должны сами спасти его. Потом вы все вернетесь к умирающим огненным растениям. Ешьте их или запахивайте под землю и сажайте то, что вам хочется.— Луис усмехнулся, видя изумление Чмии, и продолжал: — И вы больше никогда не потревожите моих поклонников, людей с красной кожей.

Бронированный гигант был бесконечно счастлив.

— Это отличная новость. Отныне мы будем поклоняться вам. А сейчас нужно скрепить договор РИШАТРА.

— Это шутка?

— Что? Нет, я говорил об этом и раньше, но Чмии не понял. Сделку нужно скрепить РИШАТРА, даже между людьми и богами. Чмии, в этом нет ничего сложного. Вы даже подходящего размера для моих женщин.

— Я более чужд вам, чем вы думаете,— сказал Чмии.

Со своего места Луис плохо рассмотрел, что произошло, но гигант явно перепугался. Впрочем, это было неважно.

Ненис, подумал Луис, я действительно нашел ответ! А теперь еще это. Что же делать?..

А если так?

— Я создам и отправлю к вам слугу,— сказал Луис,— но поскольку тороплюсь, он будет карликом и не говорящим на вашем языке. Зовите его Ву. Чмии, нам нужно поговорить.

Глава 11

ТРАВЯНЫЕ ГИГАНТЫ

Посадочная шлюпка приземлилась в ослепительном сиянии, шедшем от центрального вигвама. Это сияние сохранялось еще минуту после того, как шлюпка опустилась, затем погасло. Откинулся трап, и вождь гигантов в полном боевом облачении сошел на землю. Подняв голову, он что-то проревел. Звук, вероятно, был слышен на много миль вокруг.

Гиганты начали медленно приближаться к посадочной шлюпке.

Спустился Чмии, за ним Ву — маленький, почти безволосый и явно безвредный. Он улыбнулся и с интересом огляделся, как будто видел этот мир впервые...

Вигвам находился довольно далеко и был сделан из грязи и травы, усиленных вертикальными конструкциями. На его крыше

росли солнечники, то обращавшие свои вогнутые зеркальные цветы и зеленые утолщения, в которых шел фотосинтез, к солнцу, то посверкивающие на гигантов, кишевших вокруг.

— А если враг атакует днем?— спросил Чмии.— Как сможете вы добраться до вигвама? Или у вас запасы оружия повсюду?

Гигант заколебался, прежде чем выдать секреты обороны, однако Чмии служил Луису, и обижать его не следовало.

— Видите ту кучу веток? Если угрожает опасность, человек должен выглянуть из-за нее и махнуть листом. Тогда солнечники подожгут сырое дерево и под прикрытием дыма мы сможем войти и взять оружие.— Он взглянул на посадочную шлюпку и добавил: — Враг, который сможет настичь нас прежде, чем мы доберемся до оружия, все равно сильнее нас. Возможно, солнечники будут для него сюрпризом.

— Может ли Ву выбрать себе пару?

— Его желание настолько сильно? Я хотел предложить ему свою жену Рит, которая уже занималась РИШАТРА. Она невелика, а Люди Машин не слишком отличаются от Ву.

— Принимается;— сказал Чмии, не глядя на Ву.

Сотня гигантов окружала их со всех сторон, но больше никого не было видно.

— Это все?— спросил кзин.

— Эти и мои воины — все мое племя. Всего племен двадцать шесть, и мы держимся вместе, если это возможно, но никто не говорит за всех,— ответил вождь.

Из сотни или около того восемь были самцами, и тела всех восьми покрывали шрамы, а трое были настоящими калекми. Никто, кроме вождя, не имел морщин и побелевших от возраста волос.

Все прочие были самками... точнее, женщинами. Они достигали шести с половиной — семи футов роста и рядом с мужчинами выглядели маленькими: с коричневой кожей, полные достоинства, нагие. Золотистые волосы спутанной массой падали на их спины. Никаких украшений они не носили. Ноги их были толстыми, ступни большими и жесткими, тяжелые груди служили хорошим показателем относительного возраста. Гостей своих они разглядывали с удовольствием и удивлением, пока бронированный гигант излагал все, что знал о них.

Отключив переводчик, Чмии произнес:

— Если вы предпочитаете кого-то из этих самок, скажите об этом сейчас.

— Ну, все они одинаково... привлекательны.

— Мы еще можем выпутаться из этого положения. Вы, должно быть, спятили, давая такое обещание!

— Я выполняю его. Чмии, неужели вы не хотите отомстить за свою сожженную шкуру?

— Мстить Растениям? Вы сошли с ума. Наше время ограничено: один год — и все здесь будет мертво: солнечники, гиганты, маленькие краснокожие плотоядные, вообще все!

— Да ну?

— Ваша помощь — вовсе не помощь, если они знают это. Сколько времени потребует ваш проект? День? Месяц? Это нарушит наши собственные планы.

— Может, я и сошел с ума, Чмии, но я доведу это до конца. Все время с тех пор, как вернулся с Кольца, у меня не было... не было причин гордиться собой. Я докажу...

Вождь гигантов заговорил:

— Сам Луис скажет вам, что угроза огненных растений нависла над нами. Он скажет, что мы...

Ву, державшийся в тени, как и пристало ему, шел рядом с огромным кзином, и никто из гигантов не заметил, что он говорит, обращаясь к своей руке. Спустя полминуты Голос Луиса загремел из посадочной шлюпки:

— Слушайте меня, пришло время очистить место, занятое огненными растениями, для всего разводимого людьми. Я пущу перед вами облако, а вы должны собрать семена того, что хотите вырастить вместо огненных растений...

С первыми лучами зари, когда солнце выглядело, как маленький кусочек света у края теневого квадрата, гиганты поднялись и принялись за дело.

Им нравилось спать, касаясь друг друга. Вождь находился в центре круга, образованного женщинами, Ву на его краю, положив маленькую, наполовину лысую голову на плечо женщины, а ноги — на длинные костлявые ноги мужчин. Земляной пол сплошь покрывали тела и волосы.

Проснувшись, все двигались в строгом порядке: сначала ближайšie к двери поднялись, разобрали мелки и косы-мечи и вышли, затем то же сделали следующие. Ву вышел вместе с ними.

Стоящий у далекой посадочной шлюпки однорукий гигант с изуродованным лицом быстро попрощался с Чмии и заторопился к вигаму. Последняя ночная стража должна была спать внутри него в течение дня, да несколько самых старых женщин остались на месте.

Когда Ву принялся карабкаться на стену, гиганты вытаращили на него глаза.

Травянисто-грязевая поверхность крошилась и осыпалась, но крыша была на высоте всего двенадцати футов. Луис протиснулся между двумя солнечниками.

Растения высотой в фут имели шишковатые зеленые стебли.

У каждого был один овальный цветок с зеркальной поверхностью, от девяти до двенадцати дюймов в диаметре. Короткий стебель поднимался из центра зеркала и оканчивался темно-зеленой луковичей. Обратная сторона цветка была волокнистой, подсказывая аналогию с мышечной тканью. Все цветы направляли солнечные лучи на Луиса Бу, но света не хватало, чтобы причинить ему вред.

Луис обхватил руками толстый стебель солнечника и легонько качнул его. Это ничего не дало: корни глубоко внедрились в крышу. Сняв рубашку, Луис натянул ее между цветком и солнцем. Зеркальный цветок дрогнул, нерешительно качнулся, а затем сложился, спрятав зеленую луковичу.

Помня о зрителях, Бу спустился вниз преувеличенно осторожно. Белое сияние преследовало его, пока он направлялся к Чмии.

— Я провел часть этой ночи, разговаривая с охранником, — сказал кзин.

— Что-то узнали?

— Он чрезвычайно уверен в вас, Луис. Они весьма легковжны.

— Так же, как краснокожие плетоядные. Может, это просто хорошие манеры?

— Думаю, что нет. И гиганты, и краснокожие верят, что в любой момент из-за горизонта может появиться кто угодно. Они знают, что есть люди странного облика и божественного могущества, и это вызвало у меня желание узнать, кого мы встретим дальше. Уррр, этот часовой знал, что мы не относимся к расе, построившей Кольцо. Это важно?

— Возможно. Что еще?

— С другими племенами проблем не возникнет. Может, они и рогатый скот, но головы на плечах имеют. Те, что останутся в вельде, будут собирать семена для тех, кто пойдет на территорию солнечников, и дадут женщин для молодых мужчин. Может быть, треть из них уйдет, когда вы начнете творить свою магию, но остальные получат вдоволь травы. Им больше не нужно будет ходить к краснокожим людям.

— Отлично.

— Еще я спрашивал его о погоде.

— Ну и как?

— Этот охранник уже старик, — сказал Чмии. — Когда он был маленьким и имел обе ноги — до того, как что-то искалечило его; переводчик назвал это огре — солнце всегда имело одинаковую яркость, а дни — одинаковую длину. Сейчас солнце порой выглядит ярче, а иногда тусклее, а когда солнце яркое — дни короткие, и наоборот. Луис, он помнит, как это началось. Двенадцать фаланов назад, то есть сто двадцать оборотов системы, наступило время темноты. Рассвета не было дня два или три, и они видели звезды, а также призрачное пламя, горевшее над головой. Затем несколько

фаланов все было как прежде, а потом начались неравные дни, но заметили они это не сразу, ведь часов у них нет.

— Этого и следовало ожидать. Надеюсь...

— А как быть с этой долгой ночью, Луис? На что это похоже? Луис кивнул.

— На солнце была вспышка, и кольцо теневых квадратов каким-то образом сомкнулось. Возможно, нить, соединяющая их, может автоматически сматываться.

— Тогда эта вспышка и сдвинула Кольцо. Сейчас дни становятся все более наравными, и это пугает все расы, с которыми торгуют гиганты.

— Так и должно быть.

— Я бы хотел что-то сделать с этим.— Хвост кзина хлестнул воздух.— А вместо этого мы затеваем сражение с солнечниками. Кстати, вы получили удовольствие ночью?

— Да.

— Тогда вам следует улыбаться.

— Если вы действительно хотели это знать, могли понаблюдать. Все остальные именно так и сделали. В этом большом здании нет никаких стен, и все сбиваются в общую толпу. Во всяком случае, им нравится наблюдать.

— Я не выношу этого запаха.

Луис рассмеялся.

— Да, он силен. Не плох, а просто силен. Кстати, мне пришлось забираться на стул. А женщина была... покорна.

— Самки должны быть покорны.

— Но не человеческие. И они вовсе не глупы. Конечно, я не могу говорить, но все слышу.— Луис постучал указательным пальцем по устройству в своей голове.— Я слышал, как Рит организовывала уборку помещения. Кстати, вы правы, у них организация, как в стаде рогатого скота! Все самки — жены вождя. Ни один из прочих самцов ничего не получает, за исключением моментов, когда вождь объявляет праздник, а сам уходит, чтобы ничего не видеть. Забава кончается с его возвращением, но все делают вид, что ничего не произошло. Все они несколько злы, потому что мы вернули его из рейда на два дня раньше срока.

— А чего хотят человеческие самки?

— Ну... оргазма. Самцы всех млекопитающих имеют оргазм, самки же обычно нет. Но человеческие женщины испытывают его. Что касается женщин гигантов, они просто принимают тебя, не разделяя твоих чувств.

— Это не доставило вам удовольствия?

— Конечно, доставило. Ведь это секс, разве не так? Правда, нужно привыкнуть, что я не могу доставить Рит наслаждение, которое испытываю сам.

— Могу вам только посочувствовать,— сказал Чмии.— Особо учитывая, что моя ближайшая жена в двух сотнях световых лет отсюда. Что мы будем делать дальше?

— Ждать вождя гигантов. Боюсь, он не совсем твердо стоит на ногах. Большую часть прошлой ночи он провел со своими женами. В самом деле, единственным способом объяснить мне, как надо действовать, была демонстрация. Он был устрашающ. Он... э... обслужил?... да, обслужил дюжину женщин, и я пытался не отставать от него, но мне мешало, что... Впрочем, оставим это.— Вот теперь Луис усмехнулся.

— Луис?

— Мои репродуктивные органы слишком малы.

— Охранник сказал, что самки других видов боятся самцов гигантов. Эти самцы занимаются РИШАТРА всегда, когда могут. Им чрезвычайно нравятся мирные переговоры. Охранник был очень недоволен, что Луис не сделал вас женщиной.

— Луис очень спешил,— сказал Ву и вошел в корабль.

Прошлой ночью собиратели насыпали большую кучу срезанной травы на некотором удалении от вигвама, и вождь с охранниками съели большую часть этой груды; собиратели должны были наедаться, пока работают. Сейчас Луис наблюдал, как вождь гигантов, вприпрыжку бежавший к посадочной шлюпке, остановился, чтобы прикончить остатки.

Травоядные проводят слишком много времени за едой, подумал Луис. Как могут эти гуманоиды сохранять разум? Чмии прав — ни к чему иметь разум, чтобы сорвать стебелек травы. Разум нужен, чтобы не быть съеденным или, скажем, придумать хитрый подход к солнечникам.

Луис почувствовал, что за ним следят, и повернулся. Никого.

Они окажутся по меньшей мере в затруднительном положении, если вождь гигантов поймет, что его дурачат. Однако Луис по-прежнему был один на навигационной палубе, конечно, если забыть о глазах-шпионах Хиндмоста. Откуда же тогда эта дрожь, пробежавшая по спине? Он повернулся снова и кого же увидел? Дроуд. Черный пластиковый футляр таранился на него с трансферного диска.

Прикосновение электрода действительно заставило бы его почувствовать себя богом и в то же время могло все испортить! Он вспомнил, что Чмии видел его под электродом. Как безмозглое морское растение... Луис отвернулся.

Вождь гигантов пришел сегодня без брони. Когда он и Чмии вошли в корабль, кзин поднял руки к потолку, соединив ладони, и воззвал:

— Луис!

Гигант последовал его примеру.

— Найдите одну из отражательных пластин,— сказал Луис безо всяких вступлений.— Положите ее на пол. Хорошо. Теперь возьмите сверхпроводящую ткань. Она на три двери ниже, в большом шкафу. Хорошо. Оберните эту ткань вокруг отражательной пластины. Заверните ее полностью, но оставьте складку для регулировки. Чмии, насколько прочна эта ткань?

— Минуточку, Луис... Видите, она режется ножом. Не думаю, чтобы я смог порвать ее.

— Хорошо. А сейчас дайте мне двадцать миль сверхпроводящей проволоки. Оберните один конец вокруг отражательной пластины и хорошенько завяжите; лучше всего сделайте несколько петель. Не скупитесь. Так, достаточно. Теперь сверните остаток проволоки, чтобы она не запуталась, когда мы позволим ей распускаться. Другой конец будет у меня. Чмии, вы принесете мне его. Вождь Поедающих Траву, мне нужен самый большой камень, какой вы можете принести. Вы знаете эту землю, так что найдите его и принесите.

Вождь гигантов изумленно уставился на потолок, потом опустил глаза и вышел.

— У меня в желудке тяжесть от того, что я так покорно выполняю ваши приказы,— сказал Чмии.

— Но вы наверняка умираете от желания понять, что же я задумал.

— Я могу заставить вас рассказать.

— А я могу предложить вам другое занятие. Поднимитесь, пожалуйста, сюда.

Чмии проскочил сквозь люк.

— Что вы видите на трансферном диске?— спросил Луис.

Чмии схватил дроуд.

Слова с трудом выходили из горла Луиса.

— Сломайте его.

Кзин немедленно швырнул маленький аппарат в стену. На нем не осталось ни следа. Тогда, осмотрев футляр, Чмии открыл его и ткнул вовнутрь лезвием ножа, которым обычно пользовался. Через некоторое время он сказал:

— Это уже не починить.

— Хорошо.

— Я подожду внизу.

— Нет, я пойду с вами. Хочу проверить вашу работу. И позавтракать.— Он не был до конца уверен, как чувствует себя. РИШАТРА не вполне оправдала его ожидания, а чистая радость, даримая электродом, ушла навсегда. А как же сыр, свобода и гордость? Верно, все это осталось. Через пару часов он собирается

уничтожить солнечники и потрясти Чмии. Луис Ву, эксэлектродник, чей многообещающий мозг после всего перенесенного не превратился в овсяную кашу.

Вождь гигантов вернулся, держа валун и двигаясь очень медленно. Чмии хотел было взять его, заколебался на мгновение, увидев его размеры, но все же закончил движение. Он повернулся, держа камень в руках, и с усилием, заметным только по голосу, сказал:

— Что я должен сделать с ним, Луис?

Соблазн был велик. О, есть много способов... Дайте мне минутку подумать... Впрочем, боги не сомневаются, а кроме того, он не мог позволить Чмии уронить камень перед гигантом.

— Положите его на сверхпроводящую ткань и накройте ею сверху. Теперь завяжите сверхпроводящим проводом. Несколько раз оберните его вокруг камня и сделайте побольше узлов. Отлично, а теперь мне нужна самая прочная проволока, выдерживающая нагревание.

— У нас есть молекулярное волокно Синклера.

— Возьмите меньше двадцати миль, я хочу, чтобы оно было короче сверхпроводящего провода.— Луис был рад, что заранее провел осмотр. Он предвидел возможность того, что сверхпроводник не удержит завернутую в ткань отражательную пластину, но волокно Синклера было фантастически прочно. Его должно хватить.

Глава 12

СОЛНЕЧНИКИ

Луис быстро вел корабль в направлении вращения. Вельд внизу выглядел коричневым: трава, скошенная сначала зелеными слонами, а затем гигантами, не успела отрасти снова. Впереди, по ту сторону моря, все ярче сияла белая линия солнечныхков.

Вождь гигантов смотрел через прозрачную дверь воздушного шлюза.

— Возможно, мне следовало надеть броню,— сказал он.

Чмии фыркнул.

— Для борьбы с солнечниками? Металл проводит тепло.

— А где вы получили вашу броню?— спросил Луис.

— Мы проложили дорогу для Людей Машин. Они заставили нас освободить от травы дорогу, проходившую через пастбище, а потом сделали броню для вождей племен. Мы ушли дальше, мне не понравился их воздух.

— А что в нем плохого?

— У него плохой вкус и запах, Луис. Он пахнет, как напиток, который они иногда пьют. Они заливают то же вещество в свои машины, но не смешивают его ни с чем другим.

— Меня удивляет форма вашей брони, — сказал Чмии. — Она не повторяет вашу собственную. Интересно, почему?

— Эта форма должна пугать и вызывать страх. Вас она испугала?

— Нет, — сказал Чмии. — Это форма тех, кто построил Кольцо?

— Кто знает?

— Я, — произнес Луис, и гигант нервно взглянул вверх.

Вновь отросшая трава внезапно сменилась лесом. Солнечники горели все ярче. Луис опустил корабль на сотню футов и резко снизил скорость.

Лес закончился у широкого белого пляжа. Луис еще больше притормозил и повел корабль вниз, пока тот стал почти задевать за воду. Солнечники утратили к ним интерес.

Теперь они летели к ослабевающему сиянию. Море было хододное, покрытое рябью от ветра, дувшего с берега, а безоблачное небо сверкало голубизной. Мимо промелькнул остров — средних размеров, невысокий, с пляжами, изрезанными берегами и вершинами, сожженными дочерна. Две из них занимали солнечники.

В пятидесяти милях от берега солнечники вновь стали интересоваться ими. Луис остановил корабль.

— Они не могут надеяться использовать нас как удобрение, — сказал он. — Мы слишком далеко и летим слишком медленно.

— Безмозглые растения, — презрительно фыркнул Чмии.

— Они умны, — заметил вождь гигантов, — и проводят чистку огнем. Когда остается только покрытая пеплом почва, огненные растения рассыпают свои семена.

Но они-то находились над водой!.. Ну, да ладно.

— Вождь Травяных Гигантов, пришел твой час. Выбрось камень за борт. Да не запутай провод.

Луис открыл воздушный шлюз, опустил трап, и вождь шагнул в зловещее сияние. Валун ушел на двадцать футов под воду, черная и серебряная проволоки начали разматываться.

На дальнем берегу словно зажглись прожектора, когда группы солнечныхников попытались сжечь корабль, но затем оставили его в покое. Они выискивали движение, но не будут же они жечь текущую воду? Скажем, водопад?

— Чмии, отправьте за борт отражательную пластину. Установите ее... Э... на восемнадцать миль и смотрите, чтобы провода не запутались.

Черный прямоугольник взмыл вверх, провода — черный и серебряный — тянулись за ним. Нить волокна Синклера была почти

невидима, но сейчас горела серебряным огнем, и яркое сияние окружало уменьшающуюся пластину. Вскоре пластина превратилась в черное пятно, которое было труднее разглядеть, чем яркое гало вокруг него. На этой высоте она стала целью для огромного числа цветов солнечныхников.

Сверхпроводники проводят электрический ток безо всякого сопротивления — именно это свойство делает их такими ценными для промышленности. Однако у сверхпроводников есть и другое свойство — по всей их длине температура одинакова.

Воздух, частицы пыли и волокно Синклера пылали в свете солнечныхников, но сверхпроводящая ткань и провод оставались черными. Очень хорошо. Луис поморгал, чтобы дать отдых глазам, и посмотрел вниз, на воду.

— Вождь Травяных людей, — сказал он, — зайди обратно, пока тебе не причинили вреда.

Там, где два провода уходили под воду, она кипела, и полосы пара плыли в белом сиянии в направлении вращения. Луис направил корабль вправо. Уже изрядное пятно воды парило.

Инженеры Кольца создали всего два Великих Океана, уравнивающих друг друга. Остальные моря Кольца по всей своей площади имели глубину двадцать пять футов. Как и люди, строители, очевидно, использовали лишь верхние уровни моря, и это было на руку Луису. Тем легче будет вскипятить море.

Облака пара достигли берега.

Боги не злорадствуют — а жаль.

— Мы будем следить, пока вы не удовлетворитесь, — сказал он вождю гигантов.

— Уррр, — добавил Чмии.

— Я начинаю понимать, — сказал вождь, — но...

— Говори.

— Огненные растения прожгут эти облака.

Луис ничем не выказал своего беспокойства.

— Посмотрим. Чмии, предложите нашему гостю салата. Может статься, вы захотите есть, разделенные дверью.

Они находились в пятидесяти милях вправо от валуна-якоря, с левой стороны высокого голого острова. Этот остров принимал на себя половину сияния тех солнечныхников, которые еще пытались сжечь посадочную шлюпку. Впрочем, большая часть растений совершенно обезумела: одни сосредоточились на висящем черном прямоугольнике, другие — на облаках пара.

Вода парила уже в радиусе двух миль вокруг провода и затопленного валуна. Собираясь в большие облака, пар плыл над морем к берегу и там улавливал сияние солнечныхников. В пяти милях от моря пар поднимался, пылая, как огненный ураган, а затем исчезал.

Луис направил телескоп на пятно пара и кипящую воду. Расте-

ния уже должны начать умирать. Пятимильная полоса растений была лишена солнечного света, а те, что окружали ее, расходовали свой свет на облака пара, вместо того чтобы использовать его для фотосинтеза. Но пятимильная полоса — это мало, слишком мало. Пятно солнечников достигало размеров половины планеты.

Тут Луис увидел нечто, заставившее его перевести взгляд прямо вверх.

Серебряная нить падала, плывя по ветру в направлении вращения. Солнечники пережгли молекулярное волокно Синклера, однако нить сверхпроводника по-прежнему оставалась черной.

Она должна выдержать, конечно, должна.

Она не должна быть горячее кипящей воды и по всей длине имеет одинаковую температуру. Увеличение света от растений ничего не изменит, разве что вода станет кипеть быстрее. К тому же это большое море, а водяные пары не исчезают, а поднимаются.

— Боги едят хорошо, — сказал вождь гигантов, жуя охапку бостонского масляного салата — двадцатую или даже тридцатую. Он стоял рядом с Чмии, глядя наружу, и подобно кзину не строил никаких предположений о том, что происходило внизу.

Морская вода весело кипела. Солнечники были настолько сбиты с толку, что позволяли клевать себя птицам — этому потенциальному удобрению. Они не могли верно оценить ни высоты, ни расстояния, эволюция не позволяла им заниматься этим, пока они умирали от голода.

Чмии вдруг тихо произнес:

— Луис, остров.

Что-то большое и черное стояло по пояс в воде недалеко от берега. Это не был ни человек и ни выдра, но что-то от них обоих в нем имелось. Существо терпеливо ждало, разглядывая корабль большими карими глазами.

Луис спокойно, но с некоторым усилием спросил:

— Это море населено?

— Этого мы не знаем, — ответил вождь.

Луис направил посадочную шлюпку к берегу. Гуманоид ждал, не выказывая страха. Короткий маслянисто блестящий черный мех покрывал его обтекаемое тело.

Луис включил микрофон.

— Вы знаете язык Травяных Гигантов?

— Я могу разговаривать на нем. Только говорите медленно. Что вы делаете здесь?

— Нагреваю море.

Хладнокровие существа было просто великолепно. Мысль о нагреве моря ничуть не беспокоила его, и он спросил у движущегося здания:

— Сильно?

— В этом конце очень сильно. Сколько вас?

— Сейчас тридцать четыре,— ответила амфибия.— Когда мы пришли сюда пятьдесят один фалан назад, нас было восемнадцать. Будет ли нагреваться и правая часть моря?

Луис облегченно расслабился. Ему уже виделись сотни тысяч людей, сваренных потому, что Луис Ву затеял игру в бога.

— Могу вас успокоить, в этом конце в море впадает река. Как много тепла можете вы выдержать?

— Некоторое количество. Мы будем лучше есть: вареная рыба вкуснее. Это очень вежливо — спросить, прежде чем разрушить часть дома. Почему вы делаете это?

— Чтобы убить огненные растения.

Амфибия задумалась.

— Хорошо. Если огненные растения умрут, мы сможем отправить посланца вверх по течению к Фубубишу — Сыну Моря. Они считают нас давно мертвыми.— Потом он добавил: — Я забыл хорошие манеры. РИШАТРА приемлема для нас, если вы назовете свой пол и кто-то из вас может функционировать под водой.

На мгновение Луис онемел, потом выдавил:

— Никто из нас не занимается этим в воде.

— Некоторые занимаются,— сказала амфибия без особого разочарования.

— Как вы попали сюда?

— Мы двигались по течению реки. Пороги привели нас в царство огненных растений, и мы не могли выйти на берег. Пришлось позволить реке нести нас до этого места, которое я назвал в свою честь Морем Таппагопа. Это хорошее место, хотя нужно быть осторожным с огненными растениями. Вы действительно убьете их туманом?

— Думаю, да.

— Я должен вести своих людей,— сказала амфибия и беззвучно исчезла в воде.

— Нужно было убить его,— сказал Чмии, обращаясь к полтолку.— За его бесстыдство.

— Это его дом,— напомнил Луис и отключил интерком. Игра уже утомила его. Я вскипятил чей-то дом, подумал он, и даже не знаю, сработает ли это! Сейчас он очень нуждался в дреуде. Ничто другое не могло помочь ему, ничто, кроме растительного счастья, даримого током, текущим через мозг; ничто не могло снять черный гнев, заставлявший его колотить руками по креслу и издавать животные звуки, сидя с крепко зажмуренными глазами.

Только это и... время. Прошло какое-то время, чары рассеялись, и он открыл глаза.

Больше не было видно ни черной проволоки, ни кипящей воды. Все закрывал широкий вал тумана, медленно плывущий в направ-

лении вращения, уходящий на десять миль в глубь суши и исчезающий. Дальше было только сияние солнечныхников и... две параллельные линии у горизонта.

Белая линия сверху и черная внизу тянулись через пятьдесят градусов горизонта.

Водяной пар не исчезал совсем. Нагреваясь, он поднимался вверх и конденсировался в стратосфере. Белая линия была границей облаков, сверкавших от лучей атакующих солнечныхников, а черная — тенью, накрывшей огромную площадь, занятую ими. И она все расширялась — мучительно медленно, но неуклонно.

В стратосфере воздух двигался от центра пятна солнечныхников. Часть облаков уносилась прочь, но часть водяных паров соединялась с паром от кипящего моря и проливалась дождем, вновь включаясь в круговорот.

Луис почувствовал боль в руках и понял, что крепко сжимает подлокотники кресла. Отпустив их, он повернулся к интеркому.

— Луис сдержал свое обещание, — сказал вождь гигантов, — но умирающие растения могут оказаться недоступными для нас.

— Мы проведем ночь здесь, — ответил Луис. — Утром все станет ясно.

Он посадил корабль на остров. Морские водоросли покрывали берег огромными грудами; Чмии и вождь гигантов провели целый час, собирая их и заполняя кухонный преобразователь свежим материалом. Луис воспользовался случаем и вызвал «Горячую Иглу Следствия».

Хиндмост оказался не у пульта, а в укрытой части «Иглы».

— Вы разрушили свой дроуд, — сказал он.

— Да.

— У меня есть замена.

— Будь их у вас даже дюжина, мне это безразлично. Я бросаю. Вас еще интересует трансмутатор инженеров Кольца?

— Конечно.

— Тогда давайте сотрудничать. Управляющий центр Кольца может находиться где угодно. Если он устроен в одной из сливных гор, тогда трансмутаторы, которые снимали с кораблей на краевом космодроме, находятся там. Я хочу знать все о положении дел, прежде чем лезть туда.

Хиндмост задумался.

За его спиной виднелись массивные ярко освещенные здания. Широкая улица с трансферными дисками на перекрестках уходила в бесконечность. Улица кишела кукольниками. Их расчесанные гривы сверкали великолепыными узорами, и казалось, они всегда передвигаются группами. В небе, кусочек которого виднелся между

зданиями, висели две сельскохозяйственные планеты, каждая окруженная точками света. Все это происходило под аккомпанемент чужой музыки, а может, просто миллион кукольников переговаривались между собой — слишком далеко, чтобы можно было различить детали.

Хиндмост взял с собой кусочек утраченной цивилизации: записи, голограммы и, вероятно, запах своего вида, постоянно наполнявший воздух. Обстановка этого уголка корабля имела мягкие очертания, без острых углов, о которые можно разбить колени. Странной формы углубление в полу, вероятно, служило кроватью.

— Обратная сторона краевой стены совершенно плоская, — сказал вдруг Хиндмост. — Изучение ее глубинным зондированием ничего не дало. Пожалуй, я могу позволить себе рискнуть одним из своих зондов. Он будет служить еще и транслятором между «Иглой» и посадочной шлюпкой. Чем выше он поднимется, тем лучше, поэтому я хочу поместить его в краевую транспортную систему.

— Неплохо.

— Вы действительно думаете, что ремонтный Центр находится...

— Нет, но мы обнаружили достаточно сюрпризов вокруг. Их нужно проверить.

— Однажды нам придется решить, кто все-таки руководит этой экспедицией, — сказал кукольник и исчез с экрана.

В ту ночь звезд не было.

Утро наступило как прояснение хаоса. Из рубки посадочной шлюпки не было видно ничего, кроме бесформенного жемчужного сияния: ни неба, ни моря, ни берега. Луису очень хотелось снова создать Ву, чтобы тот вышел наружу и посмотрел — не исчез ли мир.

Вместо этого он поднял корабль вверх. На трехстах футах появилось солнце, а внизу не осталось ничего, кроме белых облаков, яркость которых усиливалась в направлении вращения. Туман распространился уже далеко в пределы суши.

Отражательная пластина еще висела на месте — черное пятно над их головами.

Через два часа после рассвета ветер отнес туман в сторону, и Луис опустил корабль до уровня воды, прежде чем край тумана достиг берега. Несколько минут спустя яркий ореол вновь окружил отражательную пластину.

Вождь гигантов провел у двери воздушного шлюза все утро, глядя наружу и рассеянно жуя салат. Чмни тоже молчал. Когда Луис заговорил, оба повернулись к потолку.

— Это будет работать, — сказал он и наконец-то сам поверил

себе.— Скоро вы получите полосу мертвых солнечников, ведущую под постоянной защитой облаков к гораздо большему их пятну. Сейте свои семена. Если предпочитаете есть живые растения, кормитесь ночью, по обе стороны от полосы тумана. Вам может понадобиться база на каком-нибудь острове этого моря, так что потребуются лодки.

— Теперь мы уже сами можем строить планы,— сказал вождь.— Нам помогут Люди Моря, несмотря на то, что их так мало. За услуги мы дадим им металлические инструменты, а они построят нам лодки. Будет ли трава расти под этими дождями?

— Не знаю. Вам лучше засеять и сожженные острова.

— Хорошо... В честь своих героев мы вырезаем их портреты на камне, добавляя несколько слов. Мы кочевники и не можем таскать с собой большие статуи. Этого хватит?

— Конечно.

— Как вы выглядите?

— Я немного крупнее Чмии, с большим количеством волос на спине, и волосы эти такого же цвета, как у вас. Зубы хищника, клыки, без ушей. Куда вас сейчас?

— В лагерь. Думаю, мне нужно взять несколько женщин и осмотреть берега моря.

— Мы можем сделать это немедленно.

Вождь гигантов рассмеялся.

— Спасибо, Луис, но мои воины будут в неважном настроении, когда вернутся, голые, голодные, побежденные. Им будет приятно узнать, что я ушел на несколько дней. Я не бог, а у героя должны быть воины, довольные его правлением. Не может же он сражаться все время, пока не спит.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 13

ИСХОДНЫЕ ТОЧКИ

Тринадцать тысяч миль — не расстояние для посадочной шлюпки. Осторожность Луиса раздражала кзина.

— Два часа, и мы можем опуститься в летающем городе или подняться к нему снизу! Один час без особого дискомфорта!

— Несомненно. А вы помните, как мы оказались в летающей тюрьме Халрлоприллалар? Висящие вниз головой, с сожженными двигателями скутеров?

Хвост Чмии хлестнул по спинке его кресла. Кзин помнил.

— Незачем, чтобы нас замечали какие-то древние машины. Похоже, бактерии, уничтожившие сверхпроводники, вывели их из строя не все.

Травяные луга сменились обработанными полями, затем залитыми водой джунглями. Солнечные лучи отражались от воды, сверкавшей между стволами цветущих деревьев.

Луис чувствовал себя превосходно. Он запретил себе думать о тщетности войны с солнечниками. ЭТО работало. Он поставил перед собой задачу и выполнил ее с помощью разума и некоторых инструментов.

Болота, казалось, тянулись в бесконечность. Один раз Чмии указал на небольшой город. Заметить его было нелегко, поскольку вода наполовину скрывала здания, а виноградные лозы и деревья закрывали остальное. Архитектурный стиль был довольно странным: все стены, крыши и двери слегка выгибались наружу, делая улицы более узкими. Это явно построили не соотечественники Халрлоприллалар.

К полудню посадочная шлюпка забралась дальше, чем могли зайти за всю свою жизнь Джинджерофер и вождь гигантов. Он сделал глупость, задавая вопросы дикарям. Они были так же далеки от летающего города, как две любые точки на Земле.

Пришел вызов от Хиндмоста.

Сегодня гриву его украшали полосы различного цвета, отчего

она казалась радугой. За его спиной кукольные мчались вдоль линий трансферных дисков, собирались у витрин магазинов, толкали друг друга безо всяких извинений или обид, и все это под приглушенное звучание музыки, в которой преобладали флейты и кларнеты: язык кукольников.

— Что вы узнали?— спросил Хиндмост.

— Немного,— ответил Чмии.— Семнадцать фалангов назад произошла сильная вспышка на солнце, и теневые квадраты соединились, чтобы защитить поверхность. Видимо, их система управления не зависит от самого Кольца.

— Мы предполагали это. Что еще?

— Гипотетический Ремонтный Центр Луиса наверняка не действует. Эти болота под нами не были запланированы. Я полагаю, что значительные речные отложения блокировали отток воды из моря. Мы обнаружили различных гуманоидов, одни из них разумны, другие — нет. Никаких следов строителей Кольца, если считать, что они предки Халрлоприллалар, не найдено. Я склонен думать, что так оно и есть.

Луис открыл было рот, и в ту же секунду боль пронзила его ногу. Опустив взгляд, он увидел, что четыре когтя Чмии уткнулись в его бедро, и закрыл рот. Кзин продолжал:

— Мы не встретили никого из соотечественников Халрлоприллалар; возможно, они никогда не образовывали значительной популяции. До нас дошли слухи о другой расе — Людах Машин, которые могут заменить их, и сейчас мы направляемся взглянуть на них.

— Ремонтный Центр действительно не работает,— живо сказал Хиндмост.— Я многое узнал, используя один зонд...

— У вас два зонда,— заметил Чмии.— Используйте оба.

— Один я оставил в резерве, для дозаправки «Иглы», а с помощью другого открыл секрет сливных гор. Смотрите...

На дальнем правом экране появилось изображение. Зонд мчался мимо краевой стены, что-то мелькнуло мимо, но слишком быстро, чтобы разобрать детали. Аппарат затормозил, развернулся, двинулся обратно.

— Луис посоветовал мне изучить краевую стену. Зонд только начал торможение, как я обнаружил это и решил, что оно заслуживает исследования.

Это оказалось наростом на краевой стене — трубой, перекинутой через край и сделанной из того же полупрозрачного серого скрита. Зонд приближался к ней до тех пор, пока камера его заглянула прямо в отверстие диаметром четверть мили.

— Большинство конструкций Кольца показывают подход с позиции грубой силы,— сказал Хиндмост. Зонд двинулся вдоль трубы, через край и вниз по внешней стороне краевой стены, к тому

месту, где труба исчезала в пенистом материале, образующем метеоритный экран на внешней стороне Кольца.

— Понимаю,— сказал Луис.— И это не работает?

— Нет. Я попытался проследить эту трубу и добился некоторых успехов.

Изображение изменилось, смазанное быстрым движением зонда, удаляющегося от Кольца. Перевернутый пейзаж заскользил мимо, видимый в инфракрасном свете. Зонд затормозил, остановился, двинулся вверх.

Метеориты, ударявшие в Кольцо, приходили из межзвездного пространства, и при ударе их собственная скорость складывалась со скоростью вращения Кольца, составлявшей семьсот семьдесят миль в секунду. В это место ударил метеорит, и плазменное облако, испарив защитную пену, оставило огромную выемку, протянувшуюся на сотни миль вдоль морского дна. В этой выемке виднелся отрезок трубы в несколько сотен футов в диаметре, ухидивший вверх, в дно моря.

— Круговая система,— пробормотал Луис:

— Без уравнивания эрозии,— сказал кукольник,— почвенный слой Кольца за несколько тысяч лет переместился бы на дно морей. Я думаю, что трубы идут от дна морей вдоль внешней стороны конструкции, а затем через краевую стену. Из осадков, собирающихся на дне моря, образуются сливные горы. Большая часть воды выкипает почти в вакууме, царящем на вершине в тридцать миль высотой. Гора постоянно оседает под собственным весом, и материал, слагающий ее, разносится ветрами и реками.

— Это не более чем предположение,— сказал Чмии,— но вполне правдоподобное. Хиндмост, где ваш зонд сейчас?

— Я собираюсь вывести его из-за Кольца и снова включить в краевую транспортную систему.

— Сделайте это. На нем есть глубинный радар?

— Да, но с небольшим радиусом действия.

— Изучите глубинным радаром сливные горы. Между ними, кажется, от двадцати до тридцати тысяч миль? Значит, это даст нам порядка пятидесяти тысяч гор вдоль обеих краевых стен. Даже малая их часть может быть прекрасным укрывным местом для Ремонтного Центра.

— Но почему Ремонтный Центр должен быть спрятан?

Чмии издал горловой звук.

— А что, если подчиненные расы взбунтуются? Если вдруг начнется вторжение? Конечно же, Ремонтный Центр спрятан и укреплён. Осмотрите каждую сливную гору.

— Очень хорошо. Сканирование правой краевой стены продлится один оборот Кольца.

— А затем беритесь за другую стену.

— Камеры пусть тоже работают,— добавил Луис.— Мы все еще не нашли реактивные двигатели... хотя я начинаю думать, что они использовали что-то другое.

Хиндмост отключился, и Луис повернулся к окну. Кое-что уже давно привлекало его внимание: бледная линия, изгибающаяся вдоль края топи, более прямая, нежели река. Он указал на несколько едва видимых точек, двигавшихся вдоль нее.

— Думаю, нужно посмотреть на это поближе.

Это оказалась дорога. С высоты в сотню футов покрытие ее выглядело твердым, напоминая белую каменную реку.

— Полагаю, это Люди Машин,— произнес Луис.— Можем мы выследить их экипажи?

— Давайте подождем, пока приблизимся к летающему городу.

Отказываться от удобного случая было глупо, но Луис не рискнул возражать. Нервозность кзина превосходила всяческие границы.

Дорога огибала низкие, сырые места и выглядела достаточно хорошо. Чмии летел в сотне футов над ней, на небольшой скорости.

Один раз они миновали несколько зданий, самое крупное из которых походило на химический завод, несколько раз видели похожие на ящики машины, пронесившиеся под ними. Самих их заметили только однажды. Ящик внезапно остановился, гуманоидные фигуры высыпали из него, разбежались в стороны, затем направили на корабль какие-то палки.

В джунглях встречались какие-то бледные пятна, которые не могли быть принесенными ледником валунами — на Кольце это невозможно. Луис долго гадал, не огромные ли это грибы, но, заметив, что одно из них движется, бросил это занятие. Он попытался привлечь к ним внимание Чмии, но кзин проигнорировал его.

Дойдя до гряды скалистых гор, дорога изогнулась в направлении, противоположном вращению, и нырнула в ущелье, а выйдя из него, вновь ушла вправо, вдоль границы болот.

Однако Чмии отклонился влево, увеличил скорость, и корабль понесся вдоль склона гряды, таща за собой плюмаж огня. Внезапно кзин развернул корабль, затормозил и опустился в футах от гранитной скалы.

— Выйдем наружу,— сказал он.

Скрытая оболочка горы должна была экранировать микрофоны Хиндмоста, но все-таки снаружи они чувствовали себя в большей безопасности. Луис последовал за кзином.

День был яркий и солнечный — слишком яркий, поскольку эта часть Кольца приближалась к ближайшей точке от солнца. Дул сильный теплый ветер.

— Луис,— сказал кзин,— вы хотели сказать Хиндмосту об инженерах Кольца?

— Допустим. А почему бы и нет?

— Я полагаю, что мы пришли к одинаковому выводу.

— Сомневаюсь. Что может кзин знать о защитниках расы Пак?

— Я знаю все, что хранится среди записей Смитсонианского Института, хоть это и немного. Я изучил показания шахтера пояса астероидов Джека Бреннана и голограммы мумифицированных остатков чужака Физпока, а также грузового отсека его корабля.

— Чмии, как вы наткнулись на этот вопрос?

— Какая разница? Я был дипломатом. Существование расы Пак являлось Тайной Патриарха, но любой кзин, вынужденный иметь дело с людьми, должен был изучить эти записи. Нужно знать своих врагов. Возможно, мне известно о ваших предках больше, чем вам. И я полагаю, что Кольцо построено расой Пак.

За шестьсот лет до рождения Луиса Ву защитник расы Пак достиг Солнечной системы со спасательной миссией. Именно от Физпока через зонника Джека Бреннана ученые узнали эту историю.

Пак населяли планету в ядре галактики и проживали свою жизнь в три стадии: ребенок, производитель, защитник. Разума взрослых, или производителей, хватало лишь на то, чтобы махнуть дубиной или бросить камень.

По достижении среднего возраста производители начинали испытывать желание проглотить растение, называемое деревом жизни. Симбиотический вирус этого растения словно нажимал на спусковой крючок, и начиналось изменение. Производитель терял свои половые железы и зубы, его череп и мозг развивались, кожа сморщивалась, утолщалась и становилась крепче. Его суставы увеличивались, сообщая мускулам больший момент силы, в паху развивалось двухкамерное сердце.

Физпок шел по следам космического корабля с колонистами, достигшего Земли более двух миллионов лет назад.

Раса Пак находилась в постоянном состоянии войны. Прежние колонии на ближайших мирах в галактическом ядре были уже разорены последующими волнами кораблей. Может, в том и заключалась причина, что корабль забрался так далеко.

Колония была большая и хорошо снаряженная, и руководили ею существа более крепкие и умные, чем люди. И, тем не менее, ей не повезло. Дерево жизни выросло в почве Земли, но вируса в нем не оказалось. Защитники вымерли, оставив производителей, предоставленных самим себе, сумев, однако, отправить сигнал о помощи, пересекавший тридцать тысяч световых лет, отделявших Землю от их родного мира.

Физпок обнаружил запись об этом в древней библиотеке расы Пак и в одиночку пролетел эти тридцать тысяч световых лет на досветовом корабле в поисках Солнечной системы. Средства для строительства корабля Физпоку дала война. Его грузовой отсек был битком набит корнями и семенами дерева жизни, а также мешками с окисью таллия. Проведенные им исследования показали, что именно ее требовалось добавить в необычную почву Земли.

Ему и в голову не приходило, что производители могут мутировать.

Среди расы Пак мутанты не имели шансов на выживание. Если запах ребенка не нравился его предку-защитнику, его убивали. Возможно, Физпок рассчитывал на низкую скорость мутаций на планете, настолько удаленной от высокой плотности космических лучей звезд ядра галактики. А может, он просто рискнул.

Как бы то ни было, а производители мутировали. Ко времени появления Физпока они мало походили на производителей расы Пак, за исключением изменений в определенном возрасте, когда самки переставали вырабатывать яйца, а у обоих полов кожа становилась морщинистой, зубы выпадали, суставы разбухали, а единственным следствием жажды дерева жизни оставались неугомонность и неудовлетворенность. Еще позже начинались сердечные приступы из-за отсутствия второго сердца.

Однако Физпок ничего этого не узнал. Спаситель умер почти безболезненно, лишь подозревая, что те, кого он хотел спасти, превратились в монстров и вовсе в нем не нуждаются.

Такова была история, которую Джек Бреннан рассказал представителям Объединенных Наций, прежде чем исчезнуть. Однако Физпок к тому времени уже умер, и показания Джека Бреннана были сомнительны. Он съел дерево жизни и превратился в монстра; его череп увеличился и исказился. Возможно, при этом он потерял рассудок.

Каменистая местность вокруг выглядела так, словно над ней рассыпали груз мелконарубленного шпината. Полоски пушистой зелени виднелись там, где почва набилась в промежутки между камнями. Вокруг жужжали тучи насекомых.

— Защитники расы Пак, — сказал Луис. — Вот о чем я подумал, но мне было трудно заставить себя поверить в это.

— Вакуумные скафандры и броня Травяных Гигантов сохранили их форму: гуманоидную, но с увеличенными суставами и лицом, выдающимся вперед. Но есть и другое доказательство. Мы встретили множество различных гуманоидов, все они — производные от общего предка: вашего собственного предка, производителя расы Пак.

— Несомненно. Это также объясняет, как умерла Прилл.

— И как же?

— Закрепитель приспособлен к метаболизму гомо сапиенс, и Халрлоприллалар не могла пользоваться им. У нее имелось собственное средство долговечности; думаю, ее народ получал его из дерева жизни.

— Вот как?

— Вспомните, что защитники жили тысячи лет. Какого-нибудь элемента дерева жизни или же субкритической дозы могло оказаться достаточно для подобного результата относительно гуманов. А Хиндмост сказал, что запасы Прилл были украдены.

Чмии кивнул.

— Я помню, что один из ваших шахтерских кораблей сблизился с покинутым звездолетом Пак, самый старый член экипажа понюхал дерево жизни и обезумел. Он съел больше, чем мог вместить его живот, и умер. Его товарищи не смогли удержать его.

— Вот именно. Разве нельзя предположить, что подобное произошло с каким-нибудь лаборантом Объединенных Наций? Прилл вошла в здание ОН, неся с собой бутылку с лекарством долговечности. Объединенным Нациям нужен образец; парень, слишком молодой для своей первой дозы закрепителя — сорок, сорок пять лет, — открывает бутылку, отливает чуть-чуть, затем чувствует запах — и выпивает все.

Хвост Чмии рассек воздух.

— Не скажу, что любил Халрлоприллалар, но все-таки она была союзником.

— А я любил ее.

Поднялся горячий ветер, несущий пыль. Луис чувствовал себя опустошенным. Возможно, у них не будет другого случая поговорить наедине. Зонд, передававший сигналы на «Иглу» и обратно, скоро поднимется слишком высоко над Аркой, чтобы этот номер сработал еще раз.

— Чмии, можете ли вы поставить себя на место Пак?

— Попытаюсь.

— Они поместили все карты в Великие Океаны. Можете вы сказать мне, почему защитники расы Пак вместо того, чтобы заниматься картированием, просто не истребили кзинов, грогов, марсиан и бандерснатчей?

— Уррр. Действительно, почему? Судя по рассказам Бреннана, Пак не пугало уничтожение чужих видов.

Обдумывая вопрос, Чмии принялся расхаживать взад-вперед. Потом сказал:

— Возможно, они боялись преследования. Что, если они проиграли войну и боялись, что победители явятся поохотиться на них? Для Пак несколько сожженных миров в дюжине световых лет друг

от друга могло указывать на присутствие другой группы защитников.

— Ммм... возможно. А теперь скажите, почему они вообще построили Кольцо? Как они собирались защитить его?

— Я бы не стал даже пытаться защищать такую уязвимую структуру. Может, мы еще узнаем это. Меня тоже удивляет, почему Пак пришли в этот район космоса. Случайность?

— Нет! Слишком далеко.

— Тогда почему??

— Ну... мы можем только предполагать. Допустим, часть Пак хотела сбегать так быстро и так далеко, как только возможно. Пусть, как вы сказали, они проиграли войну. Единственный безопасный путь вел в рукава галактики, и они закартировали их. Первая экспедиция — та, что заселила Землю, — достигла Солнечной системы, избежав опасностей, с которыми не смогла бы справиться. Они отправили назад указания, и остальные проигравшие последовали за ними, построив мастерскую на безопасном расстоянии от Солнечной системы.

Чмии обдумал это, потом сказал:

— Как бы то ни было, они пришли сюда, эти разумные и любящие войну ксенофобы. И в этом есть скрытый смысл. Оружие, испарившее половину «Луна», оружие, которое вы с Тилой упорно называли метеоритной защитой, почти наверняка запрограммировано на ведение огня по кораблям вторжения. И оно выстрелит по «Горячей Игле Следствия» или посадочной шлюпке, если получит шанс. А еще я хотел сказать, что Хиндмост не должен узнать, кто построил Кольцо.

Луис покачал головой.

— Они давно исчезли. По словам Бреннана, единственное, что движет защитниками, — необходимость защищать своих потомков. Они бы не допустили возникновения мутаций и никогда не позволили бы Кольцу двигаться к солнцу.

— Луис...

— Фактически они должны были исчезнуть сотни тысяч лет назад. Вспомните разновидности гуманоидов, которые мы нашли.

— Я бы сказал — миллионы лет. Они должны были отправиться сразу после того, как первый корабль позвал на помощь, и исчезли вскоре после завершения конструкции. Откуда еще могло взяться время для развития всех этих видов? Однако...

— Чмии, послушайте: предположим, они закончили Кольцо всего полмиллиона лет назад. Производители четверть миллиона лет размножаются, расселяясь все шире, а защитникам незачем воевать, потому что территория фактически неограничена. Затем защитники вымирают.

— Отчего?

— Недостаток данных.

— Принято. Итак?

— Если защитники вымерли четверть миллиона лет назад, производители получили в десять раз больше времени, чем имели его люди на Земле. В десять раз больше времени и множество про-
рех в экологии, поскольку защитники не взяли с собой ничего, что могло бы охотиться на производителей. Население достигло триллионов.

— Теперь понимаете? На Земле было, скажем, полмиллиона производителей, когда защитники вымерли. На Кольце же в три миллиона раз больше места и масса времени для расселения, пока не исчезли защитники. Таким образом, все мутанты получили возможность развиваться по-своему.

— Я не согласен с вами,— спокойно заметил Чмии.— Вы явно что-то упустили. Но допустим, защитники почти наверняка исчезли. Почти наверняка. Что, если Хиндмост узнает, чей это дом?

— О, он сбежит. С нами или без нас.

— Официально мы не поняли тайны строительства Кольца. Согласны?

— Да.

— Мы еще продолжаем поиски Ремонтного Центра? Запах дерева жизни может оказаться смертельным для вас. Вы слишком стары, чтобы стать защитником.

— Я и не хочу этого. На нашем корабле есть спектроскоп?

— Да.

— Дерево жизни не растет как надо без добавки в почву окиси таллия. Должно быть, таллий более обычен в галактическом ядре, нежели здесь. Мы будем искать окись таллия и тем самым найдем место, где защитники проводили свое время. Это же поможет нам найти Ремонтный Центр, и вовнутрь мы войдем в космических скафандрах. Если вообще войдем.

Глава 14

ЗАПАХ СМЕРТИ

Голос Хиндмоста взорал тишину, когда они достигли дороги.

—...Посадочную шлюпку Чмии, Луис. Почему вы прячетесь? Хиндмост вызывает посадочную...

— Ненис, убавьте громкость, пока мы окончательно не оглохли!

— Так вы меня слышите?

— Слышим вас отлично,— сказал Луис, глядя на Чмии, уши которого сложились в меховые карманы. Хорошо бы тоже уметь делать так.— Должно быть, нас экранировали горы.

— И что вы обсуждали, пока были без связи?

— Мятаж. Мы решили его не устраивать.

Мгновенная пауза, затем:

— Очень мудро. Я хочу, чтобы вы взглянули на эту голограмму.

На одном из экранов появилось что-то вроде кронштейна, торчащего из краевой стены. Изображение было слегка смазано и странно освещено: съемка велась из вакуума, в солнечном свете и свете, отраженном от поверхности Кольца. Кронштейн, казалось, составлял одно целое с краевой стеной, как если бы скрыт тянулся, как ириска. На кронштейне крепилась пара шайб или баллонов, разделенных некоторым расстоянием. Больше не было видно ничего, кроме вершины стены, поэтому масштаб они определить не могли.

— Это снято с зонда, — сказал кукольник. — Как вы советовали, я вернул его в краевую транспортную систему, и сейчас он ускоряется.

— Ага. Что вы на это скажете, Чмии?

— Это может оказаться маневровым двигателем Кольца. Похоже, он не работает.

— Возможно. Есть много способов постройки двигателя Баззарда. Хиндмост, вы нашли какие-нибудь следы магнитных эффектов?

— Нет, Луис, машина выглядит бездействующей.

— Чума, уничтожившая сверхпроводники, не должна была коснуться его. И он не кажется поврежденным. Однако управление могло вестись из другого места, скажем, с поверхности. Может, его можно отремонтировать?

— Для этого вам и нужен Ремонтный Центр?

— Да.

Дорога шла между болотами и каменистой гористой местностью. Они миновали еще один химический завод, при этом были замечены: взревела сирена, и из трубы, похожей на дымовую, вырвалась струя пара. Чмии продолжал полет на той же высоте.

Машин, напоминавших ящики, больше не попадалось.

Далеко в болотах Луис заметил бледные мерцающие пятна, медленно движущиеся между деревьями. Они перемещались неторопливо, как туман над водой или океанский лайнер, входящий в док. Впереди, выбравшись из-под деревьев, к дороге двигалась белая фигура.

Из большого белого тела животного торчала гибкая шея с пучком сяжек. Пасть существа находилась у самой земли, углубляясь в нее, как лезвие лопаты, и зачерпывая болотную воду с растениями, после чего животное поднималось вверх на сокращающихся мускулах живота. По размерам оно превосходило самых крупных динозавров.

— Бандерснатч,— сказал Луис. Как попали сюда эти обитатели Джинкса? — Чмии, снижайтесь, оно хочет поговорить с нами.

— Ну и что?

— Они многое помнят.

— Что они могут помнить — эти болотные жители, пожиратели грязи, без рук, чтобы сделать оружие? Ничего.

— Ну почему? Может, оно объяснит нам, как бандерснатчи оказались на Кольце.

— Это не секрет. Защитники разместили в Великом Океане свои карты вместе с представителями видов, которые считали потенциально опасными.

Чмии начинал играть ведущую роль, и это не нравилось Луису.

— Что с вами? Мы можем, по крайней мере, спросить?

Бандерснатч, оставшийся позади, с каждой секундой становился все меньше. Чмии фыркнул.

— Вы избегаете противоборства подобно кукольному Пирсона. Задавать вопросы пожирателям грязи и дикарям! Уничтожать солнечники! Хиндмост привез нас в этот гибнущий мир против нашей воли, а вы откладываете нашу месть, чтобы уничтожить солнечники. Что даст туземцам Кольца год, который Луис-Бог проведет, выдергивая сорняки?

— Я спасу их, если смогу.

— Мы ничего не можем сделать. Сейчас нам нужны строители дороги. Слишком примитивные, чтобы угрожать нам, они достаточно развиты, чтобы ответить на наши вопросы. Мы найдем одиночный экипаж и захватим его.

Во второй половине дня Луис принял управление полетом.

Болота сменились рекой, которая изгибалась в направлении вращения, далеко уйдя от первоначального русла. Вдоль новой реки тянулась грунтовая дорога. Старое русло уклонялось все более влево, образуя s-образные излучины с редкими порогами и водопадами; совершенно сухое, оно уходило в пустыню. Видимо, болота когда-то были морем, которое засорилось и заилилось.

Луис заколебался, затем выбрал старое русло.

— Думаю, это правильный выбор,— сказал он Чмии.— Народ Прилл развернулся много после того, как инженеры исчезли. Из всех местных разумных рас они были самыми честолобивыми. Они построили большие, величественные города, а затем эта странная чума разрушила большую часть их механизмов. Сейчас мы имеем дело с Людьми Машин, которые могут оказаться из того же вида. Люди Машин построили дорогу и сделали это после того, как образовалось болото, а болото, по-моему, возникло после коллапса империи народа Прилл. Вот потому я и хочу заглянуть в старый

город, принадлежавший народу Прилл. Если повезет, мы найдем библиотеку или комнату карт.

Во время первой экспедиции они изредка находили города, а сейчас уже несколько часов двигались, не встретив ничего, кроме двух палаток и песчаной бури размером с континент.

Летающий город по-прежнему оставался впереди, видимый с ребра, что не позволило разглядеть детали. Несколько башен возвышались на краю, ближе к центру торчали вниз перевернутые башни.

Сухая река закончилась сухим морем, и Луис полетел вдоль берега на высоте двадцати миль. Дно моря было довольно странным: совершенно плоское, за исключением искусственно созданных островов, торчавших вверх.

— Луис! — позвал Чмии. — Включайте автопилот!

— Что вы нашли?

— Землечерпалку.

Луис присоединился к Чмии, сидевшему у телескопа.

С первого взгляда он принял это за часть одного из самых крупных островов. Устройство было огромное, плоское, дискообразной формы и цвета грязи, покрывавшей дно моря. Вершина его должна была возвышаться над уровнем моря, обод загибался вверх, как у деревянной волокуши. Машина остановилась у острова, торчавшего из морского дна.

Теперь стало ясно, как инженеры Кольца заставляли грязь двигаться по сливным трубам. Сама она бы не потекла, поскольку дно было слишком мелким.

— Труба заблокирована, — предположил Луис, — или по какой-то причине перестала поступать энергия. Скажем, из-за разрушения сверхпроводников. Вызвать Хиндмоста?

— Да. Пусть порадуется...

Однако у Хиндмоста оказались более интересные новости.

— Смотрите, — сказал он, и на одном экране стали быстро меняться голограммы. Кронштейн, торчащий из краевой стены с парой тороидов, смонтированных на его конце. Еще один кронштейн и на этом же снимке сливная гора у основания краевой стены размером в половину кронштейна. Третий кронштейн. Четвертый, с какой-то конструкцией возле него. Пятый...

— Стоп! — крикнул Луис. — Верните назад!

Пятый кронштейн оставался на экране всего мгновение, на его вершине ничего не было. Затем Хиндмост снова переключился на четвертую голограмму.

Скорость зонда размazyвала изображение. Рядом с кронштейном к краевой стене крепился какой-то тяжелый подъемный механизм: примитивный ядерный генератор, механическая лебедка, барабан и крюк, висевший под ним. Канат, связывающий крюк с бара-

баном, слишком тонок, подумал Луис, потому и невидим. Возможно, это нить, соединявшая теневые квадраты.

— Ремонтная команда в действии? Уррр. Монтируют они двигатель или убирают его? И сколько их всего?

— Зонд покажет это нам,— ответил Хиндмост.— Обратите внимание на другой вопрос. Вспомните тороиды, окружавшие середину неповрежденного корабля. Мы предположили, что они генерируют электромагнитное таранное поле для двигателя Баззарда.

Чмии разглядывал изображение на экране.

— У всех кораблей Кольца одинаковая конструкция, что меня удивило. Возможно, вы правы.

— Не понимаю,— сказал Луис.— Что вы...

Две одноглазые змеи уставились на него с экрана.

— Народ Халрлоприллалар построил часть транспортной системы, дававшей им бескрайние просторы для колонизации и изучения. Почему они бросили это дело? Все Кольцо могло бы принадлежать им, благодаря краевой транспортной системе, так почему же они направили усилия на достижение звезд?

Вывод напрашивался безобразный, и Луис не хотел в него верить, но все сходилось идеально.

— Они получили двигатели бесплатно. Разобрав несколько маневровых двигателей Кольца, они построили вокруг них корабли и достигли звезд. Ничего страшного не произошло, и тогда они разобрали еще несколько двигателей. Интересно, сколько всего?

— Со временем зонд даст нам ответ,— сказал кукольник.— Думаю, несколько двигателей еще находится на местах. Почему они не передвинули Кольцо в прежнее положение, до того как нарушение равновесия стало слишком большим? Чмии задал хороший вопрос: монтировали они двигатель на место или крали его, чтобы построить корабль, на котором могла бы сбежать еще одна группа представителей их расы?

Луис горько рассмеялся.

— Как же тут было не испортиться всему? Они оставили на месте несколько двигателей, а затем началась чума и уничтожила большинство их механизмов. Часть из них ударились в панику. Они захватили все корабли, которые имелись, и в спешке размонтировали большинство маневровых двигателей, чтобы построить новые. Они и сейчас занимаются этим, предоставив Кольцо самому себе.

— Глупцы,— сказал Чмии.— Они сами вановаты во всем. Они выбрали не тот путь.

— Есть еще один момент, который я нахожу зловещим,— сказал Кукольник.— Разве не должны были они забрать от своей цивилизации все, что могли унести? Разумеется, они взяли и трансмутационные устройства.

Странно, но Луису вовсе не хотелось смеяться. И вообще, что он мог ответить?

Ответ нашел кзин.

— Они должны были забрать все, до чего сумели дотянуться, особенно вблизи космопорта и краевой стены, где действовала транспортная система. Нужно искать внутри, и искать Ремонтный Центр. Кто-то из народа Прилл мог попытаться спасти Кольцо, а не покинуть его.

— Возможно.

— Нам может помочь, если мы узнаем, когда началась чума, уничтожившая сверхпроводники, — заметил Луис.

Он ждал, что Хиндмост вздрогнет, но ошибся.

— Вероятно, вы узнаете это раньше меня, — сказал кукольник.

— Я думаю, вам это уже известно.

— Вызовите меня, если что-нибудь узнаете. — И змеевидные головы исчезли.

Чмии странно посмотрел на Луиса, но ничего не сказал, и Луис вернулся к пульту управления.

Линия терминатора огромной тенью надвигалась с направления вращения, когда Чмии заметил город. Они летели над заполненным песком речным руслом, влево от сухого моря. Река в этом месте разветвлялась, и город уютно устроился в развилке.

Народ Прилл строил высоко, даже когда в этом не возникало необходимости. Город был не широк, а высок, пока летающие здания не обрушились вниз, уничтожив меньшие строения. Одна из рухнувших башен еще стояла, но с наклоном, напоминая копье, вонзившееся в нижние уровни. Дорога вела вдоль внешнего берега одного рукава сухой реки, а затем через мост, такой массивный, что наверняка принадлежал Людям Машин. Народ Халрлоприлла-лар использовал бы более прочные материалы или же подвесил его в воздухе.

— Этот город разграблен, — сказал Чмии.

— Да, и кто-то даже построил дорогу, чтобы удобнее было заниматься грабежом. Разве мы не сядем?

— Снова ваше обезьянье любопытство?

— Возможно. Хотя бы сделайте круг, чтобы взглянуть поближе.

Чмии бросил корабль вниз так быстро, что это весьма походило на свободное падение. Мех кзина почти полностью отрос, и блестящая оранжевая шерсть напоминала о новой молодости Чмии. Впрочем, омоложение не улучшило его характера. Четыре войны с людьми плюс несколько инцидентов... Луис предпочел держать рот закрытым.

Посадочная шлюпка резко затормозила. Луис дождался конца

перегрузок и принялся регулировать изображение, передаваемое внешними камерами. Он увидел это почти сразу же.

Похожий на ящик экипаж стоял возле накренившейся башни; судя по размерам, он вмещал дюжину пассажиров. Двигатель, размещенный в его задней части, вполне мог бы поднять космический корабль... Впрочем, это были примитивные люди. Луис даже представить не мог, что движет их машины. Указав туда, он сказал:

— Так, значит, находим отдельную машину и захватываем ее?

— Верно.— И Чмии повел корабль на посадку. Пока он занимался этим, Луис изучал ситуацию.

Башня вонзилась в квадратное здание, пробив крышу, три этажа и, вероятно, уйдя в фундамент. Вертикально ее удерживала только коробка нижнего здания. Белые клубы пара или дыма вырывались через неравные промежутки времени из двух окон башни, а перед входом в низкое здание танцевали бледные человеческие фигуры... танцевали или состязались в скорости... а двое из них лежали ничком в вызывающих беспокойство позах...

Еще до того, как единственная оставшаяся стена разрушенного здания закрыла Луису поле зрения, он все понял. Бледные фигуры пытались достичь входа, преодолевая засыпанную щебнем улицу, а кто-то из башни стрелял по ним.

Корабль опустился, Чмии встал и потянулся.

— Кажется, нам повезло, Луис. Те, что стреляют, должны быть Людьми Машин. Думаю, нужно помочь им.

Это казалось вполне разумным.

— Вы что-нибудь знаете об огнестрельном оружии?

— Если они используют химическое метательное вещество, то портативное оружие не пробьет противоударных доспехов. Мы можем войти в башню с помощью летательных поясов. И возьмите станнер: ни к чему убивать наших будущих союзников.

Они вышли, когда стало совсем темно. Облака закрывали небо, Арка пересекала небо широкой слабой плоской, а летающий город казался созвездием слева. Заблудиться было невозможно.

Луис Ву чувствовал себя неудобно. Противоударные доспехи жали, а их капюшон закрывал большую часть лица. Набивные ремни летательного пояса сдавливали грудь, а ноги болтались. Но, по крайней мере, он чувствовал себя в относительной безопасности.

Вися в небе, он пользовался усиливающими освещенность очками.

Атакующие вовсе не казались грозными. Совершенно обнаженные, с серебристыми волосами и очень белой кожей, они не имели никакого оружия. Были они стройны, и даже мужчины казались скорее хорошенькими, чем красивыми, и не носили бород.

В основном они держались в тени и прятались за фрагментами разрушенных зданий, но время от времени один или двое бросались зигзагами к широкому входу. Луис насчитал двадцать человек, одиннадцать — женщины. Еще пятеро лежали мертвыми на мостовой, а кто-то мог уже проникнуть в здание.

Защитники прекратили стрелять, возможно, у них кончились боеприпасы. Они использовали два окна на обращенной вниз стороне башни, этажах в шести от земли. Все окна в башне были выбиты.

Луис подлетел поближе к Чмии.

— Мы войдем с другой стороны, приглушив свет. Я, как человек, иду первым. Согласны?

— Да, — сказал Чмии.

Пояса поднимались, отталкивались от скрита, подобно посадочной шлюпке, но на спине имелись и небольшие толкатели. Луис оглянулся, проверяя, не отстал ли Чмии, и влетел в одно из окон, как он надеялся, на нужном уровне.

Окно привело в большую пустую комнату, от запаха в которой ему захотелось чихнуть. Здесь стояла обитая прогнившей тканью мебель и большой стеклянный стол, разбитый вдребезги. На наклонном полу лежал бесформенный предмет, оказавшийся ранцем с заплочными ремнями. Да, они были здесь. И еще этот запах...

— Кордит¹, — сказал Чмии. — Химическое метательное вещество. Если в нас будут стрелять, закрывайте глаза. — Он направился к двери, прижался к стене и резко распахнул дверь. Туалет — пустой.

Держа станнер в одной руке, а фонарь-лазер в другой, Луис двинулся к большой двери. Возбуждение его нарастало, пересиливая страх.

За украшенной резьбой деревянной дверью широкая круговая лестница уходила вниз, в темноту. Луис посветил вдоль спирали перил, туда, где ступени и пол здания встречались. Свет выхватил из темноты ружье с плечевым прикладом и ящик, заполненный крошечными золотистыми цилиндриками: еще одно ружье несколько дальше; мундир с ремнями, еще какие-то ремни на нижней ступеньке; фигуру, лежавшую у основания лестницы, — обнаженный человек, казавшийся более темным и мускулистым, чем атакующие.

Возбуждение Луиса усилилось невероятно. Было ли это тем, чего он действительно хотел все время? Не дроуд и электрод, а риск своей жизнью, чтобы доказать ее ценности! Луис отрегулировал летательный пояс и перевалился через перила.

Спускался он медленно. На ступенях людей не было, однако вещи валялись: какие-то предметы одежды, оружие, ботинки, еще

¹ Бездымный порох.

один спинной ранец. Луис продолжал спуск и внезапно понял, что нашел нужный уровень. Быстрая регулировка пояса позволила ему проскочить через дверной проем, по следу запаха, совершенно отличного от того, который Чмии назвал кордитом.

Теперь он находился вне башни, однако еще внутри низкого разрушенного здания, и едва не врезался в стену. Уронив от неожиданности фонарь, Луис усилил увеличение очков и повернулся вправо.

В дверном проеме лежала мертвая женщина — одна из атакующих; кровь из огнестрельной раны на груди образовывала лужу на полу. Луис почувствовал грусть... и настоятельную потребность, заставившую его перелезть через труп сквозь дверь и выбраться наружу.

Несмотря на облачный покров, усиленный свет Арки был достаточно ярким, и Луис тут же увидел атакующих и защитников. Бледные высокие фигуры вместе с более низкими и темными, на которых еще оставались остатки одежды — ботинок, головной убор или разорванная рубашка. Разбившись на пары и яростно совокупляясь, они не обращали внимания на парящего в воздухе человека.

Впрочем, у одной пары не было. Когда Луис остановился, она вытянула руку вверх и схватила его за лодыжку, не выказывая никакого страха. Серебристые волосы окаймляли очень бледное и прекрасное лицо, которое трудно было бы описать словами.

Луис выключил летательный пояс и опустился рядом с ней; ее руки пробежали по его странной одежде, словно спрашивая. Луис выпустил станнер, снял рубашку и летательный пояс — пальцы слушались с трудом, — потом противоударные доспехи и белье. Безо всяких ухищрений он овладел ею; его нетерпение превосходило ее предупредительность. Впрочем, она была не менее нетерпелива, чем он.

Луис не осознавал ничего, кроме себя и ее, и, конечно, не заметил, как Чмии присоединился к ним. Он понял это, только когда кзин ударил его любовницу по голове своим лазером. Покрытая мехом лапа чужака ухватила за серебристые волосы и дернула голову назад, вырвав ее зубы из горла Луиса Ву.

Глава 15

ЛЮДИ МАШИН

Порыв ветра швырнул пыль в лицо Луиса Ву и разметал его волосы, закрыв ими лицо. Луис откинул их и открыл глаза, увидев ослепительно яркий свет. Его ищущие руки обнаружили пластиковый ремень на шее, а затем очки, закрывающие лицо. Луис освободился от них.

Затем откатился от женщины и сел.

Без очков все выглядело тускло. Уже почти рассвело: линия терминатора делила мир на свет и тьму. Каждый мускул Луиса болел, он чувствовал себя так, словно его избили, но вместе с тем превосходно. Слишком много лет он занимался сексом лишь изредка, в качестве прикрытия, потому что электродники, как правило, не интересовались такими вещами. Прошедшая ночь перевернула все его душу.

А женщина? Ростом примерно с Луиса, довольно коренастая, не плоскогрудая, но и не грудастая. Черные волосы заплетены в длинные косы, а лицо покрывает бахрома бороды. Она спала сном уставшего человека и, надо сказать, заслужила его. Оба они заслужили. Только теперь он начал вспоминать, но в воспоминаниях его было немного смысла.

Он занимался любовью... с бледной стройной женщиной с красными губами. Зрелище своей крови на ее губах, чувство жгучей боли в шее оставило ему только страшное ощущение потери. Он завыл, когда Чмии повернул ее голову так, что хрустнула шея, и стал драться, когда кзин потащил его от мертвой женщины. Кзин сунул его подмышку, но Луис продолжал сопротивляться, пока Чмии искал в рубашке аптечку, а затем заклеивал пластырем его шею и убирал аптечку на место.

Потом Чмии перебил всех серебристоволосых мужчин и женщин, аккуратно пробив им головы ярко-красной иглой своего фонаря-лазера. Луис помнил, что пытался остановить его и был отброшен в сторону. Пошатываясь, поднялся он на ноги, заметил, что кто-то еще двигается, и направился к темноволосой женщине, единственной уцелевшей из защитников. Они кинулись друг другу в объятия.

Но почему они сделали это? Луис помнил пронзительные вопли, словно тигр готовился к схватке.

Феромоны, сказал он себе. А ведь они казались такими безвредными! Он встал и с ужасом осмотрелся. Повсюду лежали трупы: темные, с прокушенными шеями, и бледные, с кровью на губах и черными обугленными метками в серебристых волосах.

Оружия против них оказалось мало. Эти вампиры были хуже таспа: они испускали сверхраздражающее облако феромонов, сигнализирующих о сексуальной готовности. Вероятно, один из вампиров, или их пара, проникли в башню, и защитники бросились наружу, роняя оружие и срывая одежду, в спешке, которая даже заставила одного из них прыгнуть через перила и разбиться.

Но почему, когда вампиры умерли, он и темноволосая женщина?..

Ветер разметал волосы Луиса. Ах, да... Вампиры умерли, но они с женщиной еще находились в облаке феромонов. Они совокуплялись с бешенством...

— Если бы не поднялся ветер, мы бы до сих пор занимались ЭТИМ... Ненис, а где же я оставил... все свое?

Он нашел противоударные доспехи и летательный пояс, затем белье, разорванное в клочья. А как насчет рубашки? Тут Луис заметил, что глаза женщины открыты. Она вдруг села со страхом в глазах, который Луис хорошо понимал.

— Мне нужно найти рубашку, — сказал он ей, — там у меня переводчик. Надеюсь, Чмии не испугает тебя, прежде чем я...

Чмии... А как воспринял все это он?

Огромная рука Чмии обхватила череп Луиса и потянула назад, но человек продолжал цепляться за тело женщины и бил, бил... Перед глазами его маячило оранжевое звериное лицо, в ушах звучали пронзительные оскорбления. Он вел себя как безумец...

Чмии не появлялся. Рубашку Луис нашел довольно далеко от этого места, зажатую в мертвой руке вампира, но станнера нигде не было. К этому времени он уже беспокоился не на шутку. Что-то отвратительное всплыло в его памяти, и он бросился туда, где приземлился их корабль.

Обломок камня, слишком большой, чтобы его могли поднять трое мужчин, придавливал к земле целую кучу черной сверхпроводящей ткани: прощальный подарок Чмии.

А посадочная шлопка исчезла.

Рано или поздно мне придется смириться с этим, подумал Луис. Так почему бы не сейчас? Этому заклинанию, помогавшему оправиться от потрясения и горя, его научил друг. Иногда это срабатывало.

Он сидел на чем-то, бывшем некогда огражденной перилами верандой, превратившейся сейчас в засыпанную песком дорожку. Он снова надел противоударные доспехи и рубашку со всеми ее карманами, отгородившись одеждой от огромного и пустого мира. Но сделать это его заставила не благопристойность, а страх.

Все его стремления иссякли, и сейчас он просто сидел. Мысли текли безо всякой цели. Он думал о работающем дроуде, таком же далеком сейчас, как Земля от Луны, и о двухголовом чужаке, который не рискнет приземлиться даже ради спасения Луиса Ву, об инженерах Кольца и их идеализированной экологии, которая не включала ничего, подобного москитам или летучим мышам-вампирам, и постепенно его губы начали складываться в улыбку, превратившуюся в выражение на лице мертвеца, которое вовсе не было выражением.

Луис знал, куда отправился Чмии, и вновь улыбнулся, подумав, как мало хорошего из этого выйдет. Сказал ли ему об этом сам Чмии? Неважно. Выживание, потребность в совокуплении или

мести Хиндмосту — все это должно было вести Чмии в одном направлении. Но приведет ли его один из этих мотивов обратно, чтобы спасти Луиса Ву?

Впрочем, что значит один мертвец по сравнению с триллионами жителей Кольца, обреченных на скорое столкновение со звездой?

Ну хорошо, Чмии может вернуться. Луису же следует постараться каким-то образом добраться до летающего города. Они направлялись туда, и Чмии может ожидать найти Луиса там, если какой-то каприз приведет кзина обратно, за союзником, так обманувшим его. А может, Луис узнает что-то действительно важное. Или... просто проживет год или два, оставшиеся ему. Рано или поздно мне придется смириться с этим. Почему бы не сейчас?

В этот момент он услышал крик.

Черноволосая женщина оделась в шорты и рубашку, надела на спину ранец, а в руках держала пулевое ружье, направленное на Луиса. Второй рукой она сделала какой-то жест и закричала снова.

Каникулы кончились. Луис вдруг пронзительно остро ощутил, что его капюшон откинут на спину. Если она выстрелит в голову... Впрочем, он должен успеть надвинуть капюшон на лицо, и тогда неважно, выстрелит она или нет. Противоударные доспехи отразят пули, пока он будет бежать. Что ему действительно необходимо сейчас, так это летательный пояс.

— Хорошо, — с улыбкой сказал Луис и поднял руки. Союзник ему тоже необходим. Одной рукой он медленно достал из рубашки переводчик и укрепил его у горла. — Это будет говорить за нас, как только выучит язык.

Она махнула ружьем: иди впереди меня.

Луис подошел к летательному поясу, остановился и поднял его, стараясь не делать резких движений. Грянул выстрел, и камень в шести дюймах от ног Луиса отлетел в сторону. Он положил упряжь на место и отступил назад.

Ненис, она же все время молчит! Она решила, что он не говорит на ее языке, и потому молчит сама. Как может переводчик чему-нибудь научиться в таких условиях?

Держа руки на весу, он смотрел, как одной рукой она ощупывает пояс, второй направляя оружие примерно в его сторону. Если она коснется не тех рычажков, он лишится пояса и сверхпроводящей ткани. Наконец женщина положила пояс на землю, мгновение изучающе смотрела на Луиса, потом шагнула назад и махнула рукой.

Луис поднял летательный пояс. Когда она махнула рукой в направлении своей машины, он покачал головой и направился туда, где Чмии оставил акр или около того сверхпроводящей ткани, придавив ее валуном, слишком тяжелым, чтобы его можно было сдвинуть.

Винтовка не опускалась ни на секунду, пока он затягивал ремни упряжи вокруг камня и активировал летательный пояс. Затем обхватил руками камень (и упряжь из опасения, что она выскользнет) и потянул вверх. Камень поднялся. Луис повернулся на месте, отпустил его, и валун медленно опустился на землю.

Мелькнуло ли уважение в ее глазах, и к чему оно относилось: к его технологии или силе? Луис отключил пояс, поднял его вместе со сверхпроводящей тканью и пошел перед женщиной к ее машине. Она открыла двойную дверь в борту, Луис запихнул туда свою ношу и заглянул внутрь.

Вдоль трех бортов тянулись скамейки, в центре стояла крошечная печь, а в крыше имелось отверстие для дыма. Возле заднего сиденья — куча вещей, еще одно сиденье впереди, обращенное вперед.

Луис отступил, повернулся к башне и сделал шаг к ней, глядя на женщину. Та поняла, заколебалась, но все-таки разрешила ему идти.

Мертвецы уже начинали пахнуть, и Луис думал, что она захочет похоронить или сжечь их, но женщина шла мимо трупов, не останавливаясь. Тогда Луис остановился сам и сунул пальцы в серебристые волосы вампира.

Слишком много волос, а череп — чересчур мал. При всей красоте мозг ее был меньше человеческого. Луис вздохнул и пошел дальше. Так они прошли сквозь остов здания к лестнице башни и стали спускаться вниз. Мертвый мужчина ее вида лежал, разбившись о смятый пол, и фонарь-лазер лежал рядом с ним. Искося взглянув на женщину, Луис заметил слезы на ее глазах.

Он потянулся за фонарем-лазером, и она тут же выстрелила. Пуля рикошетом ударила его в бедро и отшвырнула в сторону, хотя доспехи и приняли удар на себя. Обернувшись, он смотрел, как она поднимает устройство.

Женщина нашла выключатель, и широкое пятно света легло на стену. Она поискала фокус, и луч сузился. Кивнув, она сунула фонарь в карман.

Возвращаясь к машине, Луис небрежно надвинул капюшон противоударных доспехов на лицо, как будто солнце светило слишком ярко. Могло оказаться, что женщина уже получила от него все, что хотела, или у нее мало воды, или же она просто не желает его общества.

Однако она не выстрелила в него, а просто забралась в машину и закрыла дверь на ключ. На мгновение Луис представил себя брошенным без воды и каких-либо инструментов, но женщина жестом подозвала его ближе, к окну по правую сторону, где находились

рычаги управления. Затем принялась объяснять ему, как управлять машиной.

Именно это и требовалось Луису. Он повторял слова, которые она произносила, и добавлял свои собственные. Рулевое колесо, поворот, стартер, ключ, регулятор, обратный регулятор. Жесты ее были достаточно красноречивы. Когда переводчик заговорил, обращаясь к ней, она удивленно уставилась на него, но все же продолжала урок языка. Потом открыла дверь, перебралась через сиденье назад, держа винтовку наготове, и сказала:

— Входи. Поехали.

Машина оказалась шумной и упрямой. Каждый выступ дороги отдавался в водительском сиденье, пока Луис не научился объезжать трещины, камни или песчаные наносы. Женщина молча следила за ним. Неужели она совсем не любопытна? Тут ему пришло в голову, что она потеряла дюжину своих спутников. Учитывая это обстоятельство, она вела себя достаточно хорошо.

Наконец она произнесла:

— Я — Валавирджиллин.

— А я — Луис Ву.

— Ваши устройства очень странны. Говоритель, подъемник, переменный свет... Что еще у вас есть?

— Ненис! Я оставил окуляры.

Она вынула очки из кармана.

— Я нашла их.

Точно так же она могла найти и станнер, но об этом Луис спрашивать не стал.

— Хорошо. Наденьте их, и я покажу, как ими пользоваться.

Она улыбнулась и покачала головой, видимо, боясь, что он сбегит от нее.

— Что вы делали в старом городе? Где нашли эти вещи?

— Они мои, я принес их с далекой звезды.

— Не шутите со мной, Луис Ву.

Луис взглянул на нее.

— Люди, построившие города, имели такие вещи?

— У них были предметы, которые говорят. И они могли поднимать здания в воздух; так почему бы не самих себя?

— Как быть с моим спутником? Видели вы подобных на Кольце?

— Он выглядел чудовищно. — Женщина покраснела. — У меня не было возможности разглядеть его.

Нет, она явно спятила.

— Почему вы направляете на меня винтовку? Пустыня — наш общий враг, нам нужна помощь друг друга.

— У меня нет причин верить вам. Кроме того, я думаю, что вы сумасшедший. Только Строители Городов могли путешествовать между звездами.

— Вы ошибаетесь.

Она пожала плечами.

— Мы так и будем ехать медленно?

— Мне нужно попрактиковаться.

Впрочем, Луис уже обрел некоторую сноровку. Дорога была прямой и не очень ухабистой, без какого-либо движения. Время от времени встречались песчаные наносы, но Валавирджиллин велела ему не притормаживать перед ними.

— Можете рассказать о летающем городе? — спросил Луис.

— Я никогда не была там. Его используют дети Строителей Городов. Они больше не строят и не управляют, но мы привыкли, что они содержат город. У них много посетителей.

— Туристов? Людей, которые приходят только взглянуть на город?

Она улыбнулась.

— По этой и другим причинам. Некоторых приглашают. А зачем вам знать такие вещи?

— Мне нужно добраться до летающего города. Далеко ли я смогу проехать с вами?

Теперь она рассмеялась.

— Думаю, что вас не пригласят туда. Вы никому не известны и не могущественны.

— Я что-нибудь придумаю.

— Я еду в школу у Возвращенной Реки. Там я должна рассказать о том, что произошло.

— А что произошло? Что вы делали в пустыне?

И она рассказала ему, хотя это оказалось нелегко. В словаре переводчика оказались пробелы, но, изрядно потрудившись, они заполнили их.

Люди Машин правили могущественной империей. Традиционно империи представляют собой группу почти независимых государств. Отдельные государства должны платить налоги и выполнять распоряжения императора, касающиеся, например, отношения к войне, борьбы с бандитизмом, технического контроля за коммуникациями и иногда официальной религии. В остальном они живут как считают нужным.

Все это было дважды верно для Империи Машин, где, к примеру, образ жизни плотоядных пастухов соперничал с жизненными привычками Травяных Гигантов, был полезен для торговцев, получающих от пастухов выделанные кожи, и никак не затрагивал гулов. На некоторых территориях различные виды сотрудничали, и все позволяли гулам свободно ходить по своим землям.

Впрочем, гул¹ — это было слово Луиса Ву, а Валавирджиллин

¹ ghou (англ.) — кладбищенский вор.

называла их как-то вроде ночных людей. Они являлись сборщиками отбросов и могильщиками, и потому Валавирджиллин не похоронила своих мертвых. Гулы умели говорить, и их можно было научить отправлять похоронные обряды в соответствии с местными религиями. Они являлись источником информации для Людей Машин; легенды утверждали, что они делали то же для Строителей Городов, когда те правили миром.

По словам Валавирджиллин, Империя Машин являлась торговой империей и взимала налоги только со своих собственных купцов. Чем больше она говорила, тем больше вопросов возникало у Луиса. Государства поддерживали дороги, которые связывали империю, если их граждане могли это делать, а к примеру, живущие на деревьях Висячие Люди не могли. Дороги обозначали границы между территориями, принадлежащими различным видам гуманоидов. Завоевательные войны с пересечением дорог запрещались, то есть дороги предотвращали войны (иногда!) просто своим существованием.

Империя имела возможность набирать армии для борьбы с бандитами и ворами. Крупные участки, захваченные торговыми постами, стремились стать полными колониями. Поскольку дороги и машины связывали империю, от государств требовалось перегонть химическое топливо и постоянно держать его в наличии. Империя покупала рудники, добывала свои собственные руды и распределяла права на производство механизмов в соответствии с имперскими спецификациями.

Имелись школы для торговцев. Валавирджиллин и ее спутники были студентами и преподавателями из школы у Возвращенной Реки и ехали в торговый центр, разделяющий джунгли Висячих Людей, торгующих орехами и сушеными фруктами, и земли Пастухов, предлагавших кожу и изделия из нее. (Нет, не маленьких краснокожих, какой-то другой вид.) По пути они сделали крюк, чтобы взглянуть в древний пустынный город.

Никто из них не ожидал встретить вампиров — откуда те могли брать воду в этой пустыне? Как они вообще попали сюда? Вампиры почти вымерли, за исключением...

— За исключением чего? Я не совсем понял.

Валавирджиллин покраснела.

— Некоторые старые люди держат беззубых вампиров для... для РИШАТРА. Может, так все и получилось: сбежала пара ручных вампиров или беременная самка.

— Вала, это отвратительно.

— Да, — холодно согласилась она. — Я никогда не слышала, чтобы кто-то признался, что держит вампиров. А разве там, откуда вы пришли, никто не делает ничего такого, что другие считали бы постыдным?

— Я как-нибудь расскажу вам о токовой наркомании. Но не сейчас.

Она изучила его поверх металлического рыла своего оружия. Несмотря на черную бахрому бороды вокруг подбородка, она выглядела вполне человеком... а не дикарем. Лицо ее было почти идеально квадратным, и Луис ничего не мог прочесть на нем. Это и понятно: человеческое лицо развивалось как сигнальное устройство, а эволюция Валы расходилась с его собственной.

— Что вы собираетесь делать теперь?— спросил он.

— Я должна сообщить о смертях... и сдать предметы из пустынного города. Это расточительство, но империи нужны устройства Строителей Городов.

— Я еще раз повторяю, что они принадлежат мне.

— Поехали.

Пустыня покрылась пятнами зелени, а теневой квадрат закрыл солнце, когда Валавирджиллин приказала ему остановиться. Луис с радостью повиновался. Его утомили сражение с дорогой и бесконечные попытки удержать машину на нужном направлении.

— Мы будем... обед,— сказала Вала.

Они уже привыкли к пробелам в переводе.

— Я не знаю этого слова.

— Это нагревание пищи, пока ее можно будет есть. Луис, вы умеете?..

— Стряпать.— Наверняка, у нее нет кастрюль без трения и микроволновой печи. А также мерных стаканов, сахара-рафинада, масла и специй, который он сумел бы узнать.— Нет.

— Тогда стряпать буду я. Разведите мне костер. Что вы едите? — Мясо, некоторые растения, фрукты, яйца, рыбу. Выходите и ждите.

— Как и мой народ, за исключением рыбы. Хорошо. Выходите же.

Она закрылась в машине и полезла назад. Луис расправил ноющие мускулы. Плавающая полоска солнца слепила глаза, но пустыню уже накрывала темнота. Вокруг росла коричневая трава да стояла группа высоких деревьев. Одно из них было белым и выглядело мертвым.

Женщина выбралась на воздух, бросив Луису под ноги тяжелый предмет.

— Нарубите дров и разведите огонь.

Луис поднял предмет: кусок дерева с лезвием из грубого железа, приделанным к его концу.

— Я не хочу показаться тупым, но что это такое?

Она назвала его.

— Нужно бить острым краем по стволу дерева, пока оно не упадет. Понятно?

— Топор.— Луис вспомнил боевые топоры в музее на Кзине, взглянул на предмет у своих ног, потом на мертвое дерево... и внезапно решил, что с него хватит.— Уже темно,— сказал он.

— Вы не видите в темноте? Держите.— И она бросила ему фонарь-лазер.

— Это мертвое дерево годится?

Она повернулась, показав ему приятный профиль, и винтовка повернулась вместе с ней. Луис настроил лазер на узкий луч высокой интенсивности и чиркнул яркой нитью света по ее винтовке. Вспыхнуло пламя, и оружие развалилось.

Открыв рот, женщина стояла, держа в руках два обломка.

— Я готов получать указания от друга и союзника,— сказал Луис,— но приказы мне надоели. Их было полно у моего покрытого мехом спутника. Будем друзьями.

Вала уронила обломки винтовки и подняла руки.

— В багажнике вашей машины достаточно винтовок и патронов,— сказал Луис.— Можете вооружиться.— Он повернулся и зигзагом повел луч по мертвому дереву. Дюжина ярко пылающих поленьев упала на землю. Луис подошел, пинками собрал их в кучу вокруг пня, потом поджег лазером и его.

Что-то с силой ударило его между лопаток, и противоударные доспехи на мгновение стали жесткими.

Луис немного подождал, но второго выстрела не последовало. Повернувшись, он направился к машине и Вале, и, подойдя, сказал:

— Никогда-никогда больше этого не делайте.

Бледная и испуганная, она выдавила:

— Не буду.

— Вам нужна какая-то помощь?

— Нет, я сама... Я промахнулась?

— Нет.

— Тогда почему?..

— Одно из моих устройств спасло меня. Я принес его с расстояния в тысячи раз больше того, которое свет проходит за фалан, и оно мое.

Женщина хлопнула в ладоши и отвернулась.

Глава 16

СТРАТЕГИЯ ТОРГОВЛИ

Вокруг росли растения, похожие на многозвенные зеленовато-желтые сосиски. Валавирджиллин порезала несколько из них в ко-

телок, добавила воды и стручков из мешка, лежавшего в машине. Потом поставила котелок на пылающие поленья.

Ненис, это Луис вполне мог сделать и сам. Видимо, обед будет довольно примитивный.

Солнце уже полностью исчезло, а группа звезд слева явно была летающим городом. Арка рассекала черное небо горизонтальной лентой, горящей голубым и белым цветом. Луис чувствовал себя так словно находится на некоей огромной игрушке.

— Хорошо бы немного мяса,— сказала Вала.

— Дайте мне очки,— попросил Луис.

Перед тем как надеть их, он отвернулся от костра и настроил световое усиление. Несколько пар глаз, следивших за ними из-за круга света, обрели очертания. Две крупные фигуры и одна поменьше оказались семьей гулов, но одно яркоглазое существо было небольшим и покрытым мехом.

Одним движением длинной яркой нити из своего фонаря-лазера Луис обезглавил его. Гулы отступили, о чем-то перешептываясь. Самка начала было подбираться к мертвому животному, но приближение Луиса остановило ее. Луис поднял добычу и вернулся обратно.

Вообще гулы вели себя довольно неуверенно, однако их место в экологии было вполне надежно. Вала рассказала ему, что, когда люди прилагали большие усилия для похорон или кремации своих мертвых, упыри нападали на живых и каждая ночь принадлежала им. Местные религии утверждали, что они могут становиться невидимыми, и даже Вала почти верила в это.

Впрочем, они не беспокоили Луиса. Да и почему? Сегодня Луис съест покрытое мехом животное, но однажды он сам умрет, и тогда упыри получат принадлежащее им.

Пока они следили за ним, он разглядывал животное: похожее на кролика, но с длинным плоскоконечным хвостом и вообще без передних лап. Не гуманоид — это хорошо.

Подняв взгляд, Луис заметил слабое фиолетовое пламя далеко слева.

Затаив дыхание, стараясь сохранить неподвижность, Луис довел до предела световое усиление и увеличение. Даже удары пульса в его висках размазывали изображение, но он знал, что видит. Усиление делало пламя режущим глаза, и оно слегка покачивалось, напоминая ракету, действующую в вакууме. Нижняя его часть срезалась прямой черной линией: гранью левой краевой стены.

Луис поднял очки. Даже после того, как глаза привыкли, фиолетовое пламя было едва заметно, но оно по-прежнему оставалось на месте. Очень слабое и... огромное.

Луис вернулся к костру и опустил животное к ногам Вала. Потом ушел в темноту справа и снова надел очки.

С этой стороны пламя казалось гораздо больше, разумеется, потому, что эта краевая стена находилась ближе.

Вала ободрала животное и положила в котел, не удаляя внутренней. Когда она закончила, Луис взял ее за руку и увел в сторону от костра.

— Подождите немного и скажите, видите ли вы голубое пламя?

— Да, я вижу его.

— Вы знаете, что это?

— Нет, но думаю, знает мой отец. Это то, о чем он не хочет говорить с тех пор, как вернулся последний раз из города. Кстати, их больше. Взгляните на основание Арки в направлении вращения.

Бело-голубое сияние горизонтальной полосы было слишком ярким, и Луис прикрыл его краем ладони, после чего с помощью очков нашел два маленьких огонька свечи на нижнем краю Арки и два на верхнем — еще более крошечные.

— Впервые это появилось семь фаланов назад, — сказала Валавирджиллин, — у основания Арки. Затем еще в направлении вращения, а потом эти большие огни слева и справа. Сейчас их двадцать один, но видны они всего два дня из каждого оборота, когда солнце ярче всего. — Луис, я не понимаю, что означает, когда вы делаете так. Это гнев, страх или облегчение? Расшифруйте, пожалуйста, изменения на вашем лице.

— Я и сам не знаю. Пусть будет облегчение. У нас больше времени, чем я думал.

— Времени для чего?

Луис рассмеялся.

— Вам еще мало доказательств моего безумия?

— Я сама решу, верить вам или нет, — сдержанно ответила женщина.

Луис рассердился. У него не было зла на Валавирджиллин, но характер она имела колючий и к тому же уже пыталась однажды убить его.

— Прекрасно. Если эту кольцеобразную структуру, на которой вы живете, предоставить самой себе, она налетит на теневые квадраты — объекты, заслоняющие солнце, когда наступает ночь, — через пять или шесть фаланов. Это убьет всех, так что, когда вы столкнетесь с самим солнцем, здесь не будет никого живого...

— И вы вздыхаете с облегчением? — воскликнула она.

— Спокойнее. Кольцо не предоставлено самому себе. Эти огни излучают двигатели для его движения. Мы сейчас почти в самой ближней к солнцу точке, и они работают в сторону солнца, пытаясь затормозить. Вот так. — Найдя палочку, он сделал для нее набросок на земле. — Понимаете? Они толкают нас обратно.

— Значит, мы не умрем?

— Эти двигатели недостаточно мощные, и все же какое-то

время они нас удержат. У нас будет от десяти до пятнадцати фалангов.

— Надеюсь, что вы безумец, Луис. Вам известно так много. Вы знаете, что этот мир — кольцо, а это тайна.— Она пожалала плечами, словно избавляясь от тяжелой ноши.— С меня достаточно. А теперь скажите, почему вы не предлагаете РИШАТРА?

Это его удивило.

— Надо полагать, вы часто занимались ею в прошлом?

— Это не забава. РИШАТРА — способ заключения перемирия.

— Вот как? Ну хорошо. Вернемся к костру?

— Конечно, нам понадобится свет.

Она отодвинула котелок подальше от пламени, чтобы пища готовилась медленнее.

— Нам нужно обсудить условия. Вы согласны не причинять мне вреда?— Она села перед ним на землю.

— Я согласен не причинять вам вреда, если вы не будете нападать на меня.

— Я иду на эту уступку. Что еще вам нужно от меня?

Она вела себя сухо, и Луис проникся важностью момента.

— Вы доставите меня так далеко, как сможете, руководствуясь своими нуждами. Полагаю, что до... э... Возвращенной Реки. Вы можете пользоваться моими вещами так же, как я сам. Вы не выдаете ни их, ни меня никаким представителям власти. Используя свои знания и возможности, вы дадите мне совет, как попасть в летающий город.

— Что вы можете предложить взамен?

Разве не была эта женщина целиком во власти Луиса Ву. Ну, да ладно.

— Я постараюсь найти способ спасти Кольцо,— сказал он и удивился, поняв, что действительно желает этого больше всего.— Если смогу, я сделаю это, независимо от того, во что это обойдется. Если я решу, что Кольцо спасти невозможно, я попытаюсь спасти себя и вас, если вас это устроит.

Она встала.

— Ваши обещания ничего не значат. Вы предлагаете мне свое безумие, как будто оно чего-то стоит!

— Вала, вы когда-нибудь имели дело с безумцами?— Луис откровенно развлекался.

— Я никогда не сталкивалась даже с нормальными чужаками! Я всего лишь студентка!

— Успокойтесь. Что еще я могу предложить вам? Знания? Я поделюсь ими и так. Мне известно, отчего остановились машины Строителей Городов и кто виноват в этом.— Предположение, что Строители Городов принадлежали народу Халрлоприллалар казалось вполне надежным.

— Новое безумие?

— Это вы решите для себя сами. А еще... я могу дать вам свой летательный пояс и очки, когда все кончится.

— А когда это произойдет?

— Когда и если мой спутник вернется.— В посадочной шлюпке имелся другой летательный пояс и комплект очков, предназначенный для Халрлоприллалар.— Или они станут вашими, когда я умру. А сейчас могу отдать вам половину своих запасов ткани. Полоски ее позволят вам отремонтировать некоторые из старых машин Строителей Городов.

Вала задумалась.

— Хотела бы я иметь больше опыта... Ну хорошо, я согласна на все ваши требования.

— А я согласен на ваши.

Она принялась снимать одежду и украшения, медленно, с видимым удовольствием. Вскоре Луис понял, что она освобождает себя от всего возможного оружия. Он подождал, пока она окажется совершенно обнаженной, затем последовал примеру, положив на землю фонарь-лазер, очки, части противоударных доспехов, добавив ко всему даже свой хронометр.

Затем они занялись любовью, впрочем, вряд ли это можно было назвать так: безумие прошлой ночи исчезло вместе с вампирами. Она спросила, какую позу он предпочитает, и Луис выбрал миссионерскую. Во всем этом было слишком много формальности, да, возможно, это и имелось в виду. Потом, когда она ходила помешать в котелке, он внимательно следил, чтобы женщина не оказалась между ним и его оружием. И чувствовал себя соответственно ситуации.

Когда она вернулась, он объяснил, что его вид может заниматься любовью больше одного раза.

Луис сел, скрестив ноги, и усадил Валу себе на колени, так что ее ноги плотно прижались к его бедрам. Они поглаживали друг друга, изучая и стараясь возбудить. Ей нравилось, когда ее спину царапали; спина у нее была мускулистой, торс шире, чем у Луиса, а бахрома бороды очень мягкая и приятная.

Они лежали в объятиях друг друга, и Вала ждала его рассказа.

— Даже если у вас нет электричества, вы должны знать о нем,— начал Луис.— У Строителей Городов оно приводило в движение машины.

— Да. Мы можем получать электричество с помощью текущей воды. Легенды говорят, что бесконечный поток электричества шел с неба до того, как пали Строители Городов.

Это было достаточно верно. На теневых квадратах имелись солнечные силовые генераторы, направлявшие потоки энергии в коллекторы Кольца. Разумеется, в коллекторах использовались сверхпроводящие кабели, и конечно же, они вышли из строя.

— Ну так вот. Если я введу очень тонкий проводник в определенное место своего мозга — а я так и сделал,— очень слабый электрический ток будет щекотать нервы этого центра удовольствия.

— На что это похоже?

— На питье напитков, не вызывающих похмелья и головокружения, на РИШАТРА или настоящий любовный акт, но без необходимости любить кого-либо, кроме самого себя, и без необходимости останавливаться. Но я остановился.

— Почему?

— Мой источник электричества попал к чужаку, и тот начал отдавать мне приказы. Но еще до этого мне стало стыдно.

— Строители Городов никогда не имели проводов в своих чрепах. Мы нашли их, когда изучали руины городов. Где практикуется этот обычай?— спросила она, потом вдруг откатилась в сторону и в ужасе уставилась на него.

Опять грех, о котором он сожалел особенно часто,— нужно держать язык на замке.

— Извините,— сказал он.

— Вы сказали, что полосы этой ткани могут... Что это за ткань?

— Она проводит электрический ток и магнитные поля безо всяких ограничений. Мы называем ее сверхпроводник.

— Да, именно это вышло из строя у Строителей Городов. Этот... сверхпроводник сгнил. И ваша ткань тоже сгниет, разве не так? Надолго ли ее хватит?

— Она не сгниет — это другой вид.

— ОТКУДА ВЫ ЗНАЕТЕ ЭТО, ЛУИС ВУ?— закричала она.

— Мне сказал Хиндмост. Это чужак, который доставил нас сюда против нашей воли. Он лишил нас возможности вернуться домой.

— Этот Хиндмост держал вас как рабов?

— Пытался. Люди и кзины были жалкими невольниками.

— Ему можно верить?

Луис скорчил гримасу.

— Нет. Он взял сверхпроводящую ткань и провод, когда бежал из своего мира. У него не было времени сделать их самому; должно быть, он знал, где хранятся их запасы. Точно так же с другой вещью, которую он привез с собой, трансферными дисками.— Едва закончив говорить, Луис понял: что-то не так, но лишь через несколько секунд понял, что именно.

Переводчик кончил говорить слишком быстро.

А затем заговорил совсем другим голосом:

— Луис, стоит ли сообщать ей такие вещи?

— Часть из этого она поняла сама,— ответил Луис.— Она обвинила меня в упадке городов. Верните мне мой переводчик.

— Могу ли я оставить вас с этим отвратительным подозрением? Ну почему мой народ считают таким злобным?

— Подозрением? Ах ты, сукин сын! — Вала стояла на коленях, глядя на него широко раскрытыми глазами и слушая, как он о чем-то невнятно говорит сам с собой. Она не могла слышать голос Хиндмоста в его наушниках.

Луис продолжал:

— Они выпиннули вас, Хиндмост, и вы побежали, захватив все, что смогли: трансферные диски, сверхпроводящие ткань и провод и сам корабль. С дисками было проще всего — у вас их производят миллионами, но где вы нашли запас сверхпроводящей ткани? И откуда знали, что она не сгниет на Кольце?

— Луис, зачем нам было делать такие вещи?

— Ради торговой выгоды. Верните мне мой переводчик!

Валавирджиллин встала, отодвинула котелок еще дальше от огня, помешала в нем, попробовала. Потом сходила к машине и вернулась с двумя деревянными чашками, которые наполнила с помощью черпака.

Луис с тревогой ждал. Хиндмост мог оставить его вообще без переводчика, а Луис не был силен в языках...

— Ну хорошо, Луис. Все это планировалось не так и произошло еще до меня. Мы искали возможность расширения своей территории с минимальным риском, и в это время Внешние продали нам расположение Кольца.

Внешние были холодными хрупкими существами, которые бродили по галактике на досветовых кораблях и торговали знаниями. Они вполне могли знать о Кольце и продать эту информацию кукольникам, но...

— Подождите минуту. Кукольники боятся космических полетов.

— Я преодолел этот страх. Если Кольцо действительно подходит нам, один космический перелет за всю жизнь — не такой уж большой риск. И разумеется, мы летели бы в статическом поле. Из рассказов Внешних и того, что мы узнали с помощью телескопов и автоматических зондов, Кольцо казалось идеальным решением. Требовалось изучить его.

— Фракции Эксперименталистов?

— Конечно. Однако мы еще не решались на контакт с такой могущественной цивилизацией, а сверхпроводники Кольца изучили с помощью лазерной спектроскопии. Затем мы создали бактерию, которая могла питаться ими, и зонды доставили эту чуму на Кольцо. Вы догадались об этом?

— Да.

— Мы должны были лететь следом на торговых кораблях и явиться как раз вовремя, чтобы все спасти. Попутно узнали бы все

необходимое и приобрели союзников.— В чистом и музыкальном голосе кукольника не было ни следа вины или хотя бы смущения.

Вала поставила чашки на землю и села по ту сторону их. Лицо ее оставалось в тени. С ее точки зрения, вряд ли можно было выбрать худший момент для прекращения перевода.

— А потом, надо полагать, на выборах победили Консерваторы,— сказал Луис.

— Это было неизбежно, потому что зонд обнаружил маневровые двигатели. Конечно, мы знали о нестабильности Кольца, но ждали каких-то более утонченных средств для борьбы с ней. Когда эти снимки стали известны общественности, правительство пало. У нас не было шансов вернуться на Кольцо, пока...

— Когда вы доставили сюда эту чуму?

— Тысячу сто сорок земных лет назад. Консерваторы правили шестьсот лет, а затем угроза со стороны кзинов вновь привела Эксперименталистов к власти. Когда момент показался мне подходящим, я отправил Несса и его команду на Кольцо. Если эта структура уцелела в течение одиннадцати веков, прошедших после падения культуры, поддерживавшей ее в порядке, она заслуживала изучения. Я мог отправить торговую и спасательную команду, но, к несчастью...

Валавирджиллин держала на коленях фонарь-лазер, направив его на Луиса Ву.

— ...К несчастью, структура оказалась поврежденной. Вы обнаружили метеоритные пробоины и эрозию поверхности. Сейчас это выглядит...

— Опасность. Опасность,— сказал Луис, стараясь, чтобы голос его звучал ровно. Как она сделала это? Он видел ее на коленях с парящими чашками тушеного мяса в каждой руке. Может, он висел у нее на спине? Впрочем, неважно. Главное, что она еще не выстрелила.

— Я слушаю вас.— сказал Хиндмост.

— Можете вы отключить фонарь-лазер?

— Я могу сделать лучше — взорвать его и убить того, кто его держит.

— А просто отключить?

— Нет.

— Тогда верните мне мой переводчик. И побыстрее.

Коробка заговорила на языке Людей Машин, и Вала тут же отозвалась:

— С кем или с чем вы говорили?

— С Хиндмостом, существом, которое доставило нас сюда. Могу я надеяться, что не буду атакован?

Она заколебалась, прежде чем ответить.

— Да.

— Тогда наше соглашение остается в силе и я по-прежнему собираю данные, нужные для спасения этого мира. У вас есть причины сомневаться в этом?— Ночь была теплой, но Луис чувствовал себя совершенно обнаженным.

Мертвый глаз лазера оставался мертвым.

— Раса Хиндмоста явилась причиной упадка городов?— спросила Вала.

— Да.

— Прервите переговоры,— приказала она.

— У него много наших инструментов, собирающих данные.

Вала задумалась, а Луис продолжал сидеть неподвижно. Две пары глаз посверкивали в темноте за ее спиной. Луис задумался, много ли слышат гулы своими ушами гоблинов и сколько из этого они понимают.

— Тогда пользуйтесь ими. Но я хочу знать все, что он говорит, сказала Вала.— Пока я даже не слышала его голоса. Может, это только ваше воображение.

— Хиндмост, вы слышите?

— Да.— Через ушные вкладыши Луис слышал интерволд, но коробка на его шее говорила на языке Валавирджиллин.— Я слышал ваше предложение этой женщине. Если вы можете найти способ стабилизировать структуру, сделайте это.

— Да, чтобы ваш народ мог использовать это место.

— Если вы собираетесь стабилизировать Кольцо с помощью моего оборудования, я могу рассчитывать на вознаграждение.

Валавирджиллин зарычала в ответ, а Луис быстро сказал:

— Вы получите то, что заслужили.

— Это мое правительство, под моим руководством, пыталось принести помощь на Кольцо одиннадцать веков назад, когда произошло повреждение. Вы должны убедить ее в этом.

— Я сделаю это, но с оговорками.— Луис заговорил, обращаясь к Вале: — По нашему договору вы должны считаться с тем, что вещь, которую держите,— моя собственность.

Она бросила ему фонарь-лазер, и Луис положил его рядом, чувствуя слабость от облегчения, а может, от усталости или голода.

— Хиндмост, расскажите нам о маневровых двигателях.

— Двигатели Баззарда смонтированы на кронштейнах на краевой стене, с промежутками в три миллиона миль — итого, две сотни установок на каждой краевой стене. Во время работы каждый из них собирает солнечный ветер в радиусе от четырех до пяти тысяч миль и уплотняет его электромагнитами, пока не начнется реакция, а затем выбрасывает обратно в виде ракетного выхлопа.

— Мы видели некоторые из них в действии. Вала говорит, что работают... двадцать один?— Женщина кивнула.— Значит, 95% потеряны,

— Вполне возможно. С нашего последнего разговора я получил голограммы сорока установок, и все они пусты. Подсчитать совместную тягу всех двигателей?

— Хорошо. И попытайтесь связаться с летающим городом. Скажите...

— Луис, я не могу отправить сообщение через краевую стену

— Конечно, нет, ведь это чистый скрит.

— Используйте корабль.

— Это может оказаться опасно.

— А как насчет зонда?

— Орбитальный зонд слишком далеко, чтобы перебирать частоты наугад.— С огромной неохотой Хиндмост добавил: — Я могу послать сообщение через оставшийся зонд. В любом случае я отправлю его через краевую стену для дозаправки.

— Хорошо. Но сначала посадите его на краевую стену как релейную станцию. Попробуйте связаться с летающим городом.

— Луис, у меня сложности с настройкой на ваш переводчик, а посадочную шлюпку я нашел почти в двадцати пяти градусах против направления вращения. Почему?

— Мы с Чмии разделились. Я направился к летающему городу, а он — к Великому Океану.

— Чмии не отвечает на мой вызов.

— Кзины превратились в жалких невольников. Хиндмост, я устал. Вызовите меня через двенадцать часов.

Луис поднял свою чашку и съел ее содержимое. Валавирджиллин не пользовалась никакими приправами, поэтому вареное мясо и корни не возбудили его вкусовых рецепторов, но ему было все равно. Он вылизал чашку дочиستا и еще нашел в себе силы принять противоаллергическую пилюлю. Затем забрался в машину и уснул.

Глава 17

ДВИЖУЩЕЕСЯ СОЛНЦЕ

Скамья в машине была жалким заменителем спальных пластин, да к тому же еще тряслась под ним. Луис по-прежнему чувствовал усталость. Он засыпал и просыпался, снова засыпал и снова просыпался...

На сей раз это оказалась Валавирджиллин, трясущая его за плечо. В голосе ее звучал сарказм:

— Ваш слуга осмелился прервать ваш отдых, Луис.

— Угу. А почему?

— Мы проделали большой путь, но в этих местах встречаются бандиты из Бегунов. Один из нас должен ехать с винтовкой в руках.

— А Люди Машин едят после пробуждения?

Она смутилась.

— Мне очень жаль, но есть нечего: Мы едим один раз, перед сном.

Луис надел противоударные доспехи и рубашку, вместе с Валой откинул металлическую крышку над печью. Затем встал на нее и обнаружил, что его голова и подмышки высунулись в дымовое отверстие.

— Как выглядят эти Бегуны?— спросил он.

— Ноги длиннее моих, большие груди, длинные пальцы. Могут быть с винтовками, украденными у нас.

Машина накренилась на повороте.

Они ехали по гористой местности, покрытой сухими кустами чаппареля. Арка виднелась и в свете дня, если вы искали ее специально, если же нет — терялась в голубизне неба. В туманной дали Луис разглядел город, парящий в воздухе, как что-то сказочное.

И все это выглядит как что-то сказочное.

И все это выглядит таким реальным, подумал он. Через два или три года все это, возможно, будет казаться сном наяву.

Он выудил переводчик из рубашки.

— Вызываю Хиндмоста. Вызываю Хиндмоста...

— Слушаю, Луис. Ваш голос как-то странно дрожит.

— Неровная дорога. Есть новости для меня?

— Чмии по-прежнему не отвечает на вызов, впрочем, как и граждане летающего города. Я без приключений посадил второй зонд в небольшое море; сомневаюсь, что кто-то сможет обнаружить его на дне. Через несколько дней «Горячая Игла Следствия» будет полностью заправлена.

Луис решил не сообщать Хиндмосту о Людах Моря. Чем безопаснее чувствует себя кукольник, тем меньше вероятность, что он откажется от своего проекта, Кольца и своих пассажиров.

— Я хотел кое-что у вас спросить. На ваших зондах находятся трансферные диски. Если вы отправите зонд за мной, я смогу просто шагнуть на «Иглу»? Верно?

— Нет, Луис. Эти трансферные диски связаны только с топливным баком «Иглы», а через их фильтры могут пройти лишь атомы дейтерия.

— А если вы отключите фильтры, смогут они пропустить человека?

— Вы все равно окажетесь в топливном баке. А почему вы спрашиваете? В лучшем случае вы избавите Чмии от недельного путешествия.

— Возможно, придется так поступить, если кое-что случится.— Кстати, почему Луис Ву должен покрывать делишки кзина? Однако

ему действительно не хотелось говорить об этом... К тому же это могло заставить кукольника нервничать.— Думаю, стоит спланировать свои действия на случай опасности.

— Я сделаю это. Луис, я обнаружил посадочную шлюпку в дне пути от Великого Океана. Что Чмии надеется найти там?

— Знания и чудеса, вещи новые и удивительные. Ненис, ему бы не пришлось лететь туда, знай мы, что там находится.

— Разумеется,— скептически заметил кукольник. Он отключился, и Луис, усмехаясь, убрал переводчик в карман. Что ожидал Чмии найти в Великом Океане? Любовь и армию! Если карта Джинкса населена бандерснатчами, то кто живет на карте Кзина?

Потребность в сексе, самозащита или месть — любая из этих причин должна привести Чмии на карту Кзина. Для Чмии безопасность и месть никогда не разделялись: если он не сумел возвыситься над Хиндмостом, как может он вернуться в известный космос?

Но даже с армией кзинов на что мог надеяться Чмии, выступая против Хиндмоста? Или он думал, что у них есть космический корабль? Луис не сомневался, что кзина ждет разочарование.

Впрочем, там наверняка были самки кзинов.

Существовало нечто такое, что Чмии мог сделать с Хиндмостом, но кзин, вероятно, не подумал об этом, а Луис не сказал ему, не уверенный, хочет ли он этого. Способ был слишком уж сильнодействующий.

Луис нахмурился: скептический тон кукольника встревожил его. О многом ли тот догадывается? Чужак был превосходным лингвистом, но все-таки чужаком, и такие нюансы не могли проникнуть в его речь случайно. Значит, они введены туда сознательно.

Ну ладно, время покажет. А пока карликовый лес по сторонам рос достаточно густо, чтобы скрыть согнувшегося человека. Луис повел глазами, изучая группы деревьев и складки местности впереди. Его противоударные доспехи останавливают снайперскую пулю, но что, если бандит выстрелит в водителя? Луис мог оказаться в ловушке среди калечащего металла и горящего топлива.

Он сосредоточил все свое внимание на пейзаже и... увидел, насколько тот красив. Прямые стволы пяти футов высотой кончались огромными цветами. Луис заметил птицу, сидевшую на цветке, птицу, похожую на большого орла, если не считать длинного и тонкого, как копье, клюва. Суставчатые корни, более крупные, чем он видел в свой первый визит сюда, образовывали местами настоящие изгороди. Здесь росли колбасные деревья, которые они ели прошлой ночью, там вдруг появилось облако бабочек, с такого расстояния очень похожих на земных.

И все это выглядело таким реальным. Защитники Пак делали все на совесть, не так ли? Но Пак непреклонно верили в свою работу и способность починить все - что угодно.

Все его предположения базировались на словах человека, умершего семьсот лет назад: зонника Джека Бреннана, познавшего Пак через одного индивидуума. Дерево жизни превратило Бреннана в защитника — бронированная кожа, второе сердце, развитый мозг и тому подобное. Это могло свести его с ума. Или Физпок мог оказаться нетипичным. А Луис Ву, вооруженный мнением Джека Бреннана о Физпоке и расе Пак, пытался думать подобно существу более разумному, нежели он сам.

Но в этом и заключался способ спасти Кольцо.

Чаппарель сменился плантациями колбасных деревьев, покрывавших холмы в направлении, противоположном вращению. Впереди показалась заправочная станция: химический завод с поселком вокруг него.

Вала окликнула Луиса снизу и сказала:

— Закройте дымовое отверстие, станьте сзади и не показывайтесь.

— Я вне закона?

— Вы слишком непривычны. Мне придется объяснять, почему вы едете со мной, а у меня нет хорошего объяснения.

Они остановились у глухой стены завода. Через окно Луис смотрел, как Вала торгуется с длинноногими и большегрудыми женщинами. Каждая из них носила длинные темные волосы, закрывавшие лоб и щеки, окаймляя крошечное Т-образное лицо.

Луис прятался за передним сиденьем, пока Вала загружала через пассажирскую дверь какие-то свертки. Вскоре они двинулись дальше.

Через час, оказавшись вдали от жилья, Вала съехала на обочину, и Луис покинул свой пост. Вала купила поесть: большую копченую птицу и чудесный напиток из огромных цветков. Луис набросился на птицу, потом спросил:

— А вы не едите?

Вала улыбнулась.

— Еще не ночь. Но я выпью вместе с вами. — Она взяла цветную стеклянную бутылку, обошла машину сзади и добавила в напиток прозрачной жидкости из топливного бака. Выпила сама, потом передала бутылку Луису. Тот глотнул.

Конечно, это был алкоголь, откуда на Кольце могла взяться нефть? Но установку для перегонки алкоголя можно строить везде, где есть растения для ферментации.

— Вала, бывает, что некоторые из... э... подчиненных вам рас употребляют это вещество в больших количествах?

— Иногда.

— И что вы делаете с ними?

Вопрос удивил женщину.

— Они учатся сами. Некоторые становятся никуда не годными из-за пьянства, и тогда, если нужно, они следят друг за другом.

Это была проблема электродников в миниатюре, с тем же решением: время и естественный отбор. Казалось, это не беспокоило Валу, и Луис не мог позволить, чтобы это беспокоило его.

— Далеко еще до города? — спросил он.

— Напрямик — три или четыре часа, но будут еще остановки. Луис, я думала над вашей проблемой. Почему бы вам просто не взлететь вверх?

— Я сделаю это, если никто не выстрелит в меня. Как вы думаете: начнут ли они стрелять в летящего человека, или позволят ему говорить?

Она еще глотнула из бутылки.

— Правила строги: никто, кроме Строителей Городов, не может войти без приглашения. Но никто еще и не влетал в город!

Она передала ему бутылку. Сладкий напиток походил на разбавленный водой гвоздичный сироп, но обладал необычайно сильным действием. Луис поставил бутылку на землю и посмотрел через очки на город.

Это было скопление вертикальных башен, раздражающе не подходящих друг к другу стилей: брусков, игл с заостренными концами, полупрозрачных пластин, многогранных призм, стройных конусов вершиной вниз. Некоторые здания сплошь покрывали окна, другие — были усеяны балконами. Грациозно изогнутые мосты или широкие прямые уклоны соединяли их на самых немыслимых уровнях. Даже если допустить, что кто-то построил такое намеренно, слишком гротескно это выглядело.

— Они, должно быть, собрались здесь с разных концов, — сказал он. — Когда энергия исчезла, некоторые здания перешли на независимые источники и собрались в одно место. Народ Прилл создал из них подобие города. Так все и было, верно?

— Никто не знает этого. Луис, вы говорите так, словно видели все своими глазами!

— Вы смотрите на это всю жизнь и не видите этого так, как я. — Он продолжал наблюдать.

От невысокого здания на вершине ближайшего холма, грациозно изгибаясь, к городу поднимался мост, кончавшийся у основания огромной, похожей на флейту колонной. Дорога из литого камня зигзагами вела к зданию на холме.

— Надо полагать, приглашенные гости идут через это место на вершине, а затем по летающему мосту.

— Разумеется.

— А что происходит там?

— Их обследуют в поисках запрещенных предметов, задают

вопросы. Если Строители Городов так разборчивы в своих приглашениях, почему нельзя нам? Иногда туда пытаются протащить бомбы, а однажды люди, нанятые Строителями Городов, хотели доставить им детали для ремонта их волшебных водосборников.

— Что?..

Вала улыбнулась.

— Некоторые еще работают, собирая воду из воздуха. Но ее мало, и мы качаем воду в город из реки. Если у нас возникают разногласия, они страдают от жажды, а мы остаемся без информации, которую они собирают. Это длится, пока не достигается соглашение.

— Информации? У них что, есть телескопы?

— Мой отец однажды рассказал мне об этом. У них есть комната, которая показывает, что происходит в мире, лучше, чем ваши очки. В конце концов, Луис, с высоты у них обзор больше.

— Я должен расспросить вашего отца обо всем этом. Как...

— Вряд ли это выполнимо. Он очень... он не...

— У меня неподходящий цвет лица?

— Да, он не поверит, что вы можете делать те вещи, которыми владеете, и должен будет забрать их.

Ненис!

— А что происходит, когда туристы возвращаются?

— Левая рука отца была исписана словами на языке, известном только Строителям Города. Эти надписи сверкали, как серебряная проволока; они не смывались, но через фалан или два исчезли сами.

Это скорее напоминало печатную схему, чем татуировку. Видимо, Строители Городов лучше контролировали своих гостей, чем те предполагали.

— Ну хорошо. А что делают гости, поднявшись наверх?

— Они обсуждают политику и делают подарки: пищу и кое-какие инструменты, а Строители Городов показывают им чудеса и занимаются с ними РИШАТРА.— Вала внезапно встала.— Нам пора ехать.

Бандитская территория осталась позади, и Луис сидел теперь впереди, рядом с Валой. Звук двигателя был такой же проблемой, как тряска, и чтобы говорить, приходилось повышать голоса.

— РИШАТРА? — выкрикнул Луис.

— Не сейчас, я за рулем.— Вала улыбнулась.— Строители Городов очень хороши в РИШАТРА. Они могут заниматься ей почти с любой расой. Это помогло им удерживать их древнюю империю. Мы используем РИШАТРА для торговли и для того, чтобы не иметь детей, пока не найдем супруга и не остепенемся, но Строители Городов никогда не отказываются от этого.

— Вы знаете кого-нибудь, кто может помочь мне получить приглашение? Скажем, ради моих машин?

— Только мой отец, а он не захочет.

— Тогда я полечу. Кстати, что находится за городом? Могу я просто зайти туда и взлететь?

— Под ним теневая ферма. Фермеры относятся к разным расам, и вы можете сойти за одного из них, если спрячете свои инструменты. Это грязная работа: вверху находится выход городской канализации, и сточные воды идут на удобрение. Все растения там — пещерные жители, те, что растут в темноте.

— Но... А, понимаю. Солнце никогда не движется, поэтому под городом всегда темно. Пещерные жители, говорите? Грибы?

Она изумленно смотрела на него.

— Луис, разве может солнце двигаться?

Он скорчил гримасу.

— Я забыл, где нахожусь. Простите.

— Разве может солнце двигаться?

— Нет, конечно, это планеты движутся. Наши миры — это вращающиеся шары, понимаете? Если вы живете на одном месте, кажется, что солнце поднимается с одной стороны неба и заходит на другой, а потом, когда кончится ночь, все повторяется. Для чего, по-вашему, инженеры Кольца создали теневые квадраты?

Машина завияла по дороге: Вала была потрясена, лицо ее побледнело.

Очень мягко Луис спросил:

— Слишком много странного сразу?

— Не в том дело. — Она издала странный кашляющий звук — попытка рассмеяться? — Теневые квадраты, пародирующие смену дня и ночи на сферических мирах... Я действительно надеюсь, что вы безумец. Луис, что тут можно сделать?

Нужно было что-то отвечать, и он сказал:

— Я думаю пробить дыру в дне одного из Великих Океанов незадолго до того, как он окажется на кратчайшем расстоянии от солнца, и позволить части воды вырваться в пространство. Отдача должна толкнуть кольцо назад. Хиндмост, вы слышите?

Ответило ему идеальное контральто:

— Вряд ли это осуществимо.

— Конечно, нет. Во-первых, как мы потом заткнем дыру? Во-вторых, Кольцо начнет раскачиваться, а раскачивание этого огромного мира, вероятно, убьет всю жизнь, а кроме того, лишит его атмосферы. Но я попытаюсь, Вала, я попытаюсь.

Она вновь издала тот странный звук и покачала головой.

— По крайней мере, планы у вас великие!

— Что, если какой-нибудь враг отстрелит большинство маневровых двигателей? Инженеры не могли построить Кольцо, не запланировав чего-то на этот случай. И я должен узнать об этом побольше. Доставьте меня в летающий город, Вала!

ТЕНЕВАЯ ФЕРМА

На дороге стали попадаться другие машины: большие и малые ящики с окнами, каждый с меньшим ящиком сзади, сама дорога расширилась и стала ровнее. Теперь заправочные станции встречались чаще и демонстрировали прочную угловатую архитектуру Людей Машин. Машин становилось все больше, и Вала снизила скорость.

Дорога перевалила через гору, и внизу показался город. Возвращенная Река начиналась с ряда доков вдоль берега широкой коричневой Змеиной Реки, и этот центральный район сейчас выглядел трущобами. Берега реки соединяли несколько мостов, и город имел вид круга с выкушенным из него куском — тенью летающего города.

Ящики на колесах окружали их теперь со всех сторон, в воздухе пахло спиртом. Машина едва тащилась, и Луису пришлось пригнуться пониже. У других водителей имелось достаточно возможностей разглядеть странно сложенного человека со звезд, однако они этого не делали. Они не видели ни Луиса, ни даже друг друга, казалось, их интересуют только другие машины. И Вала продолжала ехать в центр города.

Узкие трех- и четырехэтажные дома стояли тесно, почти без промежутков и тянулись вверх, к солнечному свету. Общественные здания были низкими, широкими и массивными, занимая обширные пространства. Они спорили за землю, а не за высоту — все равно летающий город нависал над всеми.

Вала показала Луису торговую школу — большой комплекс каменных зданий, — а за ней перекресток.

— Мой дом находится там. Видите, из литого розового камня?

— По любому вопросу обращаться туда?

Она покачала головой.

— Думаю, что нет. Мой отец не поверит вам. Он считает, что большинство утверждений даже Строителей Городов — хвастливая ложь. Я тоже так думала, но после вашего рассказа об этой... Халрлоприллалар...

Луис рассмеялся.

— Она была лжецом, но ее народ не управлял Кольцом.

Они миновали Возвращенную Реку и продолжали движение. Вала проехала еще несколько миль, пересекла последний из мостов, выбрала почти непросматриваемый участок дороги слева от огромной тени и остановилась.

Выйдя вдвоем в слишком яркий солнечный свет, они работали в полной тишине. Луис, воспользовавшись летательным поясом, под-

нял солидных размеров валун, а Валавирджиллин выкопала яму на том месте, где он лежал. В эту яму они уложили большую часть черной ткани Луиса, засыпали ее снова, и Лиус опустил камень обратно.

Затем он сунул летательный пояс в ранец Валы и попробовал надеть его на спину. В ранце уже лежали его противоударные доспехи, рубашка, очки, фонарь-лазер и бутылка нектара, так что он раздулся и весил немало. Луис поставил ранец на землю, настроил пояс на небольшую подъемную силу, положил под крышку переводчик и снова надел ранец.

Одет он был сейчас в подпоясанные куском веревки шорты Валы, слишком большие для него. В его облике не осталось ничего от звездного путешественника, за исключением ушных вкладышей переводчика, но этот риск был неизбежен.

Там, куда они направлялись, они ничего не могли разглядеть: слишком ярок был день и слишком темна и глубока тень.

Наконец они вступили в ночь.

Вала без труда находила дорогу, и Луис следовал за ней. Когда его глаза привыкли к темноте, он заметил, что среди поросли тянется узкая тропа.

Грибы здесь росли самые разные: от размеров с пуговицу до гигантов высотой с Луиса и на ножке толщиной с его талию. Некоторые имели форму грибов, у некоторых формы не было вообще. В воздухе пахло гнилью. Сквозь бреши между зданиями наверху опускались вертикальные колонны света, такие яркие, что казались твердыми.

Люди вокруг были почти так же различны, как грибы. Здесь Бегуны спиливали двуручной пилой огромный эллиптический гриб с оранжевой бахромой, там маленькие широколицые люди с большими руками наполняли корзины белыми пуговкай. Травяные гиганты относили корзины прочь. Вала шепотом комментировала:

— Большинство видов предпочитает держаться группами, для защиты от культурного шока. Мы поддерживаем их стремление.

Два десятка людей разбрасывали навоз и перегнивший мусор; Луис почувствовал это по запаху задолго до того, как они подошли ближе. Неужели это соотечественники Валы? Да, это были Люди Машин, но в стороне стояли двое с винтовками в руках.

— Кто это? Залюченныe?

— Залюченныe, осужденныe за мелкые преступлениe. Двадцать или пятьдесят фаланов они служат обществу своим трудом... — Она остановилась — один из охранников направлялся к ним.

Он приветствовал Валу и сказал:

— Леди, вам нельзя находиться здесь. Эти сортировщики дерьма могут счесть вас подходящим залючником.

Вала устало ответила:

— Моя машина сломалась. Мне нужно добраться до школы и рассказать о том, что случилось. Пожалуйста, разрешите мне пройти здесь. Всех моих спутников убили вампиры, и об этом нужно сообщить. Пожалуйста...

Охранник заколебался.

— Хорошо, идите, но я дам вам эскорт. — Он просвистел короткую музыкальную фразу, потом повернулся к Луису:

— Кто вы?

Вала ответила за него:

— Я взяла его, чтобы донес мой ранец.

Охранник заговорил медленно и отчетливо:

— Ты пойдешь с леди, куда она захочет, но останешься в теневой ферме. Потом займешься тем, что делал прежде. Что это было?

Без переводчика Луис не мог ничего ответить. Он подумал было о лазере, похороненном в ранце, потом положил руку на гриб с лавандовой бахромой и указал на сани, груженные такими же грибами.

— Хорошо. — Охранник взглянул поверх плеча Луиса. — Ага.

Запах сказал Луису все еще до того, как он повернулся. Он покорно ждал, пока охранник инструктировал пару гулов.

— Отведите леди и ее носильщика к дальнему краю теневой фермы. Охраняйте их.

Они шли цепочкой по тропе, уходившей к центру фермы: самец-гул впереди, самка — сзади. Запах гнили становился все сильнее, по другим дорожкам мимо проезжали сани с удобрением.

Кровь и ненис! Как же ему избавиться от гулов?

Луис оглянулся, и женщина-гул усмехнулась ему. Она явно не замечала запаха. Зубы ее были большими треугольниками, отлично приспособленными, чтобы рвать, а уши гоблина настороженно торчали вверх. Как и мужчина, она носила большую сумку на ремне через плечо и ничего больше; густые волосы покрывали большую часть их тел.

Вскоре они дошли до широкой полосы чистой почвы, за которой находилась яма. Туман, поднимавшийся над ней, скрывал дальний берег. Труба сливала в эту яму сточные воды, и Луис взглядом продлил ее наверх, к черному небу.

Женщина заговорила ему на ухо, и Луис едва не подпрыгнул — она пользовалась языком Людей Машин.

— Что подумает вождь гигантов, если узнает, что Луис и Ву — одно и то же?

Луис изумленно таращился на нее.

— Вы немы без вашего маленького ящика? Стоит ли беспокоиться! Мы к вашим услугам.

Мужчина что-то сказал Вале, та кивнула, и они свернули с тропы. Луис с женщиной последовал за ними.

Вала злилась, запах, видимо, досаждал ей, и уж наверняка он досаждал Луису.

— Киреф говорит, что это свежие стоки. Через фалан они дозреют, трубу уберут и начнут вывозить их на удобрение. До тех пор сюда никто не придет.

Она сняла ранец со спины Луиса и вытряхнула его содержимое. Луис потянулся за переводчиком (уши гулов встали торчком, когда его рука приблизилась к фонарю-лазеру) и спросил:

— Много ли знают Ночные Люди?

— Больше, чем мы думали.— Казалось, Вала хочет сказать что-то еще, но она промолчала.

Вместо нее заговорил самец.

— Через несколько фаланов этот мир должен погибнуть. Только Луис Ву может спасти нас.— Он улыбнулся, показав белые клинообразные зубы.

— Ваш сарказм неуместен,— сказал Луис.— Вы верите мне?

— Странные события могут вызвать необходимость в пророчестве безумца. Мы знаем, что у вас есть вещи, которых нет больше нигде. Ваша раса тоже неизвестна. Однако этот мир велик, и мы не знаем всего о нем. Раса вашего покрытого мехом друга еще более странна.

— Это не ответ.

— Для всех кроме нас! Мы не смеем вмешиваться.— Усмешка гула почти исчезла, однако губы его еще не сомкнулись. (Для этого требовалось сознательное усилие. Эти его большие зубы...) — Почему нас должно беспокоить ваше безумие? Деятельность других видов редко пересекается с нашими жизнями, но в конце концов все они попадают к нам.

— Я начинаю думать, не вы ли подлинные правители этого мира.— Луис сказал это из дипломатических соображений, но затем с беспокойством задумался, не так ли это на самом деле.

— Многие виды могут утверждать, что правят этим миром или своей частью его,— ответила женщина.— Но можем ли мы требовать лесные кроны Висячих Людей? Или безвоздушные высоты Народа Сливных Гор? И кому могут понадобиться наши владения?

— Где-то находится Ремонтный Центр этого мира,— сказал Луис.— Вам известно, где он?

— Несомненно, вы правы,— сказал самец,— но мы не знаем, где это может быть.

— Что вам известно о краевой стене? О Великих Океанах?

— Здесь слишком много морей, и я не знаю, которое вы имеете в виду. А вдоль краевой стены была какая-то деятельность, прежде чем появилось большое пламя.

— Что?! Какого рода деятельность?

— Множество устройств поднимали оборудование даже выше

уровня Народа Сливных Гор. Там было множество Строителей Городов и Людей Сливных Гор, и много других видов, но в меньшем числе. Они работали на самом верхнем крае мира. Может, вы скажете нам, что все это значит?

Луис был ошеломлен.

— Ненис, они, должно быть...— Монтировали маневровые двигатели, но он не хотел говорить об этом. Такая энергичная деятельность и так близко плохо подействует на нервы кукольника.— Вашим посланцам пришлось преодолеть большое расстояние.

— Свет движется быстрее нас. Повлияли эти новости на ваше предсказание гибели?

— Боюсь, что нет.— Это хорошо, что где-то работает ремонтная команда, но они почти упустили время.— Однако с этим большим пламенем у нас будет не семь или восемь фаланов, а больше.

— Хорошие новости. А что вы будете делать сейчас?

На мгновение Луису захотелось забыть о летающем городе и иметь дело только с гулами, однако он зашел слишком далеко, а кроме того, гулы были повсюду.

— Я дождусь ночи, а затем поднимусь вверх. Вала, ваша доля ткани в машине. Буду очень обязан, если вы не покажете ее никому и не расскажете обо мне в течение... думаю, двух оборотов хватит. Мою долю можете выкопать через фалан, если никто не придет за ней. А я взял вот это.— Он похлопал по карману, куда сунул квадратный ярд сверхпроводящей ткани, свернутой до размеров носового платка.

— Я не хочу, чтобы вы брали это в город,— сказала Вала.

— В конце концов, они решат, что это просто ткань, и я не собираюсь их разубеждать,— ответил Луис, и это была ложь. Он собирался использовать сверхпроводник.

Гулы внимательно смотрели, как он снимал шорты, дополнительные штрихи к его описанию, которое поможет им найти место на Кольце, где живет его вид. Луис надел противоударные доспехи.

Женщина вдруг спросила:

— Как вы убедили женщину из Людей Машин, что не безумны?

Вала рассказала ей, пока Луис надевал рубашку и очки и убирал в карман свой фонарь-лазер. Улыбки гулов почти исчезли, и женщина спросила:

— Вы можете спасти этот мир?

— Не рассчитывайте на меня, а попытайтесь найти Ремонтный Центр. Расспрашивайте, попробуйте поговорить с бандерснатчами — большими белыми зверями, которые живут в крупном болоте в направлении вращения.

— Мы знаем их.

— Хорошо. Вала...

— Я иду сейчас сообщить, как умерли мои спутники. Возможно,

мы больше не встретимся, Луис. — Валавирджиллин подняла пустой ранец и быстро зашагала прочь.

— Мы должны сопровождать ее, — сказала женщина-гул, и они тоже ушли.

Они не пожелали ему удачи — почему? Впрочем, все они могли быть фаталистами, и удача ничего не значила для них.

Луис взглянул на город наверху. Ему очень хотелось подняться сейчас же, немедленно, но лучше все-таки дожидаться ночи.

— Хиндмост, вы меня слышите? — произнес он в переводчик. По-видимому, нет.

Луис вытянулся под грибом — у земли воздух казался чище — и стал задумчиво потягивать напиток из бутылки, оставленной Валой.

Кто же такие гулы? Их положение в экологии казалось вполне очевидным, но тогда, как они сохранили свой разум? И зачем им вообще разум? Возможно, при необходимости они защищали свои прерогативы или уважительное отношение к себе. Исполнение тысяч местных религиозных обрядов также требовало живости ума.

И еще одно: как они могли помочь ему? Существовал ли где-то гуловский анклав¹, помнящий источник средства бессмертия, которое, предположительно, вырабатывалось из корней дерева жизни?..

Впрочем, не все сразу. Сначала — город.

Колонны света становились все прозрачнее, потом исчезли совсем. На твердом небе вспыхнули сотни освещенных окон, но прямо над ним ничего не было: кто захочет жить над выгребной ямой? (А может, кто-то не может позволить себе освещения?)

Теневая ферма казалась покинутой: Луис слышал только ветер. Поднявшись, он увидел далекие огни, мерцающие, как свет костра: жилища фермеров вдоль периметра.

Луис коснулся ручки подъема на своем поясе и взлетел.

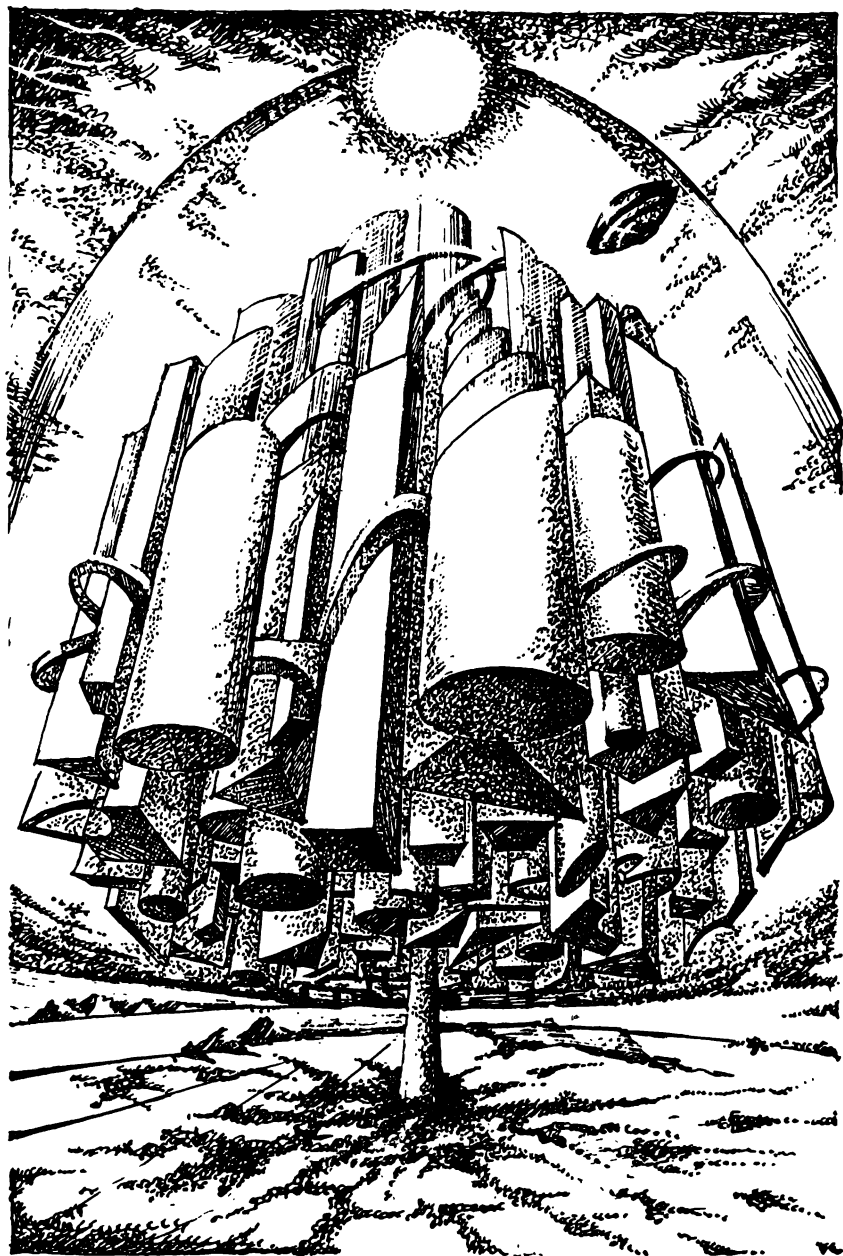
Г л а в 19

ЛЕТАЮЩИЙ ГОРОД

Где-то на высоте тысячи футов воздух заметно посвежел, и летающий город окружил Луиса. Он обогнул тупой конец перевернутой башни: четыре уровня темных окон и гараж под ними. Большая дверь гаража была закрыта и заблокирована. Луис кружил вокруг в поисках разбитого окна, но не нашел ни одного.

Эти окна уцелели в течение одиннадцати веков, так что вряд ли

¹ Замкнутая группа.

ему удастся разбить хоть одно. К тому же, он не хотел входить в город как какой-нибудь взломщик.

Вместо этого он продолжил подъем вдоль канализационной трубы, надеясь добраться до жилых помещений. Вокруг потянулись неосвещенные скаты и уклоны. Луис подлетел к дорожке и сел на нее, теперь он чувствовал себя менее заметным.

Вокруг никого не было. Широкая лента литого камня изгибалась вокруг зданий вправо и влево, вверх и вниз, вытягивая в стороны свои ответвления. Несмотря на тысячу футов пустого пространства внизу, ограждений не было, видимо, народ Халрлоприллалар стоял ближе к своему прошлому, нежели люди Земли. Луис двинулся к огням, стараясь держаться в центре дорожки.

Где же все? Город выглядит очень странно, подумал Луис. Жилых домов множество, как и дорог между ними, но где торговые центры, театры, бары, места для прогулок, парки, кафе на тротуарах? Никто не рекламировал себя, все сидели, укрывшись за стенами.

Одно из двух: либо нужно найти кого-то, кому можно представиться, либо спрятаться. Как насчет той стеклянной пластины с темными окнами? Если он сможет войти сверху, можно быть уверенным, что здание покинуто.

Кто-то шел по дорожке навстречу ему.

— Вы меня понимаете? — спросил Луис и услышал свои слова, переведенные на язык Людей Машин.

Чужак ответил на том же языке:

— Нельзя ходить по городу в темноте. Можно упасть.

Он подходил все ближе, глаза его были огромны; явно не Строитель Городов. В руках он держал длинный тонкий жезл, а за его спиной горели огни, поэтому Луис ничего не мог разглядеть.

— Покажите свои руки, — сказал пришелец.

Луис обнажил левую руку, разумеется, безо всяких татуировок.

— Я могу починить ваши водосборники, — сказал он фразу, которую планировал сказать с самого начала, но жезл уже хлестнул его.

На мгновение он коснулся его головы, и Луис отпрянул назад. Прокатившись немного, он вскочил на ноги, пригнувшись и вскинув руки вверх, однако слишком поздно, чтобы блокировать удар. Жезл опустился ему на голову, перед глазами Луиса вспыхнули огни, и он рухнул вниз.

Он падал, и ветер ревел вокруг него. Даже для человека почти бессознательного связь была очевидна. Луис в панике забился в темноте. Пробоина в корабле! Где я? Где метеоритный пластырь? А мой скафандр? Аварийный выключатель?

Выключатель... Он наконец вспомнил, руки его метнулись к груди, нашли рычаги управления летательным поясом и резко повернули ручку подъема.

Пояс рванулся вверх, перевернув его ногами вниз. Луис постарался избавиться от тумана в голове, потом взглянул вверх. Сквозь брешь в темноте виднелась солнечная корона, пылавшая вокруг теневого квадрата, а дальше — густая тьма, опускавшаяся, чтобы раздавить его. Он вновь повернул ручку подъема, прервав его резкое движение вверх.

Безопасность.

В животе у него бурлило, голова болела; требовалось время, чтобы подумать. Ясно, что его прибытие оказалось неудачным. Но если охранник скинул его с дорожки... Луис похлопал по карманам: все на месте. Почему же охранник сначала не ограбил его?

Луис почти вспомнил ответ: он прыгнул, уклоняясь от жезла, покатился и... оказался в воздухе. Это придавало ситуации иную окраску. Что ж, попробуем еще раз.

Он подлетел к городу, направляясь к его краю, но не очень далеко. Вдоль периметра горело слишком много огней, а возле центра находился двойной конус, полностью темный. Нижняя его вершина была тупой и имела отверстие, в которое Луис и вплыл.

Оказавшись внутри, он усилил увеличение своих очков. Интересно, почему он не сделал этого раньше? Неужели удар по голове заставил его поглупеть?

Луис помнил, что у народа Прилл — Строителей Городов — имелись летающие машины, но здесь машин не было. Он нашел ржавый металлический рельс, тянувшийся вдоль пола, грубый, без подлокотников стул в дальнем конце и места для зрителей: три ряда скамей по каждую сторону от рельса. Дерево было старым, металл крошился от ржавчины.

Ему пришлось осмотреть стул, прежде чем он понял. Тот был устроен так, чтобы катиться по рельсу и опрокидываться в самом конце. Луис нашел помещение для казни, с мерами предосторожности для аудитории.

Окажется ли наверху зал для судебных заседаний? И тюрьма? Луис уже почти решил попытать счастья в другом месте, когда могильный голос произнес из темноты на языке, которого он не слышал двадцать три года.

— Пришелец, покажи свои руки. Двигайся медленно.

И снова Луис сказал:

— Я могу починить ваши водосборники, — и услышал, как переводчик говорит на языке Халрлоприллалар. Видимо, его заранее ввели в память.

Человек стоял в дверях на вершине лестницы. Ростом с Луиса, с горящими глазами и с оружием, похожим на то, которым пользовалась Валавирджиллин.

— Ваши руки пусты. Как вы попали сюда? Для этого нужно летать.

— Да, я летаю.

— Поразительно. Это оружие?

Должно быть, имелся в виду фонарь-лазер.

— Да. Вы очень хорошо видите в темноте. Кто вы?

— Мар Корссил, женщина из Ночных Охотников. Положите ваше оружие.

— Нет.

— Я не хочу убивать вас. Ваше утверждение может оказаться правдой...

— Так оно и есть.

— Я не хочу будить своего хозяина и не позволю вам пройти через эту дверь. Положите ваше оружие.

— Нет. Один раз на меня уже нападали этой ночью. Может, вы закроете дверь, чтобы никто из нас не мог открыть ее?

Мар Корссил бросила за дверь что-то, зазвеневшее при падении, и закрыла ее за собой.

— Полетайте за меня,— сказала она. Голос ее по-прежнему оставался могильным басом.

Луис поднялся на несколько футов, затем опустился снова.

— Впечатляет.— Мар Корссил спустилась по ступеням, держа оружие наготове.— Мы можем поговорить; нас найдут только утром. Что вы предлагаете и чего хотите?

— Прав ли я, предполагая, что ваши водосборники не работают? Они испортились после упадка городов?

— На моей памяти они никогда не работали. Кто вы?

— Луис Ву. Мужчина. Мой вид называется — Звездные Люди. Я пришел издалека, от звезды, слишком слабой, чтобы ее разглядеть. У меня есть вещество для ремонта, по крайней мере, части водосборников этого города, а спрятал я еще большее его количество. Возможно, я смогу вернуть вам и освещение.

Мар Корссил изучала его голубыми глазами, большими, как очки. У нее были внушительные когти на пальцах и зубы оленя, похожие на лезвия топора. Кто же она — грызун, охотящийся на хищников?

— Если вы можете починить наши машины,— сказала она,— это хорошо. Что касается починки их в других зданиях, это решит мой хозяин. Что вы хотите?

— Мне нужны знания. Доступ туда, где город держит карты, хроники, рассказы...

— Не ждите, что мы отправим вас в Библиотеку. Если ваше утверждение правда — то вы слишком ценны. Наше здание не богато, но мы можем покупать знания из Библиотеки, если у вас есть какие-то конкретные вопросы.

Луис все яснее понимал: летающий город был городом не больше, чем Греция Перикла — одной нацией. Здания не зависели друг от друга, и он попал не туда, куда хотел.

— А в каком здании Библиотека? — спросил он.

— На левом по направлению вращения краю, конус вершиной вниз... А почему вы спрашиваете?

Луис коснулся груди, поднялся и двинулся к ждущей снаружи ночи.

Мар Корссил выстрелила, и Луис упал, распластавшись на полу. На груди его вспыхнуло пламя, он закричал, рывком стащил с себя упряжь и откатился в сторону. Панель управления поясом горела дымным желтым пламенем с голубовато-белыми вспышками.

Фонарь-лазер Луис держал в руке, направляя на Мар Корссил, но Ночная Охотница, казалось, не замечала этого.

— Не заставляйте меня делать это снова, — сказала она. — Вы ранены?

Эти слова спасли ей жизнь, но Луис должен был что-то сжечь.

— Положите оружие, или я разрежу вас пополам, — сказал он. — Вот так. — Луч лазера перечеркнул стул для казней, тот вспыхнул и развалился.

Мар Корссил не двигалась.

— Я просто хотел покинуть ваше здание, — продолжал Луис, — но вы заперли меня здесь. Теперь я войду внутрь, но выйду при первой же возможности. Положите оружие или умрете.

Женский голос с вершины лестницы произнес:

— Положите оружие, Мар Корссил.

Ночная Охотница повиновалась.

Женщина спустилась вниз. Она была выше и тоньше Луиса, с крошечным носом и почти невидимыми губами. Макушка ее была лысой, однако густые белые волосы рассыпались по спине, спускаясь из-за ушей и с затылка. Луис подумал, что белые волосы — знак возраста. Женщина не выказывала страха перед ним.

— Вы правите здесь? — спросил он.

— Я и мой законный супруг. Меня зовут Лалискарирлиар. А вы назвали себя Лувиву?

— Довольно похоже.

Она улыбнулась.

— Здесь есть глазок. Мар Корссил доложила из гаража о необычном происшествии, и я пришла посмотреть и послушать. Сожалею о вашем летающем устройстве. Во всем городе нет подобных.

— Если я почию ваш водосборник, вы меня отпустите? И еще мне нужен совет.

— Удивляюсь вашим попыткам торговаться. Справитесь ли вы с охранниками, ждущими снаружи?

Луис почти смирился с мыслью, что придется пробиваться, но попытался еще раз. Пол, похоже, был сделан из обычного литого камня, и Луис описал лазерным лучом круг, после чего кусок камня в ярд исчез в ночи. Улыбка Лалискарирлиар увяла.

— Возможно, вы справитесь. Все будет, как высказали. Мар Корссил, идем с нами, останавливай любого, кто попытается вмешаться. Оружие пусть лежит здесь.

Они поднимались по спиральному эскалатору, который давно не действовал, и Луис насчитал четырнадцать лестничных маршей. Он уже начинал подумывать, что ошибся, определяя возраст Лалискарририар. Женщина поднималась быстро, и дыхания ее хватало еще и на разговор. Однако ее лицо и руки покрывали морщины.

Это зрелище беспокоило Луиса, и он никак не мог привыкнуть к нему, хотя, конечно, умом понимал, что это знак возраста и знак ее предка — защитника расы Пак.

Они поднимались в свете фонаря-лазера Луиса. Из дверных проемов выглядывали люди, но Мар Корссил отправляла всех обратно. Большинство были Строителями Городов, но встречались и другие виды.

Эти люди служат семье Лиар много поколений, объяснила женщина. Семейство ночных сторожей Мар было когда-то полицейскими при судье Лиар; повара из Людей Машин служили почти так же долго. Слуги и хозяева считали себя одной семьей, связанной периодическими РИШАТРА и давней верностью. По ее словам, Дом Лиар насчитывал тысячу человек, половина из которых была связана со Строителями Городов.

На полпути вверх Луис остановился у окна. Хотя, постойте, окно на лестнице, проходящей через центр здания? Это была голограмма, вид вдоль одной из краевых стен, с узкой полосой ландшафта Кольца. Одно из последних сокровищ Лиар, с гордостью и сожалением сказала Лалискарририар. Остальные проданы сотни фалангов назад, чтобы заплатить за воду.

Луис вдруг поймал себя на том, что тоже говорит. Он был настроен, зол и устал, но в старой женщине было нечто, располагавшее к разговору. Она знала о планетах и не сомневалась в его правдивости, она слушала внимательно и так походила на Халрлоприллалар, что Луис рассказал о ней. О бессмертной корабельной проститутке, жившей как полубезумная богиня, пока не появились Луис Ву и его пестрая команда, как она помогла им, как бросила ради них свою разрушенную цивилизацию и как несчастная умерла.

— И поэтому вы не убили Мар Корссил? — спросила Лалискарририар, а Ночная Охотница посмотрела на него большими голубыми глазами.

Луис рассмеялся:

— Возможно.

Он рассказал им о своем покорении пятна солнечников, стара-

тельно избегая опасных моментов, поскольку считал, что нет смысла упоминать о ждущем этот мир столкновении с солнцем.

— Я хочу покинуть ваш мир, зная, что не причинил ему вреда. Недалеко у меня спрятан запас этой ткани... Ненис, как же я теперь доберусь до него?

Когда они достигли вершины спирали, Луис тяжело дышал. Мар Корссил открыла дверь, за которой оказалась еще одна лестница.

— Вы ночник? — спросила Лалискарирлиар.

— Что? А, нет.

— Тогда лучше дождаться дня. Мар Корссил, ступай, распорядись о завтраке. И пришли Вил с инструментами. Потом можешь спать.

Когда Мар Корссил послушно побежала вниз по лестнице, старая женщина села на древний ковер, скрестив ноги.

— Полагаю, нам придется работать снаружи, — сказала она. — Не понимаю, ради чего вы рискуете. Ради знаний? А каких?

Лгать ей было трудно, но Хиндмост мог подслушать разговор.

— Вам известно что-нибудь о машине, превращающей один вид материи в другой? Воздух в почву, свинец в золото?

Она заинтересовалась.

— Говорят, древние волшебники умели превращать стекло в алмазы. Но это все детские сказки.

Так, об этом хватит.

— А как насчет Ремонтного Центра этого мира? Есть какие-то легенды об этом? Рассказы о его положении?

Женщина удивилась.

— Как если бы мир был искусственной вещью, увеличенной версией города?

Луис засмеялся.

— Гораздо большей. Гораздо-гораздо-гораздо большей. Нет?

— Нет.

— А лекарство бессмертия? Я знаю, что оно реально, Халрлоп-риллар принимала его.

— Оно было реально, но сейчас его нет ни в городе, ни в одном из мест, о которых я знаю. Эту историю очень любят... — переводчик использовал в этом месте слово на интерволде, — жулики.

— А есть рассказы о том, откуда оно взялось?

Молодая женщина, пыхтя, поднялась по лестнице, принесла неглубокую чашу. Опасения Луиса быть отравленным исчезли без следа. Чашу заполняла какая-то тепловатая масса, похожая на овсянку, ее ели руками из одной посуды.

— Это ваше лекарство пришло с направления вращения, — сказала старая женщина, — но я не знаю, издалека ли. Это и есть знание, за которым вы пришли?

— Одно из нескольких. — Кажется несомненным, подумал Луис,

что в Ремонтном Центре должно быть дерево жизни. Интересно, как они управлялись с ним? Действительно ли ни одно человеческое существо не хочет стать защитником? Но ведь могут быть гуманоиды, которые... Ладно, эти головоломки могут подождать.

Вил оказался крепким гуманоидом с обезьяноподобным лицом, одетым в простыню, чей первоначальный цвет съело время. К тому же он почти не говорил. Вил повел их вверх по последнему лестничному маршу, неся свой ящик с инструментами.

Вскоре они оказались на вершине трубы, висевшей на усеченной вершине двойного конуса. Ширина ее не превышала фута. Луис затаил дыхание; после уничтожения летательного пояса у него имелись причины бояться высоты. Ветер, набросившийся на них, развеивал простыню Вила, подобно трепещущему многоцветному флагу.

— Ну? — сказала Лалискарирлиар. — Можете вы починить это?

— Только не отсюда. Машины должны находиться внизу.

Так оно и было, но добраться до них оказалось нелегко. Ход, по которому они ползли, был всего на несколько дюймов шире Луиса Ву. Вил полз впереди, вскрывая панели.

Ход имел форму пончика, окружая механизмы, располагавшиеся вокруг трубы. Несомненно, вода стекала по ней. Простая конденсация или у них имелось что-то более изощренное?

Устройства, скрывавшиеся под панелями, располагались очень плотно и были совершенно непонятны для Луиса Ву. Все они сияли чистотой, за исключением... ага... Он пригляделся, стараясь не дышать. Проволочно-тонкий червячок пыли тянулся через механизм, и Луис попытался определить, откуда он упал. Оставалось надеяться, что остальные механизмы исправны.

Луис отполз назад, позаимствовал у Вила толстые перчатки и плоскогубцы с игольно-тонкими концами, отрезал полоску черной ткани и свернул ее. Затем натянул между двумя контактами и закрепил. Ничего не произошло.

Луис продолжил движение по кругу, следом за Вилом. Всего он нашел шесть тонких полосок пыли, отрезал шесть кусков сверхпроводника и поместил в нужные места.

Наконец Луис, извиваясь, выбрался из лаза.

— Разумеется, ваши источники энергии должны быть давно мертвы, — сказал он.

— Нужно посмотреть, — ответила старая женщина и стала подниматься по лестнице на крышу. Луис и Вил шли следом.

Ровная поверхность трубы казалась теперь как бы затуманенной. Луис встал на колени и потянулся потрогать ее. Мокрая. И вода теплая. Она уже капала и лилась вниз по трубам. Луис задумчиво кивнул: еще один добрый поступок, который станет бессмысленным через пятнадцать фалангов.

ЭКОНОМИКА ЛИАР

Прямо под пережимом Дома Лиар находилось помещение, напоминавшее одновременно гостиную и спальню. Огромная круговая кровать с балдахином, диваны и стулья вокруг больших и малых столов, стена картин-окон, бар, рассчитанный на широкий выбор напитков. Однако этого выбора не было. Лалискарирлиар налила из хрустального графина в кубок с двумя ручками, пригубила и передала Луису.

— Вы устраиваете здесь приемы? — спросил он.

Она улыбнулась.

— В некотором роде. Семейные собрания.

Оргии что ли? Очень похоже, если именно РИШАТРА удерживает семью Лиар. В тяжелые времена семьи разрушаются. Луис глотнул из кубка — нектар с примесью топлива. По чашкам и тарелкам здесь ничего не делили — из страха быть отравленным? Но она сделала это так естественно. К тому же на Кольце не было болезней.

— То, что вы сделали для нас, улучшит наше положение и умножит капитал, — сказала Лалискарирлиар. — Простите.

— Мне нужно добраться до Библиотеки, войти в нее и убедить людей, которые ею владеют, допустить меня ко всем их знаниям.

— Это очень дорого.

— Но все же возможно? Хорошо.

Она улыбнулась.

— Слишком дорого. Отношения между зданиями сложны. Десятка держит в руках торговлю с туристами...

— Какая Десятка?

— Десять крупных зданий, Луиву, наиболее могущественных среди нас. В девяти из них еще есть свет и действуют водосборники. Они вместе построили мост к Небесному Холму. Так вот, они держат в руках торговлю с туристами и платят меньшим зданиям за гостеприимство, оказываемое их гостям, за пользование всеми общественными местами, заключают все договоры с другими видами, например, с Людьми Машин на поставку нам воды. Мы платим Десятке за воду и особые услуги. Ваши услуги должны быть действительно особыми... хотя мы платим Библиотеке обычную плату за образование.

— Библиотека входит в Десятку?

— Да. Луиву, у нас нет денег. Есть ли у вас возможность оказать Библиотеке услугу? Возможно, ваши исследования помогут им, и тогда часть платы будет компенсирована услугой. Можете вы продать им ваше световое оружие или машину, которая говорит за вас?

— Думаю, лучше этого не делать.
— Можете вы починить другие водосборники?
— Возможно. Вы сказали, что один из Десятки не имеет работающего водосборника. Тогда почему он в нее входит?
— Дом Орлри был в Десятке с самого упадка городов. Традиция.

— А чем он был, когда рухнули города?
— Складом оружия.— Она игнорировала сдавленный смех Луиса.— У них нежные чувства к оружию. Ваш световой излучатель...

— Я боюсь отдавать вам его. Но, может, они захотят, чтобы их водосборник заработал?

— Я узнаю, какую плату они запросят за ваш вход в Дом Орлри.

— Вы шутите?

— Нисколько. За вами нужно следить, чтобы вы не унесли оружия. Нужно заплатить, чтобы увидеть древнее оружие, и дополнительно за демонстрацию его действия. Узнав его технические возможности, вы можете догадаться о его слабостях. Я узнаю цену.— Она встала.— А теперь займемся РИШАТРА?

Луис ждал этого, и не внешний вид Лалискарирлиар заставил его заколебаться. Он боялся снимать свои противоударные доспехи и все инструменты. Он помнил пьесу о древнем короле, размышляющем на своем троне: я безумец, но вполне ли я безумец?

Кроме того, было уже слишком поздно ложиться спать! Лучшее, что он мог сделать, поверить Лиар.

— Хорошо,— сказал он и принялся снимать доспехи.

Возраст необычайно обогатил Лалискарирлиар. Луис знал древнюю литературу, предшествовавшую закрепителю. По ней возраст был калечащей болезнью, но эта женщина не была калекой. Кожа висела на ней, ее члены сгибались не так хорошо, как у Луиса, но она была неутомима в любви и в своем интересе к его телу.

Прошло много времени, прежде чем он смог заснуть. С трудом ему удалось открутиться от рассказа о пластине под своими волосами, он не хотел, чтобы она напоминала ему об этом. У Хиндмоста имелся работающий дроуд... и Луис ненавидел себя за то, что желал его.

Проснулся он вечером. Постель дважды встряхнулась, он заморгал и заворочался. Перед ним стояли Лалискарирлиар и мужчина из Строителей Городов, тоже в возрасте.

Лалискарирлиар представила его как Фортаралисплиар, своего супруга и хозяина этого дома. Он поблагодарил Луиса за ремонт древнего механизма и пригласил разделить с ним завтрак, уже

стоявший на столе: большая чаша тушеного мяса, слишком мягкого, на вкус Луиса.

— Дом Орлри просит больше, чем у нас есть,— сказал Фортаралисплиар Луису.— Мы купили для вас право входа в три соседних с нами здания. Если вам удастся починить хотя бы один из их водосборников, мы сможем войти в Дом Орлри. Это годится?

— Превосходно. Мне нужны машины, которые не работали одиннадцать сотен лет и которые не пытались ремонтировать.

— Да, жена рассказала мне.

Луис покинул их, когда стало темно. Правда, они предложили ему присоединиться к ним, и постель была достаточно большой для этого, но он уже выспался и отдохнул.

Огромное здание напоминало могилу. С верхних этажей Луис хотел понаблюдать за движением по лабиринту мостов, но не заметил никого, кроме редких большеглазых Ночных Охотников.

— Вызываю Хиндмоста,— сказал он.

— Да, Луис. Нужен перевод?

— Нет, мы одни. Я в летающем городе. Потребуется день или два, чтобы попасть в Библиотеку. Кстати, я здесь заперт — мой летающий пояс уничтожен.

— Чмии по-прежнему не отвечает.

Луис вздохнул.

— Какие еще новости?

— Через два дня мой первый зонд закончит облет краевой стены, и я смогу направить его в летающий город. Хотите, чтобы я поговорил с его обитателями? Мы в этом деле мастера. По крайней мере, я придам достоверность вашему рассказу.

— Я дам вам знать. А что с маневровыми двигателями Кольца? Новые монтируются?

— Нет. Из тех, что вам известны, все двадцать один действуют. Вы их видите?

— Отсюда нет, Хиндмост, не могли бы вы изучить физические свойства скрита, материала, из которого сделано основание Кольца? Прочность, гибкость, магнитные свойства?

— Я работаю над этим, ведь краевая стена доступна моим приборам. Скрыт гораздо плотнее свинца и скритовое основание Кольца, вероятно, менее ста футов толщины. Я покажу вам свои данные, когда вы вернетесь.

— Хорошо.

— Луис, если потребуется, я могу обеспечить ваше перемещение. Сделать это будет легче, если удастся связаться с Чмии.

— Замечательно! А каким образом?

— Вам нужно дожидаться моего зонда, затем вы получите дальнейшие инструкции.

Еще какое-то время после того, как отключился Хиндмост, Луис

разглядывал почти пустой город. Чувствовал он себя подавленно: один в пришедшем в упадок здании, в переставшем развиваться городе, без друда...

Голос за его спиной произнес:

— Вы сказали моей хозяйке, что вы не ночник.

— Привет, Мар Корссил. Мы пользуемся электрическим освещением, и некоторые из нас придерживаются странного распорядка дня. И вообще, мой день короче вашего.— Луис повернулся.

Разумеется, большеглазая женщина не направляла на Луиса своего оружия.

— Последнее время,— сказала она,— продолжительность дня меняется, и к этому трудно привыкнуть.

— Согласен.

— Кто говорил с вами?

— Двухголовый монстр.

Мар Корссил повернулась и вышла. Возможно, обиделась. Луис Ву остался у окна, вспоминая свою долгую и богатую событиями жизнь. Он отказался от надежды вернуться в известный космос, он отказался от друда. Возможно, пришло время отказаться от... чего-то большего.

Дом Чкар был пластиной литого камня, покрытой балконами, одну его стену разворотили взрывы, открыв местами металлический скелет здания. Водосборник с небольшим уклоном размещался на крыше, и один из взрывов забрызгал каплями металла расположенные внизу механизмы. Луис сомневался, что его ремонт поможет, и так оно и оказалось.

— Это моя вина,— сказала Лалискарирлиар.— Я забыла, что две тысячи фаланов назад Дом Чкар сражался с Домом Орлри.

Дом Пант имел форму луковницы, висящей вершиной вниз. Луис предполагал, что первоначально в нем размещался оздоровительный клуб: повсюду были бассейны, парилки, массажные столы, гимнастические залы. Казалось, что в этом месте изобилие воды. Легкий, полузабытый запах щекотал ноздри Луиса...

Пант тоже сражался с Орлри, после чего остались воронки от взрывов. Лысый молодой человек по имени Арриверкомпант поклялся, что водосборник никогда не был поврежден. Луис обнаружил полоски пыли в механизмах и контакты над ними, а когда закончил ремонт, на круговой крыше начали формироваться капли воды, стекающие затем по водосточным канавкам.

Здесь возникли сложности с оплатой: Арриверкомпант и его люди предложили РИШАТРА, обещающая заплатить позже. (Луис тем временем узнал запах, щекотавший его нос и память. Он оказался в доме с плохой репутацией, и где-то рядом находились вам-

пиры.) Лалискарирлиар хотела наличных немедленно, и Луис развил ее аргументы. Он высказал мысль, что Десятке не понравится, когда Пант перестанет покупать воду, и они будут рады возможности содрать с него куш за мошенничество. Арриверкомпант заплатил.

Дом Джиск имел форму куба с колодцем в центре и был наполовину пуст. Судя по царившему там запаху, Луис понял, что Джиск чрезмерно ограничивает свое потребление воды. Луис осмотрел механизмы водосборника, быстро проделал необходимые операции, и они заработали. Джиск заплатил немедленно, валяясь при этом в ногах у Лалискарирлиар и не обращая внимания на слугу с инструментами в руках. Ну и ладно.

Фортаралисплиар был великолепен: он сунул две пригоршни металлических монет в карман Луиса, объяснив это сложным этикетом взятки. Эти иносказания довели переводчик Луиса до предельного напряжения.

— Завтра мы с вами пойдем в Дом Орлри,— сказал Фортаралисплиар.— Если сомневаетесь в успехе — ничего не делайте. Сделку я беру на себя.

Дом Орлри находился на левом краю города. Луис и Фортаралисплиар не спешили и, поднявшись повыше, чтобы лучше видеть, осматривали город.

— Кусочек цивилизации уцелел даже после упадка,— сказал Фортаралисплиар и указал на Риле, здание, бывшее некогда императорским дворцом,— прекрасное, но покрытое шрамами. Император пытался претендовать на власть в городе, когда прибыл Дом Орлри... Колонна, похожая на греческую и не поддерживающая ничего, кроме себя самой, была Ченком, некогда торговым центром. Без запасов, сосредоточенных в нем — в магазинах, ресторанах, на складах одежды, постельного белья и даже игрушек для торговли с Людьми Машин,— город давно умер бы. От основания Ченка вела спиральная дорога к Небесному Холму.

Дом Орлри представляя собой диск сорока футов толщиной и четырехсот шириной и внешне напоминал пирог. Массивная башня на одном краю с тщательно продуманным размещением вооружения, огороженных перилами платформ и грузовых кранов, напоминала Луису капитанский мостик большого линейного корабля. К единственному входу вела широкая дорога. Вдоль верхнего края здания виднелись сотни маленьких выступов, и Луис предположил, что это камеры или другие датчики, причем давно не работающие. Окна в стенах проделали после того, как здание поднялось в воздух, и стекла были плохо подогнаны.

Фортаралисплиар надел желтую с пурпурным мантию из какого-то растительного волокна: грубую по стандартам Луиса, но издалека

достаточно величественную. Следом за ним Луис вошел в большое приемное помещение. Здесь горел свет, но мерцающий: на потолке размещались десятки алкогольных ламп.

Одиннадцать Строителей Городов обоих полов ждали их. Одеты они были почти одинаково: в широкие брюки с узкими манжетами и яркие накидки, края которых покрывали несимметричные вырезы — знак ранга? Беловолосый мужчина, улыбаясь вышедший им навстречу, носил самую изрезанную накидку и был вооружен.

— Я решил лично взглянуть на человека, способного дать нам воду из водосборника, умершего пять тысяч фаланов назад, — сказал он Фортаралисплиару.

Пистолет в его плечевой пластиковой кобуре был небольшим и изящным по форме, но даже он не мог придать Филистранорлри воинственного вида. Небольшое лицо мужчины выражало счастливое любопытство, пока он изучал Луиса Ву.

— Выглядит он довольно необычно... Ну да ладно, вы платите. Посмотрим. — И он сделал жест солдатам.

Они обыскали Фортаралисплиара, потом Луиса, нашли у него фонарь-лазер, опробовали и вернули обратно. Их удивление вызвал переводчик, и Луису пришлось объяснить:

— Он говорит за меня.

Филистранорлри даже подскочил.

— Действительно! Вы продадите его? — спросил он у Фортаралисплиара.

И тот ответил:

— Это не мое.

— Без него я буду нем, — сказал Луис, и, похоже, хозяин Орлри принял это объяснение.

Водосборник оказался уклоном в центре широкой крыши Дома Орлри, а трубы под ним были слишком узки для Луиса. Даже сняв противоударные доспехи, он не смог бы протиснуться в них, поэтому не стал и пытаться.

— Кто делает за вас ремонт? — спросил Луис. — Мыши?

— Висячие Люди, — ответил Филистранорлри. — Нам приходится покупать их услуги. Дом Чилб должен прислать их сюда. Есть ли другие проблемы?

— Да. — К этому времени механизмы были уже достаточно знакомы ему: Луис починил три водосборника и оказался бессилен в четырех случаях. Сейчас он видел нужную пару контактов, но пыли под ней не было. — Их уже пытались ремонтировать раньше?

— Полагаю, да. Но кто может знать точно, спустя пять тысяч фаланов?

— Хорошо, подождем ремонтников. Надеюсь, они смогут выпол-

нить мои указания.— Ненис! Кто-то давно умерший уничтожил путеводные полоски пыли, но Луис не сомневался, что справится...

— Хотите посмотреть наш музей? — спросил Филистранорлри.— Вы заплатили за это право.

Луис никогда не любил оружие и потому определил лишь принципы, на которых действовали орудия убийства, стоявшие в стеклянных ящиках и за стеклянными стенами. Большинство из них использовали метательные снаряды взрывного действия, некоторые выстреливали серии крошечных пуль, взрывавшихся в теле врага. Несколько имевшихся лазеров были массивными и громоздкими; когда-то их наверняка монтировали на тракторах или летающих платформах.

Вскоре появился один из Строителей Городов с полудюжиной рабочих. Ростом они были Луису по грудь, их головы казались слишком большими для их тел, а пальцы рук почти касались пола.

— Думаю, просто потеряем время,— сказал один из них.

— Сделайте все как надо, и вам заплатят в любом случае,— ответил Луис, и маленький человек усмехнулся.

Ремонтники носили платья без рукавов, но со множеством карманов, набитых инструментами. Когда солдаты хотели обыскать их, они скинули платья и отошли в сторону — вероятно, не любили, когда к ним прикасались.

Луис шепнул Фортаралисплиару:

— Ваши люди занимаются с ними РИШАТРА?

Строитель Городов захихикал:

— Да, но осторожно.

Висячие Люди собрались вокруг Луиса Ву, глядя поверх его плеч, как он тянется к механизмам руками в изолирующих перчатках.

— Видите контакты? Завяжите эту полоску ткани здесь... и здесь. Всего должно быть шесть пар контактов, найти их можно по полоскам пыли внизу.

Когда ремонтники исчезли за поворотом трубы, Луис сказал хозяевам Орлри и Лиар:

— Мы никогда не узнаем, если они совершат ошибку. Хорошо бы проверить их работу.— О других опасениях он не сказал ни слова.

Наконец Висячие Люди вернулись, и все заторопились на крышу: рабочие, солдаты, хозяева и Луис Ву. Там они долго смотрели, как сгустившийся туман конденсируется и вода стекает к центру уклона.

Шестеро Висячих Людей знали теперь, как ремонтировать водосборник полосками черной ткани.

— Я хочу купить эту ткань,— сказал Филистранорлри.

Ремонтники вместе с хозяином уже исчезли на лестнице, веду-

щей вниз, а Филистранорлри и десять солдат преграждали Луису и Фортаралисплиару дорогу к ней.

— Я не собираюсь продавать,— ответил Луис.

Сереброволосый солдат спокойно произнес:

— В таком случае вы останетесь здесь, пока не надумаете. Если будете упрямиться, я потребую продать и говорящий ящик тоже.

Луис ожидал чего-то подобного.

— Фортаралисплиар, может ли Дом Орлри держать вас здесь силой?

Глядя в глаза хозяину Орлри, тот ответил:

— Нет, Луис. Неприятности будут слишком велики. Меньшие здания объединятся, чтобы освободить меня. Под угрозой бойкота Десятка превратится в Девятку.

Филистранорлри рассмеялся.

— Меньшие здания испугаются жажды...— И тут улыбка его исчезла, как будто перейдя на лицо Фортаралисплиара: Дом Лиар мог сам торговать водой.

— Вы не сможете задержать меня. Театры Чкара и удобства Панта закроются для вас, а гостей будут сталкивать с уклонов.

— В таком случае идите.

— Я забираю с собой Луиса.

— Он останется здесь.

— Возьмите деньги и уходите,— сказал Луис.— Это лучший вариант для всех заинтересованных.— Он сунул руку в карман, положив ее на фонарь-лазер.

Филистранорлри протянул небольшую сумку. Фортаралисплиар принял ее, пересчитал содержимое, затем прошел мимо солдат и начал спускаться по лестнице. Когда он скрылся из виду, Луис нагнул капюшон своих противоударных доспехов на лицо.

— Я предлагаю хорошую цену — двенадцать... — что-то непонятное.— Вы не будете обмануты,— сказал Филистранорлри, сделал знак солдатам, и они побежали.

По краю крыши тянулось ограждение высотой по грудь: зигзагообразная железная перекладина, изогнутая на манер коленчатых корней. Далеко внизу виднелась теневая ферма. Луис побежал вдоль ограждения, направляясь к выходявшей из здания дороге. Солдаты нагоняли его, но тут Филистранорлри, стоявший сзади, выстрелил из пистолета. Оглушительно прогрохотало, и пуля ударила Луиса в лодыжку. Доспехи на мгновение стали жесткими, и Луис повалился, как падающая статуя, но тут же вскочил и помчался дальше. Когда два солдата преградили ему путь, он перелез через ограждение и прыгнул.

Фортаралисплиар, шедший по дороге, удивленно повернулся и замер.

Луис приземлился лицом вниз, и противоударные доспехи стали твердыми, как сталь, спасая ему жизнь, но все же падение оглушило его. Руки, поднявшие его на ноги, сделали это прежде, чем он сам захотел встать. Фортаралисплиар подsunул плечо под мышку Луиса и повел его прочь.

— Быстрее, — с трудом проговорил Луис. — Они могут начать стрелять.

— Не посмеют. Вы не ранены? У вас лицо в крови.

— Дело того стоило.

Г л а в а 21

БИБЛИОТЕКА

Они вошли в Библиотеку через маленький вестибюль в основании конуса — самом его кончике.

За широким, массивным столом два библиотекаря работали с читающими экранами: массивными машинами, напоминавшими скопление ящиков и использовавшими книжные ленты, проходившие через ридер¹. В своих одинаковых голубых мантиях с зазубренными воротниками библиотекари казались священниками. Прошло несколько минут, прежде чем женщина подняла голову.

Ее голова была совершенно белая: видимо, она родилась с такой, потому что старой ее не назвал бы никто — женщины Земли в ее возрасте принимали свою первую порцию закрепителя. Стройная и симпатичная, несмотря на плоскую грудь, она была хорошо сложена, к тому же общение с Халрлоприллалар научило Луиса считать лысую голову и хорошо очерченный череп достаточно сексуальными. Если бы она улыбнулась... но даже с Фортаралисплиаром она вела себя грубо и властно.

— Слушаю?

— Я — Фортаралисплиар. Мой контракт у вас?

Пальцы ее забегали по пультам машины.

— Да. Это тот человек?

— Да.

Теперь она посмотрела на Луиса.

— Луиву, вы меня понимаете?

— Да, с помощью вот этого.

Когда заговорил переводчик, ее спокойствие лопнуло, но лишь на мгновение. Затем она сказала:

— Меня зовут Харкабипаролин. Ваш хозяин оплатил ваше право на неограниченное изучение материалов в течение трех дней с воз-

¹ От английского to read — читать.

возможностью оплаты дополнительных трех дней. Вы можете ходить по Библиотеке где угодно, за исключением секций, двери которых покрашены золотой краской. Вы можете пользоваться любой машиной, если она не помечена таким образом.— Она указала на оранжевую сетку, как для игры в крестики-нолики.— Чтобы пользоваться ими, вам понадобится помощь. Обращайтесь ко мне или любому, носящему воротничок, как у меня. Вы можете пользоваться столовой, но для сна и умывания вам придется возвращаться в Дом Лиар.

— Хорошо!

Библиотекари удивленно переглянулись. Луис и сам не мог понять, почему произнес это с такой силой. Его поразило, что Дом Лиар стал для него больше домом, чем апартамент на Каньоне, где он когда-то жил.

Фортаралисплиар заплатил серебряными монетами, поклонился Луису и вышел. Библиотекари вернулись к своему прежнему занятию. (Харкабипаролин. Ему изрядно надоели шестисложные имена, но он все лучше запоминал их.) Когда он заговорил, Харкабипаролин оглянулась.

— Есть место, которое я хотел бы найти.

— В Библиотеке?

— Надеюсь. Когда-то давно я уже видел подобное: ты стоишь в центре круга, и этот круг — весь мир. Щит в центре вращается, и можно заставить любую часть мира стать большой...

— У нас есть комната карт. Поднимитесь по лестнице на самый верх.— И она отвернулась.

Узкая спираль из металлических ступеней, закрепленная только сверху и внизу, пронзала Библиотеку от подножия до вершины. Луис миновал несколько закрытых золотых дверей, затем арку, ведущую к пультам читающих машин со стоящими перед ними стульями. По мере подъема он насчитал сорок шесть Строителей Городов, сидящих перед экранами, двух пожилых Людей Машин, а также небольшого, очень полосатого мужчину непонятного вида и женщину-гула — все в отдельных комнатах.

Самый верхний этаж оказался комнатой карт — Луис понял это, как только добрался до него.

Первую комнату карт они обнаружили в покинутом летающем дворце. Ее стены представляли собой голубое кольцо, испещренное белыми пятнами, а кроме того, в ней имелись глобусы десяти планет с кислородными атмосферами и экран, показывавший увеличенное изображение. Однако сцены, которые он демонстрировал, сни-

мались тысячи лет назад. Цивилизация Кольца в них жила полной жизнью: сверкали города, корабли скользили сквозь петли краевой транспортной системы; воздушные корабли размером с эту Библиотеку и космические — гораздо больше ее.

В то время они не пытались найти Ремонтный Центр, их интересовал способ покинуть Кольцо. Ясно, что старые записи для этого не годились.

Тогда мы очень спешили, подумал Луис. Ничего, спустя двадцать три года и вновь оказавшись в отчаянном положении, попытаемся снова...

Закончив подъем, Луис оказался в центре Кольца, горевшего вокруг него: там, где должно было размещаться солнце, находилась голова Луиса Ву. Карта имела два фута высоты и почти четыреста футов в диаметре. Той же высоты теневые квадраты размещались гораздо ближе к центру, паря над тысячами квадратных футов черного пола, испятнанного тысячами звезд. Черный потолок тоже усеивали звезды.

Луис направился к одному из теневых квадратов и прошел сквозь него. Голограмма, конечно, как и в первой комнате карт, но на сей раз не было глобусов землеподобных миров.

Он повернулся, чтобы изучить обратную сторону теневого квадрата, однако не увидел ничего, кроме слегка изогнутого мертвенно-черного прямоугольника. Экран, дающий увеличение, работал.

Прямоугольник экрана три на два фута, с пультом управления прямо под ним, был смонтирован на круговом рельсе, расположенном между теневыми квадратами и Кольцом. Мальчик, смотревший на него, изучал один из двигателей Баззарда. На экране он выглядел как ослепительное голубоватое сияние, и мальчик пытался разглядеть находящееся за ним.

Впрочем, это был скорее юноша. Красивые каштановые волосы покрывали всю его голову, спущаясь к затылку, а носил он голубую мантию библиотекаря с широким квадратным воротником, край которого украшал всего один вырез.

— Можно мне смотреть поверх вашего плеча? — спросил Луис.

Мальчик повернулся. Черты его лица были мелкими, как у любого Строителя Городов, отчего он казался старше.

— А вы допущены к этому знанию?

— Дом Лиар заплатил за меня.

— О! — Мальчик отвернулся. — Да все равно мы ничего не увидим. Через два дня они отключатся.

— А на что вы смотрите?

— На ремонтную команду.

Луис взгляделся в сияние. Ураган бело-голубого света заполнял экран, оставляя темноту в центре, и двигатель был тусклым розоватым пятном в центре темноты.

Электромагнитные силовые линии собирали горячий водород солнечного ветра, уплотняли его до температуры синтеза, после чего выбрасывали в сторону солнца. Машины из всех сил старались удержать Кольцо на месте, однако люди видели только бело-голубое сияние и розоватое пятно в центре.

— Они почти закончили,— сказал мальчик и, помолчав, задумчиво продолжал: — Мы думали, нас позовут на помощь, но никто не пришел.

— Может, у вас нет приборов, чтобы услышать их вызов? — Луис старался, чтобы голос его звучал спокойно. Ремонтная команда! — В любом случае им придется кончать — у них нет больше двигателей.

— А вот и нет. Смотрите.— Краевая стена понеслась по экрану, потом, отойдя от голубого сияния, изображение остановилось, и Луис увидел куски металла, падающие вдоль стены.

Он вглядывался в них, пока не обрел полной уверенности. Полосы металла, огромный, похожий на катушку цилиндр — части того, что он видел через телескоп «Иглы». Помост для сборки маневрового двигателя Кольца.

Ремонтная команда, должно быть, затормозила это оборудование до солнечной орбитальной скорости, используя часть краевой транспортной системы. Но как они собирались проделать обратную процедуру? Для доставки в нужное место механизм требовалось ускорить до скорости вращения Кольца.

С помощью трения в атмосфере? Эти материалы могли быть такими же прочными, как скрит, и тогда нагревание им не грозило.

— А вот еще.— Изображение снова заскользило вдоль краевой стены, и вскоре на экране появились четыре крупных корабля Строителей Городов, а крапинка за ними была «Горячей Иглой Следствия». Луис не заметил бы ее, если бы не знал, где она находится: в миле от единственного корабля, еще опоясанного двигателем Баззарда.

— Видите? — Мальчик указал на два тороида цвета меди.— Это единственный оставшийся двигатель. Когда ремонтная команда установит его, они закончат.

Мегатонны строительного оборудования падали вдоль краевой стены, несомненно, сопровождаемые толпами строителей, и все это нацеливалось на место стоянки «Иглы». Хиндмосту это не понравилось.

— Закончат,— согласился Луис.— Но этого не хватит.

— Не хватит для чего?

— Это неважно. А давно работает ремонтная команда? Откуда они пришли?

— Никто не хочет мне ничего говорить,— грустно сказал мальчик.— Флуп. Благоухающий флуп. И что все так разволнова-

лись? Почему, я вас спрашиваю? Впрочем, вы тоже не знаете...

Луис пропустил это мимо ушей.

— Кто они? Как узнали об опасности?

— Никто не знает. Нам ничего о них не известно, кроме того, что они начали устанавливать машины.

— Давно?

— Восемь фаланов назад.

Быстрая работа, подумал Луис. Всего полтора года плюс время, ушедшее на подготовку. Кто же они? Умные, быстрые, решительные, не боящиеся крупных проектов и больших чисел... они могут быть... Да нет, защитники давно исчезли.

— Они ремонтировали что-то еще?

— Над частью сливных гор появился туман, и учитель Вилп считает, что ремонтники открывают трубы. Разве это не большое дело — открыть сливную трубу?

Луис задумался.

— Согласен, большое. Мало просто запустить землечерпалки, нужно еще нагреть трубы, а они уходят Под мир. Я полагаю, отложения морского дна, блокирующие трубы, замерзают.

— Флуп,— сказал мальчик.

— Что?

— Коричневое вещество, которое выходит из сливных труб, называется флуп.

— Вот как?

— Откуда вы прибыли?

Луис усмехнулся.

— Я пришел со звезд, вот в этом.— Он протянул руку над плечом мальчика и показал на пятнышко, бывшее «Горячей Иглой Следствия». Глаза мальчика широко раскрылись.

Не так уверенно, как мальчик, Луис провел изображение вдоль пути, проделанного посадочной шлюпкой после преодоления краевой стены. Он нашел белое пятно облаков размером с континент в том месте, где находились солнечники. Влево от него уходило широкое зеленое болото, затем река, пробившая себе новое русло, покинув старое, выглядевшее теперь как извивающаяся коричневая полоса на фоне желто-коричневой пустыни. Луис проследил сухое русло реки и показал мальчику город вампиров; мальчик кивнул.

Этому пареньку очень хотелось поверить, что Люди со звезд пришли, чтобы помочь нам, и в то же время он боялся показаться легковерным. Луис улыбнулся ему и продолжал.

Земля вновь стала зеленой. Вдоль дороги Людей Машин следовать было легко; в большинстве мест земли по разные ее стороны заметно отличались друг от друга. Река вскоре изогнулась снова и соединилась со своим старым руслом. Луис увеличил масштаб изображения, и вот они уже смотрят сверху на летающий город.

— Я видел это,— сказал мальчик.— Расскажите мне о вампирах.

Луис заколебался. В конце концов соотечественники мальчика были экспертами этого мира по межвидовому сексу.

— Они могут заставить тебя заняться с ними РИШАТРА, и пока ты это делаешь, прокусывают тебе шею.— Он показал мальчику зажившие раны на своем горле.— Чмии убил вампира, который... э-э... напал на меня.

— А почему вампиры не схватили его?

— Чмии не похож на существ этого мира. Иметь с ним дело — все равно что соблазниться колбасным растением.

— Мы делаем духи из вампиров,— сказал мальчик.

— Что? — Неужели забарахлил переводчик?

Мальчик загадочно улыбнулся.

— Однажды вы это поймете. Мне нужно идти. Вы будете здесь позднее?

Луис кивнул.

— А как ваше имя? Меня зовут Каваресксенджарджок.

— А меня — Лувиву.

Мальчик исчез на лестнице, а Луис остался перед экранами.

Духи? Запах вампиров в Доме Пант... Луис вдруг вспомнил ночной приход Халрлоприллалар к нему двадцать три года назад. Она пыталась управлять им и говорила об этом. Неужели она пользовалась запахом вампиров?

Впрочем, сейчас это не имело значения.

— Вызываю Хиндмоста,— сказал он.— Вызываю Хиндмоста. Тишина.

Экран не мог поворачиваться и всегда был обращен наружу, от теневых квадратов. Досадно, но информативно: это могло означать, что изображение передавалось именно с теневых квадратов.

Он уменьшил увеличение экрана и двинулся в направлении вращения с совершенно невероятной скоростью, пока не оказался над миром воды. Это было просто здорово: возможности Библиотеки значительно превышали таковые телескопа «Иглы».

Карта Земли выглядела старой: полмиллиона лет исказили очертания континентов. А может, больше? Миллион? Два? Геологи должны знать это.

Луис сдвинул вправо, на экране появилась Карта Кзина: острова, сгруппированные вокруг пластины ослепительно сверкавшего льда. Интересно, каков возраст топографии этой карты? Нужно спросить у Чмии.

Луис расширил поле зрения и заскользил над желто-оранжевыми джунглями, потом пересек ленту реки и направился к морю: на слиянии рек могут находиться города.

Он едва не проскочил мимо него — плохо различимого сетча-

того узора, наложенного на цвета джунглей. В некоторых городах людей имелись зеленые зоны, но в этом городе кзинов они занимали больше места, чем здания. При максимальном увеличении Луис мог даже различить рисунок улиц.

Кзинам с их чувствительным обонянием никогда не нравились большие города, но этот город не уступал по размерам местонахождению правительства Кзина.

Итак, у них есть города. Что еще? Если они имеют какую-либо промышленность, им необходимы... морские порты? Рудничные поселки? Он продолжал движение.

Джунгли стали реже, желто-коричневая почва, проглядывавшая между деревьями, слагали узор, напоминавший расплывшуюся мишень для стрельбы из лука. Вероятно, очень большой и очень старый карьер.

Полмиллиона или даже больше лет назад группу кзинов высадили в этом месте. Они провели эти годы в мире, толщина которого составляла несколько сотен футов, но, похоже, сохранили свою цивилизацию.

У них есть головы на плечах, у этих почти-котов, создавших огромную межзвездную империю. Ненис, ведь именно кзины научили людей пользоваться генераторами гравитации! В своих поисках союзников против Хиндмоста Чмии должен был достичь Карты Кзина несколько часов назад.

Луис двинулся вдоль реки к морю, потом повел свой глаз Бога к югу, вдоль береговой линии крупнейшего континента Карты. Он надеялся увидеть порты, хотя кзины мало использовали корабли. Они не любили моря, их морские порты представляли собой индустриальные города: никто не жил в них ради удовольствия.

Впрочем, это было в Империи кзинов, где тысячелетиями использовались генераторы гравитации. Наконец Луис наткнулся на порт, который мог поспорить с гаванью Нью-Йорка. В нем кишели ползущие в кильватер корабли, пожалуй, слишком маленькие для моря, а сама гавань была почти круглой и походила на метеоритный кратер.

Луис уменьшил увеличение и словно отступил в небо, чтобы получить общее представление.

Снова взглянув на экран, он изумленно затряс головой. Неужели его подводит зрение? Или он перепутал ручки?

Круговую форму имел корабль, находившийся в гавани, и это делало ее похожей на ванну.

Цепочки меньших кораблей все еще были здесь, значит, все это было реальностью. Он смотрел на корабль размером с небольшой город, почти вписывавшийся в дугу гавани.

Они не могут использовать его часто, подумал Луис, его двигатели просто изуродуют морское дно. И чем кзины заправляют

такую большую машину, чем они заправляли ее в самом начале? И откуда они взяли металлы для строительства?

Почему?

— До сих пор Луис не задумывался всерьез, что будет, если Чмии найдет то, что искал на Карте Кзина. Время еще есть.

Он повернул ручку увеличения и отодвинулся в пространство, пока Карта Кзина не стала группой пятнышек на голубом фоне. По краям экрана появились другие Карты.

Ближайшая к Карте Кзина выглядела как круглая розовая точка. Марс... И так же далеко от Кзина, как Луна от Земли. Идея преодолеть такое расстояние на морском корабле, даже размером с небольшой город... Ненис!

— Вызываю Хиндмоста. Луис Ву вызывает Хиндмоста. — Время шло, и ремонтная команда приближалась к «Игле», а Чмии набирал на Карте Кзина воинов. Луис не собирался говорить об этом Хиндмосту, чтобы не расстраивать кукольника.

Чем же был занят Хиндмост, что не мог ответить на вызов? Мог ли человек хотя бы предположить ответ?

Ну ладно, продолжим путешествие.

Луис уменьшил масштаб, так что на экране появились обе краевые стены, и искал Кулак Бога возле средней линии Кольца, левее Великого Океана. Ничего. Он увеличил масштаб. Пятно пустыни, большее по размерам, чем Земля, было слишком мало по сравнению с Кольцом, но оно осталось на месте, красноватое и бесплодное, а бледная точка в его центре — Кулак Бога, гора в тысячу миль высотой из обнаженного скрита.

Луис заскользил влево, вдоль пути, который они проделали от места падения «Лгуна», и вскоре достиг воды, широкого отростка Великого Океана. Двадцать три года назад они остановились в виду этого залива, Луис двинулся обратно, выискивая продолговатое облако, но глаза бури не было.

— Вызываю Хиндмоста! Во имя Кдапта, финагла и Аллаха я вызываю тебя, Хиндмост! Ненис! Вызываю...

— Я здесь, Луис.

— Отлично! Я в библиотеке летающего города, в комнате карт. Поищите записи Несса о комнате карт, которую мы...

— Я помню, — невозмутимо ответил кукольник.

— Так вот, та комната карт показывала старые записи. а эта — настоящее время!

— Вы в безопасности?

— В безопасности? А, да, вполне. Я использовал сверхпроводящую ткань, чтобы обзавестись друзьями. Однако я сижу здесь в ловушке: даже если бы я мог купить выход из города, мне еще нужно миновать пост Людей Машин на Небесном Холме. Я, пожалуй, не буду пытаться вырваться.

— Разумно.
— Какие новости у вас?
— Их две. Во-первых, я получил голограмму двух других космопортов. Все одиннадцать кораблей разрушены.
— Двигатели Баззарда сняты со всех?
— Да, со всех.
— Что еще?
— Не ждите помощи от Чмии. Посадочная шлюпка села на Карту Кзина в Великом Океане. Я должен был догадаться раньше: кзин спятил и увел корабль с собой.

Луис мысленно выругался. Он узнал этот невозмутимый, бесстрастный тон. Кукольник был явно расстроен и утратил контроль над нюансами человеческой речи.

— Где он? Что собирается делать?
— Через камеры посадочной шлюпки я видел, как он облетел Карту Кзина и нашел крупный морской корабль...
— Я тоже нашел его.
— Ваши выводы?
— Они пытались изучить или колонизировать остальные Карты.
— Да. В известном космосе кзины завоевывали другие звездные системы. Здесь, на Карте Кзина, они, должно быть, научились смотреть через океан, ведь космических кораблей у них, разумеется, нет.

— Конечно.— Первый шаг в развитии космического транспорта заключался в выводе чего-нибудь на орбиту. На Кзине первая космическая скорость составляла шесть миль в секунду, а на Карте Кзина она равнялась семистам семидесяти милям.— Они не могли построить много таких кораблей — где взять столько металла? И путешествия эти должны длиться десятилетиями. Интересно, откуда они вообще знают о других Картах?

— Можно предположить, что они сумели запустить телескопические камеры, размещенные на борту ракет. Такие приборы можно сделать достаточно быстро, а ракету не обязательно выводить на орбиту, она может подняться и упасть обратно.

— Интересно, добрались ли они до Карты Земли? Это еще сто тысяч миль за Марсом, а Марс — неподходящее место для перевалочной базы.— Что могли кзины найти на Карте Земли? Только homo habilis или защитников расы Пак тоже? — Справа расположена Карта Дауна, а мир в направлении против вращения мне неизвестен.

— Мы знаем его. Местные жители обладают общинным разумом и вряд ли когда-нибудь полетят к звездам. Их кораблям требуется поддержка всего улья.

— Они гостеприимны?

— Нет, они воевали с кзинами. А кзины явно отказались от

покорения Великого Океана. Похоже, они используют большой корабль, чтобы закрыть гавань.

— Вот как? Я полагаю, это и местонахождение правительства. Однако мы говорили о Чмии.

— После разведочного полета над Картой Кзина он завис над большим кораблем. Поднялась авиация и нанесла по нему удар ракетами. Чмии позволил им сделать это, и ракеты не причинили ему вреда, а затем сам уничтожил четыре самолета. Остальные продолжали атаковать, пока не израсходовали топливо и боезапас. Когда они вернулись на корабль, Чмии опустился следом. Сейчас посадочная шлюпка находится на платформе боевой рубки большого корабля. Атаки продолжаются. Луис, может, он ищет союзников против меня?

— Успокойтесь, ему все равно не найти ничего, что могло бы пробиться сквозь корпус Джeneral Продактс. Они не могут повредить даже посадочную шлюпку.

Долгая пауза, затем:

— Возможно, мы правы. Авиация использует водородные двигатели и ракеты с химическим горючим. Как бы то ни было, мне придется спасать вас самому. Ждите зонд, когда стемнеет.

— А как же краевая стена? Вы говорили, что трансферные диски не действуют через скрит.

— Я использовал второй зонд, чтобы установить на краевой стене пару дисков. Они будут работать как трансляторы.

— Пусть будет так. Я в здании, похожем на волчок, на самом краю города. Пусть зонд повисит, пока мы решим, что делать. Я не уверен, что уже хочу уходить.

— Это необходимо.

— Но ведь ответы на все наши вопросы могут быть прямо здесь, в Библиотеке!

— Вы уже чего-то добились?

— Так, по мелочам. Все, что знал народ Халрлоприлалар, находится где-то в этом здании. Кроме того, я хочу поговорить с гулами — они мусорщики, и, похоже, бывают везде.

— В общем, у вас лишь возникли новые вопросы. Очень хорошо. Луис. У вас есть несколько часов — как стемнеет, я пошлю за вами зонд.

Глава 22

БОЛЬШОЕ ВОРОВСТВО

Кафетерий находился посредине здания, и Луис возблагодарил судьбу за небольшой подарок: Строители Городов были всеядными.

Тушеному мясу с грибами не хватало соли, но оно заполнило пустоту в животе Луиса.

Соли здесь почти не употребляли, и все моря были пресными, за исключением Великих Океанов. Наверное, он был единственным гуманоидом на Кольце, которому требовалась соль, и он не мог жить без нее вечно.

Луис поел быстро — его подгоняло сознание скорого ухода отсюда. Кукольник уже испугался. Удивительно, что он еще не удра, оставив Луиса, ренегата Чмии и Кольцо дожидаться своей общей судьбы. Луис почти восхищался кукольником, собиравшимся спасти свой насильно завербованный экипаж.

Впрочем, он может передумать, когда ремонтная команда подойдет к нему поближе. Луис собирался оказаться на борту «Иглы» до того, как Хиндмост развернет свой телескоп в их направлении.

А пока он вернулся в верхние комнаты.

Читающие экраны, которые он опробовал, давали только непонятные ему тексты без рисунков и голосового сопровождения. В конце концов за одним из нагромождений экранов он заметил знакомый воротник.

— Харкабипаролин?

Библиотекарь повернулась. Маленький плоский нос, рот как ножевая рана, голая макушка изящного черепа, длинные волнистые белые волосы... По человеческим меркам ей было около сорока, но Строители Городов могли стареть или быстрее, или медленнее людей, Луис не знал этого точно.

— Да?

Голос ее прозвучал резко, и Луис вздрогнул.

— Мне нужен экран с голосовым сопровождением и лента, на которой есть характеристики скрита.

Женщина нахмурилась.

— Я не знаю, о чем вы говорите. Что такое голосовое сопровождение?

— Я хочу, чтобы он вслух читал мне содержание ленты.

Харкабипаролин удивленно уставилась на него, затем рассмеялась. Она попыталась подавить смех, но не смогла, да и все равно было слишком поздно: они уже оказались в центре внимания.

— Здесь нет таких вещей. И никогда не было. — Она старалась говорить шепотом, но хихиканье прорывалось, делая ее речь громче, чем ей бы хотелось. — Вы что — не умеете читать?

Кровь и ненис! Луис чувствовал, как волна жара приливает к его щекам. Грамотность — это превосходно, и рано или поздно каждый учился читать, хотя бы на интерволде. Однако это не было вопросом жизни или смерти, ведь на каждой планете имелись читающие аппараты! Без такого аппарата его переводчик ничего не мог сделать!

— Мне нужна большая помощь, нежели я думал. Мне нужно, чтобы кто-то читал для меня.

— За это вы не платили. Пусть ваш хозяин пересмотрит договор.

Луис не рискнул попытаться подкупить эту враждебно настроенную женщину.

— Вы поможете мне найти нужные ленты?

— За это вы заплатили. Вы даже купили право прерывать мои собственные исследования. Говорите, что вам нужно,— быстро сказала она. Пальцы ее забегали по пультам, и страницы текста побежали по экрану.— Характеристики скрита? Вот вам физический текст. Одна из глав о динамике и структуре мира касается скрита, но это может оказаться слишком сложным для вас.

— И еще основной физический текст.

Она с сомнением посмотрела на него.

— Хорошо.— Ее пальцы снова пришли в движение.— Это старая лента для студентов, касающаяся конструкции краевой транспортной системы. Может, это что-нибудь даст вам.

— Я беру ее. Ваши люди когда-либо достигали обратной стороны мира?

Харкабипаролин остановилась.

— Уверена, что да. Мы правили этим миром и звездами, и, если бы наши механизмы уцелели, Люди Машин назвали бы нас богами.— Она возобновила набор.— Однако записей об этом событии не сохранилось. Что еще вам нужно?

— Я и сам не знаю. Можете вы помочь мне проследить источник древнего лекарства бессмертия?

Харкабипаролин вновь рассмеялась, на сей раз мягче.

— Сомневаюсь, что вы сумеете унести столько катушек с книгами. Те, кто делал это лекарство, никогда не делились своим секретом, а те, кто писал книги, никогда не раскрыли его. Я могу дать вам религиозные книги, полицейские записи о мошенничествах, описания экспедиций в различные части мира. Существует рассказ о бессмертном вампире, которые посещал Травяных Гигантов на протяжении тысяч фаланов, становясь с годами все более хитрым, пока...

— Нет.

— Его запас лекарства так никогда и не нашли. Значит, нет? Дайте взглянуть... Дом Ктистек присоединился к Десятке, потому что в других Домах лекарство кончилось раньше, чем у него. Увлекательный урок политики...

— Нет, забудьте об этом. Вы знаете о Великом Океане?

— Есть два Великих Океана,— заметила она.— Их легко заметить на Арке ночью. В некоторых древних историях говорится, что лекарство бессмертия пришло из Океана, расположенного против направления вращения.

— Вот как?

Харкабипаролин ухмыльнулась.

— Вы очень наивны. Невооруженным глазом на Арке можно разглядеть только Океаны. Если что-то ценное приходит издалека и больше не появляется, говорят, что оно пришло из одного из Великих Океанов. Кто может оспорить это или предложить другой источник?

Луис вздохнул.

— Вероятно, вы правы.

— Луиву, что объединяет ваши вопросы?

— Может, и ничего.

Она отдала ему катушки, которые он заказал, и книгу для детей с рассказами о Великом Океане.

— Не знаю, что вы собираетесь делать с ними. Украсть их невозможно. Перед выходом отсюда вас осмотрят, к тому же вам не унести с собой читающую машину.

— Спасибо за помощь.

Луису требовался помощник для чтения, но просить первого встречного ему не хотелось. А если не первого? В одной из комнат сидел гул. Если гулы с теневой фермы знали Луиса Ву, может, и этот знает тоже.

Однако гул уже ушел, оставив лишь свой запах.

Луис опустился на стул перед читающим экраном и закрыл глаза, бесполезные катушки оттопыривали карманы его рубашки. «Я еще не побежден, — подумал он. — Может, мне снова встретится тот мальчик, может, Фортаралисплиар поможет мне сам или пошлет кого-то другого. Конечно, это будет стоить дороже. Вообще все всегда стоит дороже и затягивается надолго».

Читающая машина была большим, неуклюжим предметом, прикрепленным к стене толстым кабелем, создатель ее явно не имел сверхпроводящей проволоки. Луис вставил катушку в гнездо и взгляделся в бессмысленный текст. Резкость изображения была невелика, и нигде на машине не было решетки динамика. Харкабипаролин сказала правду.

У меня нет этого времени.

Луис встал. Выбора у него не оставалось.

Крыша Библиотеки представляла собой обширный сад. От вершины винтовой лестницы в ее центре расходились по спиралям дорожки на жирной черной почве между которыми росли огромные нектароносные цветы. Повсюду стояли невысокие темно-зеленые рога изобилия с крошечными голубыми цветами, высились колбас-

ные растения, у которых большинство колбасок раскололись, выбросив золотые цветы, а также деревья, усыпанные гирляндами зеленовато-желтых спагетти.

На разбросанных повсюду скамьях сидели парочки в голубых мантиях работников Библиотеки, а высокий мужчина сопровождал шумную группу туристов из Висячих Людей. Никто вокруг не выглядел охранником. Ни одна дорожка не уходила с крыши Библиотеки, так что охрана не требовалась, если, конечно, вор не умел летать.

Луис собирался отплатить благодарностью за оказанное ему гостеприимство. Правда, он заплатил за него... и все же сейчас ему было не по себе.

На краю крыши высился водосборник, напоминавший скульптуру треугольного паруса, и вода с него стекала в бассейн. Этот бассейн кишел сейчас детворой. Луис услышал свое имя и повернулся как раз вовремя, чтобы поймать мяч, летевший ему в грудь.

Мальчик с каштановыми волосами, которого Луис встретил в комнате карт, захлопал в ладоши, прося вернуть мяч.

Луис содрогнулся: скоро находиться здесь станет опасно. Предупредить их, чтобы покинули крышу? Однако ребяташки могут почувствовать что-то неладное и вызвать охрану.

Луис бросил большой мяч обратно и осторожно пошел. Обогнув группу невысоких деревьев, стволы которых казались выжатыми, как выстиранное белье, он оказался в уединенном месте и решил воспользоваться переводчиком.

— Хиндмост?

— Сообщаю, Чмии по-прежнему атакуют. Он ответил один раз, расплавив крупное вращающееся орудие большого корабля. Я не могу понять его мотивы.

— Вероятно, он хочет показать, насколько хороша его защита, а затем приступит к делу.

— И что это будет за дело?

— Думаю, он сам этого не знает. Сомневаюсь, что они могут для него многое сделать, разве что познакомить с самкой. Или тремя. Хиндмост, у меня нет возможности узнать здесь хоть что-нибудь: я не могу читать с экранов, к тому же материала слишком много. Мне нужна неделя.

— А что может натворить за неделю Чмии? Я не хочу рисковать.

— Да, конечно. Я получил здесь несколько катушек с записями, на которых могут оказаться нужные сведения, если мы сумеем их прочесть. Можете вы что-то сделать с ними?

— Думаю, это маловероятно. Можете вы доставить мне одну из их читающих машин? В этом случае я прокручу ленты на экране и перенесу их для компьютера «Иглы».

— Они очень тяжелые, а кроме того, от них идут толстые кабели, которые...

— Перережьте их.

Луис вздохнул.

— О'кей. Что дальше?

— Через камеру зонда я уже вижу летающий город. Я веду этот зонд к вам. От вас требуется убрать дейтериевый фильтр, закрывающий трансферный диск. У вас есть кусачка?

— У меня нет вообще никаких инструментов, мне оставили только фонарь-лазер. Подскажите мне, где нужно разрезать.

— Надеюсь, это стоит потери половины моей способности к дозаправке. Ну, ладно. Если вы сможете захватить читающую машину и она пройдет через отверстие в трансферном диске — очень хорошо. В противном случае, принесите хотя бы ленты. Возможно, я смогу с ними что-то сделать.

Луис стоял на краю крыши Библиотеки и смотрел вниз, на сумерки теневой фермы, окаймленные солнечным светом. Прямоугольные поля уходили вдаль, Змеиная Река изгибалась влево и исчезала среди низких гор. За горами виднелись моря, равнины, крошечные горные хребты и еще более крошечные моря, а за всем этим вздымалась в небо Арка. Наполовину загипнотизированный, Луис ждал под ярким небом. Делать больше было нечего, и он почти не замечал течения времени.

Зонд возник в небе, излучая голубое пламя. Там, где почти невидимый огонь коснулся вершины крыши, растения и почва оказались в оранжевом аду. Маленькие Висячие Люди, библиотекари в голубых мантиях и мокрые ребятишки бросились к лестнице.

Зонд опустился в это пламя и повалился набок, когда двигатели отключились. Он представлял собой цилиндр двадцати футов длиной и десяти шириной с выступами камер и других инструментов.

Луис подождал, пока пламя в основном погасло, а затем подошел по углам к зонду. Крыша была пуста, как он и хотел. Никто не погиб — это хорошо.

Голос из переводчика объяснил ему, как нужно срезать молекулярное сито с вершины зонда. Обнажился трансферный диск.

— Что теперь? — спросил Луис.

— Я переключил действие трансферного диска на другой зонд и убрал фильтр. Можете вы раздобыть читающую машину?

— Постараюсь, хоть мне это и не нравится.

— Через два года это не будет иметь значения. Я даю вам тридцать минут, потом уходите, захватив, что сумеете.

Когда Луис ступил на лестницу, дорогу ему преградили два десятка библиотекарей в голубых мантиях. Он надвинул капюшон

на лицо и шаг за шагом стал спускаться, не обращая внимания на куски металла, отскакивающие от противоударных доспехов.

Стрельба стала реже, потом прекратилась, стрелки попятились.

Когда они отошли достаточно далеко, Луис рассек лестницу между собой и ими. Спираль лестницы крепилась только вверху и внизу, поэтому сжалась, как пружина, оборвав площадки перед дверями. Несчастные библиотекари вцепились в нее, спасая свои жизни, а Луису достались верхние два этажа в его полное распоряжение.

Однако, когда он повернулся к ближайшей комнате для чтения, дорогу ему преградила Харкабипаролин с топором в руках.

— Мне снова нужна ваша помощь, — сказал Луис.

Она качнулась вперед, нанося удар, и Луис поймал топор, отскочивший от его шеи. Женщина попыталась вырвать оружие.

— Смотрите, — сказал Луис и провел лучом лазера по кабелю питания машины. Кабель вспыхнул и упал на пол, рассыпая искры.

— Дом Лиара дорого заплатит за это! — закричала Харкабипаролин.

— Это не поможет. Я, хочу, чтобы вы помогли мне вынести читающую машину на крышу. Я собирался прорезать стену, но ваша помощь более предпочтительна.

— Этого я не сделаю!

Луис провел лучом по читающей машине. та развалилась и вспыхнула. Запах был ужасный.

— Скажите, когда надумаете.

— Любовник вампира!

Машина была тяжелой, а Луис не мог позволить себе выпустить лазер из рук, поэтому ему пришлось подниматься по лестнице спиной вперед. При этом большая часть веса приходилась на Харкабипаролин.

— Если и ее уроним, — предупредил он, — придется вернуться за другой.

— Идиот!.. Вы же перерезали кабель!

Луис не ответил.

— Почему вы делаете это?

— Я пытаюсь спасти мир от столкновения с солнцем.

Она едва не выпустила машину.

— Но... но ведь есть двигатели! Они поставят все на место!

— Вы уже знаете о них? Так вот, их слишком мало, а кроме того, слишком поздно. Большинство ваших космических кораблей никогда не вернутся, поэтому двигателей не хватит. Идемте дальше.

Когда они выбрались на крышу, зонд поднялся и опустился перед ними на кормовые дюзы. Они поставили машину, похоже было, что она не пройдет. Стиснув зубы, Луис срезал экран — этого должно хватить.

Харкабипаролин молча наблюдала за ним, она слишком устала, чтобы комментировать происходящее.

Экран вошел в отверстие на место молекулярного фильтра и исчез. Остальное — сама машина — было гораздо тяжелее, но Луис ухитрился засунуть в отверстие один край, потом лег на спину и толкал ногами, пока весь аппарат не исчез.

— Дом Лиар не имеет к этому отношения, — сказал он библиотекарше. — Они даже не знали, что я задумал. Держите. — Он положил рядом с ней тускло-черную ткань. — Дом Лиар может рассказать вам, как ремонтировать этим водосборники и другие древние машины. Вы можете сделать весь город независимым от Людей Машин.

Женщина следила за ним глазами, полными ужаса, и трудно было сказать, слышит она хоть слово или нет.

Луис осторожно ступил на диск.

И оказался в грузовом трюме «Иглы».

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 23

РЕШАЮЩЕЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Он находился в большой и гулкой стеклянной бутылки, в почти полной темноте. Через прозрачные стены виден был окутанный мраком, наполовину опустевший космический корабль. Зонд висел в зажимах на задней стене грузового трюма, в восьми футах от серого пола, и Луис сидел в нем на месте дейтериевого фильтра, подобно яйцу на подставке.

Луис качнулся, повис на руках и спрыгнул. Устал он неимоверно. Ничего, еще немного, и можно будет отдохнуть: по другую сторону непроницаемой стены его ждала безопасность и отдых между спальными пластинами...

— Хорошо.— Голос Хиндмоста звучал откуда-то с потолка.— Это и есть читающий экран? Не думал, что он такой громоздкий. Вам пришлось разрезать его пополам?

— Да.— Луис перетащил части машины на пол трюма; к счастью, у кукольников были хорошие инструменты...— Надеюсь, у вас есть трансферный диск.

— Я предусмотрителен. Загляните в передний левый... Луис!

Стон невыносимого ужаса донесся сзади, и Луис быстро повернулся.

В зонде, там, где он сидел несколько минут назад, возникла Харкабипаролин, державшая в руках ружье. Губы ее разошлись, приоткрыв зубы, глаза не знали ни секунды покоя: они бегали вверх, вниз, влево и вправо, нигде не встречая поддержки.

Хиндмост взял себя в руки и заговорил монотонно:

— Луис, что за существо вторглось на мой корабль? Оно опасно?

— Нет, можете успокоиться. Это всего лишь растерянный библиотекарь. Харкабипаролин, идите обратно.

Ее причитания достигли предела, и вдруг она проголосила:

— Я знаю это место, я видела его в комнате карт! Это гавань космических кораблей, снаружи мира! Луививу, кто вы?

Луис направил на нее фонарь-лазер.

— Идите обратно.

— Нет! Вы украли и разрушили собственность Библиотеки. Но если... если миру грозит опасность, я хочу помочь ему!

— Как, безумная вы женщина? Послушайте, вам нужно вернуться в Библиотеку. Попробуйте найти, откуда поступало лекарство бессмертия до Упадка Городов. Мы ищем именно это место. Если есть способ передвинуть ваш мир без двигателей, то именно там находится пульт управления.

Она покачала головой.

— Откуда вы знаете это?

— Это их дом. За... инженеры Кольца имели определенные растения, растущие... Ненис... Это только мои догадки. Ненис и черт побери! — Луис обхватил голову руками, кровь стучала у него в висках, словно большой барабан. — Моей вины в этом нет, я сам похищен.

Харкабипаролин выбралась из зонда и спрыгнула. Ее грубая голубая мантия пропиталась потом, и сейчас женщина очень походила на Халрлоприллалар.

— Я могу вам помочь — буду читать для вас.

— Для этого у нас есть машина.

Женщина подошла ближе, забытое ружье осталось лежать на полу.

— Мы сами виноваты в этом, не так ли? Мой народ забрал управляющие двигатели для наших космических кораблей. Могу я помочь вернуть мир на место?

— Луис, — произнес Хиндмост, — эта женщина не может вернуться. Трансферный диск в первом зонде включен на передачу. У нее в руках оружие?

— Харкабипаролин, дайте мне это.

Она повиновалась, и Луис неловко принял ружье. Похоже, его сделали Люди Машин.

— Отнесите его в передний левый угол трюма, — сказал Хиндмост. — Передатчик находится там.

— Я его не вижу.

— Он покрашен, как и остальной пол. Положите оружие в углу и отойдите. Женщина, стойте на месте!

Луис повиновался, и ружье исчезло. Мелькнув за стеной корабля, оно упало на поле космодрома: Хиндмост устроил приемник трансферного диска снаружи.

Луис удивленно покачал головой: паранойя кукольника напомнила Италию периода Возрождения.

— Хорошо. А теперь... Луис! Еще один!

Из зонда показалась покрытая каштановыми волосами макушка. Это был паренек из комнаты карт, совершенно голый, мокрый и едва не выпавший наружу, стараясь разглядеть помещение.

Он был в самом подходящем возрасте для встречи с чудесами и сейчас широко раскрытыми от изумления глазами смотрел по сторонам.

— Хиндмост! — заревел Луис. — Немедленно отключите трансферный диск!

— Уже. Нужно было сделать это раньше. Кто это?

— Мальчик из Библиотеки, его шестисложного имени я не запомнил.

— Каваресксенджаджок, — улыбаясь, подсказал мальчик. — Где мы, Лувиву? Что мы здесь делаем?

— Одному финаглу известно.

— Луис, мне не нужны чужаки на корабле!

— Если вы думаете выкинуть их в космос, забудьте об этом. Я вам не позволю.

— Тогда они останутся в грузовом трюме, вместе с вами. Думаю, вы с Чмии запланировали это. Не нужно было доверять вам.

— Вы и не доверяли.

— Что вы сказали?

— Мы умрем здесь от голода.

Последовала длинная пауза. Каваресксенджаджок ловко вылез из зонда, и они с Харкабипаролин принялись шептаться.

— Вы можете вернуться в свою камеру, — сказал наконец Хиндмост, — но они останутся здесь. Я оставлю трансферную связь включенной, чтобы вы могли кормить их. Они могут нам хорошо послужить.

— Каким образом?

— Луис, это хорошо, что часть жителей Кольца уцелела.

Местные жители находились слишком далеко, чтобы слышать переводчик Луиса, поэтому он сказал:

— Надеюсь, вы не надумали сдать? Записи на этих лентах могут привести нас прямо к магическому трансмутационному устройству.

— Да, Луис. А богатство Карт нескольких миров может оказаться в руках Чмии прямо сейчас. Мы можем рассчитывать на отсрочку в два-три дня, не больше. Нужно спешить.

Женщина и мальчик обернулись, когда Луис подошел к ним.

— Харкабипаролин, — сказал он, — помогите мне отнести читающую машину.

Спустя десять минут катушки, читающая машина и отделенный от нее экран оказались у Хиндмоста, на навигационной палубе. Харкабипаролин и Каваресксенджаджок ждали дальнейших указаний.

— Вы ненадолго останетесь здесь, — сказал им Луис. — Не могу сказать, что произойдет, но я pošлю вам пищу и постели. Можете мне верить. — Испытывая смутное чувство вины, он быстро повернулся и шагнул в угол.

Мгновением позже он снова оказался в камере — вместе со всем своим снаряжением.

Поспешно раздевшись, Луис заказал себе пижаму; сейчас он очень устал, но следовало позаботиться и о других. Кухня не дала ему шерстяных одеял, поэтому он заказал четыре больших пончо с капюшонами и отправил их через трансферный диск.

Затем углубился в воспоминания. Что любила есть Халрлоприлалар? Она была всеядна, но предпочитала свежую пищу. Луис набрал на пульте заказ, переправил его им и смотрел сквозь стену, как они с сомнением изучают пищу.

Только после этого он заказал грецкие орехи и выдержанное бургундское для себя. Жуя орехи и запивая их вином, Луис включил спальное поле, упал на него и вытянулся в свободном падении, чтобы подумать.

Дому Лиар придется заплатить за его разбой. Оставила ли Харкабипаролин сверхпроводящую ткань в Библиотеке? Он не знал даже этого.

Интересно, что делает сейчас Валавирджиллин? Переживающая за соотечественников, за весь свой мир и не имеющая возможности как-то воздействовать на события. Женщина и мальчик в грузовом трюме должны быть не менее испуганы, и, если Луис Ву умрет в ближайшие несколько часов, они ненадолго переживут его.

Все это являлось частью цены: его собственная жизнь тоже стояла на кону.

Итак:

ШАГ ПЕРВЫЙ: Пронести фонарь-лазер на борт «Иглы». Сделано.

ШАГ ВТОРОЙ: Можно ли вернуть Кольцо в исходное положение? В ближайшие несколько часов может оказаться, что это невозможно. Ответ зависел от магнитных свойств скрита.

Если Кольцо нельзя спасти, нужно бежать.

Если спасение возможно, тогда.

ШАГ ТРЕТИЙ: принятие решения. Смогут ли Чмии и Луис Ву вернуться живыми в известный космос? Если нет, тогда...

ШАГ ЧЕТВЕРТЫЙ: Мятеж.

Он должен был сам оставить кусок сверхпроводящей ткани в Доме Лиар и потребовать от Хиндмоста отключить трансферные диски зонда. В последнее время именно Луис Ву принял несколько неверных решений, и это беспокоило его. Теперь все зависело от его следующих действий.

Но в данный момент ему требовалось несколько часов сна.

Услышав сквозь сон приглушенные голоса, Луис повернулся и взглянул в ту сторону.

За кормовой стеной Харкабипаролин и Каварескенсджаджок вели оживленный разговор с потолком, но для Луиса это звучало всего лишь невнятным бормотанием, поскольку у него не было переводчика. Тем временем Строители Городов указывали на прямоугольную голограмму, парившую за пределами корабля, закрывая часть краевого космопорта.

Сквозь это окно виднелся освещенный солнцем двор серого каменного замка: грубо отесанные камни, множество прямых углов. Единственными окнами служили узкие вертикальные бойницы, одну из стен покрывали побеги плюща. Буйного бледно-желтого плюща и плюща с пурпурными ветвями.

Луис выбрался из поля.

Кукольник занимал свое место на навигационной палубе, грива его сегодня слабо флуоресцировала. Повернув к Луису одну голову, он спросил:

— Надеюсь, вы отдохнули?

— Да, это было мне просто необходимо. Какие новости?

— Я сумел починить читающую машину, но компьютер «Иглы» слишком плохо знает язык Строителей Городов, чтобы читать записи по физике. Я надеюсь пополнить запас слов, разговаривая с туземцами.

— Сколько это займет времени? У меня возникло несколько вопросов о строении Кольца. — Можно ли использовать основание Кольца, все эти шестьсот миллионов квадратных миль для изменения положения Кольца электромагнитным способом? Если бы он знал это наверняка!

— Думаю, от десяти до двадцати часов. Нам всем нужно время от времени отдыхать.

Слишком долго, подумал Луис, ведь ремонтная команда подходит к ним все ближе. Это плохо.

— Откуда идет это изображение? С посадочной шлюпки?

— Да.

— Можем мы отправить послание Чмии?

— Нет.

— Почему? Он должен носить свой переводчик.

— Я сделал ошибку, отключив переводчик с целью принуждения. Теперь он его не носит.

— Что с ним случилось? — спросил Луис. — Что он делает в средневековом замке?

— Прошло двадцать часов с тех пор, как Чмии достиг Карты Кзина. Я рассказывал вам, как он совершил разведочный полет, как позволил авиации кзинов атаковать себя, а затем сел на большой корабль, продолжая подвергаться атакам. Шесть часов спустя Чмии внезапно взлетел и направился в другое место. Думаю, что понял, чего он хочет добиться, Луис.

— Мне это неизвестно. Продолжайте.

— Самолеты некоторое время преследовали его, затем вернулись обратно. Чмии продолжал поиски, нашел дикую местность с небольшим каменным замком на вершине горы и приземлился во дворе. Разумеется, его атаквали, но у защитников не было ничего, кроме мечей, луков и тому подобного. Когда они окружили посадочную шлюпку, Чмии воспользовался парализатором. Затем...

— Подождите-ка!

Из-под округлой арки выскочил кзин в противоударных доспехах (Чмии!) и что было сил помчался через двор, вымощенный плитами. В его глазу торчала стрела, длинная деревянная стрела с бумажным оперением.

Следом за ним бежали другие кзины, размахивавшие мечами и булавами, из узких бойниц посыпались стрелы, отскакивавшие от противоударных доспехов. Когда Чмии достиг воздушного шлюза корабля, из окна вырвалась нить света. Луч лазера пробежал по плитам двора и остановился на посадочной шлюпке. Чмии нырнул внутрь. Луч замер на месте, затем вдруг погас, а бойница взорвалась красно-белым пламенем.

— Какая беззаботность, — буркнул Хиндмост. — Давать такое оружие врагам! — Вторая его голова взялась за рычаги и переключилась на изображение внутренних камер. Луис увидел, как Чмии закрыл воздушный шлюз, затем, пошатываясь, направился к автодоку, срывая с себя доспехи и роняя их на пол. Оказалось, что одна из ног кзина сильно поранена. С трудом поднял он крышку автодока и почти упал внутрь.

— Ненис! Он не включил мониторов! Хиндмост, мы должны помочь ему.

— Как, Луис? Если вы попытаетесь добраться до него через трансферный диск, то просто поджаритесь. Между скоростями посадочной шлюпки и...

— Ах, да! — Великий Океан располагался в тридцати пяти дуговых градусах Кольца, и разницы кинетических энергий хватило бы, чтобы взорвать город. Способа помочь Чмии не было.

Кзин лежал, истекал кровью, потом вдруг закричал, приподнялся, и его толстые пальцы ударили по клавиатуре автодока. Перевернувшись на спину, он дотянулся до крышки и закрыл ее.

— Неплохо, — сказал Луис. Стрела вошла в глаз под острым углом и, возможно, повредила ткань мозга... а может, и нет. — Итак, он был беспечен. Продолжайте.

— Чмии воспользовался парализатором и облучил весь замок. Затем потратил три часа, укладывая бессознательных кзинов на отражательную платформу и вывозя их наружу. Забаррикадировав ворота, он вновь вошел в замок, и в течение девяти часов я его не видел. Почему вы усмехаетесь?

— Он вывел наружу какую-нибудь самку?

— Нет. Я бы заметил.

— Ему чертовски повезло, что он надел свои доспехи достаточно быстро. Но по ноге его ударили, прежде чем он закончил.

— Похоже, Чмии уже не представляет для меня угрозы.

Он проведет в автодоке от двадцати до сорока часов, прикинул Луис, так что придется принимать решение самому.

— Нам кое-что нужно с ним обсудить, но, думаю, это ничего не даст. Хиндмост, пожалуйста, запишите следующий разговор и непрерывно передавайте запись на посадочную шлюпку. Я хочу, чтобы Чмии услышал это, когда проснется.

Кукольник потянулся назад; казалось, он жует пульт управления.

— Сделано. Так о чем вы хотели поговорить?

— Мы с Чмии не верим, что вы доставите нас обратно в известный космос. И даже что это вообще возможно.

Кукольник уставился на него с двух направлений. Плоские головы были расставлены широко, создавая максимальный стереоскопический эффект и позволяя изучать своего сомневающегося союзника и возможного врага.

— А почему я не должен этого делать, Луис? — спросил он.

— Во-первых, мы знаем слишком много. Во-вторых, у вас нет никаких причин возвращаться к мирам известного космоса. С магическим трансмутационным устройством или без него вы хотите вернуться к Флоту Миров.

Мышцы задней ноги кукольника непрерывно сокращались. (Это была нога, которой кукольники сражаются: повернутся спиной к врагу и — раз!)

— А что в этом плохого? — спросил Хиндмост.

— Разумеется, это лучше, чем оставаться здесь, — согласился Луис. — Кстати, что вы имели в виду?

— Мы можем сделать вашу жизнь более комфортабельной. Вы уже знаете, что мы создали средство долголетия для кзинов; с тем же успехом мы можем запастись закрепителем. На борту «Иглы» есть место для самок кзинов и людей, и фактически у нас уже есть женщина Строителей Городов. Вы можете путешествовать в статическом поле, так что теснота не доставит никаких затруднений. Вместе со своим окружением вы сможете поселиться на одном из четырех сельскохозяйственных Миров Флота, фактически он будет принадлежать вам.

— А если нам наскучит эта идиллия?

— Ерунда. У вас будет доступ к библиотекам родного мира, доступ к знаниям человечества. Флот движется сквозь пространство на скорости, близкой к световой, и конечной его целью являются Магеллановы Облака. Вместе с нами вы избежите взрыва ядра

галактики. Кроме того, нам может понадобиться ваша помощь для изучения интересных районов, ждущих нас впереди.

— Вы хотели сказать — опасных?

— А что еще я мог сказать?

К своему удивлению, Луис испытывал большое желание поддаться на уговоры. Интересно, как воспримет такое предложение Чмии? Отложит свою месть, чтобы в неопределенном будущем нанести вред родной планете кукольников?

— Зависит ли это предложение от находки магического трансмутатора? — спросил Луис.

— Нет. Ваши способности нужны нам, не взирая ни на что. Однако... любое обещание, данное мною, легче выполнимо при условии нахождения у власти Эксперименталистов. Консерваторы могут не понять вашу ценность, пропустив только Чмии...

Хорошо сказано, подумал Луис.

— Поговорите с Чмии...

— Кзин ранен, но я адресую свое предложение и к нему. Может, вы сумеете убедить его.

— Сомневаюсь.

— И в конце концов вы сможете увидеть свои миры. Через тысячу лет известный космос забудет о куколниках, а для вас, летящих с Флотом Миров со скоростью, близкой к световой, пройдет лишь несколько десятилетий.

— Мне нужно время подумать. И сообщить об этом Чмии, когда появится возможность. — Луис оглянулся — Строители Городов разглядывали его. Жаль, что он не мог поговорить с ними, потому что сейчас решалась и их судьба.

Наконец он решил.

— Я бы хотел отправиться сейчас к Великому Океану, — сказал Луис. — Мы можем подняться через гору Кулак Бога и двигаться достаточно медленно, чтобы...

— Я вообще не собираюсь двигать «Иглу» с места. Кроме метеоритной защиты могут быть и другие опасности, хотя достаточно и ее одной!

— Держу пари, что сумею переубедить вас. Помните оборудование для подъема двигателей Баззарда на краевой стене? Взгляните-ка туда сейчас.

На мгновение кукольник замер, затем развернулся и исчез из виду за непрозрачной стеной своего жилища.

Теперь ему хватит работы надолго.

Воспользовавшись удобным случаем, Луис Ву разобрал груды своей одежды и снаряжения и выудил из кармана рубашки фонарь-лазер.

ШАГ ЧЕТВЕРТЫЙ: ВЫБРАТЬСЯ.

Жаль, что автодок находится на посадочной шлюпке в ста миллионах миль отсюда, скоро он может понадобиться.

Внешний корпус «Иглы» наверняка защищен световым экраном; он есть у каждого корабля, хотя бы на иллюминаторах. Под воздействием слишком яркого света экран превращается в зеркало, спасая от повреждения зрение пилота.

Экран отражает солнечные вспышки и лучи лазеров. Если Хиндмост поставил непроницаемую стену между собой и своим плененным экипажем, значит, он наверняка закрыл экраном всю навигационную палубу.

А как насчет пола?

Луис опустил на колени. Гиперпространственный двигатель тянулся вдоль всей длины корабля: цвета бронзы, с закругленными углами, он производил впечатление полурасплавленного. Луис направил на него фонарь-лазер и ударил лучом в прозрачный пол.

Свет отразился от бронзовой поверхности, поднял вверх облачко паров металла. Потек расплавленный металл. Луис позволил лучу войти глубже, затем повел его по кругу, сжигая или плавя все, что казалось ему стоящим внимания. Жаль, что он никогда не изучал конструкцию гиперпространственных систем.

Лазер постепенно нагревался в руках Луиса. Он передвинул луч к одной из шести опор, поддерживавших двигатель в его вакуумной камере, и она осела. Луис атаковал вторую, и вскоре огромная масса двигателя перекосилась.

Внезапно узкий луч замерцал и погас — сели батареи. Луис тут же отшвырнул лазер в сторону, помня, что кукольник может взорвать его в руках противника, затем подошел к передней стене своей клетки. Кукольника не было видно, но зато Луис услышал звук, напоминавший предсмертный хрип каллиопа¹.

Кукольник рысью выбежал из-за непрозрачной зеленой секции стены и остановился перед ним. Мышцы его дрожали под кожей.

— Давайте обсудим новые обстоятельства, — сказал Луис Ву.

Не торопясь кукольник сунул обе головы под передние ноги и подогнул их под себя.

Глава 24

КОНТРПРЕДЛОЖЕНИЕ

Проснулся Луис Ву с чистой головой и чувством голода. Несколько минут он лежал, наслаждаясь свободным падением, затем

¹ Клавишный музыкальный инструмент.

потянулся и отключил поле. Взгляд на часы сказал ему, что прошло семь часов.

Гости «Иглы» спали под одной из огромных скоб, державших во время полета посадочную шлюпку. Беловолосая женщина спала беспокойно, закутавшись в свои пончо, из-под которых высывалась обнаженная нога; мальчик спал как ребенок.

Разбудить их не было возможности, да и смысла тоже. Стена не проводила звук, переводчик не работал, а трансферный диск мог перенести всего несколько фунтов. Неужели кукольник всерьез подозревал какой-то сложный заговор? Луис улыбнулся. Его мятеж был сама простота.

Он заказал бутерброд с сыром и, подойдя к передней стене своей камеры, принялся его жевать.

Хиндмост напоминал гладкое яйцо, покрытое шкурой, с гривой светлых волос, росших на тупом конце. Его ноги и головы скрывались внутри, и уже семь часов он не двигался.

Луису приходилось видеть, как то же самое делал Несс. Это было реакцией кукольников на потрясение: уткнуться носом в свой пуп и сделать вид, что вы вселивенной не существуете. Однако семь часов в такой позе — явный перебор. Если кукольник впадет в кататонию после шоковой обработки, которой подверг его Луис, это будет концом всего.

Уши кукольника находились на его головах, так что словам Луиса предстояло пробиться сквозь толщу мышц и костей.

— Я хочу предложить вам кое-что! — крикнул он.

Кукольник не реагировал, и Луис продолжал свой монолог.

— Кольцо все ближе подходит к солнцу. В наших силах кое-что сделать, но лишь после того, как вы перестанете созерцать свой пуп. Никто, кроме вас, не может управлять никакими механизмами «Иглы», потому что вы ее так спланировали. Поэтому, пока вы изображаете скамейку для ног, мы все ближе подходим к возможности, о которой мечтает каждый астрофизик.

Ожидая ответа, он доел свой бутерброд. Кукольники были великолепными лингвистами в любых чужих языках, и Луису было интересно: клюнет ли Хиндмост на брошенную им приманку?

Клюнул. Высунув одну голову, он спросил:

— Какой возможности?

— Шансу изучить солнечные пятна изнутри.

Голова тут же исчезла под брюхом кукольника.

— Ремонтная команда приближается! — заревел Луис.

Голова вынырнула снова и заревела в ответ:

— Что вы сделали с нами?! Что вы сделали со мной, с собой и двумя туземцами, которые могли бы спастись от огня? Можете ли вы думать о чем-то кроме вандализма?

— Могу, и предупреждал вас, что однажды нам придется ре-

шить, кто руководит этой экспедицией. Этот день наступил, — сказал Луис Ву. — Я хочу объяснить, почему вы должны выполнять мои распоряжения.

— Никогда не предполагал, что электродник может так жаждать власти.

— Итак, во-первых: я лучше соображаю, чем вы.

— Продолжайте.

— Мы не можем уйти отсюда: даже Флот Миров недосыгаем для корабля, летящего с досветовой скоростью. Если Кольцо поглотит, мы погибнем вместе с ним. Мы должны как-то вернуть его в прежнее положение. В-третьих, инженеры Кольца вымерли, по крайней мере, четверть миллиона лет назад, — осторожно сказал Луис. — Гуманоиды не могли мутировать и развиваться, пока создатели Кольца были живы, они не допустили бы этого, поскольку Кольцо создано защитниками расы Пак.

Луис ждал испуга или удивления, но кукольник демонстрировал только смирение.

— Ксенофобы, — заметил он. — Злобные, выносливые и весьма умные.

Вероятно, у него уже были подозрения.

— Это мои предки, — сказал Луис. — Они построили Кольцо и создали систему, удерживавшую его на месте. У кого из нас больше шансов постичь образ мыслей защитников Пак?

— Эти аргументы не имели никакого значения, будь у нас возможность убраться отсюда. Луис, я верил вам.

— Мне бы не хотелось считать вас глупцом. Вспомните, что мы не вызывались добровольцами в эту экспедицию.

— У вас есть четвертый аргумент?

Луис скорчил гримасу.

— Чмий разочаровался во мне; он хочет подчинить вас своей воле. Если я сумею сообщить ему, что вы подчиняетесь моим распоряжениям, он снова будет с нами. А мы нуждаемся в нем.

— Это верно. Он может постичь образ мыслей защитников Пак даже быстрее, чем вы.

— Итак?

— Какие будут распоряжения?

И Луис объяснил ему, что нужно делать.

Харкабипаролин заворочалась и вскочила на ноги еще до того, как увидела Луиса, выходящего из угла. В следующую секунду она вскрикнула, согнулась и накрылась пончо, метнувшись под его прикрытием за сброшенной голубой мантией.

Странное поведение. Нагота — табу для Строителей Городов? Нужно ли Луису тоже одеться? Подумав, он сделал то, что показало-

лось ему самым тактичным: повернулся к ней спиной и встал рядом с мальчиком.

Паренек стоял у стены, глядя на огромные пустые корабли. Пончо, которое он носил, было слишком велико для него.

— Лувиву,— сказал он,— это были наши корабли?

— Да.

Мальчик улыбнулся.

— Ваш народ строил такие большие?

Луис попытался вспомнить.

— У нас были очень большие корабли до того, как мы перешагнули световой барьер.

— Это один из ваших кораблей? Он может лететь быстрее света?

— Когда-то мог, теперь — нет. Я думаю, Дженерал Продактс № 4 даже больше этих ваших кораблей, но сами мы таких не строим. Это корабли кукольников.

— Вчера мы говорили именно с кукольником, не так ли? Он спрашивал о вас, а мы мало что могли сказать ему.

Харкабипаролин подошла к ним. Вместе с голубой мантией библиотекаря к ней вернулось самообладание.

— Ситуация изменилась, Лувиву? Нам было сказано, что вам не разрешается посещать нас.— Говоря, она избегала смотреть в его сторону.

— Я принял командование,— ответил Луис.

— Так просто?

— Я заплатил за это...

— Лувиву! — воскликнул мальчик.— Мы движемся.

— Все верно.

— А можно сделать здесь темно?

Луис приказал свету погаснуть, и сразу почувствовал себя более удобно. Темнота скрыла его наготу. Поведение Харкабипаролин оказалось заразительным.

«Горячая Игла Следствия» поднялась на двенадцать футов над полем космодрома, быстро, но без пиротехнических эффектов скользнула к краю и перевалила через него.

— Куда мы направляемся? — требовательно спросила женщина.

— К изнанке мира. Нам нужен Великий Океан.

Ощущения падения не возникло, но космический порт в полной тишине уходил вверх. Хиндмост дал кораблю опуститься на несколько миль, а затем включил толкатели. «Игла» затормозилась и двинулась под Кольцо.

Теперь под ними было море звезд, более ярких, чем когда-либо видели жители Кольца сквозь толщу атмосферы, а сверху — непроницаемая чернота: оболочка пенистого скрита не отражала света.

Луис все еще испытывал неудобство из-за своей наготы.

— Я возвращаюсь в свою комнату,— сказал он.— Кстати, почему бы вам не присоединиться ко мне? Там есть пища и возможность одеться, а также постели, если они вам нужны.

Харкабипаролин ступила на трансферный диск последней и, оказавшись в освещенной комнате, сильно вздрогнула. Луис рассмеялся: женщина пыталась посмотреть на него, но глаза ее отказывались повиноваться. Голый мужчина!

Луис заказал себе свободную рабочую блузу и надел ее.

— Так лучше?

— Да, спасибо. Вы думаете, я веду себя глупо?

— Нет, просто у вас не было контроля за климатом. Вы не могли пойти обнаженными в большинство мест, поэтому мое поведение кажется вам странным. Но, может, я ошибаюсь?

— Нет, вы правы,— ответила она.

— Прошлой ночью вы спали на жесткой палубе, сейчас можете попробовать водяную постель. Ее хватит для вас обоих и еще останется место, а Чмии не пользуется ею сейчас.

Каварескэнджаджок всем своим весом плюхнулся на покрытую мехом водяную постель и запрыгал на ней, так что поверхность ее пошла волнами.

— Луиву, мне это нравится! Похоже на плавание, но посуху!

Харкабипаролин осторожно села на колышущуюся поверхность и удивленно спросила:

— Чмии?

— Восьми футов роста, полностью покрытый оранжевым мехом. Он... выполняет задание в Великом Океане, мы сейчас собираемся к нему. Можете попросить его разделить с вами постель.

Мальчик рассмеялся, а женщина сказала:

— Вашему другу придется искать себе другого партнера. Я не занимаюсь РИШАТРА.

Луис хихикнул.

— Чмии более странен, чем вы думаете. Иметь с ним дело все равно, что заниматься РИШАТРА с колбасным растением. Вы будете в полной безопасности, конечно, если он не захочет занять всю постель, что вполне возможно. Будьте осторожны и никогда не пытайтесь разбудить его. Или можете воспользоваться спальными пластинами.

— Их используете вы?

— Да.— Он никак не мог понять, что означает выражение ее лица.— Поле можно настроить и на двоих.— (Ненис! Может, ей мешает присутствие мальчика?)

— Луиву,— сказала женщина,— мы помешали выполнению вашей задачи. Вы приходили просто украсть знания?

Точным ответом было бы да, но Луис ушел от него, сказав:
— Мы здесь, чтобы спасти Кольцо.

— Но что я могу... — задумчиво начала было она, но потом умолкла, уставившись поверх плеча Луиса.

За передней стеной появился Хиндмост, выглядевший сегодня великолепно. Копыта его были покрашены серебром, в гриве сверкали золотые и серебряные пряди, короткие светлые волосы, покрывающие остальную часть его тела, — вычищены до блеска.

— Харкабипаролин, Каваресксенджаджок, приветствую вас, — пропел он. — Ваша помощь крайне необходима. Мы преодолели огромное расстояние между звездами, надеясь спасти ваши народы и ваш мир от ужасной смерти.

Луис с трудом сдерживал смех; к счастью, его гости смотрели только на кукольника Пирсона.

— Откуда вы пришли? — спросил мальчик. — На что это похоже?

Кукольник попытался рассказать им. Он говорил о планетах, летящих сквозь пространство с почти световой скоростью, о пяти планетах, образующих пятиугольник — розетту Кемплерера. Искусственные солнца вращались вокруг четырех из них, выращивая продукты для населения пятой. Эта пятая светила только светом своих улиц и зданий, континенты ее сверкали желто-белым огнем, океаны оставались темными. Отдельные сверкающие звезды, окруженные туманом, были заводами, плавающими в морях, а тепло, выделяемое ими, нагревало воду. Вообще лишь тепло от промышленных предприятий спасало планету от холода.

Мальчик слушал, затаив дыхание, а женщина-библиотекарь тихо произнесла, не обращаясь ни к кому:

— Он действительно пришел со звезд. В нашем мире нет существ, похожих на него.

Кукольник рассказал о толпах, заполняющих улицы и огромные здания, о парках, бывших последними клочками естественной жизни планеты, рассказывал о системе трансферных дисков, с помощью которой можно в считанные минуты совершить кругосветное путешествие.

Харкабипаролин резко покачала головой и громко произнесла:

— Простите, но у нас нет времени. Мы хотели бы услышать больше, нам просто необходимо знать больше, но... вспомните об этом мире и солнце! Луис, я не должна была сомневаться в ваших словах. Чем можем мы помочь вам?

— Читая для меня, — ответил Хиндмост.

Каваресксенджаджок лежал на спине, разглядывая изнанку мира, скользившую мимо.

«Игла» летела под лишенной каких-либо примет черной крышей, на фоне которой Хиндмост расположил два голограммных окна. Один прямоугольник передавал изображение в усиленном свете, второй — показывал изнанку Кольца в инфракрасных лучах. При таком освещении площади, на которых продолжался день, выглядели ярче, чем накрытые ночной тенью, а реки и моря, темные днем, выглядели светлыми ночью.

— Похоже на обратную сторону маски, верно? — Луис говорил, понизив голос, чтобы не мешать Харкабипаролин.— Это река с притоками — видишь, как они торчат вверх? Выпуклости — это моря, а вон та линия впадин — целый горный хребет.

— Ваши миры тоже выглядят так?

— О, нет. Наши миры — это плотные каменные шары и их поверхность сформирована по воле случая. Этот же мир был вылеплен. Смотри, все моря имеют одинаковую глубину и размещены так, чтобы всюду было достаточно воды.

— Кто-то вырезал этот мир, как барельеф?

— Что-то вроде этого.

— Лувиву, это пугает меня. Как они выглядели?

— Они мыслили масштабно, любили своих детей и выглядели как защитный костюм.— Луис решил не слишком распространяться о защитниках.

— Что это? — показал пальцем мальчик.

— Не знаю.— Это напоминало яму, закрытую туманом.— Думаю, метеоритная пробоина. По ту сторону должен находиться глаз бури.

Экран читающей машины, находившейся на навигационной палубе, был размещен так, чтобы Харкабипаролин могла его видеть. Хиндмост починил повреждение и добавил толстый кабель, уходивший в пульт управления. По мере того, как женщина читала вслух, корабельный компьютер увязывал запись с ее словами и пополнял словарный запас языка Строителей Городов. Конечно, за столетия этот язык должен был измениться, но не очень сильно.

Что касается Хиндмоста, то он сидел в закрытой секции. Чужак страдал от последствий шока, и Луис не завидовал ему.

«Игла» продолжала ускоряться, и вскоре перевернутый ландшафт проносился мимо с такой скоростью, что невозможно стало разглядеть никаких деталей. Голос Харкабипаролин становился все более хриплым, и наконец Луис решил, что пора устроить перерыв для ленча.

Тут же возникли проблемы. Луис заказал филе с печеным картофелем, с сыром бри и батоном к нему. Мальчик в ужасе уставился на все это, женщина недоуменно взглянула на Луиса Ву.

— Простите,— сказал он.— Я думал, что вы всеядные.

— Конечно, всеядные. Мы едим растения и мясо,— сказала женщина.— Но не гниющую пищу!

— Пусть это вас не тревожит, здесь нет ничего опасного: хорошо выдержанный бифштекс и молоко, чуть тронутые плесенью...— Луис выбросил их тарелки в туалет и сделал новый заказ. На сей раз свежие фрукты со сливками, от которых, подумав, отказался, и блюда из рыбы, включая сасими. Его гости никогда прежде не видели соленой рыбы, и она им понравилась, но вызвала сильную жажду.

К тому же наблюдение за тем, как ест Луис, не доставило им удовольствия. Но что он мог сделать — умереть от голода?

Это они могли умереть от голода. Где он должен доставать для них красное мясо? Впрочем, конечно же, с другой стороны кухни, предназначенной для Чмии. И поджарить его на луче лазера. Кстати, нужно отдать лазер Хиндмосту для перезарядки (что может оказаться не простым делом, учитывая, как он разрядил его).

И еще одна проблема: возможно, сейчас они получают слишком много соли. Луис не знал, как быть с этим; может, Хиндмост сумеет перенастроить управление кухни.

После ленча Харкабипаролин продолжала чтение. К этому времени Кольцо превратилось в размытую ленту, несущуюся мимо корабля, и Каваресксенджаджок бесцельно слонялся из камеры в грузовой трюм и обратно.

Луис тоже испытывал беспокойство, ему хотелось изучить записи их первого визита сюда или же того, что произошло с Чмией на Карте Кзина. Однако Хиндмост не появлялся.

Постепенно Луис начал понимать, что его беспокойство имеет еще одну причину.

Он страстно желал библиотекаря.

Ему нравился ее голос: она читала уже несколько часов, и все-таки он оставался живым и напевным. Она рассказала ему, что иногда читает слепым детям, и Луис содрогнулся при одной мысли об этом. Луису нравилось ее благородство и смелость, нравились линии ее тела, очерченные мантией, и особенно то, что он увидел, пока она была без нее.

Прошли уже годы с тех пор, как Луис Ву занимался любовью с настоящей земной женщиной, и сейчас Харкабипаролин оказалась слишком близко от него. В общем, когда Хиндмост наконец присоединился к ним, Луис был вне себя от радости.

Они тихо разговаривали на интерволде под звуки голоса Харкабипаролин, читавшей для компьютера.

— Откуда же явились эти ремонтники-любители? — недоумевал Луис. — У кого на Кольце достаточно знаний для ремонта маневровых двигателей? Кстати, похоже, они не знают, что их слишком мало.

— Оставим их в покое, — сказал Хиндмост.

— А может, знают, но не могут придумать ничего другого? А есть еще вопрос, где они взяли снаряжение. Вполне вероятно, что в Ремонтном Центре.

— У нас и так достаточно проблем, так что оставим их в покое, повторил кукольник.

— Полагаю, на этот раз вы правы. И все же нельзя не удивляться. Вспомните, что Тила Браун воспитывалась и училась в человеческом космосе. Крупные конструкции, построенные в космосе, для нее не в новинку, и она знает, что значит, если солнце начинает смещаться в сторону.

— А могла ли Тила Браун организовать такое крупное предприятие?

— Может, и нет, но с ней должен быть Искатель. Это житель Кольца, может, даже бессмертный. Его нашла Тила. Он слегка безумен, но вполне мог бы организовать все это. Судя по его словам, ему не единожды приходилось играть роль короля.

— Тила Браун — это неудавшийся эксперимент. Мы пытались вывести счастливого человека, считая, что кукольники разделят это счастье. Есть оно у Тилы или нет, но это счастье явно не заразно. Нам ни к чему встречаться с Тилой Браун.

Луис вздрогнул.

— Согласен.

— Тогда не следует привлекать внимания пресловутой ремонтной команды.

— Добавьте постскрипtum к сообщению, которое передается для Чмии, — сказал Луис. — Луис Ву отказался от предложения укрыться на Флоте Миров и принял командование «Горячей Иглой Следствия», уничтожив при этом гиперпространственный двигатель». — Это должно встряхнуть его.

— Это уже встряхнуло меня. Луис, мои приборы не могут пробиться сквозь скрит, поэтому вашему сообщению придется подождать.

— Сколько все же потребуется времени, чтобы добраться до него?

— Около сорока часов. Я разогнал корабль до тысячи миль в секунду, а при такой скорости требуется пятикратное ускорение, чтобы придерживаться избранного пути.

— Мы можем выдержать и тридцатикратное. Вы слишком осторожны.

— Мне известно ваше мнение об этом.

СЕМЕНА ИМПЕРИИ

За изогнутым потолком мимо проносилась изнанка Кольца.

С расстояния в тридцать тысяч миль на скорости в тысячу миль в секунду разглядеть что-либо на покрытой пенистым веществом поверхности было весьма сложно. Мальчик в конце концов лег спать на оранжевый мех, но Луис продолжал смотреть. Его мучило сомнение, не обрек ли он их всех на смерть.

Наконец Хиндмост сказал женщине:

— Достаточно.

Луис вскочил с колеблющейся поверхности.

Харкабипаролин массировала горло, и оба они смотрели, как Хиндмост прокручивает четыре украденные ленты через читающую машину.

Это заняло всего несколько минут.

— Теперь это задача компьютера, — сказал кукольник. — Я задал ему несколько вопросов, и, если ленты содержат ответы, максимум через несколько часов мы их получим. Луис, а если нас не устроят ответы?

— Сначала скажите, что это за вопросы.

— Есть ли сведения о ремонтных работах, проводившихся на Кольце? Если да, поступала ли ремонтная техника из какого-то одного источника? Есть ли район, в котором ремонт проводился чаще, чем в других? Есть ли участок Кольца, отремонтированный лучше других? Локализация всех упоминаний о существах, похожих на Пак. Изменяется ли стиль доспехов по мере удаления от центральной точки. Каковы магнитные свойства основания Кольца и скрыта вообще?

— Хорошо.

— Может, я что-то пропустил?

— Пожалуй. Нам нужен наиболее вероятный источник лекарства бессмертия. Скорее всего, это Великий Океан, но все равно задайте этот вопрос.

— Хорошо. А почему Великий Океан?

— Во-первых, это довольно очевидно, а во-вторых, мы нашли всего один образец этого лекарства — у Халрлоприллалар. А ее мы встретили вблизи Великого Океана. — А еще потому, подумал Луис, что мы разбились там. Счастье Тилы Браун воздействовало на вероятность и могло привести нас прямо к Ремонтному Центру еще в первый раз. — Харкабипаролин, как по-вашему, мы что-то упустили?

— Я не понимаю, что вы делаете, — скрипуче ответила она. Как объяснить ей это?

— Наша машина запомнила все, записанное на ваших лентах. Мы попросили ее порыться в памяти и ответить на несколько вопросов.

— Спросите ее, как спасти Кольцо.

— Наши вопросы более конкретны. Эта машина может запоминать, сопоставлять и делать выводы, но она не может думать сама. Для этого она слишком мала.

Женщина покачала головой.

— А что, если ответы будут неверны? — настаивал Хиндмост. — Мы уже не можем спастись бегством.

— Придумаем что-нибудь еще.

— Я уже думал об этом. Нужно будет выйти на полярную орбиту вокруг солнца, чтобы уменьшить риск столкновения с обломками Кольца. Я помещу «Иглу» в статическое поле, чтобы дожидаться спасателей. Возможно, они никогда не придут, но лучше это, чем то, что ждет нас здесь.

Может, так все и произойдет, пришло на ум Луису. Вслух он сказал:

— Отлично. У нас еще пара лет, чтобы найти лучший выход.

— Меньше. Если...

— Да замолчите же наконец!

Измученная библиотекарьша опустилась на водяную постель, имитация меха кзина сморщилась под ее телом. Женщина на мгновение застыла, затем осторожно легла на спину. Мех продолжал волноваться, и в конце концов женщина расслабилась, позволив этим движениям укачивать себя. Каваресксенджаджок что-то протестующе буркнул сквозь сон и повернулся на бок.

Библиотекарьша выглядела очень привлекательно, и Луис изо всех сил боролся с желанием лечь с ней рядом.

— Как вы себя чувствуете?

— Уставшей и совершенно несчастной. Увижу ли я когда-нибудь свой дом? Если придет конец... то есть когда он придет... я бы хотела встретить его на крыше Библиотеки. Впрочем, цветы к тому времени погибнут, не так ли? Сгорят и замерзнут.

— Да. — Луис был тронут, он и сам наверняка не увидит больше своего дома. — Я попытаюсь доставить вас обратно. А сейчас вам нужно поспать. И помассировать спину.

— Нет.

Странно. Разве не принадлежала Харкабипаролин к Строителям Городов, народу, который правил Кольцом главным образом с помощью сексуальной привлекательности? Порой было трудно помнить, что отдельные личности чужих видов могут отличаться друг от друга, как и люди.

— Служители Библиотеки,— сказал Луис,— выглядят скорее священниками, чем живыми людьми. Вас учат воздержанию?

— Пока мы работаем в Библиотеке — мы обязаны воздерживаться. Но я воздерживалась по своей воле.— Она приподнялась на локте и смотрела на него.— Нас учили, что все другие виды жаждут заняться РИШАТРА со Строителями Городов. То же самое испытываете вы?

Он подтвердил.

— Надеюсь, вы можете контролировать себя.

Луис вздохнул.

— Ненис, конечно, да. Мне уже тысяча фаланов, и я научился отвлекать себя от этого.

— Каким образом?

— Обычно я обращаюсь к другой женщине.

Харкабипаролин не улыбнулась.

— А если другой женщины нет?

— Ну... тогда упражнения до изнеможения или алкоголь до беспамятства. А можно уйти в космос на одноместном корабле. Или предаться другим развлечениям. Или углубиться в работу.

— Алкоголя у вас нет,— сказала женщина и была права.— Какому еще удовольствию можете вы предаться?

Дроуд! Одно прикосновение тока, и ему будет безразлично, даже если Харкабипаролин на его глазах превратится в зеленую грязь. Но почему это беспокоит его сейчас? Он от нее не в восторге... ну, может, самую малость. А по ней этого вообще не скажешь. Сможет он спасти Кольцо или нет, помощи от нее не дожидаться.

— В любом случае вам нужен массаж,— сказал он, обошел ее и коснулся управления водяной постелью. Харкабипаролин удивленно уставилась на него, потом совершенно расслабилась, когда акустические вибрации воды принялись ласкать ее. Через несколько минут она уже спала. Луис настроил машину на отключение через двадцать минут, затем начал размышлять.

Если бы он не прожил год с Халрлоприллалар, то считал бы Харкабипаролин уродливой с ее лысой головой, узкими губами и маленьким плоским носом. Но он прожил его...

У него росли волосы там, где у Строителей Городов их не было. Может, в этом все дело? Или в запахе ее дыхания? А может, в каком-то особом знаке, ему неизвестном?

Человек, захватывающий звездолет, рискующий своей жизнью ради возможности спасти триллионы других людей и побеждающий привычку к наркотику, вряд ли остановится перед такой малостью, как удовлетворение своего желания с прелестным квартирантом. Электрод мог бы дать ему беспристрастно ясный взгляд на все это.

Вот так-то.

Луис подошел к передней стене.

— Хиндмост!

Кукольник рысью выбежал из-за стены.

— Поставьте для меня записи о Пак. Интервью и медицинские отчеты Джека Бреннана, изучение трупа чужака, вообще все, что есть.

Попробуем поработать.

Луис Ву висел в воздухе в позе лотоса, и широкое одеяние парило вокруг него. На экране, неподвижно висевшем за пределами корпуса «Иглы», давно умерший человек читал лекцию о происхождении человечества.

— Защитники обладали удивительно малой свободой выбора, — говорил этот человек, — а кроме того, имели еще инстинкты. Если у защитника Пак не было живых детей, он, как правило, умирал, просто прекращал есть. Однако некоторые защитники находили себе занятие в интересах всего своего вида, и это позволяло им жить дальше. Думаю, для меня это оказалось легче, чем для Физпока.

— И что же нашли вы? Какая цель заставила вас продолжать есть?

— Желание предупредить вас о защитниках Пак.

Луис кивнул, вспоминая данные вскрытия чужака. Мозг Физпока был крупнее человеческого, однако это укрупнение не касалось лобных долей. Голова Джека Бреннана имела вмятину посредине, потому что его человеческий лоб увеличивался, заставив разбухнуть заднюю часть черепа.

Кожа Бреннана превратилась в изрезанную глубокими морщинами броню, суставы чудовищно разбухли, губы и десны срослись, образовав твердый клюв. Впрочем, это ничуть не волновало бывшего зонника.

— Все признаки старости исчезают при превращении производителя в защитника, — рассказывал он давно умершему человеку из ARM. — Кожа утолщается и покрывается морщинами, теперь она может выдержать удар ножа. Вы теряете ваши зубы, а оставшиеся десны становятся твердыми. Ваше сердце может выйти из строя, но у вас появляется второе сердце, двухкамерное, в паху.

Голос Бреннана звучал скрипуче.

— Ваши суставы увеличиваются, образуя большее плечо, что увеличивает силу мускулов. Но ничто из этого не действует правильно без дерева жизни, а на Земле его не было три миллиона...

Луис подскочил, когда чьи-то пальцы дернули его за одежду.

— Лувиву? Я голоден.

— О'кей. — Все равно он уже устал и к тому же узнал мало полезного.

Харкабипаролин еще спала, но запах мяса, жарящегося на луче

фонаря-лазера, разбудил ее. Луис заказал для них фрукты и овощи и показал, куда бросать то, что им не нравится.

Сам он отправился есть в грузовой трюм.

Подчиненные беспокоили его, он даже не мог научить их заказывать себе пищу, потому что надписи на кухне были сделаны из интерволде и Языке Героев.

Есть ли какой-то способ использовать их?

Ну ничего, завтра он что-нибудь придумает.

Компьютер наконец начал выдавать результаты, и Хиндмост был занят. С трудом обратив на себя его внимание, Луис попросил записи о нападении Чмии на замок.

Этот замок занимал вершину каменистого холма. Стада желтых в оранжевую полоску животных, похожих на свиней, паслись на желтой травянистой равнине у его подножия. Посадочная шлюпка облетела замок, затем опустилась на его дворе, встреченная тучей стрел.

Несколько минут ничего не происходило, затем из нескольких арок одновременно выскочили оранжевые фигуры и у основания корабля остановились, сжимая оружие. Это были кзины, но словно бы искаженные. За четверть миллиона лет появились некоторые расхождения.

— Он бросил вас. Почему бы вам не оставить его?

Луис рассмеялся.

— Чтобы кровать была только ваша? Мы вели бой, когда я позволил вампиру соблазнить себя, и Чмии счел это отвратительным. По его меркам это я бросил его.

— Ни один мужчина или женщина не могут противиться вампиру.

— Чмии не человек, у него нет желания заниматься РИШАТРА с вампиром или каким-либо другим гуманоидом.

Все новые оранжевые коты окружали корабль. Двое из них принесли покрытый ржавчиной металлический цилиндр, а когда установили его, все бросились в укрытие.

Цилиндр исчез во вспышке бело-желтого пламени, сдвинув посадочную шлюпку на ярд или два. Кзины выждали немного, затем поползли обратно, чтобы изучить результаты.

Харкабипаролин содрогнулась.

— Наверное, они охотно съели бы меня.

— Возможно, — раздраженно ответил Луис. — Однако я помню времена, когда Чмии чуть не умирал от голода, но он никогда не трогал меня. Но что вас в этом смущает? Разве в городе нет плотоядных?

— Есть..

— А в Библиотеке?

Ему показалось, что она не ответит, но после долгой паузы женщина сказала:

— Какое-то время я жила в Доме Пант.— Говоря это, она старалась не встречаться с ним взглядом.

В первый момент Луис ничего не понял, но затем вспомнил: Дом Пант — похожий на луковицу верхушкой вниз; починка водосборника; хозяин, хотевший заплатить сексом, запах вампиров в холле.

— Вы занимались РИШАТРА с плотоядными?

— С Пастухами и Травяными Людьми, с Висячими Людьми и Ночными Людьми. Это все, что я помню.

Луис содрогнулся.

— С Ночными Людьми? Гулами?

— Ночные Люди очень важны: они поставляют информацию нам и Людям Машин, удерживая вместе то, что осталось от цивилизации, и мы хорошо делаем, не обижая их.

— Угу.

— Но однажды... Луиву, у Ночных Охотников очень сильно развито обоняние, запах вампиров приводит их в неистовство. Однажды мне сказали, что я должна заняться РИШАТРА с Ночным Охотником. И без запаха вампира... Тогда я попросила перевести меня в Библиотеку.

Луис вспомнил Мар Корссил.

— Они не показались мне очень уж отвратительными.

— Но заниматься с ними РИШАТРА? Мы — те, у кого нет родителей,— должны уплатить обществу долг, прежде чем сможем получить супруга и завести дом. При этом переводе я потеряла все свои накопления, да и произошел он не очень скоро.— Она посмотрела ему в глаза.— Это было невесело, но в других случаях было совсем плохо. Когда запах вампира исчезает, не остается никаких воспоминаний, помнишь только запахи. Запах крови в дыхании Ночных Охотников, запах разложения от Ночных Людей.

— Но теперь это у вас позади,— сказал Луис.

Некоторые из кзинов попытались встать, но затем все упали, погрузившись в сон. Спустя десять минут открылся люк, и Чмии спустился, чтобы принять командование.

Хиндмост появился спустя некоторое время, он был взъерошен и устал.

— Кажется, ваша догадка верна,— сказал он.— Не только в скрите есть магнитное поле, но все Кольцо опутано паутиной сверхпроводящих кабелей.

— Это хорошо,— откликнулся Луис, чувствуя, что огромная тяжесть свалилась с его плеч.— Это хорошо! Но откуда это узнали

Строители Городов? Вряд ли они копались в скрите и наткнулись на них.

— Нет. Они делали магниты для компасов и проследили сеть сверхпроводящих линий, образующих шестиугольный узор по всему основанию Кольца. Это помогло им составить их карты. Прошли века, прежде чем Строители Городов поняли, что именно они проследили, но эти знания помогли им создать свои собственные сверхпроводники.

— А бактерия, которую вы вывели...

— Они не коснулись сверхпроводников, погребенных в скрите. Однако основание Кольца уязвимо для метеоритов, и остается только надеяться, что ни один из них не разрушил сверхпроводящую сеть.

— Шансы на это достаточно велики.

— Луис, — задумчиво произнес кукольник. — мы все еще ищем тайну крупномасштабной трансмутации?

— Нет.

— Это могло бы прекрасно разрешить наши проблемы, — сказал Хиндмост. — Превращение материи в энергию должно быть значительно проще, чем превращение материи в другую материю. Допустим, мы просто выстрелим из... назовем это трансмутационной пушкой, размещенной на обратной стороне Кольца, в момент нахождения на максимальном удалении от солнца. Отдача должна поставить всю конструкцию на ее прежнее место. Разумеется, тут есть свои сложности. Ударная волна убьет множество туземцев, но многие из них уцелеют, а метеоритную защиту можно восстановить чуть позже. Почему вы смеетесь?

— Вы великолепы! К несчастью, нет никаких оснований считать, что трансмутационное орудие существует.

— Не понимаю.

— Харллоприллалар просто выдумала его, она призналась в этом позже. К тому же, откуда ей было знать о том, как построено Кольцо? Ее предки недалеко ушли от обезьян, когда это произошло: — Луис заметил, что головы клонятся вниз, и рявкнул: — Не вздумайте свернуться в клубок! У нас нет для этого времени.

— Да, да.

— Что еще вы узнали?

— Немного. Данные для анализа еще неполны, а фантазии относительно Великого Океана для меня ничего не значат. Изучайте их сами.

— Завтра.

Луиса разбудили звуки, слишком низкие, чтобы определить их. И он повернулся в темноте в свободном падении.

Света было достаточно, чтобы все видеть: Каваресксенджаджок и Харкабипаролин лежали в объятиях друг друга, о чем-то перешептываясь. Переводчик Луиса не улавливал смысла, но походило это на слова любви. Внезапный укол зависти заставил Луиса улыбнуться: он считал парня слишком молодым, а ему самому женщина отказала.

Луис перевернулся на спину, закрыл глаза и вскоре заснул.

И приснилось ему, что он снова в Отрыве.

Когда мир становился слишком ярким, изменчивым и требовательным, приходило время покинуть его. Луис уже делал это прежде. Один, на одноместном корабле, он устремлялся в неизведанные пространства за пределами известного космоса, осматривая их и изучая, пока вновь не обретал душевное равновесие. Сейчас Луис парил между спальными пластинами и видел счастливые сны о полете среди звезд. Никаких подчиненных, никаких обещаний, требующих выполнения.

А затем прямо ему в ухо в панике завывала женщина, под ребра больно ударила пятка, и Луис с болезненным криком сложился пополам. Чьи-то руки колотили его, а затем сомкнулись на шее в смертоносном объятии. Крики не умолкали.

Луис с трудом развел руки, освободив горло, и крикнул:

— Выключите поле!

Гравитация вернулась, и Луис с нападавшим оказались на нижней пластине. Харкабипаролин перестала визжать.

Каваресксенджаджок стоял перед ней на коленях, смущенный и испуганный, спрашивая о чем-то на языке Строителей Городов. Женщина молчала.

Мальчик снова заговорил, и Харкабипаролин наконец ответила ему. Мальчик неохотно кивнул; что бы он ни услышал, это ему не понравилось. С прощальным взглядом, которого Луис не понял, он шагнул в угол и исчез в грузовом трюме.

Луис потянулся за переводчиком.

— Ну ладно, что все это значит?

— Я падала! — всхлипнула женщина.

— В этом нет ничего страшного, — ответил Луис. — Просто некоторые из нас любят так спать.

Женщина уставилась на него.

— Падая?

Выражение ее лица не оставляло никаких сомнений относительно мыслей. Безумие, совершенное безумие... Наконец она взяла себя в руки и пожала плечами, после чего произнесла:

— Я знаю, что необходимость во мне исчезла теперь, когда ваша машина научилась читать быстрее меня. Единственное, чем я могу помочь, это облегчить ваши страдания от неудовлетворенного желания.

— Это радует,— сказал Луис. Он произнес эти слова саркастически, но поняла ли она его? Он будет презирать себя, если примет это подаяние.

— Если вы вымоетесь и тщательно почистите зубы...

— Замолчите. Ваше желание пожертвовать личными удобствами ради высших целей, конечно, похвально, но я не могу принять это предложение.

Женщина удивилась.

— Лувиву, вы не хотите заниматься со мной РИШАТРА?

— Спасибо, нет. Включите поле.— И Луис вновь поднялся в воздух. По опыту недавнего прошлого он ожидал новых криков, но ничего не мог с этим поделать.

Однако женщина удивила его.

— Лувиву,— сказала она,— для меня было бы ужасно завести сейчас ребенка.

Луис взглянул на ее лицо: не гневное, но очень серьезное.

— Если я сойду с Каваресксенджаджоком, у меня может родиться ребенок, которого ждет смерть в огне солнца.

— Тогда не делайте этого. В любом случае он еще слишком молод.

— Нет, вы ошибаетесь.

— Ну хорошо. Тогда, может... Нет, у вас же нет контрацептивов. А можете вы вычислить свой период, опасный для зачатия?

— Я не понимаю... Хотя, постойте, понимаю. Лувиву, наш вид правил большей частью этого мира потому, что постиг нюансы и разновидности РИШАТРА. Вы знаете, как мы узнали об этом так много?

— Полагаю, вам повезло?

— Лувиву, некоторые виды более плодovиты, чем другие.

— О...

— Еще очень давно мы поняли, что РИШАТРА — это способ избежать появления ребенка. Если мы вступаем в брак, то спустя четыре фалана появляется ребенок. Лувиву, можно ли спасти этот мир?

Эх, оказаться бы сейчас в одноместном корабле, в световых годах от любых обязательств перед кем бы то ни было, кроме самого себя... Или под электродом...

— Я не могу вам ничего гарантировать.

— Тогда займитесь со мной РИШАТРА, чтобы я не думала о Каваресксенджаджоке!

Это было не самое лестное предложение за жизнь Луиса Ву.

— А как вы собираетесь успокоить свой разум? — спросил он.

— Для этого способа нет. Бедный мальчик, он должен страдать.

Вы могли бы страдать оба, подумал Луис, но не произнес этого вслух. Женщина, была серьезна и обижена, и к тому же права:

сейчас не время производить на свет ребенка Строителей Городов.

Кроме того, Луис хотел ее.

Он выбрался из поля свободного падения и овладел ею на водяной кровати. Хорошо, что Каваресксенджаджок ушел в грузовой трюм. Но что скажет мальчик завтра утром?

Глава 26

ПОД ВОДАМИ

Луис проснулся в поле тяготения, с улыбкой на лице, приятной болью в каждом мускуле и резью в глазах. За прошедшую ночь ему удалось поспать совсем немного. Харкабипаролин не преувеличивала свою крайнюю потребность. Несмотря на время, проведенное с Халрлоприллалар, Луис даже не предполагал, что Строители Городов могут так возбуждаться.

Он повернулся, и большая кровать заволновалась под ним. Рядом лежал на животе Каваресксенджаджок, раскинувшийся, как морская звезда, и тихо храпящий.

Харкабипаролин, свернувшаяся на оранжевом меху в футе от кровати, шевельнулась и села. Потом сказала, видимо, извиняясь, что покинула его:

— Я проснулась и никак не могла понять, где нахожусь.

Культурный шок, подумал Луис. Он помнил, что Халрлоприллалар нравилось спальное поле, правда, не для сна.

— Здесь и пол хорош. Как вы себя чувствуете?

— В данный момент гораздо лучше. Спасибо.

— Это вам спасибо. Вы голодны?

— Еще нет.

Тогда Луис занялся упражнениями, его мускулы еще сохраняли крепость, но он давно не занимался; Строители Городов смотрели на него с изумлением. Закончив, Луис заказал завтрак: дыню, суфле Гранд Марнье, сдобные булочки и кофе. Как и следовало ожидать, от кофе его гости отказались, впрочем, как и от булочек.

Появился растрепанный и уставший Хиндмост.

— Все виды делали свои доспехи, копируя внешность защитника Пак,— сказал он.— Доспехи эти не во всем похожи друг на друга, но принципиальных отличий в них нет, возможно, в этом виновато распространение культуры Строителей Городов. Их империя так все перемешала, что источников происхождения уже не найти.

— А как насчет средства бессмертия?

— Вы были правы. Великий Океан рассматривается как источник страхов и удовольствий, включая и бессмертие. Причем этот

дар не всегда связан с лекарством, порой он приходит без предупреждения, как подарок капризных богов. Луис, для меня, как негуманоида, эти легенды не имеют смысла.

— Поставьте эту ленту для нас, я дам посмотреть ее нашим гостям. Может, они объяснят то, чего не сумею объяснить я.

— Хорошо.

— А как с ремонтами?

— В описанной истории на Кольце не было ремонтной деятельности.

— Вы шутите!

— Подумайте сами: большую ли площадь покрывают записи города и далеко ли они уходят в прошлое? Небольшую и недалеко. Кроме того, я изучил интервью с Джеком Бреннаном и пришел к выводу, что у защитников была очень долгая жизнь и очень большой объем внимания. Они предпочитали не пользоваться сервомеханизмами, если могли сделать работу сами. Например, на борту корабля Физпока не было автопилота.

— Это противоречит тому, что мы видим здесь. Система сливных труб наверняка автоматизирована.

— Это подход с позиции грубой силы. Нам неизвестно, почему защитники вымерли или покинули Кольцо. Возможно, они знали, что их ждет и имели время для автоматизации сливной системы. И вообще, Луис, нам не нужно знание об этом.

— Вот как? Метеоритная защита, вероятно, тоже автоматизирована. Неужели вы не хотите узнать о ней побольше?

— Хочу.

— И маневровые двигатели работали автоматически. Можно, конечно, не принимать это во внимание, однако тысячи видов гуманоидов развились с тех пор, как исчезли защитники Пак, а автоматика все еще действует. Или защитники собирались уходить с самого начала — во что я не очень-то верю...

— Или их агония растянулась надолго, — закончил Хиндмост. — У меня есть собственные мысли на эту тему. — Но высказывать их он не стал.

В то утро Луиса ждало чудесное развлечение. Истории о Великом Океане оказались отличным материалом с героями, королевствами и подвигами в схватках с ужасными чудовищами, но, впрочем, с отличиями от волшебных сказок человеческих культур. Например, любовь в них не была вечной. Спутники героев всегда были против сикса, и их преданность поддерживалась образно описываемыми РИШАТРА, а их странные способности считались само собой разумеющимися. Волшебники не обязательно были злыми; эту случайную опасность следовало избегать, а не сражаться с ней.

В просмотренном материале Луис обнаружил некоторые общие знаменатели: всегда присутствовала безбрежность моря, страх перед бурей и морские чудовища.

Часть из них была акулами, кашалотами, касатками, вундерлендскими рыбами-тенями или хищными водорослями. Некоторые имели разум. Здесь встречались морские змеи в мили длиной, с паром, идущим из ноздрей (подразумевало ли это легкие?) и пастями, усеянными острыми зубами. Упоминались сожженные земли и корабли, прибывавшие в порт без экипажа (выдумка или солнечники?), рассказывалось о неких островах, которые на самом деле были животными, такими большими, что на их спинах возникали целые экологические системы. Это продолжалось, пока тяжесть не начинала беспокоить существо, и тогда оно погружалось в воду. Луис мог бы поверить в их существование, если бы не встречал подобных легенд в литературе Земли.

Однако в жесткие шторма он поверил. Более чем огромные по площади шторма могли достигать ужасной силы, даже без учета силы Кориолиса, вызывавшей ураганы на обычных мирах. На Карте Кзина Луис видел корабль большой, как город; возможно, причина его появления — именно шторма Великого Океана.

Вместе с тем Луис не поверил упоминаниям о волшебниках, точнее, не обо всем. Похоже (по трем легендам) они относились к расе Строителей Городов, однако в отличие от волшебников из земных легенд были могущественными волнами. И все трое носили доспехи.

— Каваресксенджаджок? Волшебники всегда носят доспехи? Мальчик удивленно поглядел на него.

— Вы имеете в виду сказки, не так ли? Нет. Кроме того, я слышал, что они всегда живут у Великого Океана. Почему бы это?

— А они сражаются? Хорошие они бойцы?

— Им это не нужно.— Вопросы явно беспокоили мальчика. В разговор вмешалась Харкабипаролин.

— Луиву, я могу знать больше, чем Кава. Что вы пытаетесь выяснить?

— Я ишу жилище инженеров Кольца. Эти бронированные волшебники могут быть ими, хотя это слишком недавняя история.

— Это не они.

— Но на чем основаны легенды? На статуях? Мумиях, найденных в пустыне? На расовой памяти?

Она обдумала это предположение.

— Обычно волшебники принадлежат к виду, который рассказывает данную историю. Описания их различаются: рост, вес, то, что они едят. Однако у них есть и общие черты: все они ужасные забияки, безо всяких моральных принципов. Их нельзя победить, но можно обойти.

Как подводная лодка под полярными льдами, «Горячая Игла Следствия» двигалась под Великим Океаном.

Хиндмост слегка притормозил корабль, и они заметили длинную петлявшую ленту континентального шельфа, тянущуюся над ними. Дно Великого Океана было таким же активным, как суша: горы, достаточно высокие, чтобы подниматься над водой, подводные каньоны, видимые снизу, как хребты высотой в пять-шесть миль.

То, что оказалось над ними через некоторое время — крыша, темная даже при максимальном усилении освещенности и казавшаяся опасно близкой даже с расстояния в три тысячи миль, — должно было быть Картой Кзина (об этом сообщил компьютер). Видимо, Кзин переживал тектоническую активность, когда создавалась Карта: дно морей сильно выпячивалось, горные хребты были глубокими, с резкими контурами.

Луис ничего не смог узнать, покрытых пеной контуров оказалось слишком мало. Ему требовался солнечный свет и желто-оранжевые джунгли.

— Заставьте камеры вращаться. Есть ли сигнал с посадочной шлюпки?

— Хиндмост повернул к нему одну голову.

— Нет, Луис, его блокирует скрит. Видите почти круглый залив, в который впадает река? Огромный корабль пришвартован у его входа. Почти на другой стороне Карты, у слияния двух рек, находится замок, где стоит сейчас посадочная шлюпка.

— О'кей. Спуститесь на несколько тысяч миль. Дайте мне взглянуть сверху... или снизу.

«Игла» опустилась к изрезанной крыше, и Хиндмост сказал:

— Вы проделали такое же путешествие на «Лживом Ублюдке». Сейчас вы надеетесь найти какие-то изменения?

— Нет. Это вас раздражает?

— Конечно, нет, Луис.

— Сейчас я знаю больше, чем знал тогда. Может, замечу такое, что мы пропустили. Кстати, что это торчит возле южного полюса?

Хиндмост усилил увеличение. Длинный, узкий, исключительно черный треугольник выступал прямо вниз из центра Карты Кзина.

— Излучающая пластина, — сказала Харкабипаролин. — Я думала, что немного знаю науку, но... Что это такое?

— Это слишком сложно. Хиндмост...

— Лувиву, я не глупец и не ребенок!

Вряд ли ей больше сорока, подумал Луис.

— Ну хорошо. Это место является имитацией планеты — вращающегося шара. Солнечные лучи почти горизонтальны у полюсов планет, поэтому на них холодно. А на этой имитации планеты полюса охлаждаются искусственно. Хиндмост, дайте большее увеличение.

Поверхность пластины покрывали множество горизонтальных клапанов, серебристых вверху и черных внизу. Лето и зима, подумал Луис, а вслух произнес:

— Не могу в это поверить.

— Лувиву?

Он беспомощно развел руками.

— Я просто теряюсь. Слишком часто мне кажется, что я во всем разобрался, а затем оказывается, что все гораздо сложнее. Гораздо сложнее...

В глазах Харкабипаролин стояли слезы.

— Теперь я вам верю. Мой мир — лишь имитация настоящего.

Луис обнял ее.

— А ну — топните ногой — ваш мир так же реален, как этот корабль. Просто он больше, значительно больше.

— Луис? — сказал Хиндмост.

Взгляд в телескоп открыл ему новые пластины, меньших размеров, расположенные по периметру Карты.

— Разумеется, ведь арктические районы тоже нужно охлаждать.

— Конечно. Через минуту я буду в норме. Курс на Кулак Бога. Может компьютер найти его?

— Вполне. Но, может, он окажется заткнут? Вы говорили, что глаз бури заткнут или отремонтирован.

— Заткнуть Кулак Бога не так-то легко. Это дыра размерами больше Австралии, к тому же гора уходит за атмосферу. — Он сильно потер рукой закрытые глаза.

Нельзя позволить, чтобы это случилось со мной, подумал он. Все происходит на самом деле, и я могу управлять своим мозгом. Ненис, если бы я не пользовался электродом! Он искажает мое чувство реальности... И все же — охлаждающие пластины под полюсами?

Они уже вышли из-под Карты Кзина. Глубинный радар не показывал никаких труб под дном морей, однако они должны были существовать, иначе флуп заполнил бы все дно.

Эти хребты на обратной стороне Кольца, эти длинные подводные каньоны... Поставить землечерпалку в самые глубокие из них — и можно держать все океанское дно чистым.

— Хиндмост, сверните чуть в сторону: посмотрим на Карту Марса, а потом на Карту Земли. Это не должно увести нас слишком далеко от нашей цели.

— Это займет почти два часа.

— И все же рискнем.

Эти два часа Луис подремал в спальном поле, хорошо зная, что искатели приключений спят, когда им это удастся. Проснулся

он незадолго до срока, когда над кораблем еще продолжало скользить дно океана. Вскоре «Игла» затормозила и остановилась.

— Марс исчез,— сообщил Хиндмост.

Луис резко потрянул головой — просыпайся!

— Что?

— Марс — это холодный, сухой, почти безвоздушный мир, верно? Всю его Карту нужно охлаждать, да и осушать тоже, и к тому же поднимать почти за пределы атмосферы.

— Да, все это так.

— Тогда посмотрите вверх. Мы должны находиться под Картой Марса. Видите вы там пластину, более крупную, чем под Картой Кзина? Видите почти круглую впадину, уходящую вверх на двадцать миль?

Над их головами не было ничего, кроме перевернутых контуров морского дна.

— Луис, это беспокоит меня. Если наш компьютер вышел из строя... — Ноги Хиндмоста подогнулись, головы наклонились.

— Компьютер работает отлично,— сказал Луис.— Успокойтесь. Проверьте, не выше ли температура океана над нами.

Уже наполовину свернувшийся Хиндмост заколебался. Потом сказал:

— Слушаюсь,— и взялся за пульт управления.

— Правильно ли я поняла? — спросила Харкабипаролин.— Один из ваших миров исчез?

— Один из самых маленьких.

— Но это же не шары,— задумчиво произнесла она.

— Верно. Это так, словно очистили круглый плод и расправили его шкуру.

— Температура в этом районе колеблется,— доложил Хиндмост.— От сорока до восьмидесяти градусов Фаренгейта.

— Вода должна быть теплее вокруг Карты Марса.

— Карты Марса нет в наличии, и вода ничуть не теплее.

— Что-о-о?! Но это же ужасно!

— Если я правильно понял вас... да, это проблема.— Шеи кукольника изогнулись так, что один его глаз взглянул прямо в другой. Луис уже видел, как то же делал Несс, и ему было интересно, значит ли это, что кукольник смеется. Впрочем, это могло означать задумчивость.

Луис принялся расхаживать взад-вперед. Марс должен охлаждаться. Но как?

Внезапно кукольник издал странный свистящий звук.

— Может, сеть? — сказал он.

Луис замер на полушаге.

— Сеть? Верно! Но тогда это значит... черт! Ну как, полегчало?

— Мы достигли некоторого прогресса. Что теперь?

Они многое узнали, осматривая изнанку миров, поэтому...

— Пожалуй, заглянем на Карту Земли.

— Слушаюсь, — ответил Хиндмост, и «Игла» возобновила движение.

Такой большой океан, думал Луис, и так мало суши. Зачем инженерам Кольца требовалось так много соленой воды, сосредоточенной в двух местах? В двух, разумеется, для равновесия, но зачем так много?

Резервуары? Частично да. Заповедники морской жизни покинутого Пак мира? Борцы за охрану природы называли бы это похвальным занятием, но ведь это делали защитники Пак. Все их действия направлялись на обеспечение безопасности их кровных потомков.

Несмотря на изрезанное океанское дно, узнать Землю оказалось несложно. Луис указывал на плоские изгибы континентального шельфа, когда они пролетали под Африкой, Австралией, Америками, Гренландией... под пластинами, охлаждающими Антарктиду и Северный Ледовитый океан. Женщина и мальчик смотрели, вежливо кивая головами. Да и почему это должно их интересовать? Это же не их дом.

Да, если ничего не удастся сделать, лучшим вариантом будет доставить Харкабипаролин и Каваресксенджаджока домой. Сам Луис Ву был сейчас ближе к Земле, чем когда-либо прежде.

Морское дно продолжало скользить мимо них. Затем показалась береговая линия: плоский изгиб континентального шельфа, окаймленный лабиринтом заливов, бухт и речных дельт с полуостровами и группами островов, а также множеством деталей, слишком мелких для человеческого глаза. «Игла» двигалась влево от направления вращения, минуя невысокие горные цепи и плоские моря, за которыми четко видимая линия уходила прямо в направлении вращения, а за ее ближним кольцом...

Кулак Бога.

Очень давно нечто огромное ударило прямо в Кольцо. Огненный шар выдавил его основание вверх в виде наклонного конуса, а затем прорвался сквозь него. А прямую линию оставил гораздо более поздний метеорит: искалеченный космический корабль с корпусом Джeneral Продактс, с пассажирами, замороженными в статическом поле, прочертил ее на скорости семьсот семьдесят миль в секунду. Ненис, да они действительно продавили скрит!

«Горячая Игла Следствия» поднялась, словно в луче прожектора: солнечный свет вертикальным столбом вырывался из кратера горы Кулак Бога. Лохмотья скрита, возникшие, когда огненный шар прорвал Кольцо, обрамляли вулканический конус, подобно небольшим пикам. Корабль поднялся над ними.

Во все стороны расстилалась пустыня. Удар, создавший Кулак Бога, испепелил все живое на территории, большей, чем площадь

Земли. Далеко-далеко, в сотне тысяч миль голубизна расстояния сменялась голубизной моря, и только тысячемильная высота, на которой висела «Игла», позволяла увидеть это.

— А теперь вперед,— сказал Луис.— И подключитесь к камерам посадочной шлюпки. Посмотрим, как дела у Чмии.

— Слушаюсь.

Глава 27

ВЕЛИКИЙ ОКЕАН

Шесть прямоугольных окон висели в воздухе за стеной корпуса корабля, шесть камер показывали рубку посадочной шлюпки, нижнюю палубу и происходившее вокруг нее.

Рубка была пуста. Луис поискал взглядом индикаторы опасности и не заметил ни одного.

Закрытый автодок продолжал оставаться большим гробом.

— Что-то было не в порядке с камерами, показывающими окружение корабля: изображение шло волнами, раскачивалось, и цвета его словно струились. Впрочем, Луис разглядел двор замка, бойницы, нескольких кзинов в кожаных доспехах, стоящих на посту. На всех четырех экранах то и дело мелькали размазанные полосы — бегавшие взад-вперед кзины.

Огонь! Защитники развели вокруг посадочной шлюпки костры!

— Хиндмост! Можете вы поднять корабль отсюда? Вы говорили, что контролируете управление.

— Я мог бы заставить его взлететь,— ответил Хиндмост,— но это опасно. Мы в двенадцати дуговых минутах в направлении вращения и чуть левее Карты Кзина... Около трети миллиона миль и запаздывание сигнала на три с половиной секунды. К тому же система жизнеобеспечения работает нормально.

Четверо кзинов метнулись через двор открывать массивные ворота, через них вкатилась и остановилась колесная машина. Она была крупнее автомобиля Людей Машин, на котором Луис добрался до летающего города, и на крыльях у нее размещались пушки. Выбравшиеся из нее кзины внимательно разглядывали посадочную шлюпку.

Может, владелец замка позвал на помощь соседа? Или же сосед явился сам, чтобы заявить свои права на неприступную летающую крепость?

Орудия машины повернулись к камерам и плюнули огнем. Вспыхнуло пламя, изображение задрожало. Огромные оранжевые коты пригнулись, затем снова выпрямились, разглядывая результат залпа.

На пульте управления не вспыхнуло ни одного тревожного сигнала.

— Эти дикари не смогут повредить шлюпку, — сказал Хиндмост. Разрывные снаряды вновь хлестнули корабль.

— Верю вам на слово, — сказал Луис. — Продолжайте прием. Достаточно ли мы близко, чтобы я мог попасть на шлюпку через трансферный диск?

Кукольник изогнул шеи, глядя в глаза, и оставался в этой позе несколько секунд. Потом заговорил:

— Мы в двухстах тысячах миль в направлении вращения и в ста двадцати тысячах миль левее от Карты Кзина. Отклонение влево не имеет значения, но расстояние от оси вращения смертельно. Относительная скорость «Иглы» и посадочной шлюпки составляет восемь десятых мили в секунду.

— И это слишком много?

— Наша технология не может творить чудеса, Луис! Трансферные диски могут поглотить кинетическую энергию скорости до двухсот футов в секунду, не больше.

Взрывы разматали костры, и облаченные в доспехи кзины разложили их снова. Луис проглотил ругательства.

— Хорошо. Самый быстрый способ доставить меня туда — это двигаться против направления вращения, пока я смогу воспользоваться трансферным диском. Затем можно будет лететь вправо.

— Слушаюсь. С какой скоростью?

Луис открыл рот, чтобы ответить, но внезапно осенившая его мысль помешала этому. Наконец он сказал:

— Тут есть один интересный момент: как метеоритная защита Кольца опознает метеор? Или чужой корабль?

Кукольник вытянул голову назад и что-то передвинул на пульте.

— Я прекратил ускорение, нам нужно обсудить это. Луис, я не могу понять, откуда Строители Городов знали, что можно безопасно строить краевую транспортную систему. Это было верно, но откуда они могли это знать?

Луис покачал головой. Он мог представить, почему защитники Кольца запрограммировали метеоритную защиту не стрелять по краевой стене. Например, ради безопасного коридора для своих кораблей... Или, скажем, они обнаружили, что защита стреляет по маневровым двигателям каждый раз, когда те выбрасывают высокоскоростной султан газа.

— Я думаю, что сначала они попробовали с небольшими кораблями — и это сработало.

— Глупо и опасно.

— Однако мы знаем, что они делали подобные вещи.

— Вы слышали мое мнение. И все-таки, Луис: с какой скоростью?

Высокогорная пустыня постепенно понижалась: голая и безжизненная земля, экология которой разбилась вдребезги тысячи фалангов назад. Что же нанесло этот удар с изнанки Кольца? Кометы обычно не бывают такими большими, а астероидов и планет здесь нет: все удалены из системы во время строительства Кольца.

Скорость «Иглы» была уже значительной, и суша впереди начала покрываться зеленью, сверкали серебряные нити рек.

— Во время первой экспедиции мы использовали скутера и летели со скоростью 2 Маха ¹, — сказал Луис. — При такой скорости пройдет... восемь дней, прежде чем я смогу воспользоваться трансферным диском. Слишком долго. Полагаю, метеоритная защита стреляет по предметам, быстро движущимся относительно поверхности. Но насколько быстро?

— Самый простой способ определить это — ускоряться, пока что-нибудь произойдет.

— Трудно поверить, что это говорит кукольник Пирсона!

— Больше веры нашей технологии, Луис. Вспомните о статическом поле — и ничто не сможет причинить нам вред, пока мы находимся в нем. В худшем случае мы вернемся в нормальное состояние после того, как вернемся в поверхность и наша скорость уменьшится. Есть различные степени риска, Луис. Самое опасное, что мы могли бы сделать в ближайшие два года, — это спрыгивать.

— И все-таки... если бы это говорил Чмий... но кукольник Пирсона... Дайте мне немного подумать. — Луис закрыл глаза. — Итак, ситуация следующая. Сначала мы поднимем повыше разобранный зонд — тот, что остался в Библиотеке...

— Я уже передвинул его.

— Куда?

— На ближайшую высокую гору с обнажившимся скритовым гребнем. Это самое безопасное место, которое я сумел придумать. Зонд слишком ценен, хотя и не может больше запастись топливом.

— Хорошее место. Пусть останется там. Включите все приборы на этом зонде, а также все приборы «Иглы» и посадочной шлюпки и направьте большую их часть на теневые квадраты. Кстати, где еще, по-вашему, может находиться метеоритная защита? Только учтите, что она не может видеть огонь ПОД основанием Кольца.

— Понятия не имею.

— Хорошо. Мы направим камеры на Арку, на теневые квадраты, на Карту Кзина и Карту Марса.

— Разумеется.

— Сами мы останемся на высоте в тысячу миль. Можно ли взять зонд из грузового трюма и пустить его следом за нами?

¹ Единица скорости, равная скорости звука.

- Наш единственный источник топлива? Нет!
- Тогда продолжайте ускоряться, пока что-нибудь не произойдет. Как вам такой план?
- Слушаюсь, — сказал Хиндмост и повернулся к пульту

Камеры заметили происшедшее, однако никто из пассажиров «Иглы» ничего не увидел. Даже если бы они смотрели вверх, то заметили бы лишь пеструю голубизну Арки, ослепительно сияющую на фоне черного пространства, белые звезды и черный круг в том месте, где экран «Иглы» закрывал обнаженное солнце.

Однако они даже не взглянули вверх.

Под останками гиперпространственного двигателя земля стала зеленой и живой. Преобладали джунгли, болота и просто невозделанные земли, с редкими пятнами полей. Из многочисленных гуманоидов Кольца лишь немногие занимались сельским хозяйством.

Берега плоских морей изобиловали бухтами, а один раз они в течение получаса летели над паутиной дорог, раскинувшейся на семь тысяч миль в ширину. В телескоп можно было разглядеть лошадей под всадниками или запряженных в небольшие повозки. Нигде ни следа машин, вероятно, культура Строителей Городов в этих местах так и не поднялась снова после падения.

— Я чувствую себя богиней, — сказала Харкабипаролин. — Никто, кроме богов, не может видеть такого.

— Знал я одну богиню, — заметил Луис. — По крайней мере, она считала себя ею. Тоже была из Строителей Городов. Она входила в экипаж космического корабля и, вероятно, видела то, что вы видите сейчас.

— О...

— Только не берите это в голову.

Гора Кулак Бога медленно удалялась, и, глядя на нее, Луис вовсе не чувствовал себя богом. Он был слишком мал. И уязвим.

Крышка автодока на борту посадочной шлюпки не шевелилась.

— Хиндмост. — окликнул Луис. — могут ли в Чмии быть другие раны?

Кукольника не было видно, но голос его звучал чисто.

— Конечно.

— Он может умереть там.

— Нет. Луис, я занят, не беспокойте меня!

Изображение в телескопе постепенно начинало расплываться. Суша в тысяче миль внизу заметно смещалась: скорость «Иглы» превысила уже пять миль в секунду. Орбитальная скорость для Земли.

Сияющие облака слепили глаза. Далеко позади исчезал лоскутный узор обработанных полей, а прямо под кораблем суша опусти-

лась, а затем превратилась в сотни миль плоских лугов. Равнина эта тянулась влево и вправо насколько хватало глаз, реки, выходившие на нее, становились болотами и покрывались зеленью.

Хорошо прослеживались заливы, бухты, острова и полуострова: признаки береговой линии Океана, созданной ради удобства судоходства. Однако это была Старая береговая линия, за которой тянулись сотни миль плоской, отравленной солью земли. И только за ней начиналась голубизна океана. Луис почувствовал, как волосы зашевелились у него на голове при этом свежем напоминании об ударе Кулака Бога. Даже на таком расстоянии береговая линия Великого Океана была поднята; море отступило на семьсот или восемьсот миль.

Луис потерял ослепленные глаза: все внизу было слишком ярким. Фиолетовая вспышка...

Затем темнота.

Луис крепко зажмурился, а когда снова открыл глаза, все осталось так, как если бы он по-прежнему держал их закрытыми: темно — как в желудке.

Харкабипаролин закричала, Каваресксенджаджок замолотил руками. Ладонь его наткнулась на плечо Луиса, мальчик ухватился за него и повис. Женский визг внезапно прервался, и Харкабипаролин спросила:

— Лувиву, где мы?

— У меня дикое предположение, что мы на дне океана, — ответил Луис.

— Вы правы, — произнес Хиндмост. — На глубинном радаре это видно прекрасно. Включить прожектор?

— Конечно.

Вода была темной, однако «Игла» погрузилась не так глубоко, как могла бы. Мимо осторожно проплыла рыба, недалеко виднелся лес водорослей. Мальчик отпустил Луиса и прижался носом к стене; дрожа всем телом, Харкабипаролин тоже выглянула.

— Лувиву, — сказала она, — может, вы объясните мне, что произошло? И что все это значит?

— Разберемся, — ответил Луис. — Хиндмост, верните нас на высоту в тысячу миль.

— Слушаюсь.

— Сколько мы пробыли в статическом поле?

— Не могу сказать, хронометр «Иглы», разумеется, остановился. Я затребовал данные у зонда, но задержка сигнала составляет шестнадцать минут.

— С какой скоростью мы двигались?

— 5,81 миль в секунду.

— Тогда доводите ее, скажем, до пяти и держите на этом уровне, пока не увидим, что произошло.

Связь с посадочной шлюпкой восстановилась, как только «Игла» поднялась на поверхность. Огонь по-прежнему окружал корабль, автодок продолжал оставаться закрытым. Пора бы уже Чмии появиться, подумал Луис.

Голубое сияние усиливалось вокруг них. «Игла» поднялась из океана и устремилась вверх, навстречу солнечным лучам. Палуба чуть заметно подрагивала, пока океан проваливался вниз с ускорением в двенадцать же.

Зрелище за кормой впечатляло.

В сорока или пятидесяти милях за ними огромные волны накатывались на плоский берег, бывший когда-то континентальным шельфом, а от берега тянулся назад глубокий желоб. «Игла» врезалась не в воду, огненный шар столкнулся с землей и продолжал двигаться.

Еще дальше пляж сменялся лугом, а затем лесом, и все это сейчас горело. Тысячи квадратных миль огненного шторма, языки пламени, со всех сторон рвущиеся прямо вверх в самом центре, подобно испарениям над пятном солнечных пятен, оставшимся далеко-далеко позади. Удар «Иглы» не мог вызвать такого опустошения.

— Теперь мы знаем, — сказал Хиндмост. — Метеоритная защита запрограммирована стрелять на необитаемой территории. Луис, мне страшно. Израсходованная энергия сравнима с той, что приводит в движение Флот Миров, а ведь автоматы должны проделывать это неоднократно.

— Мы знаем, что Пак мыслили масштабно. Как это было сделано?

— Не мешайте мне. Как узнаю — скажу. — И Хиндмост исчез.

Это было досадно, ведь всеми приборами распоряжался кукольник. Он мог просто спрятать свои головы, и как тогда Луис узнает, в чем дело? Кукольник не мог даже изменить такое положение дел...

Харкабипаролин дернула Луиса за руку, и он огрызнулся:

— Что такое?

— Луис, я ничего не понимаю. Мой здравый смысл поколеблен. какие-то силы владеют мной, а я даже не могу их описать. Пожалуйста, скажите, что с нами случилось?

Луис вздохнул.

— Мне придется рассказать вам о статических полях и о метеоритной защите Кольца. А также о кукольниках Пирсона, корпусах Дженерал Продактс и защитниках Пак.

— Я готова.

Он принялся рассказывать, а она кивала и задавала вопросы, на которые он отвечал. Луис не знал, много ли из этого она понима-

ет, но, разумеется, он и сам знал гораздо меньше, чем хотел бы. Однако в большей части рассказанного ей он был уверен, и, убедившись в этом, женщина успокоилась.

Затем она отвела его к водяной постели, не обращая внимания на Каварескенджаджока, который лишь один раз оглянулся на них через плечо, а затем вновь устался на Великий Океан, скользивший мимо.

В РИШАТРА они нашли успокоение. Конечно, поддельное, но какая разница?

Внизу под ними было слишком много воды. С тысячемильной высоты взгляду требовалось пройти долгий путь, прежде чем слой атмосферы блокировал поле зрения, и на большей части этого пути не встречалось ни единого острова! Контуры морского дна просматривались сквозь толщу воды, и в некоторых местах оно было достаточно мелким, однако единственные острова находились очень далеко, да и те, вероятно, были подводными вершинами, прежде чем Кулак Бога нанес свой удар.

По океану гуляла шторма, однако напрасно было бы высматривать спиральные узоры, означавшие ураган или тайфун. Облака образовывали узоры, напоминавшие реки в воздухе, и эти реки перемещались, даже если смотреть с такой высоты.

Кзины, осмелившиеся пересечь этот простор, не были трусами, а те, что вернулись, не были глупцами. Эти острова справа на горизонте — требовалось смотреть искоса, чтобы убедиться в их существовании, — наверняка были Картой Земли и просто терялись во всей этой голубизне.

Холодное контральто кукольника разрушило его мысли.

— Луис? Я уменьшил нашу скорость до четырех миль в секунду.

— Хорошо. Четыре, пять — какая разница?

— Луис, где, вы говорили, расположена метеоритная защита?

Что-то такое было в тоне кукольника...

— Я ничего не говорил. Мне это неизвестно.

— Вы говорили о теневых квадратах, это есть в записях. Если метеоритная защита не может охранять изнанку Кольца, она должна находиться на теневых квадратах. — Голос звучал совершенно бесстрастно.

— Я сделал неверный вывод?

— Слушайте внимательно, Луис. Когда наша скорость превысила 4,4 мили в секунду, солнце вспыхнуло. Это есть на видеозаписи, а мы не видели этого из-за экрана. Солнце исторгло из себя струю плазмы длиной в несколько миллионов миль, но заметить ее было трудно, поскольку она двигалась прямо на нас и не сопровождалась возмущением магнитного поля звезды, как обычная вспышка.

— Но ударила-то нас не солнечная вспышка.

— Эта вспышка за двадцать минут преодолела несколько миллионов миль, а затем превратилась в фиолетовую лазерную нить.

— О, мой Бог...

— Газовый лазер исключительно крупных размеров. Земля еще горит там, куда попал луч. По моим расчетам, он покрыл площадь в десять километров диаметром; даже при средней эффективности вспышки такого масштаба равна лучу газового лазера мощностью в 3 помноженное на 10 в двадцать седьмой степени эргов в секунду.

Тишина.

— Луис?

— Подождите минутку.— Так вот в чем заключался секрет инженеров Кольца. Вот почему они чувствовали себя в безопасности и почему смогли построить Кольцо. Они могли отразить любое вторжение. У них имелось лазерное оружие, большее, чем целые миры, большее, чем система Земля—Луна, большее, чем...— Хиндмост, я сейчас упаду в обморок.

— Луис, у нас нет для этого времени.

— Но как это управляется? Что заставляет звезду извергать плазму? Наверняка, это магнетизм. Может, это единственная функция теневых квадратов?

— Не думаю. Камеры отметили, что кольцо теневых квадратов разошлось, чтобы пропустить луч, и сжалось во всех остальных местах, вероятно, для защиты Земли от усилившегося излучения. Трудно предположить, что это же кольцо теневых квадратов управляет с помощью магнетизма фотосферой звезды. Умный инженер должен был спроектировать две отдельные системы.

— Вы правы, абсолютно правы. И все же проверим это, хорошо? Вы записали все возможные магнитные эффекты с трех различных положений. Определите, что заставило солнце вспыхнуть.— Аллах, Кдапт, Брахма, Финагл, пусть это будут теневые квадраты! — Хиндмост? Что бы вы ни обнаружили, не сворачивайтесь в клубок.

Последовала пауза, затем:

— В данных обстоятельствах это обречет на смерть нас всех. Я не сделаю этого, пока остается какая-то надежда.

— Надежда есть всегда, помните это.

Карта Кзинов наконец-то появилась в поле зрения. Она находилась дальше Карты Земли — сто тысяч миль точно направо, — но в отличие от нее была единой компактной массой. Под таким углом она выглядела черной линией, как и предсказывал Хиндмост, возвышаясь над морем на двадцать миль.

Красные огоньки мигали на приборной доске посадочной шлюп-

ки: температура снаружи достигла ста десяти градусов по Фаренгейту. На большом гробу, в котором находился Чмии, никаких огней не было, автодок имел собственный температурный контроль.

Защитники замка, казалось, исчерпали запас взрывчатых веществ, однако дров у них было в достатке.

Кораблю оставалось преодолеть двадцать тысяч миль.

— Луис?

Луис выбрался из спального поля. На Хиндмоста было страшно смотреть: грива растрепана, краска с одной ее стороны стерлась. Кукольник шатался, как будто все его суставы одеревенели.

Луису захотелось пройти сквозь стену и погладить гриву кукольника, чтобы помочь тому расслабиться.

— Может, в этом замке находится библиотека, — сказал он. — Может, Чмии уже известно такое, чего не знаем мы. Ненис, да может, ремонтная команда уже знает ответ.

— Этот ответ известен и нам: возможность изучить солнечные пятна изнутри. — Голос кукольника звучал холодно, словно говорил компьютер. — Вы не забыли свою догадку о гексагональном узоре сверхпроводников, вделанных в основание Кольца? Скрыт может намагничиваться и управлять плазменными выбросами из солнечной фотосферы.

— О!

— Может быть, именно это столкнуло Кольцо с его прежнего места. Плазменная струя формировалась для сжигания метеоритов, блуждающих комет, даже флота с Земли или Кзина — и эта плазма ударяла в Кольцо. А маневровых двигателей, чтобы вернуть его обратно, не было. Впрочем, метеориты могли сделать это и без плазмы. Ремонтная команда пришла поздно, слишком поздно.

— Итак, надежды нет.

— Сеть сверхпроводников не дублирует маневровые двигатели.

— С вами все в порядке?

— Нет.

— Что вы собираетесь делать?

— Выполнять приказы.

— Хорошо.

— Будь я Хиндмостом этой экспедиции, сейчас бы я сдался.

— Верю.

— Вы предвидите что-то еще более худшее? Я рассчитал, что солнце, вероятно, можно передвинуть. Плазменная струя может действовать как газовый лазер, превратившись в фотонный двигатель для самой звезды. Гравитация звезды оттолкнет Кольцо в сторону, но даже самый сильный удар будет слишком слаб, чтобы спасти нас. К тому же излучение плазменной струи разрушит всю экологию... Луис, вы смеетесь?

Луис действительно смеялся.

— Я никогда не думал о передвижении солнца. А вы, конечно, пошли еще дальше и разработали математическую модель?

Холодный, механический голос ответил:

— Да. Но это не поможет нам. Что же остается?

— Выполнять приказы. Сохраняйте скорость в четыре мили в секунду и дайте мне знать, когда можно будет попасть на посадочную шлюпку.

— Слушаюсь, — кукольник отвернулся.

— Хиндмост?

Одна голова повернулась обратно.

— Иногда капитуляция не имеет смысла.

Глава 28

КАРТА КЗИНА

Все огни на автодоке горели зеленым светом; Чмии внутри него был жив, а может, и здоров.

Однако термометр навигационной палубы показывал температуру сто шестьдесят градусов по Фаренгейту.

— Луис, вы готовы к прыжку? — спросил Хиндмост.

Карта Марса была черной черточкой под линией голограммных окон справа, Карта Кзина просматривалась гораздо лучше. За Марсом в нескольких дуговых градусах и пятидесяти тысячах миль Луис обнаружил голубовато-серые пунктирные линии на фоне голубовато-серого моря.

— Мы еще не достигли нужного положения.

— Верно. Вращение Кольца будет причиной различия скоростей «Иглы» и посадочной шлюпки. Однако его вектор вертикален, и мы можем довольно быстро его компенсировать.

Луису потребовалась секунда, чтобы перевести эти слова в график, после чего он сказал:

— Вы собираетесь нырнуть в океан с высоты в тысячу миль?

— Да. Никакой риск нельзя считать безумным, после того как ваше безумие поставило нас в такое положение.

Луис расхохотался (кукольник учит смелости Луиса Ву?), но внезапно помрачнел. Как еще может экс-Хиндмост снова обрести утраченную власть?

— Хорошо, — сказал он. — Начинайте погружение.

Луис заказал и надел пару деревянных башмаков, стянул свою робу и снова надел ее поверх противоударных доспехов и рубашки, оставив в руке фонарь-лазер. Пустынное море приближалось.

— Я готов.

— Тогда вперед.

Одним гигантским шагом Луис преодолел сто двадцать тысяч миль.

Кзин, двадцать лет назад.

Луис Ву растянулся на потертом каменном фуухесте и погрузился в мысли.

Эти странной форма каменные лежа, называемые фуухест, использовались как скамьи во всех охотничьих парках Кзина. По форме они напоминали почку и предназначались для самцов-кзинов, лежащих наполовину свернувшись. Охотничьи парки кзинов были полны и хищников, и их жертв: оранжево-желтые джунгли, в которых фуухест служили единственным напоминанием о цивилизации. При населении в сотни миллионов планета по стандартам кзинов была перенаселена. Парки, разумеется, тоже.

Луис шел сквозь джунгли с самого утра, устал и сейчас лежал, разглядывая мелькавших мимо туземцев.

В джунглях оранжевые кзины почти незаметны. Только что никого не было, а в следующую секунду разумное плотоядное весом в четверть тонны обнюхивает твой след. Самец-кзин резко остановился, изумленно глядя на улыбающегося с закрытыми губами Луиса (кзины показывают зубы только вызывая противника) и на знак патриаршей защиты на его плече (Луис постарался, чтобы его было хорошо заметно). Как обычно, кзин решил, что это не его дело, и исчез.

Удивительно, как такой большой хищник ухитрялся вызывать лишь ощущение его присутствия среди желтой листвы. Следующими появились огромный взрослый самец и пушистый юнец в половину его роста. Они разглядывали пришельца.

Луис был новичок в языке Героев, однако понял, о чем идет речь, когда котенок взглянул на отца и спросил:

— Это хорошая еда?

Глаза взрослого встретились с глазами Луиса, и человек позволил своей улыбке стать шире, открыв при этом зубы.

— Нет, — ответил кзин-отец.

Уверенный в себе после четырех войн людей с кзинами плюс нескольких инцидентов — все несколько веков в прошлом, но все выигранные людьми, — Луис усмехнулся и кивнул. Ты верно сказал ему, Папа! Безопаснее есть белый мышьяк, чем мясо людей!

Кольцо, двадцать лет спустя:

Стены купались в жаре, и Луис начал потеть. Впрочем, это его не беспокоило — он привык к сауне, а для сауны сто шестьдесят градусов — не температура.

Записанный голос Хиндмоста рычал и фыркал на языке Героев, предлагая укрытие на Флоте Миров.

— Прекратите передачу! — приказал Луис, и голос умолк.

Рвущееся вверх пламя закрывало окна, вооруженная пушкой машина уехала. Двое кзинов, промчавшись через двор, установили под кораблем какую-то коробку и бросились обратно.

Это были не вполне кзины: не такие цивилизованные, как Чмии. Если бы Луис Ву попал им в лапы... Но в корабле он был в безопасности.

Луис посмотрел вниз: вокруг корабля стояли шесть коробок — несомненно, бомбы. В любую секунду они могли взорваться.

Луис усмехнулся и занес руки над пультом, борясь с искушением, потом, справившись с ним, быстро нажал на горячие кнопки. Упершись ногами, он ухватился за подлокотники кресла, используя свою робу как подкладку.

Посадочная шлюпка поднялась из огня. Кольцо огненных шаров вспыхнуло внизу, а затем замок превратился во все более уменьшающуюся игрушку. Усмешка не сходила с лица Луиса: он все-таки поборол искушение. Используй он для подъема ядерный привод вместо отражателей, кзины были бы потрясены силой взрывов бомб.

По корпусу и иллюминаторам словно застучал град, и, подняв взгляд, Луис увидел, как дюжина крылатых машин приближается к нему. Затем самолеты остались внизу. Луис скривился: он настраивал автопилот прервать подъем на пяти милях. Может, он хотел избавиться от этих самолетов, а может, и нет.

Он встал и повернулся к лестнице.

Взглянув на приборы, Луис фыркнул и вызвал Хиндмоста.

— Чмии совершенно здоров и мирно спит в автодоке. Тот не будил его потому, что условия снаружи непригодны для жизни.

— Непригодны?

— Здесь слишком жарко; автодок не может выпустить своего пациента прямо в огонь. Но теперь, когда мы вышли из пламени, все должно остыть. — Луис провел рукой по лбу; пот капал с его локтя. — Если Чмии выйдет, вы опишете ему ситуацию? Мне нужен холодный душ.

Он был в душе, когда пол ушел у него из-под ног. Луис схватил полотенце, обернул его вокруг пояса и побежал вверх по лестнице. По корпусу вновь стучал град.

Медленно и осторожно, словно все у него болело, Чмии повернулся на своем месте у пульта. Он как-то странно косил, а шерсть

вокруг его глаза была выбрита. Искусственная кожа покрывала выбритую полосу на его бедре, тянувшуюся до самого паха.

— Хелло, Луис,— сказал он.— Я вижу, вы уцелели.

— Да. Что вы делаете?

— Я оставил в крепости беременных самок.

— Их что, должны вот-вот убить? Или у нас есть несколько минут?

— О чем нам говорить?

— Ситуация такова, что ваши самки умрут через два года.

— Они могут укрыться в статическом поле на борту «Горячей Иглы Следствия». Я все еще надеюсь убедить Хиндмоста...

— Убедите меня. Я принял командование «Иглой».

Руки Чмии шевельнулись, и пол резко прыгнул вверх. Луис вцепился в спинку кресла и оказался на ней верхом, быстрый взгляд на пульт управления сказал ему, что спуск «Иглы» прекратился. Прекратился и дождь снарядов, хотя дюжина самолетов продолжала кружить за окнами. Крепость находилась в полумиле внизу.

— Как вы договорились с ним? — спросил Чмии.

— Я расплавил гиперпространственный двигатель.

Кзин двигался невероятно быстро. Луис успел только вздрогнуть, как оказался завернут в оранжевый мех. Одной рукой прижав человека к груди, когтями другой кзин ухватился за брови Луиса.

— Грубо,— сказал Луис.— Очень грубо. И что вы планируете делать дальше?

Кзин не шевелился. Кровь заливала глаза Луиса, он чувствовал, что его спина вот-вот треснет.

— Похоже, что я снова спас вас,— сказал он.

Кзин отпустил его и осторожно отступил назад. Потом спросил:

— Значит, вы обрекли на смерть нас всех? Или знаете, как вернуть Кольцо в исходное положение?

— Второе.

— И как же?

— Два часа назад я мог бы сказать вам, а теперь нам придется искать другой ответ.

— Почему вы сделали это?

— Я хотел спасти Кольцо, и это был единственный способ склонить Хиндмоста к сотрудничеству. Теперь на карту поставлена его жизнь. А что нужно сделать, чтобы заставить сотрудничать вас?

— Вы глупец. Я буду искать способ передвинуть Кольцо, хотя бы ради спасения своих детей. Ваша задача — убедить меня, что мне нужны вы.

— Пак, построившие Кольцо, были моими предками, мы уже пытались думать, подражая им, помните? Кроме того, у меня есть два библиотекаря Строителей Городов, хорошо знающие историю Кольца. С вами они сотрудничать не будут. Они уже поняли, что

вы за чудовище, так что, даже убив меня, вы ничего не добьетесь.

Чмии на мгновение задумался.

— Если они боятся меня, то будут повиноваться. На карту поставлен их мир, а их предками тоже были Пак.

Температура в посадочной шлюпке стала уже неприятно низкой для обнаженного мужчины, но, несмотря на это, Луис вспотел.

— Кроме того, я уже обнаружил Ремонтный Центр.

— Где?

Луис быстро прикинул, что даст ему утаивание этой информации.

— Это Карта Марса.

Чмии уселся.

— Что ж, это впечатляет. Эти перемещенные кзины многое узнали о Карте Марса за период исследований, но таких данных у них нет.

— Готов поспорить, что корабли исчезали у берегов Карты Марса.

— Пилот самолета говорил мне, что исчезло множество кораблей, но с Карты Марса ничего ценного не привезено. Разведчики привезли домой богатство с Карты, расположенной дальше в направлении вращения, но ничего настолько ценного, чтобы оправдать строительство кораблей. Вам нужен автодок?

Луис вытер кровь с лица своей робой.

— Пока нет. Эта Карта в направлении вращения похожа на Землю, поэтому она вообще не защищалась.

— Возможно. Но слева есть еще одна Карта, и корабли, уходившие туда, никогда не возвращались. Может, Ремонтный Центр там?

— Нет, это Карта Дауна. Их встречали гроги.— Луис снова вытер лицо. Когти вонзились неглубоко, но царапины на лице кровоточат долго.— Давайте обсудим, что делать с вашими беременными самками. Сколько их?

— Не знаю. Шестеро были в плодном периоде.

— У нас нет места для них, и им придется остаться в замке. Или вы думаете, что местный властелин убьет их?

— Нет, но он вполне может убить моих детей мужского пола. Есть и другая опасность... Впрочем, этим я займусь сам.— Чмии повернулся к пульту.— Самая могущественная цивилизация построена вокруг одного из древних исследовательских судов под названием «Бегемот». Если они выследили меня до этого места, может начаться война против крепости.

Падая, самолеты вспыхивали, как факелы. Чмии исследовал небо радаром, глубинным радаром и инфракрасными лучами. Пусто.

— Луис, может, их было больше? Может, кто-то приземлился?

— Не думаю. А если все-таки, значит, у них кончилось топливо, да и взлетной полосы они не найдут... Разве что дороги? Проверьте

еще их. Нельзя позволить, чтобы они связались с большим кораблем. Радио должно действовать в пределах видимости, а в атмосфере Кольца, вероятно, есть слой Хэвисайда.

Дорога оказалась всего одна, но на ней имелось несколько прямых участков. Кроме того, были еще ровные поля... Лишь через несколько минут Чмии удовлетворился осмотром. Самолетов больше не было — ни одного.

— Теперь следующее,— сказал Луис.— Вы не можете просто уничтожить всех и в этой крепости, насколько я понял, самки кзинов не могут заботиться о себе.

— Нет... Луис, это удивительно, но самки из этого замка гораздо умнее наших.

— Они так же умны, как вы?

— Нет! Однако у них есть даже небольшой запас слов.

— Может, ваш собственный народ выводил послушных самок, отказываясь жить с более развитыми в течение сотен тысяч лет? В конце концов вы создали себе рабов.

Чмии беспокойно зашевелился.

— Возможно. Самцы здесь тоже другие. Я пытался связаться с правителями исследовательского судна: продемонстрировал свою силу и стал ждать, когда они начнут переговоры. Однако они и не подумали об этом, они вели себя так, словно единственная возможность — это сражаться, пока один из нас будет уничтожен. Мне пришлось оскорбить предков Хджарла, чтобы заставить его говорить со мной.

Но ведь кукольники не разводили здесь послушных кзинов, подумал Луис.

— Ну хорошо, если вы не можете забрать из крепости самок и не можете уничтожить здешних самок, тогда вам придется иметь с ними дело. Попробуем гамбит Бога?

— Возможно. Давайте сделаем так...

Посадочная шлюпка висела сразу за пределами досягаемости орудия прибывшей машины, бросая тень на золу костров, горевших во дворе. Луис слушал голоса, доносившиеся из переводчика Чмии, и ждал сигнала кзина.

Чмии уговаривал лучников стрелять в него, Чмии угрожал, обещал и снова угрожал. Стаккато ударов лазерного луча, режущего камин, сменялось грохотом их падения, переводчик свистел, рычал и фыркал.

Так прошло четыре часа. Наконец Чмии шагнул из узкого окна и полетел вверх. Луис дождался, пока он окажется на борту, затем встал. Кзин появился перед ним без летательного пояса и противоударных доспехов.

— Вы не дали мне сигнала о начале гамбита Бога,— сказал Луис.

— Вас это обидело?

— Нет, конечно, нет.

— Здесь это прошло бы плохо. Кроме того... я просто не смог, ведь они мои соплеменники. Я не мог угрожать им человеком.

— Понятно.

— Катакт воспитает моих детей, как Героев. Он научит их воевать, а когда они подрастут, отправит завоевывать земли для самих себя. Они не станут угрозой его владениям и получат хороший шанс выжить, если я не вернусь. Я оставил Катакту мой фонарь-лазер.

— Вот и хорошо.

— Надеюсь.

— Значит, с Картой Кзина закончено?

Чмии задумался.

— Я захватил пилота самолета; все они дворяне с известными именами и всесторонним образованием. Хджарл многое рассказал мне о периоде исследований после того, как я высмеял достижения его предков. Можно предположить, что на «Бегемоте» есть богатая библиотека. Может, захватим ее?

— Расскажите мне, о чем говорил Хджарл. Как далеко они заходили на Марс?

— Они наткнулись на стену падающей воды. Следующие поколения изобрели скафандры и высотные самолеты, изучив с их помощью периметр Карты, а одна группа добралась до центра, покрытого льдом.

— Я думаю, мы уже превзошли библиотеку «Бегемота»,— заметил Луис.— Они не были внутри. Хиндмост, вы слушаете?

— Да, Луис,— откликнулся микрофон.

— Мы направляемся к Карте Марса. Делайте то же самое, но оставайтесь слева от нас на случай, если вам придется прыгать.

— Слушаюсь. У вас есть что сообщить мне?

— Чмии собрал кое-какую информацию. Кзины изучили поверхность Карты Марса и не обнаружили ничего чуждого ей, поэтому мы до сих пор не знаем, где искать вход.

— Может быть, он снизу.

— Да, возможно. Это будет досадно. Как держатся наши гости?

— Вам нужно поскорее присоединиться к ним.

— Я сделаю это как только смогу. Посмотрите, есть ли данные о Марсе в компьютере «Иглы». И о марсианах тоже. Конец связи.— Он повернулся.— Чмии, вы будете управлять кораблем? Тогда держите скорость не более четырех миль в секунду.

Посадочная шлюпка, повинувшись прикосновениям кзина, понеслась вперед и вверх. Серая стена облаков разошлась, пропустив

ее, открыв голубое небо, все более темневшее по мере подъема. Карта Кзина пронеслась под ним, потом осталась позади.

— Кукольник ведет себя довольно послушно, — сказал Чмии.

— Да.

— А вы, я вижу, весьма уверены в Карте Марса.

— Точно. — Луис усмехнулся. — Вероятность ошибки очень велика, но шанс есть. Слишком уж большой объем они туда запрятали. Мы прошли этим же путем под Великим Океаном, и, как вы думаете, что мы нашли под Картой Марса?

— Не тяните время.

— Ничего, кроме морского дна. Не было даже радиаторов. У большинства других Карт есть радиаторы для охлаждения полюсов — инертная холодильная установка, — а у Карты Марса ее нет. Куда же уходит тепло? Я думал, что в морскую воду, но оказалось — нет. Мы полагаем, тепло закачивается прямо в сверхпроводящую сеть в основании Кольца.

— Сверхпроводящую сеть?

— С большими ячейками, управляющую магнитными эффектами в основании Кольца. Это используется для воздействия на солнце. Если Карта Марса включена в эту сеть, она должна быть центром управления Кольца.

Чмии задумался, потом сказал:

— Они не могли отдавать тепло морской воде. Теплый влажный воздух поднимается вверх, образуя характерный рисунок облаков. Из пространства Карта Марса должна выглядеть как огромная мишень. Неужели защитники Пак могли совершить такую ошибку?

— Нет. — Но сам Луис совершил.

— Я очень мало знаю о Марсе. Эта планета никогда не была особенно важной для вашего народа, верно? Всего лишь источник легенд. Я знаю, что Карта поднята на двадцать миль вверх, чтобы имитировать крайне разреженный воздух планеты.

— Двадцать миль высоты и пятьдесят шесть миллионов квадратных миль площади. Это миллиард сто двадцать миллионов кубических миль скрытого пространства.

— Уррр, — сказал Чмии. — Должно быть, вы правы. Карта Марса — Ремонтный Центр, и Пак отлично спрятали его. Хджарл рассказал мне о чудовищах, штормах и расстояниях Великого Океана. Они оставили надежных охранников; целый флот вторжения мог бы никогда не разгадать тайны.

Луис рассеянно потер четыре зудящих точки на лбу.

— 1,12 на 10 в девятой степени кубических миль. Признаться, эта цифра заставляет меня цепенеть. Что же могут хранить там? Затычки, достаточно большие для Кулака Бога? Машины, достаточно большие, чтобы доставлять их на место, вставлять и плотно

закреплять? А может, подъемники, которые мы видели на краевой стене? Или запасные маневровые двигатели? Ненис, хотел бы я найти запас этих двигателей! Но и после этого еще останется место.

— Может, военный флот?

— Да. Мы уже знаем об их главном оружии и все же... конечно, военный флот, а к нему корабли для перевозки беженцев. Может, вся Карта — это один большой транспортный корабль. Он должен быть достаточно большим, чтобы эвакуировать Кольцо до того, как население начнет заполнять все экологические ниши.

— А может, космический корабль, достаточно большой, чтобы отбуксировать Кольцо обратно на место? Мне трудно представить его размеры, Луис.

— Мне тоже. Сомневаюсь, что он достаточно велик.

— Тогда что вы имели в виду, разрушая наш гиперпространственный двигатель? — прорычал вдруг кзин.

Луис не собирался уступать.

— Я думал, что Кольцо может усилить магнитное воздействие на солнце. Это почти так, однако...

Из динамика вдруг донесся громкий голос Хиндмоста:

— Луис! Луис! Поставьте корабль на автопилот и немедленно переходите ко мне!

Г л а в а 29

КАРТА МАРСА

Чмии оказался у диска раньше Луиса, одним огромным прыжком. Кзину тоже можно отдавать приказы, подумал Луис, но воздержался от комментария этого факта. Строители Городов смотрели сквозь корпус, но не на проносящийся мимо пейзаж, в котором не было ничего, кроме голубого моря и покрытого облаками голубого неба, сливающихся у далекого горизонта, а на экраны-голограммы. Когда Чмии возник на приемном диске, они обернулись и отпрянули, после чего попытались спрятаться.

— Чмии, познакомься с Харкабипаролин и Каваресксенджаджом, — сказал Луис, — библиотекарями из летающего города. Они оказали нам большую помощь в сборе информации.

— Хорошо, — отозвался кзин. — Хиндмост, в чем дело?

Луис дернул Чмии за мех и показал.

— Да, — подтвердил кукольник. — Это Солнце.

На прямоугольной голограмме солнце выглядело тусклым, и только ослепительное пятно возле его центра дрожало, меняя форму непрерывно.

— Если не ошибаюсь, — сказал Чмии, — оно выглядело почти так же незадолго до того, как мы сели на краевой космопорт.

— Верно. Перед вами метеоритная защита Кольца. Хиндмост, что будем делать? Мы можем снизиться, но я не вижу способа спасения посадочной шлюпки.

— Моей первой мыслью было спасти ваши ценные жизни, — ответил кукольник.

Ярко освещенное море уносилось назад под мчащейся «Иглой». Яркость его постепенно росла, приобретая фиолетовый оттенок, потом на мгновение стала совершенно невыносимой, а затем на корпусе у них под ногами появилось черное пятно — сработал экран.

Черная как смоль нить, очерченная фиолетово-белым, как вертикальная колонка, протянувшаяся от земли до неба, возникла на горизонте в направлении вращения. За пределами атмосферы ее не было видно.

Кзин заговорил на языке Героев.

— Все очень хорошо, — отозвался Хиндмост на интерволде, — но во что это стреляло? Я считал, что цель — мы.

— Кажется, в этом направлении лежит Карта Земли? — спросил Луис.

— Да. А также множество воды и обширные территории Кольца.

Когда луч скользнул вниз, горизонт вспыхнул белым. Чмии прошептал несколько слов, на языке Героев, но Луис понял его.

— С таким оружием я превратил бы Землю в пар.

— Замолчите!

— Это вполне естественная мысль, Луис.

— Да, конечно.

Луис внезапно исчез, затем скользнул вниз снова, на несколько градусов левее.

— Ненис! Ну хорошо, Хиндмост, поднимаемся. Заберемся выше, чтобы воспользоваться телескопом.

На Карте Земли сверкала желто-белая точка, похожая на след удара обычного метеорита, еще одно пятно сияло на дальнем берегу Великого Океана.

— Может, в этих направлениях были самолет или космический корабль? — предположил Чмии. — Какой-то быстро движущийся объект?

— Приборы могли что-нибудь зарегистрировать, — ответил Хиндмост.

— Проверьте это. И уменьшите высоту полета до одной мили. Насколько я понял, мы хотим попасть на Карту Марса из-под поверхности.

— Луис?

— Выполняйте.

— Вам известно, как создается этот лазерный луч? — спросил Чмии.

— Это вам расскажет Луис, — ответил кукольник. — А я занят.

«Игла» и посадочная шлюпка подошли к Карте Марса с двух направлений. Хиндмост удерживал два корабля на параллельных курсах, чтобы можно было переходить с одного на другой.

Луис и Чмии перебрались на посадочную шлюпку, чтобы съесть ленч. Чмии был голоден и проглотил несколько фунтов сырого мяса и лосося, запив все галлоном воды. Луис тоже отвел душу, радуясь, что гости не следят за ним.

— Не понимаю, почему вы взяли этих пассажиров, — сказал Чмии. — Правда, с женщиной можно заниматься любовью, но зачем нужен парень?

— Они Строители Городов, — ответил Луис, — и их раса правила большей частью Кольца. К тому же этих я забрал из библиотеки. Познакомьтесь с ними, Чмии, поговорите.

— Они боятся меня.

— Но вы же дипломат, не так ли? Я хочу предложить мальчику посмотреть посадочную шлюпку. Расскажите ему о Кзине, об охотничьих парках, о Доме Прошлого Патриарха. Расскажите, как совокупаются кзины.

Луис перескочил на «Иглу», переговорил с Каваресксенджаджоком и вместе с ним вернулся в шлюпку, прежде чем Харкабипаролин до конца осознала, что происходит.

Чмий показал мальчику, как управлять кораблем. По его команде шлюпка пикировала вниз, делала сальто или устремлялась вверх. Мальчик был в восторге. Затем кзин показал ему чудесные очки, сверхпроводящую ткань и противоударные доспехи, а после этого они заговорили о любовных играх и РИШАТРА. У Каваресксенджаджока не было практического опыта, однако теорию он знал.

— Мы делаем записи, если участники позволяют это, и храним их в архивах. Некоторые виды придумывают замену РИШАТРА: например, наблюдают за парой или говорят об этом. Некоторые соединяются только в одном положении, другие только в определенное время, а у третьих акты очень долгие. Все это влияет на торговые отношения, поэтому существуют различные вспомогательные средства. Лувиву говорил вам о духах из вампиров?

Поглощенные беседой, они не заметили, как Луис в одиночку вернулся на «Иглу».

Харкабипаролин была расстроена.

— Лувиву, он может поранить Каву!

— Они прекрасно проводят время, — успокоил ее Луис. —

Чмии мой помощник, к тому же любит детей всех видов. Он совершенно не опасен. Если хотите стать его другом, почешите ему за ушами.

— А как вы поранили свой лоб?

— Из-за своей беспечности. Пожалуй, я знаю, как успокоить вас.

И они занялись любовью — то есть РИШАТРА — на водяной кровати, с использованием массирующего устройства. Эта женщина могла ненавидеть Дом Пант, но научилась она там многому. Спустя два часа, когда Луис был уверен, что больше не сможет даже шевельнуться, Харкабипаролин погладила его по щеке и сказала:

— Завтра заканчивается мой плодный период, и вы сможете прийти в себя.

— У меня смешанные чувства к этому предмету, — Луис хихикнул.

— Луиву, я буду чувствовать себя лучше, если вы вернетесь к Чмии и Каве.

— Хорошо. Видите, как меня шатает? Смотрите, я становлюсь на трансферный диск, теперь — паф! — и все готово.

— Луиву...

— Ничего, все хорошо.

Темная линия Карты Марса постепенно превращалась в стену, преграждавшую им путь. Когда Чмии снизился, микрофоны шлюпки уловили ровный шум, более громкий, чем свист рассекаемого воздуха. Они приближались к стене падающей воды.

С расстояния в милю она выглядела идеально ровной и бесконечно длинной. Вершина этого водопада находилась в двадцати милях над их головами, а основание окутывал туман. Вода гремела в их ушах, пока Чмии не отключил микрофоны, и тогда ее стало слышно сквозь корпус.

— Это похоже на водосборники в городе, — сказал мальчик. — Должно быть, наши люди научились делать их именно здесь. Чмии, я говорил тебе о водосборниках?

— Да. Если Строители Городов забирались так далеко, они могли найти и путь вовнутрь. Нет у вас истории о поллой земле?

— Нет.

— Их волшебники, — сказал Луис, — строили все, как защитники Пак.

— Луиву, — сказал мальчик. — Этот водопад... почему он такой большой?..

— Он окружает всю вершину Карты, забирая из воздуха водяной пар. Вершина должна оставаться сухой, — ответил Луис. — Чиндмост, вы слушаете?

— Да. Какие будут распоряжения?

— Мы на посадочной шлюпке полетим вокруг, используя глубинный радар и другие инструменты. Может, удастся найти дверь под этим водопадом. А вы на «Игле» изучите вершину. Как у вас с запасами топлива?

— Достаточно, хоть и не хватит до дома.

— Хорошо. Мы снимем зонд и пустим его следом за «Иглой» милях в десяти и на бреющем полете. Пусть трансферные диски и микрофоны будут включены постоянно. Чмии, вы хотите лететь на шлюпке?

— Да,— ответил кзин.

— Хорошо. Идем, Кава.

— Я бы хотел остаться здесь,— сказал мальчик.

— Тогда Харкабипаролин убьет меня. Идем.

«Игла» поднялась на двадцать миль, и красный Марс открылся перед ними.

— Ужасно,— прошептал Каваресксенджаджок, но Луис не обратил на него внимания.

— По крайней мере, мы знаем, что ищем нечто большое. Представьте затычку для пробойны диаметром с Кулак Бога. Нам нужен люк, чтобы протаскать эту пробку, плюс машина, чтобы поднять ее. Где бы вы поместили ее на Карте Марса, Хиндмост?

— Под водопадом,— ответил кукольник.— Кто ее будет искать? Океан пуст, а падающая вода скрывает все.

— Да, это имеет смысл. Но эту возможность проверит Чмии. Что еще?

— Можно спрятать контуры гигантского люка в марсианском ландшафте: он может быть неправильной формы с шарнирами в длинном прямом каньоне. А еще я мог бы расположить его подо льдом, расплавляя и замораживая северный полюс, чтобы скрыть свои приходы и уходы.

— А есть здесь такие каньоны?

— Да. Однако полюса предпочтительнее, Луис. Марсиане никогда не приближались к полюсам, потому что вода убивает их. Карта была полярной проекцией, так что южный полюс был растянут вдоль всего периметра.

— Хорошо. Летим к северному полюсу. Если ничего не найдем, пойдем от него по спирали. Включите все приборы. Неважно, если что-то будет стрелять в «Иглу». Чмии, вы слышите?

— Да.

— Сообщайте нам обо всем. Возможно, вы заметите нас у себя за спиной — и не пытайтесь ничего предпринимать.— Интересно, будет ли он повиноваться? — Мы не собираемся захватить шлюпку. Мы взломщики и потому предпочитаем запереться в корпусе Джeneral Продактс.

Глубинный радар не мог преодолеть скрита, однако кора и долины, находившиеся над ним, выглядели прозрачными. Поверхность Карты покрывали моря пыли, достаточно мелкой, чтобы течь, как масло, более плотные, чем пыль, с изогнутыми стенами, скругленными углами и множеством отверстий. Строители Городов смотрели не отрываясь, как и Луис Ву: марсиане в человеческом космосе исчезли века назад.

Атмосфера была близка к вакууму. Справа, далеко за горизонтом, находилась гора, превосходившая все горы Земли. Разумеется, Монс Олимпус. А над кратером парил какой-то белый предмет.

«Игла» снизилась, зависнув над серповидными дюнами. Конструкция была видна и отсюда, парящая футах в пятидесяти над вершиной, и обитатели ее точно так же могли видеть «Иглу».

— Чмий?

— Слушаю.

Луис поймал себя на том, что говорит шепотом.

— Мы нашли летающий небоскреб. Высотой этажей тридцать, с эркерами и посадочной площадкой для машин. Построен в виде двойного конуса и очень напоминает здание, в котором мы летели во время первой экспедиции.

— Копия?

— Не совсем, но довольно близко. И оно парит над высочайшей горой Марса, как указательный столб.

— Это похоже на сигнал для нас. Нужно ли мне перебираться к вам?

— Пока нет. Вы что-нибудь нашли?

— Кажется, я засек контуры огромного люка внутри водопада. Через него пройдет военный флот или пробка для кратера Кулака Бога. Открывать его я не пытался.

— И не надо. Хиндмост?

— Я провел сканирование глубинным радаром. Здание излучает очень мало энергии. Магнитная левитация не требует больших ее количеств.

— А что внутри?

— Смотрите.— И Хиндмост дал изображение. В лучах глубинного радара конструкция выглядела полупрозрачно-серой. Это было летающее здание, модифицированное для путешествий, с топливными баками и двигателем на пятнадцатом этаже.

— Солидная конструкция,— сказал Хиндмост.— Стены из бетона или чего-то такого же плотного; на стоянке никаких машин? в башне и оснований находятся телескопы и другие приборы. Сказать, обитаемо ли здание,— невозможно.

— Да, это вопрос. Предлагаю обсудить вам стратегию действий. Итак, первое: быстро, как только возможно, добраться до вершины.

— И стать идеальной мишенью для всех желающих.

— Мы и сейчас мишень.

— Только не для оружия, размещенного в кратере.

— Ненис, разве у нас корпус не Дженерал Продактс? Если никто не примется стрелять в нас, мы делаем следующий шаг: изучаем кратер глубинным радаром. Если не найдем ничего — кроме скрита, — превращаем здание в пар. Можем мы сделать это?

— Да. Но чтобы сделать это дважды, энергии не хватит. Каков будет четвертый шаг?

— Не имеет значения, лишь бы быстрее попасть внутрь. Чмни останется снаружи для оказания помощи, если она понадобится. А теперь скажите, не собираетесь ли вы свернуться в клубок на середине этой процедуры?

— Я не посмею.

— Подождите-ка. — Луис вдруг заметил, что у его гостей от испуга пересохло в горле, и, обращаясь к Харкабипаролин, сказал: — Если в вашем мире есть место, откуда этот мир может быть спасен, оно находится под нами. Мы думаем, что нашли вход, но кто-то другой нашел его тоже, и мы ничего не знаем о нем или о них. Понимаете?

— Я боюсь, — сказала женщина.

— Я тоже. Можете вы успокоить мальчика?

— А вы можете успокоить меня? — Она нервно рассмеялась. — Я попытаюсь.

— Хиндмост, начинайте.

«Игла» прыгнула вверх на двадцать же, перевернулась и замерла вверх ногами, почти бок о бок с летающим зданием. Оба Строителя Городов пронзительно закричали, а Каваресксенджаджок мертвой хваткой вцепился в руку Луиса.

Все поле зрения заполнял сейчас кратер, забитый старой лавой. Луис взглянул на экран глубинного радара.

Это было здесь! Дыра в скрите, как перевернутая дымовая труба, уходящая вверх (вниз!) сквозь кратер Монс Олимпус. Она была слишком мала, чтобы пропустить ремонтное оборудование Кольца — видимо, просто запасной выход, — но достаточно велика для «Иглы».

— Огонь, — приказал Луис.

Обычно Хиндмост пользовался этим лучом как прожектором, но на близких расстояниях действие его было страшным. Летающее здание превратилось в хвостатую комету с ядром из кипящего цемента, затем осталось лишь облако пыли.

— Вперед, — приказал Луис.

— Луис?

— Остаяя здесь, мы превращаемся в мишень, кроме того, у нас нет времени. Вперед, на двадцать же. Мы проделаем свою собственную дверь.

Коричнево-желтый пейзаж крышей висел над их головами. Глубинный радар показывал отверстие в скрите, а все остальные приборы утверждали, что заполненный лавой кратер Монс Олимпус с огромной скоростью опускается, чтобы раздавить их.

Ногти Каваресксенджаджока до крови впились в руку Луиса, Харкабипаролин сидела, словно одеревенев. Луис собрался в ожидании удара.

Темнота.

Экран глубинного радара светился молочным светом, кроме него, видны были зеленые, красные и оранжевые огоньки приборов навигационной палубы.

— Хиндмост!

Нет ответа.

— Хиндмост, дайте свет! Включите прожектор! Нужно посмотреть, что угрожает нам!

— Что случилось? — заунывно спросила Харкабипаролин. Глаза Луиса уже привыкли к темноте, и он видел, что она сидит на полу, обняв свои колени.

В кабине зажегся свет; Хиндмост повернулся к ним от пульта. Выглядел он каким-то съезжившимся, видимо, уже наполовину свернулся.

— Я не могу больше делать этого, Луис.

— Потому что знаете: нам не справиться с управлением. Включите прожектор, посмотрим, что снаружи.

Кукольник коснулся пульта, и белый рассеянный свет вспыхнул перед корпусом впереди.

— Мы замурованы в чем-то. — Одна голова взглянула вниз, другая сказала: — Лава. Температура корпуса — семьсот градусов. Лава залила нас, пока мы были в статическом поле, и теперь остывает.

— Судя по всему, нас ждали. Мы все еще вверх ногами?

— Да.

— Хотите попробовать?

— О чем вы говорите? Нужно было убираться отсюда еще до того, как вы сожгли гиперпространственный двигатель...

— Тогда — вперед.

— ...или до того, как я решил похитить человека и кзина. Вероятно, это была ошибка.

— Мы теряем время.

— Здесь нет возможности отводить от корабля избыток тепла, поэтому использование толкателей лишь приблизит нас на час или два к моменту, когда придется уйти в стазис и ждать развития событий.

— В таком случае, немного повременим. Что дает глубинный радар?

— Вулканические породы во всех направлениях, растрескавшиеся при остывании. Сейчас взгляну дальше... Луис? Скрытое основание в шести милях под нами, под крышей «Иглы». Гораздо более тонкий скрытый потолок в четырнадцати милях над нами.

Луису стало не по себе.

— Чмии, вы все слышали?

Ответ пришел совершенно неожиданным образом.

Нечеловеческий войл боли и гнева прозвучал, когда Чмии вдруг возник на трансферном диске и скатился с него, закрывая руками глаза. Харкабипаролин едва успела убраться с его пути. Водяная постель ударила кзина под колени, он прокатился по ней и рухнул на пол.

Луис метнулся в душ. Включив его на полную мощность, он сунул плечо подмышку Чмии и помог тому подняться. Тело кзина под мехом было обжигающе горячим.

Оказавшись на ногах, Чмии бросился под струю холодной воды и закрутился, подставляя ей каждую часть своего тела. Наконец он спросил:

— Как вы догадались, в чем дело?

— Сейчас сами поймете, — ответил Луис. — У вас опален мех. Что случилось?

— Внезапно оказался в огне, и на пульте вспыхнули дюжины красных ламп. Тогда я прыгнул на трансферный диск, а шлюпка осталась на автопилоте — если еще цела.

— Может, мы это и узнаем. «Игла» залита лавой. Хиндмост? — Луис повернулся к навигационной палубе.

Кукольник свернулся в шар, сунув головы под живот.

Потрясение оказалось слишком сильным для него, и легко было понять — почему. Экран навигационной палубы показывал полуживое лицо.

То же самое лицо виднелось на прямоугольной проекции глубинного радара. Это было лицо-маска, похожее на человеческое лицо, сделанное из старой кожи, безволосое, с беззубыми серповидными челюстями. Глаза, укрытые под нависающими бровями, смотрели на Луиса Ву.

Глава 30

СЛОЖНАЯ ВЗАИМОСВЯЗЬ

— Кажется, вы лишились своего пилота, — произнес кожистолицый пришелец, висевший снаружи, за стеной корабля: дух черного камня, окружающего их.

Луис смог только кивнуть. Потрясения следовали друг за дру-

гом слишком быстро и с неожиданных направлений. Он сознавал, что Чмии стоит рядом с ним, отекая водой и молча изучая потенциального врага. Строители Городов онемели. Они были ближе к благоговению и восторгу, нежели к страху.

— Лава надежно держит вас,— сказал защитник.— Довольно скоро вам придется уйти в стазис, а вы знаете, что произойдет после этого. Теперь я свободна. Сомневаюсь, что мне удалось бы заставить себя убить вас.

— Мы думали, что вы уже вымерли,— сказал Луис.

— Пак вымерли четверть миллиона лет назад.— Сросшиеся губы и десны защитника искажали некоторые согласные, но говорил он на интерволде. Почему? — Их унесла болезнь. Вы были правы, предполагая, что защитники вымерли, однако дерево жизни продолжает жить под Картой Марса, и иногда его находят. Полагая, что лекарство бессмертия делали здесь, когда защитникам требовалось финансировать какой-нибудь проект.

— Откуда вы знаете интерволд?

— Я выросла с этим знанием. Луис, вы не узнаете меня?

Это было как удар ножа в живот.

— Тила?! Но почему?

Лицо ее было неподвижно, как маска, разве могло оно выражать чувства?

— Недостаток знаний,— ответила она.— Знаете эту поговорку? Искатель пытался найти основание Арки, и я продемонстрировала ему свое высшее образование: сказала, что у Арки нет основания, что этот мир — кольцо. Он очень расстроился, и тогда я добавила, что если он хочет найти место, из которого можно управлять миром, нужно искать барак строителей.

— Ремонтный Центр,— сказал Луис и быстро взглянул на навигационную палубу: Хиндмост походил на вытянутую скамеечку для ног, украшенную красными и лиловыми камнями.

— Конечно, это должно стать Ремонтным Центром и центром энергоснабжения,— сказал защитник.— Искатель вспомнил истории о Великом Океане; это казалось подходящим местом, защищенным естественными барьерами расстояния, штормов и дюжинами хищных животных. Астрономы изучали Великий Океан, и Искатель помнил достаточно, чтобы снабдить нас картами. Шестнадцать лет пересекали мы Великий Океан; после этого путешествия наверняка остались легенды. Кзины колонизировали Карту Земли, и закончить путешествие нам помогло то, что мы захватили корабль-колонию кзинов. В Великом Океане есть острова, которые на самом деле живые существа...

— Тила, как могло такое случиться с тобой?

— Недостаток знаний, Луис. Я не задумывалась о происхождении инженеров Кольца, пока не стало слишком поздно.

— Но ты же была счастливымчиком!

Защитник кивнул.

— Да, выведенным кукольниками Пирсона, вмешавшимися в законы Земли, чтобы устроить Лотерею Жизни. Вы все полагали, что это сработало, а для меня это всегда казалось глупостью. Луис, ты веришь, что шесть поколений победителей Лотереи Жизни создали удачливого человека?

Он молчал.

— Всего одного? — Казалось, она смеется над ним. — Прими во внимание счастье всех потомков всех победителей Лотереи Жизни. Через двадцать тысяч лет им предстоит покинуть Галактику, спасаясь от взрыва галактического ядра. Так почему бы не на борту Кольца? Площадь, пригодная для жизни, в три миллиона раз больше площади Земли, и к тому же эта конструкция может двигаться. Кольцо — это удача для всех еще не рожденных потомков людей. Если я сумею спасти его, для них будет удачей, что мы пришли сюда двадцать три года назад, что вместе с Искателем нашли вход в Монс Олимпус. Это их удача, а вовсе не моя.

— И с ним случилось то же самое?

— Искатель, разумеется, умер. Мы оба обезумели от желания есть корень дерева жизни, но Искатель был на тысячу лет старше, чем требовалось, и это убило его.

— Я не должен был оставлять тебя, — сказал Луис.

— У тебя не было выбора. Впрочем, у меня тоже... если ты веришь в удачу. И сейчас мне не из чего выбирать: инстинкты у защитников слишком сильные.

— А ты веришь в удачу?

— Нет, — ответила она. — Если я хочу — я могу.

Луис беспомощно развел руками и отвернулся. Он всегда знал, что должен встретиться с Тилой Браун — но не в таком виде! Включив спальное поле, он повалился на него.

Хиндмост поступает верно: нужно свернуться и уткнуться в собственный пуп.

Однако люди не могут спрятать свои уши. Паря в спальном поле, Луис закрыл лицо руками, но продолжал слышать все происходящее вокруг.

— Говорящий с Животным, поздравляю со вновь обретенной молодостью.

— Меня зовут Чмии.

— О, прошу прощения, — сказал защитник. — Чмии, как ты оказался здесь?

— Я в тройной ловушке, — ответил кзин. — Сначала меня похитил Хиндмост, потом Луис Ву помешал бежать с Кольца, а теперь Тила Браун заперла под землей. Нужно ломать эту привычку. Ты будешь со мной драться, Тила?

— Нет, если ты не сможешь добраться до меня.

Кзин отвернулся.

— Что вы хотите от нас? — В разговор застенчиво включился Каварескенсджаджок, говорящий на языке Строителей Городов. Переводчик эхом откликнулся на интервожде.

— Ничего, — ответила Тила на языке мальчика.

— Тогда что мы делаем здесь?

— Насколько я вижу, вы ничего не можете сделать.

— Я не понимаю. — Мальчик был на грани слез. — Почему вы хотите похоронить нас под землей?

— Мальчик, я делаю то, что должна, а должна я предотвратить $1,5 \times 10$ в двенадцатой степени убийств.

Луис открыл глаза.

Харкабипаролин горячо возразила:

— Но и мы здесь, чтобы предотвратить эти смерти! Разве вы не знаете, что наш мир сдвинулся с места и скользит к солнцу?

— Я знаю это и потому создала команду, которая устанавливает на место маневровые двигатели Кольца, исправляя вред, причиненный вашим видом.

— Лувиву говорит, что этого мало.

— Он прав.

Теперь внимание Луиса было полностью приковано к разговору.

Библиотекарша покачала головой.

— Не понимаю.

— С действующими маневровыми двигателями можно продлить жизнь Кольца максимум на год. Этот год жизни 3×10 в тринадцатой степени разумных существ равен тысячелетию жизни всех обитателей Земли. Ради этого стоит постараться. Мои соратники согласились со мной, даже те, кто не является защитниками.

Луис мог выделить линии лица Тилы Браун в кожистой маске защитника. Выпуклости над креплениями челюсти, череп, раздувшийся, чтобы вместить увеличившийся мозг... и все же это была Тила, и от этого становилось ужасно больно. **НО ПОЧЕМУ ОНА НЕ УХОДИТ?**

Аналитический мозг Луиса заработал. «Почему она не уходит? — думал он. — Умиравший защитник и обреченный искусственный мир! Ей нельзя терять ни минуты на разговор с группой попавших в ловушку производителей. Так почему же она этим занимается?»

Он повернулся к ней лицом.

— Ты сказала, что создала ремонтную команду. Кто они?

— Мне помогает мой внешний вид. Я собрала команду из нескольких сотен тысяч представителей различных видов, а троих из них доставила сюда, чтобы они стали защитниками: по одному из Людей Сливных Гор, Ночных Людей и Вампиров. Я надеялась,

что они найдут решение, ускользнувшее от меня, ведь их точки зрения значительно отличаются. Вампир, например, до перерождения вообще не имел разума. Однако они не оправдали моих надежд.

Она явно ведет себя так, словно у нее есть время. Время развлекать попавших в ловушку чужаков и производителей, пока Кольцо приближается к тeneвым квадратам!

— Никакого лучшего решения они не предложили, поэтому мы монтируем уцелевшие двигатели Баззарда на краевой стене. Сейчас смонтированы все, кроме последнего. Под руководством оставшегося защитника моя команда улетит на последнем корабле Кольца к ближайшей звезде, где будет в безопасности. Так что некоторые обитатели Кольца уцелеют.

— Мы снова вернулись к главному вопросу,— сказал Луис.— Твоя команда много работает. Но что вы делаете здесь? — Я прав! Она пытается что-то сказать нам!

— Я пришла предотвратить убийство полутора триллионов разумных гуманоидов. Отметив нейтринное излучение толкателей, созданных в человеческом космосе, я явилась в единственно возможное место преступления. Здесь я стала ждать, и вот вы пришли.

— Да, мы пришли,— согласился Луис.— Но ты же отлично знаешь, ненис, что мы не собираемся совершать никаких убийств.

— Вам придется совершить их.

— Почему?

— Этого я сказать не могу.

Однако она не выказывала желания закончить разговор. В странную игру играла Тила Браун, ее партнерам самим приходилось угадывать правила.

— Предположим,— сказал Луис,— что мы можем спасти Кольцо, убив при этом полтора триллиона жителей из тридцати. Защитник должен пойти на это, разве не так? Пять процентов ради спасения девяноста пяти. Это достаточно... эффективно.

— Можешь ли ты сочувствовать такому количеству мыслящих существ, Луис? Или можешь представить только одну смерть с собой в главной роли?

Он не ответил.

— Человеческий космос населяет тридцать миллиардов человек. Представь, что все они умерли, а теперь представь в пятьдесят раз большее число людей, умирающих, скажем, от смертоносного излучения. Можешь ли ты почувствовать боль и мысли каждого из них? Для тебя это количество слишком велико, и твой мозг не справится с этим. А мой справится.

— О...

— Я не могу позволить, чтобы это произошло. И не позволю. Я знаю, что должна предотвратить это.

— Тила, представь тeneвые квадраты, врезающиеся в Кольцо

на скорости семьсот семьдесят миль в секунду. Представь его население, тысячекратно превосходящее обитателей человеческого космоса, гибнущее при разрушении Кольца.

— Я представляю это.

Луис кивнул. Разрозненные части головоломки. Тила дает им столько этих частей, сколько может. Она не может сама показать им окончательную картинку, поэтому приходится искать все новые детали.

— Ты сказал — оставшийся защитник. Вас было четверо, а теперь вместе с тобой — двое? Что случилось с остальными?

— Двое защитников покинули ремонтный отряд одновременно со мной. Возможно, они увидели ключ к решению в вашем появлении. Мне пришлось выследить их и остановить.

— В самом деле? Ведь если они были защитниками, то, как и ты, не могли убить полтора триллиона мыслящих существ.

— Они могли как-нибудь сделать так, чтобы это произошло.

— Как-нибудь...— Следовало быть осторожным с формулировками. Луис был очень доволен, что никто не пытается вмешаться в разговор, даже Чмии, этот дипломат.— Позвольте производителям каким-нибудь образом достичь единственного места на Кольце, где можно совершить это преступление. Если бы ты не помешала, стратегия их поступков заключалась бы именно в этом?

— Возможно.

— Дать возможность этим тщательно отобранными производителям защититься от запаха дерева жизни.— Космические скафандры! Вот почему Тила искала межзвездный корабль — позволить им осознать ситуацию, а потом прикончить, прежде чем они найдут решение и реализуют его, убивая астрономическое число производителей, чтобы спасти еще большее их количество. Именно это ты хотела предотвратить?

— Да.

— И это нужное место?

— А зачем еще мне ждать здесь?

— Значит, остался один защитник. Он придет следом за тобой?

— Нет. Защитник из Ночных Людей знает, что остался один для наблюдения за эвакуацией. Если она попытается убить меня, а я ее, производители, оставшиеся одни, могут погибнуть в пути.

— Мне кажется, защитники убивают очень легко,— с горечью заметил Луис.

— Нет. Я не могу убить пять процентов населения Кольца и сомневаюсь, что смогу убить тебя, Луис. Ты производитель моего вида, единственный оставшийся на Кольце.

— Я думал о способах спасти Кольцо,— сказал Луис Ву.— Если у тебя есть трансмутационное устройство, мы знаем, как его использовать.

— Разумеется, у Пак не было ничего подобного. Это не самый умный из твоих выводов, Луис.

— Если проделать отверстие в дне Великого Океана, а затем контролировать истечение воды, то, используя отдачу, можно вернуть Кольцо на прежнее место.

— Ловко. Но вы не можете ни проделать отверстие, ни заткнуть его. Более того, это решение, которое причинит меньший вред, но все же слишком большой, чтобы я могла допустить его.

— А как ты собираешься спасти Кольцо?

— Я не могу этого сделать, — ответил защитник.

— Где мы находимся? Что происходит в этой части Ремонтного Центра?

Долгая пауза, затем защитник сказал:

— Я не могу сказать вам больше того, что вы уже знаете. Я не вижу возможности для вашего бегства, но должна считаться с ней.

— Сдаюсь, — сказал Луис. — Провалитесь вы с вашими глупыми играми.

— Хорошо, Луис. По крайней мере, вы не умрете.

Луис закрыл глаза и свернулся в поле свободного падения. Благочестивая сука.

— Я буду с вами, пока вы не уйдете в стазис, — сообщила Тила. — Постараюсь, чтобы вам было удобнее. Скажите, как вас зовут и откуда вы родом? Вы из вида, который завоевал Кольцо и звезды?

В ответ раздалось щебетание на языке Строителей Городов. Почему у людей нет клапанов на ушах? Интересно, есть ли гуманоиды, у которых они имеются?

— А как волшебники относятся к РИШАТРА? — спросил Каварескенсджаджок.

— Это важно, когда ты встречаешься с новым видом, верно, мальчик? Мое мнение таково, что РИШАТРА — для производителей, а мы занимаемся любовью.

Мальчик был чрезвычайно любопытен, его стремление к новому не имело границ. Тила рассказала ему о своем великом путешествии. Ее группу исследователей сначала захватили, а потом освободили гроги на Карте Дауна. На Кзине имелись гуманоидные животные, когда-то давно привезенные с Карты Земли и разводившиеся для различных целей, так что теперь они отличались друг от друга так же, как собаки в человеческом космосе. Команда Тилы укрылась среди них. Они украли у кзинов корабль-колонию, а выйдя в море, убили одно из питавшихся крилем животных-островов, заморозили его мясо в пустом баке из-под жидкого водорода и много месяцев питались им. Наконец Тила сказала:

— Мне нужно поесть, но я скоро вернусь.

И наступила тишина.

Тишина продолжалась несколько минут и закончилась, когда тупые зубы осторожно сомкнулись на запястье Луиса.

— Луис, проснитесь, у нас нет времени для этого.

Луис перевернулся и отключил спальное поле. Несколько секунд он наслаждался зрелищем кукольника, стоявшего рядом с кзином и пребывавшего в добром здравии.

— Я думал, что вы вышли из игры.

— И были почти правы. Мне очень хотелось позволить событиям идти своим чередом, — ответил кукольник. — Тила Браун не лгала, говоря, что мы не умрем. Большая часть Кольца разрушится и разлетится в разные стороны за пределы каменного гало. Может, нас даже когда-нибудь найдут.

— У меня тоже возникло желание сдаться.

— Защитники должны были вымереть четверть миллиона лет назад — разве не вы говорили это?

— Будь у вас здравый смысл, вы бы не стали слушать меня.

— Это еще не все. У меня сложилось впечатление, что защитник пыталась сказать нам что-то. Пак были вашими предками, а Тила еще и принадлежала к вашей культуре. Помогите нам.

— Мы нужны ей, чтобы сделать за нее грязную работу, — ответил Луис. — Ненис, вы же изучали интервью с Бреннаном после его превращения в защитника. У защитников очень сильны инстинкты, а интеллект значительно превосходит человеческий. И разум постоянно конфликтует с чувствами.

— Я не улавливаю природы грязной работы.

— Она знает, как спасти Кольцо. Все они это знают. Убить 5 процентов, чтобы спасти 95, — но сделать это сами не могут. Они не могут даже позволить кому-то другому сделать это, но заставляют этого другого делать. Моральная двойственность.

Какое-то воспоминание, связанное с этими числами, зашевелилось вдруг в мозгу Луиса. Почему?.. Ненис, пропало!

— Тила подобрала это здание, потому что оно похоже на летающую тюрьму Халрлоприллалар, которую мы реквизируем во время первой экспедиции. Она забрала его для привлечения нашего внимания и поставила там, где мы были ей нужны. Не знаю, чем занимается эта часть Ремонтного Центра, но это именно то место в ящике в миллиард кубических миль, которое нам нужно. Остальное мы должны понять сами.

— Но зачем это, если она уверена, что мы в ловушке?

— Что бы мы ни попытались сделать, она будет стараться нас остановить. Нам придется убить ее — об этом она и говорила нам. Но наше преимущество в том, что она сражается, чтобы потерять.

— Я не успеваю за вашей мыслью,— сказал кукольник.

— Она хочет, чтобы Кольцо жило, и нуждается в нас, чтобы мы убили ее. Она сказала нам столько, сколько могла, но даже если мы все поймем, удастся ли нам убить такое высокоразумное существо?

— Мне жаль Тилу,— сказал Чмии.

— Мне тоже.

— Но как мы можем убить ее? Если вы правы, она должна что-то подготовить для нас.

— Сомневаюсь. Для нее самое лучшее не раздумывать о том, что мы можем сделать — это ей только помешает. Она убивает чужаков инстинктивно, а относительно меня может заколебаться на решающие полсекунды.

— Очень хорошо,— сказал кзин.— Все тяжелое оружие находится на посадочной шлюпке, а мы погребены в камне. Действует ли еще трансферная связь со шлюпкой?

Хиндмост вернулся на навигационную палубу, чтобы проверить это, и доложил:

— Связь действует. Скрытая оболочка Карты Марса имеет толщину всего несколько сантиметров, мои приборы преодолевают ее, значит, то же будет и с трансферными дисками.

— Хорошо. Луис, вы со мной?

— Конечно. Какая температура на борту шлюпки?

— Часть датчиков сгорела, и я ничего не могу сказать,— ответил Хиндмост.— Если шлюпку можно использовать — прекрасно. Если нет — забирайте снаряжение и сразу же возвращайтесь. Если условия невыносимы — возвращайтесь немедленно. Нам нужно знать, с чем мы можем работать.

— Это естественно,— согласился Чмии.— А если шлюпка недосыгаема?

— Останется только выйти наружу,— сказал Луис,— но для этого нужны скафандры. Хиндмост, не ждите нас. Определите, где мы находимся, и ищите Тилу. Она должна находиться на открытом пространстве, подходящем для выращивания дерева жизни.

— Слушаюсь. Надеюсь, мы на некотором расстоянии под Монс Олимпус.

— Не рассчитывайте на это. Она могла направить на «Иглу» лазерный луч, чтобы держать нас в стазисе, а затем отбуксировать корабль в нужное место, к заранее расплавленным породам.

— Луис, у вас есть какие-то мысли о том, что она ждет от нас?

— Только одна, но сейчас это неважно.— Луис заказал пару купальных полотенец и протянул одно Чмии, а для себя добавил еще пару деревянных башмаков.— Вы готовы?

Чмии прыгнул на трансферный диск, и Луис последовал за ним.

РЕМОНТНЫЙ ЦЕНТР

Это было похоже на прыжок в печь. Луис надел свои башмаки, но ноги Чмии защищало только ковровое покрытие. Кзин умчался по лестнице вниз, пофыркивая от прикосновений к металлу.

Луис задержал дыхание, надеясь, что Чмии сделает то же самое: иначе можно обжечь легкие. Пол был наклонен градуса на четыре-пять, а взгляд в окно заставил Луиса замереть от удивления: снаружи царил мрак. Неужели таинственная песчаная акула? Или морская вода?

Он потерял на это две или три секунды. По лестнице Луис спускался осторожнее, чем Чмии, стараясь дышать носом и чувствуя жар, затхлость, дым.

Чмии нянчил обожженные руки: ручки шкафчиков были металлические. Обернув вокруг рук полотенце, Луис принялся открывать шкафчики, Чмии, используя свое, начал вытаскивать их содержимое: скафандры, летательные пояса, дезинтегратор, сверхпроводящую ткань. Луис снял со своего скафандра шлем, включил подачу воздуха, обернул полотенце вокруг шеи для амортизации и надел шлем. Ветерок, коснувшийся его лица, был лишь чуть теплым, и Луис жадно вдыхал свежий воздух.

Скафандр Чмии не имел отдельного шлема, и потому он надел его и застегнулся; его тяжелое дыхание тут же зазвучало в наушниках.

— Мы под водой,— прохрипел Луис.— Почему же здесь, ненис, так жарко?

— Спросите меня потом, а сейчас помогите вынести это.— Чмии вытащил свой летательный пояс и противоударные доспехи, катушку черного провода, здоровый кусок сверхпроводящей ткани и тяжелый двуручный дезинтегратор. Затем начал подниматься по ступеням. Луис, пошатываясь, брел за ним, таща летательный пояс Прилл, фонарь-лазер, два скафандра и комплекты противоударных доспехов. Мышцы его начинали понемногу поджариваться.

Чмии остановился перед приборами навигационной палубы. За окном виднелась пузырящаяся темно-зеленая вода, небольшая рыбка пробиралась через густые заросли водорослей. Кзин запыхтел.

— Так... на приборах... записан ответ на ваш вопрос. Тила нагрела корабль... микроволновыми импульсами. Система жизнеобеспечения вышла из строя... скривые отражатели тоже... Корабль погрузился... Вода экранирует... микроволны... а горячим корабль остается... из-за тепла, закачанного в него с самого начала... Слишком хорошая изоляция. Использовать его сейчас невозможно.

— Ну и ладно.— Луис шагнул на трансферный диск.

Он свалил свою ношу на пол; пот ручьями стекал по его лицу. Скинул горячий шлем, Луис с жадностью глотал прохладный воздух. Харкабипаролин подставила ему свое плечо и почти дотащила до водяной постели, успокаивающе бормоча что-то на языке Строителей Городов.

Чмии не появлялся.

Луис высвободился из рук женщины, снова надел шлем и, шатаясь, вернулся к трансферному диску.

Чмиа трудился у пульта и не глядя сунул Луису свой груз.

— Возьмите это. Через минуту я вернусь.

— Слушаюсь.

Луис уже наполовину надел скафандр, когда кзин вернулся на борт «Иглы» и скинул свой.

— Луис, торопиться некуда. Хиндмост, посадочная шлюпка для нас бесполезна. Я запрограммировал ее на подъем на ядерных двигателях и полет над Монс Олимпус для отвлечения внимания. Тила может потерять несколько секунд, уничтожая ее.

— Хорошо,— ответил динамик.— У меня есть кое-какие новости, но я ничего не могу показать вам, чтобы Тила не перехватила сообщение.

— Итак?

Хиндмост перебрался с навигационной палубы и теперь мог говорить без помощи механизмов.

— Разумеется, большинство моих инструментов бесполезны, но я изучил наше окружение. Примерно в двухстах милях влево от направления вращения находится крупный источник излучения нейтрино, вероятно, ядерное устройство. Глубинный радар показывает, что все вокруг нас изрыто полостями. Большинство из них размером с комнату, но некоторые огромны и заполнены тяжелыми машинами. Мне кажется, я обнаружил пустую полость, которая, судя по размерам, форме и гнездам в полу, содержала ремонтное оборудование. Выходом из нее служит массивная дверь в стене Карты, скрытая водопадом. Я также обнаружил запас того, что должно быть затычками для крупных метеоритных пробойн, и еще один выход. Затем небольшой космический корабль, вероятно, военный, хотя точно сказать нельзя, и еще одна дверь. Всего дверей шесть, и все упрятаны за водопадом. Кроме того, я сумел...

— Хиндмост, вы нашли Тилу Браун?

— Кажется, я слышал, как вы советовали Луису Ву набраться терпения.

— Луис — человек, он знает, что такое терпение. Да и у вас, жвачного животного, его хватает.

— Так значит, вы предлагаете убить этот человеческий вариант

защитника. Надеюсь, вы не рассчитываете на дуэль? Верещишь и скачешь, и Тила сражается голыми руками? Мы должны победить ее своим разумом, так что терпение, кзин. Помните о ставках.

— Продолжайте.

— Мне удалось определить положение Монс Олимпус — восемьсот миль против направления вращения и влево от нас. Я думаю, Тила стреляла в «Иглу» из тяжелого лазера или чего-то подобного, чтобы удержат нас в статическом поле на время транспортировки за эти восемьсот миль. Не понимаю только — зачем?

— Она доставила нас туда, где заранее расплавила горные породы. Это место должно было стать местом ее гипотетического массового убийства; кстати, нам нужно еще определить — каким образом? Ненис, может, она просто переоценила наш интеллект?

— Говорите за себя, Луис. Кажется, это находится под нами. — Одна его шея изогнулась дугой. — Недалеко над нами (с учетом положения корабля) находится сложное помещение, в котором ощущается сильная электрическая активность, не говоря уже о пульсирующем излучении нейтрино, сравнимого с работой полудюжины глубинных радаров.

— Кроме того, я обнаружил полусферу диаметром в 38,8 мили, с еще одним источником нейтрино, расположенным сверху. Движущимся источником. Он ненамного сместился за несколько минут, что вас не было, но все сто восемьдесят градусов преодолет за пятнадцать, плюс-минут три, часа. Ваши предположения, воин-мясоед?

— Искусственное солнце. Сельское хозяйство. Где это место?

— Две с половиной тысячи миль к правому краю Карты. Но поскольку вы войдете через Монс Олимпус, придется изучить двенадцать градусов в направлении против вращения. Возможно, придется пробиваться сквозь стены. Вы принесли ручной дезинтегратор?

— Не будучи полным идиотом, я сделал это. Хиндмост, если шлюпка должна достичь Монс Олимпус, тогда мы можем выйти прямо через ее грузовой люк. Впрочем, Тила, конечно, собьет его раньше.

— А зачем ей это делать? Ведь вы еще не на борту. У нее есть глубинный радар, и она определит, когда вы прибудете.

— Уррр. В таком случае она будет следить за шлюпкой, дождется нашего появления и уничтожит нас. Та ли это мудрость, что помогает вашему народу избегать опасностей?

— Да. Вы войдете через Монс Олимпус за несколько часов до прибытия шлюпки. За нами следовал зонд с приемником трансферного диска на борту. Но, разумеется, у вас не будет возможности вернуться на борт «Иглы».

— Уррр. Это уже более реально.

— Какое снаряжение вам понадобится?

— Скафандры, летательные пояса, фонари-лазеры и дезинтегратор. Еще я принес это.— Чмии указал на сверхпроводящую ткань.— Тила о ней не знает, и это может помочь нам. Мы можем сшить одежду, чтобы закрыть наши скафандры. Харкабипаролин, вы можете шить?

— Нет.

— Я могу,— сказал Луис.

— Я тоже,— добавил мальчик.— Только покажите, что вам нужно.

— Покажу. Не обязательно, чтобы это было элегантно. Будем надеяться, что Тила скорее воспользуется лазером, чем разрывными снарядами или боевым топором. Наши противоударные доспехи не закроют скафандров.

— Это не совсем так,— заметил Луис.— Например, ваши доспехи, Чмии, закроют мой скафандр.

— Запеленавшись таким образом, вы не сможете двигаться достаточно быстро.

— А может, и смогу. Харкабипаролин, что с вами?

— Я совсем запуталась, Луис. Вы будете сражаться за или против защитника?

— Она будет сражаться с нами, но надеясь проиграть,— мягко ответил Луис.— Она не могла сказать этого, правила, по которым она играет, встроены в ее мозг и железы. Можете вы представить такое?

Харкабипаролин заколебалась, потом произнесла:

— Защитник действует как... как человек, ждущий несчастья и следящий за тем, что говорится и делается вокруг. Это напоминает Дом Пант, когда меня там учили.

— Именно так все и есть, а наблюдатель — сама Тила. Сможете ли вы сражаться с защитником, зная, что в случае поражения погибнет весь мир?

— Думаю, да. По крайней мере, я могу отвлечь ее.

— О'кей. Мы берем вас с собой. Вы получите снаряжение, предназначавшееся другой женщине из Строителей Городов, а я научу вас пользоваться им. Чмии, она наденет ваши противоударные доспехи между своим скафандром и сверхпроводящей тканью.

— И пусть возьмет фонарь-лазер Халрлоприллалар. Я лишился своего из-за собственной беспечности, и понесу дезинтегратор. Кроме того, я знаю, как сделать, чтобы запасные батареи отдали свою энергию почти мгновенно.

— Это батареи моего народа,— с сомнением произнес Хиндмост.— Мы сделали их безопасными.

— Дайте мне все-таки взглянуть на них. Еще вам нужно перекрыть все средства коммуникаций: возможно, Тила поест и вернет-

ся прежде, чем мы закончим здесь. Луис, покажите Каварескенсденджоку, как шить нужную нам одежду. Используйте сверхпроводник и как нить.

— Да, я думал об этом. Ненис, хотел бы я, чтобы у нас было больше времени.

Обвешавшись снаряжением, они направились к трансферному диску.

Харкабипаролин под слоями ткани превратилась в бесформенную фигуру, лицо ее за стеклом шлема было сосредоточенно. Скафандр, летательный пояс, лазер — издав далеко ее можно было принять за Луиса Ву. Тила может заколебаться и потерять время.

Женщина исчезла, и Луис последовал за ней, включил свой летательный пояс.

Чмии, Харкабипаролин и Луис Ву подобно черным бумажным шарам парили над склоном Монс Олимпус. Зонд лежал на земле: вероятно, он висел в воздухе, пока не кончилось топливо, а затем упал и покатило по склону. Удар о землю изуродовал его, но трансферный диск уцелел.

Циферблаты под подбородком Луиса показывали, что воздух слишком разрежен, очень сух и богат двуокисью углерода. Хорошая имитация Марса, вот только гравитация близка к земной. Как сумели здесь выжить марсиане? Видимо, они адаптировались, и помогло им море пыли, в котором они жили... Ненис, займись наконец делом!

Край кратера вздымался вверх на сорок миль, и подъем занял у них пятнадцать минут. Харкабипаролин тащилась сзади, двигаясь рывками: видимо, не могла справиться с управлением пояса.

Люк в дне кратера, сделанный из рыжего камня с грубой поверхностью, был вдавлен внутрь — вниз. Трое опустились в темноту.

Пояса продолжали держать их, поскольку скритовый потолок был гораздо тоньше, чем основание Кольца под ними.

Луис переключился на инфракрасный свет, надеясь, что Харкабипаролин сделает то же — иначе она будет слепа. Внизу виднелся небольшой яркий круг, но окружающее было видно довольно смутно. Колонны из дисков и приставные лестницы вдоль трех стен, а в центре огромного помещения возвышалась наклонная башня из отдельных тороидов. Круг за кругом они опускались мимо нее. Линейный ускоритель, нацеленный вверх из жерла Монс Олимпус? Тогда эти диски могут оказаться односторонними боевыми платформами, ждущими запуска в небо.

Отверстие уходило вниз, и они прошли через него. Харкабипаролин продолжала держаться поближе к Луису, а теплое пятно внизу становилось все больше.

Этажей оказалось двенадцать, и в каждом была пробита дыра — след прохода «Иглы». Даже последний пролом был достаточно велик, и сквозь него вырывалось сильное инфракрасное излучение: помещение внизу было разогрето докрасна. Чмии, летевший впереди, нырнул в него, но через мгновение выскочил обратно и опустился на пол. Они продолжали соблюдать радиомолчание, поэтому Луис повторил действия Чмии: опустился через последнее отверстие и оказался словно в печи. Вокруг было чудовищно жарко, а туннель, уходящий вдаль, пылал еще более ярко.

Луис поднялся и присоединился к Чмии. Потом махнул Харкабипаролин, и та с глухим ударом опустилась рядом.

Да, «Иглу» протащили по этому туннелю, так что жар не позволял отключиться статическому полю. Можно пойти тем же путем... пока они не поджарятся. И что теперь?

Ладно, последуем за Чмии, который на большой скорости помчался куда-то. Что он задумал? Эх, если бы можно было поговорить!

Сейчас они двигались через жилую зону, и это ограничивало скорость передвижения. Небольшие комнатки без дверей, никаких занавесок для создания уединения. Как жили защитники Пак? Заглядывая в комнатки, они видели спартанскую простоту. На полу одной комнаты лежал скелет с раздувшимися суставами и гребневым черепом, один большой зал заполняли спортивные снаряды, включая высокую конструкцию из стоек и перекладин.

Они летели несколько часов, иногда целые мили по прямым коридорам, которые преодолевали на большой скорости, а иногда буквально пробивая дорогу. Им мешали двери, но Чмии научился с ними обращаться: под лучом дезинтегратора двери исчезали, превращаясь в облака моноатомной пыли.

Точно так же полетела пыль с очередной двери, но когда это кончилось, дверь все еще стояла на месте. Должно быть, скрит, подумал Луис.

Чмии повел их влево, вокруг того, что охраняла эта дверь, а Луис пропустил Харкабипаролин и вернулся немного назад, ожидая появления Тилы Браун. Однако большая дверь так и осталась закрытой. Если за ней и скрывалась Тила Браун, она не могла почувствовать их сквозь скрит. Даже у защитника есть свои пределы.

Туннель вполне мог довести их до «Иглы», но Чмии, используя положение корабля для ориентации, повел их к огромной полусферической полости с движущимся источником нейтрино. Что ж, хорошо.

Как только появилась возможность, они уклонились вправо, миновав другую дверь из скрита, которая, однако, не преградила

им дороги. Что бы они ни огибали, это было очень большим. Комната с аварийным пультом? Возможно, им понадобится найти это снова.

Минули четырнадцать часов и почти тысяча миль, прежде чем они остановились отдохнуть. Спали в чем-то похожем на металлический пончик высотой до пояса, расположенном в центре пола. Назначение его так и осталось неизвестным, но зато никто не мог бы к ним подобраться. Луису очень хотелось съесть что-нибудь, кроме питательного сиропа.

Затем движение возобновилось. Они уже покинули жилые помещения, хотя небольшие комнатки еще встречались тут и там; с пустыми кладовками, водопроводом и плоским полом, идеально подходящим для короткого сна. Постепенно все это сменилось огромными помещениями, которые могли содержать что угодно или ничего.

Они облетели вокруг чего-то похожего на огромный насос, если судить по шуму, терзавшему их барабанные перепонки, пока они не оставили его позади. Чмии свернул влево, пробился сквозь стену, и они вошли в комнату карт, такую большую, что Луис невольно отпрянул. Когда Чмии прожег дальнюю стену, огромная голограмма вспыхнула и исчезла, а они прошли дальше.

Следующий раз они спали на вершине бездействующего ядерного генератора: четыре часа — и снова в путь.

Наконец вдали коридора появился свет, навстречу им подул ветерок, и вот они вышли наружу.

Солнце только что миновало зенит в почти безоблачном небе, и бесконечный освещенный солнечными лучами ландшафт раскинулся перед ними: пруды, рощи деревьев, поля и ряды темно-зеленых растений. Луис чувствовал себя мишенью. Моток черной проволоки висел у него на плече, он снял его и бросил в сторону. Один ее конец крепился к скафандру и должен был отводить тепло, если Тила выстрелит сейчас.

Но где же она сама?

— Похоже, здесь ее не было.

Чмии повел их через гряду низких холмов, остановившись у непроточного пруда; Луис следовал за ним, ведя за собой Харкаби-паролин. Кзин раскрыл скафандр, а когда Луис опустился рядом с ним, жестами показал, чтобы тот держал свой скафандр плотно закрытым.

«Не открывайте своего скафандра», — передал Луис Харкаби-паролин. Женщину уже предупредили, но Луис хотел быть уверен, что она этого не сделает.

Что теперь?

Это место было слишком плоским, с небольшим числом укрытий — рощи деревьев, несколько невысоких холмов за ними; все это слишком очевидно. Спрятаться под водой? Возможно. Луис

принялся разматывать сверхпроводящий провод, который бросил в сторону. Пожалуй, у них есть несколько часов для подготовки, но когда Тила придет, она будет быстра, как молния.

Чмии полностью разделся и сейчас натягивал на себя костюм из сверхпроводящей ткани. Подойдя к Харкабипаролин, он помог ей снять противоударные доспехи, а затем надел их на себя, оставив женщину значительно более беззащитной. Луис не вмешивался.

Спрятаться за солнцем? Небольшое, ядерное, излучающее нейтрино солнце — это не такое уж очевидное укрытие. Но можно ли это сделать? Если опустить сверхпроводящий провод в пруд, то нагреешься только до температуры кипения воды. Ненис, это умно придумано! Это даже могло сработать рядом с марсианской поверхностью, где вода кипит при достаточно терпимой температуре. Но они находились слишком близко к основанию Кольца, и давление воздуха было близко к давлению на уровне моря.

Ожидание могло длиться днями, а при этом может кончиться вода, сахарный сироп и, возможно, терпение Луиса Ву. Чмии уже освободился от своего скафандра; может, здесь даже есть добыча для него.

А как быть с Харкабипаролин? Открыв скафандр, она вдохнет запах дерева жизни.

Чмии тем временем надул свой скафандр и подвесил его с помощью летательного пояса. Сунув по камню в каждый носок, он затем долго возился с управлением, пока пояс не распрямил скафандр. Да, вот это действительно ловко придумано. Выброси камни и слегка ударь двигателем, и пустой скафандр ринется в атаку.

Луису не пришло в голову ничего подобного.

Может быть, Тила приходит сюда только каждые две недели, может быть, корни дерева жизни запасены нее повсюду.

Кстати, как выглядит дерево жизни? Вот эти глянцевые пучки темно-зеленых листьев? Луис вырвал один из них. Под ним росли толстые корни, слегка напоминавшие ямс или свежий картофель. Он не узнал этого растения, но точно так же не узнал ничего из живущего здесь. Большая часть жизненных форм Кольца, должно быть, доставлена из галактического ядра.

И тут Тила расхохоталась Луису прямо в уши.

Глава 32

ЗАЩИТНИК

Луис не только подпрыгнул, он еще и заорал внутри своего шлема.

Смех звучал в голосе Тилы, а кроме того, она глотала согласные, и справиться с этим было невозможно: губы и десны ее срослись в жесткий клюв.

— Не хотела бы я схватиться с кукольным Пирсона еще раз! Чмии, неужели вы считаете себя опасным? Вот кукольный почти прикончил меня.

Каким-то образом ей удалось включить их молчащие телефоны. Может, она и выследила их этим способом? Тогда с ними все кончено. Впрочем, нет, в этом случае они были бы уже мертвы.

— С вашего корабля не поступало никаких сигналов, все линии связи словно умерли. Мне нужно было узнать, что происходит внутри, поэтому я постаралась обзавестись трансферным диском. Не скажу, что это было легко. Для начала я предположила, что кукольный принес это со своей родной планеты, потом разобралась, как он работает, и собрала его... а когда все было готово и я перенеслась на место, кукольный дотянулся до переключателя статического поля! Прикинув, где находится передающий диск, я ускользнула, но ваш корабль перешел в стазис, и никто не придет помочь вам. А я сейчас иду за вами,— закончила Тила, и Луис уловил сожаление в ее голосе.

Теперь они могли только ждать. Хиндмост вышел из игры со всем снаряжением, находившимся на борту «Иглы», и они остались лишь с тем, что имели на руках.

Создавалось впечатление, что они в ее власти, конечно, если все это не было ложью. Луис поднялся вверх на своем поясе.

Одна, две мили, а крыша по-прежнему оставалась далеко сверху. Пруды, ручьи, пологие холмы: тысячи квадратных миль сада, возвратившегося в исходное состояние. Колоколовидные деревья с кружевными листьями образовывали обширные заросли слева. Сотни квадратных миль желтых кустов в направлении вращения и правее сохранили следы рядов, которыми их высаживали.

Луис заметил один большой вход в направлении вращения и, по крайней мере, три более мелких в противоположной стороне, включая туннель, через который они сюда попали.

Он спустился к поверхности. Придется занимать круговую оборону. Если бы найти что-то вроде чаши... скажем, вон там — ручей, окруженный низкими холмами. Луис осмотрел место сверху, чувствуя, что упустил что-то важное.

— Ну конечно!

Метнувшись обратно к Чмии, Луис дернул кзину за руку и указал рукой.

Чмии кивнул и направился к коридору, через который они вошли, таща свой скафандр, как воздушный шар. Луис поднялся на пояс и махнул Харкабипаролин, чтобы следовала за ним.

Вот и гряда низких холмов с прудом за ними — можно устроить

неплохую засаду. Луис опустился на один холм и выбрал место, откуда мог следить за входом. Затем повернулся и бросил моток сверхпроводящей проволоки в пруд, проследив за его падением, чтобы убедиться, что она достанет до воды.

Существовал единственный путь наружу из «Иглы» — единственный трансферный диск, до которого могла добраться Тила, вел к зонду на склоне Монс Олимпус. Тила шла дорогой, которую проделали они, а она вела сюда.

Несколько глотков сахарного сиропа, несколько глотков воды. Попробуем расслабиться. Луис не видел Чмии и не имел понятия, где может находиться кзин. Харкабипаролин смотрела на него. Луис указал на коридор, затем сделал ей знак уходить, она повиновалась и скрылась за изгибом холма; Луис остался один.

Эти холмы, ненис, были слишком плоскими. Не доходившие до пояса заросли темных, стеклянисто-зеленых листьев могли скрыть неподвижного человека, но затрудняли передвижение.

Время шло. Торопясь и чувствуя свою беспомощность, Луис воспользовался санитарными устройствами скафандра и вернулся на пост. Нужно быть наготове. С ее знанием внутренней транспортной системы Ремонтного Центра она придет быстро. Может, даже сейчас...

Вот она! Подобно управляемой ракете, Тила выскочила из-под самого потолка коридора, Луис мельком заметил ее, готовясь к стрельбе: она стояла на диске диаметром шесть футов, держалась за вертикальную консоль с рычагами управления на ней.

Луис выстрелил, Чмии тоже. Две нити рубинового света сошлись на одной мишени, но Тила к тому времени уже присела, закрывшись диском. Она узнала все, что хотела, определив их положение с точностью до дюйма.

Однако ее летающий диск горел красным пламенем и падал. Луис на мгновение заметил Тилу, прежде чем она опустилась за странными кружевными деревьями, планируя на крошечном параплане¹.

Допустим, что она жива и невредима и быстро уходит с этого места. Луис перевалил через гребень холма и осмотрел другую его сторону. Хвост сверхпроводящей нити, тянувшийся за ним, все еще оставался в пруду.

Где же она?

Внезапно что-то выскочило из-за гребня следующего холма, зеленое копые света поразило его в воздухе и держало, пока предмет горел и падал. Вот и все, на что сгодился скафандр Чмии. Впрочем, снаряды с ручным управлением уже летели к месту, где начинался зеленый луч. Полдюжины белых предметов унеслись

¹ Парашютное крыло.

за гребень, а затем — бах! — сверкнула молния, показывая, что Чмии сумел превратить батареи кукольников в бомбы.

Горящий скафандр Чмии падал слишком медленно, и Тила должна была понять, что он пуст. Ктулху и Аллах! Как можно сражаться с защитником-счастливецем?

Тила неожиданно появилась на склоне холма, ниже, чем ожидал Луис, кольнула его иглой зеленого света и исчезла, прежде чем он успел шевельнуть хоть пальцем. На мгновение Луис ослеп, хотя защитный экран шлема спас его глаза. Инстинкт это или нет, но Тила пыталась убить Луиса Ву.

Она появилась в другом месте; черная ткань вновь поглотила зеленый луч, и на этот раз Луис успел выстрелить в ответ. Она исчезла, и он не знал, попал в нее или нет. Мельком заметил он кожаную броню и распухшие суставы: на пальцах как греческие орехи, колени и локти как дыни. Она не носила никаких доспехов, за исключением собственной кожи.

Луис покатился в сторону и вниз по склону, потом быстро пополз. Это был тяжелый труд. Интересно, где она появится в следующий раз? Никогда прежде он не играл в такую игру, за двести лет жизни ему ни разу не пришлось быть солдатом.

Две струйки пара поднимались над прудом.

Слева от него внезапно встала и выстрелила Харкабипаролин. Где же Тила? Ее лазер не отвечал. Харкабипаролин стояла как черная мишень, потом вдруг упала и покатилась вниз с холма. Наконец, остановив свое падение, она поползла влево и вверх.

Камень ударил ее с левой стороны — как могла Тила оказаться там так быстро? — переломил кость и разорвал рукав. Женщина завывала от боли, а Луис ждал, что вот-вот сверкнет луч и...

Однако луча все не было. Дольше он ждать не мог, требовалось действовать, хотя он не заметил, откуда прилетел камень. Между двумя холмами имелось небольшое ущелье, и он пополз как можно быстрее, стараясь, чтобы холм оказался между ним и Тилой. А теперь вокруг... Ненис, да где же Чмии? Луис рискнул выглянуть из-за гребня.

Харкабипаролин перестала кричать и сейчас только сопела. Положив свой летательный пояс, одной рукой она срывала с себя черную ткань, вторая рука болталась сломанная. В следующее мгновение женщина принялась срывать свой скафандр.

Тила тоже была там, не обращая внимания на Харкабипаролин. Куда же она направлялась?

Женщина никак не могла снять шлем. Упав, она покатилась вниз, пытаясь разорвать ткань одной рукой, затем ударилась лицевой пластиной шлема о камень.

Слишком много времени прошло, и Тила могла уже перебраться в другое место. Луис вновь двинулся к ущелью, прорезанному ручь-

ем. Если он попытается подняться на вершину, она заметит его.

Может, она действительно предвидит каждое его движение? Где же она сейчас? Позади? Луис почувствовал, как по спине его побежали мурашки, резко повернулся и едва успел выстрелить в Тилу, как небольшой металлический предмет ударил его по ребрам. Эта штукавина распорол скафандр и плоть и помешала прицелиться как следует. Зажав левой рукой разорванную ткань, Луис хлестал рубиновым лучом место, где только что была Тила. Она появилась и исчезла вновь, прежде чем луч коснулся ее, а плотный металлический шар ударил его по шлему.

Луис покатился вниз, стараясь закрыть прореху в скафандре левой рукой. Сквозь покрывшийся трещинами шлем он видел, что Тила идет к нему, как огромная черная летучая мышь, и направил на нее луч лазера быстрее, чем она могла бы увернуться.

Ненис, она вовсе не собиралась уворачиваться! Да и зачем? Ведь сейчас она носила чехол из сверхпроводящей ткани, бывший недавно на Харкабипаролин. Луис держал ее в луче обеими руками: ей станет несколько теплее, нежели она привыкла, прежде чем она убьет его. Бронированный демон несся на него, и черная ткань рвалась вокруг нее, как мокрая паутина.

Рвалась... Почему бы это? И что это за запах?

Она уклонилась в сторону и швырнула лазер в Чмии. Дезинтегратор и фонарь-лазер вывалились из рук кзина, и он столкнулся с защитником.

Запах дерева жизни был уже в носу и мозгу Луиса. Это вовсе не походило на электрод. Тока было достаточно самого по себе, никаких дополнений к нему не требовалось, запах же дерева жизни вызывал экстаз, но кроме того — дикий голод. Теперь Луис знал, как выглядит дерево жизни: у него были гляцевитые темно-зеленые листья и корни, как свежий картофель, а его вкус... что-то в его мозгу вспомнило этот вкус Рая.

Дерево жизни окружало его со всех сторон, а он не мог есть из-за своего шлема. Сделав усилие, Луис оторвал руки от застежек, освобождающих шлем, потому что не мог есть, пока человеческий вариант защитника убивал Чмии.

Обеими руками, словно боясь отдачи, Луис поднял лазер. Кзин и защитник безнадежно переплелись и катились вниз по склону, оставляя за собой обрывки черной ткани, и Луис повел за ними рубиновой нитью лазера. Сначала стреляй, затем целься. Ты вовсе не голоден, и это убьет тебя. Ты слишком стар, чтобы превратиться в защитника, и это просто убьет тебя.

Ненис, что за запах! Голова Луиса кружилась от него, сопротивляться ему было так же плохо, как все последние восемнадцать лет жизни не вставлять каждый вечер на место дроуд. Невыносимо! Луис держал луч неподвижно и ждал.

Смертоносный удар Тилы ногой не попал в цель, и нога эта на мгновение замерла неподвижно. Красная нить коснулась ее, и голень защитника сразу покраснела.

Луис выстрелил снова, и часть голого розового хвоста Чмии вспыхнула и упала на землю, корчась, как раздавленный червь. Чмии, казалось, не обратил на это внимания, но Тила увидела, где находится луч, и попыталась толкнуть кзина в ту сторону. Луис отодвинул нить и продолжал ждать.

Избитый Чмии истекал кровью, но, пользуясь своей массой, оставался на защитнике. Луис заметил недалеко остроконечный камень, похожий на потрескавшийся топор, который мог бы проломить череп Чмии. Отпустив триггер, он прицелился в этот камень и, когда рука Тилы потянулась за ним — выстрелил!

Это мой сюрприз, Тила!

Ненис, что за запах! Я убью тебя за запах дерева жизни!

Лишенной руки и ноги Тиле приходилось туго, но как сильно она искалечила Чмии? Вероятно, оба они устали, потому что Луис заметил твердый клюв Тилы, сомкнувшийся на толстой шее кзина. Чмии изогнулся, и на мгновение за уродливым черепом Тилы не осталось ничего, кроме голубого неба, и Луис вонзил луч в ее мозг.

Потребовались совместные усилия человека и кзина, чтобы открыть челюсти Тилы, сжимавшие горло Чмии.

— Она позволила инстинктам сражаться за нее, — прохрипел Чмии. — Вы были правы, она сражалась, чтобы проиграть. Помогите нам Кдапт, если бы она сражалась ради победы.

Итак, все кончилось, если не считать крови, испятнавшей мех Чмии, синяков и боли, терзавшей его бок, если не считать запаха дерева жизни, который по-прежнему оставался здесь. А была еще Харкабипаролин, стоявшая сейчас по колено в пруду и с безумными глазами и пеной у рта пытавшаяся снять шлем.

Взяв ее под руки, они повели женщину прочь. Она сопротивлялась, да и Луису тоже приходилось бороться, чтобы заставить себя уйти от рядов дерева жизни. Чмии остановился в коридоре, стащил с Луиса шлем и бросил его в сторону.

— Дышите, Луис, — ветер дует от нас.

Луис вдохнул — запах исчез. Тогда они вместе сняли с Харкабипаролин шлем, чтобы проветрить ее скафандр, но, похоже, это ничего не дало: глаза ее продолжали оставаться безумными. Луис вытер пену с губ женщины.

— Вы можете сопротивляться? — спросил кзин. — Можете вы удерживать ее и себя от возвращения?

— Да. Никто, кроме излечившегося электродника, не может сделать этого.

- Уррр?
- Вам этого никогда не понять.
- Я и не собираюсь. Дайте мне ваш летательный пояс.

Ремни пояса были жесткими, и раны Чмии наверняка сильно болели под ними. Кзина не было всего несколько минут, а вернулся он обратно с летательным поясом Харкабипаролин, своим собственным дезинтегратором и двумя фонарями-лазерами.

Харкабипаролин вела себя спокойнее, видимо, от усталости, а Луис изо всех сил противился депрессии. Он едва расслышал, как Чмии сказал:

— Похоже, мы выиграли битву, но проиграли войну. Что нам делать дальше? Ваша женщина и я нуждаемся в лечении, может, мы сумеем добраться до посадочной шлюпки?

— Мы пойдем через «Иглу». Что вы имели в виду, говоря о проигранной войне?

— Вы же слышали слова Тилы: «Игла» в стазисе, а мы остались лишь с тем, что у нас в руках. Как можно разобраться в здешней технике без инструментов «Иглы»?

— Мы победили.— Луис чувствовал себя достаточно испуганным и без пессимизма кзина.— Тила тоже не без слабостей, в конце концов, она умерла, разве нет? Откуда ей было знать, что Хиндмост потянулся к выключателю стазиса? Зачем ему это делать?

— Но ведь защитник пробрался на корабль и его отделяла всего лишь стена.

— А разве не сидел в той же комнате кзин? Это стена корпуса Джeneral Продактс. Я бы сказал, что Хиндмост хотел отключить трансферные диски, и чуть-чуть опоздал.

Чмии обдумал такую возможность.

— У нас есть дезинтегратор.

— И всего два летательных пояса. Давайте прикинем, далеко ли мы от «Иглы». Около двух тысяч миль, почти в том направлении, откуда пришли. Ненис!

— А что делать со сломанной рукой женщины?

— Наложить шину.— Луис встал. Ему было нелегко ходить, и это поглощало столько внимания, что, найдя полосу алюминия, он не сразу вспомнил, зачем она ему. Для перевязки не было ничего, кроме сверхпроводящей ткани. Рука Харкабипаролин зловеще опухла; Луис перевязал ее, затем, пользуясь черной нитью, зашил самые глубокие раны Чмии.

Оба они могли умереть без лечения, а рассчитывать на него не приходилось. Да и сам Луис в своем нынешнем настроении мог просто сесть и умереть. Продолжай двигаться. Ненис, тебе все равно придется с этим справиться, так почему бы не сейчас?

— Натянем ремень между летательными поясами. Что тут можно использовать? Сверхпроводник недостаточно прочен.

— Нужно найти что-то, Луис, но я слишком слаб, чтобы идти на разведку.

— В этом нет нужды. Помогите мне снять с Харкабипаролин скафандр.

Пользуясь лазером, он отрезал переднюю часть скафандра и разорвал на полосы. Затем проткнул отверстия по краям остатков скафандра и пропустил сквозь них полосы прорезиненной ткани. Свободные концы полос он привязал к ремням своего летательного пояса.

Скафандр превратился в единую лямку, поддерживающую Харкабипаролин, и они надели его на нее. Женщина вела себя покорно, но ничего не говорила.

— Хорошо придумано, — сказал Чмии.

— Спасибо. Вы можете лететь?

— Не знаю.

— Попробуйте. Если приземлитесь, а потом почувствуете себя лучше, пояс останется у вас. Может, нам удастся найти достаточно большой ориентир, чтобы я мог вернуться и найти вас снова.

Пол коридора, приведшего их сюда, был испачкан: раны Чмии кровоточили, и Луис знал, что кзин очень страдает. Через три минуты полета они заметили диск диаметром шесть футов, паривший в футах от пола и груженный снаряжением.

— Мы должны были догадаться — это грузовой диск Тилы, — сказал Луис.

— Вторая часть ее игры?

— Да. Если мы уцелеем, то обязательно найдем его. — Все находившееся на диске было странно для глаз, за исключением тяжелого ящика с расплавленными замками. — Вы помните? Это медицинская аптечка со скутера Тилы.

— Она не поможет кзину. К тому же, это медицина Земли двадцатитрехлетней давности.

— Для нее это лучше, чем ничего. А вы получите противоаллергические пилюли. Кроме того, здесь нечему инфицировать вас — мы слишком далеко от Карты Кзина, чтобы бояться ваших бактерий.

Кзин выглядел совсем плохо, он не мог даже встать.

— Может, взглянете на управление поясом? — спросил он. — Я на себя не надеюсь.

Луис покачал головой.

— А зачем? Вы с Харкабипаролин забирайтесь на диск — он уже висит в воздухе; я потащу вас, а вы будете спать.

— Хорошо.

— Только сначала закрепите ей карманную аптечку и привяжитесь оба к стойке управления.

1,5×10 В ДВЕНАДЦАТОЙ СТЕПЕНИ

Они проспали почти тридцать часов, и все это время Луис ташил диск. Остановился он, лишь заметив, что Харкабипаролин проснулась.

Женщина принялась бормотать что-то об ужасном принуждении, обрушившемся на нее, об ужасе и восторге коварного зла — дерева жизни. Луис старался не обращать на это внимания, понимая, что ей нужно выговориться.

Ей хотелось, чтобы руки Луиса обнимали ее, а он не мог себе этого позволить. Он также воспользовался старой аптечкой Тилы, и когда боль в ребрах слегка утихла, вернул устройство обратно. Боли было вполне достаточно, чтобы отвлечь его от запаха, еще оставшегося в нем.

Чмии метался в бреду, и Луис помог Харкабипаролин надеть противоударные доспехи кзина. Тила разорвала их во время схватки, но все же для женщины, лежащей рядом с бредящим кзином, это было лучше, чем незащищенная кожа.

Эти доспехи спасли ей жизнь, по крайней мере, однажды, когда Чмии ударил ее, потому что она слишком походила на Тилу. Она ухаживала за кзином как могла, поила его водой и питательным раствором из шлема скафандра. На четвертый день Чмии пришел в себя, но оставался еще слабым и... прожорливым. Сиропа из скафандра человека ему было мало.

Им потребовалось четыре дня, чтобы добраться до приблизительного местонахождения «Иглы», и еще один день, чтобы пробиться сквозь стены и найти большой блок оплавленного базальта.

Спустя неделю после затвердевания камень еще был горячим. Луис оставил свой летающий диск с пассажирами далеко внизу по туннелю, которым Тила буксировала «Иглу». Надев шлем от своего скафандра, чтобы было чем дышать, он двумя руками поднял дезинтегратор и нажал на спуск.

Ураган пыли обрушился на него, и постепенно начал возникать проход, в который и вошел Луис. В нем ничего не было видно и слышался только вой уничтожаемого базальта, да треск разрядов где-то позади, где электроны вновь обретали свои свойства. Сколько же лавы расплавила Тила? Казалось, он шел сквозь нее несколько часов.

Наконец Луис ударился обо что-то.

Ого! Он заглядывал через окно в жилую комнату с кушетками и парящим кофейным столиком, однако все это выглядело каким-то мягким: нигде не было острых углов или твердых поверхностей — ничего, на что можно было бы налететь и разбить колени. Через

следующее окно виднелись огромные здания и черное небо между ними, а на улицах кишели кукольные Пирсона. И все это было вверх ногами.

Предмет, который он принял за одну из скамеек, вовсе не был ею. Достав фонарь-лазер, Луис настроил его на низкую интенсивность и посветил внутрь. Некоторое время ничего не происходило, затем уплощенная белая голова на длинной шее потянулась напиться из неглубокой чаши, изумленно дернулась и метнулась обратно под брюхо.

Луис ждал.

Кукольник встал и повел Луиса вокруг корпуса — медленно, потому что тому приходилось пробивать себе дорогу дезинтегратором, — к месту, где разместил передатчик трансферного диска снаружи — внутрь. Луис кивнул и отправился обратно за соратниками.

Десять минут спустя он был уже внутри, а через одиннадцать минут они с Харкабипаролин ели, как кзины. Голод же Чмии вообще не поддается описанию. Каварескенджаджок в страхе смотрел на него, а Харкабипаролин ни на что не обращала внимания.

Утро на космическом корабле, погребенном в застывшей лаве в десяти милях от солнечного света.

— Медицинское оборудование повреждено, — сказал Хиндмост. — Чмии и Харкабипаролин придется выздоравливать самим.

Он находился на навигационной палубе, разговаривая через интерком, и это многое могло значить. А могло и нет. С Тилой покончено, и Кольцо получило возможность уцелеть, так что кукольника ждала долгая-долгая жизнь, которую требовалось защищать. А для этого не рекомендовалось тереться плечами с чужаками.

— Я потерял контакт и с посадочной шлюпкой, и с зондом, — сказал кукольник. — Метеоритная защита стреляла перед самым прекращением связи с посадочной шлюпкой, и это кое-что значит. Связь с поврежденным зондом прервалась сразу после того, как Тила Браун попыталась пробраться на борт «Иглы».

Чмии спал (на водяной постели, совершенно один) и ел. Его восстановленная шкура вновь покрылась оригинальными шрамами, но раны уже заживали.

— Тила должна была разрушить зонд, как только увидела его. Она не могла позволить себе оставить за своей спиной опасного врага.

— За своей спиной? Кого это?

— Хиндмост, она назвала вас более опасным, чем кзин. Несомненно, это тактический ход, чтобы оскорбить нас обоих.

— И она добилась своего.— Две плоские головы на мгновение заглянули друг другу в глаза.— Итак, наши возможности уменьшились, собственно, до «Иглы» и одного зонда, оставленного на вершине горы вблизи летающего города. Приборы на нем еще работают, и я приказал ему возвращаться на случай, если мы придумаем, как его использовать. Он будет здесь через шесть дней.

— А пока перед нами вновь стоит основная наша задача, с дополнительными путями к решению и дополнительными осложнениями. Как восстановить стабильность Кольца? Мы считаем, что находимся в нужном для этого месте,— продолжал Хиндмост.— Не так ли? Поведение Тилы, противоречащее ее несомненному интеллекту...

Луис Ву не вмешивался в разговор, в то утро он сидел молча.

Каваресксенджаджок и Харкабипаролин, скрестив ноги, сидели у стены, достаточно близко, чтобы их руки соприкасались. Рука женщины была забинтована и на ремне, время от времени мальчик посматривал на нее. Разумеется, Харкабипаролин принимала обезболивающие, но не в таком количестве, чтобы впасть в оцепенение. Луис знал, что он должен сказать мальчику... если бы еще знать, как это сделать...

Строители Городов спали в грузовом трюме — все равно боязнь падения держала Харкабипаролин вдали от спального поля. Когда Луис присоединился к ним за завтраком, она предложила ему РИШАТРА.

— Только будьте осторожны с моей рукой, Лувиву.

Отказ от секса в обществе Луиса требовал особой тактичности. Он сказал, что боится растревожить ее руку, и так оно и было; к тому же у него просто не было желания. Может, на него так подействовало дерево жизни? Однако он не испытывал никакого стремления ни к желтым корням, ни даже к дозированному току электрода.

В то утро, казалось, он вообще ничего не хочет.

Полтора триллиона человек...

— Предлагаю принять мнение Луиса относительно Тилы Браун,— сказал Хиндмост.— Тила доставила нас сюда. Ее стремления совпадали с нашими, и она дала нам столько ключей к разгадке, сколько могла. Но что это за ключи? Она сражалась по обе стороны баррикад. Почему для нее было важно создать трех новых защитников, а потом убить двух из них? Луис?

Погруженный в раздумья Луис почувствовал вдруг четыре укола над сонной артерией.

— Простите?

Хиндмост повторил, и Луис энергично покачал головой.

— Она убила их с помощью метеоритной защиты. Помните два выстрела по иным мишеням, нежели наши драгоценные жизни?

Нам было позволено наблюдать это, пока мы еще не ушли в стазис,— своего рода сообщение.

— Вы полагаете, она могла выбрать другое оружие? — спросил Чмии.

— Оружие, время, обстоятельства, количество действующих защитников — у нее был значительный выбор.

— Вы что, играете с нами, Луис? Если вам что-то известно, почему вы не говорите нам?

Луис виновато взглянул на Строителей Городов — Харкаби-паролин боролась со сном, Каваресксенджаджок внимательно слушал. Парочка новых героев ждала своего шанса помочь спасти мир. Ненис!

— Полтора триллиона людей,— сказал Луис.

— Чтобы спасти двадцать восемь триллионов и нас самих.

— Вы не знаете их, Чмии, во всяком случае, не всех. Я надеялся, что кто-нибудь из вас подумает об этом. Хотел бы я попытаться увидеть кое-кого...

— Знать их? Кого?

— Валавирджиллин. Джинджерофер. Король-гигант. Мар Корсил. Лалискарирлиар и Фортаралисплиар. Пастухи, Травяные Гиганты, амфибии, Висячие Люди, Ночные Люди, Ночные Охотники... Мы предполагаем убить 5 процентов, чтобы спасти 95. Разве эти числа вам не знакомы?

За всех ответил кукольник:

— Действует всего 5% системы маневровых двигателей Кольца; ремонтная команда Тилы смонтировала их вдоль пяти процентов дуги Кольца. Именно эти люди должны умереть, Луис? Люди с этой части Кольца?

Харкаби-паролин и Каваресксенджаджок недоверчиво смотрели на него. Луис беспомощно развел руками.

— Мне очень жаль.

— Луиву! — воскликнул мальчик. — Но почему?!

— Я дал обещание,— сказал Луис. — Если бы я ничего не обещал, может, я действовал бы решительнее. Я же сказал Валавирджиллин, что спасу Кольцо, чего бы это ни стоило. Обещал спасти и ее, если смогу, но не в силах этого сделать. У нас нет времени, чтобы найти ее, чем дольше мы ждем, тем большие силы толкают Кольцо в сторону. Поэтому Валавирджиллин, летающий город, империя Людей Машин, маленькие краснокожие плотоядные и Травяные Гиганты должны умереть.

— Но это все, что мы знаем в этом мире! — сказала Харкаби-паролин.

— Мы тоже.

— Но тогда не останется ничего достойного спасения! Почему они должны умереть? И как?

— Смерть есть смерть,— ответил Луис, потом добавил: — Смертоносная радиация убьет полтора триллиона людей двадцати или тридцати видов, но только если мы сделаем все правильно. Для начала нам нужно определить, где мы.

— А где нам нужно быть? — спросил кукольник.

— В двух местах. Во-первых, там откуда управляется метеоритная защита, чтобы управлять плазменной струей солнечной вспышки, а кроме того, нам нужно отключить подсистему, заставляющую плазменную струю превращаться в лазерный луч.

— Я уже обнаружил эти места,— сказал Хиндмост.— Пока вас не было, метеоритная защита стреляла, вероятно, чтобы уничтожить посадочную шлюпку. Магнитные эффекты зашкалили половину моих приборов, но все-таки я проследил источник импульса. Токи в основании Кольца, которые вызывают и управляют солнечными вспышками, идут на точки под северным полюсом Карты Марса.

— Вероятно, оборудование нуждается в охлаждении,— заметил Чмии.

— А как с лазерным эффектом?

— Источник этих импульсов расположен прямо над нашими головами, учитывая ориентацию корабля.

— Я понял так, что мы должны отключить эту систему,— сказал Чмии.

Луис фыркнул.

— Это несложно. Я могу сделать это фонарем-лазером, бомбой или дезинтегратором. А вот научиться вызывать солнечные вспышки будет потруднее. Управление этим вряд ли рассчитано на идиотов, а у вас мало времени.

— А что потом?

— Потом мы направим нашу паяльную лампу на необитаемую территорию.

— Луис, конкретнее!

От него требовали смертельного приговора двум десяткам видов. Мальчик закрыл лицо, Харкабипаролин словно окаменела.

— Делайте все, что необходимо,— сказала она.

— Система маневровых двигателей задействована всего на 5 процентов,— начал Луис.

Чмии ждал.

— Действуют они на горячих протонах, приходящих от солнца,— солнечном ветре.

— Да,— сказал кукольник.— Заставив солнце вспыхнуть, мы увеличим поступление топлива и тем самым движущую силу раз в двадцать. Жизнь под воздействием вспышки вымрет или чудовищно мутирует, а давление на Кольцо усилится во столько же раз. Маневровые двигатели или вернут нас в безопасное место, или взорвутся.

— У нас нет времени переделывать их, Хиндмост.

— Не имеет значения, даже если Луис ошибается,— вставил кзин.— Тила осматривала эти двигатели во время монтажа.

— Верно. Не будь они достаточно прочными, она бы нашла способ увеличить их коэффициент безопасности и защититься от слишком сильной солнечной вспышки. Она знала, что это возможно,— все та же двойственность мышления.

— Управление вспышкой не так уж необходимо нам,— продолжал Чмии.— Мы отключаем систему, генерирующую лазерный луч, а затем, если нужно, передвигаем «Иглу» туда, куда должен прийти удар, и используем ее как мишень: разгоняем, пока не сработает метеоритная защита. «Игла» — неуязвима.

Луис кивнул.

— Так мы сделаем нашу работу быстрее и убьем меньше людей. Хотя... да нет, мы можем сделать это, можем.

Хиндмост отправился с ними осматривать устройство метеоритной защиты, хотя никто не предлагал ему этого. Приборы, которые они сняли с «Иглы», управлялись губами и языком кукольника, и когда он предложил Луису научить его управлять приборами с помощью зубочистки и пинцета, тот только посмеялся над ним.

Хиндмост провел несколько часов в закрытой части «Иглы», затем вывел их наружу через туннель. Грива его была расчесана и раскрашена в сотни цветов. Каждому хочется хорошо выглядеть на своих похоронах, подумал Луис, гадая, не окажется ли это именно так.

Использовать бомбу против лазерной подсистемы не потребовалось. Поиски выключателя заняли у Хиндмоста целый день и потребовали снять целый диск оборудования, но в конце концов они своего добились.

Паутина сверхпроводящих кабелей имела свой центр в скрите в двадцати милях под северным полюсом Карты Марса. Они обнаружили центральную колонну высотой в двадцать миль, где под скритовой оболочкой размещались насосы, охлаждающие Карту Марса, и комплекс на самом ее дне несомненно был центром управления. Вход представлял собой лабиринт огромных воздушных шлюзов и, чтобы пройти через каждый, требовалось решить своего рода конструкторскую головоломку. Хиндмост справился и с этим.

Наконец они прошли сквозь огромную дверь, за которой находился ярко освещенный купол с сухой почвой, подиумом в центре и запахом, который заставил Луиса развернуться и бежать, спасая свою жизнь, таща за собой изумленного Каварескенджаджока. Воздушный шлюз закрылся прежде, чем мальчик начал сопротив-

ляться; Луис ударил его по голове и побежал дальше. Они прошли через три шлюза, и лишь тогда он позволил себе остановиться.

Тут их и догнал Чмии.

— Дорога ведет через участок почвы под искусственным освещением. Автоматика вышла из строя, но несколько растений еще уцелели, и я узнал их.

— Я тоже, — ответил Луис.

— Я узнал этот слегка неприятных запах.

— Я не почувствовал никакого запаха! — закричал мальчик. — Почему вы ударили меня? Почему тащили меня за собой?

— Флуп, — сказал Луис. До него только сейчас дошло, что Каварескенджаджок слишком молод и запах дерева жизни ничего не значит для него.

Поэтому мальчик Строителей Городов пошел с чужаками. А Луис Ву так и не увидел, что происходило в центре управления, он вернулся на «Иглу» один.

Зонд находился от них в нескольких световых минутах, и голограммное окно горело внутри черного базальта, сразу за стеной корпуса «Иглы», показывая изображение камеры зонда: тусклая звезда, несколько менее активная, нежели Солнце. Хиндмост должен был повысить ее активность, прежде чем уйти.

Кость руки Харкабипаролин срослась немного криво: портативная аптечка Тилы не предназначалась для этого. И все-таки она срослась. Гораздо больше Луиса беспокоило ее эмоциональное состояние.

Без своего привычного окружения и перед пламенем, готовым поглотить все, что она помнила, женщина переживала культурный шок. Луис нашел ее на водяной постели, разглядывающей расходящее солнце. Она кивнула, когда он приветствовал ее, и это было ее единственное движение за несколько часов.

Луис попытался вызвать ее на разговор, но это оказалось ошибкой — женщина хотела забыть свое прошлое.

Дело пошло лучше, когда он начал объяснять ей физику происходящего — основы этой науки были ей знакомы. Не имея доступа к компьютеру «Иглы» и голограммному оборудованию, он рисовал ей графики на стенах и размахивал руками. Кажется, она понимала его.

На вторую ночь после своего возвращения он проснулся и увидел, что она сидит на водяной постели и задумчиво смотрит на него, держа на коленях фонарь-лазер. Встретившись со взглядом ее остекленевших глаз, он махнул рукой, повернулся и вновь заснул. И ничего не случилось.

Днем они с Харкабипаролин смотрели на пламя, снова и снова извергаемое солнцем, и говорили очень мало.

Спустя один фалан (десять оборотов Кольца).

Далеко вверх по дуге Кольца ярко горела двадцать одна свеча, не менее ярко, чем корона гиперактивного солнца, выглядывавшая из-за краев теневых квадратов.

«Игла» по-прежнему оставалась в базальте под Картой Марса, а ее команда вглядывалась в голограммные окна с изображениями, передаваемыми камерами зонда. Зонд этот покоился на краю обрыва Карты Марса, на замерзшей двуокиси углерода, куда марсиане предпочитали не заглядывать.

Растения, животные и люди между двумя этими рядами гигантских свечей уже должны были умирать — подобная погерь населения опустошила бы весь человеческий космос. Валавирджиллин наверняка удивляется, почему умер ее отец, почему саму ее так часто рвет, не является ли это частью всеобщей гибели и что делает сейчас человек из Звездных Людей.

Однако с пятидесяти семи миллионов миль ничего этого не было видно. Они видели только огни двигателей Баззарда, сжигающих обогащенное топливо.

— С удовольствием сообщая вам, — сказал Хиндмост, — что центр масс Кольца движется от солнца. Через следующие шесть или семь оборотов можно будет привести метеоритную защиту в исходное состояние, чтобы стреляла по метеоритам. Пяти процентов эффективности маневровых двигателей будет достаточно, чтобы удерживать конструкцию на месте.

Чмий довольно заворчал, Луис и Строители Городов продолжали смотреть на голограмму, горевшую в глубине черного базальта.

— Мы победили, — сказал Хиндмост. — Луис, вы поставили мне задачу, размер которой сравним лишь с размером самого Кольца, а ставкой сделали мою жизнь. Сейчас я могу смириться с вашей уверенностью в нашей победе, но не более того. Или вы меня поздравите, или я отключу вам воздух.

— Поздравляю, — сказал Луис Ву, а женщина и мальчик, сидевшие по другую сторону от него, расплакались.

Чмий фыркнул.

— Победителю принадлежит право как минимум на внутреннее ликование. Вас волнуют смерти, причиной которых вы явились? Это цена вашего уважения, выплаченная добровольно.

— Я не дал им никакого выбора. Послушайте, я же не требую, чтобы вы испытывали чувство вины...

— А почему я должен его испытывать? Не хочу никого обидеть, но все умирающие — гуманоиды. Они не вашего вида, Луис, не моего и, уж конечно, не Хиндмоста. А я — герой, спасший два обитаемых мира, населенных моим видом. Или почти моим.

— Разумеется, я понимаю вашу позицию.

— А сейчас, опираясь на развитую технологию, я намерен основать империю.

Луис заставил себя улыбнуться.

— Почему бы и нет? На Карте Кзина?

— Я думал об этом и, пожалуй, предпочитаю Карту Земли. Тила говорила, что кзины-исследователи правили Картой Земли; по своему духу они более похожи на народ-завоеватель моего родного мира, чем декаденты с Карты Кзина.

— А знаете, вероятно, вы правы.

— К тому же, на Карте Земли они воплотили давнюю мечту моего народа.

— Какую?

— Завоевание Земли, идиот.

На этот раз Луис смеялся долго. Завоевание земель обезьян!

— *Sic transit gloria mundi*¹. А как вы собираетесь попасть туда?

— Думаю, будет несложно освободить «Иглу» и отвести обратно к Монс Олимпус...

— Это мой корабль, — тихо заметил Хиндмост, и все же голос его услышали. — И управление предназначено для меня. «Игла» отправится туда, куда я захочу.

— И где же это место? — спросил Чмии.

— Нигде. У меня нет особой необходимости оправдывать себя. Вы не принадлежите к моему виду, да и как можете вы причинить мне вред? Снова сожжете мой гиперпространственный двигатель? Однако пока мы союзники, и я объясню вам.

Чмии встал у передней стены, внимательно глядя на кукольника: когти выпущены, мех вокруг шеи взъерошен.

— Я нарушил традицию, — продолжал Хиндмост. — Я продолжал действовать, когда смерть могла в любую секунду коснуться меня. Моя жизнь была ставкой в игре почти две декады, и опасность при этом росла почти асимптотически. Риск миновал, и я сослан, но жив. Мне нужно отдохнуть. Можете ли вы понять мою потребность в отдыхе? На борту «Иглы» у меня есть все удобства, которые я когда-либо видел; мой корабль погребен в камне, между двумя слоями скрита, прочность которого сопоставима с прочностью корпуса «Иглы», у меня здесь тихо и безопасно. Если когда-нибудь я почувствую необходимость в исследованиях, миллиард кубических миль Ремонтного Центра Кольца находится прямо за моей стеной. Я именно там, где хотел бы оказаться, и остаюсь здесь.

¹ Так проходит мирская слава (лат.).

В ту ночь Луис и Харкабипаролин занимались РИШАТРА. (Впрочем, нет: любовью.) Уже некоторое время они не делали этого, и Луис боялся, что желание ушло. Потом она сказала ему:

— Я стала женой Каваресксенджаджока.

Это он заметил. Но она имела в виду навсегда, разве не так?

— Поздравляю.

— Здесь не место для воспитания ребенка.— Она не сказала: «Я беременна», но, разумеется, была.

— Строители Городов должны жить по всему Кольцу, и вы можете поселиться где угодно. Честно говоря, я хотел бы пойти с вами,— сказал Луис.— Мы спасли этот мир, и все мы будем героями, если кто-нибудь поверит нам.

— Но, Луис, мы же не можем уйти! Мы даже не сможем дышать на поверхности, наши скафандры изодраны, и мы находимся в центре Великого Океана!

— Не нужно отчаиваться,— ответил Луис.— Можно подумать, мы оказались нагишом между Магеллановыми Облаками. «Игла» не единственное наше средство передвижения, есть еще тысячи летающих дисков. Есть космический корабль, такой большой, что Хиндмост видел на глубинном радаре лишь его часть. Мы выберем что-нибудь из этого.

— А ваш двухголовый союзник не попытается остановить нас?

— Совсем наоборот. Хиндмост, вы слушаете?

— Да,— ответил потолок, и Харкабипаролин подскочила.

— Вы в самом безопасном месте, какое можно представить на Кольце,— сказал Луис.— Вы сами назвали его так. И самая большая опасность для вас исходит от чужаков на борту вашего корабля. Разве не должны вы желать избавиться от нас?

— Должен. У меня есть предложение. Может, разбудить Чмии?

— Нет, мы поговорим завтра.

Прямо на краю обрыва находилось место, где начинала конденсироваться вода, откуда ее поток падал вниз. Это была вертикальная река, водопад высотой в двадцать миль, и основанием его служило облако тумана, закрывавшего сотни миль моря.

Камера зонда, направленная вниз с этой стороны Карты Марса, не показывала ничего, кроме падающей воды и белого тумана.

— Но в инфракрасном свете картина иная,— сказал Хиндмост.— Смотрите...

Туман скрывал корабль, узкий треугольный корабль странной конструкции, без единой мачты. Э-э, секундочку, подумал Луис. Двадцать миль вниз. Да эта штука должна быть в милю длиной!

— Почти,— согласился Хиндмост.— Тила говорила, что украла у кзинов корабль-колонию.

— О'кей,— Луис уже все решил для себя.

— Я снял дейтериевый фильтр с зонда, который потом уничтожила Тила,— сказал Хиндмост,— и могу заправить этот корабль. Путешествие Тилы было изнурительным, но вашему вовсе не обязательно быть таким. Для исследований и торговли, когда достигнете берега, вы можете взять летающие диски.

— Хорошая идея.

— А может, хотите действующий дроуд?

— Никогда больше не спрашивайте об этом, хорошо?

— Хорошо. Но ваш ответ уклончив.

— Верно. Не могли бы вы снять пару трансферных дисков с «Иглы» и установить их на этот корабль? Это даст нам возможность вернуться, если начнутся серьезные неприятности.— Он заметил, что глаза кукольника смотрят друг в друга, и добавил: — Это может спасти вашу жизнь. Где-то еще есть защитник, и благодаря нам он не может сейчас покинуть Кольцо.

— Я могу сделать это,— сказал Хиндмост.— И этого вам достаточно, чтобы добраться до материка?

— Да,— сказал Чмии.— Долгое путешествие... на сотни тысяч миль. Луис, ваш народ считает морские путешествия успокаивающими.

— На этом море оно будет скорее развлекательным. Нам нечем плыть в направлении вращения, в обратном направлении находится Карта неизвестного мира, и она почти в два раза ближе.— Луис улыбнулся Строителям Городов.— Каваресксенджаджок, Харкабипаролин, хотите лично проверить некоторые легенды? А может, и создать несколько новых...

СЛОВАРЬ

АРКА. Кольцо, как оно видно с поверхностью. Некоторые туземцы верят, что их мир — это ровная плоскость, увенчанная узкой параболической аркой.

ARM. Полиция Объединенных Наций. Юрисдикция ограничена системой Земля — Луна.

ЗОННИК. Гражданин пояса астероидов Солнечной системы.

КОНТРОЛЬНЫЙ ЦЕНТР. См. **РЕМОНТНЫЙ ЦЕНТР.**

ЧИЛТАНГ БРОНЕ. Устройство Строителей Городов, лучи которого позволяли твердым предметам (грузу, пассажирам и т. д.) проходить сквозь скрит.

ДРОУД. Небольшое приспособление, втыкаемое в череп токового наркомана. Посылает импульсы слабого тока в центр наслаждений мозга.

ГЛАЗ ШТОРМА. Узор ветров, образующийся вокруг метеоритной пробоины в основании Кольца.

КОЛЕНЧАТЫЙ КОРЕНЬ. Растение Кольца, используемое для создания изгородей.

ФЛОТ МИРОВ. Пять планет кукольников.

СКУТЕР. Одноместный корабль, использовавшийся для исследований во время первой экспедиции на Кольцо.

ФЛУП. Грязь, скапливающаяся на морском дне.

ФУУХ (ФУУХЕСТ). Каменные скамьи, расставленные в охотничьих парках кзинов.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КОСМОС. Группа звездных систем, заселенных человечеством.

ИЗВЕСТНЫЙ КОСМОС. Пространство, известное человечеству по исследованиям собственным или других видов.

ПОСАДОЧНАЯ ШЛЮПКА. Основной термин для корабля класса земля-орбита.

ВНЕШНИЕ. Разумная форма жизни, чья биохимия основана на жидком гелии и термоэлектричестве. Корабли Внешних бродят между звездами на субсветовых скоростях, торгуя информацией.

ГИПЕРПРИВОД ВНЕШНИХ. Двигатель, позволяющий перемещаться быстрее скорости света. Никогда не использовался самими Внешними, но широко применяется для межзвездных путешествий видами известного космоса.

ГИПЕРПРИВОД КВАНТУМ П. Разработан кукольниками Пирсона, позволяет путешествовать значительно быстрее, чем гиперпривод Внешних.

РЕМОНТНЫЙ ЦЕНТР. (Гипотетический) Центр технического обслуживания и управления Кольца.

РИШАТРА. Занятие сексом вне собственного вида (но среди гуманоидов).

СКРИТ. Строительный материал Кольца. Скрит подстилает все внутренние и оконтуривает внешнюю поверхность Кольца. Краевые стены также сделаны из скрита. Очень плотный, с высокой прочностью на растяжение, олагодаря силам, удерживающим атомные ядра.

ТРАНСФЕРНЫЕ ДИСКИ. Телепортационная система, используемая на Флоте Миров. (Остальные известные расы используют менее изощренный метод — закрытые трансферные кабины.)

СЛИВНЫЕ ГОРЫ. Горы, расположенные вдоль краевой стены. Имеют свою собственую экологию. Одна из стадий циркуляции флупа.

СПАГЕТТИ. Растение Кольца, внешний вид которого ясен из названия. Съедоб-

СТАЗИС. Состояние, в котором время течет очень медленно. Соотношение может достигать полумиллиарда лет реального времени и нескольких секунд в стазисе. Предмет в стазисе практически неуязвим.

НЕНИС. Сленговый акроним, образованный от «Нет никакой справедливости». Используется в качестве вводного слова.

ТАСП. Устройство, воздействующее на расстоянии на центр наслаждения человеческого мозга.

ТОЛКАТЕЛЬ. Безынерционный двигатель, обычно замещает ядерные ракеты всех кораблях, особенно военных.

КОЛБАСНОЕ РАСТЕНИЕ. Растение Кольца, похожее на дыню или огурец, но растущее цепочками. Из утолщений отходят пучки корней. Растет в сырых местах. Съедобно.

ПАРАМЕТРЫ КОЛЬЦА

30 часов = 1 день.

1 оборот = 7,5 дня.

75 дней = 10 оборотов = 1 фалан.

Масса = 2 на 10^{31} граммов.

Радиус = 0,95 на 10^8 миль.

Окружность = 5,97 на 10^8 миль.

Ширина = 997 000 миль.

Площадь поверхности = 6 на 10^{14} кв. миль = 3 на 10^{16} поверхности Земли (приблизительно).

Поверхностная сила тяжести = $31 \text{ фут/сек}^2 = 0,992 \text{ же}$.

Краевые стены поднимаются на высоту 1000 миль.

Звезда Г3, приближающаяся к Г2, меньше и холоднее Солнца.

СОДЕРЖАНИЕ

Урсула Ле Гуин.

ЛЕВАЯ РУКА ТЬМЫ.

Перевод М. А. Кабалкина

1. Празднество в Эргенранге	5
2. Страна в сердце метели	21
3. Безумный король	25
4. День девятнадцатый	36
5. Приручение предчувствия	38
6. Одна дорога в Оргорейн	57
7. Вопрос пола	71
8. Другая дорога в Оргорейн	78
9. Эстравен-изменник	97
10. Беседы в Мишнори	101
11. Монологи в Мишнори	115
12. О времени и тьме	127
13. На ферме	128
14. Бегство	142
15. Ко Льду	153
16. Между Драммером и Дремменгоулом	169
17. Орготский миф о сотворении мира	181
18. На Льду	183
19. Возвращение	200
20. Напрасная надежда	217
Приложение	230

Ларри Найвен

ИНЖЕНЕРЫ КОЛЬЦА

Перевод И. Е. Невструева

Посвящение	235

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1. Под электродом	237
Глава 2. Насильно завербованная команда	247
Глава 3. Призрак среди экипажа	255
Глава 4. Смещение центра	259
Глава 5. Удаление симптомов	263

Глава	6.	Вот мой план...	271
Глава	7.	Решающий момент	280
Глава	8.	Кольцо	287
Глава	9.	Пастухи	295
Глава	10.	Гамбит Бога	303
Глава	11.	Травяные гиганты	311
Глава	12.	Солнечники	318

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава	13.	Исходные точки	326
Глава	14.	Запах смерти	334
Глава	15.	Люди Машин	342
Глава	16.	Стратегия торговли	351
Глава	17.	Движущееся солнце	360
Глава	18.	Теневая ферма	367
Глава	19.	Летающий город	372
Глава	20.	Экономика Лиар	381
Глава	21.	Библиотека	389
Глава	22.	Большое воровство	399

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава	23.	Решающее предложение	407
Глава	24.	Контрпредложение	415
Глава	25.	Семена империи	424
Глава	26.	Под водами	433
Глава	27.	Великий Океан	440
Глава	28.	Карта Кзина	449
Глава	29.	Карта Марса	457
Глава	30.	Сложная взаимосвязь	465
Глава	31.	Ремонтный Центр	474
Глава	32.	Защитник	481
Глава	33.	1,5×10 в двенадцатой степени	490
Эпилог			497
Словарь			501
Параметры Кольца			503

Литературно-художественное издание

ИНЖЕНЕРЫ КОЛЬЦА

Фантастические романы

Составитель
БАРСОВ
Сергей Борисович

Редакторы Н. В. Резанова, И. А. Мудрова
Художественный редактор А. В. Гришин
Технический редактор Г. В. Стачева
Корректор М. А. Машина

Сдано в набор 30.03.93. Подписано к печати 28.01.94. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага книжно-журнальная и газетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл.-печ. л. 29,76. Уч.-изд. л. 34,25. Усл. кр.-отт. 31,16. Тираж 50 000 экз. Заказ № 4070. С 004.

Издательство «Флокс», 603000, Нижний Новгород, ул. Костина, 20.
ГИПП «Нижполиграф», 603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

«ВЕНЕЦИАНСКИЙ КИНЖАЛ»

**В сборнике «Венецианский кинжал»,
выходящем в серии
«Детектив. Детектив. Детектив»,
читайте следующие произведения:**

**Кэртер Диксон «ЧИТАТЕЛЬ ПРЕДУПРЕЖДЕН»
Яцек Йоахим «ВЕНЕЦИАНСКИЙ КИНЖАЛ»
Уильям Прендергаст «МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ»**

**Издательство «Флокс»
в 1994 году
в серии «ЗОЛОТАЯ ПОЛКА ФАНТАСТИКИ»
издает следующий том
избранных произведений
известного российского
писателя-фантаста
Владимира Савченко.**

**В него войдут:
ОТКРЫТИЕ СЕБЯ. Роман.
ПОХИТИТЕЛИ СУТЕЙ. Повесть.
ПЯТОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ГУЛЛИВЕРА. Повесть.
ВСТРЕЧНИКИ. Повесть.**

**Некоторые произведения публикуются впервые.
Произведения этого писателя читают в Европе, Японии, Португалии,
Бразилии, Канаде, США.**

**В 1994 году
издательство «Флокс»
выпустит сборник французского писателя
Джимми Гийо,
включающий в себя три романа:**

«На стыке времен» и «Возвращение богов» — диалогия о путешествии в параллельном потоке времени в истории Земли и сражении с обществом «падших ангелов»; и «Гибель жизни» — футурологическая фантастика о зарождении на планете Земля новой расы — «синих людей».

ЗОЛОТАЯ ПОЛКА ФАНТАСТИКИ

В серии «Золотая полка фантастики» в 1994 году издательство «Флокс» выпускает сборник произведений Юрия Брайдера и Николая Чадовича. В него войдут романы «Евангелие от Тимофея» и «Клинки максаров», повесть «Стрелы Перуна с разделяющимися боеголовками», а также рассказы. Значительная часть произведений публикуется впервые.

**В 1994 году
выйдет роман
знаменитого американского писателя
Артура Хейли
«В высших сферах».**

В благополучной Канаде сталкиваются судьбы премьер-министра страны Джеймса Мак-Каллэма Хаудена и «человека без родины», молодого эмигранта Анри Дюваля. Удастся ли им воплотить в жизнь свои мечты — столь не похожие друг на друга?..

**Издательство «Флокс»
в 1994 году
романом Г. Петрченко
«Рюрик» начинает выпускать книги
о русской истории.**

Роман рассказывает о жизни варягов-руси до прихода на Русь и в первые годы после их переселения к нам в процессе становления русской государственности.

ROBIN